

В созвездии слов и имен

Сборник научных статей
к юбилею Марии Эдуардовны Рут

В созвездии слов и имен

Сборник научных статей к юбилею
Марии Эдуардовны Рут

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2017

УДК 81(063)
ББК Ш.я434
В11

Редакционная коллегия:

Е. Л. Березович (отв. ред.), Е. О. Борисова (отв. секр.), Т. Н. Дмитриева,
Н. В. Кабинина, А. А. Макарова, О. Д. Сурикова, Л. А. Феоктистова

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Н. В. Лабунец;
кандидат филологических наук, доцент И. И. Русинова

В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею Марии
В11 Эдуардовны Рут / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.),
Т. Н. Дмитриева, Н. В. Кабинина и др. — Екатеринбург :
Изд-во Урал. ун-та, 2017. — 592 с.

ISBN 978-5-7996-1915-2

Сборник приурочен к юбилею доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета Марии Эдуардовны Рут. Это известный отечественный лингвист, организатор и популяризатор науки, специалист в области ономастики, ономасиологии, этимологии, истории русского литературного языка, диалектной лексикологии, лексикографии, контактологии. Сборник объединил статьи, отражающие различные направления научной деятельности юбиляра. Авторами статей стали ученики юбиляра – представители Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики, а также коллеги из различных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Петрозаводска, Вологды, Сыктывкара, Новосибирска, Волгограда, Кемерово, Томска) и из-за рубежа (из Чешской Республики и Польши). Сборник будет востребован специалистами в целом ряде областей лингвистики, а также краеведами, учителями.

УДК 81:39
ББК Ш100.0я43

На обложке:

П. А. Попов, монотипия «Умиротворение» (цикл «Импровизации»)

Фото на авантитуле Д. Емельянова

Содержание

Слово о юбиляре (К. С. Верхотурова, Т. Н. Дмитриева, Л. А. Феоктистова)..... 7

1. Этимология

<i>Аникин А. Е.</i> Две историко-типологические заметки	16
<i>Березович Е. Л.</i> Еще раз о русском диалектном демониме <i>кулеи</i>	26
<i>Варбот Ж. Ж.</i> Возможный источник слова <i>кандибобер</i>	46
<i>Дмитриева Т. Н.</i> К истории и этимологии топонимов бассейна реки Пелым	52
<i>Дронова Л. П.</i> Славяно-германские связи в представлении о вредном	67
<i>Иванова Е. Э.</i> К этимологии топонима <i>Серга</i>	77
<i>Куркина Л. В.</i> Этимологии русских лексических диалектизмов (<i>тромай,</i> <i>закалу́ка, во́лоб</i>).....	91
<i>Толстая С. М.</i> Ошибка по-русски	107
<i>Янышкова И.</i> К названиям ольхи в славянских языках.....	124

2. Ономастика

<i>Варникова Е. Н.</i> К вопросу о системности русской зоонимии	133
<i>Гейн К. А.</i> Из заметок по топонимической идеографии	147
<i>Горяев С. О.</i> Астронимы в эрго- и прагматонимии.....	155
<i>Костылев Ю. С.</i> Топонимия Новой Земли советского периода номинации как искусственная система	169
<i>Кузьмин Д. В., Муллонен И. И.</i> От формы к содержанию: метафора формы в карельской топонимии.....	184
<i>Макарова А. А.</i> Основы со значением ‘талый’ в топонимии Русского Севера	204
<i>Смирнов О. В.</i> Основы со значениями ‘верхний’ — ‘нижний’, ‘малый’ — ‘большой’ в субстратной топонимии исторических мерянских земель	222
<i>Фомин А. А.</i> «Мистер Джон Ланкастер Пек»: поэтоним как маска персонажа	245

3. Ономасиология, мотивология, словообразование

<i>Вепрева И. Т.</i> Актуальные универбы в современной речевой практике.....	264
<i>Голев Н. Д., Сологуб О. П.</i> Антиномический анализ тенденций к универсальному и национально-специфическому в номинации (на примере обозначений птиц в разных языках).....	274
<i>Голикова Д. М.</i> Из наблюдений над мотивацией отантропонимических названий животных во французском языке.....	292
<i>Голомидова М. В.</i> Архетипы онимической номинации: индикатив, дедикатив, дездидератив	302

<i>Гридина Т. А.</i> Онимизация апеллятива как основа порождения игрового текста: экспериментальные данные	321
<i>Коган Е. С.</i> К вопросу об авторских модификациях фразеологических единиц (на примере творчества М. Щербакова)	344
<i>Михайлова О. А.</i> Метафора в астрономии	361

4. Этнолингвистика

<i>Бартминьский Е.</i> Оскар Кольберг — этнограф, фольклорист, предтеча этнолингвистики (пер. с польск. Э. Бялек)	372
<i>Бунчук Т. Н.</i> Протосемантика обрядового термина в «тексте» народной культуры: наименования мужа, принятого в дом жены	387
<i>Коновалова Н. И.</i> Рациональное и эмоциональное в семантике демонологемы	401
<i>Небжеговска-Бартминьска С.</i> Звезды говорят о человеке: польские народные астрономические приметы и предсказания в этнолингвистическом аспекте (пер. с польск. Е. О. Борисовой)	413
<i>Спирidonов Д. В., Феоктистова Л. А. Мария, Maria, Marie:</i> наброски к языковому портрету	434

5. Диалектология

<i>Воронцова Ю. Б., Галинова Н. В.</i> К изучению мотивации композитов, образованных от глаголов с семантикой поедания (на материале русской лексики и антропонимии)	453
<i>Кабина Н. В.</i> Об одном семантическом гапаксе в говорах Архангельского Поморья	466
<i>Мищенко О. В.</i> Некоторые наблюдения над семантикой диалектных слов	478
<i>Мызников С. А.</i> Субстрат и лексическое проникновение (на материале русской диалектной лексики Северо-Запада России)	500
<i>Супрун В. И.</i> Деаффрикация как фонетическое явление и ее отражение в языках и говорах	516
<i>Теуш О. А.</i> Лексика со значением 'остров' в диалектах Европейского Севера России	530

6. Историческая лексикология

<i>Анциферова О. Н.</i> Из наблюдений за лексическим составом «Письмовника» Н. Г. Курганова	543
<i>Иванова Е. Н.</i> Функционирование антропонимов в деловых письмах А. Н. Демидова	553
<i>Кюришунова И. А.</i> К проблеме картографирования материалов исторической антропонимии	560
<i>Олехнович О. Г.</i> Имена иностранных специалистов в документах Аптекарского приказа XVII в.	577
Сокращения	585

Слово о юбиляре*

2017 год стал юбилейным для *Марии Эдуардовны Рут* — доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, крупного специалиста в области ономастики, ономасиологии, исторической и диалектной лексикологии, диалектной лексикографии, истории русского языка, этимологии и этнолингвистики, соруководителя (вместе с Е. Л. Березович) Уральской ономастической школы, основанной А. К. Матвеевым.

М. Э. Рут родилась 30 марта 1947 г. в поселке Полуночное Ивдельского района Свердловской области, в семье горного инженера и учительницы начальных классов. Родители Марии Эдуардовны — ленинградцы, попавшие на Урал в годы Великой Отечественной войны. В 1965 г. Мария Эдуардовна с золотой медалью окончила среднюю школу в городе Первоуральске и поступила на филологический факультет Уральского университета. С этого времени и по сей день ее жизнь неразрывно связана с университетом.

Под руководством А. К. Матвеева, открывшего многим своим ученикам горизонты познания русской диалектной лексики и ономастики, в студенческие годы Мария Эдуардовна начала увлеченно заниматься научной работой. Темой исследования, предопределившей путь молодого ученого в науке, стала русская народная астрономия (первая статья М. Э. Рут «Принципы номинации некоторых астрономических объектов» вышла в 1970 г. в сборнике «Вопросы

---

* Статья представляет собой доработанный вариант следующей публикации: *Верхотурова К. С., Дмитриева Т. Н., Феоктистова Л. А.* В созвездии Рут // Изв. Урал. гос. ун-та. 2007. № 49. Сер. 2. «Гуманитар. науки». Вып. 13. С. 350–353.

топономастики», издаваемом коллективом кафедры русского языка и общего языкознания).

Еще будучи студенткой, Мария Эдуардовна проявила незаурядный талант организатора научной работы. В то время в университете развивалась деятельность СНО — студенческих научных обществ. Мария Эдуардовна была первым председателем СНО, созданного на филологическом факультете в 1969 г. Под ее руководством регулярно выпускалась стенгазета «Вестник СНО», в которой рассказывалось о работе студенческих научных кружков на кафедрах факультета. В 1970 г. по инициативе СНО была проведена первая межвузовская студенческая конференция по диалектологии и ономастике, которая для многих, в том числе и для самой Марии Эдуардовны, стала первым шагом в большую науку. Среди участников этой конференции были известные ныне ученые Н. Д. Голев (Барнаул), В. И. Супрун (Волгоград), Г. А. Раков (Томск), Л. И. Шелепова (Барнаул) и др. С этого времени и до начала 1990-х гг. подобные конференции проводились регулярно и приобрели статус всероссийских; затем студенческие межвузовские конференции, организуемые кафедрой, были возрождены уже в нынешнем столетии под названием «Слово в традиционной и современной культуре»¹.

С отличием закончив университет в 1970 г., М. Э. Рут два года проработала учителем русского языка и литературы в средней школе города Первоуральска и в 1972 г. поступила в аспирантуру при кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ. В 1975 г. в ученом совете Томского университета защитила кандидатскую диссертацию на тему «Русская народная астрономия и ее связь с астрономией других народов СССР».

Названия созвездий и звезд, их образующих, были и остаются одним из основных объектов исследовательского внимания М. Э. Рут — крупнейшего специалиста в этой области ономастики.

---

¹ Внимание к научной молодежи проявляется и в других значимых научных мероприятиях, инициатором которых становилась и становится кафедра: серии всероссийских совещаний по русской диалектной этимологии, а также цикле международных конференций «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология». Душа всех этих научных форумов — Мария Эдуардовна.

Результаты исследований в области астрономии освещены в ряде статей, учебном пособии «Русская народная астрономия» (Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987), книге для школьников «Звезды рассказывают о Земле» (Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990) и предназначенном для широкой аудитории уникальном словаре — «Словарь астрономов. Звездное небо по-русски» (М.: АСТ ПРЕСС КНИГА, 2010). Если попытаться проследить путь этого звездочета от ономастики в науке, можно не без удивления отметить, что звезды, оказывается, на самом деле способны влиять на судьбу человека...

Альфой и омегой того созвездия, под которым родилась Мария Эдуардовна как ученый, можно считать образную номинацию, о чем говорят названия защищенной в 1994 г. докторской диссертации «Образная ономастика в русском языке: ономаσιологический аспект» и монографий: «Образная номинация в русском языке» (Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992), «Образная номинация в русской ономастике» (М.: Изд-во ЛКИ, 2008). Интерес к образной номинации оформился в ходе изучения русской народной астрономии: названия созвездий, как известно, нередко имеют метафорическую природу. От наблюдений за картой звездного неба и образной номинацией в самых разных аспектах (происхождение отдельных астрономов, принципы номинации созвездий, вопросы типологии и контактологии в области народной астрономии, идеографическая классификация образных номинаций и пр.) — один шаг к изучению языкового образа (картины) мира на материале ономастической и апеллятивной лексики. Образная номинация представляет определенную свободу (быть может, бóльшую, чем другие типы номинации) в выборе средств выражения, и осуществляя этот выбор, субъект номинации прежде всего эксплицирует в языковой форме свое видение мира.

С вопросом о языковой картине мира тесно связан вопрос о том, кто является ее носителем: этнос, другой социум или же индивидуум? Рассуждая о макро- и микросистемах в ономастике, М. Э. Рут замечает: «Крайней ситуацией ономастического микросоциума является индивидуум — это вытекает из самой природы имени собственного, для которой принципиальна не только индивидуализация

объекта, но и индивидуализация субъекта номинации»². Очевидно, интерес самой исследовательницы к языковой личности — будь то носитель определенной ономастической системы (микротопонимов, антропонимов, астрономов, урбанонимов и др.), рядовой диалектоноситель или носитель русского языка XVIII–XIX вв. (А. Н. и П. А. Демидовы, А. С. Пушкин, В. И. Даль) — также проистекает из многолетних занятий теорией номинации и изучения роли индивидуума в создании имен собственных (и словотворчестве вообще). Вместе с тем это заинтересованное внимание к языковой личности обнаруживает в Марии Эдуардовне, которая сама владеет языком просто виртуозно, истинного гуманиста.

Марии Эдуардовне Рут принадлежит разработка оригинальной концепции образной номинации, типологии языковой номинации, ономастикона языковой личности, ею осуществлены глубокие и изящные интерпретации происхождения целого ряда онимов и диалектных слов, рассмотрены вопросы о лингвокультурологической информативности имен собственных, о роли языковой игры в различные периоды развития русского литературного языка, о подаче характеристик слов в диалектной лексикографии, о методике полевого сбора ономастического и диалектного материала и т. п. Научные труды М. Э. Рут внесли существенный вклад в развитие нескольких областей лингвистики и широко известны как в России, так и за рубежом, особенно среди диалектологов, славистов и финно-угроведов.

Имя собственное и нарицательное, языковой образ и языковая личность являются константами научной деятельности М. Э. Рут и находят отражение в других сферах научной и общественной жизни: в полевом сборе языкового материала и его лексикографической обработке, в научно-просветительской деятельности и преподавании.

В послужном списке М. Э. Рут многолетнее активное участие в работе топонимической экспедиции (от рядового участника до начальника экспедиции), руководство учебно-методической комиссией

---

² См.: Рут М. Э. К вопросу о макро- и микро- в ономастике // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 20.

филологического факультета, членство в ученом совете факультета и двух советах по защите докторских диссертаций при университете и мн. др.

С 1997 по 2001 г. М. Э. Рут — заместитель главного редактора серии «Гуманитарные науки» «Известий Уральского университета», а с 2004 г. — активный участник редколлегии и заместитель главного редактора общероссийского журнала «Вопросы ономастики». Издаваемый кафедрой русского языка и общего языкознания совместно с Институтом русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук журнал «Вопросы ономастики» ныне стал международным, а с 2016 г. входит в базу Scopus, в чем немалая заслуга Марии Эдуардовны.

Она является членом двух специализированных советов по защите докторских диссертаций — по специальностям «Русский язык и литература», «Теория языка» (в последнем совете — заместитель председателя). Более пяти лет возглавляла государственную экзаменационную комиссию по русскому языку и литературе в Уральском государственном педагогическом университете. В течение нескольких лет была председателем предметной комиссии по русскому языку и литературе, работавшей на приемных экзаменах в УрГУ, 15 лет возглавляла учебно-методическую комиссию филологического факультета, на протяжении 30 лет заведует секцией историко-лингвистических дисциплин при кафедре.

Мария Эдуардовна продолжила начатые А. К. Матвеевым на Среднем Урале и Русском Севере работы по сбору местной топонимии и лексики, на протяжении 15 лет (1976–1991) была заместителем и 10 лет (1991–2001) — начальником Топонимической экспедиции Уральского университета. Под ее руководством проводилось полевое обследование многих районов Архангельской, Вологодской, Костромской областей, ряда районов Свердловской области. Эта работа М. Э. Рут измеряется сотнями пройденных километров и десятками тысяч написанных карточек, но что еще важнее — она внесла огромный вклад в разработку и совершенствование методики сбора материала, в расширение круга языковых фактов, подлежащих фиксации, она воспитала несколько поколений

«полевиков», привив им трепетное отношение к делу и людям, с которыми их сводят экспедиционные дороги.

На основе собранного на Урале лексического материала был издан семитомный «Словарь русских говоров Среднего Урала» (1964–1987) и том дополнений к нему (1996), в чем М. Э. Рут также принимала активное участие. С 2001 г. она вместе с А. К. Матвеевым возглавляла работу над издаваемым коллективом кафедры многотомным «Словарем говоров Русского Севера», основанным на полевых материалах экспедиции, а с 2010 г. является главным редактором этого словаря. В свет вышли уже шесть томов, седьмой том (буква Л) готовится к печати.

Мария Эдуардовна — автор более чем 150 научных и учебно-методических работ. О чем бы она ни писала, всегда обнаруживая широту научных интересов, глубину и точность мышления, умение видеть научную проблему под разными углами, Мария Эдуардовна при этом никогда не забывает об адресате. Среди читателей она в первую очередь видит своих учеников. М. Э. Рут воплощает собой абсолютно гармоничный синтез талантливого ученого и блестящего педагога, для которого эти два «полушария» профессиональной деятельности немислимы друг без друга. Мария Эдуардовна обладает удивительным даром увлекательно и просто рассказывать о сложных научных явлениях любой аудитории, будь то студенты, учителя или учащиеся школ, для которых ею прочитано огромное количество научно-популярных лекций. И совершенно неслучайно «Этимологический словарь русского языка для школьников» (Екатеринбург: У-Фактория, 2003; Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2009), автором которого является М. Э. Рут, — прекрасный образец популярного издания, пробуждающего интерес учащихся к истории родного языка.

Что касается учебной деятельности М. Э. Рут, то ею разработаны и на протяжении многих лет читаются курсы по истории русского языка, истории русского литературного языка, введению в славянскую филологию, старославянскому языку, древнерусскому языку, латинскому языку, спецкурсы по основам ономастики, ономасиологии, образной номинации и др. М. Э. Рут работает и работала со студентами филологического и исторического факультетов, факультета

искусствоведения и культурологии, а также со студентами из Китая, Монголии и др., изучающими русский язык как иностранный.

Без всякого преувеличения можно сказать, что М. Э. Рут — один из самых ярких и харизматичных лекторов филфака: ее лекции всегда отличаются филигранной языковой игрой, фееричным юмором и поистине звездным артистизмом. О таких преподавателях говорят, что они лекции не читают, они их играют.

Всю свою жизнь Мария Эдуардовна работает на старейшей и самой крупной лингвистической кафедре филологического факультета — кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ (ныне УрФУ): с 1975 по 1978 г. в должности ассистента, с 1978 по 1996 г. — доцента, с 1996 г. по настоящее время — в должности профессора. На протяжении 20 лет она была заместителем заведующего, и вот уже 12 лет (с 2005 г.) заведует кафедрой. Под ее руководством коллектив кафедры освоил новые бакалаврские и магистерские программы, ведет активную научную и учебную работу, обеспечивая преподавание ряда дисциплин у студентов-филологов, историков, культурологов, биологов.

Под руководством М. Э. Рут выполнены многие десятки курсовых, дипломных и выпускных работ, подготовлены и защищены магистерские диссертации, а также 14 кандидатских (О. Н. Анциферова, К. С. Верхотурова, М. Н. Гафурова, С. О. Горяев, Н. В. Гулятьева, С. А. Ерёмкина, Е. Н. Иванова, Ю. С. Костылев, В. В. Липина, О. Г. Олехнович, Ю. В. Пинжакова, Е. В. Попова, Е. Н. Топорова, Н. В. Шимкевич). Для своих учеников Мария Эдуардовна становится не просто компетентным советчиком, а мудрым наставником, абсолютно не ограничивающим их внутренней свободы, но при этом в высшей степени тонко и деликатно направляющим в нужное русло. Ее выпускники работают преподавателями вузов, учителями русского языка и литературы, редакторами, журналистами и др.

М. Э. Рут является создателем и бессменным научным руководителем существующей при кафедре проблемной группы³

---

³ Проблемными группами в университете с 1980-х гг. стали называться кафедральные научные кружки, объединяющие студентов и преподавателей.

«Язык и мир» (первоначальное название — «Образная номинация в русском языке»), которая продолжила традиции кафедрального семинара по диалектологии, этимологии и ономастике А. К. Матвеева, никогда не противопоставлявшего «взрослую» и «студенческую» науку. В рамках этой проблемной группы на протяжении уже 35 лет удается объединять студентов, аспирантов, выпускников и сотрудников кафедры — лингвистов разных поколений, от первокурсников до профессоров, и обсуждать самый широкий спектр актуальных научных проблем. Сложно переоценить ту роль, которую проблемная группа играет в становлении восходящих звезд отечественной лингвистики: здесь они не только получают возможность апробировать свои опусы, услышать самые разные замечания и оценки, но и приобретают уникальный опыт научной рефлексии. Участие в работе проблемной группы способствовало научному становлению более чем тридцати кандидатов и двух докторов наук.

Большое внимание М. Э. Рут уделяет популяризации научной работы, ее связи с преподаванием русского языка в высших и средних учебных заведениях: она выпустила 25 учебных и учебно-методических пособий; неоднократно выступала в средствах массовой информации Екатеринбурга, читала лекции на курсах повышения квалификации учителей, была членом жюри олимпиад школьников и т. п.

Мария Эдуардовна пользуется огромным авторитетом на кафедре, филологическом факультете, в Институте гуманитарных наук и искусств УрФУ, а также в других вузах и школах Свердловской области. Это творческий, инициативный, исключительно трудолюбивый, ответственный, самоотверженный человек, один из создателей факультета в его современном виде.

Можно только восхищаться поистине неисчерпаемым творческим потенциалом, феноменальной работоспособностью, абсолютной бескорыстностью, альтруизмом и обостренным чувством справедливости, требовательностью и чуткостью, обаянием и личностной силой Марии Эдуардовны, которая была и остается для коллег и учеников путеводной звездой и в науке, и в жизни.

---

* * *

Тематические разделы настоящего сборника отражают широту научных интересов юбиляра: этимология, ономастика, ономазиология, мотивология и словообразование, этнолингвистика, диалектология, историческая лексикология. В сборник вошли статьи 43 авторов, среди которых — соратники и коллеги Марии Эдуардовны по кафедре и факультету; ее ученики — как начинающие свой путь в науке, так и уже достигшие весомых результатов; ряд известных отечественных и зарубежных исследователей, тесные научные контакты с которыми продолжаются многие годы.

Коллектив кафедры русского языка и общего языкознания и все авторы этого сборника сердечно поздравляют Марию Эдуардовну Рут с юбилеем и желают здоровья, удачи, вдохновения, новых научных свершений!

*К. С. Верхотурова
Т. Н. Дмитриева
Л. А. Феоктистова*

1. Этимология

А. Е. Аникин

Новосибирск

Две историко-типологические заметки

Статья состоит из двух частей. Первая содержит отклик на хорошо известные труды М. Э. Рут в области астронимии. Приводятся типологические параллели, служащие лучшему пониманию двух названий Млечного Пути: русского сибирского диалектизма *чумница* и якутского *айыы уолун хайысарын суола*. Речь идет по преимуществу о параллелях типа ‘лыжный след (мифического героя)’ — в тунгусо-маньчжурских, кетском, обско-угорских, селькупском и других языках. Вторая часть содержит соображения, касающиеся лингвистических (лексических) аспектов интерпретации изображения рыбы — татуировки на ноге скифского вождя из второго Пазырыкского кургана. Рассмотренный во второй заметке языковой материал может учитываться при попытках реконструкции семантики татуировки лишь как вспомогательный.

К л ю ч е в ы е с л о в а: астронимы, Млечный Путь, языки Сибири, археология, татуировка, семантика, интерпретация, данные языка.

1. К происхождению и типологии одного русского астронима: диал. *чумница*

Рус. прианг. *чумница* ‘созвездие Млечный Путь’ [Цомакион, 1960, 98]¹, несомненно, следует отождествить с диал. *чумница* ‘след после прохода на лыжах’ и далее связать с *тумнице* ‘лыжня’ [СРГП, 4, 82]. Последнее, по-видимому, — производное с суффиксом *-ице* на основе заимствования из эвенкийского языка, ср. эвенк. *тулнэжэк* ‘лыжня, лыжный след’, ‘Млечный Путь’ (производное с суффиксом *-жэк*), *тулнусин-* ‘отправиться на лыжах по насту’ [Аникин, 2000, 565, 675]. Ввиду рус. *чумница* с начальным *ч-* можно предположить эвенк. **чулн-* (чередование *ч-/т-*) и развитие *-лн- > -мн-* на русской почве.

Рассматриваемые астронимы естественно связать с представлением о Млечном Пути как пути мифологического героя (сына неба), охотившегося за космическим лосем, которое широко известно в разных сибирских традициях и отразилось в многочисленных космонимах [Иванов, 1992, 116]². Конкретнее, рус. *чумница*, скорее всего, отразило эвенкийские обозначения Млечного Пути как лыжного следа мифического богатыря Манги — эвенк. *Маңй* (= *маңй* фольк. ‘великан, сказочный богатырь’, также ‘медведь’ и др.): *Маңй жанкән*, *Маңй кичнэжэнэн*, *Маңй тулнэжэк* — букв. ‘лыжный след Манги’, также *Маңй ұзан* ‘тропа Манги’ [ТМС, 1, 530; Василевич, 1969, 210]. Ср. ороческое название: *Маңи хоктони* ‘след, оставшийся от богатыря Манги, преследовавшего лосиху с лосенком’ [ТМС, 1, 530]. Эвенк. *маңй* в значении ‘медведь’ может быть табуистическим названием зверя (‘медведь’ < ‘великан’), но не исключено, что это слово само сохраняет основу образа Манги (‘великан’ < ‘медведь’).

Вместе с тем имеется сравнение тунгусо-маньчжурского слова с бурят. *мангад*, *мангадхай*, монг. *мангас*, письм.-монг. *manγuys* ‘сказочное чудовище, которое пожирает людей’, якут. (< монг.) *маньс*,

¹ При обращении ранее к астронимической тематике автору настоящей публикации доводилось касаться по преимуществу названий Большой Медведицы [см.: Аникин, 1990, 18–22; 1991, 37–41; 2012, 242–251].

² См. также разыскания Ю. Е. Березкина, в частности: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/146-61.htm>. Труды Березкина охватывают, как известно, не только мифы о звездном небе.

монус ‘обжора, ненасытный’ [ТМС, 1, 530]. К этому же ряду относится, видимо, и редкое бурят. *мангад* ‘русский’ [Janhunen, 1997, 162].

С упомянутыми выше мифологическими представлениями следует связать также якут. *айыы уолун хайысарын суола* ‘Млечный Путь’ — зафиксированное в якутском фольклоре название с буквальным значением ‘след, оставленный добрым духом мужского пола, когда он проходил по небу на лыжах’ [Пекарский, 1958, 2342]³. Это обозначение, по всей видимости, также сложилось под эвенкийским влиянием.

Еще несколько названий, отражающих упомянутый общесибирский миф о Млечном Пути как пути мифологического героя [Рут, 2003, 527]:

- кет. *Дохорэ кут*, букв. ‘след Доха (мифологического героя, поднимавшегося к солнцу)’. Известен кетский фольклорный сюжет о Млечном Пути как о лыжном следе сына неба, ушедшего охотиться на запад и там замерзшего [Алексеенко, 1976, 87];

- сельк. (сев.) *Йн тольчилъ вэтты*, букв. ‘лыжный след Йя (сказочного героя по имени Й или Йй, исходно сына небесного бога)’, также *Nūn Ijan wətti*⁴ или *Нун̄ ит̄ вэтты* ‘дорога сына неба’, также *қишкяль вэтты*, букв. ‘звездный путь’. По одному из мифов, Йй отправился на лыжах охотиться и замерз, на небе остался след его лыж — Млечный Путь [Кузнецова, 2004, 170; Тучкова, 2004, 216; Прокофьева, 1976, 108]. Южным селькупам Млечный Путь представлялся «каменной рекой» [Тучкова, 2004, 216], что находит аналогию в чукот. *Cigæj-véæm*, букв. ‘песчаная река’ [Богораз, 1937, 11];

- энецк. *D’ia-uzi* ‘Дорога Ди’а’ [JSW, 53]⁵. Млечный Путь возникает оттого, что Ди’а (трикстер) ходит по небу на лыжах (ищет дочь солнца);

³ Несколько иное понимание того же якутского текста: ‘лыжня, проложенная сыном неба’ [Гоголев, 1983, 27]. Лыжный след мог быть оставлен мифологическим героем по имени *Хаарылла Мохсогол*, который гонялся за оленем [Макаров, 1985, 8]. Ср. якут. *хаарылла* ‘больной, невзрачный, тощий’.

⁴ Сообщение Е. А. Хелимского.

⁵ По поводу энецкой формы В. Ю. Гусев дал следующее пояснение: по данным Е. А. Хелимского, энецкий облик имени Ди’а — *d’ii?a*, названия дороги — *идi*. Писать *z* вместо *δ* в принципе можно (они не противопоставляются), но *z* нецелесообразно.

- нен. *Ёмбу* (*Jõmbu*, *Jõmbo*) *ламбита*⁷ма, букв. ‘лыжня Ёмбу (трикстера)’;
- манс. (сев.) *Моś-хум-јосä(η) l’āñха*, букв. ‘лыжня Мось-хума (мифологического охотника)’ [WWB, 123, 178, 316]⁶;
- хант. *Тунк-рох рәнт* ‘путь Тунк-поха (верховного божества)’⁷.

Некоторые южные тунгусо-маньчжурские названия Млечного Пути включают указание на мифологическое имя неудачливого героя, совпадающее с названием кабарги: ульч. *уžэ* ‘кабарга’, *уžэ солилахани*, *уžэ поэтони* ‘дорога кабарги’, ‘Млечный Путь’ (= ‘дорога кабарги’) при удэг. *уž’а* ‘кабарга’, ‘имя неудачливого героя’ [ТМС, 2, 250; Смоляк, 1976, 136]. Такое совпадение можно понять как результат переноса названия кабарги на мифологического героя, охотившегося на это животное. Неудачливость героя типологически соответствует упомянутым персонажам самодийской мифологии *Jõmbu*, *D’ia* и сельк. *Йй* (*Нун Йй*), которые выступают как слабые, неприспособленные существа, действующие с помощью не силы, а плутовства, коварства и шантажа⁸.

К рассматриваемому типу тяготеют, видимо, названия типа алт. *Кардын дьолы* ‘снежная дорога’, ср. *кар* ‘снег’, *дьол* ‘дорога’), хакас. *Хро чолы* ‘покрытая инеем дорога’, ср. *хро* ‘снег’).

Как весьма отдаленную типологическую параллель рассматриваемых астронимов можно расценить такие названия Млечного Пути, как *Батыев путь*, *Батеева дорога* и под. (ю.-рус.), от имени хана *Батя* (монг. *Vatu*), также *Мамаева дорога* от имени татарского военачальника *Мамая* (ср. тат. *tataj* ‘чудовище, которым пугают детей’ [см.: Аникин, 2000, 372]). Эти обозначения, описанные как

⁶ То же название записано Топонимической экспедицией УрГУ. В [WWB] дается ряд мансийских названий Млечного Пути, построенных по иным моделям: ‘путь, ведущий на юг’, ‘утиный путь’, ‘сенная страда’, ‘хлебная страда’ и др. В. А. Никонов [1980, 248] суммирует подобные модели в «мировом масштабе»: ‘путь похитителя соломы’, ‘путь соломы (сена, мякины)’, ‘путь птиц’, ‘лыжный след’, ‘небесный шов’, ‘река’, ‘дорога животных’. Некоторые из них затрагиваются в настоящей публикации.

⁷ Обско-угорский материал см. подробнее в [Erdödi, 1970, *passim*; Никонов, 1980, 250].

⁸ См.: [Хелимский, 1992, 399–401; Аникин, Хелимский, 2007, 138]. В последней работе изложено вполне убедительное выведение (Е. А. Хелимский) нен. *Jõmbu*, *Jõmbo* из эвенк. *јэмбу* и др. ‘худой, хилый, слабый’.

относящиеся к модели «военная дорога»⁹, близки к другим «дорожным» славянским астрономам для Млечного Пути — ‘дорога бога и святых’, ‘дорога душ и предков’, ‘дорога к святыням’, ‘дорога возчиков соли’, ‘птичья дорога’, ‘соломенная дорога’ [Белова, 2004, 264–266]. *Дорога татарская на Святую Русь* тяготеет к названиям вроде укр. *Шлях в Київ*, польск. *Droga do Rzymu* [Рут, 1987, 13; Березович, 2000, 277, 284; Журавлев, 2005, 788–789; РЭС, 2, 278].

Продолжая ряд типологических параллелей рассматриваемых астрономов, уместно привести якут. *Халлаан Сиигэ* ‘Млечный Путь’ с буквальным значением ‘небесный шов’. Название включает слова *халлаан* ‘небо’ и *сиик* ‘шов’. Последнее восходит к деривату от тюрк. **йиги-* ‘шить, сшивать’, родственного письм.-монг. **žiji-* ‘составлять из отдельных кусков, шить’, бурят. *зүй-* ‘шить (из лоскутов)’, ‘надставлять, пришивать’ [ЭСТЯ, 197]. Это название естественно соотносится с представлениями якутов о способности неба раскрываться [Пекарский, Попов, 1928, 24].

Названия с точно такой же внутренней формой обнаруживаются в монгольских языках: бурят. *Тэнгэрийн зүйдэл*, монг. *Тэнгэрийн заадал* (*заадас*), букв. ‘небесный шов’¹⁰. Ср. бурят. *тэнгэри* ‘небо, небеса’, письм.-монг. *tengri* ‘небо, божество’, монг. *тэнгэр* ‘небо, небеса’, ‘гром, погода’, бурят. *зүйдэл*, монг. *заадал*, *заадас* ‘шов’. Известно еще одно аналогичное обозначение в монгольских языках: бурят. *Тэнгэрийн оёдол*, монг. *тэнгэрийн оёдол*, калм. *Тэңгрин уйдл*¹¹, ср. бурят. *оёдол* ‘шов’ и др.

Якутское название Млечного Пути *Халлаан сиигэ*, как и синонимичное тув. *Дээр тиш*, вероятно, калька монгольских космонимов [Никонов, 1980, 252]. Тув. *дээр* ‘небо’ этимологически связано с хакас. *tiğir*, др.-тюрк. *tāğri* ‘небо’ [см.: Татаринцев, 2, 330–331]¹²

⁹ Возможно, ‘дорога супостата’?

¹⁰ См. об этих словах в словаре Э. К. Пекарского [1958, 2208]. Известны и иные бурятские представления об этом созвездии, в частности как о дороге небесных бурханов.

¹¹ Также название улицы в Элисте и культурной организации в Калмыкии.

¹² Др.-тюрк. *tāğri*, согласно перспективной этимологии Хелимского [2000, 260], может быть родственно *tāğiz* ‘море’, хотя имеются и иные решения.

и упомянутыми словами монгольских языков; тув. *тиг* ‘трещина’, ‘шов’ восходит к тому же этимону, что и якут. *сиик*.

2. Вытатуированное изображение рыбы: поиски языковых ресурсов интерпретации образа

На правой ноге скифского вождя из второго Пазырыкского кургана — одного из шести, открытых в 1947 г. С. И. Руденко¹³, — вытатуировано изображение рыбы. Возникает интересная проблема интерпретации этого образа, допускающая лингвистический аспект. В своей богатой материалом и идеями книге об искусстве звериного стиля на материале пазырыкской культуры Д. В. Черемисин не упустил и этот аспект. Речь идет главным образом о прослеживаемой в разных языках этимологической связи между названиями икроножной мышцы и рыбьей икры, как, например, в случае с рус. *икра* (рыбы и ноги) или голл. *kuit*, о чем говорится в словаре М. Фасмера [2, 125], на который ссылается Черемисин [2008, 43]. Обсуждая с ним в свое время данную тему, я, к сожалению, упустил возможность предоставить в его распоряжение важную работу финно-угроведа О. Садовски [Sadovszky, 1975], на которую в свое время обратил мое внимание Е. А. Хелимский¹⁴. Соображения О. Садовски излагаются ниже с некоторыми комментариями и оговорками.

Опираясь на открытия С. И. Руденко, он дал типологию евразийских примеров типа рус. *икра*, исходя, в общем, из того же вполне рационального допущения, что и Д. В. Черемисин, а именно: изображение рыбы на ноге вождя отражает фрагмент картины мира древних обитателей Центральной Азии. В мифопоэтических представлениях о мире нога ассоциируется с опорой универсума,

¹³ Татуировка имеется и на теле так называемой Алтайской принцессы, открытой Н. Полосьмак и В. И. Молодиным в 1993 г., но изображение рыбы здесь отсутствует.

¹⁴ Склонять фамилию Садовски, видимо, не следует. Фамилию Хелимский, принадлежащую к российской культуре в гораздо большей степени, чем к немецкой, конечно, склонять желательно. По рассказу Евгения Арнольдовича, однажды в Гамбурге он участвовал в следующем коротком диалоге на русском языке по телефону с некоей дамой: «Могу я поговорить с профессором Хелимски?» — «Я слушаю». После небольшой паузы дама повесила трубку. Возможно, устыдилась речевой ошибки?

а у некоторых центральноазиатских этносов в качестве такой опоры выступает рыба. Икра рыбы может связываться также с представлением о плодородии [ср.: Соколов, 1992, 392–393; Черемисин, 2008, 43–44]. Согласно О. Садовски, и у финно-угров, и у индоевропейцев, к которым принадлежали скифы, прослеживается представление о человеческой ноге ниже колена как о подобии рыбы: берцовая кость уподобляется рыбьему хребту, а прилегающая к ней плоть, задняя часть голени, — рыбьему брюшку с икрой. Так, лат. *piscis* дало итал. *pesce* ‘рыба’, но в некоторых романских диалектах стало обозначением икры ноги, ср. логудорское *piske de sa gamba* [Meyer-Lübke, 1968, 542]. Итал. *pesce* в значении ‘локтевая мышца’ (устар.) показывает, что рыбе может уподобляться (но гораздо реже) и другая часть тела. Сходно рус. диал. *икра́* ‘мышца руки’ (юг Урала); а в украинском *ікра* ‘икра рыбы’, также диал. ‘вымя коровы’; сходно в говоре польских горных пастухов: *икра* ‘вымя овцы, козы’ [ЭССЯ, 8, 217].

Еще примеры из работы О. Садовски: эст. *sääre-mari* ‘икра ноги’ (*säär* ‘нога’, *mari, marja* ‘ягода’) и *kala-mari* ‘икра рыбы’ (*kala* ‘рыба’) — буквально «ного-ягоды», «рыбо-ягоды», олон. *mähändüis* ‘икра ноги’, *mähändü* ‘икра рыбы’, коми-зыр. *kok-pök* ‘икра ноги’ (*kok* ‘нога’, *pök* ‘икра рыбы’), аналогичные примеры в водском, людиковском, северо-карельском, финском, хантыйском, кольско-саамском. В венгерском находим славизмы: *lábikra* ‘икра ноги’ (*láb* ‘ноги’), *halikra* ‘икра рыбы’ (*hal* ‘рыба’).

Рус. *икра* восходит к праслав. **jьkra* ‘икра (рыбы, ноги)’. Слово является общеславянским (особенно в значении ‘икра рыбы’), ср., помимо указанных примеров, блр. *ікра́* ‘икра ноги’, ‘икра рыбы’. Праслав. **jьkra* близкородственно балтийским словам в форме *pluralis*: лит. *ikrai* ‘икра рыбы’, ‘икра ноги’, лтш. *ikri* ‘то же’, прус. *ussroy* ‘икра ноги’ [Топоров, 3, 36]. Невозможно согласиться, что эти слова — славизмы [ср.: ЭССЯ, 8, 219].

Многочисленные примеры этимологического родства обозначений икры как части ноги (тела) и рыбьей икры основаны на общем для них семантическом элементе — ‘вспухшее, набухшее (ком, глыба)’, что объясняет и принадлежность к праслав. **jьkra* таких

слов, как др.-рус. *укра* ‘льдина’, ст.-рус. *кра* ‘то же’, и пр. [ЭССЯ, 8, 219], в связи с чем Садовски обращает внимание на факты типа англ. *calf* ‘икра ноги’, ‘льдина’ [Sadovszky, 1975, 152].

Правдоподобно предположение (в цитированной работе О. Садовски и трудах некоторых других авторов) о том, что индоевропейское название рыбы типа лат. *piscis*, англ. *fish* и т. п. представлено и в санскр. *picchā* ‘икра рыбы’, что существенно ввиду отсутствия других аналогий указанного названия рыбы в индоиранских языках.

Рассмотренный языковой материал едва ли может рассматриваться как имеющий решающее значение для реконструкции семантики изображения рыбы, вытатуированной на ноге вождя из пазырыкского захоронения, но может учитываться как вспомогательный при попытках такой реконструкции, как это и было сделано в работах О. Садовски и Д. В. Черемисина. Весьма вероятно, что соответствующая лингвистическая аргументация может быть усилена.

-
- Алексеевко Е. А.* Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.) / отв. ред. И. С. Вдовин. Л., 1976. С. 67–105.
- Аникин А. Е.* К типологии названий Большой Медведицы в языках Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1990. № 3. С. 18–22.
- Аникин А. Е.* Из сибирской космоимии // Славистика. Индоевропеистика. Нострафика : к 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо : тез. докл. / ред. колл.: Р. В. Булатова, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. М., 1991. С. 37–41.
- Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., доп. М.; Новосибирск, 2000.
- Аникин А. Е.* Лексикологические заметки: *Пай-Хой* и *Камень. Небесный лабаз* // Язык и прошлое народа : сб. ст. памяти чл.-корр. РАН, проф. А. К. Матвеева / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2012. С. 242–251.
- Аникин А. Е., Хелимский Е. А.* Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007.
- Белова О. В.* Млечный Путь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 264–266.

- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
- Богораз В. Г.* Луораветланско-русский словарь. Л., 1937.
- Василевич Г. М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XIX в.). Л., 1969.
- Гоголев А. И.* Историческая этнография якутов. Якутск, 1983.
- Журавлев А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
- Иванов Вяч. Вс.* Астральные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. Т. 1. М., 1992. С. 116.
- Кузнецова А. И.* *Ҕишкӕль вэтты* // Мифология селькупов / науч. ред. В. В. Напольских. Томск, 2004. С. 170.
- Макаров Д. С.* Народная мудрость: знания и представления. Якутск, 1985.
- Никонов В. А.* География названий Млечного Пути // Ономастика Востока / ред. колл.: Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов, В. В. Цыбульский. М., 1980. С. 242–261.
- Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Л., 1958.
- Пекарский Э. К., Попов Н. Н.* Среди якутов. Случайные заметки // Очерки по изучению Якутского края. Вып. 2. Иркутск, 1928. С. 23–53.
- Прокофьева Е. Д.* Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера / отв. ред. И. С. Вдовин. М., 1976. С. 106–128.
- Рут М. Э.* Русская народная астрономия. Свердловск, 1987.
- Рут М. Э.* Русская народная астрономия на общеславянском фоне // XIII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации / отв. ред. А. М. Молдован. М., 2003. С. 524–533.
- РЭС — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.
- Смоляк А. В.* Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера / отв. ред. И. С. Вдовин. М., 1976. С. 129–160.
- Соколов М. Н.* Рыба // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. Т. 2. М., 1992. С. 392–393.
- СРГП — Словарь русских говоров Прибайкалья : в 4 т. / под ред. Ю. И. Кашевской. Иркутск, 1986–1989.
- Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск, 2000–. Т. 1–.
- ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю : в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л., 1975–1977.
- Топоров В. Н.* Прусский язык : словарь : в 5 т. М., 1980.
- Тучкова Н. А.* *Нун ӱт вэтты* // Мифология селькупов / науч. ред. В. В. Напольских. Томск, 2004.

- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева : в 4 т. 2-е изд. М., 1986–1987.
- Хелимский Е. А.* Самодийская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. Т. 2. М., 1992. С. 399–401.
- Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- Цомакион Н. А.* Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Ч. 2. Вып. 1. Красноярск, 1960.
- Черемисин Д. В.* Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры. Семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск, 2008.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М., 1974–. Вып. 1–.
- ЭСТЯ — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. 3. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д». М., 1989.
- Erdödi J.* Uráli czillagnevek és mitológiai magyarázatuk. Budapest, 1970.
- Janhunen J.* The Russian monsters. On the Etymology of an ethnonimic complex // *Studia Etymologica Cracoviensia*. V. 2 / ed. by M. Stachowski. Kraków, 1997. P. 159–165.
- JSW — *Katzschmann M., Puszta J.* Jénissej-Samojedisches (Enzisches) Wörterverzeichnis. Hamburg, 1978.
- Meyer-Lübke W.* Romanisches Etymologisches Wörterbuch. 4-e Aufl. Heidelberg, 1968.
- Sadovszky O. J.* The Concepts of the ‘calf of the leg’ and ‘fish eggs’ and the Tattooed Man of Pazyryk 2 // *Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum*. Pars I : *Acta linguistica*. Tallinn, 1975. P. 149–154.
- WWB — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1986.

* * *

Аникин Александр Евгеньевич
доктор филологических наук,
академик РАН,
заведующий сектором русского
языка
Институт филологии Сибирского
отделения РАН
630090, Новосибирск,
ул. Николаева, 8
E-mail: alexandr_anikin@mail.ru

Anikin, Aleksandr Evgenyevich
DrHab, Full Member of the Russian
Academy of Sciences
Head of the Department of Russian
Institute of Philology of the Siberian
Branch of the Russian Academy
of Sciences
8, Nikolayev str.,
630090, Novosibirsk, Russia
E-mail: alexandr_anikin@mail.ru

Two Notes on Etymology and Lexical Typology

The article consists of two notes. The first is a reply to Maria Rut's well-known works in the study of astronyms (names of celestial bodies). It contains typological parallels serving for a better understanding of two names used for the Milky Way in the Russian dialects of Siberia and in the Yakut language — with reference to the lexical units meaning 'ski trail (of a mythological hero)' from Tungusic, Ket, Ob-Ugric, Selkup and other languages. The second part contains some considerations regarding the linguistic (lexical) aspect of the interpretation of an image of a fish — a tattoo on the leg of a Scythian tribal chief buried in Pazyryk mound 2. Linguistic data considered in the second note, though not crucial for the reconstruction of the tattoo's meaning, can be taken into account when trying such a reconstruction.

К е у w o r d s: astronimy, the Milky Way, Siberian languages, archaeology, tattoo, semantics, interpretation, language data.

Е. Л. Березович

Екатеринбург

Еще раз о русском диалектном демониме *кулеш**

В статье рассматривается русское диалектное слово *кулеш* и близкие в фонетическом и словообразовательном планах лексемы, обозначающие персонажа низшей демонологии и ряженого (*кулеш-менец*, *кулик* и др.). Излагаются различные версии относительно происхождения изучаемых слов. Авторская гипотеза строится с опорой на новые фиксации лексем (в том числе на неопубликованные материалы Топонимической экспедиции Уральского университета). Автор поддерживает мнение этимологов о заимствованном характере лексем со значением 'нечистая сила' (из коми-перм.

---

* Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

kul' ‘злой дух’) и предлагает новую мотивационную версию для слов, обозначающих ряженных: они сформировались в гнезде слав. *kuliti и имели первоначальное значение преворачивания → оборотничества. Встретившись в лексическом пространстве говоров, бытующих на коми-русских контактных территориях, эти слова образовали единое морфосемантическое поле и даже — в ряде случаев — общие лексико-семантические парадигмы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: этимология, семантико-мотивационная реконструкция, этнолингвистика, русская диалектная лексикология, демонимия, финно-угорские заимствования.

В статье рассматривается русское диалектное слово *кулеши* и близкие в фонетическом и словообразовательном планах лексемы, обозначающие персонажа низшей демонологии и ряженого. Об этих словах задумывались классики лингвистики, фольклористики и этнографии — В. И. Даль, А. А. Потебня и Д. К. Зеленин (см. далее); в последнее время они тоже привлекали внимание исследователей [см.: Власова, 2008, 274; Черепанова, 1983, 85; Морозов, Слепцова, 2004, 556–557, 846; Русинова, 2014; Синица, 2010, 43–45 и др.]. Относительно происхождения данных лексических единиц есть разные точки зрения, но вопрос не имеет пока, как представляется, окончательного решения. Думается, важную роль в его рассмотрении смогут сыграть новые полевые записи, в том числе неопубликованные материалы, которые собирали сотрудники Топонимической экспедиции Уральского университета (ТЭ УрФУ) в восточных районах Вологодской и Костромской областей в 2009–2016 гг. Забегая вперед, надо сказать, что изучаемая группа слов явно имеет сложное, гетерогенное происхождение, потому здесь особенно важны все варианты лексем и контексты, в которых содержится описание персонажей и могут проявиться этимологические связи. Они будут щедро приводиться в статье (несмотря на то, что этим создается некоторая монотонность). Цель статьи — дать этнолингвистический «портрет» *кулеши* (в двух его ипостасях) и выявить происхождение элементов связанного с ним лексического комплекса.

Значения изучаемых слов

1. ‘Персонаж низшей демонологии’

Ранние фиксации слова в этом значении принадлежат В. И. Далю и Д. К. Зеленину: влг. *куляши* ‘чертенок, водяной’: «На Крещенье куляши из воды вылазят, почему и не ходят по воду, чтобы не зачерпнуть куляша» [Даль, 2, 217], вят. *кулиши́* ‘в суеверных представлениях — маленькие чертенята разных цветов, появляющиеся во множестве в деревнях на Святках’ (Зеленин) [СРНГ, 16, 69], вят. *куляш*: «А коля <огда> петух пропел, какие же дурные кулешы? Все згибли да пропали! Наше мисто <место> свято!» [Зеленин, 1930, 99]. Имеется также фиксация 1898 г. из Соликамского уезда Пермской губернии: *кулешáта* ‘в суеверных представлениях — нечистая сила, находящаяся на подчинении у колдуна’ [СРНГ, 16, 60]. После этих ранних фиксаций, попавших в [СРНГ], был значительный перерыв, когда лексема не появлялась в словарях.

Новые словарные фиксации демони́ма принадлежат уже лингвистическим и этнографическим источникам начала XXI в. Сгруппируем их по основным фонетико-словообразовательным вариантам:

- влг. *куляши́* ‘злые духи, черти, разгуливающие, по поверьям, на улицах деревень во время Святков, озорничающие и пугающие людей’ [Морозов, Слепцова, 2004, 846]¹, вят. *куляш* ‘представитель нечистой силы, мифологический персонаж рождественских праздников’: «Под Рождество все куляши беснуются»; «Пряди, пожалуй, нет ума-ту! Куляш придёт, умчит тя» [ОСВГ, 5, 149]; перм. *кулеш́и*, *кулешáта* ‘нечистая сила, находящаяся в подчинении у колдуна’: «Они, колдуны-те, дают на осине лист считать. <Кому дают?> Кулешатам-ту. Они работу просят. Кулешам-то, кулешатам. Их кулешатами называли. Он <колдун> говорит, с кулешатами знатся. <Это кто?> А эти, как их описать, ну как же, но, кулеш, нечисты-те, сила» [Русинова, 2014, 237];

¹ И. А. Морозов и И. С. Слепцова приводят также формы *кулеса́*, *кулеш́и*, *куликí*, но неясно, относятся ли они собственно к демони́му или же имеют значение ‘ряженный’, которое тоже выделяется авторами у этого слова.

▪ костр. *куле(и)шмёнец*, *кулешмёнчик* ‘нечистая сила, появляющаяся на Святки’: «Кулешменци в Святки издят на бычьих шкурах. Которы быки не забиты, а сами сдохли, с тех шкуры сымают и издят»; «С Васильева вечера до Крешшенья кулешменци-то бегали. На ростани пойдёшь — кулешменцей почувёшь»; «Кулешменчи — это черти. Они приходят, черти-те, во сне людям до сих пор, гоняются за душами»; «Кулешменчики из рички выскочат и в ричку вернутся. У их из рота огонь. На шкурах издят»; «Кулешменцы бегают в Страшнёе вечера. У их шкуры мохнатые, шапки треугольные, из рота дым и огонь. Плеханы-те <священники> на ричку придут — кулешменцы в воду» [ЛКТЭ]; костр. *кулешмёнка* ‘нечистая сила в виде женщины с ребёнком’: «Одна баба с ребёнком в дом зашла и в уголке села, вроде, ребёнка покормить. А тут кричат: “Крест на воду! Крест на воду!”. Она вскочила — и бежать. До креста успеть чтоб. Это кулешменка была» [ЛКТЭ];

▪ костр. *шокольмёнец* ‘нечистая сила, появляющаяся на Святки’: «Шокольменцы ездят на телячьих кожах, в Святки приезжают и детей маленьких из домов забирают» [ЛКТЭ].

Условно приведем в этом ряду и костр. *кулёма* ‘нечистая сила, которой пугали детей’: «Сейчас бука с соседком выскочат, унесут за осек и бросят. Бука да соседко, да кулёма. Рассказывают, лохматый, небаской» [ЛКТЭ].

В словарных контекстах и в этнолингвистических исследованиях отмечаются многообразные свойства персонажей, называемых *кулешами* (*кулешменцами* и пр.). Перечислим их в виде обобщенного списка, составленного по данным [ЛКТЭ; КСРНГ; ОСВГ, 5, 149; Зеленин, 1930, 99; Русинова, 2014, 237; Синица, 2010, 43–45; Морозов, Слепцова, 2004, 172, 208, 573, 591, 612, 818] (при перечислении отдельные свойства не будут «привязаны» к конкретному источнику, поскольку сведения, приведенные в разных работах, большей частью пересекаются). Итак, по народным верованиям, *кулеши* могут проживать в лесу, овине, но чаще всего они обитают в воде, выходя из нее на землю в период от Рождества (Нового года) до Крещения (обычно в Крещение они уходят в воду через проруби для водоосвящения, испугавшись появления священников или пения

петухов). Они появляются, как правило, во множестве. Бывают маленького роста и разного цвета. У них мохнатые шкуры, островерхие треугольные шапки, изо рта они извергают пламя; иногда их видят в белых одеждах. В контекстах есть указания на способ их передвижения: они ездят на шкурах (чаще снятых с падших животных), на санях с одним полозом, на белой лошади и т. п. Они могут быть как «самостоятельными» демонами, так и помощниками колдунов. Информанты говорят, что *кулешей* можно увидеть с детьми, причем это могут быть украденные человеческие дети или же дети, которых рожают *кулешменки* во время своего появления на земле. Иногда отмечается, что они любят плясать. К *кулешам* апеллировали участники гаданий (например, девушки, гадая о замужестве, смотрели, заберут ли *кулеш* ленты, которые привязывались гадающими к изгороди, углу дома, гумну и др.). Ими пугали тех, кто прядет или пляшет в неурочное время, непослушных детей и т. п.

Названные свойства роднят *кулешей* со многими персонажами низшей демонологии, но наиболее близки им *шуликуны* — «в поверьях русского населения севера Европейской части России, Прикамья, Урала, Сибири, Дальнего Востока сезонные духи, которые накануне Рождества или Нового года выходят из воды на землю, а после Крещения уходят обратно в реки и проруби» [Березович, Виноградова, 2012, 583] (подробнее об этих персонажах и соответствующем слове см. [Березович, Виноградова, 2010]).

2. ‘Ряженный’

Второе значение слова *кулеш* и близких лексем с начальным *кул-* — ‘участник ритуальных бесчинств, ряженный (обычно на Святки), причем такой, который нередко рядился в демона’. Первая словарная фиксация — в «Опыте областного великорусского словаря»: перм. *куляжски* ‘люди, наряженные во время Святков в особые костюмы’ [Опыт, 96]. В. И. Даль приводит слово с той же географией и в том же значении, но с вопросом к форме: перм. *куляжски* (?) ‘окрутники, переряженцы, святочные ряхи’ [Даль, 2, 217]. Затем на протяжении многих десятилетий слово в этом значении (как и в предыдущем) практически не фиксировалось словарями,

но источники конца XX в. и начала XXI в. дают довольно богатый материал — с фонетическими и словообразовательными вариантами:

▪ влг. *гуляш*: «От уж гуляш вас сохватает! Добегаите!» [Морозов, Слепцова, 2004, 557], костр. *гулишимéнец* [ЛКТЭ];

▪ влг. *кулёс* (чаще множ. *кулесá*): «Кулеса-те бегали, в окошко стучали, ворота заливали. Кулеса шалят во Святки»; «В Святки толькё кулеса забегали, конфет просили, угошшенья» [СГРС, 6, 247]; «Раньше вырядятся кулесом, как смешнее вырядятся. Выряжули — дак это когда баско вырядятся, а как тряпёь оденут, так это кулеса»; «Наряжались всякими кулесами, шубник выворотят наружу шерстью» [СВГ, 4, 16]; влг. *кулесёнок*: «Я раньше сама кулесёнком рядилась да веселилась с молодяжкой <...> Парень так в платье наредится да и бежит кулесёнком» [Там же];

▪ влг. *күлэш*, *күляш* (чаще множ. *кулешí*, *куляшí*): «Кулеш — это наряжались ряженым, по деревне бегали, и водой обливали, и крыльцо всё завалят. Кулеш всё на себя напелит, всякое охлоботье <лохмотья>, а наряжёнка — это уж в хорошее. Не вывернул одёжу — уж не кулеш, уж наряжёнка. Лицо завешивали платком, глаза платком закрыты»; «Кулеша на Рождество пели и плясали, по домам ходили, а в крещенские морозы бегали и пакости делали: дрова раскатывали, двери запирали»; «Плясали куляши, легошь спать — вдруг забрякаются. Они наряжались по вот чему: шубы, шапки вывернут, кто сарафан доўгой накинёт, ой, нарядиўся как кулём, вот и куляши, не поймёшь, где голова, где штё, — настоящий некулём <несуразно одетый человек>»; «Кто в худое наряжаться, в худые сапоги и валенки. Не закрыты двери — ну, куляши придут! А кто наряжался даже смертью. Во всё белое нарядят его, гроб сделают из досок, живого человека положат, несут в избу куляши мертвеца, причитают над ним»; «Кулешами бегали по деревне: криво, косо намотаешь да намажешься — и бегали, кому споём, кому спляшем. У нас не подавали кулешам»; «На Рождество кулеша ходили, мужик бабой нарядится да корзинку на руку» [СГРС, 6, 242, 248; КСГРС]; влг. «Мне сегодня куляши золота навьют» (девушки ставили на забор метлу, чтобы на нее куляши «навили» золотых нитей. — Е. Б.) [Морозов, Слепцова, 2004, 750];

вят. *кулішиик*: «Одѣжу вывернут, сажей замазюкаются и бегают кулишики» [ЛКТЭ]²;

▪ костр. *кулешмѣнец* (*кулишмѣнец*, *кулюшмѣнец*): «Снаряжались, шубы нашли-то, выворотят их на первую сторону — да не узнаешь, кто пришѣл. Которые переодевались в Святки, кулешменцы называли их. Пугали они людей, а люди думали, что нечистая сила пришла»; «В Святки бегали дети, несильно ряженные, рядиться-то не во что было, так, закушкаются <закутаются>, только глазки видать, вот и кулешменцы»; «Кулешменцы в Святки ходили. Девки переоденутся в белые халаты. Шубы парни вывернут и пугают» [ЛКТЭ]; костр. *кулюшмѣнчик*: «Кулюшменчики, ну они ничего вредного-то не делали, ак вот, шли, гадали, ходили по домам, пели, попоют чего-нибудь, поприсказывают» [ЛКТЭ]; костр. *кулешмѣнице*: «Кулешменище — это раньше в Святки ходили. То стекло закрывают, то конные сани на крышу пихали, дрова. Можно ёлку в трубу воткнуть» [ЛКТЭ].

Возможно, в этом ряду стоит рассматривать еще одно слово, впервые зафиксированное в «Дополнениях к Опыту областного великорусского словаря»: новг. *кулік* ‘парень, ходящий на посиделки, завязав платком нижнюю часть лица и переменив голос, чтоб его не узнавали; в таком виде парни ходят из одной посиделки в другую, где играют на балалайках и с девушками поют песни и пляшут’ [ДО, 95]. Ср. фиксации этого слова в более поздних источниках: новг. *куликѡм наряжаться*, новг., ленингр. *ходить, приходить куликѡми* ‘ходить по домам в Святки, завязав лицо платком’ [СРНГ, 16, 66], костр., новг., ленингр. *кулік* ‘ряженный на Святках’: «Кулики бегали, безобразили» (костр.), новг. *куликами ходить*, ленингр. *ходить на куликѡ, куликѡм (куликѡм) ходить* ‘ходить по домам в Святки ряженным’: «Куликам-то ходили, дак наденешь каку халатину и справишься чудом каким-нибудь» [НОС, 4, 177; СРГК, 3, 56; ЛКТЭ]; ср. также костр. *кулік* ‘человек, поющий песни

²Ср. также значение ‘время гадания зимой, Святки’, отмеченное у слова *куляшии*: «Вот и подходили куляши, тогда весело было» [СВГ, 4, 16].

за угощение на четвертой неделе Великого поста': «Бегали были, собирали, кулики-те эти» [ЛКТЭ].

Стоит обратить внимание также на глагольные формы на *кулес-* (*кулеш-*), выражающие значение 'ходить ряжеными, участвовать в ритуальных бесчинствах':

▪ влг. *кулесить*, *кулешить*: «В Святки пойдут кулесить, безобразничать, нехорошие дела делать»; «Кулешят, колдуют в Страшные вечера. Лучину зажгут: “Чёрт, дьявол, покажися вьяво!” Поленицы ломают, двери морозят»; «Комидят парни и девки, кулешат. Ну, пойдём кулешить!» [СГРС, 6, 247–248];

▪ костр. *кулешмэнить(ся)*, *кулешмэнчить*, *кулюшмэнить*, *кулюшмэнить*: «Кулешмэнят под Новый год, кулешмэнить — это скоморошничать: передеваются, бегают по домам, выпрашивают, песни поют»; «Женихов выигрывали, кулешмэнчили, безобразили. Собирается человек пять, шесть, семь, десять. Вот идут партия, вон сани уташили на крышу, кто чего уташит, ёлку в трубу поставят и трубу закроют, затопи печку — полная изба дыму»; «Святки называются, кулешмэнцы ходят. Чудили, кто чего натворит, как черти кулешметили, шубы выворачивали, обувь большую надевали»; «И сейчас ходят кулешмэнят, что-нибудь набедокурят. У кого крыльцо заливают водой, дверь подопрут. Шубы вывернут наизнанку, снарядятся, накраются, с гармошкой ходят и заходят в дом. Частушки поют, их угощают. Кулешмэнцы — это ряженые» [ЛКТЭ]. Важно, что такого рода формы встречаются не только в восточных районах Вологодской области, где наиболее распространены *кулеши* (см. далее), но и в западных, ср. записанное в Шекснинском районе слово *кулэсить* 'куролесить, чудить на Святки' [КСГРС].

В этот же ряд хочется поставить форму на *кул-*, ср. влг. *перекулиться* 'переодеться ряженым': «В куляша перекулился: шубу выворотит, ноги в рукава пехнёт» [КСГРС].

Безусловно, значения 'персонаж низшей демонологии' и 'ряженный' очень близки друг другу, ср.: «...в народных представлениях святочная нечисть тесно связана с обходами ряженых. Шалости на самом деле часто совершались именно ряжеными-“куляшами” (“святем”, “окрутниками”). Существует точка зрения, что в их

облике представляли души предков, временно возвращавшиеся в этот период на землю и вновь покидавшие ее после Крещения» [Морозов, Слепцова, 2004, 301]. В то же время лексические гнезда, выражающие эти значения, имеют некоторые отличия, которые будут указаны далее.

Ареальные характеристики слов

Слова, обозначающие персонажа низшей демонологии, и лексемы, именующие ряженого, имеют в словарях одни и те же географические пометы: «влг.», «вят.», «костр.», «перм.». При этом, судя по современным полевым записям (имеющим более детальную паспортизацию, чем старые записи), значение ‘ряженный’ в пределах названных областей фиксируется шире, чем значение ‘нечистая сила’. Так, в материалах ТЭ УрФУ значение ‘ряженный’ отмечено в следующих районах, находящихся на востоке Вологодской и Костромской областей: Кичменгско-Городецком, Никольском, Великоустюгском, Павинском, Вохомском, Октябрьском; значение ‘нечистая сила’ — лишь в Павинском районе. Сведения, приведенные в [Морозов, 2015, 40; СВГ, 4, 16], дают дополнительное расширение ареала значения ‘ряженный’, которое отмечено как в восточных районах Вологодской области, так и в центральных: Сокольском, Междуреченском, Грязовецком, Тотемском, Нюксенском, Бабушкинском, Сямженском (перечислены только те районы, которых нет в материалах ТЭ). Глагольная семантика ‘куролесить, чудить на Святки’ отмечена на западе Вологодской области (у формы *кулёсить*). Форма *кулик* ‘ряженный’ имеет в источниках следующие ареальные характеристики: «костр.», «новг.», «ленингр.»; *кулёма* ‘нечистая сила’ — «костр.». Воссоздается следующая картина: у значения ‘ряженный’ более широкий и разорванный ареал (так, форма *кулик* отмечена в таких не связанных между собой зонах, как юго-восток Костромской области и Ленинградская, Новгородская области), в то время как значение ‘нечистая сила’ имеет более компактный и сплошной ареал.

Этимологические гипотезы

О происхождении указанных слов написано уже немало. Кажется, первым на эту тему высказался В. И. Даль. Приводя перм. *куляжски* ‘окрутники, переряженцы, святочные ряжи’, Даль предлагает две этимологические версии (обе со знаком вопроса) [Даль, 2, 217]. Во-первых, *куляжски* можно возвести к *куль* ‘капошон’, в этом случае родственным окажется и новг. *кулик* ‘парень, пришедший на посиделки с завешенным лицом, округник’ [Там же, 216], для которого тоже предполагается связь с *куль*. Во-вторых, это слово может быть связано с *куляш* ‘чертенок, водяной’ [Там же, 217]. Насчет последнего Даль не строит этимологических гипотез, но это делает Д. К. Зеленин: «У тобольских великорусов отмечено угорское (остяцкое или вогульское) название черта *куль* <...>, которое может быть также и турецким. К этому же турецкому корню мы склонны относить и вят. *куляш*» [Зеленин, 1930, 99]. В дальнейшем тюркская версия не поддерживалась.

А. А. Потебня ставит наименования ряженных *кулик* и *куляжски* в один ряд с польск. *kulik, kulig* ‘масленичный поезд ряженных, замаскированных’: «Z kuligiem wpadli postrojeni w maski» [Потебня, 1880, 168], но не говорит о мотивации этих слов. Относительно польского слова высказывается А. Брюкнер, который считает его производным от наименования птицы: шляхта, участвовавшая в масленичной забаве, посещала «в многолюдном и шумном хороводе» дома соседей, якобы разыскивая птицу кулика (польск. *kulik, kulig*) [Brückner, 1985, 281]. М. Фасмер подхватывает эту версию Брюкнера и развивает ее на русском материале, считая, что наименование ряженого *кулик* (с которым связано слово *куляжски* в том же значении) производно от обозначения птицы (последнее звукоподражательного происхождения) [Фасмер, 2, 411, 413]. Эти названия ряженных Фасмер отделяет от демонима *куляш*, который ведет свое происхождение от коми *kul* ‘злой дух’ [Там же, 413], ср. также коми-перм. *кулюшун* ‘водяной дух’ [Кривошекова-Гантман, 1981, 58].

О. А. Черепанова, ссылаясь на Фасмера, пишет, что демоним *куляш* относится к числу слов, чье финно-угорское происхождение

не вызывает сомнений [Черепанова, 1983, 85]. Она указывает, что «в финно-угорском ареале *kul* — весьма распространенный персонаж, мифологическая семантика и названия которого лишь незначительно варьируют у разных народов», и приводит такие названия, как пермские *куль-одьер* ‘властитель подземного царства’, *саис-кульпиян* ‘водяной’, мансийские *куль-отыр* ‘черт, злой дух’, *вор-куль* ‘лесной черт’ и др. [Там же]. Версия о связи демонимов *куляш*, *кулешата* с коми-перм. *куль* ‘черт, сатана, дьявол; водяной’ повторяется в работах других исследователей [см.: Аникин, 2000, 701; Морозов, Слепцова, 2004, 846; Русинова, 2014, 239–240; Синица, 2010, 44–45]. При этом А. Е. Аникин и И. И. Русинова включают (как можно понять по логике изложения) в это же этимологическое гнездо и слово *куляжски* ‘ряженые’.

О. Н. Трубачев, напротив, говорит о славянском происхождении слова *куляжски*, которое ставит, как А. А. Потебня и А. Брюкнер, в ряд с *кулик* и польск. *kulig*, *kulik* ‘масленичный поезд ряженых’. Эти слова помещаются в гнездо праслав. **kul-* ‘гнуть, сжимать, крутить’. Однако мотивацию Брюкнера (ряженые ищут птицу) Трубачев отвергает: «Вряд ли это первичный смысл, надо, скорее, идти от обратного — взяв за исходные лексику и обряд ряженых с их масками и преувеличенными атрибутами внешности — горбы, рога, носы» [ЭССЯ, 13, 97]³.

Наконец, следует упомянуть версии, которые высказывались в последнее время вне собственно этимологического дискурса — в работах этнографов.

М. Власова (со ссылкой на О. А. Черепанову) принимает версию о финно-угорском происхождении демонимов *кулеш*, *кулешата* [Власова, 2008, 274], но ищет дополнительные связи этих слов: «Интересно, что *куль* — это и ‘капюшон, головной убор в виде колпака’. Возможно, что в наименовании *кулиш*, *куляш* в какой-то степени отражены и представления о нечистом духе как о существе с головой “шишом” или в остроконечном головном уборе (кроме того,

---

³ Сходный признак, как считает О. Н. Трубачев, мотивирует название кулика, который «замечателен своим длинным изогнутым клювом» [ЭССЯ, 13, 97].

кулемёс — это ‘деятельный, но бестолковый человек’, *кулемёсить* — ‘дурить’, что может характеризовать помощников-кулешат как очень деятельных, но суетящихся, бестолковых и вредных: “Ну пошла кулемеса не от добра, а от беса”» [Власова, 2008, 274].

И. А. Морозов и И. С. Слепцова считают, что слова *кулесá*, *кулешíи*, *куликíи*, *куляшíи* в обоих значениях (как ‘демон’, так и ‘ряженный’) являются родственными [Морозов, Слепцова, 2004, 846]. Для них предполагается финно-угорское происхождение [Там же, 556, 846], однако дается указание на то, что мог произойти «синтез близких по форме исконных и заимствованных слов» [Там же, 557]. К числу исконных слов, родственных *кулешам*, авторы относят большую лексическую группу: 1) обозначения неповоротливых, медлительных, неуклюжих людей (типа *кулемеса*, *кулёма*, *кулебёня* и пр.); 2) наименования хромых и кривых (*кулявый*, *кульгавый*, *культяпый*); 3) слова, обозначающие остроконечный головной убор (*кулик*, *куляш*⁴); 4) глаголы со значением ‘водить в прятки или жмурки’ (*кулючить*, *гулючить*, *куликать*); 5) игровое и обрядовое имя *Окулина*, *Окуля*, *Окулька*, которое обычно обозначает злую старуху, ведьму, смерть, пиковую даму в картах и пр. [Там же, 556, 846, 847]. Все эти лексемы, по мнению авторов, объединены корнями *кол-/кул-*, которые, как получается по логике изложения, оказываются то финно-угорскими, то славянскими. Высказанная авторами идея о «синтезе» исконных и заимствованных форм представляется важной и достойной развития. В то же время она изложена несколько нечетко и противоречиво; не все слова, признаваемые родственными, в действительности являются таковыми (см. далее).

---

⁴ Слово *куляш* ‘головной убор ряженого’, единично отмеченное в Великоустюгском районе Вологодской области, зафиксировано в [Морозов, Слепцова, 2004, 556], но не представлено в других источниках. Возможно, эта форма вторично «наведена» самим обозначением ряженого.

Версия автора статьи

Более полный охват материала, имеющегося теперь в нашем распоряжении, позволяет допустить соединение версий о заимствованном и исконном происхождении изучаемых слов, при этом для исконной версии стоит предложить иную мотивацию, чем те, которые изложены выше.

Участие коми-перм. *куль* ‘злой дух’ в процессе образования обсуждаемых слов наиболее вероятно для лексем, обозначающих собственно демонов, особенно водяных (этому значению соответствует семантика коми-пермяцкого слова)⁵. Значим здесь и лингвогеографический фактор: «демоническое» значение, как говорилось выше, образует сплошной ареал (восточные районы Вологодской, Костромской, Кировской областей, Пермский край), который является контактным по отношению к местам проживания коми.

В то же время коми версия не может объяснить всех особенностей воплощения значения ‘ряженный’, которое фиксируется в разорванном ареале, а кроме того, имеет большую вариативность в своем лексическом воплощении.

Гнездо праслав. **kul-* ‘гнуть, сжимать, крутить’, о котором говорит О. Н. Трубачев [ЭССЯ, 13, 97] в связи с наименованиями ряженных *кулик* и *куляжки*, с формальной точки зрения подходит на роль «прародителя» интересующих нас лексем.

Что касается мотивации, то вариант, предложенный Трубачевым (ряженные имеют «преувеличенные» атрибуты внешности), выглядит более маргинальным, нежели другая мотивационная возможность. Основные действия ряженных — переодевания и бесчинства (переворачивание, закрывание, разваливание и пр.); при этом переодевание заключалось нередко в выворачивании одежды, ср. влг. «Не вывернул одёжу — уж не кулеш, уж наряжёнка» [КСГРС]. Именно эти действия отражены в значениях множества экспрессивных глаголов, занимающих видное место в лексическом фонде гнезда **kul-*. Собственно значение оборотничества представлено у глагола *перекулі́ться*, отмеченного в фольклоре старообрядцев Литвы:

⁵ О *куле* как водяном духе см. [Петрухин, 2005, 223].

«Тони ты этого белохвостого перекула!» (Это по-староверски. Если кто был старовер и перешел в <официальную> православную веру, его называли бы *перекул*, он *перекулился*. Скажешь — *белохвостый* или *перекул* — и уже знаешь, какой он нации) [ФСЛ, 432–433, № 1527]. Ю. А. Новиков, составитель фольклорного сборника, определяет значение глагола так: «*перекулиться* ‘кувыркнуться, перевернуться через голову’. Обычно это действие связывают с оборотничеством» [Там же]. Подобные значения приводятся и в [СРНГ, 26, 136–137]: литов., латыш. *перекулиться* ‘принять другое вероисповедание’: «Отец пана Мицкевича тоже был старовер, но когда власти переменялись, так он перекулился» (литов.); «Один наш мужик перекулился в католичество» (латыш.)⁶. В наших полевых материалах тоже зафиксирован вологодский глагол *перекулиться* ‘переодеться ряженым’ (см. выше), причем контекст можно считать *figura etymologica*: «В *куляша перекулился...*».

Другие глаголы гнезда **kul-*, не связанные напрямую с оборотничеством, ряжением, ритуальными бесчинствами, но близкие по смыслу, могут быть объединены в блоки. Вот некоторые из них (с выборочными примерами, которые можно было бы многократно умножить):

▪ **одевать(ся), переодевать(ся), кутать(ся)**: арх. *закулебáчить* ‘очень тепло одеть, закутать’, арх. *закулемéсить, закулемéчить* ‘завернуть во что-л., запеленать’ [АОС, 17], костр. *закулéмать* ‘некрасиво одеться’ [ЛКТЭ], омск. *кулéмать* ‘укутывать, закутывать кого-либо во что-либо теплое’, дон., краснодар. *кулéматься* ‘закутываться, закрываться платком’ [СРНГ, 16, 57], арх. *кулимáться* ‘кутаться, укутывать’ [СГРС, 6, 255], тамб., ленингр. *накулéматься* ‘небрежно одеться, накутаться’ [СРНГ, 19, 355–356];

▪ **переворачивать(ся), кувыркать(ся), катить(ся)**: смол. *куликнуть* ‘кувыркнуть, перевернуть что-л.’ [СРНГ, 16, 67], костр.

⁶ Данное значение производно от других, связанных с изменением положения в пространстве: пск., смол., твер. *перекулиться* ‘кувыркнуться, перевалиться через голову’, смол. ‘перевернуться, опрокинуться’, латыш. ‘скатиться с горы’ [СРНГ, 26, 136–137], ср. также пск. *перекуляться* ‘перемещаться, перебираться куда-н., переселяться’ [ПОС, 25, 381].

кули́кнуться ‘упасть, перевернуться’ [ЛКТЭ], свердл. *куля́ть* ‘кататься по земле’ [СРНГ, 16, 68], влг. *куля́хтаться* ‘плескаться, барахтаться’ [СГРС, 6, 262], пск. *перекуля́ться* ‘кувыркаться’ [СРНГ, 26, 137], латыш., литов. *покули́ть* ‘покатить’ [Там же, 29, 21];

▪ **портить, делать небрежно**: арх. *закулебя́чить* ‘закончить делать что-л. наспех и небрежно’ [АОС, 17], влг. *кулéситься* ‘делать что-л. неловко, небрежно, кое-как’: «Руки-то уж не те, тихонечко чего-то кулесься» [КСГРС], морд. *кулéмать* ‘то же’ [СРГМ, 1, 455], иркут. *кулю́кать*, свердл. *куля́мать* ‘то же’ [СРНГ, 16, 76, 78], влг. *кулю́кнуть* ‘быть испорченным, пойти прахом’ [СГРС, 6, 258], влг. *куля́шить, куля́шкать* ‘делать что-л. плохо, не стараясь’ [Там же, 262], свердл. *накулебя́кать*, вят. *наку́льпесить, наку́льпинить, накулемéсить, накулеве́рить, наку́лькать, накульти́ть*, перм., тюмен. *накуля́кать* ‘сделать что-л. плохо, неумело, неаккуратно’ [СРНГ, 19, 355–356; ОСВГ, 6, 160–161], влг. *покуле́шкать, покуля́шкать* ‘то же’ [КСГРС];

▪ **нарушать порядок, безобразничать**: вят., пск. *закулемéсить* ‘привести в беспорядок’ [СРНГ, 10, 374], костр. *кулéситься, накулелéсить* ‘(на)хулиганить, будучи пьяным’: «Чего накулелесил с пьяных глаз? Кулесит, безобразит» [ЛКТЭ], амур., ворон., новг., пск., твер. *кулемéситься* ‘суетиться; шуметь, балуясь, резвясь’ [СРНГ, 16, 258], влг. *ку́лесить, кулеси́ть* ‘безобразничать, шалить’: «Наблюдают ребятишки, накулесят, всё в кучу свалят — и не разгребёшь, не разберёшь их» [КСГРС], влад., томск. *кулемéсить* ‘дурить, вести себя беспокойно, сумасбродно’ [СРНГ, 16, 57] и др.

Для этого комплекса производящих значений вполне органично выглядит производная семантика ‘ряженный, участник ритуальных бесчинств’, ср. «специализированное» значение ‘устроить ритуальные святочные бесчинства, колядовать’ у глаголов типа *кулешмéнить(ся)*, которое приводилось выше. Что касается словообразовательной стороны данной версии, то она не встречает возражений: среди слов, которые уверенно можно отнести к гнезду **kul-*, встречаются отглагольные дериваты с теми же суффиксами, что в изучаемых нами обозначениях ряженных, ср., к примеру, новг. *кулéша, кулё́ша* ‘тот, кто надевает на себя много одежды’:

«Кулеша — человек, который даже в хорошую погоду надевает на себя теплые вещи» [НОС, 4, 176], костр. *куляшка*, влг. *кулёша*, *куляш*, *некулём* ‘человек в несуразной одежде’: «Кулёма, кулёша ли, хоть мужик, хоть баба. Не пойми, чего на ей накинута» (влг.); «Эка куляшка идёт, закуталась не пойми как» (костр.) [КСГРС; ЛКТЭ]. Характерно и параллельное употребление форм *кулёма* и *кулёша* (относительно первой из них нет сомнений в принадлежности к **kul-*)⁷. Говоря о словообразовании, стоит отметить также тяготение глаголов, являющихся продолжениями *kuliti, к образованию форм с разными экспрессивными «наслоениями» (*кулемесить*, *кулебачить* и т. д.), в том числе с редупликацией (*кулелесить*). Это объясняет, думается, появление глаголов типа *кулюшметить* и соответствующих наименований ряженных (*кулешменцы*). Ср. контекст, демонстрирующий органичное сопряжение глаголов на *кул-* с различными «добавками» в живой речи: костр. «Ты чего *накулелесил*, *накулемесил*, *накулешменил*? — хоть как скажут, хулиганить будет дак» [ЛКТЭ].

Важное обстоятельство, определяющее судьбу слов на *кул-*, относящихся к изучаемой лексической группе, — фактор аттракции. Актантами процессов аттракции становятся фонетически близкие лексемы: *гулять*, *колесить*, *куролесить*, *куль*, диал. влг., новг., костр., олон. *кудёс* ‘ряженный’ [СРНГ, 16, 9]. Особенно хочется выделить роль последнего слова (и родственных ему): оно фиксируется в том же ареале, что и *кулес*, имеет то же значение, сходные деривационные возможности (ср. глагол *кудёсить* арх., костр., олон., перм., влг., пск., смол. ‘заниматься колдовством, волшебством’ [Там же, 10], ‘праздновать Святки: ходить ряженным, колядовать, заниматься гаданием, озорничать’ [СГРС, 6, 221]), лексическую сочетаемость

⁷ В то же время приведенные формы можно квалифицировать как результат дальнейшего семантического развития слов типа *куляш* ‘ряженный’. Чтобы выяснить, так ли это, надо учесть ареальные характеристики слов. На новгородской территории *куляши*-ряженные не фиксируются; нет этого слова и в той части Костромской области (юг Шарьинского района), где записано слово *куляшка*. Что касается вологодских фактов, то слова *куляш* и *кулеша* отмечены параллельно формам со значением ‘ряженный’. Таким образом, высказанный словообразовательный аргумент работает только по отношению к новгородским и костромским фактам.

(влг., новг. *кудесáми ходить* ‘ходить ряжеными’ [СРНГ, 16, 9; СГРС, 6, 221]). Притяжение лексем проявляется как во внешнем облике элементов гнезда (ср. влг. *гуляш* ‘ряженный’, костр. *гулишимéнец*), так и в контекстах с их участием: «Ой, нарядиўся как кулём, вот и куляши, не поймёшь, где голова, где штё, — настоящий некулём»; влг. «Кулеші накулéсили, накудéсили кулесá-те...» [КСГРС] (в последнем контексте интересна *figura etymologica* со своеобразной внутренней рифмой).

Процессы аттракции усиливают вариативность лексем со значением ‘ряженный’, которые и без того имеют существенное фонетико-словообразовательное разнообразие.

* * *

Итак, изучаемая лексическая группа имеет гетерогенное происхождение: наименования персонажа низшей демонологии восходят к коми-перм. *куль* ‘злой дух’, а наименования ряженных на *кул-* появились в гнезде праслав. **kul-* и имеют мотивацию, связанную с переодеванием, переворачиванием → превращением (и далее — ломанием, порчей и пр.). Подобные смыслы значимы в семантическом пространстве слов, обозначающих ряженных, и могут стать мотивирующими для таких лексем [ср.: Виноградова, 2008; Морозов, 2015, 41, 49; Морозов, Слепцова, 2004, 555 и др.]. Встретившись в лексическом континууме говоров, бытующих на коми-русских контактных территориях, с производными коми *кул-* ‘водяной дух’, эти слова образовали единое морфо-семантическое поле и даже — в ряде случаев — общие лексико-семантические парадигмы. В то же время не стоит значительно расширять эти парадигмы: мы не склонны, к примеру, включать в круг гибридных форм глаголы со значением ‘водить в прятки или жмурки’ (*кулючить*, *гулючить*), игровое и обрядовое имя *Окулина*, *Окуля*, *Окулька*, как это делают И. А. Морозов и И. С. Слепцова (см. выше).

В конце поставим вопрос, который заманчиво было бы решить, но не в рамках этой работы: в каких отношениях находятся *кулеши* и знаменитые *шиликуны* (*шуликуны* и пр.), являющиеся темными по происхождению? Рассуждая о последнем слове, А. Е. Аникин

указывает: «Заслуживает внимания допущение связи *шуликун* с коми-перм. *кулюшун* ‘водяной дух’ через метатезу» [Аникин, 2000, 701]; «намеки» на эту версию (без развернутой аргументации) высказывались в [Кривошекова-Гантман, 1981, 57–58; Горячева, 1985, 170]. Стоит отметить, что метатеза в данном случае могла быть не только следствием фонетической адаптации при заимствовании (как полагает А. С. Кривошекова-Гантман [1981, 58]), но и способом табуирования, ср. примеры фонетических изменений такого рода, приведенные в [Березович, Толстая, 2012, 226]: рус. диал. *модовейко*, *модожирко* вместо *домовейко*, *доможирко* ‘домовой’; *волмия* вместо *молния* и пр. Какой бы ни была природа метатезы, в современных записях она может проявляться вторично, что лишний раз доказывает ее возможность, ср. приведенную выше форму *шокольменцы* вместо *кулешменцы*. Пока неясно направление заимствования (как пишет А. Е. Аникин, коми-перм. *кулюшун* само могло возникнуть вследствие метатезы из рус. *шуликун* [Аникин, 2000, 701]), а также причины значительно более широкого распространения и разнообразия форм *шуликун*, *шалыган*, *чиликун* и т. д., но связь *кулешей* и *шуликунов* нам представляется весьма вероятной.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980–. Вып. 1–.

Березович Е. Л., Виноградова Л. Н. Из словаря «Славянские древности»: Шуликуны // Славяноведение. 2010. № 6. С. 49–52.

Березович Е. Л., Виноградова Л. Н. Шуликуны // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 583–585.

Березович Е. Л., Толстая С. М. Табу языковое // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 224–228.

- Виноградова Л. Н.* Народная терминология, связанная с обычаем ряженья (восточно- и западнославянская традиция) // *Этнолингвистика проучавања српског и других словенских језика: У част академика Светлане Толстој / ур. П. Пипер, Љ. Раденковић.* Београд, 2008. С. 117–128.
- Власова М.* Энциклопедия русских суеверий. СПб., 2008.
- Горячева Т. В.* [Рец. на кн.]: Этимологические исследования. Вып. 2 / под ред. А. К. Матвеева. — Свердловск, 1981. — 173 с. // *Этимология.* 1982 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1985. С. 166–173.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М., 1880–1882 (1989).
- ДО — Дополнения к Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- Зеленин Д. К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 2 : Запреты в домашней жизни. Л., 1930.
- Кривошекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // *Этимологические исследования.* Вып. 2 / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1981. С. 46–62.
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- КСРНГ — картотека Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Морозов И. А.* Отличительные признаки локальных традиций: акции с участием ряженных // *Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы* : сб. ст. / отв. ред. М. В. Ахметова. М., 2015. С. 37–52.
- Морозов И. А., Слепцова И. С.* «Круг игры». Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004.
- НОС — Новгородский областной словарь : в 12 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб., 1852.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров, 1996–. Вып. 1–.
- Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. М., 2005.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л. ; СПб., 1967–. Вып. 1–.
- Потебня А. А.* Этимологические заметки // *Русский филологический вестник.* 1880. Т. 3. С. 161–173.
- Русинова И. И.* Кто такие бусеньки и кулешата? // *Севернорусские говоры.* Вып. 13 / отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб., 2014. С. 229–241.

- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. Вологда, 1983–2007.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
- Синица Н. А. Лексика народной демонологии Павинского района // Живая старина. 2010. № 3. С. 43–46.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 ч. / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2013.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Соколетова, С. А. Мызникова. М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М., 1986–1987.
- ФСЛ — Фольклор старообрядцев Литвы : в 3 т. Т. 1 : Сказки. Пословицы. Загадки / изд. подгот. Ю. Новиков. Вильнюс, 2007.
- Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М., 1974–. Вып. 1–.
- Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.

* * *

Березович Елена Львовна

доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН,
профессор кафедры русского языка
и общего языкознания
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина,
51, ком. 306
E-mail: berezovich@yandex.ru

Berezovich, Elena Lvovna

DrHab, Professor, Corresponding
Member of the Russian Academy
of Sciences
Department of Russian Language
and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin av., room 306,
620000, Ekaterinburg, Russia
E-mail: berezovich@yandex.ru

Once Again on the Russian Dialectal Deonym *Kulesh*

The article considers the Russian dialectal word *kulesh*, denoting a character of lower demonology and a guiser (*kuleshmenets*, *kulik*, etc.),

and other lexemes close to it in the phonetic and word-formational aspects. The author presents an overview of various interpretations of the word's origin and advances her own hypothesis based on newly attested items (including those from unpublished materials of the Ural University Toponymic Expedition). The author supports the opinion of etymologists that the lexemes with the meaning 'evil spirit' are loanwords (from Komi-Permyak *kul'* 'evil spirit'), but suggests a new motivational version for the words denoting guisers, arguing that the latter were formed rather within the word family of Slavic **kuliti* and initially had the meaning of 'turning' → 'skin-changing'. The author assumes that, having met in the lexical stock of the dialects used in the territories of language contacts between Russian and Komi, the two words formed a single morphosemantic field and, in some cases, common semantic paradigms.

Key words: etymology, motivational semantic reconstruction, ethnolinguistics, Russian dialectal lexicology, demonymy, Finno-Ugric borrowings.

Ж. Ж. Варбот

Москва

Возможный источник слова *кандибобер**

Слово *кандибобер* употребляется в разговорной, жаргонной и диалектной речи и обозначает необычность, вычурность предметов (например, обуви) и поведения, претендующих на щегольство. Известно, что русский язык заимствовал из польского много слов, относящихся к сфере этикета, модной одежды, обуви и названий тканей, производство которых усваивалось Польшей из западноевропейских стран. При отсутствии надежного этимологического толкования слова *кандибобер* представляется возможным

*Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы», поддержанного грантом РГНФ № 15-04-00072.

предположение об образовании его в результате структурного народноэтимологического преобразования польск. *kandybura* ‘хлопчатобумажная ткань перкаль с рисунком в крупные цветы, которая использовалась для гардин и обивки мебели’. Мотивацией для появления известного значения русского слова могла быть ассоциация ткани со щегольским, «барским» бытом. Для польского *kandybura* представляется вероятной связь с названием французского центра производства хлопчатобумажных тканей *Bourg-de-Thizy*.

К л ю ч е в ы е с л о в а: этимология, сфера функционирования слова, семантика, контекстное окружение, мотивация, языковые контакты, заимствования, народная этимология.

Прежде всего следует отметить, что слово *кандибобер* — не литературное, а разговорно-жаргонное, но достаточно известное. Все случаи его фиксации, включенные в «Национальный корпус русского языка» (всего 4), относятся к речи персонажей в произведениях художественной литературы; это следующие тексты:

...козлом проблеял архиерей и замахал руками. — По синодскому приказу сейчас начнется *кандибобер*! Он круто повернулся, поправил митру... <В. Я. Шишков. Ватага> (1923);

— Уж как ни верти, один *кандибобер* выходит... <Л. М. Леонов. Барсуки> (1924);

Гость не ответил, на секунду задумался, по глазам было видно, о чем-то постороннем, и, безо всякой связи, вдруг спросил насчет квартиры покойного Граника: что там за *кандибобер* получается? <Аркадий Львов. Двор> (1981);

«Шарман, гран шарман... тудыт твою в *кандибобер*», — умилялся Арсентий, мучительно припоминая, где же он видел мужественных участников телестудийного ристания <Техника молодежи> (1991) [НКРЯ].

Из трех первых представленных текстов можно сделать вывод, что *кандибобер* имеет явно негативную коннотацию и обозначает что-то вроде неразберихи, беспорядка. В последнем тексте коннотация положительная, однако больше ничего определенного о значении сказать нельзя. Но к этому употреблению близка семантика слова, как она определена в «Большом словаре русской разговорной

речи): *кандибóббер* шутил. или насмешл. жарг. ‘форс, спесь, провинциальное щегольство’ — «Одеваться с кандибобером»; «Не можешь ты, Петрович, без кандибобера, говорил бы по-простому, по-нашему»; «Поднятый кверху, торчащий “кандибобером” хвост — это полная удовлетворенность жизнью» [БСРР, 248].

К приведенному определению семантики слова в разговорно-жаргонной речи близки значения, зафиксированные в русских диалектах: *кандибóббер* ‘о чем-либо выделяющемся, необычном, замысловатом’: *с кандибобером, с кандибоберами* ворон., кубан. ‘об отличном качестве или необычном виде чего-либо’ — «Пирог с кандибобером», «Сапоги с кандибобером», пенз. ‘о странностях, причудах в поведении кого-либо’ — «Вечно он с какими-нибудь кандибоберами (с фокусами, выкрутасами, выходками)»; *пройтись, идти, ходить кандибобером* ворон., тул. ‘важно, с форсом’, пенз. ‘изгибаясь, рисуясь, ломаясь’ — «Котенок кандибобером ходит»; ворон. *с кандибобером* ‘с шумом, с треском выгнать, выставить’; тул. *кандибобером* ‘опрометью, вверх тормашками» [СРНГ, 13, 39]. См. еще селигер. *выкидывать (вытисывать) кандибоберы* ‘выделывать разные фигуры в танце, в пляске» [Селигер, 3, 12].

Диалектные контексты, как и приведенные определения значения слова в разговорно-жаргонной речи, свидетельствуют об обозначении словом *кандибобер* вычурного, особенного (с претензией на красоту, изящество) в предметах одежды и в поведении человека, что представляется первичным по отношению к семантике неразберихи, беспорядка.

Представленные в родственных языках укр. *кандибóббером* ‘вычурно, с выкрутасами; браво, молодежато, играючи’ и синонимичное блр. *кандзібóбберам* толкуются как экспрессивные образования русского языка [ЕСУМ, 2, 363].

Относительно происхождения рус. *кандибобер* есть два высказывания. Фасмер [2, 179] счел слово этимологически неясным, а О. Н. Трубачев в дополнениях к этой статье в третьем издании перевода словаря Фасмера предложил объяснение слова *кандибобер* как сложения тюркского заимствования *kunduz* ‘бобр’ и рус. *бобер*, но без толкования мотивации образования [Фасмер³, 3, 829].

На некоторые соображения о возможном пути поисков происхождения слова *кандибобер* наводит следующий текст:

Катков... выставил вперед обутую в лапоть ногу и под музыку стал выделывать ею всякие «па», поворачивать ее и сыпать словечками:

— А ножка-то! Как живая! Теперь танцевать по-балетному! Теперь по-шансонетному! А цыркулем! С канифасом! С *кандибобером*! С кандифефером! [Кармен, 1904, 85].

Этот текст подтверждает приведенное выше обозначение словом вычурного, с претензиями на красоту поведения. Примечательно также синонимичное окружение слова *кандибобер*: *канифас* и *кандифефер*. Последнее слово более нигде не зафиксировано и может быть окказиональным экспрессивным преобразованием слова *кандибобер* (не без влияния *канифас* и *фифа*). Вполне вероятно, что танцор, хвастаясь своим искусством, просто нагнетал фонетически выразительные слова. Но предшествующее сравнение с цыркулем не лишено мотивации, а *канифас* — название хлопчатобумажной ткани (преимущественно в полоску), так что нельзя ли предположить для *кандибобера*, следующего за *канифасом*, также «текстильное» значение? Подходящее название ткани в русском языке не обнаружено, но с XVIII в. фиксируется польск. *kandybura* ‘перкаль с рисунком в крупные цветы’ с производным *kandyburowy: franki, pokrycie mebli kandyburowe* ‘кандебуровые гардины, обивка мебели’ [Warsz.², 1, 231]. Учитывая многочисленность заимствований из польского языка в русский, особенно в лексико-семантических полях одежды, моды, придворного обихода (*гарус, замиа, бант, шпилька, вензель, карета, коляска, бляха, боты, фавор, фанаберия*), можно предположить заимствование и этого названия (вместе с соответствующей тканью). Поскольку обивочные материалы могли интересовать только состоятельные сословия, для простого народа они, как и их названия, были признаками причуд, претензий на красоту и особое положение, а народная этимология «приспособила» конец названия к родному *бобер* (кстати, бобровый мех также был характерен для одежды дворянского сословия, а потому воспринимался как сословный признак). Таким представляется возможное происхождение слова *кандибобер*.

Самостоятельной проблемой является происхождение польского слова *kandybura*. Цитированный выше Варшавский словарь сопроводил его вопросительным знаком, что означает отсутствие сведений о его происхождении. Оно не фиксируется в Старопольском словаре (то есть до XVIII в.), этим словом не заинтересовался ни один этимологический словарь польского языка. Возможны лишь некоторые предположения. Известно заимствование способов производства хлопчатобумажных тканей в Польшу из западноевропейских стран, а отсюда и заимствование названий тканей: *perkal*, *kanafas*, *madapolam*, *kalenkor* (все непосредственно из западноевропейских языков, независимо от первичных источников слов). Одним из известных производителей тканей из хлопка является французский город Bourg-de-Thizy [PL²⁵, 1219]. Представляется возможным предположение о связи польского названия хлопчатобумажной ткани *kandybura* с названием этого города — как **-de-Bourg* ‘-из Бурга’ > польск. *-dybura*, хотя остается неясным начальное *kan-* в польском слове *kandybura* (если только, учитывая назначение ткани и ее структуру, это не сокращение фр. *canevas* ‘сетчатая ткань (в частности, для обивки мебели)’ или фр. *canner* ‘плести’ [NDÉ, 129]).

БСРР — Химик В. В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб., 2004.
 ЕСУМ — Этимологічний словник української мови : у 6 т. / гол. ред. О. С. Мельничук. Київ, 1982–2012.

Кармен. Л. На дне Одессы. Одесса, 1904.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.01.2016).

Селигер — Селигер. Материалы по русской диалектологии : словарь / под ред. А. С. Герда. СПб., 2003–. Вып. 1–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стер. СПб., 1996.

NDÉ — *Dauzat A., Dubois J., Mitterand H.* Nouveau dictionnaire étymologique et historique. 3 éd. Paris, 1964.

PL²⁵ — Petit Larousse. 25e tirage. Paris, 1966.

Warsz.² — Słownik języka polskiego. T. 1–8 / red. J. Karłowicz, A. Kryński, A. Niedźwiedzki. Poznań, 1952 (fotooffset wyd.: Warszawa, 1900–1927).

* * *

Варбот Жанна Жановна

доктор филологических наук,
профессор,
заведующая Отделом этимологии
и ономастики
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
E-mail: zhannavarbot@yandex.ru

Varbot, Zhanna Zhanovna

DrHab, Professor
Head of the Department
of Etymology and Onomastics,
Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy
of Sciences
18/2, Volkhonka str.,
119019, Moscow, Russia
E-mail: zhannavarbot@vandex.ru

On the Possible Origin of the Word *kandibober*

The article seeks to present an etymological interpretation of the Russian word *kandibober* that is used in informal speech, slang and dialects to designate the uncommonness and extravagance of objects (e.g. footwear) and pretentiously foppish behavior. Since Russian has borrowed from Polish many words related to etiquette, fashion, including the names of clothes, shoes and fabrics, the production of which was adopted by Poland from the West, it seems possible to suggest an explanation of *kandibober* on the basis of Polish *kandybura* ‘a kind of cotton fabric, percale, with pattern of large flowers, used in making curtains and upholstery’: *kandibober* would be a loanword transformed by folk etymology, the meaning of the Russian word being motivated by the association of the fabric with a foppish, “nobleman’s” lifestyle. As to Polish *kandybura* itself, the author suggests that it could have originated from the name of a notable French cotton fabric manufacturing center, *Bourg-de-Thizy*.

Key words: etymology, semantics, sphere of use of a word, contextual setting, motivation, language contacts, loanwords, folk etymology.

Т. Н. Дмитриева

Екатеринбург

К истории и этимологии топонимов бассейна реки Пелым

В статье проводится историко-этимологический анализ отдельных топонимов мансийского и русского происхождения в бассейне реки Пелым, протекающей на севере Свердловской области (*Тахтымья, Шанталь, Заречная, Верх-Пелымский погост*). Исследование основано на данных широкого круга исторических и современных источников, в том числе на недостаточно привлекавшихся ранее материалах Г. Ф. Миллера 1842 г., Б. Мункачи 1888–1889 гг., А. Каннисто 1901–1906 гг.; также использованы представляющие особую ценность и до сих пор почти не изученные рукописные карты А. Регули 1844–1845 гг. Сопоставление исторических сведений о топонимии Пелыма с полевыми материалами Топонимической экспедиции Уральского университета 1960–1970-х гг., с данными административных справочников и современных карт позволяет проследить процесс формирования и развития топонимической системы Пелымского региона с XVIII в. до наших дней. Привлечение материалов, полученных исследователями Пелыма в XVIII — начале XX в., помогает подтвердить достоверность уже имеющихся этимологий пелымских топонимов и способствует их уточнению, а также реконструкции тех названий, которые до сих пор не удавалось этимологизировать.

К л ю ч е в ы е с л о в а: река Пелым, мансийская топонимия, письменные и полевые источники, этимология и история топонимов.

Пелым — крупный левый приток реки Тавды, протекающий на севере Свердловской области. Исторически это территория проживания народа манси. Носители пелымского диалекта мансийского языка обитали на территории нижнего и среднего течения реки

Пелым. По соседству с ними жили русские крестьяне, но русские селения долгое время были только в низовьях Пелыма. Пелымские манси более трех с половиной веков подвергались сильному русскому влиянию и окончательно обрусели к середине XX в. Верхнее течение Пелыма (выше р. Атымья) было освоено северными манси — носителями верхнелозьвинского и сосьвинского диалектов, но в настоящее время мансийского населения в верховьях реки уже почти не осталось. Основная масса современных топонимов бассейна Пелыма имеет субстратное мансийское происхождение. Живая северномансийская топонимия верхнего Припелымя с исчезновением там носителей мансийского языка также может перейти в субстрат.

Географические названия бассейна Пелыма привлекают внимание отечественных топонимистов с 1960-х гг.

Обширные полевые материалы по топонимии Гаринского и Ивдельского районов Свердловской области, где и протекает река Пелым, были собраны в 1966–1974 гг. Топонимической экспедицией Уральского университета (далее ТЭ) под руководством А. К. Матвеева. На основе этих материалов Г. В. Глинских провел большое и глубокое исследование русской топонимии мансийского происхождения в бассейне р. Тавда [Глинских, 1969; 1970; 1971; 1972; 1978; 1991 и др.]. Северномансийские топонимы верхнего течения Пелыма, собранные ТЭ, включены А. К. Матвеевым в его «Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала» [Матвеев, 2011]. Некоторые из пелымских топонимов рассматриваются в словаре А. К. Матвеева «Географические названия Урала» [Матвеев, 2008].

В 1960-е гг. изучение мансийской топонимии Пелыма предпринималось также Г. П. Вуоно, учеником А. П. Дульзона [Вуоно, 1964а; 1964б; 1965; 1969]. Статьи Г. П. Вуоно детально проанализированы Г. В. Глинских.

Уже в новом веке венгерский финно-угровед Габор Секей обратился к изучению мансийской топонимии Северного Урала по материалам одной из рукописных карт известного венгерского

исследователя Северного Урала Антала Регули¹. Среди рассмотренных Г. Секеем мансийских топонимов карты Регули есть ряд названий с верховьев Пелыма [см.: Секей, 2012].

До сих пор малоизученные рукописные карты Антала Регули [Reguly, 1844a; 1844b; 1844c; 1845] представляют особую ценность как один из первых источников полевой информации по мансийской, ненецкой, хантыйской топонимии Северного Урала (включая Полярный Урал) и Зауралья².

Важнейшими из исторических источников топонимического материала, в том числе и по топонимии Пелыма, также являются материалы путешествий Г. Ф. Миллера 1742 г., Б. Мункачи 1888–1889 гг. и статистические данные А. Каннисто 1901–1906 гг. о манси.

Сопоставление топонимических сведений о Пелыме, зафиксированных у манси учеными-путешественниками XVIII — начала XX в., с полевыми материалами Топонимической экспедиции Уральского университета 1960–1970-х гг., а также с материалами административных справочников и современных карт исследуемой территории позволяет проследить процесс формирования и развития топонимической системы Пелымского региона с XVIII в. до наших дней. Привлечение этих материалов поможет подтвердить достоверность имеющихся этимологий пелымских топонимов и способствовать их уточнению, а также реконструкции тех

---

¹ Антал Регули — лингвист, этнограф, географ, путешественник, один из первых исследователей языка и топонимии манси и других народов Северного Урала. В 1844–1845 гг., во время его героической экспедиции на Северный Урал, где до него никто не проводил столь длительных и обстоятельных исследований, им было составлено несколько рукописных карт, на которые он нанес многочисленные топонимы, записанные от местных жителей. В 1846 г. на основе этих карт Регули по заказу Русского географического общества составил в Санкт-Петербурге первую этнографическо-географическую карту Северного Урала, которая была высоко оценена Российской академией наук и литографирована [см.: Reguly, 1846; Архипова, Горчаковский, 1978; Архипова, Ястребов, 1990, 112–117; Карелин, 1996; Секей, 2012]. Пять рукописных карт Регули ныне хранятся в архиве Венгерской академии наук. Еще одна карта находится в Санкт-Петербурге, в Русском географическом обществе.

² Автор выражает глубокую благодарность Габору Секею за предоставленную возможность пользоваться копиями рукописных карт А. Регули из архива Венгерской академии наук и за помощь в расшивке пелымских топонимов.

названий, которые до сих пор не удавалось этимологизировать [см.: Дмитриева, 2015].

Рассмотрим несколько примеров, показывающих возможность нового взгляда на мансийские топонимы Пелыма с учетом исторических и современных данных.

1. *Тахтымья*

Тахтымья — правый приток р. Пелым в среднем течении, ниже р. Оус, выше бывшей д. Портах (ныне ур. Портах) [Карта 2000; Атлас 2010, 58]; в полевых материалах ТЭ — *Тáхтымья*, *Тáхтымье*, *Тафтым-речка*.

Г. П. Вуоно предлагает этимологию «от *товт*, *тохт* ‘гарь’, н/м — суффикс обладания, *а/о* наблюдается часто» [Вуоно, 1964а, 120].

Г. В. Глинских считает возможным сопоставление с манс. *тахт* ‘гагара’ (ср.: сев., юконд. *тахт* ‘гагара’ [Баландин, Вахрушева, 1958, 118 и др.]), но допускает и этимологию Г. П. Вуоно. Уточняя это толкование, Г. В. Глинских переводит топоним как «Горелая речка» и сопоставляет его основу и, предположительно, основу другого пелымского гидронима — *Тохтъя* (река, впадает в оз. Пелымский Туман) — с манс. сев., конд., пелым. *tout*, н.-лозьв. *tot*, тавд. *täut* ‘огонь’ [Szilási, 1895, 418], а также с пелым. *тахт-жү* ‘дрова’ [Там же, 414]; *-ым* ~ *-ыу* — суффикс обладания, *-я* — ‘река’ [см.: Глинских, 1971, 42; 1972, 226]. Ср. по словарю Мункачи: манс. ср.-лозьв. *toât*, н.-лозьв. *tât* (~ *tât* ~ *tat*), пелым. *taut* ~ *täut*, конд. *täut*, тавд. *täut* ‘огонь’ [МуК, 664]; манс. сев. *tāxt*, ср.-лозьв., конд., н.-лозьв. *tāxt*, пелым. *tāxt* ‘гагара’ [МуК, 616]; сев. *jā*, ср.-лозьв., н.-лозьв., пелым., тавд. *jā* ‘река’ [МуК, 140].

А. К. Матвеев отдает предпочтение объяснению названия реки *Тахтымья* из мансийского *тахт* ‘гагара’ с суффиксом обладания *-ынг* и *я* — ‘река’, таким образом восстанавливая мансийский топоним *Тахтынгья* ‘Гагарья река’ [Матвеев, 2008, 266], но тогда он, скорее всего, представляется как северномансийский — **tāxtin-jā*.

На картах Регули название записано в форме *Tachtimje* [Reguly, 1844с; 1846], *Tachtim je* [Reguly, 1845]. Однако по данным

Г. Ф. Миллера 1742 г. это река *Tautim-ja* [Миллер, 2006, 228]. Б. Мункачи в конце XIX в. приводит манс. пелым. *Tāut-tēm-jǎ* или *Tāut-tēm-jǎ* и дает русский эквивалент-кальку топонима — *Гаря*, а также его толкование: *Tűz-égette-vidék-falu* (венг. ‘Огнем сожженного района река’) [Munkácsi, 1896, 433; MuK, 665], букв. «Огнем съеденная река»: в мансийском языке одним словом обозначаются два действия — ‘есть’ и ‘гореть’, пелымское причастие прош. вр. *tēm* — ‘съеденный, горелый’ [MuK, 637].

В идентичности объекта номинации сомнений нет, так что эти сведения подтверждают первый вариант этимологии топонима *Тахтымья*, хотя в фонетическом отношении при сопоставлении манс. пелым. *tāut-tēm-jǎ* или *tāut-tēm-jǎ* с пелымским (в записи Регули) *Tachtim je* возникают вопросы. Возможно, разобраться в них поможет фиксация пелым. *taxt-jū* ‘дрова’ [Szilási, 1895, 414; MuK, 616]. Ср.: у северных манси ‘дрова’ — *ul'-jiv*, где компонент *ul'* — элидированное из *ul'a* ‘огонь’ [MuK, 694], а *jiv* — ‘дерево’, т. е. дрова — это ‘дерево для огня’. Но и пелым. *jū* (~ *jiv*) — тоже ‘дерево’. В словарной статье на *jiv* ‘дерево’ Мункачи приводит пелым. *taxt-jū* в одном ряду со ср.-лозьв. *tat-* ~ *tât-* ~ *tât-jiv*, н.-лозьв. *tat-jiv*, тавд. *täut-t'ix* ‘дрова’ [MuK, 162], первый компонент означает ‘огонь’ (см. выше).

Таким образом, вероятно, что пелымский топоним *Тахтымья* (из **taxt-tēm-jǎ*) сохранил лексему *taxt* как еще один вариант наименования огня у пелымских манси. Слово имеет угорское происхождение: в «Уральском этимологическом словаре» Кароя Редечи восстанавливается праугорское **tüwz-tz* или **tüwz-tz* ‘огонь’, ср. в хантыйском языке вах. *töwät*, ирт. (в.-дем.) *tüt*, обд. *tut* ‘огонь’, а также манс. тавд. *täwät*, н.-конд. *tǎwt*, пелым. *tāwt*, венг. *tűz* ‘огонь’ [UEW, 895]. Консонантизм восточнохантыйской формы с согласным *-γ-* наиболее соответствует пелымской форме. В соответствии с в.-лозьв. и сосьв. *ul'a* ‘огонь’ находим у Каннисто также пелым. *βul'a* ‘огонь’ [KaWW, 149]³, но эта лексема не нашла отражения в топонимии и этимологически не разработана.

³ Фонетическая транскрипция Каннисто приведена здесь в упрощенном варианте.

Что касается самой реалии, то, по сообщению жителя пос. Пелым Я. Г. Кузнецова (2009 г.), по этой реке есть лесные массивы одного возраста, выросшие на местах, где раньше были большие пожары. Места там не болотистые, поэтому, видимо, лес периодически выгорает [ЛЗА].

2. «Юрты у Лиственничной реки» и д. Шантальская

Прежде чем рассматривать первое, прежнее название этого пелымского селения — «Юрты у Лиственничной реки», переведенное с мансийского, остановимся на смежном гидрониме, хотя ни ойконом, ни гидроним до наших дней не сохранились. Однако Г. Ф. Миллером в 1742 г. была отмечена р. *Ninkit-ja*, небольшой правый приток р. Пелым в его нижнем течении: «*Ninkit-ja*, с запада, в ½ версты от предыдущей деревни (от юрт *Ninkit-paul*, см. ниже. — Т. Д.). Возникает поблизости» [Миллер, 2006, 227]. На карте Регули указана речка *Nyingtjä*, правый приток р. Пелым, ниже юрт *Seiltïng* [Reguly, 1844c] (*Seiltïng* — уже нежилая д. Сальты, ныне ур. Сальты [Карта 2000; Атлас 2010, 70]). Б. Мункачи также фиксирует пелым. *Niñkët-jã* [Munkácsi, 1896, 433] = *niñkët-jã* [МуК, 362].

Неизвестный по современным данным пелымский гидроним *niñkët-jã означает ‘Река с лиственницами’, ‘Лиственничная река’. Атрибутивный компонент, предшествующий детерминанту *jã* ‘река’, соотносится с манс. пелым., ср.-лозьв., конд. *niñ* ~ сев. *nãñk* ‘лиственница’ [МуК, 361, 329], то же — манс. *niñ*, *niñq*, *nañq* [Ahlqvist, 1891, 18, 32]. На Пелыме есть и другие топонимы с этой основой, в частности р. *Hixnoja* (*Hixna*) — приток р. Пелым в нижнем течении [см.: Глинских, 1971, 40; 1972, 193–194]. Ср. примеры из живой северномансийской топонимии, зафиксированные ТЭ на территории проживания верхнелозьвинских манси: ручей *Нингкв-йив-колынг-сос* ‘Ручей с домом из лиственницы’, гора *Нингкв-йив-колынг-тумп* ‘Гора с домом из лиственницы’, яма в реке *Нингкв-тусьтым-воль* ‘Яма, где поставили лиственницу’, гора *Нингкв-ур* ‘Лиственничная гора’ [Глинских, Матвеев, 1976, 139]. Слово *ниñкв* ‘лиственница’, не засвидетельствованное в мансийских лексикографических

источниках, очень близко к обско-угорской форме *nījkz, восстановленной Л. Хонти [Honti, 1982, 168; см.: Матвеев, 2011, 110]. Ср. в хантыйском языке: вах.-васюг. *nājk* (вах. *nījkəm*), сург. *nājk* (м.-юг., юг. *nījkəm*), ирт. *nājk*, низям., шерк., казым. *nājk* и т. д.; манс. в.-лозьв., сосьв. *nājk* относят к заимствованиям из хантыйского [DEWOS, 1005]⁴.

Как свидетельствует Миллер, вблизи речки *Ninkit-ja*, на западном берегу Пелыма находилось селение *Ninkit-paul*, в котором было две юрты [Миллер, 2006, 227]. Эти же юрты отмечает на своей карте Регули под названием *Nyīngtschïä paul Schimtal* — на правом берегу р. Пелым, ниже р. *Nyīngtjä* [Reguly, 1844с]. Фактически здесь приведено два названия. Рассмотрим первое из них. Хотя оно передается не вполне корректно, это явно производное от гидронима: пелым. *nījkət-jā → *nījkət-jā pəwəl, т. е. ‘Селение у Реки с лиственницами’, ‘Юрты у Лиственничной реки’ (конечный *-t* в *nījkət — показатель множественного числа). Детерминатив восстановлен нами в пелымской форме, хотя Регули в названиях мансийских селений всегда пишет его в северномансийском варианте — *paul*⁵, ср.: сев. *paul* [*pāwəl*], ср.-лозьв. *pəəl* (*pāil-*), н.-лозьв. *pəl* (*pāil-*), пелым. *pəwəl*, конд. *pəul* (*pāil-*), тавд. *pəul* ~ *pəul* [МуК, 427].

Второе название — *Schimtal* — требует специального объяснения. В материалах Б. Мункачи конца XIX в. ойконим фиксируется как пелым. *nījkət-jā-pewəl*, конд. *nījət-jā-pəl* *Шаимталь* [МуК, 362]; то же — *Nījkət-jā-p.* (*Шамталь*) [Munkácsi, 1896, 433]. В статистических сведениях начала XX в. о манси А. Каннисто эту деревню не упоминает — возможно, в связи с тем, что манси в ней тогда не было. Позже, в справочнике населенных пунктов Уральской области 1928 г., в составе Верхнепелымского сельсовета записаны две деревни — д. *Шантальская* (10 хозяйств) и д. *Шантальская Гарь* (тоже 10 хозяйств), обе только с русским населением [НПУрО

⁴ Реконструкцию прафинноугорского названия лиственницы *nājz К. Реден иллюстрирует в том числе и манс. ср.-конд., пелым. *nik*, н.-конд. *nix-*, также отмечает хантыйский источник у манс. в.-сосьв., в.-лозьв. *nājk* [UEW, 302].

⁵ О влиянии языковой стихии северномансийских диалектов на унификацию мансийских топонимов см. [Глинских, 1991, 37–38].

1928, 30]. По данным ТЭ 1960-х гг. деревня называлась *Шанталь*. В административных справочниках второй половины XX в. — д. *Шантальская* Верх-Пелымского с/с [АТДСО 1978, 112; АТДСО 1987, 93]; на современных картах — д. *Шантальская* [Карта 2000; Карта 2009; Атлас 2010, 82], но в настоящее время и эта деревня уже нежилая.

Как видим, второе наименование данного селения, известное как минимум уже в середине XIX в., варьирует в источниках: *Шимтал*, *Шамталь*, *Шаиталь*, *Шанталь(-ская)*, и неизвестно, какой из вариантов более точный.

По предположению А. К. Матвеева (устное сообщение, 2009 г.), переработанный русским языком топоним *Шамталь* / *Шанталь* мог означать по-мансийски ‘черная вершина’ (где ‘вершина’ = ‘возвышенность’). То есть возможно восстановить пелым. (?) **šēməl tal’ək* — ср. сев. *sēməl*, ср.-лозьев., н.-лозьев., пелым. *šēməl*, тавд. *šī-məl*, конд. *sēməl* ‘черный’ [МуК, 541]; сев. *tal’èχ* [*tal’əχ*], ср.-лозьев. *tal’èχ* ~ *täl’èχ* (~ *tal’èk* ~ *täl’èk*), н.-лозьев. *täl’äk* ~ *tal’èk*, пелым. *tal’èk* и т. д. ‘вершина’ [МуК, 623].

Вариант топонима *Шаиталь* можно сопоставить с похожими топонимами ниже по Пелыму, которые анализирует Г. В. Глинских: р. *Шаиталька* (басс. р. Кондинка) и оз. *Шесталька* (басс. р. Летняя). Основа *шаи-/шес-* соотносится Г. В. Глинских с манс. ср.-конд. *sēs*, пелым., н.-лозьев. *šēš*, сосьв. *sās* ‘род утки (anas boschas)’ [Steinitz, 1955, 188] или с пелым. *š’āš* ‘береста’ [Kannisto, 1919, 2]; *талька* — ‘вершина реки’. Перевод названия — «Утиная вершина (реки)» или «Берестяная вершина (реки)», т. е. «Вершина (реки), где добывают бересту» [Глинских, 1971, 53; 1972, 238; 1978, 177].

В связи с данным топонимом ср. также фамилию *Шуиталев*, отмеченную в Сосьвинской волости Березовского уезда по ревизиям 1782, 1795, 1816, 1858 гг. [Пивнева, 1999, 92, 236; Перевалова, 2004, 370]. В 1901 г. Каннисто зафиксировал ее в форме *Sistalap* [Kannisto, Nevalainen, 1969, 93]. У современных сосьвинских манси существует фамилия *Шесталов* (знаменитый мансийский поэт Юван Шесталов был родом с Северной Сосьвы). Как пишет Р. К. Бардина, по сообщению ее информантов — сосьвинских манси, фамилия *Шесталов*

состоит из двух слов — *сис тал* ‘без спины’: «у предка Шесталовых, вероятно, болела спина», но возможно, что антропоним возник «из-за походки — при ходьбе Шесталовы слегка наклоняли туловище вперед» [Бардина, 2011, 98].

Форма *Шимтал*, зафиксированная Регули, позволяет связывать происхождение названия селения *Шимтал* и его вариантов с манс. сев. *simtal* [simtāl], ср.-лозъв. *šimtal* ‘трухлявый (без сердцевины, древесина или дерево)’ [МуК, 547], букв. «без сердца». Но и в пельмском диалекте ‘без сердца’ — тоже *šimtal* [см.: Там же]. Не исключено, что в данном случае топоним может быть от-антропонимическим.

Г. П. Вуоно, в 1960-е гг. работавший с манси на Пелыме, записал этот ойконим в форме *Шентал* и *Шенталово*, что позволило ему предполагать происхождение названия от фамилии *Шенталов*, восходящей, по его мнению, к пельм. *шеммал* ‘безглазый’ [Вуоно, 1964а, 122].

3. Деревня *Рекпаульская*, или *Заречная*

Деревня *Заречная* находилась на правом берегу р. Пелым, ниже д. Шанталь. На современных картах — д. *Заречная* (нежилая) [Карта 2000], ур. *Заречное* [Карта 2009; Атлас 2010, 82]. У Каннисто по данным начала XX в. — д. *Zaretšnaja* [Kannisto, Nevalainen, 1969, 51]. В более ранних источниках деревня называется иначе: по сведениям Миллера 1742 г. — «*Réku-paul*, на западном берегу (реки Пелым — *Т. Д.*), в трех верстах от *Túman* ‘а. 4 юрты» [Миллер, 2006, 227]. В метрических книгах конца XVIII — XIX в. — д. *Рекпаульская* [Соколова, 1983, 298]. Антал Регули наносит на свою карту юрты *Rek paul* на правом берегу р. Пелым, ниже юрт *Nyǐngtschǐä paul Schimtal* [Reguly, 1844с] (см. выше). Б. Мункачи в конце XIX в. отмечает это вогульское селение как «*Rēkw-p.* (*Part-falu* (венг. ‘Берег-деревня’), Заречная)» [Munkácsi, 1896, 433].

Как видим, мансийское название переведено Мункачи, т. е. это ‘береговая деревня’ — ср. манс. пельм. *rēkw* ‘высокий обрывистый берег’ [МуК, 499].

Названия *Рекпаульская* и *Заречная*, относящиеся к одному и тому же селению, близки семантически: русский топоним, так же как и мансийский, содержит информацию о расположении деревни на берегу реки.

По рассказам Дмитрия Денисовича Мульмина, сына последнего носителя пельмского диалекта Дениса Мульмина⁶, их предок, местный мансийский князь, живший в д. Заречная (т. е. в *Rĕkw-paul*), не разрешил строить православную церковь на своем (правом) берегу Пельма. Из-за возникшего конфликта Мульминым пришлось переехать в другую деревню на том же правом берегу — в д. Сальты (записано в 2006 г.) [Бердюгина, Слепухин, 2015, 44]. Церковь все же построили, но на левой стороне реки, напротив д. Заречная.

4. Верх-Пельмский погост

Г. Ф. Миллер в материалах путешествия 1742 г. упоминает селение *Верх-Пельмской погост* и отмечает его местоположение «на восточной стороне реки, напротив предыдущей деревни (д. *Rĕku-paul*, т. е. напротив Заречной. — *Т. Д.*), в ½ версты или несколько далее от берега» [Миллер, 2006, 227]. У Миллера это последний русский топоним по Пельму, далее перечисляются только мансийские паули. Согласно описанию Миллера, «здесь имеется учрежденная для вогулов церковь Спасителя Образа Нерукотвореннаго, при которой имеются лишь два жилища — священника и дьячка. Прежде здесь была вогульская деревня *Tschochla-paul*, состоявшая из 3 юрт, но ее жители после постройки церкви переселились в другие места» [Там же].

По сведениям карты Регули, на левом берегу р. Пелым, ниже юрт *Rek paul*, выше (севернее) оз. *Palm tunen* (= Пельмский Туман) находилось селение *Pop paul* — *Werch Pelim*. Регули обозначает это место

---

⁶ Денис Осипович Мульмин был одним из информантов Топонимической экспедиции УрГУ в 1966 г. Внук Осипа и сын Дениса Мульмина, Дмитрий Денисович жил в поселке Пелым (у ж/д станции Пелым) и скончался в 2009 г. Он был представителем довольно старого княжеского рода манси, первостроителем поселка и ж/д станции Пелым, почетным жителем поселка Пелым [Бердюгина, Слепухин, 2015, 44]. Его родственники и ныне проживают в Пельме, мансийского языка они не знают.

крестом, указывая таким образом на расположение церкви [Reguly, 1844c]. В своем дневнике он называет селение только *Werch Pelim* [Регули, 2008, 24, 27]. Б. Мункачи в конце XIX в. приводит мансийский пельмский топоним *Pup-p., p.-pəwəl (Pap-falu* (венг. 'Поп-деревня') *Верхнее Пельм(ь)ское)* [Munkácsi, 1896, 433; МуК, 482].

Примечательно, что и у Регули, и у Мункачи зафиксированы параллельные мансийское и русское названия селения. Определение *верхний* в составе русского топонима соотносит его с селом Пельым (Пельмское), расположенным ниже по реке, в устье Пельыма, — это было одно из старейших русских поселений Сибири, прежде называвшееся *город Пельым*. Он был построен русскими казаками в 1593 г. на месте покоренного вогульского Пельымского городка. Отсюда с конца XVI в. русские стали осваивать Припелырье и другие области за Уралом. В городе Пельыме была крепость с острогом и две церкви — Рождества Христова с боковым алтарем Николая Чудотворца, а также церковь Архистратига Михаила с боковым алтарем Илии Пророка [Миллер, 2006, 220].

Мансийский вариант топонима, буквально означающий «Деревня попа», вполне соответствовал действительности: как уже отмечалось, во времена Миллера в Верх-Пельымском погосте жили только два русских священнослужителя. Слово *pop* манси заимствовали из русского языка в результате обращения их в христианство⁷. В мансийских диалектах отмечено сев. *p̄ip* ~ *pup*, пельым., конд. *pup*, тавд. *p̄op* 'поп' [МуК, 482].

В начале XX в. на месте Верх-Пельымского погоста было село *Спасское* [Карта 1923], названное по бывшей в нем церкви; позже его называли с. *Верх-Пельымское*, или *Попова*, в 1928 г. там проживали 12 русских и три вогула [НПУрО 1928, 28]. Деревни Поповой уже не было в середине 1960-х гг., но, по полевым материалам ТЭ 1966 г., рядом с бывшей д. Попова отмечена *Поповская речка*, она же *Малая Заречная речка*, — левый рукав *Большой Заречной речки*, которая вытекает из оз. Большелесенское и двумя руслами впадает в Пельым напротив д. Заречная.

---

⁷ На Пельыме этот процесс начался с XVII в., но массовое крещение вогулов и остяков произошло в начале XVIII в. [Семенов, 4, 28; Главацкая, 2005].

- Архипова Н. П., Горчаковский П. Л.* С берегов Дуная на север Уральских гор. Путешествие Антала Регули // *Природа*. 1978. № 11. С. 103–109.
- Архипова Н. П., Ястребов Е. В.* Как были открыты Уральские горы. Свердловск, 1990. С. 112–117.
- АТДСО 1978 — Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1978 г. Свердловск, 1978.
- АТДСО 1987 — Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г. Свердловск, 1987.
- Атлас 2010 — Свердловская область. Атлас. М 1 : 100.000. Т. 1. Север области / сост. и подг. к изд. ФГУП «Уралаэрогеодезия» в 2010 г. М., 2010.
- Баландин А. Н., Вахрушева М. П.* Мансийско-русский словарь. Л., 1958.
- Бардина Р. К.* Угорское население Нижнесосьвинского Приобья (XVIII–XXI века) / отв. ред. Н. В. Лукина. Новосибирск, 2011.
- Бердюжина Н. Ю., Слепухин А. В.* Важная миссия экспедиции «Манси — лесные люди» // *Культура и быт уральских манси* : сб. ст. / сост. С. Н. Кучевасова. Екатеринбург, 2015. С. 30–78.
- Вуоно Г. П.* Основные типы мансийских топонимов в устном употреблении // *Топонимика Востока (Новые исследования)* / под ред. Г. П. Бондарук и др. М., 1964а. С. 115–126.
- Вуоно Г. П.* Семантическая характеристика топонимов мансийского происхождения // *Уч. зап. Том. пед. ин-та*. 1964б. Т. 21. Вып. 1. С. 103–113.
- Вуоно Г. П.* О некоторых звуковых вариантах мансийских топонимов // *Уч. зап. Том. пед. ин-та*. 1965. Т. 22. С. 154–161.
- Вуоно Г. П.* Особенности мансийской топонимики Припелымья // *Происхождение аборигенов Сибири и их языков* : материалы межвуз. конф. (11–13 мая 1969 г). Томск, 1969. С. 102–104.
- Главацкая Е. М.* Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург ; Салехард, 2005.
- Глинских Г. В.* Основные типы мансийской топонимики Среднего и Нижнего Припелымья // *Всесоюзная конференция по финно-угроведению* : тез. докл. и сообщ. / под ред. В. А. Акцорина и др. Йошкар-Ола, 1969. С. 14–17.
- Глинских Г. В.* Мансийские географические термины в самостоятельном топонимическом употреблении (на материале Среднего и Нижнего Припелымья) // *Вопросы топонимастики* / под ред. А. К. Матвеева. Вып. 4. Свердловск, 1970. (Уч. зап. Урал. гос. ун-та. № 90/11). С. 93–96.
- Глинских Г. В.* Русская топонимика мансийского происхождения на территории Среднего и Нижнего Припелымья // *Вопросы топонимастики* / под ред. А. К. Матвеева. Вып. 5. Свердловск, 1971. (Уч. зап. Урал. гос. ун-та. № 90/18). С. 35–57.

- Глинских Г. В.* Русская топонимия мансийского происхождения в бассейне реки Тавды : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1972.
- Глинских Г. В.* Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде // *Этимология русских диалектных слов* / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1978. С. 109–179.
- Глинских Г. В.* Отражение диалектных особенностей мансийского языка в субстратной топонимии бассейна реки Тавды // *Этимологические исследования* — 5 : сб. науч. тр. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1991. С. 36–40.
- Глинских Г. В., Матвеев А. К.* О некоторых фонетических и лексических особенностях мансийской топонимии Северного Урала // *Происхождение аборигенов Сибири и их языков : материалы Всесоюз. конф. (3–5 июня 1976 г.)* / под ред. Э. Г. Беккер и др. Томск, 1976. С. 136–140.
- Дмитриева Т. Н.* Топонимия реки Пелым на рукописных картах А. Регули 1844–1845 гг. // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г.)* / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2015. С. 96–99.
- Карелин В. Г.* Географические открытия венгра на Урале // *Уральское краеведение* / ред. Н. Н. Тагильцева. Екатеринбург, 1996. (Уральский областник. № 5). С. 52–56.
- Карта 1923 — Карта Урала и Приуралья. М 1 : 1000000. Свердловск, 1923.
- Карта 2000 — Свердловская область. Общегеографическая карта. М 1 : 500000 / сост. и подгот. к изд. Уральским аэрогеодезическим предприятием в 1994 г. М., 2000.
- Карта 2009 — Свердловская область. Окрестности Гари. М 1 : 100000. Екатеринбург, 2009.
- ЛЗА — личные записи автора.
- Матвеев А. К.* Географические названия Урала : топонимический словарь. Екатеринбург, 2008.
- Матвеев А. К.* Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала / отв. ред. Т. Н. Дмитриева. Екатеринбург, 2011.
- Миллер Г. Ф.* Путешествия 1742 года // *Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера* / пер. и подг. текста, предисл., коммент. А. Х. Элрета. Екатеринбург, 2006. С. 221–229.
- НПУрО 1928 — Населенные пункты Уральской области. Т. 12 : Тобольский округ. Свердловск, 1928. С. 28–38.
- Первалова Е. В.* Северные ханты. Этническая история. Екатеринбург, 2004.
- Пивнева Е. А.* Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М., 1999.
- Регули А.* Календарий. Дневник венгерского путешественника-исследователя с 29 сентября 1843 г. по 5 марта 1846 г. Путешествие по России. Петербург — Урал — Петербург (пер. с венг. яз.). Будапешт, 2008.

- Секей Г.* Топонимия верхнего течения р. Лозьва и прилегающих территорий на рукописном плане карты Антала Регули (Karte Nro. 1. 1844) // *Вопр. ономастики.* 2012. № 2 (13). С. 18–42.
- Семенов П. П.* Географическо-статистический словарь Российской империи : в 5 т. СПб., 1863–1885.
- Соколова З. П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983.
- Ahlqvist A.* Wogulisches Wörterverzeichnis. Helsinki, 1891. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia; II / Mémoires de la Société Finno-ougrienne; II).
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Bd. 1–15. Berlin, 1966–1993.
- Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.
- Kannisto A.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wogulischen, vom qualitativen Standpunkt. Helsinki, 1919. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; 46).
- Kannisto A., Nevalainen J.* Statistik über die Wogulen // *Journal de la Société Finno-ougrienne.* 1969. № 70/4. S. 1–95.
- KaWW — *Kannisto A., Eiras V., Moisio A.* Wogulisches Wörterbuch. Helsinki, 2013. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXXV. Kotimaisten Kielten Keskuksen Julkaisuja 173).
- MuK — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1986.
- Munkácsi B.* Nyolczadik szakasz. Vogul föld helynevel // *Munkácsi B.* Vogul népköltési gyűjtemny. IV kötet. Eletképek. Első füzet. Vogul szövegek es fordításaik. Saját gyűjtése és Reguly Antal hagyományai alapján. Budapest, 1896. P. 433–434.
- Reguly 1846 — *Ethnographisch-geographische Karte des Nördlichen Ural Gebietes, entworfen auf einer reise in den jahren 1844–1845 von Anton Reguly.* St. Petersburg, 1846.
- Reguly A.* Karte Nro I. Das gebiet der oberen Lozva. Vsevolodskoi. 1844. Jan., MTAK Kézirattár, M. Nyelvtud. 2drét 4. r., 5. sz. Budapest, 1844a.
- Reguly A.* Karte Nro II. Karte des Flussgebietes der nördl. Sossva. Nach Alexei Kasimovs Nachrichten. Vsevolodskoi. 1844 Januar., MTAK Kézirattár, M. Nyelvtud. 2drét 4. r., 5. sz. Budapest, 1844b.
- Reguly A.* Karte Nro III. Manysi oder Wogulen. Das Flussgebiet der Tavda und Konda mit einheimischen und russischen Namen. In Pelim 1844, im Mai, MTAK Kézirattár, M. Nyelvtud. 2drét 4. r., 5. sz. Budapest, 1844c.
- Reguly A.* Karte Nro IV. Quellengebiet der nördl. Sossva, des Pelim und der Tapsija. Zusammengestellt in Beresov, MTAK Kézirattár, M. Nyelvtud. 2drét 4. r., 5. sz. Budapest, 1845.
- Steinitz W.* Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin, 1955.
- Szilási M.* Vogul Szójegyzék. Budapest, 1895. (Nyelvtudományi Közlemények. № 25).
- UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. Wien, 1881.

* * *

Дмитриева Татьяна Николаевна
 доктор филологических наук,
 профессор кафедры русского языка
 и общего языкознания
 Уральский федеральный университет
 620000, Екатеринбург, пр. Ленина,
 51, ком. 306
 E-mail: profdmitan@yandex.ru

Dmitrieva, Tatiana Nikolayevna
 DrHab, Professor,
 Department of Russian Language
 and General Linguistics
 Ural Federal University
 51, Lenin av., room 306,
 620000, Ekaterinburg, Russia
 E-mail: profdmitan@yandex.ru

On the History and Etymology of the Pelym River Basin Place Names

The article provides a historical and etymological analysis of some Mansi and Russian place names in the Pelym River basin in the North of Sverdlovsk Region (*Tachtimya*, *Shantal'*, *Zarechnaya*, *Verkh-Pelimskiy pogost*). The research is based on data retrieved from a wide range of sources, including materials of G. F. Miller (1742), B. Munkácsi (1888–1889), A. Kannisto (1901–1906), and particularly valuable, but still little studied handwritten maps by A. Reguly (1844–1845). The comparison of historical data on the Pelym's toponymy with the fieldwork materials of the Ural University Toponymic Expedition collected in 1960–70s, as well as with the data from administrative reference books and modern geographical maps of the region allows the author to trace back the process of formation and development of toponymic system of the Pelym River basin from the 18th century till now. The use of the materials obtained by researchers in the 18th — early 20th centuries leads to confirm or to clarify the existing etymological interpretations of the Pelym's place names and to reconstruct those which still have not been explained.

Key words: Pelym River, Mansi toponymy, written and fieldwork sources, history and etymology of place names.

Л. П. Дронова

Томск

Славяно-германские связи в представлении о вредном

В статье рассматривается сходство в лексических средствах представления отрицательной утилитарной оценки в русском / славянских и германских языках. Историко-этимологический анализ свидетельствует о разных по характеру и времени причинах возникновения этого сходства: генетическая близость (англ. *harm* ‘вред, зло; обида’, ‘(по)вредить’, нем. *harmlos* ‘безобидный, безвредный’ и рус. *спам, сором*, слав. *sormъ), явное, исторически зафиксированное заимствование из древневерхненемецкого (др.-в.-нем. *scado* > нем. *Schade(n)*, польск. *szkoda*, чеш. *škoda* ‘убыток, ущерб, вред’, откуда рус., укр. *шкода*) и сходство негенетического характера (слав. *verdъ и др.-в.-нем. *wartjan, wartan, werten*, др.-сакс. *wardjan*, англосакс. *verdant*, — вероятно, результат ранних контактов праславян с восточными германцами (готами и др.) и англосаксами — западными соседями в последние века до н. э. и в первые века н. э.). Спорным остается направление заимствования из-за сложности истолкования генетических связей слав. *verdъ (рус. *вред* и *веред* и др.).

Ключевые слова: история, этимология, лексика, славяно-германские связи, утилитарная оценка.

М. Э. — собирательнице и хранительнице
русского слова и его тайн

Понятие «оценка», природа и типы языковых оценок, статус оценки как лингвистической категории в соотношении с другими категориями — эти вопросы начали активно обсуждаться в отечественной лингвистике в 1970–1980-е гг. в связи с развитием семантики, функциональной лингвистики [см.: Василенко, 1964; Столович, 1966; Ивин, 1970; Арутюнова, 1980; 1984; Вольф, 1981;

2002 и др.]. С этого же времени в фокусе внимания лингвистов находится и лексика, представляющая общие и частные оценки [см.: Обнорский, 1929; Варбот, 1981; Шрамм, 1979 — о *хороший*; Филин, 1962 — о *хороший* и *плохой*; Соколовская, 1967; 1970 — о *добрый* и *хороший*; Берестнев, 1999; Вендина, 2002 — о *добро*, *благо*, *зло* и др.]. С точки зрения историко-культурной и когнитивной особенно значим и эффективен анализ частных оценок, в которых наряду с оценочным значением сохраняется, как правило, и дескриптивный компонент, что позволяет увидеть круг мотивировочных признаков, их изменение в исторической перспективе как отражение изменений в представлении об окружающем мире и внутреннем мире человека.

Мы уже обращались к анализу диахронных связей русской лексики, выражающей (и исторически выражавшей) общую оценку [Дронова, 2006]. В данном случае наше внимание привлекли генетические, историко-культурные связи обозначения отрицательной утилитарной оценки в русском языке (*resp.* в славянских языках) и германских языках.

Основное лексическое средство выражения в русском языке отрицательной утилитарной оценки — существительное *вред* ‘порча, ущерб’ (в физическом, моральном смысле) и его ближайшие производные, представляющие вред как признак предмета и как действие, процесс, — прилагательное *вредный* ‘причиняющий (способный) причинить вред’, прост. ‘недоброжелательный, злой (о человеке, его характере)’ и глагол *вредить* (*повредить*) ‘причинять вред, наносить ущерб’ [МАС, 1, 226]. Производящее *вред* имеет широкое значение и не указывает на конкретный мотивировочный признак. Правда, в русском языке есть и малораспространенный (устар., прост.) полногласный вариант этого слова — *веред* ‘гнойный нарыв, чирей’ — и в просторечии глагол *вередить* (*развередить*) ‘раздражать больное место прикосновением; бередить’ [Там же, 150]. Этот же полногласный вариант и его производные широко представлены в диалектах русского языка наряду с неполногласными формами: *веред* пск., новг., волог., яросл., твер., ряз., тул., моск., калуж., орл., ворон. ‘нарыв, гнойник, фурункул’, пск., твер. ‘большой чирей

и вообще рана', 'струп', 'болезнь, вызванная поднятием большой тяжести', *vrédá* арх., влг., новг., пск., костр., смол., твер., перм., калуж., ряз. и др. 'вред, порча, ущерб, убыток', *vereditь*, *verezhatь* смол., новг., калуж. 'причинять вред', новг., влг. 'ушибать (руку, ногу)', 'портить что-л.' и др. [СРНГ, 4, 127–129; 5, 190]. Слова с неполногласием являются ранними заимствованиями из старославянского [Черных, 1, 170]. В старославянском языке **врѣдъ** — 'рана, ранение; нарыв, чирей', 'болезнь', 'ущерб, убыток' (**врѣдъ**, **пакость творити**). Семантику лексемы **врѣдъ** уточняет целый ряд синонимов: **рана**, **строупъ**, **творъ**; **проказа**, **прокаженик**; **болѣзнь**, **недѣгъ**, **язва**; **врѣжденик**, **пакость** [СС, 124–125].

Большинство известных этимологов, авторов этимологических словарей, считают старшим значение 'нарыв, чирей, язва' для праслав. **verdъ*. Расхождения наблюдаются во мнении относительно генетических связей: одни связывают слав. **verdъ* с и.-е. **uer-dh-* 'расти', ср. лтш. *ap-virde* 'нарыв', др.-инд. *vardhati* 'растет' [Фасмер, 1, 295; БЕР, 1, 184], другие — с и.-е. **uer-d-* и **uer-s-* 'приподнятость, возвышенность на земле, на коже', ср. лат. *varus* 'прыщи (на лице)', др.-в.-нем. *warze*, нем. *Warze*, др.-исл. *warta* 'бородавка' (< **uordā*) и нем. *Werre* 'ячмень на глазу', лат. *verruca* 'бородавка', 'бугорок', 'возвышенность вообще' [Pokorny, 2, 1151; Фасмер, 1, 295; Черных, 1, 170; ЕСУМ, 1, 352–353; ЭСБМ, 2, 85; Шапошников, 1, 149 и др.; см.: Аникин, 6, 274]. П. Скок в этимологическом словаре сербохорватского языка ссылается на производные и **uer-dh-*, и **uer-d-*, отсылая к семантике корня **uer-* 'резать' как исходной [Skok, 3, 625–626]. В. Махек, автор этимологического словаря чешского и словацкого языков, выделяет *vřed 1*, с которым соотносит рус. *вред / веред* 'нарыв, чирей', и *vřed 2* 'болезнь' [Machek, 1957, 576]. Ю. Покорный в своем этимологическом словаре индоевропейского языка относит производные слав. **verdъ* вообще в два разных этимологических гнезда: слав. **verdъ* 'вред, ущерб, повреждение, Schaden', 'нарыв, язва, Geschwür' определено как производное и.-е. **uer-d-* 'приподнятое место (на местности или на коже)', а слав. **verdъ* 'рана' — как производное и.-е. **uer-d-* 'разрывать, царапать' [Pokorny, 2, 1151, 1163].

Генетические связи и исходное (раннее) значение слав. **verďь* привлекли внимание И. П. Петлевой, которая критически оценила все вышеперечисленные гипотезы, разделение этимологического гнезда слав. **verďь*. Сопоставив факты славянских языков, она указала, что, акцентируя внимание на значении ‘веред, чирей, болячка, нарыв’, которое отмечено в большинстве языков, исследователи упускают из виду другой круг значений: ‘рана’, ‘ушиб’, ‘телесное повреждение’ (ст.-слав., др.-рус., рус. диал., с.-хорв. устар., словен.), ‘испорченная кровь’ (ст.-слав.), ‘простуда’ (макед., болг. диал.), ‘болезнь’ (ст.-слав., др.-рус.), ‘зло, беда, вред, ущерб, порча’ и нек. др. [Петлева, 1974, 93–95]. В отношении происхождения слав. **verďь* И. П. Петлева соглашается с И. И. Срезневским [1, 318], который соотносит др.-рус. *врѣдъ* с др.-в.-нем. *wartjan*, ср.-в.-нем. *warden* ‘портить’, гот. *wardjan*, др.-сканд. *a-wardjan*, *vredh-* ‘malus’, отсылая к «Грамматике» Я. Гримма. В этом случае слав. **verďь* — отглагольное образование: «для слав. **verďь* первичным следует считать значение ‘повреждать (ранить), вредить; повреждение, вред’...» [Петлева, 1974, 96–97].

Анализ отношений в семантическом поле слав. **verďь*, как кажется, действительно позволяет поддержать предположение И. П. Петлевой о первичности в данном случае деструктивной семантики, ведь веред — это не просто нарост на теле или бородавка, а именно нарыв, нагноение раны, болячка [Дронова, Лю, в печати]. К сожалению, эта гипотеза не получила в дальнейшем широкого распространения и обсуждения (хотя она приведена в словаре Ф. Миклошича и ее готов поддержать А. Е. Аникин [6, 275]), возможно, из-за того что приведенные как соответствия древнегерманские лексемы в современных германских языках прямого (с тем же значением) продолжения не имеют и их генетические связи к рассмотрению в современных исследованиях не привлекались.

Обращение по ссылке И. И. Срезневского к «Грамматике» Я. Гримма не дало результата, но в словаре братьев Гримм при рассмотрении спорного по происхождению прилагательного *wert* (ср. англ. *worth*) ‘стоящий, ценный’, сближаемого с герм. **werþa* (-wärtis и т. д., лат. арх. *vorsus*, лат. *versus* ‘в сторону, по направлению к’

и т. д.), высказывается предположение, что из германских языков заимствованы кимр. *gwerth*, фин. *verta*, лит. *vertas*, др.-прус. *werts* и ст.-слав. *-vrědŭ* (в *nevrědŭ* ‘unwürdig’) [DWB, 14 (1/2), 444–445]. То есть речь идет об омонимичном ст.-слав. **НЕВРѢДОУ, НЕВРѢДЪ СЪТВОРИТИ** ‘счесть неподходящим, отвергнуть’ (ему соответствуют др.-прус. *vrědŭnŭi* ‘достойный’, болг. *вреден*, серб. *врѣдан* ‘достойный, стоящий; трудолюбивый’, *врѣдно* ‘полезно, стоит’) как о южнославянском (балканском) заимствовании из древневерхненемецкого [Skok, 4, 625]. И похоже, что только в словаре древневерхненемецкого языка О. Шаде (1872–1882) в ряд с др.-в.-нем. *wartjan*, *wartan*, *werten* ‘портить, вредить’, ‘*exulcerare*, покрывать нарывами, вызывать нагноение’, др.-сакс. *wardjan* ‘портить’, англосакс. *verdān* ‘поранить, повредить’ ставится слав. *vrědъ*, *vrěditi* [Schade, 2, 1101]. Но названную древнегерманскую лексику все известные этимологические словари относят к производным и.-е. **uert-* (ср. рус. *вертеть*) и указывают на несохранность ее в современных германских языках [Kluge, 1975, 853; EWD, 2, 1962; Fraenkel, 2, 1204–1205; Kroonen, 11, 574, 581–582]. Следовательно, вполне вероятная связь слав. **verdъ* с лексикой определенного древнегерманского ареала (древневерхненемецкий и англосаксонский) имеет характер не генетической связи, а историко-ареальной, являясь результатом праславяногерманских отношений.

Вторая славяно-германская «встреча» в передаче представлений о вредном — заимствование в русском через западнославянские языки из др.-в.-нем. *scado*: нем. *Schade(n)*, польск. *szkoda*, чеш., словац. *škoda* ‘убыток, ущерб, вред’, чеш. нар. *škoda* ‘жаль, жалко’, *škoditi* ‘вредить (здоровью)’, *škodlivy* ‘вредный, опасный для здоровья, пагубный’, рус. *школа* ‘вред, ущерб’, ст. *шкота*, диал. (*при*)*шкóтитъ* ‘вредить’, *пошкотилось* ‘испортилось’ (в украинском, белорусском, древнерусском эта лексема особенно частотна в XV–XVI вв.) [Фасмер, 4, 449–450; Machek, 1957, 502; ČRS, 824]. Это заимствование потеснило в западнославянских языках собственное *vřed*. В русском языке, в просторечии, *школа* — ‘убыток, вред, порча’, в литературном языке *школа* — ‘шалость, озорство, проделка’ и ‘тот, кто наносит вред, убыток злонамеренно или из озорства’ [МАС, 4, 721]. В. Даль

отмечает активное употребление слов *шкода*, *шкота* и *шкодить* ‘вредить, портить’, ‘шалить, дурить, баловать, причиняя вред, порчу’ в юго-западных диалектах, где употребительно и наречие *шкода* ‘жаль, досадно’ [Даль, 4, 1448].

В свою очередь, др.-в.-нем. *scado*, нем. *Schade(n)* и их однокорневые образования в других германских языках, продолжающие прагерм. **skapōjan* ‘to harm, do wrong, причинять зло, вредить’, **skōpi-* ‘harmful, вредный, пагубный’, по происхождению относятся, вероятно, к глубокому индоевропейскому слою, если учитывать их предполагаемые генетические связи в армянском, древнегреческом, кельтских языках [EWD, 2, 1174–1175; Kroonen, 11, 441].

Третье соответствие в славянских и германских языках носит генетический характер. В большинстве современных германских языков это обозначение душевных мук, страданий: нем. *Harm* ‘скорбь, печаль’, *härmen* ‘тужить, скорбеть’, *harmlos* ‘безобидный, безвредный’, исл. *harma* ‘сожалеть, горевать, оплакивать’, *harmur* ‘печаль, горе’ и др. [НПС, 406; ИПС, 265]. Это уже вторичные значения: горе, скорбь, печаль, возникающие как следствие болезни, утрат, полученного вреда. Такой вывод подтверждают англ. *harm* ‘вред, зло; обида’, ‘(по)вредить’, *harmful* ‘вредный, пагубный’, *harmless* ‘безобидный, безвредный’ [EWD, 1, 509–510] и круг значений, связанных с отрицательной этической оценкой в родственной лексике славянских и иранских языков, — ‘стыд, срам, позор’. В славянских языках это производные слав. **sormъ*: ст.-слав., др.-рус., ц.-слав. *срамъ*, рус. *срам*, диал. *сором*, *страм* и их соответствия в других славянских языках с тем же значением ‘позор, стыд, бесчестье’ (кроме чешского и словацкого, ср. в том же значении чеш. *hanba*, *ostuda*) [Черных, 2, 196]. В русских диалектах однокорневые образования, с одной стороны, выражают отрицательную этическую оценку (ср. *сором* ‘стыд, позор, бесчестье; дурное поведение, поступки, вызывающие осуждение’ и др.), с другой — отрицательную утилитарную оценку, общую отрицательную оценку: иван., свердл., омск. *срам* ‘мусор, сор’, яросл. *срамить* ‘грязнить, мусорить’, сиб. *срамиди* ‘о чем-л. не приносящем пользы, не достойном внимания, одобрения’, *срамость* новосиб. ‘стыд, позор’, барнаул., новосиб. ‘о плохой

еде, плохом питье» [СРНГ, 40, 304–305]. Удивительно «единодушны» в семантике со славянской лексикой иранские однокорневые образования: авест. *fšarəta* ‘стыд’, ст.-перс., перс. *šārm* ‘срам, стыд, позор’, афг. *шарм*, курд. *шəрм*, осет. *æfsærm, æfsarm* [Черных, 2, 196].

Таким образом, историко-этимологический и историко-ареальный анализ, показавший существование славяно-германо-иранской лексико-семантической изоглоссы (слав. **sormъ*, герм. **harm-* и их иранские соответствия), свидетельствует о раннем (исторически региональном) формировании нерасчлененной этико-эстетической и прагматической (утилитарной) отрицательной оценки (историческая синкретичность оценки выражена в семантике ряда оценочных слов, например рус. *добрый, годный* и их славянские соответствия). Два других рассмотренных случая происхождения лексики со значением ‘вред, вредить’ свидетельствуют о разных по характеру и времени причинах и путях попадания в славянские языки: явное, исторически зафиксированное заимствование из др.-в.-нем. *scado* (> нем. *Schade(n)*, польск. *szkoda*, чеш. *škoda* ‘убыток, ущерб, вред’, откуда рус., укр. *шкода*) и слав. **verdъ* как вероятный результат ранних контактов праславян с восточными германцами (готами и др.) и англосаксами — западными соседями в последние века до н. э. и в первые века н. э. Спорным остается направление заимствования из-за сложности истолкования генетических связей слав. **verdъ* (рус. *вред* и *веред* и др.).

-
- Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.
- Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований / ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. М., 1980. С. 156–249.
- Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982 / отв. ред. В. П. Григорьев. М., 1984. С. 5–23.
- БЕР — Български етимологичен речник / съст. В. Георгиев, И. Глъбъв и др. София, 1962–. Т. 1–.
- Берестнев Г. И. Иконичность добра и зла // Вопр. языкознания. 1999. № 4. С. 99–113.

- Варбот Ж. Ж.* Славянские этимологии (*opoka; *nadovъсьь, *nadovъсьнь; **žęžel'ь*; *kobica, *zakobень и др.; *xorošъь и *xorxoriti se) // Этимология. 1979 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1981. С. 28–42.
- Василенко В. А.* Ценность и оценка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1964.
- Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
- Вольф Е. М.* О соотношении квалификативной и дескриптивной структур в семантике слова и высказывания // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 391–397.
- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М., 2002.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб. ; М., 1994 (1909).
- Дронова Л. П.* Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск, 2006.
- Дронова Л. П., Лю Я.* Что такое вред? (мотивационно-генетические связи рус. вред). В печати.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : у 6 т. / гол. ред. О. С. Мельничук. Київ, 1982–2012.
- Ивин А. А.* Основания логики оценок. М., 1970.
- ИРС — Исландско-русский словарь / сост. В. П. Берков. М., 1962.
- МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд. М., 1981.
- НРС — Немецко-русский словарь / под ред. А. А. Лепинга, Н. П. Страховой. 4-е изд. М., 1965.
- Обнорский С.* Прилагательное *хороший* и его производные в русском языке // Язык и литература. Т. 3. Л., 1929. С. 241–257.
- Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике I. // Этимология 1972 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1974. С. 81–99.
- Соколовская Ж. П.* Семантическое развитие общеславянского *dobrъь в русском и польском языках // Уч. зап. Кишинев. ун-та. 1967. Т. 84 (филологический). С. 102–113.
- Соколовская Ж. П.* Синонимические связи имен прилагательных со значением обобщенной положительной качественной оценки (на материале современного русского литературного языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1970.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб., 1893–1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб., 1965. Вып. 1–.
- СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

- Столович Л. Н.* Ценностная природа категории прекрасного и этимология слов, обозначающих эту категорию // Проблема ценности в философии / ред А. Г. Харчев. М. ; Л., 1966. С. 65–80.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева : в 4 т. М., 1964–1973.
- Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М. ; Л., 1962.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1994.
- Шапошников 1–2 — Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. М., 2010.
- Шрам А. Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л., 1979.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / ред. Г. А. Цыхун. Мінск, 1978–. Т. 1–.
- ČRS — Česko-ruský slovník / pod ved. K. Horálka, B. Ilka, L. Kopeckého. Praha, 1968.
- DWB — Deutsches Wörterbuch. Bd. 1–16 / von J. und W. Grimm. Berlin ; Leipzig, 1854–1960.
- EWD — Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Bd. 1–2 / durchges. und erg. von W. Pfeifer. Berlin, 1993.
- Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg ; Göttingen, 1955.
- Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21. Aufl. Berlin ; New York, 1975.
- Kroonen G.* Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Vol. 11. Leiden ; Boston, 2013.
- Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Bern, 1949–1959.
- Schade O.* Altdeutsches Wörterbuch. Bd. 1–2. Halle, 1969.
- Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Kn. 1–3. Zagreb, 1971–1973.

* * *

Дронова Любовь Петровна

доктор филологических наук,
 профессор кафедры общего, славяно-
 русского языкознания и классической
 филологии
 Томский государственный университет
 634050, Томск, пр. Ленина, 36
 E-mail: lpdronova@mail.ru

Dronova, Lyubov Petrovna

DrHab, Professor,
 Department of General, Slavic,
 Russian and Classical Philology
 Tomsk State University
 36, Lenin av., 534050, Tomsk,
 Russia
 E-mail: lpdronova@mail.ru

Slavic-Germanic Parallels and the Concept of Harm

The article focuses on the similarity of lexical means that express negative utilitarian evaluation in the Russian/Slavic and Germanic languages. The etymological analysis shows that the reasons for this similarity are different in character and time. Such correlations can be explained by genetic closeness (English *harm*; German *harmlos* 'harmless, inoffensive', and Russian *sram*, *sorom*, Slavic **sormъ*), evident, historically attested borrowing (Old High German *scado* > German *Schade(n)*, Polish *szkoda*, Czech *škoda* 'harm, damage, loss' > Russian, Ukrainian *shkoda*), as well as by non-genetic similarity (Slavic **verdъ* and Old High German *wartjan*, *wartan*, *werten*, Old Saxon *wardjan*, Anglo-Saxon *verdant*, probably, a result of early contacts of Proto-Slavic tribes with the East Germans (Goths) and the Anglo-Saxons). The latter were the Slavs' western neighbors in the last centuries B.C. and the first centuries A.D. The direction of borrowing is still debatable due to the difficulty in interpreting the genetic ties of Slavic **verdъ* (Russian *ved* and *vered*, among others).

К e y w o r d s: history, etymology, vocabulary, Slavic-Germanic relations, utilitarian evaluation.

Е. Э. Иванова
Екатеринбург

К этимологии гидронима *Серга*

В статье анализируются разные версии происхождения уральского гидронима *Серга*, называющего две разные реки: приток Уфы и приток Сылвы. Как отмечает автор, гидронимы *Серга* относятся к территории исторического взаимодействия многих этнических групп, что затрудняет этимологический анализ названия. В статье критически рассмотрены уже имеющиеся гипотезы, которые связывают уральский гидроним с рядом тюркских и финно-угорских лексем, — по мнению автора, эти гипотезы, выдвигавшиеся главным образом краеведами, недостаточно обоснованы либо с историко-лингвистических, либо с физико-географических позиций. В работе предлагаются новые этимологии названия *Серга*: одна из них основана на сближении уральского гидронима с тюркской лексемой *śürüŷ, *śəra*, *śora* и др. ‘кольцо’, другая предполагает его связь с татарским словом *сəригь* ‘быстрый, скорый’.

Ключевые слова: Средний Урал, субстратная топонимия, тюркские языки, финно-угорские языки, этимология.

Река Серга, правый приток Уфы, протекает по территории Нижнесергинского района Свердловской области. Река небольшая (110 км в длину), но достаточно полноводная; в середине XVIII в. на ее берегах Н. Н. Демидовым были построены два Сергинских металлургических завода: Верхний и Нижний. Они дали начало двум поселениям — ныне это поселок Верхние Серги и город Нижние Серги. На берегу реки обнаружены минеральные источники, благодаря чему недалеко от города в 1840 г. возник курорт Нижние Серги. Долина реки Серга — уникальный природный комплекс, для сохранения которого в 1999 г. был создан природный парк «Оленьи Ручьи». По количеству природных памятников Серга занимает второе место на Среднем Урале после Чусовой. Благодаря карстовому рельефу на территории парка много пещер, по берегам

реки возвышаются причудливые скалы, привлекающие туристов, поэтому Серга — популярный сплавной маршрут.

Название *Серга́* считается темным. По мнению А. К. Матвеева, «гидроним *Серга* до сих пор не имеет сколько-нибудь убедительного объяснения» [Матвеев, 2000, 250]. Однако для экскурсоводов природного парка и курорта все предельно ясно: они сравнивают изогнутую форму русла реки с формой ушной серьги. Необходимо отметить, что произносится название реки и населенных пунктов с мягким [р'], причем как местным населением, так и туристами, отдыхающими. Это, очевидно, объясняется народноэтимологической трактовкой названия.

С научных позиций семантическая модель «форма ювелирного украшения» для гидронима представляется сомнительной. Русскую этимологию ставят под сомнение и исторические данные. Известно, что в низовьях Серги и на реке Уфа до прихода русских были башкирские поселения. На Серге первым появилось село Аракаево, возникшее, по некоторым сведениям, еще в XVII в. [Распопов, 2016, 39]. Русские пришли на эту территорию в XVIII в. Земли по Серге купил Никита Демидов — сын основателя знаменитой уральской династии заводчиков. В купчей крепости от 13 ноября 1745 г. говорится, что башкирские старейшины Упийской дачи продали Никите Демидову за 100 золотых рублей участок земли в 47 623 десятины по Серге до реки Уфа «впрок и безоговорочно» (т. е. навечно) [ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 865]. Первая картографическая фиксация топонима — на Карте ведомства Екатеринбургского и провинции Соликамской 1734–1736 гг. [К-1893]. Таким образом, название *Серга* фиксируется несколько раньше появления на территории русских (а на самом деле оно, вероятно, гораздо старше). Безусловно, название было воспринято русскими от местного населения¹.

Истоки уральского топонима *Серга* стоит искать прежде всего в тюркских языках. Историками установлено, что с IV в. н. э. в бассейне Уфы обитали кочевые тюркоязычные племена [Чагин,

---

¹ На всех старых картах топоним приводится без мягкого знака. По сведениям В. С. Трубецкого, на Карте расположения железных рудников в округе Серьгинских горных заводов 1888 г. отмечается вариант *Серьга*.

2016, 12]. В V–VII вв. из степных районов Западной Сибири сюда проникает тюркское оседлое население. В IX–XV вв. по реке Уфа и ее притокам складывается башкирская народность [Оборин, 1990, 42, 45]. В этот регион начиная с XVII в. неоднократно массово переселялись кунгурские татары (из Кунгурского уезда Пермской губернии). Так, в 1719 г. после попытки перевести кунгурских татар, оставшихся в большинстве своем ясачными, в разряд государственных (оброчных) крестьян и распространить на них рекрутскую повинность произошло массовое бегство татар на земли башкир Уфимской провинции. Переселение кунгурских (уже оброчных) татар наблюдалось и в 1744–1762 гг.

Выходцев из Кунгурского уезда в некоторых уфимских деревнях до сих пор называют *кунгурскими татарами*, или *кунгузяками*. Позднее сюда стали переселяться крестьяне из других уездов Пермской губернии, в основном из бассейна Сылвы, но название *кунгузяки* закрепилось за всеми переселенцами. Местные жители иногда даже называют старые поселения, откуда люди пришли на вновь осваиваемые территории, вспоминают имена первых переселенцев [Чагин, 2003]. Известно, что кунгузяки жили в д. Аракаево (быв. Сергинская) на р. Серга. Таким образом, в этом районе мы можем встретить как древние тюркские топонимы, так и относительно молодой пласт башкирской и татарской топонимии.

Действительно, в бассейне Серги (и тем более Уфы) фиксируется большое количество тюркских названий, в том числе гидронимов: р. *Артя* — ср. тюрк. диал. *артэ* ‘серединный’ [СТБ, 178], р. *Бардым* — ср. тат. *барде* ‘пескарь’, башк. *барзе* ‘хариус’ [Матвеев, 2000, 42]; с. *Акбаш* — ср. башк. *ак баш* ‘белая голова’, ‘белая вершина’ [СТБ, 21], с. *Шемаха* — ср. тюрк. *шемаха* ‘возвышенность, возвышение’ [Шувалов, 1999, 233]; ср. также названия рек *Куелга* и *Кушелга*, в которых просматривается тат., башк. *елга* ‘река’, и т. д.

С какой тюркской основой можно сопоставить гидроним *Серга*?

Краевед М. П. Мангилев сравнивает основу топонима с татарскими и башкирскими словами, ориентируясь лишь на звуковое сходство. Приведем некоторые его версии: «По-татарски *серка* — гнида, укус, *сер* — тайна, секрет; *ага* — течет, *га* — направительный

аффикс. Река Серга — *ser aga* — тайна течет... Из подножия горы в Сергу вытекает источник с соляно-сернистой водой, на базе которого в Нижних Сергах работает санаторий. Минеральный источник придает воде реки Серга горьковатый вкус. По-башкирски *ser* — секрет, *sereru* — гниение, гнить, *serек* — гниль, гнилой, *serеган* — гниlostный, *aga* — течет» [<http://mucbs.3dn.ru>]. Этимология «тайна течет» может вызвать только удивление, однако сопоставление гидронима с тат. *серкә* ‘уксус’ [ТРС, 475], башк. *һеркә* ‘уксус’ [БРС, 626] привлекло наше внимание. При фонетической адаптации тюркский гласный *ә* в русском языке может восприниматься как *a* [Гилязетдинова, 2010, 14], а согласные *к* и *з* при заимствовании могут варьировать [Там же, 19]. Минеральные источники выходят на поверхность у самого берега реки, изменяя вкус воды. Уксус имеет выраженный кислый вкус. Русские обычно называют такие реки *Кислая*, *Кислянка*, *Кислушка* и т. п., а в Омской области есть река *Уксусная*, приток р. Туй. В Колумбии из-за близости вулкана имеет кислую воду река *Эль Рио Винегре* (исп. *vinagre* ‘уксус’). Таким образом, подобная семантическая модель вполне возможна. Однако этимологии препятствует следующий факт: нижнесергинская минеральная вода относится к хлоридо-натриевым водам и на вкус горьковато-соленая, а не кислая. Вкус воды в реке если немного и меняется, то только в месте выхода источников — уже в ста метрах ниже по течению вкус воды обычный (проверено автором статьи). Кроме того, на Среднем Урале есть еще одна река *Серга*² — приток Сылвы, и никаких минеральных источников рядом с ней нет; отсутствуют и другие факторы, меняющие вкус воды.

Краевед В. С. Трубецкой этимологизирует гидроним из башкирского языка³. Он рассказывает, что один знакомый башкир объяснил название реки от башкирского слова, которое (по мнению информанта) не может встретиться в словаре: *сиярге* ‘пописать’, ‘помочиться’. В доступных башкирско-русских словарях нам действительно не удалось найти это слово, но оно зафиксировано

² Сегодня реку чаще называют *Сергинка*.

³ Здесь и далее положения из работы В. С. Трубецкого «Великая русская река Серга» излагаются по электронному источнику [<http://uraloved.ru>].

в словаре татарского языка: *siərgə* ‘испускать мочу, мочиться’ [РТ/ТРС]. Фонетическое преобразование *siərgə* в *Серга* возможно, так как гласному *ə* в русском языке может соответствовать *e*, а изменение *ə* в *a* может быть следствием морфологического выравнивания по русскому окончанию *-a*, которое часто имеют названия рек [Здобнова, 1972, 229].

Но есть ли подобная семантическая модель в гидронимии? В русской топонимии встречаются названия мелких пересыхающих речек и сырых покосов, образованные от соответствующего глагола: *Ссяной Лог*, руч. (Влг.: В-Уст.), *Ссячка*, рчк. (Перм.: Горнозав.), *Ссака*, пок. (Влг.: Бабуш.), *Ссыха*, пок. (Арх.: Плес.). Все названия с данной основой обладают отрицательной коннотацией. Река же *Серга* очень красива и полноводна. В XVIII в. ее энергию использовали два железоделательных завода, которые работали на водяных двигателях, в XIX в. по ней сплавляли лес, а сегодня сплавляются туристы. *Серга* всегда служила для людей средством передвижения и пропитания (в ней много рыбы). Красивая и полезная река не могла получить такое уничижительное название. В. С. Трубецкой предположил, что первично название *Серги* — притока *Сылвы*, а эта река маленькая (13 км длиной). Однако при небольшой протяженности эта сылвинская *Серга* достаточно широка и полноводна — и таковой была прежде. Вот как описывал ее В. Н. Татищев: «Близ того же села (*Серга*. — *Е. И.*) к востоку при основании горы на низком месте вышла из-под земли речка, именуемая *Серга*, вдруг без прибавки наружных потоков так велика, что вблизи одного места построена мельница и непрестанно 4 колеса ворочать без нужды может. Вода же она очень бела, и, когда поставишь палку, то в скорости известью покроется» [Татищев, 1979, 41]. Таким образом, этимология от тат., башк. *siərgə* ‘испускать мочу, мочиться’ не подходит и к этому объекту.

В. С. Трубецкой предлагает также финно-угорскую этимологию топонима *Серга*. Действительно, нельзя не обратить внимание на то, что гидронимы с основой *серг-/сярг-* довольно многочисленны на территории Русского Севера. В основном это названия озер: *Сергозеро* (15 названий) и *Сяргозеро* (4 названия), но встречаются

и реки: р. *Sérğa* — приток р. Емба (Влг.), притоки рек Вычегда, Ухтомка, Чупелга (Арх.). В Мурманской области также есть река *Serğa*, вытекающая из оз. Сергозеро. Кроме того, речки *Большая* и *Малая Серга* (вариант *Serega*) есть в бассейне Волги (притоки р. Узола). Обратим внимание на то, что ударение в приведенных гидронимах падает на первый слог, в отличие от уральских названий.

Названия рек на северо-западе России А. К. Матвеев связывает с фин., ижор., карел. *särki* ‘плотва’, люд. *šärg(i)*, вепс. *särg*, эст., лив. *särg* ‘то же’. Он пишет: «Исходный вокализм корня отражен только в субстратных названиях территории между Белым и Онежским озерами (*сярг-*). Это, по-видимому, поздно усвоенные вепсские топонимы. На всей остальной территории РФ представлена основа *serg-*, позволяющая думать о переходе *'a > 'e* на русской почве, но поскольку в этих преимущественно озерных названиях субстратные детерминативы отсутствуют, их прибалтийско-финское происхождение нельзя считать твердо установленным. Поэтому необходимо иметь в виду и морд. *serge*, *šärgä* ‘плотва’, хотя топонимы такого рода не могут быть собственно мордовскими» [Матвеев, 2004, 66–67]. Отметим, что притоки Узола находятся в Нижегородской области, граничащей с Мордовией, поэтому для поволжской *Sergi* / *Seregi* не исключено мордовское происхождение.

В. С. Трубецкой, ссылаясь на то, что в бассейне уфимской Серги раньше проживали народы финно-угорской языковой общности, полагает, что в гидронимах Урала отражена та же основа *serg-*. Действительно, по данным археологов, в этом районе проживали угорские племена, вытесненные затем к северу тюркскими народами [Распопов, 2016, 39]. Топонимическими данными это подтвердить трудно, поскольку даже если древние угорские топонимы сохранились, то благодаря пестрому этническому составу региона они должны были подвергнуться неоднократным трансформациям. Есть единичные свидетельства об обрусевших вогульских поселениях в бассейне р. Бисерть — притока Уфы [Смирнов, 2012, 77], однако мансийской топонимии в регионе нет. С мансийскими данными сопоставляя гидронимы *Пут* ~ манс. *пут* ‘котел’ [Матвеев, 2000, 222] и *Ут* ~ манс. *уть*, *утя*

‘вода’. Слово *утя* записано в чувовском диалекте мансийского языка в XVIII в., *уть* — в тавдинском диалекте [Матвеев, 2008, 293–294]. Гидроним *Пут* и манс. *put* ‘котел’ О. В. Смирнов считает случайным совпадением. По его мнению, более или менее достоверные топонимы мансийского происхождения на юге не выходят за пределы линии, проводимой от верховьев Сылвы по р. Тагил до нижнего течения Тагила [Смирнов, 2012, 76–77]. Топоним *Ут* имеет и другую этимологию: например, его сравнивают с венг. *ut* ‘путь’ [Матвеев, 2008, 293–294].

Вспомним, что вторая *Серга* является притоком Сылвы. Мансийское население проживало в верховьях Сылвы, но О. В. Смирнов, опираясь на данные Г. Ф. Миллера, убедительно доказал, что вогулы не являлись коренным населением в бассейне Чусовой и Сылвы, они пришли сюда с востока. В верховьях Сылвы почти все топонимы были заимствованы ими из соседних тюркских, пермских и русского языков. Подавляющее большинство мансийских топонимов — это названия малых географических объектов, при этом они достаточно прозрачны и уверенно этимологизируются из мансийского языка [Смирнов, 2012, 76].

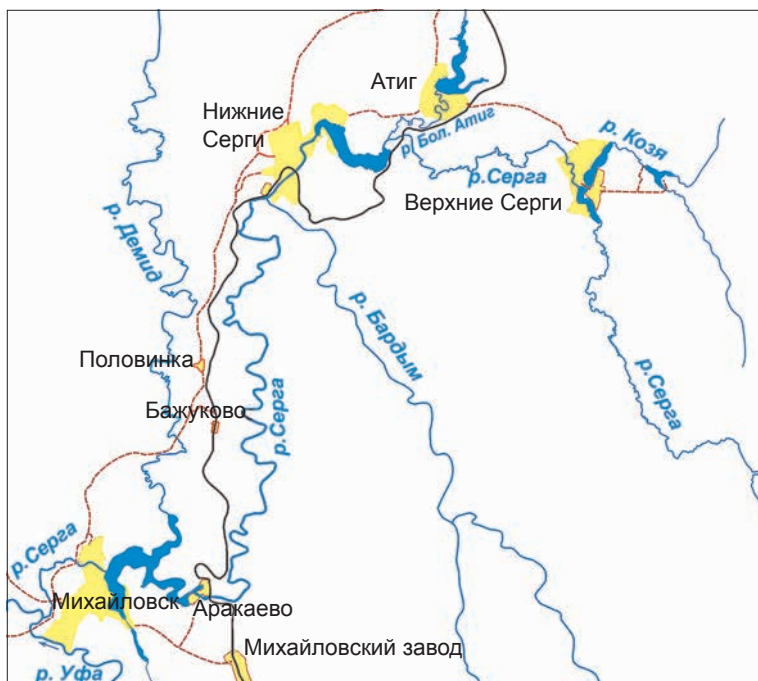
Встречается ли в мансийском языке основа *serg-*? Для наименования плотвы в мансийских диалектах используется другая основа: тавд. *kāsəŋ*, в.-тавд. *kāsəŋ*, пелым. *kāsəŋ*, сосьв. *kāsəw* [UEW, 1, 141]. Однако в словаре А. Алквиста отмечено мансийское название рыбы семейства сигов *sorex*, *soriŋ* ‘*Coregonus vimba*’ [Ahlqvist, 1891, 54]. А. Алквист в основном занимался изучением кондинского диалекта мансийского языка, однако в свой вогульский словарь включил слова из различных мансийских диалектов. Эти же лексемы приводит М. Фасмер: манс. *sorex*, *soryx* ‘*Coregonus vimba*’, хант. (иртыш.) *sāraχ* ‘плотва’ [Фасмер, 3, 721]. Вероятно, в мансийских словах отражена та же основа, которая в прибалтийско-финских (и хантыйском) языках используется для наименования плотвы. К каким мансийским диалектам относятся слова *sorex*, *soryx* — не указано, поэтому подробная разработка фонетического аспекта невозможна. Происхождение гидронима *Серга* напрямую из *sorex*, *soryx* маловероятно.

Если считать, что первично название сылвинской *Серги*, то следует обратиться также к данным коми языка, поскольку в бассейне Сылвы ранее проживали коми-пермяки. Для именованния плотвы в коми-пермяцком языке используется слово *кельчи* [КПРС, 196]. В названиях других рыб, как и в лексике рыболовства в целом, основу *серг-* нам обнаружить не удалось. Трудно предположить, что лексема исчезла из языков пермской группы, сохранившись лишь в двух топонимах. Видимо, она представлена только в прибалтийско-финской, волжской (морд. *seŕge*, *särġä* и мар. *šereŋe*) и угорской группах. В целом, на наш взгляд, для финно-угорской этимологии недостаточно данных — как исторических, так и лингвистических. Вероятно, уральские топонимы *Серга* и топонимы на *Серг-*, локализованные на территории европейской части России, имеют разное происхождение.

Очевидно, что для уральских гидронимов *Серга* наиболее перспективными остаются поиски этимологии из тюркских языков. Именно к тюркским данным заставляют обратиться и история заселения региона, и мощный местный тюркский топонимический пласт, и акцентологические особенности названия (ударение на последнем слогѐ).

В связи с этим интересно, что, согласно одной из версий, нарицательное *серьга* является тюркским по происхождению. Этимологи сопоставляют его с др.-чуваш. **šürüy* ‘кольцо’, чуваш. *šarə*, *šorə* ‘кольцо’ или с чагат. *isiryā*, *usyryā* ‘ушные подвески в виде кольца’ [Фасмер, 3, 611]. Таким образом, видимо, изначально для основы было значение ‘кольцо’, и лишь затем развилось значение ‘ушные подвески в виде кольца’. Возможно, на рассматриваемой территории в местном тюркском диалекте существовало слово, фонетически близкое к чагатайскому, со значением ‘кольцо’. Обратим внимание на форму русла уфимской *Серги*. На карте 1 (см.) видно, что эта форма напоминает разомкнутое кольцо.

Русло *Серги* сылвинской также похоже на кольцо, причем даже в большей степени: село Серга практически окружено рекой, ныне ее русло представляет собой каскад небольших прудов. Это отчетливо видно на фото со спутника — см. карту 2.

Карта 1. Река Серга, приток р. Уфа

Карта 2. Река Серга, приток р. Сылга

Связаны ли эти два названия или гидронимы возникли изолированно друг от друга?

Напомним, что название *Серги* уфимской впервые встречается на карте 1734–1736 гг. Первое упоминание о сылвинской *Серге* можно найти в царской грамоте 1621 г., посланной от царя и Великого князя Михаила Федоровича пермскому воеводе Василию Федоровичу Бутурлину. Документ говорит о захвате строгановскими людьми татарских и остяцких охотничьих угодий: «да на их же Татарской вотчине, на речке на *Серге*, поставили деревню и пашню распахали Усольцы Русин да Федор Елисеевы с братьею, и им де нигде не стало ни выезду, ни входу, да у них же де со 125 году мед не родится и пчелы медвяные померли, и они де помирают голодной смертью» [ИДПВ].

Таким образом, сылвинская *Серга* фиксируется в документах на сто с лишним лет раньше *Серги* уфимской. Это, конечно, не говорит о том, что первое название появилось раньше второго, — Пермский край был заселен русскими раньше, чем бассейн Уфы, поэтому и упоминание о сылвинской *Серге* в русских документах встречается раньше.

Тем не менее гидроним *Серга* мог быть перенесен из Кунгурского района Пермской губернии в бассейн Уфы. Мы уже упоминали о неоднократных миграциях татарского населения на башкирские земли, в том числе в Нижнесергинский район; переселялись сюда и русские крестьяне. Так, в 1734 г. В. Н. Татищев переселил крестьян из Кунгурского уезда в село Гробово (сегодня Первомайское), расположенное на Сибирском тракте, для содержания постоянного двора. Возможно, переселенцы были из д. Гробова Кунгурского уезда⁴. Факт миграции подтверждается и другими дублетными топонимами, на которые обратил внимание В. С. Трубецкой. Кроме *Серги*, он приводит в пример названия рек *Бисер* — приток Койвы (что достаточно далеко от Сылвы) и *Бисерть* — приток Уфы. Заметим, что местное татарское население называет реку Бисерть

---

⁴Ныне деревни не существует. Она отмечена на карте 1744 г. [К-1744], а также в [СНМПГ 1869].

Бисер, что позволяет считать гидронимы абсолютно одинаковыми и полагать, что элемент *-ть* появился на русской почве [Матвеев, 2000, 51–52]. Однако идентичных или очень близких топонимов гораздо больше. Возможно, некоторые природные объекты напоминали мигрантам родные места, поэтому получали аналогичные названия (см. таблицу).

Бассейн реки Сылва	Нижнесергинский район
р. Барда — приток р. Сылва	р. Бардым — приток р. Серга
р. Козьял — приток р. Сылва	р. Козя — приток р. Серга
с. и р. Сабарка — приток р. Кишерть (бассейн р. Сылва)	г. и ур. Сабарка — бассейн р. Серга
р. Серга — приток р. Сылва	р. Серга — приток р. Уфа
пос. и р. Суксун — приток р. Сылва	р. Суксунка — приток р. Югуш (бассейн р. Уфа)
р. Ут — приток р. Сылва	р. Ут — приток р. Бисерть (бассейн р. Серга)

Таким образом, исторические и топонимические данные позволяют считать, что гидроним *Серга* в бассейне Уфы является «перенесенным». И даже если это предположение ошибочно, модель «имеющая форму кольца» применима к обоим рекам.

Насколько эта модель распространена в гидронимии?

В русской топонимии названия рек с корнем *кольц-* встречаются нередко, ср.: р. *Колечко* (Сахалинская обл.), р. *Кольцевая* (Московская обл.), р. *Кольцовка* (Красноярский край) и др. Однако в тюркской топонимии названий, имеющих основу со значением ‘кольцо’, выявить пока не удалось. С осторожностью мы сравниваем гидроним *Балда* (приток Пышмы) с башк. *балдак* ‘кольцо’ [БРС, 73], тат. *балдак* ‘кольцо, кольцевой’ [ТРС, 56]. Конечный *к* мог отпасть на русской почве в силу народной этимологии, при сближении с существительным *балда*.

Очень удачным с семантической точки зрения кажется сопоставление рассматриваемого гидронима с тат. *сәригъ* ‘быстрый, скорый’ [РТСК]. *Серга* уфимская — действительно довольно быстрая река.

Оценить скорость течения Серги сылвинской затруднительно, так как сегодня на реке несколько прудов. В словах *саригь* и *Серга* полностью совпадают согласные фонемы, гласный *э* мог быть передан как *е*. Вопрос может вызвать редукция ударного *и*, однако, как известно, при адаптации тюркизмов русским языком даже ударные гласные воспринимаются и передаются по-разному [Гилязетдинова, 2011]. Кроме того, при устном пути заимствования происходит дополнительное искажение звуковой оболочки, особенно если слово вступает в контаминацию с другими словами (в данном случае — с гидронимами на *-а*). Редукцию гласного *и* могло вызвать передвижение ударения на последний слог (возможно, под влиянием апеллятива *серьга*).

На наш взгляд, обе предложенные нами тюркские гипотезы имеют право на существование. Гидроним *Серга* ставит перед этимологами сложную задачу, поэтому в будущем возможно появление и других версий.

БРС — Башкирско-русский словарь / под ред. К. З. Ахмерова. М., 1958.

ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 101.

Гилязетдинова Г. Х. Фонетическая адаптация ориентализмов в русском языке XV–XVII вв. // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер. «Гуманитар. науки». 2010. № 6. С. 11–24.

Гилязетдинова Г. Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Казан. (Приволж.) федер. ун-т. Казань, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com> (дата обращения: 05.01.2017).

Здобнова З. П. Судьба тюркизмов в русских говорах Башкирии // Языковые контакты в Башкирии / под ред. Т. М. Гарипова и Н. В. Черемисиной. Уфа, 1972. С. 225–235.

ИДПВ — Исторические документы Перми Великой [Электронный ресурс]. URL: <http://zz-project.ru> (дата обращения: 16.11.2016).

К-1744 — Ланд карт ведомства Екатеринбургского и провинций Соликамской, Чердынского, Кунгурского, Верхотурского и Туринского уездов, вотчины господ баронов Строгановых и заводов статского действительного советника Акинфия Демидова в ней же и по часть смежно окрестных уездов. Сочинена в 1734, 1735 и 1736 годах. С подлинной рисовал унтер-шихтмейстер

- Афанасий (Чичигин) месяца октября 1744 года при Екатеринбурге. 25 верст в 1 англ. дюйме. [Екатеринбург], 1744.
- К-1893 — Карта ведомства Екатеринбургского и провинции Соликамской 1734–1736 г. с прилегающими к ним уездами и частями уездов других провинций, 1734–1736 гг. : с картой / [соч.] П. О. Чупина. Пермь, 1893.
- КПРС — *Баталова Р. М., Кривоцекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.
- Матвеев А. К.* Географические названия Свердловской области : топоним. словарь. Екатеринбург, 2000.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург, 2004.
- Матвеев А. К.* Географические названия Урала : топоним. словарь. Екатеринбург, 2008.
- Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Пермь, 1990.
- Расповов П.* Река Серга. Жемчужина природного парка «Оленьи Ручьи». Екатеринбург, 2016.
- РТ/ТРС — Русско-татарский, татарско-русский словарь : в 2 т. Казань, 2007–2008. [Электронный ресурс]. URL: tartar/dict4.htm (дата обращения: 01.03.2013).
- РТСК — *Ахунзянов Э. М., Газизов Р. С., Исханов Ф. Г.* и др. Русско-татарский словарь : в 4 т. Казань, 1955–1959 [Электронный ресурс]. URL: <http://rinfom.ru/slovari/647-tatarsko-russkij-slovar> (дата обращения: 10.01.2017).
- Смирнов О. В.* Субстратная мансийская топонимия на территории бывшего проживания манси // *Вопр. ономастики.* 2012. № 1 (12). С. 43–79.
- СНМПП 1869 — Список населенных мест Пермской губернии по сведениям 1869 г. СПб., 1875.
- СТБ — Словарь топонимов Башкирской АССР / под ред. Т. М. Гарипова, А. А. Камалова, З. Д. Ураксина. Уфа, 1980.
- Татищев В. Н.* Сказание о звере мамонте // *Татищев В. Н. Избранные произведения.* Л., 1979.
- ТРС — Татарско-русский словарь / сост. К. С. Абдразаков и др. М., 1966.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987.
- Чагин Г. Н.* Народы и культуры Урала в XIX–XX вв. 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://barda-perm.narod.ru>. (дата обращения: 15.11.2016).
- Чагин Г. Н.* История и культура Урала до конца XIX в. Пермь, 2016.
- Шувалов Н. И.* От Парижа до Берлина по карте Челябинской области : топоним. словарь. Челябинск, 1999.
- Ahlqvist A.* Wogulisches Wörterverzeichnis. Helsingfors, 1891.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. В. 1–3. Wien, 1881.

* * *

Иванова Елена Эдуардовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и общего языкознания
Уральский федеральный
университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина,
51, ком. 306
E-mail: paklina.len@yandex.ru

Ivanova, Elena Eduardovna
PhD, Associate Professor
Department of Russian Language
and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin av., room 306,
620000, Ekaterinburg, Russia
E-mail: paklina.len@yandex.ru

On the Etymology of the Hydronym *Serga*

The article studies different etymological explanations of the Ural hydronym *Serga* that names two different rivers: a tributary of the Ufa river and a tributary of the Sylva river. The author points out that both hydronyms relate to the area of historical contacts of various ethnic groups, which complicates the etymological analysis of the name. The article critically observes the existing etymological hypotheses that link the Ural hydronym with a number of Turkic and Finno-Ugric lexemes. The author argues that all these hypotheses, advanced mainly by regional ethnographers, are insufficient either from historical, linguistic or geographical point of view. The article suggests new etymological versions for the word *Serga*, one of them being based on the possible attraction of the Turkic *šürüŷ, *šəɾə*, *šorə* etc. ‘ring’, the other — on its connection with the Tatar *säriğ* ‘quick’.

Key words: Middle Urals, substrate toponymy, Turkic languages, Finno-Ugric languages, etymology.

Л. В. Куркина
Москва

Этимологии русских лексических диалектизмов (*тромб́й, закалу́ка, во́лоб*)*

Предметом исследования стали диалектизмы *тромб́й, закалу́ка, во́лоб*. Предпринята попытка обосновать родство рус. диал. *троб́мый* с продолжениями и.-е. **trem-* ‘топать ногами’, ‘дрожать’. Диал. *закалу́ка*, отмеченное в низовье Печоры, объясняется как производное с двойным префиксом и корневой морфемой *лук-* < **lǫk-*, связанной отношением регулярного типа с глаголом **lǫkt'i*. Предложена реконструкция значения для слова *во́лоб* на основе анализа структуры текста, его ритмической организации, противопоставления денотативных блоков. Высказывается предположение, что *во́лоб* имеет отношение к обозначению рельефа местности и представляет собой окказиональное образование, производное от **vol-* (ср. рус. диал. *вол, воль* ‘опухоль, нарыв’, польск. *wole* ‘зоб’ и т. п.), расширенное формантом *-оба* с редукцией исхода в соответствии с требованиями рифмы.

Ключевые слова: этимология, семантика, реконструкция формы и значения, праславянский лексический диалектизм.

Небольшая заметка посвящена этимологическому анализу лексических диалектизмов, ранее не привлекавших к себе внимания исследователей. Обращение к этой теме — дань уважения юбилею Марии Эдуардовне Рут, ее плодотворным научным поискам и исследованиям русской лексики.

---

* Работа подготовлена по программе финансовой поддержки гранта РГНФ № 13-04-00-221 «Сравнительно-исторические подходы в лексикологии и семантике. Славянская праязыковая лексикография: теория и практика».

Тромѡй

Новые лексические данные, постепенно вводимые в практику научных исследований по мере выхода в свет диалектных словарей, не только расширяют наши знания о словарном составе русского языка во всех его вариантах функционирования, но и углубляют общий контекст изучения словообразовательных, семантических отношений, что нередко позволяет внести коррективы в сложившиеся представления о месте слова в языковой системе. С введением нового материала в плане этимологии расширяется общее пространство поисков новых подходов к восстановлению распавшихся этимологических связей. К таким словам, которые открывают новые аспекты в понимании связей некоторых славянских слов, можно отнести рус. диал. *тромѡй* ‘хромой’, отмеченное на территории Карелии, ср.: «Так и котыляет, так и котыляет, даром, что *тромая*» [СРГК, 6, 516], и в вологодских говорах (запись 2005 г.) [СРНГ, 45, 126]. Едва ли можно отделять это прилагательное от диал. (твер.) *тромаць* ‘ходить, топать’, ср. «Сплети чуни, да и пусть *тромает*» [Там же, 125], и производного с префиксом *су-* *сўтрома* ‘суматоха, суета’ (заурал., запись 1962 г.) [Там же, 321]. Приведенные русские диалектизмы не привлекали к себе внимания этимологов.

С расширением общего пространства исследования в поле зрения оказывается прилагательное **tromъ*, традиционно относимое к древним лексическим диалектизмам, засвидетельствованным лишь на территории южных славян. К продолжениям этого прилагательного относят с.-хорв. (штокавское и в отдельных чакавских и кайкавских диалектах с XVI в.) *trѡm* ‘неповоротливый, отяжелевший, ленивый, апатичный, вялый, медлительный’ [RJA, 17, 738–739], ‘о том, кто лениво, неспешно, тяжело передвигается’ [Reić, Vaćlija, 1990, 370], *trѡмав* ‘о том, кто тяжело, медленно ходит; ленивый’ [Букумирић, 2012, 615], болг. *тром*, *трѡмав* ‘спокойный, кроткий (о животных)’, ‘слабый, бессильный’ [Геров, 5, 357], ‘привередливый, разборчивый’ [Евстатиева, 6, 232], макед. *тром*, *тромав* ‘вялый, медлительный’ [Кон., 3, 405] и т. п. [подробнее см.: Boryś, 2007, 182–183]. Этот ряд продолжений праслав. **tromъ* будет неполным без приведенного в словаре Безлая словен. диал. *trom*

‘ленивый, безжизненный’, *tromonóg* ‘ленивое животное’, *tromost* ‘лень’ [Bezljaj, 4, 231]. Русские диалектизмы позволяют поставить вопрос о более широком распространении слова на славянской территории. При полном внешнем совпадении русского диалектизма и южнославянских образований наблюдаются некоторые различия в семантике: семантическим стержнем южнославянских образований можно признать значение ‘вялый, слабый, малоподвижный’, русский материал в самом общем виде передает образ неустойчивого (ср. ‘хромой’) или беспорядочного движения (ср. ‘суматоха’). Велика вероятность того, что мы имеем дело с фрагментами распавшегося этимологического гнезда, которое трудно поддается восстановлению. Между тем понять истоки различий русских и южнославянских образований, возможность их сведения к общей семантической основе, как нам представляется, можно, лишь исходя из понимания исходной основы и потенциальных возможностей ее семантического преобразования.

Существует некоторый опыт этимологического изучения ю.-слав. **tromъ*. В этимологических исследованиях, в словарях [ср.: Bezljaj, 4, 231; Skok, 3, 505–506] повторяется объяснение, предложенное в начале XX в. словенским ученым К. Штрекелем [Štrekelj, 1905, 69]. Признавая недостоверным сближение ю.-слав. **tromъ* с ирл. *trom* ‘тяжкий, гнетущий’, которое, несмотря на внешнее сходство и близость значения, восходит к **trudsmos* [ср.: Pokorny, 1, 1095; Bezljaj, 4, 231], Штрекель определяет южнославянское прилагательное как окаменелую форму страдательного причастия настоящего времени **търомъ** от глагола **търж**, **трѣти**, ср. **лакомъ** от **лакати**, **питомъ** от **питати** и т. п. Р. Бернар находит подтверждение этой идеи в семантике болгарских глаголов с исходной основой **ter-* ‘тереть’: *потривам* (се), *теркам* се ‘медлить, мешкать’, *тътря* и диал. *трѣтя* (с удвоением) ‘медлить, тянуть’, *търляв* ‘слабый, тощий’ и т. п. [Бернар, 1982, 278–279]. В качестве семантической параллели он приводит болг. диал. *жуляв* ‘слабый, высохший, худой’, *жульо* ‘слабый человек’ ~ *жуля* ‘натирать, тереть’, словен. *žmeten*, *žmehek*, синоним к *težek* ‘тяжелый’ ~ **жати**, **жъмж** ‘жать’. Как полагает Р. Бернар, первоначально причастия на *-омъ* означали способность к какому-то действию,

предрасположенность к чему-либо, в семантике болг. *тромав* и подобных ему образований пейоративный оттенок и постоянство качества, состояния подчеркиваются присоединением *-ав*, ср. *гърб-ав*, *болн-ав* ‘предрасположенный к болезни’ и т. п.

В небольшой заметке, посвященной ю.-слав. **tromъ*, В. Борысь ставит под сомнение объяснение, ставшее уже традиционным, и предполагает связь южнославянского диалектизма с глаголом **trъmĕti* ‘торчать, стоять неподвижно; быть неуступчивым, упорствовать’, который признается родственным словен. *trma* ‘упрямство’, с.-хорв. кайк. *trmast* ‘упрямый, неуступчивый’, ср. **gromъ* : **grъmĕti*. По мысли В. Борыся, значение ‘стоять неподвижно, торчать’ стало исходной точкой для развития значения ‘ленивый, апатичный и т. п.’, характерного для ю.-слав. **tromъ* [Boryś, 2007, 182–183]. Это объяснение представляется убедительным Т. Шиманьскому [Szymański, 1985, 113].

Следует признать, что с формальной точки зрения предложенные объяснения вполне соответствуют правилам образования форм страдательного причастия и модели морфонологических отношений. Семантика южнославянских образований — ‘вялый, слабый, малоподвижный’, — как следует из приведенных объяснений, явилась результатом переосмысления восстанавливаемой основы и разрыва связей с исходным состоянием, определяемым глаголом со значением ‘тереть’ или ‘стоять неподвижно’. И чисто теоретически, видимо, можно найти основания для подключения русских диалектизмов с несколько другой семантикой (‘хромать’, ‘ходить, топтать’, ‘суматоха’) к тому или другому ряду преобразований. Однако можно думать, что в южнославянских образованиях находит лишь частичное отражение исходная семантика. Именно русские диалектизмы, привлекаемые в связи с ю.-слав. **tromъ*, позволяют не только полнее представить семантику слова, но и с несколько других позиций подойти к поискам этимологии для всей группы слов. Это тот случай, когда семантике отводится роль критерия, определяющего выбор исходной основы.

В русских диалектах основа *тром-* ограничена единичными, семантически удаленными друг от друга образованиями, и важно

понять, каким образом связаны между собой значения ‘хромой’, ‘ходить, топать’, ‘суматоха’, какой образ действия или состояния стоит за этими разрозненными отражениями некой исходной семантической основы. При этом надо понимать, что наши знания о семантическом наполнении слова во многом зависят от степени сохранности материала. Кроме того, необходимо учитывать, что процесс распада связей сопровождается утратой отдельных элементов, фрагменты некогда единого этимологического гнезда становятся самостоятельными образованиями со своей системой семантико-мотивационных отношений, что не может не способствовать углублению различий на всех уровнях. Весь опыт изучения славянских этимологических гнезд свидетельствует о многообразии линий семантического развития унаследованной индоевропейской основы, что обусловлено системными отношениями и неодинаково протекавшими диахроническими процессами в родственных языках. Понимание праславянского языка как изначально полидиалектного образования, структура которого в процессе непрерывного развития под влиянием разных факторов неоднократно перестраивалась, исключает вероятность одномерного, вертикального развития семантики от индоевропейского состояния [Трубачев, 2004, 542], чаще материал показывает удаленные друг от друга семантические отношения, за которыми стоят различные цепочки мотивационных преобразований. При глубоких расхождениях в семантике соотносимых слов и утрате промежуточных ступеней в развитии слова приходится учитывать возможность разного воплощения исходной семантической базы, которая остается величиной искомой. Задача состоит в том, чтобы по сохранившимся осколкам восстановить некое исходное состояние, которое могло стать базой последующих преобразований, причем далеко не всегда поддается восстановлению исходное конкретное значение, передающее действие или состояние денотата.

В рассматриваемом нами случае основой для соединения, сведения воедино засвидетельствованных значений и предположительного описания исходной базы могло бы стать не конкретное значение, а образ торопливого, неровного, неустойчивого движения, в конкретных ситуациях это представление о движении трансформировалось

в обозначение неустойчивого передвижения ('хромать', 'тяжело ступать'), беспокойной торопливости в действиях ('суматоха') и т. п. Более того, 'неустойчивое, тяжелое передвижение' > 'медлительный, ленивый' как основной признак определяет и семантическую структуру ю.-слав. **tromъ*, обозначения вялого, малоподвижного состояния, ср. с.-хорв. *трѡмав* 'о том, кто тяжело, медленно ходит; ленивый'.

Такой подход к пониманию потенциальных семантических возможностей подводит к иному объяснению связей русских и южнославянских лексем, а именно к предположению о том, что в основе всей этой лексической группы лежит глагольная основа, утраченная славянскими языками, — ***tremti* < и.-е. **trem-* 'семенить, топтать ногами' и 'дрожать, трястись'. Заслуживает особого внимания тот факт, что продолжения этой основы в балтийских языках характеризует широкий спектр значений, частично совпадающий с данными славянских языков: ср. лит. *trìmti* 'задрожать, вздрагивать', 'утихать, успокаиваться (о боли)', 'становиться спокойным; усмирять', *trém̃ti* 'валить с ног, сбивать; высылать, выгонять', лтш. *tremt* 'топать ногами, трамбовать', *tramš* 'пугливый (о лошади)', *tramīgs* 'страх, боязнь; робкий, нерешительный', *trimiņš* 'скандал', *trimdināt*, итератив к *tremt* 'топать' и т. д. [Fraenkel, 1962, 1123, 1117; Pokorny, 1, 1092]. По одной из версий эта основа сохранилась в слав. **trestī*, которое, как предполагают, сложилось на основе контаминации и.-е. **tremō* и **tresō* [Фасмер, 4, 113; ESJS, 16, 982].

Как нам представляется, восстанавливаемые в словаре Pokorny для индоевропейской основы **trem-* значения 'семенить ногами, топтать' и 'дрожать' являются конкретным воплощением более общего значения, передающего образ движения неровного, короткого, неустойчивого. В эпоху самостоятельного развития отдельных групп индоевропейских языков, в условиях конкретного функционирования слова изначальная идея трансформируется, обогащается новыми смыслами, развиваются значения, далеко отстоящие от исходного состояния. Слав. **tromъ* — одно из ответвлений в семантическом развитии исходной индоевропейской основы, причем в русских диалектизмах возобладал признак, характерный для неустойчивого движения (ср. 'хромой', 'тяжело ступать'), а у южных

славян переосмысление исходной семантики привело к развитию производных значений — ‘медлительный, вялый, ленивый и т. п.’. В том и другом случае напрямую не засвидетельствованы те ступени, которыми непосредственно мотивировано развитие производных значений. Но в семантике глаголов со значением ‘дрожать; трястись’, ‘семенить, тяжело ступать’ заложены потенциальные возможности к развитию того ряда значений, который характерен для южнославянских языков (‘вялый, медлительный и т. п.’) и русских диалектизмов (‘хромой’, ‘топать’, ‘суматоха’). Понять возможность развития семантики в том или другом направлении помогают балтийские образования, которые также характеризует разброс значений и отсутствие прямых связующих мотивационных отношений (ср. ‘дрожать’, ‘успокаивать’, ‘скандал’, ‘топать ногами’). Другим основанием может стать типология семантических изменений. В качестве типологической параллели можно привести др.-исл. *þramma* ‘тяжело идти, топать ногами’ < и.-е. **trem-* [Pokorny, 1, 1092], рус. *трясти(сь)*, которое означает не только ‘дрожать от холода’, но и ‘качаться, колебаться’, ‘маяться, скитаться’, ‘суетиться, беспокоиться’, ‘дрожать от страха’, ср. причастие *трясущий* ‘суетливый, хлопотливый’ [СРНГ, 25, 195–196, 198] и связанный с ним родством глагол *труситься* ‘трястись (от холода), дрожать’, ‘переезжать с одного места на другое’ [Там же, 169–170]. Соотносимое с глаголом *трусить* выражение *бег легкой трусцой* означает тихий, небыстрый бег лошади, ср. болг. *тръс* ‘рысь (аллюр)’. Переход от значения ‘дрожать’ к значению ‘успокоиться и т. п.’ присутствует в семантике рус. диал. *дрогнуть* ‘сделать быстрое, незначительное движение, вздрогнуть’ и ‘прийти в смятение’, ‘идти на убыль (о воде)’, ‘осесть (о молоке)’, ‘начать засыхать (о дереве)’. Можно предположить, что именно сдвиг семантики в сторону значения ‘успокоиться, осесть’ или обозначение замедленного движения дали толчок к развитию значения ‘медлительный, вялый и т. п.’ в южнославянских языках.

Если следовать этому объяснению, то с формальной точки зрения в рамках индоевропейского гнезда с основной **trem-* на славянской почве складывается глагол **tremti, который стал основой для образования отглагольного имени с вокализмом регулярного типа *tromъ,

от него образовано в южнославянских и восточнославянских языках бессуффиксное прилагательное архаичного типа.

Закалу́ка

По нашим наблюдениям, слово *закалу́ка* ‘загадка, иносказание’ отмечено лишь в низовье Печоры [СРГНП, 1, 237]. Не найдем этого слова в других диалектных региональных словарях, а также в [СРНГ]. Однако в [СРНГ, 10, 146] находим несомненно связанное с ним производное на *-инка* — *закалу́чинка* — с несколько другим значением ‘закрытое от ветра место’, которое, как мы попытаемся показать ниже, связано с семантикой рассматриваемого нами слова. В составе приведенных слов без труда поддаются выделению префиксы *за-*, *ка-* и корневая морфема *лук-а*. Слово функционирует как единое целое: архаичный префикс *ка-*, выполняющий экспрессивную функцию, существует слитно с корневой морфемой. Но отдельное слово без префикса *за-* не отмечено словарями. Префикс *ка-/ко-*, известный образованиям праславянской древности, активизируется в эпоху диалектного развития славянских языков (ср. **kalěpa*, **kolěbati*, **kolupati*, **košutъ*, **kotъrčь* и т. д. [ЭССЯ, 9, 120; 10, 129–130, 160; 11, 193–194, 213; Бјелетић, 2006, 25–68]), образования с этим экспрессивным префиксом местоименного происхождения имеют довольно широкое распространение в отдельных восточнославянских диалектах [ср.: Никончук, 1979, 122–126]. Таким узкодиалектным образованием является *закалука*, в составе которого префикс *за-ка-* присоединяется к морфеме *лук* < **lŏk-*, связанной отношениями регулярного типа с глаголом **lękt’i* ‘сгибать’. Семантикой рус. диал. *лукá* ‘изгиб, кривизна чего-л.’ и производного от него церковнославянского прилагательного *лукый* ‘хитрый, коварный’ [ЭССЯ, 16, 141, 148] мотивировано развитие значения в направлении ‘изгиб’ > ‘закрытое, укромное место’ > ‘таинственное, неразгаданное’ > ‘загадка’.

Диал. *заколу́ка* расширяет список архаичных образований с префиксом *ко-/ка-* в русских диалектах.

Во́лоб

Это слово встретилось однажды в записанной на Вологодчине детской считалке, приведенной в [СГРС, 2, 151]: *Первунчики, другунчики, на жёлобе, на волобе, на божьей росе, на поповой полосе пишет дьякон чёрным углем: «Прело, горело, по заморю летело, стук пастух»* с пояснением: «*Волоб*—от место где ли в поле». В других диалектных словарях этого слова не найдем. Оно лишено очевидных родственных связей в русском и — шире — в славянском словаре. Трудности с пониманием слова *во́лоб* проистекают из особенностей считалки как вида игрового фольклора. Считалки, предназначенные для решения практических задач — определения очередности, первого, кто начнет работу, или ведущего в игре, — относятся к текстам «с полным или частичным забвением числового ряда и отсутствием какого бы то ни было содержания (вместо этого нередко вводятся исключительно оноματοпеические слова, рифмующиеся с остатками чисел или их вырожденными эквивалентами)» [Топоров, 2004, 269–270]. Как правило, в таком ритмически организованном высказывании, лишенном содержания, наряду с сильно измененными словами числового ряда присутствуют искусственные образования, не существующие в языке, слова, измененные ради рифмы, а также отдельные полноценные слова, имеющие денотативную соотнесенность. Особенность таких построений в том, что смысл высказывания не вытекает из сложения отдельных полноценных элементов и частей текста. Можно привести пример считалки, полностью лишенной содержания, в полной мере построенной по числовому принципу (в отличие от приведенной нами считалки из [СГРС]): *Первунчики, Другунчики, Трынцы, Волинцы, Пятой, Мятой, Дикинь, Выкинь* (моск.) [СРНГ, 5, 83] или ее вариант *Первелики, другелики, трынцы, волинцы, вята* (= пять), *лада, шесток, кипяток* [Топоров, 2004, 270]. Трудно поддаются пониманию слова, выступающие в измененной или просто искаженной форме (ср. *волинцы*). К таким словам, измененным по условиям рифмы, лишенным семантической нагрузки, отнесено слово *во́лоб* в «Русском этимологическом

словаре» А. Е. Аникина [8, 149]: оно идет с пометой «неясно» и сопровождается вопросом: «Асемантическая рифма к *жёлоб?*».

Нельзя не признать, что считалка из [СГРС] относится к числу таких текстов, лишенных общего содержания, в которых немало слов, по отдельности имеющих определенное значение. К таким словам можно отнести *жёлоб*, *прело*, *горело* и т. п. Трудно со всей определенностью сказать, относится ли к таким словам *вóлоб*. Неясно, имеет ли оно реальную основу в языке или является искусственным образованием, рифмующимся с *жёлоб*. И хотя возможности анализа очень ограничены, все-таки можно попытаться извлечь дополнительные смыслы через анализ структуры считалки и отсылку отрезков высказывания к фактам содержательного плана. Будем исходить из того, что в случае с *вóлоб* речь идет не об искусственном асемантическом образовании, появление которого обусловлено лишь требованиями парной рифмы. И можно попытаться с опорой на семантику и построение считалки подойти к раскрытию возможных характеристик того, что обозначено словом *вóлоб*.

Поначалу коснемся структуры слова. Чисто внешне диал. *вóлоб* по своему строению, огласовке напоминает отглагольное производное с вокализмом *-o-*. Однако на восточнославянской территории и вообще в славянских языках не найдем соответствующего глагола с основой **velb-*.

С ориентацией на структуру слова можно видеть в рус. *вóлоб* первоначальное производное на *-оба* [Sławski, 1974, 61], причем форма слова подчинена парной рифме. Однако производящая основа не поддается определению.

Некоторую информацию о слове *волоб* можно извлечь из анализа структурной организации текста, особенно первой части, и того не совсем определенного пояснения, которое дано информантом слову *вóлоб*. Представляется, что даже в таком иносказательном описании противопоставление в первой части имеет реальную основу в том смысле, что если не все, то некоторые элементы текста сохраняют конкретное значение, которое в самом общем виде если не раскрывает, то бросает отсвет на возможные признаки реалий, стоящих за обозначениями. Полезно проверить, что можно извлечь

из слов, имеющих денотативную соотнесенность. Не исключено, что в особенностях денотативной организации текста в какой-то степени могут быть заложены подходы к пониманию того, что стоит за словом *во́лоб*.

Детская считалка в первой части имеет двухчастную рифморитмическую организацию, в основе которой лежит принцип сопоставления денотативных блоков: *первунчики* и *другунчики*, *жёлоб* и *волоб*, *на божьей росе* и *поповой полосе*. В первом блоке денотаты обозначены неопределенно, без связи с конкретными реалиями, определяющими для них являются признаки «первый — другой», т. е. первый элемент числового ряда и то, что по положению в числовом ряду следует за первым, связано с ним бинарным отношением, или то, что связано с первым системой иерархических отношений [Топоров, 2004, 228, 235, 236]. И сами слова *первунчики* и *другунчики* как будто бы не вызывают сомнения. В выражении *на божьей росе* и *поповой полосе* опорными являются слова *божий* и *поповый*, передающие отношение высокого и того, что ниже по статусу. Тот же принцип лежит в основе построения разных считалок: ср. *Первенцы, другенцы убили голубенцы, на солоде на молодежи, на божьей росе, на поповой полосе* [СРНГ, 26, 6]. Что касается отношения *жёлоб* ~ *волоб*, то, исходя из семантики, можно лишь предположить, что реалии, обозначаемые этими словами, обладают противоположными свойствами. Что такое *жёлоб*? Это длинное, узкое углубление, в диалектах — корыто для просеивания и т. п. [Там же, 9, 108–109]. Если исходить из этой характеристики, то вполне возможно, что эти признаки — ‘узкое пространство’ и ‘углубление’ — определили выбор слова с противоположным значением — ‘широкое открытое пространство’ и ‘возвышение’.

Основываясь на признаках, определяющих возможные характеристики реалии, обозначаемой словом *волоб*, можно предложить по меньшей мере два подхода к выбору производящей основы. Если значимым, маркирующим был признак «узкий — широкий, свободный, без ограничений», то для обозначения широкого открытого пространства в противоположность тому, что обозначалось словом *жёлоб*, могло использоваться производное от основы, в семантику

которой входит признак широты. Среди близких по внешнему виду русских диалектизмов, обозначающих широкое пространство, — диал. *воля* в значении ‘пастбище, выгон’, образование с корневым *-о-* от глагола **velěti* [Аникин, 8, 207], понимаемое как свободное, открытое пространство, ср. диал. *воля, воля́* ‘пастбище, хорошие луга’: «Скот на воле ходит, в поле; от этого и самое пастбище, выгон называется волею» [СРНГ, 5, 88], ср.-урал. *валя́* мн. ‘луга’, ‘пастбище’ [СРНГ, 4, 35], арх. *воля* ‘простор’, ‘пространство вне дома’ [АОС, 5, 74–75]. Возможно, что появление первоначального суффикса *-оба* в нарушение фонетических правил после основы на мягкий вызвано требованиями рифмы.

Хотелось бы обратить внимание на несовпадающие, но частично близкие по структуре образования: чеш. *velebiti*, польск. *wielbić* с вторичным значением ‘восхвалять’, первоначально ‘делать большим’, производные от *veleba* с исходной основой **velbjь* ‘большой, великий’ [Machek, 1, 1022; Boryś, 2007, 693]. Однако различия в вокализме при отсутствии соответствующего исходного глагола исключают возможность такого сближения.

Заметим, что в том и другом случае большие сомнения вызывает выбор производящей основы по признаку ‘широкий’, особенно если учесть данное информантом пояснение («*Волоб*-от место где ли в поле»), из которого следует, что речь идет не о широком открытом пространстве, а о таком месте, которое по рельефу или другим особенностям выделяется в окружающем его поле. Предположительно это может быть болото, место, заросшее кустарником, возвышение, препятствующее обработке земли, и т. п. Это обстоятельство делает более вероятной возможность противопоставления *жёлоб* — *волоб* по признаку «углубление — возвышение». Если следовать этому принципу, то для обозначения возвышения на равнине могла использоваться основа **vol-*, которая передает идею опухоли и возвышения, того, что выделяется своими размерами: ср. рус. диал. *вол* ‘нарыв, опухоль, шишка’, *волдырь* ‘нарост на дереве, напоминающий опухоль на теле человека или животного’ < *вол-дырь* с вставным *-д-*, польск. *wole, wól* ‘зоб (у птицы)’, словен. *voleki* ‘почки’, чеш. *vole* ‘опухоль желез’ и т. п. В наши задачи не входит

обсуждение индоевропейских истоков приведенных образований, мы лишь отметим основные версии: по одной из них образования относятся к продолжениям и. -е. **swel-* ‘надуваться, набухать’, ср. нем. *schwellen, Wulst, Schwulst* ‘опухоль’ [Меркулова, 1969, 169; Аникин, 8, 208–209], по другой допускается возможность родства со ст.-слав. **ВЪЛАТИ**, чеш. *vláti* ‘волновать’, лит. *velti* ‘валить, катать, бить’ и т. д. с развитием значения ‘неровность, округлость’ > ‘утолщение (зоб, нарост)’ > ‘складка’ > ‘почки’, ‘складчатое образование’ [Куркина, 1992, 70; Bezlaj, 4, 339]. Сюда же может быть отнесено упомянутое в другой считалке *волыницы* — вероятно, словообразовательный вариант к *волынка* ‘опухоль, нарыв’, ‘нарост, наплыв на стволе дерева’ [Аникин, 8, 200], ср. еще пск. *волынйя* ‘нарост на дереве’. С этой основой связывают и некоторые топонимы: рус. *Волынь*, возможно, др.-рус. *Волыст* [ПОС, 4, 136], словен. *Volava, Voluja* [Bezljaj, 2003/1, 224] и т. д. [подробнее см.: Васильев, 2012, 365–372]. Примечательно, что в одном из говоров на Псковской территории «*Волынь* означает <...> гору, высокий холм» [Там же, 369; Аникин, 8, 201 со ссылкой на: Попов, 1981, 161]. В пользу предположения о связи с *вол/воль* как будто бы говорят белорусские диалектизмы, производные на *-ьб-ука*: блр. диал. *вальбука́, валбу́ка*, отмеченные в значении ‘нарыв, скула’ и ‘бугор (на земле)’ [Янкова, 1982, 63], в образовании которых участвует вариант суффикса *-оба*.

Разрешающие возможности материала крайне ограничены, но то небольшое, что можно извлечь из анализа текста и конкретно из противопоставления *жёлоб* — *волоб*, дает некоторые основания для вывода о том, что выбор слова *во́лоб* был продиктован рифмой и необходимостью обозначить объект, противоположный по своим характеристиками *жёлобу*. Возникает окказиональное образование, локально ограниченное, оформленное по правилам парной рифмы.

При обсуждении истоков *во́лоб* нельзя обойти вниманием диал. *волебница* ‘одежда из грубой ткани, используемая на работах по выжиганию леса’ [СРГК, 1, 221]. Это слово, нигде более не отмеченное, ограниченное в своем распространении карельской территорией, где долго и активно практиковалось подсечно-огневое земледелие, предположительно можно отнести к специфическим терминам

огневого земледелия, в составе которых немало образований с архаичными основами. При отсутствии конкретных описаний трудно сказать, как выглядела эта одежда, какую она имела форму. Ясно лишь, что для выполнения трудоемкой работы по выжиганию леса требовалась защита от огня. Возможно, что этой цели и служила *волебница* — особая одежда, которая топорщится, не ложится ровно и не прилегает к телу. С учетом географии слова остается открытой возможность образования от заимствованной основы. В словаре Аникина [8, 132] со ссылкой на Муллонен не исключается связь с прафинскими образованиями: фин. *alainen*, карел., вепс. *alaine*, эст. *alane* ‘нижняя одежда из грубой домотканой ткани’. Однако прафинские образования далеки от *волоб* по своему фонетическому облику.

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980–. Вып. 1–.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.

Бернар Р. Български етимологии. I // Бернар Р. Българистични изследвания. София, 1982. С. 278–284.

Бјелетић М. ИС^{КО}ВРНУТИ ГЛАГОЛИ. Типови експресивних превербалних форманата (на српском и хрватском језичком материјалу). Београд, 2006.

Букумирић М. Речник говора Севернее Метохије. Београд, 2012.

Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.

Геров Н. Речник на българския език : в 6 т. София, 1975–1978.

Евстатиева Д. Лексиката на говора с. Тръстеник, Плевенско // Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. 6 / отв. ред. К. Мирчев. София, 1971. С. 151–243.

Кон. — Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања : в 3 т. / ред. Б. Конески. Скопје, 1966.

Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Люблина, 1992.

Меркулова В. А. Народные названия болезней I (на материале русского языка) // Этимология 1967 / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1969. С. 158–172.

Никончук И. В. Приставки *КА-* и *КО-* в полесских говорах // Этимология 1977 / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1979. С. 122–126.

- Попов А. И. Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л. ; СПб., 1967–. Вып. 1–.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- Топоров В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1 : Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2004. С. 226–272.
- Трубачев О. Н. Праславянское наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004. С. 538–560.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева : в 4 т. 2-е изд. М., 1987.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М., 1974–. Вып. 1–.
- Янкова Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск, 1982.
- Bezljaj F. Zbrani jezikoslovni spisi / ured. M. Furlan. T. 1–2. Ljubljana, 2003.
- Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. T. 1–5 (Kazala). Ljubljana, 1976–2007.
- Boryś W. Prasłowiańskie przymiotniki dewerbalne z apofonią o : ь (dial. *dropь, *stromь, *tromь) // Boryś W. Etymologie słowiańskie i polskie. Warszawa, 2007. S. 177–183.
- ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / hl. red. E. Havlová, A. Erhart, I. Janyšková. Praha, 1989–. S. 1–.
- Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. I. Göttingen, 1962.
- Machek V. Sebrané spisy Václava Machka. T. 1–2. Praha, 2011.
- Peić M., Bačlija G. Rečnik bačkih Bunjevaca / sar. i red. D. Petrović. Novi Sad ; Suboptica, 1990.
- Pokorny 1–2 — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Bern, 1949–1959.
- RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Vols. 1–23. Zagreb, 1880–1976.
- Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Bd. 1–4. Zagreb, 1971–1974.

- Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // *Sławski F.* Słownik prasłowiański. T. 1. Wrocław, 1974. S. 43–141.
- Szymański T.* [Рец. на кн.:] Бернар Р. Българистични изследвания. София : Наука и изкуство, 1982. — 569 с. // *Rocznik slawistyczny.* 1985. T. 45. Cz. 1. S. 107–115.
- Štrekelj K.* Slavische Wortdeutungen // *Archiv für slavische Philologie.* 1905. № 27. P. 41–72.

* * *

Куркина Любовь Викторовна
 доктор филологических наук,
 отдел этимологии и ономастики,
 Институт русского языка
 им. В. В. Виноградова РАН
 119019, Москва, ул. Волхонка,
 д. 18/2
 E-mail: lyukurkina@rambler.ru

Kurkina, Lyubov Viktorovna
 DrHab,
 Department of Etymology
 and Onomastics
 Vinogradov Russian Language Institute
 of the Russian Academy of Sciences
 18/2, Volkhonka str., 119019, Moscow,
 Russia
 E-mail: lyukurkina@rambler.ru

Etymological Notes on Russian Dialectal Words (*tromóy, zakalúka, vólob*)

The paper deals with the dialectal words *tromóy, zakalúka, vólob*. The author seeks to prove the cognation between Russian dialectal *trómy* with the continuations of PIE **trem-* ‘trundle; tremble’. The dialectal word *zakalúka*, attested in the lower Pechora river area, is explained as double-affixed derivative with the stem *luk-* < **lók-*, regularly connected with the verb **lekt’i*. On the basis of a structural analysis of the corresponding text (a counting rhyme), its rhythmical and semantic organization, the author proffers a reconstruction of the meaning of the hapax word *vólob* that is, as the author puts it, a term used to describe the lie of the ground. The author argues that this is a nonce noun derived from **vol-* (cf. Russian dialectal *vol, vol’* ‘swelling, tumor’, Polish *wole* ‘goitre’, etc.) with the formant *-oba*, the final being reduced to meet the requirements of rhyme.

К е y w o r d s: etymology, semantics, formal and semantic reconstruction, Proto-Slavic lexical dialectal words.

С. М. Толстая

Москва

Ошибка по-русски

Мотивационные признаки, лежащие в основе номинации ошибок, могут относиться к разным «участникам» обозначаемой ситуации — субъекту, его действиям или состояниям, причине, последствиям ошибочного действия, объекту ошибки. Существует несколько регулярных семантических моделей лексики ошибок в русских диалектах: 1) ошибки, совершаемые при исполнении определенных действий (*обсеяться, прогляд, усчитаться* и т. п.); 2) любые ошибки, отсылающие к некоторым физическим действиям (*прометиться, прошибиться, сбивка* и т. п.); 3) ошибки, объясняемые неправильными действиями субъекта (*напутлять, заплестись, замутиться* и т. п.); 4) ошибки, вызванные неадекватным состоянием субъекта (*оглупать, сдурнуть, оболваниться* и т. п.); 5) ошибки как следствие обмана, заблуждения, соблазна (*офалиться, оклепаться, обмылиться* и т. п.); 6) ошибки, трактуемые как неудача, просчет, проигрыш субъекта (*обложиться, обмешентиться, околпачиться* и т. п.). Общерусская модель обозначения ошибки, связывающая это понятие с неудачей в совершении простого физического действия (битья, «шибания»), практически не используется в других славянских языках.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантическая модель, мотивация, лексика, русские диалекты.

Все, что известно о мировоззрении древних славян, позволяет говорить о серьезной озабоченности их явлениями нарушения порядка, о страхе перед беспорядком, где бы они обнаруживал себя.

В. Н. Топоров

Серьезный интерес к понятию ошибки как нарушению некоторой нормы, лада и порядка проявляют философы и специалисты по лингвистической прагматике и актам речи. Для философов,

занимающихся так называемой теорией и историей практик, ошибки и другого рода нарушения — инструмент изучения самих действий (практик). Ср. высказывание одного из представителей этой ветви философии: «В теории практик действие часто исследуется через его разного рода нарушения — поломки, осечки, задержки и т. п. Во-первых, многие повседневные и рутинные действия часто только и становятся заметными в результате того, что нарушается их плавный ритм; например, именно нехватка чего-либо или, наоборот, чрезмерное изобилие делает его заметным. Во-вторых, именно в это время как бы приоткрываются “черные ящики” механизмов наших рутинных операций; мы замечаем, — например, через отсутствие — характеристики того, присутствие чего гарантирует успешное и непроблематичное исполнение рутинной деятельности» [Хархордин, 2012, 7–8]. Среди других примеров этот философ разбирает и понятие «ошибка». Он ссылается на слова Джона Остина, который говорит, что «два типа ошибки в английском языке не совсем равнозначны: *mistake*, понимаемое как *mis-take*, взятое не так, мимо или как промашка при попытке взять, — это не совсем *error*, производное от английского глагола *err*, сбиться с пути, свернуть с тропинки. <...> Говорит ли что-то интересное о русской культуре тот факт, что корневая метафора термина “ошибка” связана с ударом, шибанием, а не с взятием или блужданием, как нам это представлено в центральных английских терминах для обозначения, как кажется, того же самого феномена неудачи действия?» [Там же, 16–17].

«Ошибка» и «ошибаться» принадлежат к разряду понятий (и соответствующему типу слов), которые в семантической школе Ю. Д. Апресяна называются *интерпретационными* [Апресян, 2004]. Это значит, что они, как правило, не имеют конкретного «предметного» или акционального содержания и не соотносятся непосредственно с реальной ситуацией, а обозначают оценку, интерпретацию всей ситуации или ее главного предиката (независимо от его природы) по отношению к некоей норме. В самом деле, под понятие «ошибка» могут быть подведены самые разные действия, отклоняющиеся от правильного поведения или не приводящие к ожидаемому результату. Ошибка — это нечто неправильное,

не соответствующее цели, назначению или ожиданию, поэтому возможны «общеоценочные» номинации ошибки: ср. *сплоховать*, самар. *плошитъ* ‘допускать промах, ошибку’: «На бога надейся, а сам не плоши» [СРНГ, 27, 160], смол., костр., влг., карел. *оплошиться* ‘сделать ошибку, промах, оплошать’: «Оплошился, забыл письмо взять» (смол.) [Там же, 23, 267], «Замуж неудачно вышла, оплошилась, значит» (карел.) [СРГК, 4, 215], карел., арх. *неладно* ‘ошибочно’: «Я вам неладно сказала, у отца спросите, он помнит» (карел.), карел. *неляпый* ‘неправильный, ошибочный’: «Там слов было много неляпых» [Там же, 3, 410, 411].

Существенным компонентом понятия «ошибка», помимо идеи нарушения нормы, неправильности, является семантический элемент случайности, непреднамеренности: ср. *по ошибке* ‘случайно’, ‘не желая того’, пск. *грехом* ‘непреднамеренно, случайно’: «Грехом напали на куст чарники, набрали гранатовый стакан» [ПОС, 8, 18]. Как и многие другие общие, абстрактные понятия, понятие ошибки часто «конструируется» на основе вполне определенных, в том числе конкретных, образов, представлений и мотивов. Так, *ошибка*, *ошибаться* отсылают в конечном счете к конкретному физическому действию битья (*шибания*) мимо цели, *просчет*, *недочет* — к конкретному действию счета, пересчитывания.

Еще одно существенное свойство понятия ошибки — способность соответствующих слов обозначать оценку как реального действия, физического или ментального (ср. *Он ошибся в вычислениях*), так и ментального состояния субъекта (*Вы ошибаетесь, считая его компетентным в этих вопросах*); во втором случае глагол *ошибаться* имеет синонимы *заблуждаться*, *обманываться*, а имя *ошибка* — синонимы *заблуждение*, *самообман*, не имеющие «акциональной» семантики¹.

---

¹ В [Апресян, 2004] рассматривается синонимический ряд *ошибаться 1*, *заблуждаться*, *обманываться* и *просчитаться*. В этом ряду глаголы принадлежат к разным классам предикатов: *ошибаться 1* может означать как ментальное действие (*Прокуратор никогда не ошибается, но на сей раз ошибся*), так и ментальное состояние (*Он всю жизнь ошибался на мой счет*); *заблуждаться* — это только глагол состояния, *обманываться* — глагол ментального действия и состояния; *просчитаться* — глагол

Наконец, необходимо отметить близость понятия ошибки к понятию *о б м а н а*; их связывает не только общий семантический компонент неправильности, несоответствия действительности, но и отношение конверсии и каузативности: *обманывать* — это значит заставлять ошибаться, внушать ошибочное мнение. Поэтому нередко слова, означающие ‘ошибка’, ‘ошибаться’, имеют также значение ‘обман’, ‘обманывать’. Ср. пск., твер. *облыгаться* ‘лгать’, ‘ошибаться’ [СРНГ, 22, 113], смол. *блышитъ* ‘лгать, клеветать’, ‘ошибаться’: «Кыда кроиш кохту, блышитъ асоба нильзя, а то материи не хватить» [ССГ, 1, 196], смол. *сблышитъ* ‘ошибиться’: «Ни бяришь ты за ету работу, усё равно зблышыш усё», ‘сказать неправду, вздор’ [ССГ, 9, 164], урал. *фальшитъ, сфальшитъ* ‘фальшивить’, ‘обманывать’ и ‘ошибаться’: «Сам ли сфальшил, ружье ли сфальшило, не скажу хорошенько» [Малеча, 5, 214, 538].

Анализ семантического поля ошибки не может обойтись без обращения к прагматической стороне ошибки, к самой «ситуации» ошибки, поскольку мотивационные признаки, лежащие в основе соответствующей лексики, могут относиться к разным «участникам» этой ситуации. Таковыми «участниками» являются: с у б ъ е к т ошибки, т. е. тот, кто ошибается; е г о д е й с т в и я или е г о с о с т о я н и е, которые оцениваются как ошибочные, не соответствующие действительности или не достигающие поставленной цели; с а м а поставленная ц е л ь, п р и ч и н ы (источник) и п о с л е д с т в и я ошибки, содержание или «о б ъ е к т» ошибки, т. е. то, в чем именно субъект отступил от нормы. В конкретных лексических единицах акцент может делаться на разных компонентах ситуации. Например, диал. *опрозориться* указывает на неадекватное поведение субъекта как причину ошибки (ср. *недосмотр*), а *одуриться* или *обумиться* — на ментальное состояние субъекта, *прогадка* — на следствие

исключительно действия. Принадлежность к разным классам предикатов определяет многие различия в их семантике. При этом к *ошибаться 2* [Там же] отнесены только физические действия (*Сапер ошибается только один раз*). По-видимому, для *ошибаться* следовало бы выделить три «лексемы»: *ошибаться 1* со значением ментального состояния (форма сов. в. отсутствует, как и у *заблуждаться*), *ошибаться 2* со значением ментального действия и *ошибаться 3* со значением физического действия.

ошибки для субъекта, оказавшегося в проигрыше (ср. *прогадать*), и т. д.

В славянских языках отсутствует единое, общее для всех языков обозначение понятий ‘ошибаться’ и ‘ошибка’; в этих значениях в разных языках используются разные глаголы и имена, что указывает на сравнительно позднее формирование этой лексики, хотя сами используемые лексемы по большей части принадлежат к праславянскому фонду. К наиболее употребительным словам этого поля относятся единицы следующих этимологических гнезд, имеющие значение ‘ошибка’, ‘ошибаться’: **blazn-* (ст.-слав. *блзнь*, *блзна*), **blqd-* (польск. *bląd*), **grěx-* (ю.-слав. *грешка*), **xyb-* (чеш. *chyba*, укр. *хиба*), **max-* (рус. *промах*, серб. *промашти*), **myl-* (з.-слав.: польск. *omyłka*, *potyłka*, чеш., словац. *omyl*), **šib-* (рус. *ошибка*, *ошибаться*). Все эти гнезда многозначны, и семантика ошибки занимает в них разное место, сочетаясь с другими, часто не менее значимыми семантическими элементами, такими как потеря пути, блуждание, колебание, безумие, обман, соблазн, обольщение и др.

На фоне данных других славянских языков общерусские *ошибка*, *ошибаться* стоят особняком — характерная для них мотивационная модель, связывающая понятие ошибки с неудачей в совершении простого физического действия (битья, «шибания»), не используется (или не столь значима) в других языках. Зато этот мотив широко представлен в русской диалектной лексике ошибки, которая по своим мотивационным моделям исключительно богата и разнообразна, что объясняется естественным для языковой концептуализации этого типа понятий присутствием оценочного и экспрессивного элемента. Рассмотрим основные типы номинаций ошибок в русских диалектах, которые в абсолютном большинстве случаев относятся к ошибочным действиям (а не состояниям).

Прежде чем привести материал, необходимо сделать две оговорки. Во-первых, приходится считаться с тем, что дефиниции диалектных словарей часто очень приблизительно, неточно, а иногда и ошибочно определяют значения толкуемых слов, а приводимые иллюстрации нередко не подтверждают словарных дефиниций или даже противоречат им. Во-вторых, многие слова в силу их

экспрессивного характера и сложности, разноаспектности самой ситуации ошибки могут обладать диффузным значением, покрывающим разные рубрики семантической классификации. Например, в толковании урал. *устряпаться* ‘совершить промах, попасть впросак, ошибиться’: «Мы с мамой давеча устряпались: хлеб из печи забыли вынуть» [Малеча, 5, 339] остается неясно, действительно ли глагол имеет общее значение ‘ошибаться’ и может применяться к разным ситуациям или же он имеет более конкретное значение, соответствующее приводимому примеру и относящееся именно к ситуации «стряпания». Или: вят. *накаверзить*, толкуемое в словаре как ‘наделать ошибок, набедокурить’ и иллюстрируемое примером: «Накаверзил парень, мучается теперь» [ОСВГ, 6, 155], скорее всего, означает просто ‘набедокурить, совершить неблагоприятные поступки, напроказничать’ (в соответствии с семантикой производящего *каверза*), что, конечно, может оцениваться в том числе как неправильное, ошибочное поведение, совершение ошибок, но прямого значения ошибки все же не имеет. Действительно ли вят. *обмирошиться* означает ‘ошибиться при измерении чего-л.’ или же это узкое значение «наведено» иллюстрацией: «Я обмирошил, на вершок дальше пробил дырку для нагиля» [ОСВГ, 7, 23]? Ср. приводимые в [СРНГ, 22, 129–131] *обмишуриться, обмишуливаться, обмишутиться, обмихнуть* и др. с общим значением ‘ошибиться, попасть впросак’.

1. Ошибки в конкретных действиях

Выше было сказано об «интерпретационном» характере семантики ошибки, т. е. о независимости ее от вида конкретного неудавшегося действия. Однако в русском языке существуют и «конкретные» обозначения ошибок, относящихся к определенным видам действий, например *оговорка, описка, ослышаться, обознаться, оступиться* и т. п., сохраняющие связь с соответствующими действиями и обозначающими их глаголами (*говорить, писать, слышать, узнать, ступить*).

В диалектной лексике подобных обозначений «конкретных» ошибок очень много. Например, яросл. *занизаться* ‘ошибиться при

низании’: «А, чтоб ты разорвало. Опять занизался» [ЯОС, 4, 89], смол. *обгледиться* ‘ошибиться’: «Ти ни абгледились ты? Ти спешат часы?» [ССГ, 7, 111], перм. *оглядеться* ‘ошибиться, обознаться’: «Настю за Дарью приняла, чё-то огляделася я» [СПГ, 2, 866], без указ. м. *облаиваться* ‘лаять невпопад’: «Собака облаялась, звать сидела тут белка — ошиблась» [СРНГ, 22, 83], без указ. м. *обложка* ‘ошибка при укладке, раскладывании чего-л.’ [Там же, 106], яросл. *обсадка* ‘что-л. не посаженное по ошибке’, яросл. *обсева, обсевица* ‘случайно обойденное при посеве место’ [ЯОС, 7, 22], карел., арх., ленингр. *обсевина* ‘то же’ [СРГК, 4, 117], урал. *обсеяться* ‘совершить ошибку при посеве, допустить огрех’: «Мне не доверял (отец) пшеницу, а то могу обсеяться, огрехами сделать могу» [Малеча, 3, 37], пск., твер. *окупиться* ‘ошибившись, переплатить за что-л.’ [СРНГ, 23, 175], вят. *опознать* ‘обознаться, не узнать кого-л., ошибочно принять одно за другое’ [ОСВГ, 7, 107], вят. *оприметиться* ‘не заметить, просмотреть, ошибиться’ [Там же, 111], урал. *прогляд* ‘просмотр, недосмотр, упущение, ошибка, грех’: «Это наш с тобой прогляд, проглядели мы дичь» [Малеча, 4, 422], смол. *усчитаться* ‘ошибиться при подсчетах, обсчитаться’: «Пышшитай-ка ты снова, ти ни ушшитальсь ты» [ССГ, 11, 29].

В подобных номинациях ошибочных действий часто используются глаголы и их дериваты с префиксами **o-/ob-* и **pro-*, которые семантически связаны с мотивом «мимо», идеей непопадания в цель (ср. то же исходное значение приставки в глаголах *оступиться, обман, проехать, пропустить* и т. п.). Эта модель представлена в разных славянских языках как в номинациях общего характера типа рус. *ошибка, ошибиться, осечка*, диал. *обмашка*; укр. *омилка, помилка, омиляти*, польск. *оту́лка, отулі́ć* и т. п.; рус. *промах, промахнуться*, диал. *продуматься* ‘принять неправильное решение, ошибиться’ [СРНГ, 32, 127], серб. *промашити*, так и в номинациях «конкретных» (частных) ошибок, подразумевающих неудачу в определенном действии, — типа рус. *описка* (ошибка при писании), *оговорка* (ошибка при говорении), *ослышаться* (ошибиться при слушании), *прослушать* (не услышать, пропустить мимо ушей), *промериваю, промеряю* ‘ошибаясь в мере, с лишком чего отмериваю’:

«У холста промерял два аршина» [САР, 4, 410], *опечатываюсь* ‘ошибаюсь в печатании’ [Там же, 405] и т. п. В русских диалектах в подобном значении используется также приставка *за-*: ср. яросл. *занизаться, занижаться* ‘ошибаться при низании’, урал. *зашиваться, зашиться* ‘запутаться в чем-н., сбиться с толку’ [СРНГ, 10, 279; 11, 189]. Реже в лексике ошибок используется модель с приставкой *пере-*, которая также обозначает отклонение от нормы, но, так сказать, в другую сторону — в сторону ее превышения: пск., твер. *переглянуться* ‘ошибиться’: «Переглянулась налить, ишь как натуронила» (т. е. налила больше, чем нужно. — С. Т.) [СРНГ, 26, 66], пск., твер. *передернуться* ‘ошибиться’ [Там же, 84]. Ср. *недосмотр, недочет* в значении ‘ошибка’.

Тем не менее общая тенденция данного семантического поля состоит в абстрагировании от этих действий и распространении «конкретного» понятия на другие (разные) действия, ср. *промахнуться* в конкретном значении неудачного действия и *промах* в общем значении ‘ошибка’, *опрометиться* может значить ‘промахнуться’, а *опрометливо* не содержит указания на конкретное действие.

2. «Абстрактные» ошибки, мотивированные физическими действиями

Эта общая тенденция приводит к тому, что обозначения изначально конкретных ошибочных действий приобретают общее значение ошибки и применяются к разнообразным ситуациям, утрачивая семантическую связь с конкретным действием: ср. *оступиться*, диал. *проступка* ‘проступок, вина, ошибка, промах’ [СРНГ, 32, 255], смол. *обступочка*: «Девушка обступочку сделала — парня любить бросила» [Там же, 22, 239], свердл. *попускаться* ‘ошибаться’: «Я хорошо считаю, не попускалась» [Там же, 30, 18], пск., твер. *осекаться* ‘допустить ошибку, ошибиться’ [Там же, 23, 362], пск., твер., костр. *обсечка* ‘ошибка, промах’: «Я сделал обсечку» [Там же, 22, 232], забайк. *пасёк* ‘промах, ошибка’: «Пасек небольшой, но все ж урон. Пасек дал, не рассчитал» [Там же, 25, 252], смол. *обмах*: «У етым дели дау я аммаху, прыгадау» [ССГ, 7, 128], смол.

обмахнуться ‘ошибиться’: «Аммахнуоуя я при аммени» [ССГ, 7, 128], вят. *обмаховаться* ‘ошибиться’: «Не спеши, не обмаховаться бы» [ОСВГ, 7, 21], без указ. м. *обмашка*, ‘промах, ошибка’: «Вышла обмашка», «Сделать обмашку» [СРНГ, 22, 122], пск., твер. *смахиваться* ‘совершать ошибку’ [Там же, 38, 347], смол. *ошибнуться*: «Ашыбнулъсь я у табе, саседушка», «Апяты ты, тётка, ашыбнулъсь» [ССГ, 7, 214], смол. *сшибнуться* ‘ошибиться’: «Нихай уже шшыбница рас, а то и другой, и третий» [Там же, 10, 160], *прометиться* влад. ‘не попасть в цель’, костр. ‘ошибиться’ [СРНГ, 32, 185], арх. *прошиб* ‘невспаханый участок поля’: «Прошибы называются, когда остаются неспаханые места» [СРГК, 5, 324], урал. *прошибиться*: «Прошиблись, верно (в покупке)» [Малеча, 4, 453], костр. *подшибаться* ‘ошибаться’: «Смотри не подшибись» [СРНГ, 28, 255], костр. *прошибтись* ‘ошибиться, сделать промах, просчитаться’: «Там путаная дорога-то, долго ли прошибтись в теми-то» [Там же, 33, 48], онеж. *пошибка* ‘ошибка’ [Там же, 31, 33], пенз. *прешибиться* ‘ошибиться’ [Там же, 31, 98], новг. *сбивка* ‘ошибка, неправильность’: «Сбивок понаделали» [СРГК, 5, 640], брян. *скопошиться* ‘сделать ошибку, промах’ [СРНГ, 38, 81], пск., твер. *объехаться* ‘ошибиться в расчете’ [Там же, 22, 278], влад. *оскользнуться* ‘ошибиться в расчетах, просчитаться’ [Там же, 24, 14], брян. *пронестись* ‘ошибиться, потерпеть убыток’ [Там же, 32, 199], урал. *зашиваться* ‘ошибаться, запутаться, сбиться с толку’ [Там же, 11, 189], вят. *обрыбиться* ‘сделать что-л. неудачно, оплошать; попасть в неудобное положение’: «Обрыбилась я давеча перед зятем» (при «конкретном» значении ‘поймать мало рыбы’, т. е. ‘потерпеть неудачу в ловле рыбы’. — С. Т.) [ОСВГ, 7, 37].

Особенно активны в такого рода номинациях глаголы с корнями *ступ-*, *мах-*, *сек-*, *шиб-*.

3. Неправильные действия субъекта

Причиной ошибки может быть невнимание, небрежность субъекта при совершении действия: карел., арх., вят. *обзабыться* ‘ошибиться, перепутать по забывчивости’: «Не хочу говорить.

Я обзабудусь да и скажу цё-нибудь» (карел.), «Обзабылись да и уехали по другой дороге» (вят.) [СРГК, 4, 79; СРНГ, 22, 50], вост. *обзепиться* ‘ошибиться, оплошать’ [СРНГ, 22, 54], вят. *просторожа* ‘всякая ошибка, неосторожность, промах’ [Там же, 32, 250], арх. *позора* ‘грамматическая ошибка’: «Как-никак, с позорой напишу» [Там же, 28, 337], ср. *недосмотр*.

Причиной ошибки могут стать также неправильные операции субъекта над объектом (предметом), обозначаемые такими глаголами, как *мешать*, *мутить*, *путать*, *плести*. От этих глаголов особенно часто образуются слова с общим значением ‘ошибка’: южн. *путлять* ‘ошибаться, сбиваться в делах, вести их плохо, небрежно’ [Там же, 33, 153], смол. *напутлять* ‘напутать, ошибиться’ [ССГ, 7, 35], карел. *перепутаться* ‘ошибиться’: «На шею вешат (знаки) кожаны или деревянные, чтоб хозяин не перепутался» [СРГК, 4, 465], ворон. *попутать*, *попутлять*, *попутаться* ‘сделать ошибку в счете’, ворон. *попутка* ‘путаница, ошибка’: «Тут вышла попутка небольшая от скопления бумаг» [СРНГ, 30, 19], мурм. *заплестись*: «Еще мама жила долго, она годов семь умерла, ой, заплелась, годов шесть» [СРГК, 2, 176], без указ. м. *оплетаться*, *оплестись* ‘обманывать, ошибаться’: «Сам ты оплелся, никто тебя не оплетал» [СРНГ, 23, 264], арх. *замешня* ‘ошибка в каком-н. деле, в исполнении какой-л. работы’: «До сих пор кончено было б дело, если б не палась замешня» [Там же, 10, 240], вят. *омешка* ‘ошибка’: «Омешка-то к чему ведет?» [ОСВГ, 7, 97], пск., твер. *замутиться* ‘начать ошибаться в каком-л. деле’ [СРНГ, 10, 266], лит. (рус.), смол. *бунтоваться*: «Сеня никак не может запомнить стихотворения, все бунтуется» (лит.), «Ни кричитя, а то бунтуюсь и ни магу съшшытатъ» (смол.) [СРНГ, 3, 277; ССГ, 1, 289], брян. *сбунтоваться* ‘ошибаться’: «Я сбунтовалася и стала считать сначала» [СРНГ, 36, 194].

4. Неадекватное состояние субъекта

Многие слова со значением ‘ошибка’, ‘ошибаться’ имеют в том же или в другом языке (диалекте) значение, связанное с недостатком

ума, помрачением рассудка, т. е. означают ‘дурак’ или ‘сумасшедший’. Самым ярким примером такого сочетания значений может считаться праславянское гнездо **blazn-*: значение ‘ошибка’ представлено в старославянском, церковнославянском и древнерусском, тогда как во всех остальных славянских языках — ‘дурак’, ‘сумасшедший’, ‘глупец’ (польск., кашуб., в.-луж., чеш., словац., укр. ‘дурак, олух’, словен.) либо ‘обман, обольщение, соблазн’, ‘искушение’, ‘призрак, чудовище’ и т. п. [см.: SP, 1, 254]: словен. *blaznėti* ‘сходить с ума, безумствовать’, чеш. *blazniti* ‘быть не в своем уме’, *bláznivý* ‘душевнобольной, ненормальный’, словац. *blazniet’* ‘быть не в своем уме, быть душевнобольным’, рус. ц.-слав. *блaзнитиcя* ‘сходить с ума’. Но это сочетание характерно и для других гнезд, например для гнезда **blōd-*, одного из основных в семантическом поле ошибки для западнославянских языков (ср. польск. *bląd*): ср. чеш. *bloud* ‘дурак’, *blud* ‘заблуждение, ошибка’, в.-луж. *blud* ‘заблуждение, ошибка’, ‘помешательство’. Иначе говоря, ошибка понимается как «блуждание» ума.

Эта семантическая модель характерна и для русской диалектной лексики ошибок: пск. *замутиться* ‘начать ошибаться в каком-н. деле’ [ПОС, 11, 342] (к сожалению, без примеров, ср. *помутиться умом, в уме*), влг., ленингр., мурм. *оглупать*, влг. *оглупить* ‘совершить промах, нелепую ошибку, сглупить’: «Три брата были, оглупили, раскулачили по-пустому их» [СРГК, 4, 136], свердл. *недоумление* ‘ошибка, оплошность’ [СРНГ, 21, 35], амур. *сдурнуть* ‘совершить ошибку, оплошать’ [Там же, 37, 87], перм. *ошалеться* ‘одуреть; ошибиться’ [Там же, 25, 78], пск., твер. *обаламутиться* ‘ошибиться, будучи не в себе’ [Там же, 21, 345], пск., твер. *оболваниться*, пск., твер. *обумиться*, иркут. *обазумиться* ‘обмануться, ошибиться’ и ‘одуреть’ [СРНГ, 22, 163, 252; 21, 342], тамб. *одуриваться, одуриться* ‘одуреть, ошибиться’ [Там же, 23, 68], ряз. *мешаться* ‘плохо различать, путать, смешивать кого-л., что-л.’: «Я ошибаюсь, то Галя, то Валя, мешаюсь» [Там же, 18, 148], *мешаюсь* ‘сбиваюсь в чтении или рассказывании, ошибаюсь’: «Урок нетвердо знает, мешается» (при *мешаться, мешаться в уме* ‘потерять рассудок от болезни’) [САР, 4, 442], без указ. м. *обмёк* ‘ошибка в расчетах, в предположениях или в счете’: «Кулак и обмеком и обмером берет», без указ. м.

обмекаться ‘ошибаться в расчетах, надеждах, предположениях, обмануться’ [СРНГ, 22, 123], тамб., влад. *обмешкаться*: «Смерил и обмешкался на целый аршин» [Там же, 128], пск., твер. *поглумиться* ‘ошибиться, промахнуться’ и ‘показаться, померещиться’, ‘выжить из ума’ [СРНГ, 27, 293], без указ. м. *ошарашиться* ‘ошибиться себе в убыток’ [Там же, 25, 79].

5. Обмануться, принять одно за другое

Причиной ошибки могут быть заблуждение, обман зрения, наваждение или соблазн, заставляющие человека видеть, слышать и воспринимать не то, что есть на самом деле, а то, что кажется, мерещится, манит. Этот мотив представлен в лексике ошибки разных славянских языков и находит свое выражение в том, что одни и те же слова могут означать и ошибку, и обман, ср. др.-рус. *блзнь* ‘ошибка, заблуждение’, ‘соблазн, искушение, обман’, ‘ошибочный, ложный’, др.-рус. *блзнитель* ‘обманщик, вводящий в заблуждение’, др.-рус. *блзнитися* ‘ошибаться, заблуждаться, обманываться’, ‘сомневаться’, ‘прельщаться кем-л.’ [СДРЯ, 1, 226–227]; урал. *вклѣпаться*: «Это Федька идет, если я не вклепалась» [СРНГ, 4, 312], вят. *оклепаться* ‘ошибиться, не узнать кого-л.’: «Я ведь оклепалась, не узнала тебя» [ОСВГ, 7, 82], арх. *оглядеться* ‘ошибочно принять кого-н. за другого, обознаться’: «Огляделась поди-ка, а так-то видела она Тосю, знает» [СРГК, 4, 136]. В западнославянских языках такую же семантическую двойственность обнаруживают слова гнезда **myl-*, основного в лексическом поле ошибок: ст.-польск. *omył, omyła* ‘обманщик, мошенник’ [SW, 3, 779], ст.-чеш. *omyłiti* ‘одурманить, обмануть’ (наряду с ‘ошибиться’ и под.), ст.-польск. *omyłać* ‘обманывать, вводить в заблуждение’, чеш. *mylit se*, словац. *omyl* и др. [ЭССЯ, 28, 100–101], укр. *обмила* [Гринченко, 3, 18]; рус. диал. *помылиться* ‘ошибиться’ (особенно в счете), южн., курск., ворон., лит. (рус.) *помылка* ‘ошибка’: «Это моя помылка, что я не пошла с им разом» (лит. рус.) [СРНГ, 29, 236], арх., пск. *обмылиться, обмыляться* ‘ошибиться, ошибаться’, смол. *обмылка* ‘ошибка’ [Там же, 22, 138–139].

В русской лексике к этой мотивационной модели относятся: литер. *обмануться* (от *обман* < *манить*), пск., твер. *обазулиться*, *обазуриться* ‘ошибиться, обмануться’ [СРНГ, 21, 342] (при пск., твер. *обазулить*, *обазурить* ‘обмануть, надуть’ [Там же]), костр., влг. *огануться* ‘ошибиться, обмануться’ [СРНГ, 22, 310], том. *обморочать* ‘вводить в заблуждение, внушать ошибочное представление’ [Там же, 135], казан., нижегор. *офалиться* ‘ошибиться, обмануться’: «Офалиться недолго» (казан.) [СРНГ, 25, 20] (при казан., нижегор. *офалить* ‘надуть, обмануть’ [Там же]) и др. Ср. также *ошибаться* и тул., пск. *ошибать* ‘сбивать с толку, путать’, пск. ‘обмануть’: «Ошибить хотел тебя» [СРНГ, 25, 87].

6. Проиграть, потерпеть неудачу, попасть впросак, просчитаться, прогадать (неудача, проигрыш и т. п.)

Ошибка может восприниматься через состояние человека, совершившего и осознавшего ошибочное действие и его последствия, и тогда она обозначается словами со значением неудачи, проигрыша, провала и т. п. Лексика этого круга многочисленна и отличается особой экспрессивностью, связанной с разочарованием и досадой от неудачи. Наиболее продуктивны здесь дериваты с префиксом **ob-/*o-*, означающим либо положение оставленного позади (ср. *обогнать*), либо состояние непоправимости совершившегося (ср. *опростоволоситься*), в этом же втором значении выступают глаголы и их дериваты с префиксом **pro-*. Ср. пск., твер., смол. *обдуться* ‘ошибиться’: «Обдулся: отдал пятерку заместо тройка» (смол.) [СРНГ, 22, 25], урал. *вдуться*: «Ну и вдулся я с этим конем — чистая корова» [Малеча, 1, 200; СРНГ, 4, 89], яросл. *врезаться*: «Ох и врезался я: купил сапоги на базаре, а они развалились» [ЯОС, 3, 43], влг., урал. *обложиться* ‘ошибиться, сплеховать’: «Я обложились, не в ту комнату зашла» (влг.), «На бога расположишься — не обложишься» (урал.) [СРНГ, 22, 80; Малеча, 3, 21], яросл. *обмишутиться*, *обмешуриться*, *обмещениться*, *обмичуриться*, яросл., смол. *обмишениться* ‘ошибиться, попасть впросак’: «Считала, считала борозды, да и обмишенилась» (яросл.)

[ЯОС, 7, 14], «Ни раз абмишенивылысь, пыка ни узнала, как ета дельть» (смол.) [ССГ, 7, 129], яросл. *околтаться*, вят. *омешулиться* ‘то же’: «Вот как омешулилась!» [ЯОС, 7, 41; ОСВГ, 7, 97], урал. *обмишулка*, *обмишулочка* ‘ошибка’: «Сидим все, поём, я в обмишулках её чай выпил» [Малеча, 3, 24], карел. *окатиться* ‘совершить оплошность, ошибиться’: «Миленький, не окатись, не ошиби лап: куда попало можно уехать» [СРГК, 4, 171], яросл. *окрутиться* ‘обмануться, ошибиться’ [ЯОС, 7, 42], арх. *омишениться* ‘ошибиться, промахнуться’: «Он (птенец) омишенился, наверное, поэтому упал в трубу» [СРГК, 4, 199], карел. *опахнуться* ‘допустить оплошность, ошибиться’: «Моя доць замуж вышла, опажнулась, восемь лет прожила, никак не подошел» [Там же, 208], яросл. *опрохвоститься* ‘ошибиться, оплошать’ [ЯОС, 7, 53], яросл. *опрочапиться* ‘просчитаться, ошибиться’: «Ну, гляди опрочапишься» [Там же], новг. *провалиться* ‘ошибиться’: «Замуж выходите, да не провалитесь» [СРГК, 5, 237], урал. *прогадаться* ‘просчитаться, ошибиться в расчетах’: «Крепко бились, не давались Дунай быстрый переплыть, но в расчетах прогадались бусурманы-дураки» [Малеча, 3, 421], влад., вят. *опростоваться* ‘ошибиться, оплошать, обмануться’ [СРНГ, 23, 302]. В том же значении в разных диалектах засвидетельствованы: *обмешкаться*, *обмихнуться*, *обмишка*, *обмишуриться*, *оболокнуться*, *обраховаться*, *обращетиться*, *обрешетиться*, *окараться*, *окара*, *окутаться*, *омикулиться*, *омишуриться*, *ошашениться* и мн. др.

Далеко не все экспрессивные предикаты ошибки поддаются интерпретации, многие из них требуют специальных этимологических или семасиологических разысканий и учета самых разнообразных семантических параметров и связей; таковы, например, *окануниться*, *окутаться*, *очередиться*, *охваститься*, *обмячиться*, *пронемириться*, *просточиться*, *скопошиться*, *ошашениться*, *опростоваться* и мн. др. Ср. попытку этимологизации русских диалектных слов *прочадь*, *прочадка* ‘ошибка’ на основе понятия недостатка, нехватки, отсутствия чего-л. в статье [Петлева, 1978].

7. Вина субъекта

Поскольку совершенная ошибка может стать причиной какой-то негативно оцениваемой ситуации, то она может порождать понятие вины, преступления, греха субъекта ошибочного действия: арх. *грех* ‘вина’: «Теперь на Анне Николаевне грех, что это она всё понасылала» [АОС, 10, 49], арх. *грешити* ‘винить, обвинять’: «Пускай Роза на меня не грешит: я был в другой лодке» [Там же, 54].

Связь понятий ошибки и вины наиболее очевидна в семантическом спектре слав. *grěxъ, прежде всего в семантике ю.-слав. (серб., болг.) *грешка* ‘ошибка, вина, проступок’, серб. (но)*грешити* ‘ошибаться, заблуждаться, ошибиться’, *погрешити се о некога* ‘быть виноватым перед кем-н.’, рус. *грешить на кого-н.* ‘предполагать виновным кого-н.’, а также в некоторых значениях западнославянских продолжений праслав. *grěxъ, например польск. *grzech* ‘грех, провинность, ошибка’, словац. *hriech* ‘грех, вина’. Семантика вины сохраняется в рус. разг. *огрех* ‘ошибка, промашка’, в выражениях извинения за совершенную ошибку типа *Это мой грех* или *Винюват*, а также в ряде диалектных употреблений слова *грех* и его производных: пск. *грехом* ‘случайно, неожиданно’ [ПОС, 8, 10].

8. Ущерб объекту ошибочных действий

В словарях представлены также значения, которые могут считаться продуктом дальнейшей семантической деривации на базе понятия ошибки. Так, осознание ошибки с точки зрения объекта ошибочного действия приводит к появлению семантики недостатка, изъяна, ущерба, нанесенного объекту: арх. *грех* ‘недоделка, погрешность в работе’: «А это плинтус: угловые грехи убрать, полы места, щели песку насыпающца, а пазы мох» [АОС, 10, 49].

Выше были рассмотрены далеко не все мотивационные модели русской лексики ошибок, а только наиболее регулярные и словообразовательно наиболее прозрачные. Очень большое число слов этого семантического поля остается этимологически (следовательно, и мотивационно) темным и нуждающимся в дополнительных

разысканиях. Не исключено, что среди них окажутся слова, манифестирующие какие-то иные, не отмеченные до сих пор мотивационные и семантические модели.

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980–. Вып. 1–.

Апресян Ю. Д. Ошибаться 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. М.; Вена, 2004. С. 752–757.

Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка : в 4 т. Киев, 1907–1909.

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. Оренбург, 2002–2003.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров, 1996–. Вып. 1–.

Петлева И. П. К этимологии рус. диал. *прочадь, прочадка* // Этимология русских диалектных слов / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск, 1978. С. 18–22.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб., 1967–. Вып. 1–.

САР — Словарь Академии Российской 1789–1794 : в 6 т. М., 2001–2006.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–. Т. 1–.

СПГ — Словарь пермских говоров : в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 1999–2002.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

ССГ — Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск, 1974–2005.

Хархордин О. В. История понятий как метод истории практик // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / ред. В. Живов, Ю. Кагарлицкий. М., 2012. С. 7–23.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М., 1974–. Вып. 1–.

ЯОС — Ярославский областной словарь : в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

SP — Słownik prasłowiański / pod red. F. Sławskiego. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1974–. Т. 1–.

SW — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiecki W.* Słownik języka polskiego. T. 1–8. Warszawa, 1900–1935.

* * *

Толстая Светлана Михайловна

доктор филологических наук,
академик РАН,
заведующая отделом
этнолингвистики и фольклора
Институт славяноведения РАН
119991, Москва, Ленинский пр., 32а
E-mail: smtolstaya@yandex.ru

Tolstaya, Svetlana Mikhaylovna

DrHab, Full Member of the Russian
Academy of Sciences
Head of the Department
of Ethnolinguistics and Folklore
Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
32a, Leninsky av.,
119991, Moscow, Russia
E-mail: smtolstaya@yandex.ru

Mistake à la russe

The article deals with the motivational features essential for naming various kinds of mistakes. The author shows that they may refer to different “participants” of the situation, namely, to the agent, their actions or conditions, the reason or the consequences of the mistake, as well as to the mistake’s object. There are several regular semantic patterns involved in naming erroneous actions and mistakes in the Russian dialects: 1) mistakes that take place while performing specific actions (*obseyatsa*, *proglyad*, *uschitatsa*, etc); 2) mistakes referring to physical actions (*prometitsa*, *proshibitsa*, *sbivka* etc); 3) mistakes caused by the agent’s misbehavior (*naputlyat’*, *zaplestis’*, *zanutitsa*, etc); 4) mistakes caused by the agent’s inadequate condition (*oglypat’*, *sdurnut’*, *obolvanitsa*, etc); 5) mistakes being a consequence of fraud, delusion or temptation (*ofalitsa*, *oklepatsa*, *obmylitsa*, etc); 6) mistakes interpreted as the agent’s bad luck, failure, miscount (*oblozhitsa*, *obmeshenitsa*, *okolpachitsa*, etc). The common Russian pattern that connects the concept of mistake with failure in completing a single physical act (that of hitting, Russian *shibanie* > *oshibka* ‘mistake’) is practically unknown to other Slavic languages.

К е y w o r d s: semantic pattern, motivation, lexicon, Russian dialects.

И. Янышкова*Брно, Чешская Республика***К названиям ольхи в славянских языках***

В статье изучается происхождение названий ольхи в славянских языках, выявляется их семантическая мотивация. Лексический материал славянских языков распределен по шести мотивационным группам. Наиболее подробно анализируется праслав. *elъcha / *olъcha, прежде всего вариативность форм и значений. Приводятся также названия, которые возникли в результате переносов с обозначений других древесных пород, и названия ольхи, для которых автору пока не удалось найти мотивировку.

К л ю ч е в ы е с л о в а: славянские языки, этимология, семантика, названия деревьев.

Тридцатое марта по кельтскому календарю деревьев приходится на месяц ольхи (*fearn*) [Pennick, 1994, 51]. По этому «древесному» календарю кельты «приписали» каждому месяцу (их было 13 — по 28 дней) символику одного из деревьев, которое одновременно символизировало одну из букв огамического письма. Месяц ольхи длился с 18 марта по 14 апреля; считалось, что люди, рожденные в эту пору, обладают качествами ольхи, среди которых скромность, любезность, самоотверженность, верность¹.

1. Ольха (и ее виды — ольха черная (клейкая), *Alnus glutinosa*, и ольха серая, *Alnus incana*) является типичной древесной породой Северного полушария. Родовое название, которое является в славянских языках продолжением праслав. *elъcha / *olъcha,

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта (GAČR) № 13-17435S.

¹ В интересах научной истины, однако, надо отметить отсутствие убедительных доказательств того, что кельты измеряли время путем деления года на месяцы, связанные с деревьями. При этом бесспорно, что определенные деревья, в том числе и ольха, играли важную роль в традициях, относящихся к отдельным временам года [Matthews, 1996, 134].

демонстрирует высокую вариативность форм и (в определенной степени) значений, см. перечень континуантов в отдельных славянских языках в [ЭССЯ, 6, 23–25; 32, 81–82; SP, 6, 50–52; Šivic-Dular, 1998]. Среди этимологов нет единства при объяснении начального *e/o-*. Обычно думают о древней альтернативе, апофонии *e/o*: среди приверженцев этого взгляда, например, Покорный [Pokorný, 1, 303]. Есть и другие мнения. Так, Бернекер считал форму **jelъcha* вторичной вследствие сандхи [Berneker, 1, 453]; Розвадовски [Rozwadowski, 1914–1915, 19–20] не исключал здесь возможности аналогического выравнивания по другим словам на *o-/je-* (*osika / jesika* и др.). Вполне вероятно, что мы имеем дело с характерным для славянских языков и частотным в них чередованием *o-/je-/ja-* (например, *omela / jemela / jamela*). Так можно было бы объяснить и формы с инициальным *ja-*, например словацкое диалектное *jalcha, jalša* и т. п. [Šaur, Janyšková, Navlová, *рукопись*]. Шивиц-Дулар приходит к выводу, что формы с *ja-* являются относительно «молодыми», возникшими только в отдельных славянских языках [Šivic-Dular, 1998, 161, прим. 2]. Нет единства также в объяснении различия *-cha/-ša*: либо это древнее явление (основа на *ā- : jā-*), как указывается чаще всего [см. например: ЭССЯ, 6, 25; 32, 82; SP, 6, 52], либо формы на *-ša* являются вторичными, возникшими путем аналогии под влиянием древних производных слов **olъšina, *olъšъje* и др. [Holub, Kореčný, 1952, 254]. В отдельных славянских языках произошли разные изменения, касающиеся формы и грамматического рода. Различия в форме можно объяснить перестановкой в начале слова, ср., например, словац. диал. *lejša* [SSN, 1, 725] < *jelša* ‘ольха’; в середине слова, например болг. *елá* [Геров, 2, 13] < *elxá*; утратой *-ch-* в середине слова, ср., например, болг. диал. *елá, елъ* [Стоянов, 1974, 179]. Болг. диал. *елá* ‘ольха’ (< *elxá*) приобрело ту же самую форму, что и болг. *елá*, считающееся продолжением праслав. **jedla* ‘Abies’²; болг. *елxá* ‘рождественская или новогодняя елка’, в диалектах ‘пихта

² В болгарских диалектах сочетание *водна ела* имеет значение ‘ольха’ [Ахтаров, 1939, 95]; таким образом, замена ольхи пихтой исключена.

белая / *Abies alba*’ [Ахтаров, 1939, 85], является, таким образом, результатом контаминации обоих слов.

Отмечены — помимо существительных женского рода — также существительные мужского рода, например рус. (XVI в.) *елохъ* [СлРЯ XI–XVII вв., 5, 48], диал. *алѣх, олѣх, олѣх* [СРНГ, 1, 234; 23, 186].

Что касается значения, то следует обратить внимание на ст.-чеш. *olšě*, которое, кроме ‘*Alnus*’, называло также другие влаголюбивые деревья, а именно дуб (*Quercus*) и бук (*Fagus*) [StčS, 2, 442]; аналогично обстоит дело в старопольском: *olsza* со значением ‘*Alnus*’ и ‘*Fagus*’ [SStp, 5, 571]. Среднеболгарское собирательное существительное на *-bje jельšije*, переводящее греческое *πλάτανος* ‘платаны’, фиксирует замену экзотического иноземного дерева отечественным влаголюбивым, ср. цитату: *elšija vodami pitaemaa* [Miklosich, 1862–1865, 1157]. Переносы внутри группы названий деревьев (на основе некоторых общих свойств) — явление весьма частое.

Попутно отметим, что праслав. **elьcha / *olьcha* — источник большого количества дериватов, среди которых, например, названия трав, растущих на влажных лугах и торфяниках, названия рыб, населенных пунктов, названия географических объектов и др.

Родственные слова находим в балтийских языках (с суф. *-n* и вставным *-k*): лит. *al̃ksnis*, диал. *al̃ksnis*, латыш. *al̃ksnis, el̃ksnis*, др.-прус. **alskande* (записано в виде *abskande*). Представлены они и в германских языках — в др.-в.-нем. *elira*, с метатезой *erila*, в нем. *Erle*, в др.-англ. *alor*, в англ. *alder* и др., в лат. *alnus* ‘ольха’ или же в др.-макед. (Гесихий) ἄλιζα ἢ λεύκη ‘белый тополь, *Populus alba*’³. Дальнейшие связи праслав. **elьcha / *olьcha* и всей группы приведенных выше слов не совсем однозначны, однако большинство авторов считает и.-е. **alisā* (> праслав. **olьcha*), **alis-nos*, **alis-nis* и др. словом автохтонным. Так думал Фридрих [Friedrich, 1970, 73], указывая, что ольха достигла наивысшего расцвета в 4 тыс. до н. э. Это значит, что в последнее тысячелетие протоиндоевропейского языкового единства она встречалась в местах, населенных

³ Более подробно о словах в индоевропейских языках, связываемых с праслав. **elьcha / *olьcha*, см., например, [EWAhd, 2, 1049–1052; Аникин, 1998, 333–334].

индоевропейцами. В таком случае при объяснении названия можно исходить из индоевропейского корня **el-/*ol-*, обозначающего желто-коричневый и красно-коричневый цвет; из этого корня выводится, например, древневерхненемецкое прилагательное *elo* ‘желтый, желто-коричневый’ [EWAhd, 2, 1060–1061] или же названия разных деревьев, например можжевельника (праслав. **jalovьсь*), ильма (праслав. **jьl(ь)тъ*) [см.: Pokorny, 1, 302–303]. Махек предполагает (ввиду фонетической неустойчивости слов в индоевропейских языках) заимствование из праевропейского субстрата [Machek, 1954, 130; 1968, 413].

2. Болгарские диалектные названия ольхи *лъговица*, *лаговица* ‘*Alnus incana*, *Alnus glutinosa*’ [Ахтаров, 1939, 95] мотивированы обозначениями мест произрастания; в их основе имя существительное *лъг* ‘луг, луг возле реки’, ‘роща, лес’, которое является продолжением праслав. **logь* < и.-е. **lenk-* ‘сгибать’ [БЕР, 3, 536–537]. Семантическое развитие происходило в направлении ‘изгиб, поворот’ → ‘место в изгибе реки, поросшее травой, кустами, деревьями’ → ‘дерево, растущее на влажной почве, ольха’. С точки зрения словообразования можно исходить из основы *лъг/лаг* → *лъг-ов-* / *лаг-ов-* + суффикс *-ица* [Choliolčev, 1990, 151]. Из праслав. **logь* образованы также названия других древесных пород, растущих на влажных местах, в долинах рек и т. п., ср., например, болг. диал. *лаговица* ‘вид ивы’ [КИДРБ], *лагушка* ‘ива пепельная, *Salix cinerea*’ [БЕР, 3, 272], укр. диал. *луг*, *луговина* ‘ива корзиночная, *Salix viminalis*’ [Makowiecki, 1936, 326] и др. Представления о влажном, сыром месте отражены также в немецких названиях ольхи, ср. нем. диал. *Moos-Erle*, *Wassäoarl* ‘*Alnus glutinosa*’ [Marzell, 1, 221].

3. Болг. диал. *метлика* ‘*Alnus incana*’ — дериват с суффиксом *-ика* от *метла* ‘метла, веник’ из праслав. **metьla* / **metьla*, образованного от глагола **mesti* ‘мести, подметать’. Дерево было названо, таким образом, по использованию веток ольхи для веников; добавим, что веники, метлы делают обычно из березовых тонких веток, на что указывает, например, болг. диал. *метлика* [Геров, 2, 61], серб. диал.

метлика [Симоновић, 1959, 70] ‘береза белая, *Betula alba*’, ср. также нем. диал. *Bösnholz, Bösnbaum* ‘то же’ [Marzell, 1, 597].

4. В чешских ботанических пособиях с начала XIX в. отмечается название *lipaliska* ‘ольха серая, *Alnus incana*’ с разными вариантами: *lipaliska, lipoliska* [Šmilauer, 1945, 196]. Самые ранние фиксации имеются у Юнгманна, который приводит пример *lipališka* ‘белая ольха, weiße Erle’, взятый у Злобицкого, и *liška* ‘то же’ (пример Добровского) [Jungmann, 2, 331, 337]. Словац. *lipalieska* ‘то же’ засвидетельствовано в ботаническом пособии в середине XIX в. [Buffa, 1972, 321]. Косик [Kosík, 1941, 65] и Рыстонова [Rystonová, 2007, 300] квалифицируют лексему *lipaliska* как слово «lidové» (т. е. факт народной речи), но, по данным архива народного языка [ALJ], это слово в народной языковой стихии не употреблялось. Первая часть слова отсылает к существительному *lípa* ‘липа’, вторая — к существительному *liška* ‘лещина’, но с точки зрения свойств реалии это трудно объяснить. Шулек сравнивает с чеш. *lipaliska* с.-хорв. *lipolist* ‘липа, *Tilia microphylla*’ [Šulek, 1879, 199], ср. также болг. *дива леска* и *липолистна елиша* ‘*Alnus incana*’ [Ахтаров, 1939, 95; Machek, 1954, 130].

5. Рус. диал. *глушняк* ‘вид ольхи’ объясняется в мотивационном контексте следующим образом: «Глушняк — ольха глухая, негладкая, некрасивая, толстая такая, дрова с её» [НОС, 165]. Несомненная связь со слав. *gluchъ, но не в его первоначальном, а в переносном значении ‘неправильный, ненадлежащий, ненастоящий’.

6. В этом разделе статьи будут представлены названия, перенесенные с обозначений других деревьев.

Рус. *sóкорь* м. р. ‘ольха’ имеет единичную фиксацию в поволжских говорах (Саратов); в других русских диалектах оно, однако, обозначает ‘черный тополь, *Populus nigra*’ [СРНГ, 39, 248]. Форма *sóкорь* возникла в результате утраты *о-* из первоначального русского *осокóрь* ‘*Populus nigra*’. Название было перенесено с обозначения тополя вследствие определенного сходства обоих листовенных

деревьев или же по причине их произрастания на влажных, затопляемых почвах, на берегах рек и т. п.

Словен. диал. *rakitovec* ‘ольха зеленая, *Alnus viridis*’ возникло в результате переноса с названия вербы; такой перенос мог быть спровоцирован тем, что ольха часто произрастает среди верб [Barlè, 1937, 221].

7. К неясным словам, этимологию которых пока не удается установить, принадлежат украинские диалектизмы, засвидетельствованные прежде всего в Галиции, Буковине, в гуцульских диалектах: *лелеч, лелич, леліч, лемич* ‘ольха зеленая, *Alnus viridis*’ [Желеховский, 1886, 401; Грінченко, 2, 354–355; Makowiecki, 1936, 23]. Авторы украинского этимологического словаря считают этимологию этих слов неясной [ЕСУМ, 3, 217]. Слова были заимствованы в польские диалекты в области польско-украинской границы, ср. польск. диал. *lelicz, lemicz* ‘*Alnus viridis*’ [Majewski, 2, 38; Wajda-Adamczykowa, 1992, 175].

«Темной» является также мотивация чешского слова *křestice* ‘ольха зеленая, *Alnus viridis*’ [Květena, 51; см. еще Kolari, 1981, 91]; в том же значении слово засвидетельствовано у Пресла [Presl J., Presl K., 1819, 201] и у Слободы [Sloboda, 1852, 268]. Напрашивается несколько объяснений (но ни одно из них не является с точки зрения семантики убедительным), например связь со звукоподражательным глаголом **krěskati*, континуанты которого засвидетельствованы только в южнославянских языках [ЭССЯ, 12, 139]. Можно высказать и другую «звукоподражательную» версию, если допустить, что основа *křest-* имела вариант *chřest-*.

Аникин А. Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Новосибирск, 1998.

Ахтаров Б. Материали за български ботаничен речник / събр. от Б. Давидов и А. Явашев, подред. от М. Шосев и П. Балабанова, доп. и ред. от Б. Ахтаров. София, 1939.

- БЕР — Български етимологичен речник / ред. В. И. Георгиев. София, 1971–. Т. 1–.
- Геров Н.* Ръчникъ на бльгарскый языкъ : в 5 т. Пловдив, 1895–1904.
- Грінченко Б. Д.* Словарь української мови : у 4 т. Київ, 1907–1909.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : у 6 т. / ред. О. С. Мельничук. Київ, 1982–2012.
- Желеховский С.* Малоруско-німецкий словарь. Львів, 1886.
- КИДРБ — Картотека за Идеографски диалектен речник на български език (София, Софийский университет им. святого Климента Охридского).
- НОС — Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2010.
- Симоновић Д.* Ботанички речник. Имена бильака. Београд, 1959.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М., 1975–. Вып. 1–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- Стоянов Н. С.* Принос към народните имена на българските лекарствени растения // Българска диалектология. 1974. № 7. С. 177–196.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М., 1974–. Вып. 1–.
- ALJ — Картотека чешского народного языка отдела диалектологии Института чешского языка АН ЧР (Брно).
- Barlè J.* Prinosi slovenskim nazivima bilja // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. 1937. Kn. XXXI/1. S. 169–292.
- Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg, 1908–1914.
- Buffa F.* Vznik a vývin slovenskej botanickej nomenklatury. K histórii slovenského odborného slovníka. Bratislava, 1972.
- EWAhd — Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen / von A. L. Lloyd, R. Lühr, O. Springer. Göttingen ; Zürich, 1988–. Bd. 1–.
- Friedrich P.* Proto-Indo-European Trees. The Arboreal System of a Prehistoric People. Chicago, 1970.
- Holub J., Kopečný F.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
- Choliolčev Ch.* Onomasiologische und derivative Struktur der bulgarischen Phytonyme. Beitrag zur bulgarischen volkstümlichen Phytonymie. Wien, 1990.
- Jungmann J.* Slovník česko-německý. Sv. 1–5. Praha, 1835–1839.
- Kolari V.* Jan Svatopluk Presl und die tschechische botanische Nomenklatur. Eine lexikalisch-nomenklatorische Studie. Helsinki, 1981.
- Kosík V.* Slovník lidových názvů rostlin. Praha, 1941.
- Кvětена — Кvětена České republiky. 2. Praha, 1990.

- Machek V.* Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954.
- Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- Majewski E.* Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich. T. 1–2. Warszawa, 1889–1894.
- Makowiecki S.* Słownik botaniczny łacińsko-małopolski. Kraków, 1936.
- Marzell H.* Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Bd. 1–5. Leipzig, 1943–1979.
- Matthews C.* Keltské duchovní tradice. Praha, 1996.
- Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
- Pennick N.* Rok, tradice a svátky. Praha, 1994.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Bern ; München, 1959–1969.
- Presl J. S., Presl K. B.* Flora česká. Květena česká. Praha, 1819.
- Rozwadowski J.* Przyczynki do historycznej fonetyki języków słowiańskich // Rocznik Slawistyczny. 1914–1915. № 7. S. 9–21.
- Rystonová I.* Průvodce lidovými názvy rostlin i jiných léčivých přírodnin a jejich produktů. Praha, 2007.
- Sloboda D.* Rostlinnictví. Praha, 1852.
- SP — Słownik prasłowiański / red. F. Sławski. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1974–. T. 1–.
- SSN — Slovník slovenských nářečí. Bratislava, 1994–. Zv. 1–.
- SStp — Słownik staropolski. T. 1–11 / red. S. Urbańczyk. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1953–2002.
- StčS — Staročeský slovník. Sv. 1–4 / red. I. Němec. Praha, 1968–2008.
- Šaur V., Janyšková I., Havlová E.* *Olšcha* // Etymologický slovník slovanských jazyků. Рукопись частей словаря (отдел этимологии Института чешского языка АН ЧР, Брно).
- Šivic-Dular A.* Južnoslovansko-zahodnoslovanske izoglose in njihov pomen za praslovansko dialektologijo // Prasłowiańszczyzna i jej rozpad / red. J. Rusek, W. Boryś. Warszawa, 1998. S. 161–175.
- Šmilauer V.* Jména našich stromů // Naše řeč. 1945. R. 26. S. 193–206.
- Šulek B.* Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb, 1879.
- Wajda-Adamczykowa L.* Zapożyczenia wschodniosłowiańskie w nazwach polskich drzew i krzewów // Słowiańskie pogranicza językowe / red. K. Handke. Warszawa, 1992. S. 173–183.

* * *

Янышкова, Илона

PhDr, CSc.

научный сотрудник
отдела этимологииИнститут чешского языка Академии
наук Чешской Республики

Veveří 97, 602 00 Brno,

Česká republika

E-mail: ilona.janyskova@iach.cz

Janyšková, Ilona

PhDr, CSc.

Researcher, Department of Etymology
Institute of the Czech Languageof the Academy of Sciences
of the Czech Republic

Veveří 97, 602 00 Brno,

Česká republika

E-mail: ilona.janyskova@iach.cz

On Slavic Names for Alder

This article investigates into the etymology of the names for alder used in the Slavic languages and describes their motivational features. The author distributes Slavic lexical data into six semantic groups isolated according to their motivational traits and pays particular attention to Proto-Slavic word family **elьcha / *olьcha*, to the variability of the forms and meanings of its continuations. The author also cites names originally used for other woody plants and then transferred to alder, as well as unclear names that still do not have a satisfactory explanation.

Key words: Slavonic languages, etymology, semantics, names of trees.

2. Ономастика

Е. Н. Варникова

Вологда

К вопросу о системности русской зоонимии

На русском материале в статье рассматриваются признаки системности зоонимии, которые проявляются прежде всего в существовании видовых классов кличек животных. Как показано автором, каждый такой класс имеет ведущие структурно-семантические модели, в рамках которых создаются зоонимы. Зоонимы, как и имена собственные других разрядов, возникают и функционируют в определенном парадигматическом единстве. Таким единством является совокупность кличек конкретного множества животных, что определяет границы зоонимической микросистемы. Функционирование таких микросистем отмечается как в синхронии, так и в диахронии. Синхронные микросистемы характеризуются выбором номинативной модели / моделей и отражают тенденции к взаимосвязи кличек отдельного множества и одновременно к их дифференциации. Диахронные зоонимические микросистемы действуют в тех же пределах и отражают вертикальные (диахронические) связи зоонимов. Организация зоонимических микросистем в определенной мере напоминает структуру антропонимических и топонимических микросистем, однако системным связям зоонимов присуще большее разнообразие.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ономастика, зооним, русская зоонимия, системные связи в зоонимии, зоонимические микросистемы.

С начала «построения теоретической топономастики» (В. Н. Топоров) до настоящего времени проблема системности имен собственных была и остается одной из актуальных [Топоров, 1964, 3–22;

Березович, 2001, 34–46]. «Задача состоит в том, чтобы, исследуя ономастику, не упускать из виду системные связи как в пределах ономастического пространства (между единицами одного разряда, между разными ономастическими единицами и разрядами), так и в масштабе языка в целом» [Бондалетов, 1983, 33]. В поисках решения этой задачи ученые рассматривают прежде всего онимы наиболее изученных классов — главным образом топонимы и антропонимы [Никонов, 1958; Топоров, 1964; Суперанская, 1965; Воробьева, 1976; Бондалетов, 1983; Березович, 1992; Дмитриева, 2001; и др.].

Однако аспекты системного анализа этих классов имен различны. При описании системности топонимии той или иной местности современные топонимические системы рассматриваются как результат длительного упорядочения названий географических объектов, как правило, разноязычных по происхождению. Системность личных имен обычно выявляется на историческом материале. При изучении архивной антропонимии исследователи анализируют процесс формирования именника определенной территории: динамику частотности имен, эволюцию антропонимических моделей и т. п. [Чайкина, 1987; 1994; 2004; Ганжина, 1992; Кюршунова, 1994; Комлева, 2004; и др.]. Особый вклад в разработку проблемы системности исторической антропонимии вносят исследования С. Н. Смольникова. Он определил и разработал основные направления системного описания старорусской антропонимии, охарактеризовал факторы, определяющие особенности ее функционирования в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв., выявил функциональную типологию антропонимических средств, рассмотрел антропонимию деловой сферы в системе модальных отношений и др. [Смольников, 1996; 2005].

Несмотря на отмеченные различия системного анализа топонимии и антропонимии, выделяются наиболее яркие признаки системности имен собственных, характерные для обоих ономастических классов. Прежде всего к таким признакам «относятся случаи зависимого употребления двух или нескольких топонимов (или личных имен), образующих, по сути дела, элементарную топономастическую микросистему» [Топоров, 1964, 17]: *Малый — Большой,*

Белый — Чёрный, Ждан — Неждан и пр. Проявлением системности считается также наличие ономастических элементов, находящихся в отношениях производности: *Днепр — Днеприк, Иван — Иванушка* и т. д. [Топоров, 1964, 17; Карпенко, 1964, 51; Бондалетов, 1983, 34].

Существование топонимических микросистем отмечается исследователями на разных территориях России [см., в частности: Воробьева, 1976, 3–10]. В работе Е. Л. Березович дается многоаспектная характеристика семантических микросистем в русской топонимии: выявляются предпосылки их появления, определяются функции взаимосвязанных наименований, разрабатывается номинативная типология микросистем и др. [Березович, 1992]. Вопрос о системных отношениях современных антропонимов находится в стадии разработки. В частности, о системности антропонимии одного пермского говора пишет Т. А. Сироткина [1998], на существование персональных антропонимических микросистем одного лица указывает М. Э. Рут [2001, 62]. Системность других ономастических классов также изучена еще недостаточно [ТМОИ, 57].

В данной статье предпринимается попытка описания некоторых признаков системности в сфере русской зоонимии. При этом рассматриваются системные связи только между единицами одного разряда.

В работе используются материалы и результаты исследований по русской зоонимике, личная картотека автора (около 50 000 единиц), а также зоонимические факты, извлеченные из исторических документов, художественной литературы, массовой печати и интернет-ресурсов (см. библиографию в конце статьи).

С точки зрения полевой организации русского ономастического пространства зоонимы наряду с мифонимами, теонимами и др. занимают в нем околядерное положение, во многих отношениях сближаясь с ядерным классом антропонимов [Супрун, 2000, 6]. Близость зоонимов и антропонимов проявляется на семантическом, структурном и функциональном уровнях [Варникова, 2011, 52–61].

Полевая структура самого зоонимикона пока представляется недостаточно определенной по причине малоизученности русских кличек животных. Как показывают исследования конкретного материала, основные зоонимические классы на севере и в центре России

традиционно составляют клички коров, лошадей, собак и кошек [Поротников, 1972; Романова, Салмина, 2003 и др.]. Зоонимы этих видов характеризуются многочисленностью и разнообразием «репертуара».

Сельская и городская зоонимия различаются по видовому составу кличек. Все указанные классы зоонимов функционируют только в сельской местности. Правда, клички лошадей на многих территориях северной и центральной России начиная с 1970-х гг. постепенно вышли из употребления по причине исчезновения самих животных в колхозных и совхозных хозяйствах. В настоящее время выходят из активного употребления клички коров в связи с резким уменьшением количества этих животных в частных хозяйствах. В периферийной зоне сельского зоонимикона находятся клички свиней, коз, овец, кур, гусей и др. Эти виды кличек менее разнообразны по своему составу, характеризуются высокой повторяемостью и находятся в зависимости от подзывных слов: как известно, по отношению к стадным животным вместо кличек обычно используются специальные слова подзыва [Поротников, 1972, 214; Азарх, 1977, 227]. Периферийные классы сельских зоонимов также значительно сократились под воздействием социально-экономических факторов (старение сельского населения, нерентабельность частных хозяйств в условиях капитализма, проблема сбыта продуктов животноводства и пр.).

В ядерной зоне городского зоонимикона находятся клички собак и кошек. К периферии относятся клички попугаев, черепах, хомяков, крыс, морских свинок и других экзотических животных. Попугай, черепахи и хомяки сегодня нередко встречаются и в деревне. Таким образом, в настоящее время можно говорить о видовом сближении сельской и городской зоонимии.

Среди основных классов зоонимов по свойству «быть именем» выделяются клички, наиболее близкие к антропонимам. В городском зоонимиконе это клички собак [Толстой, 1964, 110], в сельском — клички лошадей [Поротников, 1972, 215].

Каждый видовой класс зоонимов имеет ядерно-периферийную структуру. К ядру относятся клички, которые традиционно сопоставляются с данным видом животных: для собак это клички *Барбос*,

Бобик, Жучка, Тузик, Шарик и др.; для кошек — *Барсик, Мурзик, Мурка, Муська*; для лошадей — *Буланка, Вороной, Гнедко, Савраска* и т. д. Подобно антропонимам, занимающим ядерное положение в своих системах (таким, например, как русское имя *Иван*), зоонимы из ядерной зоны (несмотря на утраченную частотность некоторых из них) развивают обобщенные и/или родовидовые значения и используются для обозначения животных соответствующих видов¹. С учетом того, что многие из таких кличек возникли на базе нарицательных имен, можно утверждать, что они постоянно как бы находятся на грани онимов и апеллятивов.

Специфика видовых зоонимических множеств проявляется не только в их репертуарности, но и в наборе структурно-семантических моделей, характерных для каждого множества. Так, среди кличек лошадей наряду с номинациями по масти типичны имена, характеризующие быстроту бега, резвость этих животных: *Быстрый, Задорный, Залётный, Лютый, Резвый* и др. [Щетинин, 1994, 110]. Среди кличек коров распространены зоонимы, отражающие месяц их рождения: *Апрелька, Декабрина, Майка, Марта, Февралька* и др.; среди кличек собак и кошек — имена, связанные с особенностями их поведения: собаки *Кусачка, Лайка, Тявка* и др., кошки *Мурлыка, Фурчалка, Царапка* и др. Набор таких структурно-семантических моделей не является случайным и во многом определяется особенностями содержания и использования животных каждого вида. Например, от месяца рождения коров зависит время их отела, условия выращивания телят и пр.

Видовая закрепленность структурно-семантических моделей в зоонимии сопоставима с особенностями номинации географических объектов разных видов: каждый топонимический вид, как известно, имеет свои структурно-семантические модели (гидронимические, ойконимические, орографические и пр.).

---

¹ Ср., например: *Общее мнение выразила академик РАН и РАМН Наталия Бехтерева: «Нужно признать, что результаты экспериментов на высших животных трудно интерпретируются применительно к человеку, зачастую это не только забытые мурки и барбосы, но и напрасно потраченное время исследователя. Сегодня в биологии предпочтительнее альтернативные методы исследования»* [НКРЯ].

Внутри некоторых зоонимических классов возможна дальнейшая дифференциация кличек по подклассам в зависимости от породного состава животных. Наиболее ярко это проявляется в кинонимии. Так, клички гончих отражают голосовые качества собак: *Басило*, *Будило*, *Вопило*, *Гаркало*, *Дудило* и мн. др., клички борзых — быстроту их бега: *Бросай*, *Доезжай*, *Вихра*, *Стрела*, *Ураган* и мн. др. [см. подробнее: Варникова, 2014а, 17–23; 2014б, 249–253]. При этом в каждом таком подклассе выделяется ряд кличек, массово повторяющихся на разных территориях на протяжении длительного времени (по крайней мере, на протяжении последних полутора столетий), — например, среди кличек русских гончих в такой ряд входят имена *Арфа*, *Бушуй*, *Набат*, *Песня*, *Плакса*, *Плакун*, *Рыдай*, *Трубач*, *Флейта* и др.

На фоне структурно-семантического разнообразия кличек животных разных видов и пород выделяются «сквозные» модели, самые частотные во всех видах зоонимов на разных территориях. Одну из таких моделей представляют зоонимы, указывающие на цвет шерсти животных: *Белянка*, *Рыжик*, *Серко*, *Черныш* [Рядченко, 1994, 77]. В то же время имеются лакуны, относительно свободные от таких номинаций. Так, «цветовые» зоонимы сравнительно редко фиксируются среди кличек русских гончих: например, в IX томе «Всероссийской родословно-племенной книги охотничьих собак» из 2 312 кличек только шесть могут указывать на цвет шерсти животных: *Капитан*, *Пылай* (повторяется трижды), *Румянка* и *Рыжик* [ВВОС]. Возможно, причиной является однотипность окраса собак этой породы — чаще всего чепрачный, реже румяный (рыжий) или подласый (сероватый с подпалинами).

Существование видовых подмножеств, безусловно, свидетельствует о системной организации русской зоонимии. Но наиболее показательны в этом отношении, как и в других ономастических классах, зоонимические микросистемы. Такие микросистемы отмечаются в современной и исторической зоонимии, в зоонимиконах частных и общественных хозяйств, среди зоонимов, отражающих и не отражающих реальные свойства животных (правда, в последних они встречаются намного чаще).

Границы зоонимических микросистем связаны с конкретными «животными коллективами» (В. Н. Топоров). Такими «коллективами» могут быть животные одного личного хозяйства, одной животноводческой фермы, одного конного завода, одной цирковой группы и т. д. Таким образом, зоонимы имеют «отсоциумный» (М. Э. Рут) характер: подобно тому как личное «имя живет внутри социума и именно внутри него обладает значением» [Рут, 2001, 61], кличка животного также всегда соотносится с реальным ее носителем как представителем определенного множества животных. В пределах этих множеств клички возникают и функционируют.

Создание кличек может быть обусловлено действующими в данном множестве номинативными моделями. Например, знаменитая дрессировщица И. Н. Бугримова назвала своих первых львят компонентами имени Цезаря: *Гай (Кай), Юлий, Цезарь*; львят, появившихся в группе животных позднее, — именами высших титулов мусульманских стран Востока: *Султан, Эмир и Паша*, а братья Запашные называют своих зверей в честь известных артистов зарубежной и отечественной эстрады: лев *Фрэнк* (Фрэнк Синатра), тигры *Алекс* (Александр Песков), *Анита* (Анита Цой), *Жанна* (Жанна Фриске).

Выбор моделей во многом определяется творческими, профессиональными, спортивными и другими интересами номинаторов: *Манон и Кармен* — клички собак великой оперной певицы Е. В. Образцовой, *Хина Марковна* и *Бром Исаевич* — собаки А. П. Чехова, врача по профессии, *Тамерлан, Ксеркс* и *Клеопатра* — клички кошек историка И. А. Репневского из Архангельска, *Ариф, Тугай* и *Нихай* (по именам игроков сборной Турции по футболу) — клички русских гончих охотника и футбольного болельщика А. В. Громько из Вологды.

В крупных животноводческих хозяйствах выделяются ведущие модели кличек, составляющие основу зоонимиконов этих хозяйств, причем набор, номинативная база и продуктивность этих моделей в каждом хозяйстве специфичны.

Примеры, подтверждающие сказанное, находим в архивной зоонимии 1930-х гг. Как свидетельствуют документы специализированного объединения совхозов и колхозов «Севмаслотрест»,

существовавшего в Вологодской области в указанный период, на скотном дворе № 2 совхоза «Бушуиха» основную массу кличек коров составляли антропозоонимы (антропонимическая модель): *Апраксия, Валя, Галя, Зина, Зоя, Евлашка, Ида, Ия, Клава, Люба, Маруся, Марфуша, Павла, Поля, Таня, Тоня, Тося, Улька, Фаня, Федора, Феня* и мн. др. Кроме того, продуктивны были также фаунистическая (от названий птиц): *Ворона, Галка, Кукушка, Сорока* и флористическая (от названий цветов) модели: *Анютины глазки, Астра, Хризантема*.

На скотном дворе № 1 совхоза «Куркино» многочисленны зоонимы, образованные по атрибутивной модели (выражающие общую оценку свойств животных или отношение к ним): *Аккуратная, Баская, Борзая, Гордая, Дорогая, Жадная, Милая, Ненаглядная, Прелестная, Сладкая, Страшная, Шустрая* и др. Здесь также выделяются клички, образованные по фаунистической и флористической моделям, но уже с иным лексическим наполнением: первая — от названий животных (*Зайчиха, Касатка, Коза, Кошка, Крыса, Лисица* и др.), вторая — от названий ягод: *Брусничка, Клубничка, Малинка, Смородина, Черничка, Ягода, Ягода Нежная*.

По специфичности набора структурно-семантических моделей зоонимиконы отдельных хозяйств во многом напоминают ойконимические системы традиционно сложившихся административно-территориальных единиц, например волостей, ставших впоследствии сельсоветами. Кроме того, подобно тому как в пределах таких систем могут употребляться двойные (официальные и неофициальные) названия одних и тех же населенных пунктов, в рамках зоонимиконов отдельных хозяйств могут функционировать наряду с кличками прозвища животных (чаще всего лошадей): мерин *Шарик* — прозвище *Клубок*, мерин *Федька* — прозвище *Кривой* (правый глаз отсутствует), жеребец *Серко* — прозвище *Грек* и др. Функционирование прозвищ животных и отождествление их носителей по прозвищам и кличкам осуществляется так же, как и в «людском коллективе» (В. Н. Топоров).

Внутри зоонимических моделей отмечаются разнообразные оппозиции кличек. Как и в топонимических микросистемах,

такие оппозиции строятся на системных отношениях, присущих апеллятивной лексике. Это может быть антонимия (жеребец *Сухан* — мерин *Жиряк*, коровы *Баская* — *Страшная*, *Зорька Молодая* — *Зорька Старая*), синонимия (собаки *Буран* — *Вьюга*, коровы *Вьюга* — *Пурга*, *Дорогуша* — *Любимица*), паронимия (собаки *Трэк* — *Трак*), ассоциативные отношения (собаки *Промех* — *Осечка*, *Скрипач* — *Скрипка*), тематические отношения (коровы *Пчела* — *Оса*, собаки *Пчёлка* — *Мушка*, кошки *Бублик* — *Булочка*) и др.

Кроме того, подобные оппозиции могут быть построены на использовании в роли кличек разных животных полных и звательных форм одного личного имени (коровы *Капа* — *Капитолина* — *Капулька*, *Людмила* — *Люся*, *Маня* — *Манька*, *Тамара* — *Тамарка* и пр.), однокоренных слов (коровы *Зорька* — *Зорина*, *Бабка* — *Бабушка*, *Красотка* — *Красуля*), одноструктурных образований на основе одного мотивировочного признака (коровы *Буруха* — *Пеструха*), субстантивированных слов одной части речи (собаки *Бим* — *Бом*), а также на противопоставлении тезоименных кличек с помощью определений (коровы *Ягода* — *Ягода Нежная*).

Активную роль в образовании зоонимических микросистем играют прецедентные имена: собаки *Адам* — *Авель* — *Каин*, *Герда* — *Кай*, коровы *Зита* — *Гита*, *Рамона* — *Ракел*, кошки *Чип* — *Дейл*, *Том* — *Джерри* и др.

Как видно из приведенных примеров, среди зоонимических микросистем преобладают единства с внешним типом связи элементов: чаще оппозиции образуют клички, не обусловленные реальными свойствами животных. В этом случае связь зоонимов предопределяется заданностью ведущей структурной модели: собаки *Кора Дарлинг* — *Кэт Дарлинг*, *Мисс Эвелин* — *Мисс Перивинк*, *Дези-Успех* — *Джемма-Успех*, *Принц Ге де Монплеизир* — *Принц Жа де Монплеизир*, *Докучай Порецкий* — *Догоняй Порецкий* — *Затевай Порецкий* и др. Иногда формальный характер связи приводит к «рифмованности» элементов микросистемы: собаки *Белка* — *Стрелка*, *Ветерок* — *Уголёк*, *Тиль-Тиль* — *Митиль*, кошки *Матрёшка* — *Картошка*.

Как правило, элементами зоонимических микросистем являются клички одного вида. Но многовидовые системы также встречаются, правда, в литературной зоонимии: кот *Фёдор Тимофеевич* — гусь *Иван Иванович* — свинья *Хавронья Ивановна* (А. П. Чехов, «Каштанка»).

Рассмотренные зоонимические микросистемы возникают и функционируют в синхронии. Они свидетельствуют, с одной стороны, о взаимосвязи кличек животных определенного множества, с другой — отражают дифференциацию элементов данной системы.

Кроме синхронических микросистем, в зоонимии отмечаются диахронические единства кличек, отражающие родословные связи или происхождение животных. Передача родственных связей в зоонимии разных видов животных имеет свою специфику и требует особого рассмотрения. Более подробного анализа требуют и системные отношения зоонимов.

Подведем некоторые итоги. Системный характер русской зоонимии проявляется прежде всего в существовании видовых классов кличек животных. Каждый такой класс имеет ведущие структурно-семантические модели, по которым создаются зоонимы. Эти модели находятся в зависимости от хозяйственного использования животных того или иного вида.

Зоонимы, как и имена собственные других разрядов, возникают и функционируют в определенном парадигматическом единстве. Таким единством является совокупность кличек конкретного множества животных, что определяет границы зоонимической микросистемы.

Функционирование таких микросистем отмечается как в синхронии, так и в диахронии. Синхронные микросистемы характеризуются выбором номинативной модели или моделей и отражают тенденции к взаимосвязи кличек отдельного множества и одновременно к их дифференциации. Диахронные зоонимические микросистемы действуют в тех же пределах и отражают вертикальные (диахронические) связи зоонимов.

Организация зоонимических микросистем в определенной мере напоминает структуру антропонимических и топонимических

микросистем, однако системные связи зоонимов характеризуются большим разнообразием.

-
- Азарх Ю. С.* Подзывные слова для коров и лошадей в русских говорах // Диалектологические исследования по русскому языку / отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1977. С. 226–247.
- Актеры хвостатые [Электронный ресурс]. URL: www.kuklachev.ru/actors/tail/ (дата обращения: 23.09.2016).
- Березович Е. Л.* Семантические микросистемы в русской топонимии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1992.
- Березович Е. Л.* Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 2001. Т. 60. № 6. С. 34–46.
- Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. М., 1983.
- Братья Запашные [Электронный ресурс]. URL: www.zoojournal.ru/stat.php?idstat=104 (дата обращения: 23.09.2016).
- Бугримова И.* На арене и вокруг нее. М., 1986.
- Варникова Е. Н.* Зоонимы: место в ономастическом пространстве // Вопр. ономастики. 2011. № 1 (10). С. 51–62.
- Варникова Е. Н.* Клички русских гончих и борзых начала XX века // Слово и образ в культуре Русского Севера : сб. науч. ст. / гл. ред. Г. В. Судаков. Вологда, 2014а. С. 17–23.
- Варникова Е. Н.* Клички легавых в родословной книге охотничьих собак Московского общества охоты имени императора Александра II // Ономастика Поволжья : материалы XIV Междунар. конф. (Тверь, 10–12 сентября 2014 г.) / под ред. И. М. Ганжиной, В. И. Супруна. Тверь, 2014б. С. 249–253.
- ВВОС — IX Всероссийская выставка охотничьих собак : каталог. Тамбов, 2002.
- Воробьева И. А.* Системные связи топонимов средней части бассейна реки Оби // Вопросы русского языка и его говоров / ред. О. М. Соколов, М. Н. Яценецкая. Томск, 1976. С. 3–10.
- Ганжина И. М.* Тверская антропонимия XVI в. в социально-историческом и лингвистическом аспектах (на материале тверских писцовых книг XVI в.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Твер. гос. ун-т. Тверь, 1992.
- Дмитриева Л. М.* Русская топонимическая система: онтологическое и ментальное бытие // Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманитар. науки. Вып. 4 : История. Филология. Искусствоведение. 2001. № 20. С. 13–18.
- Дубова Н. Г.* Некоторые особенности кличек охотничьих собак // Вопр. ономастики. Вып. 14 / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1980. С. 145–149.
- Журнал бонитировки скота совхозов «Бушуиха» и «Куркино» // Государственный архив Вологодской области. Ф. 643. Оп. 1. Д. 183.

- Карпенко Ю. А.* О синхронической топонимике // Принципы топонимики / под ред. В. А. Никонова и О. Н. Трубачева. М., 1964. С. 45–57.
- Книга учета, прихода и расхода денег Вологодского Спасо-Прилуцкого мужского монастыря за 1662 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 512. Оп. 1. Д. 57.
- Комлева Н. В.* Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI — XVII веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волог. гос. пед. ун-т. Вологда, 2004.
- Кюриунова И. А.* Славянская антропонимия Карелии XV–XVII веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волог. гос. пед. ун-т. Вологда, 1994.
- Материалы о развитии коневодства в совхозах «Севмаслотреста» в 1932–1933 гг. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 643. Оп. 1. Д. 181.
- Мокиенко В. М., Фоянкова О. И.* Способы называния в зоонимии // Ономастика Поволжья. Вып. 4 / отв. ред. В. А. Никонов, Н. Ф. Мокшин. Саранск, 1976. С. 317–322.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 23.09.2016).
- Никонов В. А.* Закон ряда в географических названиях // *Onomastica*. 1958. R. 4. Z. 1. S. 57–73.
- Поротников П. Т.* Из уральской зоонимии // Восточнославянская ономастика / отв. ред. А. В. Суперанская. М., 1972. С. 210–250.
- Родословная книга охотничьих собак. Правила записи в родословную книгу охотничьих собак Московского общества охоты имени императора Александра II. Тула, 1907.
- Родословная книга охотничьих собак. Т. 5 : с 1-го марта 1912 г. по 1-е марта 1914 г. М., 1914.
- Родословная книга собак. Т. 4 : по 1-е марта 1912 г. М., 1912.
- Романова Т. П., Салмина О. В.* Традиционный пласт русской зоонимии (на материале кличек животных села Покровка Самарской области) // *Proceedings of the Third International Congress of Dialectologists and Geolinguists (Lublin, 24–29 July 2000)* / ed. S. Warchol. Lublin, 2003. Vol. 1. P. 221–231.
- Русские гончие. Всесоюзная родословно-племенная книга охотничьих собак (ВРКОС). Т. 9 : с № 7160/рг по № 8378/рг. Всесоюзная-Всероссийская племенная книга охотничьих собак (ВПКОС). Т. 1 : с № 8379/91 по 9471/98. (01 января 1988 г. — 10 января 1998 г.). Нижний Новгород, 2002.
- Рут М. Э.* Антропонимы: размышления о семантике // Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманитар. науки. Вып. 4 : История. Филология. Искусствоведение. 2001. № 20. С. 59–64.
- Рядченко Н. Г.* Зоонимика. Зоонимия русская // Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1994. С. 77–84.

- Сироткина Т. А.* К вопросу о системности антропонимии одного говора (на материале говора д. Акчим Пермской области) // Проблемы русской лексикологии и лексикографии : тез. докл. межвуз. науч. конф. (Вологда, 13–15 октября 1998 г.) / отв. ред. Е. П. Андреева. Вологда, 1998. С. 76–77.
- Смольников С. Н.* Антропонимическая система Верхнего Подвинья в XVII в. (на материале памятников местной деловой письменности) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волог. гос. пед. ун-т. Вологда, 1996.
- Смольников С. Н.* Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. СПб., 2005.
- Собаки в космосе [Электронный ресурс]. URL: www.ru.wikipedia.org (дата обращения: 23.09.2016).
- Суперанская А. В.* Топонимические системы и ономастические схемы // Всесоюзная конференция по топонимике СССР (28 января — 2 февраля 1965 г.) : тез. докл. Л., 1965. С. 53–57.
- Супрун В. И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : дис. ... д-ра филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2000.
- ТМОИ — Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А. П. Непокупный. М., 1986.
- Толстой Н. И.* Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции // Топономастика и транскрипция / ред. С. Г. Бархударов. М., 1964. С. 103–121.
- Топоров В. Н.* Некоторые соображения в связи с построением теоретической топономастики // Принципы топонимики / под ред. В. А. Никонова и О. Н. Трубачева. М., 1964. С. 3–22.
- Чайкина Ю. И.* К географии неофициальных личных имен крестьян в старорусском языке (на материале топонимии Вологодской области) // Формирование и развитие топонимики : сб. науч. тр. / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск, 1987. С. 70–78.
- Чайкина Ю. И.* Женские имена // Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1994. С. 66–74.
- Чайкина Ю. И.* Именования мужского населения Вологды и Воронежа в первой половине XVII в. // Вопр. ономастики. 2004. № 1. С. 33–39.
- Чехов А. П.* Каштанка // Чехов А. П. Избранное. М., 1974. С. 103–121.
- Щетинин Л. М.* Клички лошадей // Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1994. С. 107–114.

* * *

Варникова Евгения Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации

Вологодский государственный университет

160000, Вологда, ул. Ленина, д. 15

E-mail: e-varnikova@yandex.ru

Varnikova, Evgenia Nikolaevna

PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Journalism and Communication Theory

Vologda State University

15, Lenin av., 160000, Vologda, Russia

E-mail: e-varnikova@yandex.ru

On the Systemic Nature of Russian Zoonymy

With reference to the Russian language material, the article considers some indications of the systemic nature of zoonymy, which manifests itself in the differentiation of classes of animals' names depending on their species attribution. Such classes possess specific structural and semantic naming patterns governing the creation of zoonyms. Like other types of proper names, zoonyms are formed and used as part of syntagmatic sets, each set being constituted by the names of a specific group of animals, which determine the boundaries of the respective zoonymic microsystem. Such microsystems exist both in synchrony and diachrony. Synchronic microsystems are characterized by the use of (a) specific naming model(s) and reflect the tendency to the coherence of the names of a given group of animals and, at the same time, to their differentiation. Diachronic zoonymic microsystems are organized similarly but reflect the vertical (diachronic) links of zoonyms. The organization of zoonymic microsystems resembles the structure of anthroponymic and toponymic microsystems, however, zoonymic microsystems display a greater variability of systemic links.

Key words: onomastics, zoonym, name of an animal, Russian zoonymy, systemic relations in zoonymy, zoonymic microsystems.

К. А. Гейн
Екатеринбург

Из заметок по топонимической идеографии

В статье рассматривается вопрос о роли аффиксальных элементов в определении идеографического статуса топонимов. Значимость топонимических формантов в этом аспекте показана автором, во-первых, на примере суффикса *-к(а)*, формирующего в различных городских топонимических системах разные ментально-ассоциативные представления об объектах: в Москве — представление о небольшой старой улице (*Знаменка, Петровка, Сретенка*), в Санкт-Петербурге — представление о набережной (*Крестовка, Мойка, Фонтанка*) или об определенной части города (*Гражданка, Лиговка, Техноложка*). Во-вторых, значимость формантов для идеографического описания топонимов проиллюстрирована в статье на примере суффиксов *-ат/-ят, -ец/-овец* и *-иц(а)*, а также *-иц(а)*, фиксируемых в топонимии Русского Севера и сопредельных территорий. По мнению автора, структурно-семантическая общность топонимов, свидетельствующая о единой локальной ментально-номинативной модели, не только облегчает определение идеографического статуса отдельных названий, но и позволяет очерчивать границы топонимических систем и подсистем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: топонимия, топонимическая система, идеография, словообразование, топоформанты.

Принципы идеографической работы со словом подразумевают прежде всего установление связей конкретного имени и идеограммы. Эта связь может быть очевидна носителю языка в той или иной степени в зависимости от разных лексических классов. Традиционно идеографические методики применимы к апеллятивной лексике, однако возможно и выделение идеограммы имени собственного, т. е. разработка ономастической (в частности, топонимической) идеографии. Идеографический подход привлекался для исследования закономерностей организации отдельных классов топонимов

[Жамсаранова, 2005; Макарова, 2013; Овчар, 1991; Фомин, 1985], для этимологизации географических названий, в том числе для моделирования компонентов топонимических систем при направленной этимологизации [Матвеев, 1976; Кабинина, 2011], для семантических реконструкций, экспликации и уточнения этнокультурной информации по топонимическим данным [Березович, 2000] и др.

Идеограмма, которую применительно к топонимам принято рассматривать как семантику основы апеллятива, лежащего в основе географического названия, соотносима со всем словом как целостной единицей, включая словообразовательные аффиксы. В ряде случаев такие аффиксы являются не менее значимыми для идеографической классификации, чем корни исходных апеллятивов. В других случаях они играют вспомогательную роль, в частности соотнося топоним с видом обозначаемого географического объекта и формируя на базе такой регулярной соотнесенности парадигматические ряды. Важно отметить, что для русской топонимии наиболее характерны именно аффиксальные словообразовательные модели — на это указывал еще В. А. Никонов, назвавший аффиксацию ведущим славянским топонимообразующим средством [Никонов, 1962].

В качестве известного примера может служить формант *-к(а)*, являющийся постоянным компонентом названий улиц исторического центра Москвы: *Варварка, Воздвиженка, Знаменка, Ильинка, Петровка, Покровка, Пречистенка, Сретенка*. Все эти именованья изначально были мотивированы названиями церквей и монастырей, что сформировало словообразовательную модель «типовой» московской номинации улицы. Одновременно с распространением этой модели — в XIV–XV вв. и позднее — к таким названиям, увеличивая ряд изоморфных номинаций, подключались уже не связанные с культовыми объектами *Волхонка, Дмитровка (Большая и Малая), Лубянка, Маросейка, Ордынка, Остоженка, Полянка, Стромынка* и др. С расширением этого ряда на ментально-ассоциативном уровне возникает идея типичного для московской улицы структурного оформления номинации: за подобными названиями закрепляется представление о небольшой, достаточно старой улице в центре Москвы.

В качестве подтверждения такой ассоциации приведем строки известного стихотворения Д. Сухарева¹:

Окликни улицы Москвы,
И тихо скрипнет мостовинка,
И не москвичка — московитка
Поставит ведра на мостки.
Напьются Яузой луга,
Потянет ягодой с *Полянки*,
Проснутся кузни на *Таганке*,
А на *Остоженке* — стога.
Зарядье, Кремль, Москва-река,
И Самогёка, и *Неглинка*,
Стремянный, *Сретенка*, *Стромынка*,
Староконюшенный, Бега.

В этом поэтическом фрагменте в ряду наиболее привычных для московского жителя оказываются именно названия с формантом *-к(а)*.

Естественно, что и в других локациях, например в Санкт-Петербурге, тоже существуют номинации с этим аффиксом: как отдельные, так и формирующие ряды. Однако, будучи фактами других топонимических систем и подсистем, эти номинации связаны с иными типами географических объектов, иными ассоциациями и идеограммами.

Так, в ряду петербургских названий улиц (как правило, набережных) с формантом *-к(а)* — *Карповка*, *Крестовка*, *Мойка*, *Пряжка*, *Фонтанка* и др. — естественным образом метонимически связываются разговорное название реки и набережной. Во многих локациях образуются разговорные и просторечные варианты официальных названий: в Санкт-Петербурге это «народные» названия районов — *Гражданка*, *Лиговка*, *Технологка*; в Москве такое оформление в разговорной речи типично для обиходных названий шоссе — *Варшавка*, *Каширка*, *Ленинградка*, *Рублёвка*, *Ярославка* и др.

---

¹ Это стихотворение, написанное в 1985 г., называется «Окликни улицы Москвы». Оно было положено на музыку и исполняется Сергеем и Татьяной Никитиными.

Разумеется, существуют и единичные для отдельных локаций названия на $-к(a)$, не входящие в ряды и не формирующие их. Примером может служить неофициальное название центральной пешеходной улицы Челябинска — *Кировка*. Относительно этого названия можно предполагать, что исключительность — его семантико-идеографическое свойство, отраженное в том числе и в выборе форманта, нетипичного для данной локации.

Таким образом, в ряде случаев формант $-к(a)$ в структуре топонима позволяет отнести название к одной из групп идеографической классификации.

Г. В. Глинских, рассматривая вопрос о параметрах топонимической системности, указывает на теоретическую возможность очертить границы топосистемы исходя из структурно-семантической общности топонимов [Глинских, 1987]. В частности, при этом возможно опираться на общность аффиксов, хотя, как отмечает исследователь, приходится учитывать два обстоятельства. Во-первых, многие из аффиксов, представленных в топонимах, — не собственно топонимические, а общезыковые (в том числе диалектные). Во-вторых, топонимические аффиксы являются чисто синхронными свидетельствами, поскольку топонимы со временем «могут перестраивать свои структурные характеристики под влиянием тех отношений и связей, в которые они вступают» [Там же, 44]. Тем не менее, на наш взгляд, чем более широк в определенной топонимической системе или подсистеме инвентарь структурных средств, тем лучше будут прослеживаться связи между ее элементами и, соответственно, границы данной системы.

Очень широк и разнообразен инвентарь аффиксов в топонимии Русского Севера (Архангельская и Вологодская области) и сопредельных с ним Костромской, Ленинградской, Ярославской областей. Для этой территории характерна общность словообразовательных моделей, позволяющих относить конкретные топонимы к тем или иным идеографическим группам. Так, здесь многочисленны и повсеместно распространены антропонимические названия: показателем их принадлежности к идеографической группе «Соотнесенность с конкретным лицом / родом» обычно являются суффиксы $-ов(ск)-$,

-ин(ск)-. Однако на фоне подобных многочисленных топонимов, распространенных и на других русских территориях, оказываются особенно примечательными отантропонимические названия, образованные по иным моделям.

Так, в Вохомском районе Костромской области, севернее поселка Вохма, фиксируются названия деревень с суффиксами *-ат/-ят-* и *-ёнк-*: *Макарята, Маручата, Окнята, Павлята, Якушата; Далинёнки, Маринёнки, Саванёнки, Сидорёнки, Филёнки* и т. п. [ТЭ]. Обе эти словообразовательные модели являются локальными: ареал представленных примеров — узкая полоса не более 15 километров в длину с севера на юг по правому берегу Вохмы в ее среднем течении. Таким образом, в данной зоне сформирован особый языковой способ репрезентации идеограммы «Соотнесенность с конкретным лицом / родом», на основе чего возможно предполагать существование соответствующей «средневохомской» топонимической подсистемы.

Кроме того, та или иная структурная модель, показателем которой выступает регулярный словообразовательный формант, может быть соотнесена и с конкретным типом географического объекта. Например, суффиксы *-ец/-овец* и *-иц(а)*, характерные в славянской топонимии для различных гидронимов [см.: Приображенский, 2013, 84], при сужении локации демонстрируют большую степень ограничения объектной соотнесенности: в Великоустюгском районе Вологодской области они очень частотны в названиях ручьев, но практически не встречаются в названиях других объектов, в том числе водных; ср. названия ручьев *Берёзовец, Бобровец, Выманец, Вьюнец, Зверинец, Зегливец (Загливец, Зегривец), Истопливец, Каливец, Карповец, Кривец, Кропухинец, Крюковец, Леденец, Луживец (Уживец), Половец, Поповец, Прислонец, Студенец, Супоровец, Ярунец; Варовица, Карповица, Сандарица* [ТЭ]. Суффикс *-ец /-овец* встречается и в названиях, содержащих субстратные основы, что свидетельствует, на наш взгляд, о продуктивности модели: *Волбасец, Вохтомец, Котоловец, Юрец* [Там же].

Разумеется, кроме ручьев в указанном районе есть и другие виды географических объектов с названиями, включающими суффиксы *-ец/-овец* и *-иц(а)*, ср.: лес *Горилец*, гора *Островец*; лес *Езевица*,

покос *Заозерица* [ТЭ]. Однако такие названия относительно малочисленны и не демонстрируют устойчивой соотнесенности с типом географического объекта.

Топонимические аффиксы могут быть многозначными. Это необходимо учитывать при идеографической группировке географических названий, поскольку названия с одним и тем же аффиксом могут попасть в разные рубрики классификации. В качестве иллюстрации этого положения рассмотрим бытование частотных топонимов с суффиксом *-ищ(е)*: покосы *Афонино Дворище, Большое Дворище, Гороховища, Мокрое Осище, Мостица, С(т)лище, Слободище*, лесное урочище *Дресвище*, грибное место *Калище*, поля *Есница, Новинище, Овсище, Репище, Сафоновские Клеверища, Ситище*, лес *Печище* (все названия — микрообъекты в Великоустюгском районе) и т. п. [Там же]. Значение аффикса *-ищ(е)* с опорой на мотивационные контексты можно сформулировать двумя способами:

1) «бывший ранее здесь, на этом месте» (или «связанный с хозяйственной деятельностью в конкретном месте»): поле *Городище* — «Там бои были с чудью, крепость была, вот и осталось от нее городище» (д. Черный Лес), урочище *Дворища* — «Слыхала от тятинных сестёр, что там раньше наша деревня стояла, да однажды утром пробудились — а петухи на крышах домов поют, часть жителей уехали на Вохму, а другие — сюда, где сейчас деревня стоит» (д. Марилово). Данный суффикс можно считать своеобразным маркером «исторического сюжета», скрывающегося за топонимом;

2) «место произрастания названной топоосновой культуры»: *Репище, Овсище, Гороховища, Ржище, Клеверища*.

Некоторые из названных топонимов образованы от суффиксальных основ, которые встречаются и в нарицательной лексике: лит. *ржище*, арх., влг. *репище, ритище* ‘поле, место в поле, где выращивали репу’ [КСГРС], влг. *печище* ‘развалины печей на месте, где прежде была деревня’ [Там же] и др., однако для большинства из приведенных выше топонимов соотносимых диалектных лексем нет, их можно считать фактами собственно топонимической деривации, расширяющими словообразовательные возможности обеих выделенных моделей. Так, топоним *Слободище* можно включить

в ряд с *Городищем*, *Дворищами* и сформулировать идеограмму «место, где была слобода»; название поля *Еснище* — в ряд с *Овсищем*, *Ржищем* и т. п., здесь, очевидно, реализуется идеограмма «место, где растет ячмень» (ср. влг. *есница* ‘ячменная солома’ [СГРС, 3, 332]). При идеографическом рассмотрении топонимии важен фактор ряда структурных аналогов: без него топонимы, формально совпадающие с апеллятивами, могут быть ошибочно распределены не в «свои» идеографические группы. Например, существует потенциальная «омонимическая опасность» того, что названия ручьев *Леденец*, *Половец*, *Зверинец* получают неверную идеографическую квалификацию, если будут соотнесены с формально совпадающими с ними нарицательными лексемами.

Для идеографического подхода к описанию топонимического материала ценно, что, являясь признаком системы, структурно-семантическая общность топонимов свидетельствует о единой локальной ментально-номинативной модели. Она обладает отождествительным потенциалом: общий для нескольких топонимов аффикс формирует соответствующий топонимический ряд, что облегчает интерпретацию отдельных названий и делает возможным их отнесение к конкретной идеографической группе.

Таким образом, за счет ономазиологического потенциала структурных топонимических моделей формируется устойчивый словообразовательно-номинативный стереотип, связанный с определенной группой реалий: это могут быть названия улиц, районов, гидрообъектов и другие микропонимы. Устойчивость этого номинативного стереотипа проявляется в том, что в новых, возникающих ныне номинациях задействуются уже устоявшиеся словообразовательные структуры.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

Глинских Г. В. Топонимическая система и структурно-семантические признаки исходных апеллятивов // Формирование и развитие топонимии / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск, 1987. С. 29–43.

- Жамсаранова П. Г.* Материалы к региональному топонимическому словарю. Вып. 1. Чита, 2005.
- Кабинина Н. В.* Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011.
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Макарова А. А.* Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект : дис. ... канд. филол. наук / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2013.
- Матвеев А. К.* Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // Вопр. языкознания. 1976. № 3. С. 58–73.
- Никонов В. А.* Славянский топонимический тип // Вопросы географии. Сб. 58 : Географические названия / отв. ред. Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов. М., 1962. С. 17–33.
- Овчар Н. В.* Опыт идеографического описания озерных гидронимов русского Севера // Вопр. ономастики. Вып. 19 : Номинация в ономастике / под ред. М. Э. Рут. Свердловск, 1991. С. 60–74.
- Приображенский А. В.* Русская топонимия Карельского Обонежья в историческом аспекте. Петрозаводск, 2013.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
- ТЭ — картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Фомин А. А.* Семантическая типология озерных гидронимов Зауралья : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1985.

* * *

Гейн Константин Александрович
старший преподаватель кафедры
русского языка
Уральский федеральный
университет
620062, Екатеринбург, ул. Софьи
Ковалевской, 5
E-mail: kosgein@yandex.ru

Gein, Konstantin Aleksandrovich
Senior Lecturer, Department
of Russian, Institute of Arts
and Humanities
Ural Federal University
5, Sofia Kovalevskaya str.,
620062, Ekaterinburg, Russia
E-mail: kosgein@yandex.ru

From the Notes on Toponymic Ideography

The article discusses the role of affixed elements in determining the status of ideographic place names. The importance of toponymic formants in this aspect is exemplified, first, by the suffix *-k(a)*, forming, in a variety of different urban toponymic systems, mental associative representations of geographic objects: e.g. in Moscow, it translates the idea of a small old street (*Znamenka, Petrovka, Sretenka*), in St Petersburg — the idea of a waterfront (*Krestovka, Moyka, Fontanka*) or of a certain part of the city (*Grazhdanka, Ligovka, Tekhnolozhka*). Secondly, the importance of formants for an ideographic description of place names is illustrated in the article by the suffixes *-at*, *-ets/-ovets*, *-its(a)*, and *-ishch(a)*, attested in the toponymy of the Russian North and adjacent territories. The author believes that the structural and semantic commonality of names, indicating a single local mental naming model, not only facilitates the definition of the ideographic status of certain toponyms, but also allows to trace the boundaries of toponymic systems and subsystems.

К е y w o r d s: toponymy, toponymic system, ideography, derivation, toponymic formants.

С. О. Горяев
Екатеринбург

Астронимы в эрго- и прагматонимии

В статье рассматриваются случаи трансонимизации, а именно перенос названия созвездия (астронима) в сферу коммерческой ономастики — эргонимии и прагматонимии. В качестве примеров выбраны такие названия созвездий, как *Большая Медведица*, *Млечный Путь*, *Орион*: именно эти созвездия чаще всего становятся объектами номинации в русской языковой традиции. Показано разнообразие денотатов, которые могут быть обозначены подобными собственными именами, при этом связь имени и объекта оказывается достаточно произвольной и в ряде случаев не поддающейся

интерпретации. Отмечается, что появление астронима может быть мотивировано характеристиками объекта (внешним видом созвездия), следовательно, является результатом образной номинации, а перенос названия в коммерческую сферу оказывается результатом символической номинации, не учитывающей свойства и качества объекта. Таким образом, периферийными онимами скорее становятся языковые единицы, уже имеющие «опыт существования» в качестве собственных имен ядерных или приядерных классов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: астроним, прагматоним, эргоним, трансономизация, рекламное имя, коммерческое имя, образная номинация, условно-символическая номинация.

Предварительные замечания

Рабочая гипотеза предлагаемого исследования такова. Звездное небо — традиционный символ всего возвышенного, романтического, а следовательно, источник положительных коннотаций — не могло не отразиться в эрго- и прагматонимии. Названия созвездий в результате трансономизации могут стать коммерческими названиями и торговыми марками.

Вообще вопросы трансономизации, на наш взгляд, недостаточно разработаны в отечественной ономастике, возможно, в силу кажущейся очевидности явления — «перехода онима из одного разряда в другой» [Подольская, 1988, 138]. В отечественной научной традиции трансономизация рассматривается как техническое средство ономастического словообразования [см., например: Подольская, 1990], причем не отделяясь от апеллативизации. В близкородственной украинской ономастике есть попытки более широко осмыслить это явление, представив трансономизацию как языковую универсалию [Яковенко, 2009], однако для этого направления, развивающегося под влиянием идей Ю. А. Карпенко, характерно понимание трансономизации «как средства пополнения лексического фонда языка» [Чуб, 2006, 121]. С этим мы не можем полностью согласиться, ведь «ономастику не следует рассматривать как часть лексики, поскольку она представляет собой принципиально иное явление» [Матвеев, 2005, 9]. Важно подчеркнуть, что трансономизация играет

системообразующую роль в рамках ономастикона и прежде всего служит способом своеобразной манифестации ядерно-периферийных отношений: языковая единица, освоенная как собственное имя в ядерных и близких к ним разрядах, при трансонимизации в направлении периферийных классов собственных имен упрочивает принадлежность последних к ономастикону, а не к иным сферам языковых единиц (например, терминологии, номенклатуре)¹.

В статье анализируются факты трансонимизации, в ходе которой осуществляется перенос астронима, собственного имени созвездия, в сферу коммерческой ономастики — эргонимии и прагматонимии. Стоит сделать предварительные замечания об упомянутых терминах и понятиях.

По-видимому, после появления «Словаря астронимов» [Рут, 2010] термин *астроним* перешел из специальной ономастической сферы в научно-популярную, имеющую более широкую аудиторию. Характерно, что Ю. А. Карпенко, посвятивший проблемам астронимии свою книгу «Названия звездного неба» [Карпенко, 1981], избегает употребления этого термина в названии, а в начале 1970-х гг. сфера употребления и объем значения термина вообще были под вопросом².

Представляется, что астронимы можно включить в число ядерных разрядов собственных имен, поскольку они обнаруживают некоторое сходство с «земными» топонимами: обозначают уникальный природный объект, имеющий определенное пространственное положение относительно человека номинирующего. Отнесение топонимов к ядерным разрядам ономастики мы будем считать очевидным.

Говоря о терминах *эрго-* и *прагматонимия*, стоит напомнить, что *эргонимия* в отечественной традиции обозначает «совокупность

---

¹ Мысль о том, что трансонимизация по преимуществу идет от ядра к периферии, была высказана И. В. Крюковой (устное сообщение); появление этой идеи логично в рамках ономастической школы, подчеркивающей полевый принцип в описании ономастикона.

² «Представляется, что конкурирующие термины *космонимия* и *астронимия* должны поделить сферы влияния» [Суперанская, 1973, 188].

эргонимов» [Подольская, 1988, 151], а *эргоним* — «собственное имя делового объединения людей» [Там же]. Этим отечественная ономастическая традиция отличается от зарубежных, например, в германской ономастической традиции выделяется категория «названия фирм» (англ. *company name*, нем. *Firmenname*), причем это не столько ономастический, сколько юридический термин. Вопросы вызывает и термин *прагматоним* (и, соответственно, *прагматонимия*), определение которого существенно отличается в двух изданиях отечественного терминологического словаря [Подольская, 1978; 1988]. В последнее время побеждает более ранняя трактовка прагматонима, понимаемого как лингвистический термин «для обозначения сорта, марки, товарного знака» [Подольская, 1978, 113].

После появления монографии [Крюкова, 2004], где подробно обосновывается включение эргонимов и прагматонимов в периферийную зону ономастики, соответствующие термины оказались объединенными гиперонимом *рекламное имя*³, и в современном изучении эрго- и прагматонимии, насколько можно судить, преобладает прагматический подход. Поскольку мы не касаемся вопросов прагматики, в качестве объединяющего термина будем употреблять выражение *коммерческое имя*⁴.

Астронимы в роли коммерческого имени

Опираясь на раздел «Основные объекты звездного неба, известные русскому народу» в словаре М. Э. Рут [2010, 12–16], мы обратились к следующим астронимам: *Большая Медведица* (название самого известного созвездия Северного полушария),

---

³ В европейской традиции гиперонимом по отношению к терминам с соответствующими значениями будет, по-видимому, окончательно вытеснивший конкурирующие варианты термин *хремадоним* [см., например: Гарвалик, 2007].

⁴ По-видимому, окончательному закреплению этого термина будет способствовать англоязычная публикация [Sjöblom, 2016], носящая название «Commercial names». Можно предположить, что в дальнейшем в европейской ономастологии сложится конкуренция / корреляция двух терминов — чисто англоязычного *commercial name* и «континентального» *chrematonym*.

*Орион*⁵, *Млечный Путь*⁶. Эти названия популярны в русском языке, при этом в говорах фиксируются и иные обозначения соответствующих астрообъектов, что говорит об их особой значимости⁷. С помощью поисковых баз в сети Интернет мы осуществили поиск эргонимов, восходящих к названным астронимам. Был получен корпус из 72 номинаций. Рассмотрим их последовательно.

Большая Медведица (16 фиксаций)

Прежде всего стоит отметить «общекоммерческое» употребление названия «*Большая Медведица*» для обозначения торгового центра в Москве и торгово-выставочного комплекса в Новосибирске. Но в целом «*Большая Медведица*» начинает тяготеть к «мебельно-интерьерной» сфере: такое название носят мебельный центр в Колмне, торговая компания в Екатеринбурге, предлагающая лестницы и ограждения, производственная компания в Кемерово, выпускающая мебель и фурнитуру, а также фирма по изготовлению мебели в Самаре.

Три названия «*Большая Медведица*» носят заведения общественного питания: кафе в Екатеринбурге, ресторан в Санкт-Петербурге и кафе-ресторан в Каменске-Уральском. При этом (насколько можно судить по интернет-информации) в стилистике оформления этих заведений отсутствует «космическая» составляющая.

Три перенесенных астронима относятся к местам проживания людей. Два из них номинируют новый тип поселений — коттеджные

---

⁵ В народной картине мира гораздо важнее Пояс Ориона, а «полностью Орион русскими фактически не воспринимается» [Рут, 2010, 14]. Однако для литературного языка и коммерческой ономастики именно *Орион* — основной случай трансонимизации, а *Пояс* — факультативный. Для трансонимизации более удобно однокомпонентное название; в случае же с *Большой Медведицей* потенциальное однокомпонентное *Медведица теряет семантику астронима.

⁶ Мы условно называем *Млечный Путь* созвездием, для нас важно, что это объект звездного неба, имеющий астроним.

⁷ При этом исключены два астронима, упомянутых в цитируемом разделе. Первый — *Венера* (например, туристическое агентство «*Венера*», Ставрополь): в данном случае трудно предполагать трансонимизацию «астроним → коммерческое имя» в силу известности соответствующего мифологического персонажа и личного имени. Второй — *Плеяды*: из-за возможной путаницы с нарицательным словом *плеяда*.

поселки. При этом для поселка в Екатеринбурге название является символическим: в информационных материалах не эксплицируется какая-либо смысловая связь имени и объекта. Но для поселка в Выборгском районе Ленинградской области основой для связи названия и имени становится форма плана поселения, отчасти напоминающая очертания созвездия. В этом случае можно говорить об образно-отождествляющей номинации, хотя с определенной долей условности: связь имени созвездия и названия поселка очевидна для номинатора и заявлена им, но для адресата она будет неясной без специальных разъяснений.

Наконец, интересным в мотивационном плане является употребление названия *«Большая Медведица»* для отеля в Карелии (в разных источниках тип отеля определяется как «эко-отель» или «турбаза»). Объект расположен в Медвежьегорском районе, недалеко от города Медвежьегорск и железнодорожной станции Медвежья Гора. Таким образом, название отеля вписывается в эту микросистему и оказывается мотивированным системными онимическими связями. При этом ассоциации как с медведем, так и со звездным небом поддерживаются названиями отдельных коттеджей в рамках комплекса — *«Созвездие»*, *«Потопыч»* и *«Три медведя»*, что подчеркивает комплексную мотивированность обозначения отеля.

Дважды название *«Большая Медведица»* употребляется для обозначения организаций, связанных с педагогической деятельностью. Это семейный центр развития и творчества в Екатеринбурге и инновационный лагерь-парк в Подмосковье. Организации предлагают спортивные и творческие программы; судя по информации, связь с названием произвольна.

Есть еще одна сфера бизнеса, в рамках которой институции получают подобное имя: екатеринбургская компания *«Большая Медведица»* занимается огнезащитой и средствами пожаротушения⁸.

Таким образом, название соотносится с организациями, значительно различающимися по сферам деятельности.

---

⁸ По мнению Л. А. Феоктистовой (устное сообщение), здесь возможна цепочка ассоциаций: *Большая Медведица* → ковш как сосуд для воды → вода как средство борьбы с огнем.

Отметим также, что во время сбора материала нами было зафиксировано название «*Малая Медведица*» для компании с неопределенной сферой деятельности. Отсылка к соответствующему созвездию — спорадический факт: эпитет *малый* неприемлем в коммерческой номинации в силу его меньшей «рекламности», т. е. броскости, желая громко заявить о себе. Ср. также замечание М. Э. Рут о том, что в русской народной астронимии *Малая Медведица* представлена гораздо меньше, чем *Большая* [Рут, 2010, 13].

В эргонимии нам встретился только один факт употребления рассматриваемого названия — по отношению к пиротехническому изделию, батарее салютов. Интересно, что два разных случая трансонимизации приводят к денотативной энантиосемии названия «*Большая Медведица*», обозначающего и «противопожарную» организацию, и потенциальный источник возгораний.

Млечный Путь (13 фиксаций)

Названия, образованные от астронима *Млечный Путь*, представлены в эргонимии не так ярко. Как и в случае с «*Большой Медведицей*», несколько номинаций относятся к сфере общественного питания: кафе в Нефтекумске и Воронеже, кафе-клуб во Владимире и ресторан в Новосибирске, при этом особого «молочного» уклона у кафе, насколько можно судить по нашей информации, нет.

В качестве имени торговой организации «*Млечный Путь*» относится к сети протоварных магазинов в Екатеринбурге, ориентированных в основном на бытовую химию (а не на мебель, как в случае с «*Большой Медведицей*»). Фиксируется также единичный случай употребления этого названия по отношению к гостинице (Новосибирск).

«Детская» тема представлена названием оздоровительной базы в Краснодарском крае и обозначением международного творческого конкурса для детей и педагогов (с базой в Воронеже)⁹.

---

⁹ Мы сочли возможным включить это название в исследуемый ряд, несмотря на то что в последнее время в ономастических исследованиях (практически «по умолчанию») термин *эргоним* обозначает наименование коммерческого предприятия. Однако не следует забывать, что под строгое определение эргонима попадает целый ряд некоммерческих объединений людей.

«Творческие» ассоциации проявлены и в двух названиях, связанных с конкретным видом искусства: «*Млечный Путь*» — наименование хореографического клуба в Калуге и школы-студии танцев в Туле.

Несколько неожиданной кажется связь астронима *Млечный Путь* с нетрадиционными медицинскими практиками: перенесенное наименование относится к центру китайской традиционной медицины в Санкт-Петербурге и творческому клубу в Перми, который, судя по сайту, основывается на системе рэйки. Вероятно, здесь сыграли роль «астральные» ассоциации названия.

Два случая прагматонимического употребления словосочетания¹⁰ *Млечный Путь* объясняются как прямым значением апеллатива *млечный* → *молочный* — в обозначении «смеси для кормящей мамы» (по-видимому, предполагающей положительное влияние на грудное вскармливание), так и ономастическим значением — в наименовании детского коврика с эффектом мерцания, которое похоже на мерцание звезд.

Орион и Пояс Ориона (43 фиксации)

Наибольшее количество коммерческих названий дает астроним *Орион*, который является самым «удобным» для символической номинации: он состоит из одного слова и не имеет ярко выраженной внутренней формы. Более того, этот астроним стал источником трансонимизации не только в русской коммерческой ономастике (однако соответствующие имена останутся за рамками настоящей публикации)¹¹. В российском же ономастиконе *Орион* проявляет себя в чем-то схоже с *Большой Медведицей*.

Так, название этого созвездия дважды употребляется в «мебельной» сфере: для обозначения магазина и не связанного с ним производственного предприятия в Екатеринбурге. Гораздо более широко (по сравнению с *Большой Медведицей*) *Орион* представлен

---

¹⁰ Исключаются «переводные» названия (например, марка шоколадных батончиков «*Milky Way*»).

¹¹ Ряд соответствующих компаний упоминается, например, в [<https://en.wikipedia.org/wiki/Orion>].

в наименованиях учреждений общественного питания: кафе (в таких городах, как Каспийск, Киров, Лесной Свердловской области, Москва, Кстово, Нижний Новгород), двух ресторанов (Иркутск, Жуковский).

Названия жилых поселков «Орион» нам пока не встретились, но мы располагаем именами гостиниц (Астрахань, Нижний Новгород, Алушта, Сургут) и наименованием риелторского агентства (Верхняя Пышма). Целый ряд названий екатеринбургских организаций связывает номинацию *Орион* с идеей строительства, включая жилое и индустриальное: строительная фирма, инженерная компания, компания по изготовлению потолков, две не связанные между собой фирмы, изготовляющие металлоконструкции, и одна по продаже металлопроката.

Названия компаний, связанных с педагогической деятельностью, представлены также весьма широко: досуговый центр в Москве, детско-юношеский центр в Новокузнецке, центр развития ребенка и дворец творчества детей и молодежи в Оренбурге, молодежный центр в Набережных Челнах. Детско-молодежная направленность организаций, возможно, объясняется романтическим ореолом названия «Орион», которое ассоциируется с развитием космонавтики, научной фантастикой и т. п. Впрочем, среди подобных организаций есть и такие, которые имеют «семейную» направленность, — семейный клуб в Москве, семейный лагерь и детский дом семейного типа в Калуге.

Два названия связаны с идеей спортивного досуга: они принадлежат боулинг-центру в Асбесте и спортивному клубу в Екатеринбурге.

Идея детского образования соединяется с идеей здравоохранения в наименовании детского образовательно-оздоровительного лагеря в Ленинградской области, далее медицинская тема получает развитие в названиях реабилитационного центра в Екатеринбурге, стоматологических клиник в Рязани и Санкт-Петербурге, салона красоты в Москве.

Специфической для *Ориона* оказывается «автомобильная» тема, появившаяся в названиях научно-производственного предприятия,

изготавливающего автомобильные электроприборы, и фирмы, занимающейся прокатом автомобилей, а также тема охранной деятельности в обозначении частного охранного предприятия (все в Екатеринбурге).

Одно название позволяет предположить рационально мотивированную связь с объектом: компания — спутниковый оператор из Подмоскovie, возможно, получила имя «*Орион*» для того, чтобы подчеркнуть космическую составляющую своей деятельности.

Если говорить о прагматонимах, то в нашем материале имя «*Орион*» является зонтичным брендом для серии предметов детской мебели и семейства аппаратов лазерной терапии. Наконец, одно название «*Пояс Ориона*» употребляется применительно к пиротехническому изделию. Как и «*Большая Медведица*», это наименование обозначает батарею салютов, что позволяет говорить о наметившейся микросистеме¹².

Выше проанализированы только те названия, которые формально совпадают с астрономом *Орион*. В то же время отмечаются и составные наименования — сочетания с аналитическим прилагательным, например «*Орион Дент*» — стоматология в Екатеринбурге, «*Арт-Орион*» — косметическая стоматология в Москве, «*Орион Групп*» — компания в Екатеринбурге, занимающаяся пожарной безопасностью (обратим внимание, что тема пожарной безопасности уже была затронута ранее), «*Скупка Орион*» — ломбард в Екатеринбурге, «*Орион-пласт*» — изготовление полимерных материалов в этом же городе, «*Орион Мед*» — продажа дезинфицирующих средств в Москве.

Конечно, приведенный ряд названий, образованных в результате трансонимизации от астронома *Орион*, не является законченным. Рискнем выдвинуть следующее предположение: название *Орион* — с учетом его символической значимости и внешней формы — может потенциально применяться в любой сфере человеческой деятельности, по отношению к эргообъекту любого типа. Таким

---

¹² Ср., например, реально существующие названия: римская свеча «*Кассиопея*», фейерверк «*Полярная звезда*», батарея салютов «*Водолей*», «*Альфа Центавра*» и даже «*Рождение Центавра*»; список можно продолжить.

образом, жизнь современного человека может пройти «под знаком Ориона» — начиная с детского возраста, что было показано выше, и заканчивая «*Орионом*» как названием бюро ритуальных услуг (Санкт-Петербург, Воронеж, станица Кушевская) или траурного венка (Самара).

Трансонимизация и ономастическая номинация

Возвращаясь к нашей рабочей гипотезе, отметим, что названия созвездий действительно дают целые гнезда производных периферийных собственных имен. При разнообразии и непредсказуемости путей трансонимизации набор механизмов переноса оказывается достаточно ограниченным. Новые названия возникают и в результате реализации ассоциаций, заложенных в астрониме, и как проявление внутриастронимической системности (ср. название отеля «*Большая Медведица*» близ Медвежьегорска¹³).

Напомним, что в предложенной М. Э. Рут «схеме мотивированности» номинаций мотивированные названия противопоставлены условным (т. е. немотивированным) и подразделяются на отобъектные, отсубъектные и отадресатные [Рут, 1994, 47]. Выбор названия для созвездия преимущественно относится к ведомству образной номинации, т. е. номинации, «комплексно мотивированной свойствами объекта», хотя и «отсубъектно направленной» [Там же, 64]. Для названия созвездия *Большая Медведица*, по предположению Ю. А. Карпенко, мотивировочным признаком могла стать именно внешняя форма взаимного расположения звезд: «100 тыс. лет назад <...> фигура ярких звезд созвездия была определено медвежьей» [Карпенко, 1981, 31]. Появление такой номинации связано с ономастическим освоением действительности, типологически это предметно-отождествляющая номинация, а общее направление мотивировки в этом случае — «собственно отобъектное» [Рут, 1994, 64].

---

¹³ Впрочем, этот пример не является в строгом смысле «комплексом семантически связанных между собой названий топонимических объектов» [Березович, 1991, 75]; важную роль в этой паре играет не семантика топонима, а его внутренняя форма.

Однако в ряде приведенных нами выше примеров трансонимизации связь названия с объектом можно предположить только как гипотетически возможную на глубинных (иногда сомнительных) уровнях интерпретации; отобъектная часть мотивировки таких названий почти полностью снимается. В ходе трансонимизации используются механизмы неотобъектной номинации. В терминологии Н. Д. Голева это номинация символическая; ее спецификой является безотносительность к денотату и преобладание номинативно-выделяющей функции над описательной, характеризующей [Голев, 1980, 48–49]. В терминологии М. Э. Рут это условная номинация (символическая же рассматривается М. Э. Рут как разновидность отобъектной, хотя и «подчеркнуто субъективизированной» [Рут, 1994, 60]). Мотивированность имени в этом случае объясняется самой возможностью трансонимизации: однажды попав в приядерную часть ономастикона по «объективным» (точнее, по отобъектным) причинам, языковая единица приобретает статус «универсального» имени собственного и может получить взаимосвязь практически с любым денотатом, нуждающимся в именовании.

В связи с вышесказанным хотелось бы обратиться к идее, предложенной в свое время М. Э. Рут, отметившей, что «процесс создания имени может и не сопровождаться учетом известных признаков объекта с конечным выбором одного из них как номинативного» [Рут, 2003, 60], что дает основания для разграничения номинации и наречения [Там же]¹⁴, в процессе создания которого исключен познавательный импульс, предполагающий учет в имени свойств объекта [Там же, 124]. При этом наречение может осуществляться «как акт выбора из имеющегося в традиции перечня потенциальных имен» [Там же]. Для ядерного класса собственных имен этот перечень потенций может быть более или менее закрытым¹⁵, для периферийных — более или менее открытым (в силу номинативной

---

¹⁴ При этом последнее обязательно для становления номинативной единицы как ономастической: «Имя собственное может возникнуть в результате только тех <...> процессов, которые связаны с наречением» [Рут, 2003, 124].

¹⁵ Напомним, что, например, в венгерском языке список возможных личных имен действительно закрытый, и эта закрытость обеспечивается на государственном уровне.

аморфности — признака периферийного разряда, что касается, в числе прочих, эрго- и прагматонимии). Поскольку небольшое количество рассмотренного в настоящей публикации материала не дает основания для глобальных обобщений, выскажем предположение: открытость периферийных разрядов во многом кажущаяся. Периферийным онимом скорее станет такая языковая единица, которая уже имеет «опыт существования» в качестве собственного имени; трансонимизационный путь наречения в направлении от ядра к периферии оказывается востребованным и закономерным.

-
- Березович Е. Л.* Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // Номинация в ономастике / под ред. М. Э. Рут. Свердловск, 1991. С. 75–90.
- Гарвалик М.* К вопросу о современной ономастической терминологии // Вопр. ономастики. 2007. № 4. С. 5–13.
- Голев Н. Д.* Заметки об условно-символической номинации в русском языке // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 9 / отв. ред. А. К. Тимофеев. Новосибирск, 1980. С. 47–55.
- Карпенко Ю. А.* Названия звездного неба. М., 1981.
- Крюкова И. В.* Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград, 2004.
- Матвеев А. К.* Ономастика и ономатология // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 5–10.
- Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
- Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988.
- Подольская Н. В.* Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопр. языкознания. 1990. № 3. С. 40–53.
- Рут М. Э.* Образная номинация в русском языке: ономастиологический аспект : дис. ... д-ра филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1994.
- Рут М. Э.* Номинация, наречение и имя собственное // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 4 / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2003. С. 120–124.
- Рут М. Э.* Словарь астронимов. Звездное небо по-русски. М., 2010.
- Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Чуб Т. В.* Трансонимизация как явление языка и средство поэтики онимов // Λογος βνομαστικῆς. 2006. № 1. С. 121–126.
- Яковенко М. В.* Трансонимизация как ономастическая универсалия // Λογος βνομαστικῆς. 2009. № 1 (3). С. 6–8.

Sjöblom P. Commercial names // *The Oxford Handbook of Names and Naming* / ed. by C. Hough. Oxford, 2016. P. 453–464.

* * *

Горяев Сергей Олегович

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и общего языкознания
Уральский федеральный
университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина,
51
E-mail: gorajev@yandex.ru

Goryaev, Sergey Olegovich

PhD, Associate Professor
Department of Russian Language
and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin av., room 306,
620000, Ekaterinburg, Russia
E-mail: gorajev@yandex.ru

Astronyms as Commercial Names

The article discusses some cases of transonymization, more precisely, of use of a constellation name, an astronym, as a company or trademark name. The author focuses on the names *Bolshaya Medveditsa* (Ursa Major), *Mlechnyj Put* (Milky Way) and *Orion* which, in the Russian language tradition, are the most commonly used in commercial naming. The author shows the variety of commercial properties that can be named by the afore-mentioned astronyms, even though, in some cases, the connection between the name and the named object may be arbitrary and, thus, defying any interpretation. It is noted in the paper that while an astronym itself may be motivated by the constellation's form as seen from the Earth, thus, resulting from figurative naming, the use of an astronym in commercial naming is a kind of symbolic naming which has no link with the named object's properties. This allows to conclude that onomastically peripheral objects would rather be called by words that are already used as proper names relating to the core classes of objects.

Key words: astronym (constellation name), pragmatonym (trade name), ergonym (company name), transonymization, advertising name, commercial name, figurative naming, conventionally symbolic naming.

Ю. С. Костылев*Екатеринбург*

Топонимия Новой Земли советского периода номинации как искусственная система

В работе рассматривается блок топонимов, созданных на архипелаге Новая Земля в советский период различными экспедициями и топонимическими комиссиями. Топонимы этого периода имеют все признаки искусственной номинативной системы. Топонимы рассматриваются с точки зрения формальных характеристик (словообразовательная структура, бытование топонима в составе микросистемы и т. п.) и с точки зрения мотивации. Большая часть рассмотренных топонимов образована от личных имен исследователей архипелага и других собственных имен, имеющих непосредственное отношение к освоению Новой Земли. Делается вывод о том, что значительная часть элементов топонимической системы Новой Земли относится к отсубъектным топонимам и отражает историю освоения архипелага, трассы Северного Морского пути и заполярных территорий в целом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: топонимия, мотивология, искусственная номинация, топонимическая система, мотивационные модели, отантропонимическая топонимия, Северный Морской путь.

Активное освоение трассы Северного морского пути и прилегающих территорий в советский период сопровождалось работой различных организаций, в сферу деятельности которых входило именование многочисленных малоизвестных или вновь открытых географических объектов. Созданный в связи с этим довольно обширный пласт топонимов, очевидно, представляет собой сравнительно молодую искусственную топонимическую систему. Заполярные земли в силу понятных причин осваивались сравнительно поздно, освоение происходило централизованно. Неравномерное по времени распространение искусственной топонимии в разных регионах, отмеченное М. В. Голомидовой [1987, 30], было, по-видимому,

исключительно активным на заполярных территориях именно в советский период.

Топонимия Новой Земли по ряду экстралингвистических причин представляет собой определенный интерес в аспекте создания искусственных топонимических систем. К моменту регулярного освоения Новой Земли ее коренное ненецкое население было достаточно малочисленным, что исключило возможность широкого заимствования местных, иноязычных по происхождению топонимов. Плановое хозяйственное освоение территории, по-видимому, никогда не предполагалось в силу суровых природных условий архипелага и отсутствия на нем каких-либо привлекательных для такого освоения ресурсов. Это привело к тому, что естественное (в ходе «обычного» обживания территории) наименование географических объектов не могло быть востребовано, номинатор не имел потребности отражать в топониме существенные признаки объекта как, например, географического ориентира или значимой в хозяйственном отношении реалии. Топонимы Новой Земли появлялись в ходе работы различных географических, гидрологических и других подобных экспедиций, участники которых находились на территории архипелага сравнительно непродолжительное время и не были постоянными «пользователями» даваемых ими географических названий.

Наиболее обширный пласт топонимов появился в 1920–1950-х гг. в ходе ряда экспедиций, работа которых проводилась в рамках освоения трассы Северного морского пути. При этом названия давались в течение сравнительно небольшого промежутка времени и сразу для значительного количества объектов. Все это приводило к тому, что бо́льшая часть топонимической системы Новой Земли была принципиально искусственной по происхождению. Опираясь на предложенные М. В. Голомидовой [1998, 40–45] признаки, характеризующие номинативную единицу как искусственную, следует признать, что рассматриваемые топонимы обладают всей полнотой этих признаков. Номинативная ситуация явно связана с административной сферой социальной активности; номинаторы отчетливо осознавали свое право и обязанность давать названия географическим объектам,

поскольку одной из целей географических, гидрографических и подобных экспедиций является именование объектов; создаваемые названия мыслились как обязательные для употребления в официальной ситуации; присвоение таких названий носило характер предписания, использование именно этих обозначений приобретало более или менее обязательный характер в официальной ситуации; узуализация топонима, очевидно, в большинстве случаев происходила просто при нанесении имени на карту.

Топонимы, возникшие в советский период освоения Новой Земли, таким образом, весьма часто становились результатом такого номинативного акта, «который принадлежит сфере институированной коммуникации и ставит своей целью создание наименования, рассчитанного на априорную узуализацию» [Голомидова, 1998, 45]. Именно эти топонимы и стали материалом исследования в данной работе. При фронтальном просмотре справочника «Топонимика морей советской Арктики» [ТМСА] были отобраны наименования 174 географических объектов, появившиеся в указанный период. Некоторые объекты могут иметь по два (и более) наименования, так что количество названий объектов несколько больше — 194.

Авторы [ТМСА] указывают не только время появления топонима, но в ряде случаев и обстоятельства его возникновения, что иногда дает возможность мотивационного анализа топонима. Кроме того, составители справочника называют и конкретного номинатора — условную группу (экспедиция, топонимическая комиссия) или персону (начальник экспедиции, конкретный гидрограф и т. п.), давшую то или иное название. Отбор проводился по времени появления топонима. Учитывались различные по мотивационным признакам географические названия, но при этом сами авторы [ТМСА] указывают на то, что в ходе составления справочника они в первую очередь обращали внимание именно на искусственные топонимы, «русские мемориальные названия, являющиеся топонимическими памятниками освоения и исследования Арктики. Это топонимы, возникшие от имен арктических исследователей, ученых географов или лиц, имевших какое-то отношение к освоению Арктики, от названий кораблей или данные по поводу каких-то событий в ходе освоения

Арктики» [ТМСА, 5–6]. Архипелаг Новая Земля, по наблюдению авторов сборника, богат именно такими наименованиями, представляющими интерес для данной статьи: «Таких примечательных топонимов около двух тысяч. Большинство их располагается в районах, исследованных сравнительно недавно, — на Земле Франца-Иосифа их 68 %¹, на Новой Земле 42 %, на острове Врангеля 32 %. Значительно меньше их в районах, издавна обжитых местным населением» [Там же, б]. В ряде случаев привлекался справочник «Морская карта рассказывает» [Масленников, 1986], который также содержит информацию о названиях некоторых географических объектов Новой Земли. Следует также учесть, что во время издания указанных справочников Новая Земля целиком являлась закрытым административно-территориальным образованием, поэтому некоторые топонимы могли быть не отмечены в справочниках в силу секретности географических объектов, носящих то или иное название. Например, в справочниках не приводится ни одного ойконима, поскольку само наличие на архипелаге населенных пунктов представляло собой тайну.

В силу принципиальной искусственности создаваемой топонимической системы номинаторы в своей деятельности не были связаны необходимостью отразить какие-либо свойства называемого объекта. Крайне малая часть топонимов, возникших в советское время, отражает характер именуемого объекта, ср. *Белые (Алебастровые)* острова, названные так, потому что они состоят из белого алебастра.

Большую часть географических названий можно отнести к субъектно-мотивированным. Поскольку «отсубъектно-мотивированные номинации предполагают отражение в имени личных черт и пристрастий субъекта» [Рут, 1992, 21], на первый план в процессе именования выходили свойства не географической реалии, а того объекта, в честь которого давалось название; кроме того, в топонимах отражались отношения, которыми были связаны номинатор

---

¹ От всего количества приведенных в справочнике топонимов для каждого участка Северного морского пути.

и объект (лицо), чье имя оказывалось представленным в названии. Другими словами, можно рассмотреть вопрос, в честь кого или чего именно давались географические названия на Новой Земле в советский период.

Подавляющее большинство рассмотренных топонимов (около 160 единиц, 82,5 %) представляют собой простые отантропонимические наименования, данные в честь различных лиц, чья деятельность, очевидно, по тем или иным причинам была важна для номинаторов. Здесь следует еще раз напомнить, что авторы [ТМСА] обращали внимание именно на такие топонимы, поэтому процентное отношение отантропонимических наименований к остальным в реальности может быть несколько ниже, чем об этом можно судить по приведенной в справочнике информации. Но всё равно количество подобных топонимов довольно велико. Из них большую часть в формальном аспекте составляют топонимы, образованные типовым способом — на основе фамилии того, в честь кого назван объект (*Бабушкина*, остров; *Визе*, бухта и т. п.), и по модели «географический термин + фамилия в родительном падеже». Однако возможны различные модификации такого подхода. Так, несколько топонимов представляют собой сочетание имени и фамилии (*Нестора Смирнова*, мыс; *Ивана Малышева*, мыс; *Павла Зайцева*, мыс и т. п.). Очевидно, подобная модификация могла быть связана с распространенностью фамилий тех, в честь кого давались наименования объектов. В то же время такие топонимы, как *Ефима Хатанзея*, полуостров или *Ильи Вылки*, бухта, явно противоречат такому выводу. Возможно, в тех случаях, когда речь идет о нерусских по происхождению фамилиях с абсолютно неясной для носителя русского языка внутренней формой, включение имени в состав топонима давало возможность понять, что он является отантропонимическим по происхождению. Во всяком случае, здесь можно обратить внимание не только на искусственность возникновения топонима, но и на своеобразие ситуации положения имени на карту. Вполне вероятно, что в речи эти топонимы бытуют типовым образом — в виде фамилии без имени (типа *мыс Смирнова*, *мыс Зайцева*, *бухта Вылки* и т. п.). Примечательно, что в рассмотренном материале имеется

единственный случай, когда уточнение фамилии именем могло бы позволить различить разные персоны, но топонимы фиксируются только в виде фамилии без имени. Речь идет о таких названиях, как *Воронина*, губа, *Воронина*, бухта и *Воронина*, мыс. Первые два наименования даны, по указанию составителей справочника, в честь В. И. Воронина, известного полярного капитана, а третье — в честь его дяди Ф. И. Воронина.

Ряд отантропонимических топонимов представляет собой наименование по имени без фамилии (*Олафа*, острова; *Наталии*, залив). Подобные топонимы могут включать в себя указание на географический объект и содержать имя в производной форме (*Гришина Шара*, река; *Володькина*, бухта). Такая форма бытования топонимов сближает их в системном языковом отношении с естественными топонимами, но подобного рода именованья в рассмотренном материале единичны. Интересен случай модификации личного имени, затемняющей внутреннюю форму топонима: *ЕКС*, залив, назван в 1933 г. «в честь коллектора экспедиции Елены Константиновны Сычуговой (ум. в 1942 г.), которую геологи прозвали “ЕКС” по начальным буквам имени, отчества и фамилии» [ТМСА, 29]. В данном случае мы сталкиваемся со своеобразной языковой игрой, которая тоже может свидетельствовать о фактах сближения искусственной топонимической системы с естественной.

Если говорить о мотивационном своеобразии искусственной «мемориальной» (в терминологии авторов [ТМСА]) топонимии, то интересно рассмотреть существенные характеристики лиц, в честь которых даются географические названия. Такие характеристики, по-видимому, должны отражать отношения между этим лицом и условным номинатором, в качестве которого можно видеть конкретного участника или группу участников той или иной экспедиции. С этой точки зрения в рассмотренном материале можно выделить следующие группы имен:

- 1) имена непосредственных участников экспедиций, в которых давались названия географическим объектам;
- 2) имена исследователей архипелага, отмеченных более поздними экспедициями;

3) имена исследователей, не участвовавших непосредственно в изучении Новой Земли, но внесших очевидный вклад в освоение Севера либо в развитие науки, которую представляли номинаторы;

4) прочие отантропонимические наименования.

Используя терминологию М. В. Голомидовой [1998], первую группу топонимов можно условно именовать мемориальными топонимами, третью — топонимами-посвящениями, тогда как вторая группа занимает некое промежуточное положение между ними.

Первая группа весьма многочисленна. Собственно, такой подход — наименование объекта именем первооткрывателя — традиционен для образования топонимов еще с эпохи Великих географических открытий. Вполне очевидно желание запечатлеть свое имя или имя своего сотрудника на «свободной» от названий карте. Не всегда по описанию, данному в справочнике, можно определить, участвовал ли человек, в честь которого дано название, именно в назвавшей объект экспедиции (т. е. следует ли включить этот топоним во вторую из выделенных групп). Однако однозначно к этой группе относятся не менее (а скорее всего — более) 48 топонимов (24 % всех рассматриваемых названий, 30 % отантропонимических). Наименование могло даваться как в честь начальника экспедиции (*Шмидта*, полуостров назван в 1930 г. в честь начальника экспедиции Отто Юльевича Шмидта), так и в честь рядовых участников (*Климова*, мыс назван в 1933 г. в честь рабочего экспедиции В. Ф. Климова).

Топонимы второй группы примыкают к названиям первой группы и составляют не менее 58 единиц (29 % всех рассматриваемых наименований, 35 % — отантропонимических). Вторая группа несколько многочисленнее первой. В нее входят имена не только участников конкретных экспедиций и зимовок, дававших названия географическим объектам, но и имена участников более ранних экспедиций, начиная с XVIII в. (*Юшкова*, мыс назван в 1925 г. в честь новоземельского кормщика А. Юшкова); имена промышленников, рыбаков, охотников, бывавших на Новой Земле (*Запасова*, мыс назван в 1925 г. в честь старейшего промышленника Новой Земли Я. Запасова); имена полярных летчиков, работавших над Новой

Землей (*Чухновского*, бухта названа в 1930 г. в честь полярного летчика Б. Г. Чухновского, одного из первых летчиков, летавших над Новой Землей), и т. п. Очевидно, топонимы первой и второй групп могут быть объединены в том смысле, что в их основу легли имена людей, чья деятельность была непосредственно связана с Новой Землей. Кроме того, как сказано выше, не всегда можно точно определить, участвовал ли человек, в честь которого назван объект, именно в давшей наименование экспедиции или же в какой-либо другой. К этому блоку топонимов, таким образом, относится не менее 103 географических названий, т. е. около 64 % отантропонимических топонимов из всего рассматриваемого материала.

Третья группа топонимов содержит 44 единицы. В эту группу входят наименования, данные как в честь широко известных лиц (*Нансена*, горы названы норвежской экспедицией в 1921 г. в честь исследователя Арктики Ф. Нансена) так, по-видимому, и в честь руководителей работ на Новой Земле (*Суслова*, мыс назван в 1936 г. в честь заместителя начальника ГУ ГУСМП в 1935–1938 гг. И. М. Суслова), а также просто в честь лично знакомых номинаторам персон (*Самойлова*, остров назван в 1927 г. в честь геолога Я. М. Самойлова, занимавшегося вместе с участниками экспедиции исследованиями грунта Баренцева моря). Можно отметить, с одной стороны, традиционность и этой модели в деле создания «мемориальных» топонимов. При этом, однако, все лица, в честь которых давались географические названия на Новой Земле, работали в той же сфере, что и номинаторы (либо изучали Арктику, либо занимались той же научной дисциплиной). Первыми тремя группами «перекрываются» практически все отантропонимические топонимы из рассмотренного материала. Эти группы имен, очевидно, могут пересекаться, поскольку круг исследователей Арктики был сравнительно узким и номинаторы могли быть лично знакомы с тем или иным исследователем Арктики или конкретно территории Новой Земли. Примечательно, что имена наиболее активных исследователей Арктики можно встретить во всех трех группах. Так, например, в честь В. Ю. Визе как участника экспедиции Н. В. Розе названа в 1921 г. бухта в заливе Благополучия, а в честь него же как участника

предыдущих новоземельских экспедиций и старшего гидролога Института по изучению Севера в 1925 г. — бухта в заливе Русанова².

Следует отметить, что невозможность строгого различения в мотивационном аспекте топонимов приведенных нами первой и второй групп и явного тяготения к ним топонимов третьей группы говорит о том, что номинаторы на протяжении всего советского периода сознательно или неосознанно разрабатывали единое направление именования географических объектов. Указывая на различия между мемориальными топонимами и топонимами-посвящениями, М. В. Голомидова пишет: «Топонимы-посвящения нередко внешне совпадают с естественными названиями <...> между тем существуют различия в характере содержания, объективируемого этими типами наименования. Естественно сложившиеся мемориальные топонимы фиксируют отношения, которые служат различению и характеристике самого объекта, они раскрывают формулу “то место, где...”, например, жили Андреевы, охотился Егор, утопилась Ольга и т. п. В отличие от них топонимы-посвящения имеют мотивировочное значение “объект, названный в честь...” и направлены на возвышение человека, предмета или события, обозначенного лексическим мотиватором» [Голомидова, 1998, 161]. Однако в рассмотренном материале, очевидно, существует большой пласт номинативных единиц, сочетающих в себе мотивационные признаки как топонимов-посвящений, так и мемориальных топонимов. Думается, в плане ситуации, легшей в основу номинации, вряд ли принципиально различаются случаи типа «то место, где Ольга утопилась» и «то место, где летчик Чухновский летал» или «то место, где топограф Шапошников проводил съемку», что не отрицает интенции номинатора на «возвышение» Чухновского и Шапошникова. В каком-то смысле, если широко понимать формулу «то место, где...», можно говорить о том, что многие рассмотренные отантропонимические топонимы следует отнести одновременно и к классу мемориальных, и к классу посвящений, поскольку сам

---

² Кроме того, в честь В. Ю. Визе экспедицией Г. Седова названы еще мыс и ледник в 1913 г.

факт работы на Новой Земле или в Арктике устанавливает указанные особые характеризующие отношения между персоной и местом ее работы. Этот факт принципиально отличает рассматриваемый номинативный подход от случаев типа наименования штата Луизиана в честь короля или острова Евалив Нансеном в честь жены и дочери. Единственное наименование, данное в честь человека, который, кажется, к моменту номинации не имел прямого отношения к исследовательской работе и освоению Арктики, — *Куйбышева*, мыс (назван в 1931 г. в честь партийного деятеля В. В. Куйбышева). При этом в составе более ранних по происхождению топонимов Новой Земли мы можем встретить имена людей, не имевших никакого отношения к архипелагу или Арктике (например, *Васнецова*, мыс назван в 1902 г. в честь художника В. М. Васнецова). Отмеченные факты говорят о сближении в ряде мотивационных аспектов искусственной топонимической системы Новой Земли с естественной. Кроме того, в большей части случаев номинации отражается реальное пребывание персоны на географическом объекте, что в некотором смысле приводит к включению в топоним «отобъектного» мотивационного элемента, в отличие от ситуации, когда именование осуществляется в честь жены, дочери или видного деятеля партии. В последнем случае, очевидно, в топониме отражаются только «пристрастия субъекта».

В четвертую группу попали несколько топонимов, которые нельзя отнести ни к одной из других групп в силу неопределенности сферы деятельности лица, чье имя легло в основу топонима (*Наталии*, залив назван в 1933 г. в честь Н. Б. Феофаровой). Вероятно, при более подробном рассмотрении биографий персон, в честь которых даны наименования, их можно отнести к какой-либо из трех основных групп.

Меньшая часть рассмотренных топонимов восходит не к антропонимам, а к другим разрядам имен собственных. Так, имена судов, на которых происходило исследование Арктики, названия трасс Северного морского пути и Новой Земли встречаются в составе 10 топонимов. По традиции в честь судов часто назывались гидрообъекты, которые важны именно для судовождения: бухты, проливы, которыми впервые проходили суда, морские ориентиры,

банки, на которые эти суда насакивали, и т. п. К таким топонимам относятся, например: *Шхуны «Ломоносов»*, мыс назван в 1936 г. экспедицией на судне «Политотделец» в честь судна «Ломоносов», работавшего на Новой Земле в 1930-х гг.; *Мурманец*, банка названа в 1936 г. судном «Мурманец», севшим на эту банку; *Мурманец*, пролив назван в 1936 г. в честь судна «Мурманец», прошедшего этим проливом; *Персей*, банка названа в 1927 г. судном «Персей», севшим на эту банку. Примечательно, что в честь судна «Персей», проводшего первую советскую плановую гидрографическую работу, был также назван полуостров, впоследствии переименованный в полуостров *Ефима Хатанзя*. В честь судна «Политотделец» названа бухта, причем авторы [ТМСА] указывают на то, что название бухте было присвоено не в 1936 г. экспедицией, работавшей на этом судне, а в 1941 г. «при картосоставлении». Однако, по данным [Масленников, 1986, 173], такое имя у этой бухты появилось именно в 1936 г. во время экспедиции.

Три топонима образованы от эргонимов, при этом два из них восходят к названиям организаций, имевших непосредственное отношение к работам на Новой Земле (*Географического Института*, ледник назван в 1925 г.; *ЦАГИ*, хребет назван в 1932 г. зимовщиками станции Русская Гавань в честь Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ), спроектировавшего аэросани, которые имелись на станции). Третий объект, в основе названия которого лежит эргоним, — *Ленсовета*, мыс — получил свое имя в 1934 г. (параллельное название — *Рогатый*). Авторы справочника указывают на то, что название *Ленсовета* не прижилось.

Всего 23 топонима из приведенных авторами [ТМСА] не восходят к собственным именам. Практика искусственного именованья объектов в честь предметов специального оборудования (типа *Лотрыба*, остров назван гидрографами в честь гидрографического прибора) не стала широко распространенной в рассмотренной системе. Большая часть топонимов реально отражает свойства объектов, что сближает их с названиями, создаваемыми естественным путем в процессе хозяйственного освоения территории. Такие топонимы могут отражать внешний облик объекта (*Самолет*, гора

названа в 1924 г., очертания напоминают распростертые крылья самолета; *Верблюд*, гора названа в 1930 г., по форме напоминает два горба верблюда); его отношения с другими объектами (*Средний*, ледник, находящийся между ледниками Розе и Рождественского, переименован из ледника *Новопашенного*); значимые для использования объекта свойства (*Железный* (*Железные Ворота*), пролив назван в 1930 г. из-за того, что весной лед в проливе долго не расходится, словно заперт железными воротами). Наименования могли носить и ситуационный характер: *Шуерецкий*, мыс назван в 1930 г. в соответствии с надписью на кресте, установленном шуерецким кормщиком Степаном Горяковым в 1842 г.; *Богатый*, остров назван в 1927 г. согласно надписи на старинном кресте. Абстрактный символ, не связанный со свойствами объекта, отражен в топониме *Серп и Молот* (ледник, названный в 1930-е гг.). Топоним *Большевик* (мыс, названный в 1934 г.) был задуман как компонент семантической микросистемы, поскольку рядом с соответствующим объектом располагались мыс и бухта *Коминтерна* (названия не сохранились).

Интересно отметить, что часть топонимов, не восходящих к собственным именам, возникла в результате переименования объектов. При этом до переименования названия этих объектов восходили к личным именам, отнесенным нами к первой либо третьей группе. Семь таких названий были даны вместо наименований в честь участников географической экспедиции, проходившей в 1936 г. на судне «Полиотделец» (*Чумакова*, мыс был переименован в *Правый*; *Бубнова*, остров — в *Безводный* и т. п.). Относительно этих топонимов авторы сборника сообщают, что в 1938 г. при картоиздании и составлении лоций было введено современное название [ТСМА, 21, 23, 27, 42, 44, 45]. В 1938 г. мыс *Орловского* (назван экспедицией П. К. Пахтусова в 1830-х гг.) был переименован в мыс *Незаметный*. О нем авторы прямо сообщают: «Современное название появилось на картах в 1938 г. Изменение произошло по незнанию. Очевидно, считали, что название мыса произошло от имени начальника ГУ ГУСМП П. В. Орловского» [ТМСА, 73], который был арестован в 1938 г. Есть все основания полагать, что причина изменения

названий, данных экспедицией на «Политотдельце», лежит в той же плоскости, что и в случае с переименованием мыса Орловского. Дело в том, что прошедшие в 1937–1938 гг. процессы по делам о вредительстве в ГУСМП могли затронуть многих из тех, кто участвовал в этой экспедиции³, что, естественно, требовало удаления их имен с карты Родины.

Смена отантропонимического топонима на топоним, имеющий в своей основе апеллатив, во многих случаях, вероятно, вызвана политическими мотивами, но, возможно, отчасти и требованиями удобства пользования топонимической системой, элементы которой отражают свойства объектов. Кроме таких случаев можно отметить переименование бухты *Охальная* в залив *Карпинского* (переименована в 1924 г. в честь президента Академии наук и председателя ученого совета Института по изучению Севера А. П. Карпинского), а также уже указанные переименования полуострова *Персей* в полуостров *Ефима Хатанзея* и пролива *Железный* в пролив *Железные Ворота*.

Таким образом, мы видим, что в целом топонимическая система Новой Земли, складывавшаяся в советское время, имеет ряд характерных признаков искусственной системы. Подавляющее большинство топонимов, рассмотренных в работе, имеет отантропонимическое происхождение. Возможность запечатлеть имя человека на «пустой», свободной от других географических названий карте и отсутствие необходимости отражать в топониме свойства объекта подталкивали номинаторов именно к такому принципу называния географических объектов. При этом характерной особенностью, отличающей подход номинаторов на Новой Земле, можно считать систематическое именование географических объектов только в честь лиц, имеющих непосредственное отношение к изучению Арктики и конкретно Новой Земли. В тех случаях, когда имя давалось в честь неодушевленного объекта (судна, организации), этот принцип сохранялся. Таким образом, практика именовании географических

---

³ Так, вместе с начальником ГУ ГУСМП П. В. Орловским со своей должности был снят его заместитель И. М. Сулов, в честь которого экспедицией на «Политотдельце» был назван мыс.

объектов демонстрирует целеустановку номинаторов на использование предельно конкретной, узкой «донорской» сферы, связанной с их личными предпочтениями и желанием отразить в топонимах свою деятельность. Кроме того, как было отмечено, такая систематичность наречения географических объектов и узость круга исследователей Арктики приводят к тому, что между системами топонимов-посвящений и мемориальных топонимов отсутствует четкая граница.

Именования по абстрактному признаку редки, поскольку даже в том случае, когда топоним был произведен не от собственного имени, в нем отражались конкретные свойства объекта. Такие случаи в рассмотренном материале встречаются нечасто, что сближает искусственную топосистему с естественной.

Возможно, следствием такого подхода является то, что к политической сфере относятся всего пять топонимов из всего рассмотренного массива (*Большевик*, мыс; *Коминтерна*, мыс и бухта; *Куйбышева*, мыс; *Ленсовета*, мыс; *Серп и Молот*, ледник). Все эти топонимы появились в 1930-е гг., при этом, как уже указывалось, часть из них не прижилась. Это, на наш взгляд, не очень характерно для общего подхода к созданию географических названий советского периода (особенно 1930-х гг., когда Новая Земля исследовалась наиболее активно), при котором искусственные топонимические системы становились инструментом пропаганды путем активного включения в нее значимых в политическом аспекте наименований. Этот подход явно реализовался не только в отношении топосистем, например, населенных пунктов, но и при наименовании различных географических объектов на Крайнем Севере (ср., например, названия крупных островов Земли Франца-Иосифа: *Большевик*, *Комсомолец*, *Пионер*). Такое отступление от указанного подхода можно объяснить тем, что Новая Земля изначально осваивалась как закрытая территория — сначала как часть стратегического Северного морского пути, затем как закрытое административно-территориальное образование с ядерным полигоном. Это приводило к тому, что информация о секретных географических объектах архипелага не могла попасть в массовую печать, а значит, пропагандистский

эффект использования такого топонима был бы минимальным. Указания типа «названия не сохранились», «название не прижилось» говорят о том, что топонимы этой категории не прошли проверку узусом, а это, по-видимому, значит, что они выглядели чужеродными элементами даже на фоне искусственной топонимической системы Новой Земли, созданной на иной мотивационной основе.

Голомидова М. В. Искусственная номинация в топонимии : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1987.

Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.

Масленников Б. Г. Морская карта рассказывает. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1986.

Рут М. Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992.

ТМСА — Топонимика морей советской Арктики / сост. С. В. Попов, В. А. Троцкий. Л., 1972.

* * *

Костылев Юрий Сергеевич

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных
языков
Уральский государственный
медицинский университет
620109, Екатеринбург,
ул. Ключевская, 7
E-mail: jurij-kostylev@yandex.ru

Kostylev, Yuri Sergeevich

PhD, Associate Professor
Department of Foreign Languages
Ural State Medical University
7, Klyuchevskaya str.,
620109, Ekaterinburg, Russia
E-mail: jurij-kostylev@yandex.ru

The Soviet-Period Toponymy of Novaya Zemlya as an Artificial System

The paper deals with a number of place names created in the Novaya Zemlya archipelago during the Soviet period by various expeditions and toponymic commissions. Place names of this period have all signs

of an artificial onomastic system. The names are considered in terms of their formal characteristics (derivational structure, capacity to function as parts of toponymic microsystems, etc.) and naming motivation. Most of the relevant place names are formed from personal names of explorers and other proper names related to the development of Novaya Zemlya. The author concludes that a significant part of the elements of the archipelago's toponymic system derived from agent nouns and reflect the history of the exploration and development of the archipelago, the Northeast Passage and, more generally, polar areas.

К е у в о р д с: toponymy, motivation, artificial naming, toponymic system, deantroponymic place names, Northeast Passage.

Д. В. Кузьмин
И. И. Муллонен

Петрозаводск

От формы к содержанию: метафора формы в карельской топонимии*

В статье предложен общий обзор карельских метафорических названий, мотивированных формой объектов, на территории Карелии. Будучи в целом немногочисленными, они лучше других топонимических групп позволяют выявить особенности народного мировидения. Продуктивность метафорических топонимов повышается при продвижении с юга на север Карелии, что, видимо, объясняется особенностями ландшафта, спецификой освоения края, а также особой этнической психологией разных групп карелов, населяющих этот край. В статье рассмотрены наиболее продуктивные мотивы номинации. Показано, что источником образности служит предметный мир, окружающий человека в повседневной жизни; востребованы также соматизмы. На фоне универсальных образов,

---

* Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ № 14-04-00243 «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте».

характерных как для русской, так и для прибалтийско-финской топонимических систем, выявляются и метафоры, имеющие национальную специфику. Показательно, что в ходе усвоения русскими специфических прибалтийско-финских метафорических топонимов они, как правило, не переводятся, а передаются способом прямого усвоения. Приводятся некоторые примеры, показывающие различия в образном видении мира прибалтийско-финским и русским населением края. Показано, что многие устойчивые метафоры образуют ареалы, интерпретация которых выводит на реконструкцию истории карельского этноса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: карельская топонимия, метафорические топонимы, ареал, народная картина мира.

Номинация географических объектов по признаку формы присуща топонимическим системам самых разных языков и в этом смысле является универсальной. За ней стоят определенные визуальные образы, свойственные разным культурным традициям. Она характерна прежде всего для небольших, «обозримых» объектов — островов, малых озер, возвышенностей, сельскохозяйственных угодий и др., форма которых в силу малого размера объекта просматривается, осознается носителями топонимической системы и используется ими в процессе номинации.

В числе топонимических, характеризующих форму объектов, можно выделить, с одной стороны, такие, в которых дается прямая характеристика (*Кривой порог*, *Круглая ламба*), а с другой стороны — топонимические метафорического характера, представляющие образное видение объекта.

В статье предложен общий обзор прибалтийско-финских метафорических названий, мотивированных формой объектов, на территории Карелии. Помимо мотива номинации, авторами предлагается интерпретация ареалов бытования некоторых моделей; внимание уделяется также различиям в образном видении мира прибалтийско-финским и русским населением края.

Образность как одна из устойчивых особенностей топонимии неоднократно отмечалась исследователями топонимических систем разных языков. Нам наиболее близки позиции Уральской

ономастической школы, установившей набор конкретных моделей образной номинации для традиционной севернорусской ономастической (в том числе топонимической) системы и показавшей связь ономастиологических образных моделей с концептами народного мировидения [Рут, 1994; Березович, 2009; 2010]. Уральскими коллегами разработаны принципиальные положения о специфике номинативных традиций в разных языках и национальном своеобразии топонимических метафор [Матвеев, 2006], предложена интерпретация некоторых конкретных метафорических моделей в субстратной топонимии Русского Севера, имеющих аналоги в прибалтийско-финской топонимии Карелии [Кабина, 2011; 2013].

Источником материала для нашего исследования послужила Картотека топонимов Карелии и создающийся на ее основе в ИЯЛИ КарНЦ РАН электронный ресурс — ГИС «Топонимия Карелии», позволяющий, в частности, проводить геокодирование топонимов с привязкой названий к объектам номинации. Это дает возможность увидеть на топографической карте абрисы объектов, их взаимное расположение и тем самым выявить образы, лежащие в основе именованья.

Количество образных топонимов в наших материалах невелико — они составляют около 2 % от всех зафиксированных названий. Однако в силу значительного когнитивного потенциала эта группа топонимов исключительно значима. Она лучше других топонимических групп позволяет выявить особенности восприятия мира древними номинаторами.

Выборка материала из картотеки и ГИС показала, что на карте Карелии метафорические топонимы, отражающие форму объекта, распределены неравномерно¹. Во-первых, они значительно более продуктивны в карельской топонимии, нежели в вепсской; во-вторых, в карельской топонимии их активность падает при продвижении с севера на юг — из собственно карельского языкового ареала на территорию, населенную носителями ливвиковского и людиковского наречий. Видимо, эта ситуация вызвана сразу несколькими

---

¹ Это, вероятно, касается и других групп образных топонимов.

обстоятельствами. Прежде всего, играет свою роль разница в ландшафте: с одной стороны — относительно плоская, без ярко выраженных особенностей рельефа местность территории южной Карелии, с другой — центр и север края с обширными озерами, характеризующимися изрезанной береговой линией, с «вааровым» (изобилующим лесистыми горами) и скалистым ландшафтом. Безусловно, в центре и на севере Карелии сам этот ландшафт провоцировал образную номинацию. Не менее, а даже, очевидно, более существенное значение имела и та разница в освоении и использовании пространства и, следовательно, в его народном видении, которая отличает северную Карелию от южной. Заселение карелами центральной и северной Карелии (собственно карельский ареал) происходило первоначально в рамках промыслового освоения, и промыслы до сих пор играют существенную роль в экономике этого края. Промысловое освоение способствовало сохранению мифологических представлений и связанного с ними образного видения. Южная же Карелия, населенная карелами-ливвиками и карелами-людиками, как и вепский ареал, — это преимущественно аграрный регион, что обуславливает прежде всего прагматический подход к местности как к объекту сельскохозяйственной деятельности. Однако, помимо особенностей географической среды и специфики освоения края, должны, видимо, учитываться и особенности образного восприятия мира у разных народов, этническая психология, о чем писал в свое время А. К. Матвеев [2006, 112]. Надо полагать, что карелам в большей степени, чем, например, вепсам, была присуща яркая образность мировосприятия, воплотившаяся в том числе в богатейшей фольклорной традиции. Показательно в связи с этим, что многочисленные метафорические топонимы зафиксированы на исторической собственно карельской территории — в северо-западном Приладожье [Nissilä, 1975], притом что это был традиционно сельскохозяйственный регион.

Исследуемые материалы содержат некоторое количество бинарных (парных) образных корреляций и многочисленных топонимических систем, однако основную массу составляют одиночные метафоры. Источником образности в случае одиночных метафор

чаще всего служит предметный мир, окружающий человека в повседневной жизни: посуда, одежда, орудия труда.

Из лексем, называющих орудия труда, наиболее востребованной в карельской топонимии оказывается *kirvez* ‘топор’. Названия *Kirvesjärvi*, *Kirvezjärvi* (*järvi* ‘озеро’) и *Kirvezlambi* (*lambi* ‘небольшое лесное озеро’), *Kirvezniemi* (*niemi* ‘мыс’) наиболее частотны в собственно карельском ареале, реже встречаются на остальной карелоязычной территории и лишь спорадически фиксируются в вепском ареале. В пояснениях информантов превалируют два мотива именованя: или озеро по форме напоминает лопасть топора (что в целом подтверждается топографическими картами), или в озере когда-то утопили топор (что вписывается в традиционный фольклорный сюжет, но, видимо, лишь в исключительных случаях имеет реальную подоплеку).

В топонимии сохраняется также память о боевом топоре с широким лезвием, называемом в собственно карельских говорах словом *tappara*, заимствованным в прошлом из русского языка: *Tapparalambi*, *Tapparaguba*, *Tapparaoja*, *Tapparasuo*, *Tapparavuara* (Сегоз., Топорная Гора); *Tapparaoja* (Кемир., Пибозеро); *Tapparasuaret* (Лоух., Пильдозеро). Из других рабочих орудий известны *labie* ‘лопата’: озеро *Labiejärvi* (Тунг., Березовый Наволок), мель *Labiekorgo* (Тунг., Летнее Озеро), болота *Labiešuo* (Ругоз., Минозеро), *Lapiešuo* (Кест., Зашеек); *vasara* ‘молоток’: озеро *Vasaralampi* (Ухт., Кентозеро), залив *Vasaralakši* (Ухт., Колвасозеро), поле *Vasarapelto* (Ухт., Лусалми); *kurikka*, *kurik* ‘колотушка для колки дров’: озера *Kurikanlammit* (Сегоз., Сельги), *Kurikkalambi* (Медв., Совдозеро), болото *Kurikkašuo* (Кемир., Панозеро), мыс *Kurikniemi* (Конд., Лижмозеро.); *viikateh* ‘коса горбуша’: озеро *Viikatehjärvi* (Тунг., Коссозеро); *tervaparčča* ‘кисть для смоления’: мыс *Tervaparčča* (Ухт., Ухта); *jouži* ‘охотничий лук’: озеро *Joužarvi* (Ругоз., Евжезеро); *kovažin* ‘точильный камень’: остров *Kovažinsuari* (Олон., Мегрозеро), река *Kovažinjogi* (Видл., Колатсельга); *huuhmar* ‘ступа’: гора *Huuhmarselgy* (Видл., Заячья Сельга); *piihitet* ‘клещи, щипцы’: залив *Piichtlahti* (Сямоз., Пихтлахта). При этом очертания названных предметов отчетливо просматриваются в формах объектов на топографических картах: например,

залив *Piihtlahti* окружен полукруглыми мысами, напоминающими концы щипцов, озеро *Viikatehjärvi* повторяет очертания косы горбуши с короткой изогнутой ручкой и длинным лезвием и т. д.

Для описания формы объекта нередко выбираются предметы кухонной утвари — столовые приборы и емкости. Так, термин *kattila*, *kattil* ‘кастрюля, котел’ востребован, с одной стороны, в названиях небольших водоемов, круглых по форме и относительно глубоких, а с другой стороны — в названиях речных порогов. Если в первом случае главным является мотив формы, то во втором — образ кипящей в котле воды: падающая с высоты или омывающая луду вода бурлит под порогом или на камнях. Соответствующие примеры: заливы *Kattilaguba* (Свят., Святозеро), *Kattilaine* (Сямоз., Акимова), озеро *Kattilalampi* (Ухт., Ухта); луда *Kattilluodo* (Видл., Корбинаволок). Впрочем, топооснова бытует и в названиях объектов другого рода, где реализованы иные мотивы номинации: поле *Kattiluhuuhtu* (Видл., Нялмозеро), гора *Kattilumägi* (Видл., Колатсельга) и др.

Образ наполненной водой посуды лежит также в основе озерных наименований *Kapustajärvi* и *Kapustalambi* — от карел. *kapusta* ‘деревянный черпак, половник’ (< рус. диал. *копыстка* ‘мешалка, которой размешивают еду для свиньи’ [SSA, 1, 309]), а также *Kauhalambi* — от карел. *kauha*, ливв. *kauhu* ‘ковш для воды’. Судя по абрисам названных озер на топографических картах, они действительно напоминают поварешку или ковш с ручкой. На ручке как на существенном элементе образа заостряют внимание названия залива *Kauhavarrenlakši* (Тунг., Кевятозеро) и возвышенности *Kauhavarzi* (Кемир., Ригорека), в которых топооснова означает буквально «Ручка ковша». Отметим, что в русской Карелии на Заонежском полуострове известно озеро под названием *Ковшозеро* (Шунг., Фоймогуба) — по форме оно действительно напоминает ковш, «ручкой» которого служит узкий длинный залив, что отмечают и информанты: «Енарская речка (приток Ковшозера. — Д. К., И. М.) — она в ручку ковша падает (т. е. в длинный залив озера, напоминающий ручку ковша. — Д. К., И. М.)». В контексте мощного прибалтийско-финского субстрата в топонимии Заонежья, а также

с учетом сложной структуры названия для гидронима *Ковиозеро* вполне реально реконструировать прибалтийско-финский оригинал: исходя из узкой длинной «ручки» — скорее в виде *Kapusta-*, чем *Kauhajärvi*.

Возвышенности с крутыми склонами ассоциируются в карельской топонимической традиции с перевернутой чашей — при этом обычно используется лексема *mal'la*, *mal'lukka* ‘глубокое блюдо, миска, чашка (обычно из дерева)’. Судя по карте бытования, эта модель могла сформироваться в карельском Приладожье — на коренной карельской территории, где фиксируется неоднократно. Оттуда по путям карельской экспансии она продвинулась на северо-запад, отметившись в Поросозерье и Сегозерье названиями горы *Mal'l'avaara* (Петр., Кудомгуба), озер *Mal'l'ajärvi* (Петр., Виччавара; Сегоз., Каличий Остров), а затем в Беломорской Карелии, где она воплотилась в названиях гор *Mal'l'akka* и *Mal'l'avuara*, а также озерной отмели *Mal'l'akorko* (Кест., Кестеньга; Кемир., Маслозеро), поля *Mal'l'ukka* (Тунг., Шуезеро). С карельскими переселенцами модель дошла до Карельского берега Белого моря, где отмечены горы *Бережная Малья* и *Морская Малья* (Сорок., Колежма), гора *Малья ~ Марья* (Канд., Ковда). Карельским наследием являются и названия гористого острова *Мальяки* с вариантами *Мальячки* и *Марьячки* (Велик., Великая Губа), угодья *Мальяха* (Шунг., Кузаранда), горы *Малля* в Прионежье (Суйсарь), а также горы *Мальян* (< *mal'l'aine* ‘небольшая чаша или миска’) на южном берегу Онежского озера в Вытегре.

В ряду «посудных» и связанных с домашней утварью топонимов обнаруживаются также озеро *Riehtilälampi* (Ухт., Костомукша) < *riehtilä* ‘сковорода’; отмель *Kalavakkakorgo* (Тунг., Березовый Наволок) < *kalavakka* ‘корзина для рыбы’; залив *Puzuguba* (Конд., Тавойгора), болото *Puzusuo* (Олон., Самбатукса), гора *Puzusel'g* (Петр., Курганова Сельга) < *puzu* ‘берестяной туюсок, черпалка’; остров *Padasuari* (Видл., Каппа), озеро *Padarvi* (Сямоз., Чуралахта), озеро *Padalambi* (Сямоз., Вешкелица; Свят., Шомба; Свят., Улялега), болото *Padasuo* (Видл., Кинерма), порог *Puankoški* (Ругоз., Чирка-Кемь) < *pada* (gen. *puan*) ‘горшок, чугунок’; озеро *Kulhonlampi* в Северном Приладожье (Кааламо) < *kulho* ‘миска’; болото *Rovehsuo*

(Олон., Гушкала) < *roveh* ‘кузовок из одного куска бересты’; гора *Kaššalimägi* (Петр., Юркостров), скала *Kaššalikallivo* (Видл., Сона), мыс *Keššelinniemi* (Видл., Аги), мыс *Kesselinieni* (Тунг., Шуезеро), камень *Keššelikivi* (Ухт., Костомукша), остров *Keššelišuari* (Ухт., Аккала), место *Keššelimua* (Кест., Соколозеро), покос *Kivikeššelinurmi* (буквально «Покос каменного кошеля»; Медв., Чумойгора) < *kaššali, keššeli* ‘кошель из бересты’.

Из столовых приборов востребован прежде всего нож: в топонимии карел. *veičči* ‘нож’ и *puukko* ‘финский нож’ характеризуют узкие и длинные объекты: остров *Veiččišuari* (Канд., Нильмозеро), залив *Veiččilakši* (Лоух., Булдыри; Тунг., Кевязозеро), озеро *Veiččilambi* (Петр., Ватчела), залив *Veiččilahti* (Петр., Мярандукса), покос *Veiččiorgo* (Олон., Утозеро); покос *Puukkonurmi* (Ухт., Поньгагуба), порог *Puukkokoški* (Ухт., Ченозеро). К этому ряду примыкает название болота *Luzikkusuo* (Видл., Рогокоски), восходящее к карел. *luzikku* ‘ложка’.

«Кухонный» предметный мир продолжают некоторые виды выпечки с характерной формой: возвышенность *Kalakukkovuara* (Кемир., Рудометово) < *kalakukko* ‘рыбник’; остров *Kansikassaari* в Северном Приладожье и четырехугольное по форме озерко *Kannikazlambi* (Сямоз., Корза) < *kannikaz* ‘горбушка хлеба’; озера *Kakkarlambi* (Петр., Ватчела) и *Kakkaralampi* (Ухт., Костомукша), залив *Kakkaravengi* (Ухт., Юшкозеро) < *kakkaru* ‘тонкий овсяный блин’ (ср., однако, *kakkara, kakkaraini* ‘кувшинка’); остров *Kringel’suor* (Конд., Лижмозеро) < *kringel’* ‘баранка’; покос *Virmukanniityt* (Олон., Утозеро) < *virmukku* ‘крендель, баранка’; озеро *Pyöräkkölambi* (Петр., Вохтозеро), поле *Pyöräkköpellot* (Сямоз., Плянка), поле *Pyöräkkö ~ Pyöräkönpellot*, болото *Pyöräkönsuo* (Сямоз., Нижняя Салма) < *pyöräkkö* ‘круглый пирог с начинкой’; покос *Kokoihalme* (Петр., Ватчела), гора *Kokoinmägi* (Олон., Лумбозеро), покос *Kokoinpergo* (Видл., Гавриловка) < *kokoi* ‘овсяный хлебец продолговатой формы’; луда *Kurnikkuluodo* (Петр., Вохтозеро) < *kurnikku* ‘рыбный пирог’; остров *Kalačunsaari* (Видл., Аги) < *kalačču* ‘калач’; возможно, луда *Kalkačču* (Видл., Юргелица) < *kalkačču* ‘черствый засохший хлеб’.

Метафора формы скрывается также в названиях болот *Käzipaikkusuo* (Свят., Пряжа) и *Käzipaikansuo* (Петр., Кончезеро) < *käzipaikku* ‘полотенце’. В этом контексте и при отсутствии соответствующего русского ряда название озера *Полотенце* в русском Заонежье (Шунг., Чужмукса) следует, видимо, считать переводным.

Выразителен образ кантеле (карел. *kandeleh*, фин. *kannel*), отраженный в названиях ряда небольших по размеру и действительно имеющих форму этого национального музыкального инструмента объектов (см. рис. 1, 2). Тополексемы *kantele* и *kannel* хорошо известны в юго-восточной Финляндии, в том числе на Карельском перешейке — исторической карельской

Рис. 1. Очертания оз. *Kantelesaari*

Рис. 2. Очертания оз. *Kandlehlambi*

территории, где неоднократно отмечены озера *Kanneljärvi*, *Kannellampi*, мысы *Kannelniemi* и, соответственно, озера *Kantelejärvi*, острова *Kantelesaari*, мысы *Kanteleniemi*, заливы *Kantelelahti*. В Карелии выявлено несколько топонимов этого типа, разбросанных по обширной территории карельского расселения: ручей *Kandeleoja* (Ухт., Юшкозеро), мыс *Kandelehniemi* (Ребол., Колвасозеро), залив *Kandelehlakši* (Ребол., Ребола), озеро *Kandelehlambi* (Петр., Юркостров), гора *Kandelehselgy*, болото *Kandelehsuo* (Олон., Улваны), мыс *Kandelniemi* (Сямоз., Савиново), озеро *Кандольское* при устье реки Свири. Знаменательно, что ареал модели продолжается на восток и отражает, очевидно, карельское продвижение на территорию нынешней Архангельской области. В материалах Картотеки топонимической экспедиции Уральского университета представлено по крайней мере два наименования: озеро *Канделье* — в связке

с озером *Кривое* в Онежском районе [см.: Кабинина, 2013, 69] и озеро *Кандело* в Пинежском районе.

Стереотипным источником для возникновения топонимических метафор являются части тела животных и человека, что продолжает линию, характерную для географической терминологии: озеро *Suijärvi* — буквально «Ротозеро» (Олон., Саримяги); порог *Hevonperze* — «Зад лошади» (Ругоз., Лувозеро); озеро *Syväperze* — «Глубокий зад» (Свят., Лисья Сельга); заливы *Lehmänperže* «Коровий зад» и *Kondienperže* «Медвежий зад», из которых первый по расположению самый близкий к деревне, а второй — наиболее удаленный (Кемир., Воленварака); покос *Hiirenkorva* — «Ухо мыши» (Ухт., Ювалакша); поворот на реке *Kurenpolvi* — «Колено журавля» (Кемир., Uzmana); мысы *Jäniskorvat* — «Уши зайца» (Тунг., Лехта); мыс *Levieperze* — «Широкий зад» (Тунг., Березовый Наволок); покос *Revonkoipi* — «Лапа лисы» (Ухт., Контоки); место *Sorkančuppu* (Сямоз., Спиридоннаволок) < *sorkku* ‘нога животного’; порог *Hammaskoski* (Видл., Большие Горы), луда *Hammašluvnot* (Кем., Кемь) < *hammas* ‘зуб’; озеро *Virčlambi* (Петр., Нелгамозеро) < *virču* ‘клык’; озеро *Čikkeri* (Свят., Кескозеро), остров *Čikkeli* (Петр., Вохтозеро) < *čikkeri, čikkeli* ‘криво растущий зуб’; окруженные высокими берегами залив *Pidžinlahti* (Видл., Большие Горы) и порог *Pičinkuuru* (Олон., Утозеро) < *pidži, pičinkuuru* ‘женский половой орган’; мыс *Brillinniemi* (Олон., Коткозеро), болото *Munasuo* (Олон., Корвала), ручей *Tyräoja* (Видл., Мандера) < *brilli, muna, tyrä* ‘мужской половой орган’; мыс *Kerežniemi* (Видл., Колатсельга) < *kereži* ‘живот’; берег *Keronliete* (Сямоз., Инжунаволок) < *kero(i)* ‘горло, глотка’; мыс *Bukkari* (Олон., Куйтежа) < *bukkari* ‘плавательный пузырь у рыб’; озеро *Bul’unlambi* (Видл., Кукойвара), мыс *Bul’unniemi* (Сямоз., Савиново) < *bul’u* ‘глазное яблоко; зенки’; скала *Kielikallivo* (Видл., Колатсельга) < *kieli* ‘язык’; озера *Piälambi, Piäjärvi* (Свят., Кескозеро) < *piä* ‘голова’.

К этой же группе может принадлежать ряд гидронимов с основой *Hanga-/Hankas-/Hangas-/Hangaz-*, в которой реализовалась образная семантика прибалтийско-финского (в том числе карельского) слова *hanka, hanga, hangas* ‘развилка между большим и указательным

пальцами'. Впрочем, актуальными для топонимии могут быть и наименования целого ряда предметов раздвоенной формы, возникшие на основе примарной соматической семантики, — например уключины лодки (*hanka* ~ *hanga*, *hangas*), вилы (*hanko* ~ *hanho*) или даже особый вид охотничьей ловушки (*hangas*). Основа продуктивна прежде всего в собственно карельском языковом ареале — на севере и в центральных районах Карелии, причем преимущественно в виде *Hangas-/Hangaz-*; на юге обнаружены только единичные случаи: озера *Hankajärvi*, *Hanka(i)sjärvi*, *Hangaslambi*, *Hankašlakši*, мыс *Hangašniemi*, ручей *Hangazoja*, гора *Hangazselgy*, озера *Гангасламба*, *Гангозеро* и т. д. Видимо, к этому же ряду относятся топонимы с атрибутивным элементом *Hangamus-* (озеро *Hangamuslambi*) и *Hango-* (озеро *Hangolambi*).

В свое время на топонимы Финляндии с основой *Hanka-/Hangas-* обратил внимание известный финляндский этнограф К. Вилкуна, связавший их с промысловым термином *hangas*, которым обозначался особый вид охотничьих ловушек на оленей и лосей. Такие ловушки часто устраивались на берегу водоема в виде заграждения, заканчивавшегося ловчей ямой. Кроме того, термином *hangas* называли специальные сетки для ловли птиц, которые натягивались через длинный залив или пролив по маршруту перелета птиц. Они, по мнению исследователя, тоже могли послужить основой ряда номинаций [Vilkuna, 1972, 231–255]. Эта «охотничья» интерпретация топонимов с основой *Hanga(s)-* повторяется и в недавно вышедшем словаре топонимов Финляндии [SP, 69]. Очевидно, актуальна она и для карельской топонимии, особенно с учетом того, что основной массив названий с этой основой сосредоточен в северной части Карелии, где охота на оленей входила в круг традиционных видов деятельности населения.

Тем не менее «охотничья» версия не отменяет полностью другого объяснения, связанного с раздвоенной формой названных объектов — небольших озер, озерных заливов, мысов. Стоит заметить, например, что ловчие ямы нередко устраивались как раз на мысах, образуемых двумя развилинами озера, — этому благоприятствовал сам ландшафт местности. В результате могло происходить

переосмысление: от первоначальной «кривой» семантики к «охотничьей».

При интерпретации названий «кривых» озер обращение к топографическим картам наглядно показывает изменения озерного ландшафта, которые произошли с момента появления топонима. Нередко название вступает в противоречие с тем, как выглядит озеро на карте, — но не потому, что топоним «врет», а потому, что изменилась сама география местности: небольшие озера со временем заболачиваются, бывшие озерные заливы зарастают. Топоним в этой ситуации сохраняет память о том, как выглядело озеро в момент появления названия. Например, соседние озера *Гангозеро* и *Малое озеро* (Конд.) на северо-западном побережье Онежского озера еще в относительно недавнем прошлом явно составляли единое целое. Сейчас между ними находится осушенная низина, пересеченная рукотворной канавой, вдоль которой располагаются основные сельхозугодья поселения Гангозеро (см. рис. 3). Историческое Гангозеро включало в себя, таким образом, оба нынешних озера и имело форму развилины, что и подтверждается его названием.

Очевидно, подобная гидрографическая история стоит также за названием озера *Hangamuslambi* (Видл., Пертозеро), которое на западе через короткий болотистый ручей соединяется с соседним озером *Rajavanlambi* (возможно, от *rajavu* ‘разделяющий, делящий’), а на юге продолжается длинным болотистым хвостом (см. рис. 4). В ряду наименований, отражающих кривую форму озера, подтвержденную картографически, — озеро *Hangdärv*, на топографической карте *Хангасдярви* (Олон., Нюхово). Озеро *Hangolambi*

Рис. 3. Очертания оз. Гангозеро и оз. Малое

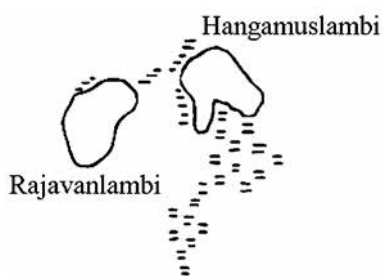

Рис. 4. Очертания оз. *Rajavanlambi* и оз. *Hangamuslambi*

(Свят., Кескозеро) имеет, по утверждению информанта, форму вил — очевидно, осмысление названия в связи с карел. *hango* ‘вилы’ повлияло в данном случае и на огласовку конечного гласного топоосновы. В восточной части Беломорской Карелии укажем озеро *Hangaisjärvi*, на картах Бол. Хангозеро (Тунг., Афонино), на юго-западном побережье которого располагается обширное непроходимое болото с рядом озер, что тоже может быть подтверждением исторически «кривой» формы озера. Привлечение картографического материала в подобных ситуациях — потенциальный ресурс для исторической географии, ибо он сохраняет память о ландшафте многовековой давности, причем не только природном, но и культурном. В частности, наши материалы указывают на то, что рассматриваемая модель не была присуща веппской гидронимии, т. е. появление ее в Обонежье может быть связано с карельским освоением. Иначе говоря, изначально единое кондопожское Гангозеро, разделившееся затем на два озера, было названо карелами, т. е. название задает определенные хронологические ориентиры для картины местных миграционных процессов, поскольку оно должно было появиться еще до разделения озера на два объекта. В принципе, данные естественных наук о скорости зарастания озерных заливов (при благоприятных условиях приблизительно 5–7 см в год²), а значит, и о прежних береговых очертаниях — это та объективная исходная база, которая в силу отсутствия опыта и соответствующей методики анализа пока лишь в очень малой степени привлекается ономастикой, хотя в такого рода междисциплинарных исследованиях заложен большой потенциал.

Список интересующих нас топонимических метафор, таким образом, довольно обширен, причем в нем нередки уникальные,

² Устная консультация исследователей Института биологии КарНЦ РАН.

оказиональные образования, не формирующие отчетливого ареала, но, безусловно, информативные в плане отражения народной картины мира.

Со своей стороны, многократно воспроизводимые, устойчивые метафоры (такие, как *kandeleh* или *mal'l'a*) дают возможность для проведения ареального анализа, который выводит на реконструкцию истории карельского этноса. Среди таких ценных в историко-культурном смысле образных именовании — карельские и восточнофинские озерные гидронимы типа *Kuadielambi* / *Kuatielampi* / *Kaatiolampi*, называющие небольшие озера раздвоенной формы. В них актуализирована карельская и восточнофинская лексема *kuadiet* / *kuatiet* / *kaatio(t)* ‘подштанники, кальсоны’, которая, в свою очередь, является в прибалтийско-финских языках славянским заимствованием, ср. праслав. *gatja, рус. диал. *gamu* ‘штаны’ [SSA, 1, 268].

Модель имеет явный карельский ареал (см. рис. 5), который наиболее насыщен в Приладожье, на родовой территории карельского этноса. На относительную древность модели здесь указывает то, что она фиксируется в названиях довольно крупных водоемов, которые сохранили свои названия и после исхода основной массы карелов с родовой территории в XVII в. и прихода туда восточнофинского населения. Как известно, при смене населения обычно уходят из употребления названия небольших географических объектов, тогда как более крупные, как правило, сохраняются. При том, что само слово *kaatio(t)* в значении ‘подштанники’ известно на территории современных восточнофинских диалектов как древнее карельское наследие, в роли топоосновы на восточнофинских территориях оно представлено неравномерно. Картографирование показывает, что ареал этой топоосновы привязан к границе, обозначенной Ореховецким мирным договором 1323 г., по которому западная часть древнекарельской территории отошла к Швеции. Это привело к постепенному обособлению новых «шведских поданных» от «новгородских» приладожских карелов и формированию саволаксов — одной из народностей финского этноса. На шведской стороне топонимы с основой *Kaatio-* представлены крайне слабо, в то время как на новгородской — в современной финляндской

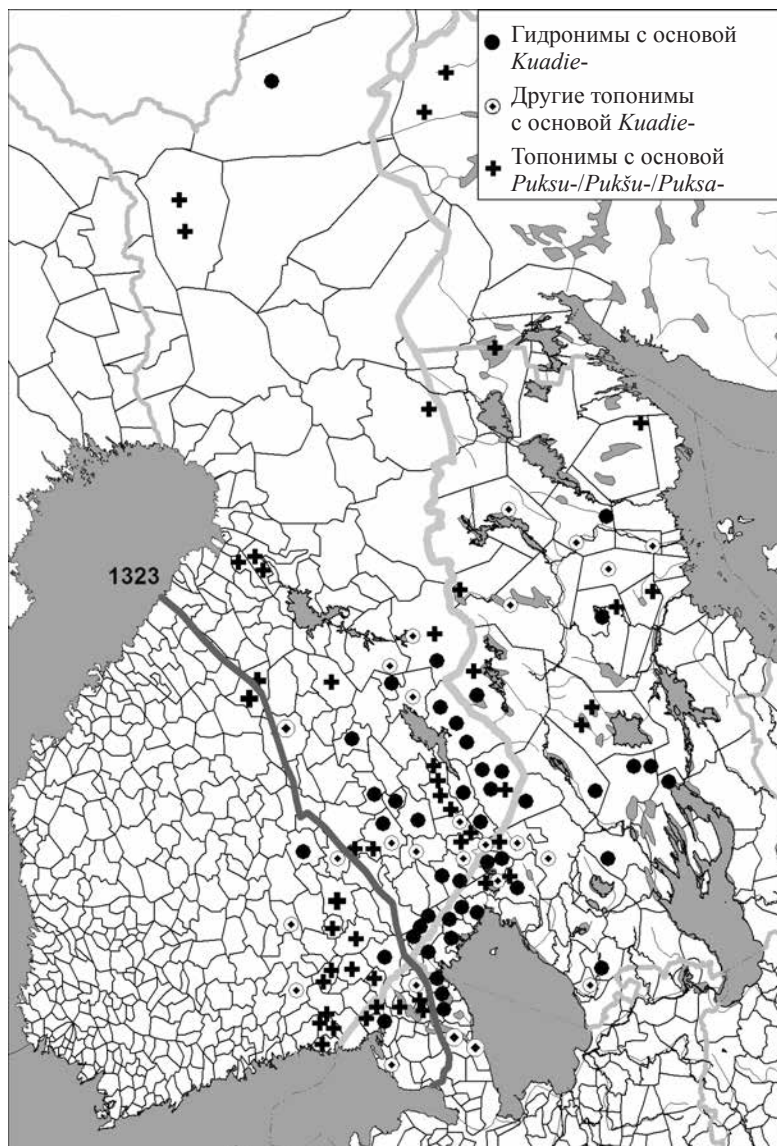

Рис. 5. Ареальная дистрибуция топонимов с основами *Kuadie-* и *Pukšu-/Pukša-*

Северной Карелии и в Кайнуу, которые были заселены карелами в конце Средних веков — начале Нового времени, — они довольно активны. Такая ареальная картина позволяет говорить о том, что модель появилась на родовой территории карельского этноса в позднем Средневековье и была, видимо, востребована при наименовании новых объектов еще в начале Нового времени. Единичные воплощения модели на территории бывших карельских погостов в Суур-Саво, а также в западных частях Карельского перешейка относятся, вероятно, к XIV в., когда связи населения переданных Швеции карельских погостов с коренной территорией карелов в Приладожье еще не были полностью утрачены.

Очевидно, с периодом позднего Средневековья — началом Нового времени можно связывать и появление модели в центральных частях современной Карелии. К середине XVII в., когда произошел массовый исход карелов из Карельского уезда в Россию, модель, видимо, уже теряла свою продуктивность у карелов Приладожья. Вследствие этого ее ареал в российской Карелии сильно разрежен. Показательно, что модель малопродуктивна у тверских и новгородских карелов, переселившихся из Приладожья также в XVII в. В последнем случае, однако, должны быть приняты во внимание дополнительные обстоятельства: малочисленность озер на тверских и новгородских землях, неполнота собранного материала.

Не исключено, что история модели на востоке начинается раньше XVII в. и связана со средневековым промысловым освоением Беломорской Карелии. Возможно, рано она появилась и в западной части архангельского Поморья, где отмечено озеро *Кадозеро* (Арх., Онеж.), отличающееся раздвоенной формой [Кабинина, 2013, 78]. На Русском Севере Топонимической экспедицией Уральского университета зафиксированы также озера *Квадзеро* (Арх., Пин.) и *Квадинское Озеро* (Арх., Шенк.), в которых, видимо, карельский дифтонг *-ua-* (*kuadie*) отразился в виде русского *-ва-*. В этот же ряд топонимов заманчиво поместить и несколько названий с топоосновой *Кад-/Кам-* в Восточном Обонежье, хотя не все из них в равной степени убедительно могут быть интерпретированы как «порточные», поскольку сейчас это не подтверждается формой реалий:

озеро *Катозеро* (Шал., Каршево), залив *Кадьгуба / Катьгуба* (Шал., Авдеево), болота *Кадьмох / Катьмох* (Шал., Шала), *Кадимох* (Пуд., Пильмасозеро), *Кадьское* (Пуд., Корбозеро).

В топонимии северной Карелии известна также синонимичная образная основа *Pukšu-/Pukša-*, в которой закрепилось заимствование из шведского языка [SSA, 2, 420], бытующее в финских и карельских говорах в виде фин. *puksu(t)* и карел. *pukšu(t)* ‘подштанники, кальсоны’, *buksat* ‘штаны рыбаков, пропитанные олифой’. Как и в случае с *kaatio, kuadie*, эта основа использовалась прежде всего в наименованиях незначительных по размеру озер, и ее основной ареал располагается в восточных районах Финляндии (см. рис. 5). В Карелии же зафиксировано лишь несколько названий с этой основой: болото *Pukšušuo* (Ухт., Аконлакша), озеро *Pukšulambi* (Лоух., Воронская; Тунг., Ноттаварака; Ребол., Ровкулы; Сегоз., Юккогуба), порог *Pukšunkoški* (Кест., Тумча); возможно, в этот ряд входят также озера *Pukšujärvi ~ Pukšaijärvi* (Тунг., Машозеро), *Pukšaijärvi* (Ухт., Юшкозеро) и *Pukšalambi* (Ребол., Концеостров). Взаимоотношения этой основы с основой *Kuadie-* не вполне ясны, однако ее ареал, привязанный к исторической карело-саволакской границе, наводит на мысль о том, что его западный предел мог сформироваться в результате перевода (калькирования) исходных карельских топонимов с основой *Kuatie-* в ходе финнизации бывших карельских территорий восточной Финляндии. В дальнейшем, вместе с оттоком населения с этих территорий на восток, засвидетельствованным документально, эта модель появляется и в топонимии современной Карелии.

Один из аспектов, актуальных в контексте анализа метафорической топонимии, связан с дистрибуцией универсальных и имеющих национальную специфику образов. Этот аспект, в свою очередь, имеет выход на проблемы адаптации прибалтийско-финской образной топонимии русской топонимической системой Карелии. Исходя из того что в конечном счете образные названия порождены конкретным историческим опытом народа [Матвеев, 2006, 113], а опыт этот в нашем регионе в значительной степени един, естественно, что в топонимии прибалтийско-финского и русского происхождения наблюдается немало тождественных образов.

Так, обеими топонимическими системами востребованы такие элементы окружающего предметного мира, как топор, лопата, котел, сковорода, портки и др. В то же время, например, для карел. *kurikka* 'колотушка для рубки дров', *vazara* 'молоток' или *mal'l'a*, *mal'l'akko* 'чаша, миска' соответствующих русских топооснов в активном употреблении не обнаруживается. Не случайно, видимо, топонимы с этими карельскими основами интегрировались в русскую топонимию Заонежья, где на протяжении столетий тесно взаимодействовали прибалтийско-финская и русская этнокультурные традиции, не путем перевода, а путем прямого усвоения: залив *Куреки* (Велик., Мижостров), залив *Вазарукса* (Конд., Тулгуба), гора *Мальяки* (Велик., Сибово). В некоторых случаях внутренняя общность прибалтийско-финских и русских названий, не выраженная прямо, все же проясняется в процессе анализа материала. Так, в селе Нюхча (Сорок.) на поле *Варзанга* (ср. карел. *varza* 'жеребенок') стоит большой камень *Конишек* — возможность калькирования в этом случае не исключена, но «конь-камни» были, вероятно, известны обеим этнокультурным традициям.

В топонимии Заонежского полуострова есть уникальный пример того, как одна и та же идея формы объекта интерпретировалась карельской и русской топонимическими системами по-разному. Небольшой залив Уницкой губы Онежского озера носит название *Гангасгуба* (*Hanga-* ~ *Hangas-* 'развилка' — см. выше). При этом раздвоенность формы залив не отличается, однако в непосредственной близости от него расположено относительно крупное вилообразное озеро *Порточное*. Это дает основания реконструировать для озера дорусское название с топоосновой *Hangas-* (*Hangasjärvi), которая сохранилась в наименовании смежного залива, но была утрачена лимнонимом в ходе закрепления русской топонимии в Заонежье. Пришедший на смену русский топоним для номинации объекта раздвоенной формы использовал русскую образную модель (от *порты*, *портки*).

При всем этом, разумеется, приходится учитывать и то, что в ареале активного контактирования тождество ряда метафор может являться мнимым. Русское население Обонежья и Беломорья

формировалось в значительной мере под влиянием языка и самосознания местного прибалтийско-финского населения, поэтому высока вероятность перевода оригинальных прибалтийско-финских метафорических названий даже в тех случаях, когда в русской образной топонимической системе не оказывалось наготове традиционного эквивалента. Образная номинация не столь последовательно модельна, как прямая номинация. В ней нередки уникальные образования, что, в принципе, предполагает и возможность окказиональных переводов.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М., 2009.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. М., 2010.

Кабинина Н. В. Метафорические названия в топонимии Архангельского Поморья // Вестн. Перм. ун-та. 2011. № 3 (15). С. 17–24.

Кабинина Н. В. Народная топонимическая геометрия (на материале названий озер Архангельской области) // Вопр. ономастики. 2013. № 2 (15). С. 60–90.

Матвеев А. К. Образное народное видение и проблемы этимологической интерпретации топонимов // Матвеев А. К. Ономатология. М., 2006. С. 112–132.

Рут М. Э. Образная ономастика в русском языке: ономастологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1994.

Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.

SP — Suomalainen paikannimikirja / päätoim. S. Paikkala. Jyväskylä, 2007. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja; 146).

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / toim. E. Itkonen & U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000.

Vilkuna K. Hangas: vanhan pyyntikulttuurin jälkiä paikannimistössä // Nimikirja. 1972. S. 231–255.

* * *

Кузьмин Денис Викторович

кандидат филологических наук, PhD,
старший научный сотрудник
сектора языкознания
Институт языка, литературы
и истории КарНЦ РАН
185910, Петрозаводск,
ул. Пушкинская, д. 11
E-mail: kuzmiccu@hotmail.com

Kuzmin, Denis Viktorovich

PhD, Senior Research Fellow,
Department of Linguistics
Institute of Linguistics, History
and Literature of the Karelian
Research Centre of the Russian
Academy of Sciences
11, Pushkinskaya str.,
185910, Petrozavodsk, Russia
E-mail: kuzmiccu@hotmail.com

Муллонен Ирма Ивановна

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
сектора языкознания
Институт языка, литературы
и истории КарНЦ РАН
185910, Петрозаводск,
ул. Пушкинская, д. 11
E-mail: mullonen@krc.karelia.ru

Mullonen, Irma Ivanovna

DrHab, Chief Research Fellow,
Department of Linguistics
Institute of Linguistics, History
and Literature of the Karelian
Research Centre of the Russian
Academy of Sciences
11, Pushkinskaya str.,
185910, Petrozavodsk, Russia
E-mail: mullonen@krc.karelia.ru

From Shape to Content: Shape Metaphor in Karelian Toponymy

The paper gives an overview of Karelian metaphoric place names motivated by shape in the territory of Karelia. Although rather few in number (only around 2 % of all documented Karelian place names), they seem to work better than any other toponymic group in highlighting the features of the vernacular worldview. The productivity of metaphoric patterns of place-naming increases from the south to the north of Karelia, apparently due to the variations in landscape characteristics and development patterns, as well as due to specific psychological features of different ethnic groups of Karelians living in the area. The authors consider the most productive naming motives to show that the people drew imagery from the material world which surrounded them in their daily lives; another productive group is constituted by the names of body parts. Contrasting these data with the universal images present in both

Russian and Finnic toponymic systems, the authors manage to reveal some ethno-specific metaphors. It is to be noted that, when being assimilated into the Russian language, the specific Finnic metaphoric place names are usually taken over directly without translation (mount *Mallya*, lake *Kandelo*). Some examples are provided to demonstrate differences between the metaphoric worldviews of Finnic and Russian inhabitants of the region. Many persistent metaphors constitute specific toponymic areas, their interpretation can further lead to a better reconstruction of the history of the Karelians.

К е у w o r d s: Karelian toponymy, metaphoric place names, toponymic area, vernacular worldview.

А. А. Макарова

Екатеринбург

Основы со значением ‘талый’ в топонимии Русского Севера*

В статье проводится фонетический и лингвогеографический анализ основ со значением ‘талый’ в топонимии Русского Севера и сопредельных районов Костромской области. Материалом исследования являются топонимы как русского, так и субстратного происхождения, зафиксированные в картотеке Топонимической экспедиции Уральского университета (УрФУ); в качестве сопоставительного материала привлекаются данные вепсской, карельской и финской топонимии. В ходе анализа представленных на Русском Севере субстратных топооснов со значением ‘талый’, имеющих прибалтийско-финское и саамское происхождение, предложена интерпретация их фонетического варьирования и ареальной дистрибуции, уточнена этимологическая трактовка топонимов с основами *Сонд-* и *Шунд-*. Изучение репрезентантов

---

* Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

русского словообразовательного гнезда «талый» показало, что данная основа не характерна для собственно русской топонимии и используется главным образом в виде ландшафтных терминов *талец*, *талик* и *талища*. Сравнительно немногочисленные названия, в которых представлено прилагательное *талый*, судя по их географии и аналогичным субстратным формам, являются в большинстве случаев переработкой омонимичных субстратных названий и — в некоторых случаях — кальками.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, прибалтийско-финские языки, саамские языки, топонимия, субстрат, языковые контакты, ареальная лингвистика, этимология, Русский Север.

В данной статье предлагается интерпретация фонетического варьирования и географической дистрибуции топонимических основ со значением ‘талый’ в топонимии Русского Севера (далее РС) и сопредельных районов Костромской области. Материалом исследования являются топонимы как русского, так и субстратного происхождения, зафиксированные в картотеке Топонимической экспедиции Уральского университета (УрФУ); в качестве сопоставительного материала привлекаются данные вепсской и карельской топонимии из ГИС «Топонимия Карелии» (ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск), а также данные современной финской топонимии с ресурса retkkikartta.fi.

Анализ основ со значением ‘талый’ в топонимии Русского Севера представляется перспективным по нескольким причинам. Во-первых, репрезентанты этих основ различны в прибалтийско-финских и саамских языках, что позволяет дифференцировать топонимические факты с точки зрения происхождения. Во-вторых, в русской топонимии значение ‘талый’ выражается преимущественно с помощью терминов *талец*, *талик* и *талища*, тогда как само прилагательное *талый* в топонимическом употреблении непопулярно и имеет узкую географию (топонимы тяготеют к северо-западной части РС). Представляется, что эти номинативные предпочтения сформировались исторически и могут быть обусловлены процессами былого межэтнического взаимодействия.

В субстратных топонимах прибалтийско-финского происхождения, которые рассматривались в предшествующих работах [см., например: Матвеев, 2004, 69], типичным репрезентантом семантики 'талый' является основа *Сул-*, соотносимая с фин., ижор., карел., люд., вепс., вод., эст., лив. *sula* 'талый' [SSA, 3, 210–211]. На Русском Севере эта основа представлена в следующих названиях:

Арх.: р. *Сула*, оз. *Сульозеро* (Леш.); р. *Суланда / Сулонда*, пок. *Сулой*, руч. *Сулуй* (Шенк.); лес *Суланда*, пок., р. *Сулонда*, руч. *Сулуй* (Уст.); р. *Сулица*, оз. *Сул(к)озеро*, оз. *Сулосозеро / Суласозеро*, руч. *Сулос(ручей)* (Он.); р. *Сулонда* (Вел.); д., р. *Сульца* (Пин.);

Влг.: пок. *Сулайма*, бол. *Сулан(болото)*, пок., р. *Суланда*, бол. *Суланболото*, б. д., оз. *Суландозеро*, пок., руч. *Суларучей*, бол., руч. *Суласарь / Сулосарека / Сулосарь*, поле *Сулосари* (Выт.); бол. *Сулимское / Сулинское / Суломское* (Кад.); р. *Суланга* (Тарн.); р. *Сулонга* (Нюкс.); р. *Сулонга* (Сок.).

Приведенный ряд позволяет сделать некоторые предварительные замечания, касающиеся употребления рассматриваемой основы в топонимии РС. Во-первых, эта основа наиболее часто встречается в речных гидронимах, реже — в названиях озер (другие топонимы с данной основой обычно являются метонимическими). Во-вторых, в речной гидронимии преобладают названия на *-нда*, *-нга* (*Суланда / Сулонда*, *Суланга / Сулонга*), названия с прозрачными прибалтийско-финскими детерминантами *-сарь* (*Суласарь / Сулосарь*), *-ой/-уй* (*Сулой*, *Сулуй*), топонимы с чистой основой (*Сула*) или с оформляющими ее русскими суффиксами (*Сулица*, *Сульца*), а также полукальки типа *Суларучей*, *Сулосарека*. В-третьих, названия озер и болот представлены в основном полукальками типа *Суландозеро*, *Суласозеро*, *Сулозеро*, *Суланболото*, причем среди них преобладают названия, содержащие формант исходного топонима: *-нда* или *-Ус*.

За пределами Русского Севера топонимы с рассматриваемой основой зафиксированы в Выборгском районе Ленинградской области (фин. *Sulalampi*, оз.), в Медвежьегорском районе Карелии (карел. *Sulalambi*, оз. — картогр. *Талая Ламби*) [ГИС ТК] и в бассейне р. Оять (вепс. *Sulaoja*, р.) [СГБС].

Известно, что общеприбалтийско-финскому *s* может соответствовать карельский *š*. Действительно, в «Словаре собственно-карельских говоров Карелии» засвидетельствовано *šula* 'талый, незамерзший; теплый' [ССКГК, 274]. Отражение этой лексемы можно предполагать в следующих севернорусских названиях:

Арх.: бол., оз. *Шулевское* / *Шулейское* / *Шулесское* (Холм.); д., р. *Шулега* (неоф., оф. *Шудино*) (Лен.); б. д., р. *Шуломень* / р. *Шуломья* / *Шуломянка*; руч. *Шулот(ручей)* / *Шулудручей*, пок. *Шулотьмина* / ур. *Шулудмины* / *Шулутмина*, д., р. *Шултус*, поле *Шулумчи* (Нянд.); оз. *Шултус* (Карг.); пок. *Шулупатка* (Пин.); пок. *Шуля* (Шенк.);

Влг.: оз. *Шулозеро*, р. *Шулма* (Бел.); р. *Шулма* / *Шуломка* (Кад.); д., р. *Шулма*, пок. *Шуломские* (Череп.).

В этом ряду наибольшие сомнения вызывает название *Шултус* (Арх.: Карг., Нянд.), которое может быть связано с другой основой — ср., например, карел. *šoutua* 'грести' [ССКГК, 270]. Наиболее надежными в приведенном списке представляются факты типа *Шулозеро* в Белозерье и *Шуломень*, *Шулупатка* на Пинеге. Финаль *-ма* в названии р. *Шулма* может являться речным формантом.

На рис. 1 отражена географическая дистрибуция топонимов с основами *Сул-* и *Шул-* с указанием зон, где ареалы этих топооснов пересекаются.

Еще одной основой со значением 'талый', представленной в субстратной топонимии РС и обсуждавшейся в предшествующих работах, является основа *Сунд-*, восходящая к саамским источникам: саам. кильд. *sund*, йок. *sunde*, колт. *sudd*, саам.-норв. *sudde* 'талый' [Матвеев, 2006, 109].

На исследуемой территории эта основа отражена в следующих названиях:

Арх.: оз. *Сундозеро* (Плес.); р. *Сундула* (Прим.); возв. *Сундревское* (Уст.);

Влг.: р. *Сунда*, р. *Сундоба* / *Сундола* / *Сундома* (Бабуш.);

Костр.: р., д. *Сундоба* / *Сундома* (Чухл.).

В представленный ряд входят преимущественно названия рек с формантами *-ба*, *-ла* и *-ма* (*Сундоба*, *Сундола*, *Сундома*), нередко

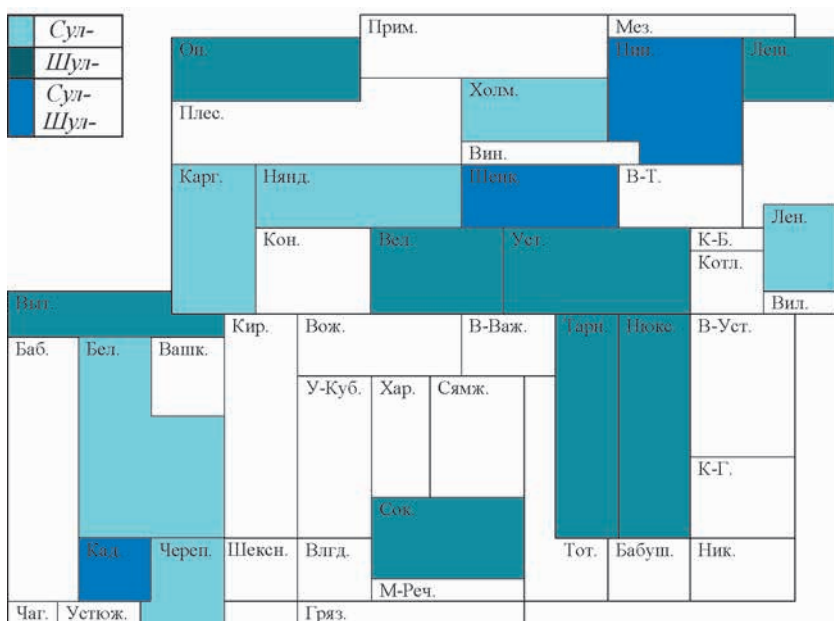

Рис. 1. Ареальная дистрибуция топонимов с основами на Сул-, Шул-

выступающие как вариантные формы; есть один речной гидроним с «чистой» основой (*Сунда*) и один озерный гидроним-полукалька (*Сундозеро*). Аналогичные топонимы засвидетельствованы на территории Республики Карелия: о. *Сундера* (Пудож.) и оз. *Сундозеро* / *Сунозеро* (Конд.) [ГИС ТК].

Приведенный корпус топонимов, формально коррелирующий с саамскими данными, все же ставит перед нами несколько проблем.

Во-первых, обращение к словарям карельского языка позволило найти продолжения саамской основы в современных карельских диалектах — ср. *šunneta* ‘остывать, стать теплее, прохладнее’ и *šundie* ‘теплый’ [ССКГК, 275]. Это дает возможность расширить ряд анализируемых фактов за счет топонимов на Шунд-:

Арх.: оз. *Шунда* / *Шунзеро* / *Шундозеро*, пок., р. *Шундов(к)а* (Вин.); пок., руч. *Шунданец* / *Шундамец*, оз. *Шундозеро* (Он.); р., руч. *Шундов(к)а* / *Шундово* (Шенк.);

Влг.: р. *Шунда* (Бабуш.); пок., р. *Шунда* (Вож.); р. *Шундозёрка* / *Шундрема*, оз. *Шундозеро* (Бел.); о-в леса на бол. *Шундомень* (Баб.).

Приведенные названия по преимуществу являются гидронимами (единственное исключение — топоним *Шундомень*, именующий остров леса на болоте), среди которых преобладают названия рек. При этом во всех речных гидронимах основа представлена либо в чистом виде (*Шунда*), либо в сопровождении русских суффиксов (*Шунданец*, *Шундова*, *Шундовка*). Ареал топонимов, образованных от рассматриваемой основы, продолжается на территории Карелии, где отмечено название р. *Шундукса* (Пудож.) [ГИС ТК].

Названия *Шундова*, *Шундозеро*, *Шундомень* А. К. Матвеев сопоставляет с прасаам. *suntē ‘талый’ [Матвеев, 2004, 218–219]¹, предполагая в них соответствие субстр. *š* ~ саам. *s*.

Географическая дистрибуция топонимов с основами *Сунд-* и *Шунд-* представлена на рис. 2.

Во-вторых, варьирование корневого гласного, отмечаемое в названиях чухломских рек *Сундоба* / *Сондоба*, заставляет учитывать при анализе интересующей нас основы также топонимы на *Сонд-* (*Шонд-*).

Арх.: р. *Сондала* / *Сондола* (Плес.); р. *Сондема* (Уст.);

Влг.: ур. *Сонда* (Нюкс.); б. д. *Сондас* (В-Уст.); оз. *Сондога*, р. *Сондуга* (Тот.); р. *Сондожска* / *Сондушка* / *Сондышка* (Сямж.); пок. *Сондручей* (Выт.);

Костр.: бол., оз., р. *Сондога* (Галич.); д. *Сонда*, бол. *Сондоба* (С-Гал.); р. *Сондеж* / *Сондус* / *Сондыш*, б. д., р. *Сондоба* (Чухл.).

Топонимы на *Сонд-* представлены преимущественно речными гидронимами с формантами *-ба*, *-га*, *-ла*, *-ма*, т. е. относятся к тому же субстратному слою, что и гидронимы на *Сунд-*. Однако в юго-восточной части ареала, где названия на *Сонд-* более многочисленны, встречаются также топонимы с формантами *-Vс* и *-Vж*. Северо-западная часть ареала топонимов на *Сонд-* располагается

¹ Здесь и далее реконструированные прасаамские формы даны по словарю [Lehtiranta].

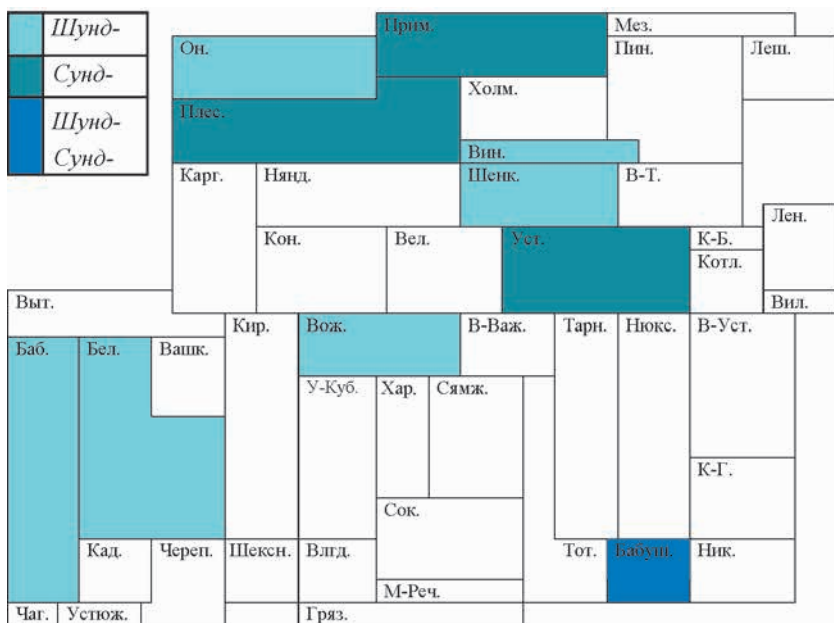

Рис. 2. Ареальная дистрибуция топонимов с основами *Сунд-*, *Шунд-*

главным образом на вепсской территории, ср. также несколько названий в собственно вепсской топонимии: оз. *Sondärv* (*Sondaljarv*), р. *Sondaloja*, пок. *Sondalnüt* / *Sondalansu* / *Sondalojansu* (Ленингр.: Подп.) [ГИС ТК], руч. *Сондалручей*, бол. *Сондалболото*, оз. *Сондалозеро* / *Сандо*, р. *Сондола* / *Сандола*² [СГБС]. Коррелирующими названиями с начальным шипящим являются *Шондозеро*, оз. (Арх.: Прим.) и *Шондома*, р. (Арх.: Плес.)³.

Географическая дистрибуция топонимов с основами *Сонд-* и *Шонд-* представлена на рис. 3.

² Возможное объяснение сосуществования форм на *Сонд-* и *Санд-*, отражающих сохранение в топонимии Обонежья прасаам. *ō, соответствующего праприб.-фин.-саам. *a, предложено в [Муллерен, 2002, 266–267].

³ В этом случае необходимо учитывать также вепсский ойконим *šond'al* (рус. *Шондовичи*), для которого предполагается отантропонимическое происхождение [Муллерен, 1994, 79].

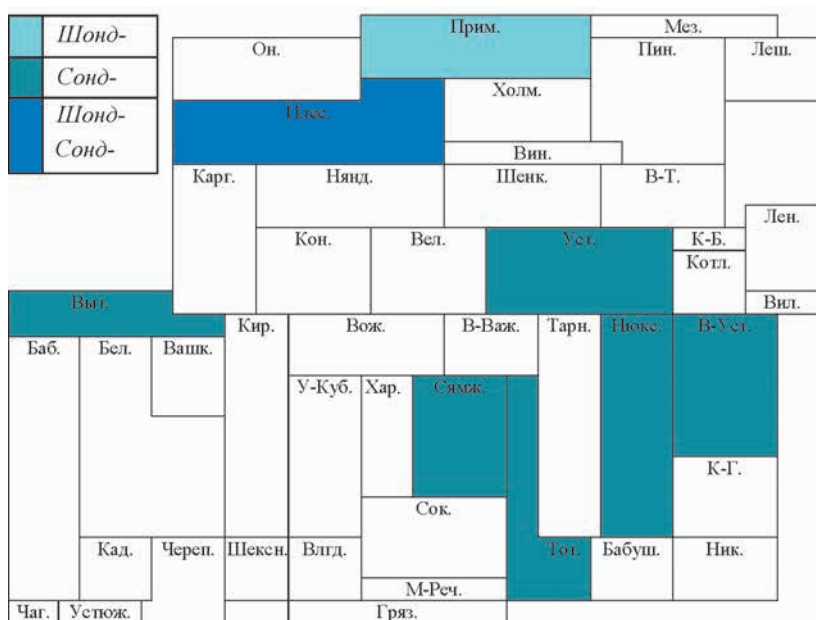

Рис. 3. Ареальная дистрибуция топонимов с основами Сонд-, Шонд-

Анализируя топонимы на Сонд-/Шонд-, необходимо вспомнить интерпретацию вепского речного гидронима Сондала (вепс. *Sondal*)⁴, предложенную И. И. Муллонен: Сонд- < прасаам. *sōntiē- ‘разрезать’ [Mullonen, 2007, 155; подробнее см.: Муллонен, 2002, 260–268]. Эта интерпретация построена с учетом родственных названий, возводимых к данной основе (карел. *Šuondale*, фин. *Suonnejoki*, субстр. *Сона*, *Сонозеро*, *Суна*, *Сундозеро*, *Сунозеро* и, вероятно, *Суда*, *Судома*, *Судогда*, *Сунжа*), исторической фонетики прибалтийско-финских языков, особенностей русской адаптации и схожей географической характеристики объектов: в нижнем течении, непосредственно перед устьем, каждая из названных рек протекает через озеро.

⁴ Еще одна заслуживающая внимания интерпретация названий на Сонд- предложена П. Рахконеном, который соотносит карельские и севернорусские топонимы на Сонд- с финскими *Suonnenjoki*, *Suontee* и т. п. и предлагает в качестве этимона праприб.-фин.-саам. **son(V)* ‘кривой, изогнутый’ [Rahkonen, 2013, 21–22].

Возможно, однако, что две приведенные выше трактовки основы не противоречат друг другу, как это кажется на первый взгляд. Этимологически речь может идти об одном корне, разные семантические продолжения которого в процессе развития финских языков привели к появлению омонимии, — ср. соответствующие факты карельского языка, где *sulata*, с одной стороны, означает ‘таять, плавать’, а с другой — ‘бить, колоть’ [SSA, 3, 210]; ср. также омонимы в марийском языке, который в определенных отношениях нередко оказывается близким к прибалтийско-финским языкам: *шу́лаш* I ‘резать, отрезать, срезать’ и *шу́лаш* II ‘таять, растаять’ [СМЯ, 9, 325–326]. Семантический переход между значениями ‘таять’ и ‘колоть, резать’ оказывается возможным, судя по всему, за счет звена ‘изменять, формировать’, которое также присутствует в семантике гнезда *sula* [SSA, 3, 210]⁵. С точки зрения исторической фонетики, связь между реконструируемыми прасаамскими основами **suntē* ‘талый’ и **sōntē-* ‘разрезать’ допустима, поскольку возможен как переход праприб.-фин. **u* > саам. *o*, так и праприб.-фин. *o* > прасаам. *ō* > саам. *uo* ~ *u* (соответствующие ряды форм приводятся в [Korhonen, 1981, 82, 86]).

Вопрос о специфике семантической организации гнезда «талый» в финских языках побуждает нас к тому, чтобы обратиться к организации соответствующего гнезда и его репрезентации в русской топонимии.

В русском языке топонимы со значением ‘талый’ (по крайней мере, на территории РС и Костромской области) представлены преимущественно не в виде топонимизированного прилагательного *талый*, как можно было бы ожидать, а в виде названий, восходящих к апеллятивам *талец*, *талик*, *талица* и т. п. Это обстоятельство позволяет, во-первых, выяснить, какие именно объекты обозначаются с помощью лексемы *талый*, а во-вторых, проанализировать особенности ареальной дистрибуции некоторых моделей этого гнезда.

⁵ На семантические особенности гнезда «талый» в прибалтийско-финских языках — в сопоставлении с соответствующим русским гнездом — уже обращала внимание О. В. Мищенко в работе, посвященной наименованию *талая морошка* в севернорусских говорах [Мищенко, 2012].

Итак, немногочисленные названия в виде топонимизированного прилагательного *талый* представлены следующими примерами:

Арх.: р. *Талая* (Пин.); бол., оз. *Талое* (Шенк.); пок. *Талое* (Вел.); руч. *Талый* (Мез., Пин., Плес., Уст., Холм., Шенк.);

Влг.: руч. *Талый* (Выт.)⁶.

Как и в субстратной топонимии, русские названия, образованные от прилагательного *талый*, преимущественно представляют собой наименования рек и особенно ручьев, а также немногих озер. В ареальной дистрибуции этих русских по виду названий обращает на себя внимание их устойчивое тяготение к северо-западу РС (см. рис. 4).

Такая география может объясняться двумя причинами⁷. Во-первых, некоторые топонимы могут являться кальками прибалтийско-финских названий, в целом образующих распространенную модель (есть, например, одна возможная метонимическая калька: руч. *Талый* > р. *Сондола* (Арх.: Плес.) — ср. руч. *Талый* > р. *Талица* (Арх.: Уст.)). Во-вторых, некоторые из русских по виду топонимов вообще могут представлять собой переработку субстратных названий — ср. оз. *Талозеро* (Арх.: Вин.), р. *Талсара* (Арх.: Шенк.), а также известные в Республике Карелия гидронимы *Таларека*, р. (Сегеж.) и *Таласозерко*, оз. (Пудож.) [ГИС ТК], в которых выделяется субстратная основа *Тал(a)-*. По-видимому, эта же основа представлена в названии берега *Talaranda* (берег оз. *Сундозеро*; РК: Конд.) [ГИС ТК]. Поиски исходной прибалтийско-финской основы заставляют обратить внимание на название р. *Талта* (Арх.: Вин.), истоком которой является оз. *Талтозеро*, а также на два вепсских топонима *Tal'te* (букв. «зимняя дорога», ср. вепс. *tal'v* ‘зимний’, *t'e* ‘дорога’ [СВЯ, 559, 563]). В одном случае

⁶ Нами не учитываются названия типа руч. *Тáлова* (Арх.: К-Б.), пок. *Тáловица* (Влг.: К-Г.), ур. *Тáлово* (Влг.: Баб.), руч. *Тáлово* (Арх.: В-Т.), бол. *Тáловое* (Арх.: Карг.), поскольку они, вероятно, образованы от прилагательного *тáловый* ‘относящийся к талу’ [ССРЛЯ, 15, 82], известного и в вологодских говорах: *таловый* ‘ивовый’ (Ник.) [СВГ, 11, 6].

⁷ В качестве третьей причины можно было бы предполагать, что приведенная географическая картина отражает природные особенности региона, например то, что в северо-западной части РС больше незамерзающих рек. Однако это предположение не может быть принято ввиду практически повсеместного распространения термина *талица* и образованных от него топонимов (подробнее см. ниже).

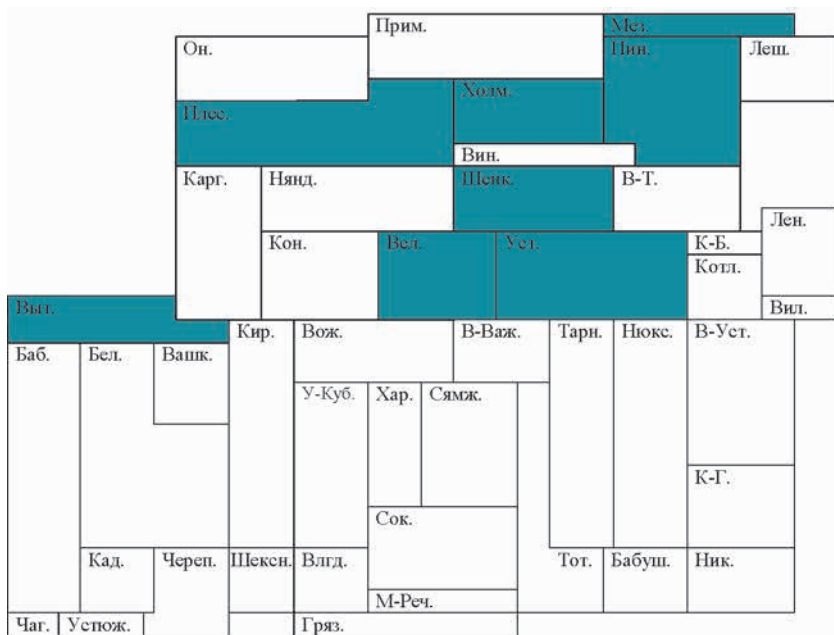

Рис. 4. Ареальная дистрибуция прилагательного *талый* в топонимии РС

это зимник, что подтверждает параллельная форма топонима *Zimnik* (Влг.: Баб.), в другом — название поля (РК: Прион.) [ГИС ТК]. Правильность интерпретации последнего топонима подтверждается названием соседней пашни *Tal'dorog* [ГИС ТК], внутренняя форма которого более прозрачна.

В действительности в топонимии РС распространены названия, образованные преимущественно от ландшафтных терминов *талец*, *талик* и *талища*. Рассмотрим географию распространения названий типа *Талец*, которые представлены следующими вариантами:

- руч. *Талец* (Арх.: В-Т., Вел., Карг., Кон., Леш., Нянд., Он., Пин., Плес., Шенк.; Влг.: Баб., Бел., Ваш., Кад., Устюж., Череп.); руч. *Талецручей* (Арх.: Плес.); оз. *Талец* (Влг.: Кад.);

- руч. *Талиц* (Арх.: В-Т., Вел., Нянд., Он., Плес.; Влг.: Баб., Вож., Чаг., Шексн.);

▪ бол. *Тальцы* (Арх.: Мез.); руч. *Тальцы* (Арх.: Плес.; Влг.: Вож.); пок. *Тальцы* (Арх.: Кон., Холм.).

Термин известен в говорах РС и сопредельных территорий в следующих значениях: *та́лец* 'грязевая топь на болоте, не замерзающая зимой' (Арх.: Леш., Мез., Нянд., Он., Пин., СДвин., Холм.; Влг.: Вож.), 'незамерзающее место на реке' (Арх.: Он.), 'родник, ключ' (Арх.: Нянд., Он., Пин., СДвин.); *талéц* 'грязевая топь на болоте, не замерзающая зимой' (Арх.: Мез., Прим.), 'незамерзающее место на реке' (Арх.: Вин.), 'родник, ключ' (Арх.: Он.) [КСГРС]; *талец* 'родник' (Арх., Белом., Влг., Мурм.), 'место в болоте, долго не замерзающее зимой' (Арх., Мурм.) и 'глубокая яма' (Арх.: Пин.) [СРНГ, 43, 242]⁸; *та́лец* 'незамерзающий или уже растаявший участок, полынья' (Белом., Кем.; Канд.; Карг.); 'колодец, вырытый на болоте', 'родник, ключ' (Он.), 'участок оттаявшей земли, проталина' (Кем.) [СРГК, 6, 436]; 'поросшее травой, труднопроходимое болото' (Тихв.) [Там же, 437]. Слово *та́лец* зафиксировано также в словаре А. Подвысоцкого в значениях 'родник пресной воды', 'болотистая почва, под которой есть родники, вследствие чего она никогда не замерзает' (Он., Кем., Кол.) [Подвысоцкий, 1885, 171]. И топонимы, и лексемы, засвидетельствованные в [КСГРС] и в уже изданных словарях, имеют преимущественно северо-западную («архангельскую») географию (см. рис. 5).

В восточной части РС распространена другая словообразовательная модель, представленная многочисленными названиями рек *Талик* (Арх.: Вел., Кон.; Влг.: Баб., Бабуш., В-Важ., К-Г., Кад., Ник., Ньюкс., Устюж., Хар.) [КСГРС]. Географическая дистрибуция данной топонимической модели на РС отражена на рис. 6.

Слова *та́лик* 'таялая, плохая дорога' (Арх.) [Даль, 4, 404], *тали́к* 'протаявшая, освободившаяся от снега почва' (Он.) [Подвысоцкий, 1885, 171] зафиксированы еще в словарях XIX в. В [СРНГ, 43, 243] представлены значения 'оттаявшая земля, дорога' (Арх.: Олон.; Новг.: Череп.), 'ручей' (Новг.). На Русском Севере слово отмечается преимущественно в Вологодской области в следующих

⁸ Здесь и далее географические пометы приводятся так, как они представлены в цитируемых словарях.

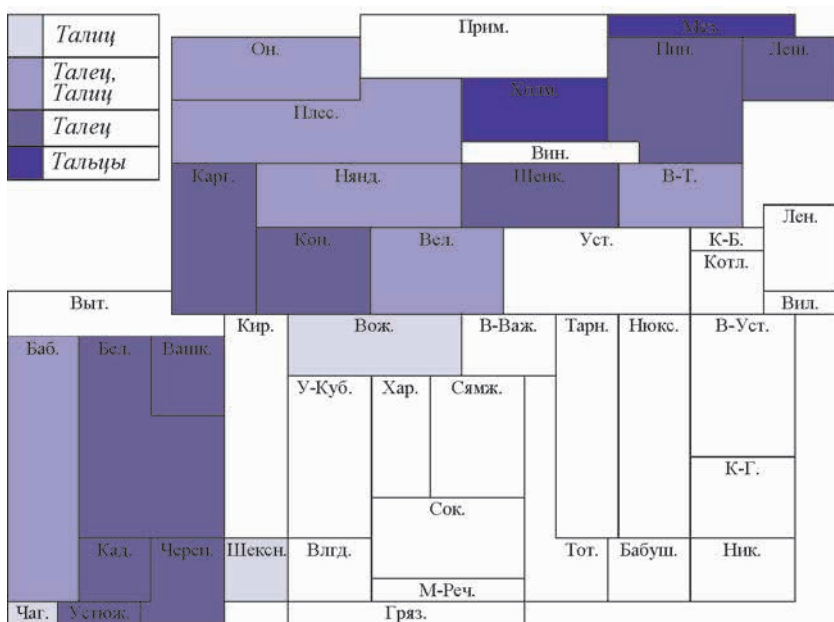

Рис. 5. Ареальная дистрибуция термина *талец* и его вариантов в топонимии РС

ландшафтных значениях: *та́лик* ‘зыбкое, болотистое место’ (Баб.) [СВГ, 11, 5], *тали́к* ‘грязевая топь на болоте, не замерзающая зимой’ (Бабуш., К-Г., Ник.), ‘незамерзающее место на реке’ (Ник.), ‘родник, ключ’ (Бабуш., К-Г.), ‘проталина’ (Бел., Вож.) [КСГРС]. Модель имеет продолжения на костромской территории — в Кологривском и Павинском районах, граничащих с Вологодской областью. В лексике ее распространение достигает в том числе и Свердловской области, ср. *тали́к* ‘родник’ (Шалин.) [СРНГ, 43, 243]. Слово *та́лик* включено в словарь литературного языка в значении ‘участок оттаявшей почвы в зоне вечной мерзлоты’ [ССРЛЯ, 15, 78].

Наконец, наиболее распространенная (причем не только на РС) модель представлена следующими топонимами:

▪ р. *Талица* (Арх.: В-Т., Вел., К-Б., Карг., Кон., Нянд., Он., Пин., Уст., Шенк.; Влг.: Баб., Бабуш., Бел., В-Важ., Вож., Выг., Гряз., К-Г.,

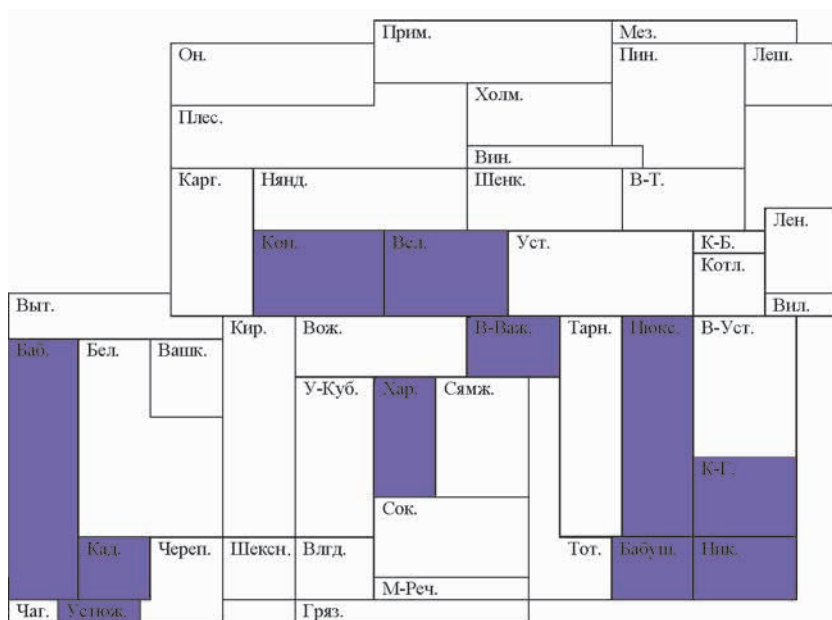

Рис. 6. Ареальная дистрибуция термина *талик* в топонимии РС

Кир., М-Реч., Ник., Нюкс., Сок., Сямж., Тарн., Тот., У-Куб., Хар., Шексн.; Костр.: Вохом., Кадый, Кологр., Мак., Меж., Нейск., Окт., Парф., Пыщ.; Яросл.: Пош.); н. п. *Талица* (Костр.: Пав., Шар.); оз. *Талица* (Костр.: Нейск.);

- поле, лес *Талицы* (Арх.: Уст.); р. *Талицы* (Влг.: Сок.); д. *Талицы* (Влг.: Влгд.); бол., пок. *Талицы* (Влг.: Ник.);
- р. *Талича* (Влг.: Хар.); р. *Таличок* (Влг.: Бабуш.).

Географическая дистрибуция севернорусских топонимов, образованных от ландшафтного термина *талица*, отражена на рис. 7.

Слово *талица* в значениях ‘родник пресной воды’, ‘болотистая почва, под которой есть родники, вследствие чего она никогда не замерзает’ (Он., Кем., Кол.) зафиксировано еще в словаре А. Подвысоцкого [1885, 171]. В более поздних источниках представлены значения ‘оттаявшее место, проталина’ (Арх., Влг.), ‘незамерзающий родник, река’ (Арх.) [СРНГ, 43, 245–246]; ‘незамерзающий или уже

Талица			Прим.				Мез.		
Талицы			Он.				Пин.		
Талича			Плес.				Холм.		
Выт.			Карг.				Вин.		
Баб.			Нянд.				Шенк.		
Бел.			Кон.				В-Т.		
Вашк.			Вел.				Уст.		
Кир.			У-Куб.				К-Б.		
Вож.			Хар.				Котл.		
В-Важ.			Сямж.				Лен.		
Тарн.			Сок.				Вил.		
Нюкс.			Вид.				В-Уст.		
К-Г.			Шексн.				Тот.		
Вил.			М-Реч.				Забун.		
Чуг.			Гряз.				Ник.		
Устюж.									

Рис. 7. Ареальная дистрибуция термина *талица* и его вариантов в топонимии РС

растаявший участок, полынья' (Кем.; Плес.) [СРГК, 6, 437]; 'зыбкое, болотистое место' (Гряз.), 'незамерзающий ключ, ручей' (Кир.) [СВГ, 11, 6]; 'родник, ключ' (Арх.: Прим.), 'полынья' (Влг.: Ваш.), 'слабый лед, поверх которого выступает вода' (Арх.: Вил.), 'растаявший и замерзший снег' (Арх.: В-Уст.) [КСГРС]. На современном этапе, в том числе в силу широкого распространения в топонимии, модель следует признать общерусской.

Некоторые редкие словообразовательные модели являются территориально специфичными: р. *Талуха* (Влг.: Ник.), р. *Талушка* (Костр.: Пав., Пыщ.) [КСГРС] — ср. *талуха* 'талая вода' (Влг.) [СРГК, 6, 437]; о. *Тальник* (Арх.: Вин.), пок. *Тальник(и)* (Арх.: Котл.), бол. *Тальники* (Арх.: К-Б.), поле *Тальники* (Влг.: Сямж.)

[КСГРС] — ср. *тáльник* ‘сырое, болотистое место’ (Канд.) [СРГК, 6, 438], ‘не замерзающее зимой озеро’ (Арх.: Пин.) [СРНГ, 43, 252]⁹.

Формы типа *Талка*, р. (Арх.: Пин.; Влг.: Бабуш., Ник., Устюж.; Костр.: Вохом.), *Талки*, оз. (Арх.: Плес.), *Талки*, р. (Костр.: С-Гал.) и т. п. выглядят неоднозначно. Их можно трактовать как субстантивированные формы топонимической основы *талый*, но, вероятнее всего, они имеют субстратное происхождение — ср. гидроним *Талк(о)ручей* (Арх.: Он.), а также финские названия домов и деревни *Talka* (Taipalsaari; Lemi).

В целом изучение топонимических основ со значением ‘талый’ на территории Русского Севера позволяет сделать следующие наблюдения.

С учетом фонетического варьирования комплекс привлекаемых к анализу основ прибалтийско-финского и саамского происхождения может быть определен более точно и расширен. Особенности семантического гнезда *sula* ‘талый’ в финских языках позволяют уточнить этимологическую интерпретацию и для топонимов на *Сонд-*, допуская в них аналогичный семантический переход. Топонимы с основой *Тал-* в русской топонимии, судя по их географии и аналогичным субстратным формам, являются в большинстве случаев переработкой субстратных названий с омонимичной основой и — в некоторых случаях — кальками. Собственно русскими образованиями на территории РС можно считать только топонимы, образованные от ландшафтных терминов *талец*, *талик* и *талища* (уже в словаре И. М. Дурова, материалы которого собирались в 1920–1930-е гг., все три термина указаны как имеющие повсеместное употребление [Дуров, 2011, 402]).

⁹ Версии о связи этих топонимов с широко распространенной диалектной лексемой *талъник* ‘наименование рода кустарников семейства ивовых’ [СРНГ, 43, 252] противоречит ударение (в топонимах РС оно во всех случаях стоит на первом слоге), а также география лексемы: судя по данным [СРНГ], она известна преимущественно в Сибири; северо-западная граница ее распространения проходит по Кировской и Нижегородской областям. Ср., однако, *тáльник* ‘заросль ивы, ивняк’ (Вел.) [СВГ, 11, 6]. Составители [ССРЛЯ, 15, 86] и вовсе считают слово общерусским: *талъник* (устар. *тáльник*) ‘кустарниковая ива’, ‘заросли кустарниковой ивы’.

- ГИС ТК — Геоинформационная система «Топонимия Карелии» (Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск).
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М., 1880–1882.
- Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011.
- КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера : в 4 ч. Ч. 2. Екатеринбург, 2004.
- Матвеев А. К.* Ономотология. М., 2006.
- Мищенко О. В.* К этимологии сев.-рус. *талая морошка* // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.) : в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2012. С. 198–201.
- Муллонен И. И.* Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
- Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 т. / ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда, 1983–2007.
- СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- СГБС — *Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С.* Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь) / под ред. А. С. Герда. СПб., 1997.
- СМЯ — Словарь марийского языка = Марий йылме мутер : в 10 т. / А. А. Абрамова, В. И. Вершинин, Г. С. Патрушев, И. Г. Иванов, А. С. Ефремов, Н. И. Исанбаев, И. С. Галкин, В. Н. Максимов и др. Йошкар-Ола, 1990–2005.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- ССКГК — *Федотова В. П., Бойко Т. П.* Словарь собственно-карельских говоров Карелии = Karjalan varšinaismurtehien šanakirja / под общ. ред. В. П. Федотовой. Петрозаводск, 2009.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В. И. Чернышев (вып. 1–2), С. Г. Бархударов (вып. 3–4), В. В. Виноградов (вып. 5), Ф. П. Филин (вып. 6–17). М. ; Л., 1948–1965.
- Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 370).

- Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 1989. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia; 200).
- Mullonen I.* Toponym Contacts along the River Svir // *Onomastica Uralica*. 2007. № 4. P. 141–157.
- Rahkonen P.* Suomen etymologisesti läpinäkymätöntä vesistönimistöä // *Virittäjä*. 2013. № 1. S. 5–43.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 556).

* * *

Макарова Анна Андреевна

кандидат филологических наук,
редактор редакционно-издательского
отдела Издательства Уральского
университета ИПЦ УрФУ,
инженер топонимической лаборатории
кафедры русского языка и общего
языкознания
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
ком. 306
E-mail: toponimist@yandex.ru

Makarova, Anna Andreevna

PhD, Editor, Editorial-Publishing
Department,
Ural University Press
Assistant, Toponymic Laboratory
of the Department of Russian
Language and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin av., room 306,
620000, Ekaterinburg, Russia
E-mail: toponimist@yandex.ru

**Stems with the Meaning ‘Melted, Unfrozen’
in the Toponymy of the Russian North**

The article provides a phonetic and areal analysis of stems with the meaning ‘melted, unfrozen’ attested in the toponymy of the Russian North and adjacent districts of Kostroma region. The empirical basis of the study is constituted by names of both Russian and substrate origin recorded in the files of the Ural University Toponymic Expedition, as well as by Veps, Karelian and Finnish toponyms taken into consideration as comparative material. When analysing the stems of Finnic and Sami origin with the meaning ‘melted, unfrozen’ as attested in the substrate toponymy of the Russian North, the author proposes an interpretation of their phonetic variation and areal distribution and specifies

the etymological explanation of place names with the stems *Shund-* and *Sond-*. The investigation into the Russian word family of *talyi* ‘melted (ice, snow)’ shows that the stems belonging to this family are far from being typical for the Russian toponymy of the region, appearing mainly in landscape terms *talets*, *talik* and *talitsa*. As to the adjective *talyi* itself, it is also of rare use in the studied toponymy — the analysis of the geographical distribution of such names (present chiefly in the northwestern part of the studied area) and of comparable substrate forms shows that, for the most part, they represent adaptations of homonymic substrate names or, as in some instances, loan translations.

Key words: Russian language; Finnic languages; Sami languages; toponymy; substrate; language contacts; areal linguistics; Russian North.

О. В. Смирнов

Екатеринбург

Основы со значениями ‘верхний’ — ‘нижний’, ‘малый’ — ‘большой’ в субстратной топонимии исторических мерянских земель

В статье на примере реконструкции субстратных топонимических основ со значениями ‘малый’, ‘большой’, ‘верхний’, ‘нижний’ в географических названиях исторических мерянских земель (центр европейской части России) рассматриваются вопросы применения метода семантического моделирования, существенные для оценки достоверности этимологии топонимов. Неучет анализируемых в статье методологических аспектов, таких как выявление дифференцирующих способностей основ, регулярных фонетических соответствий и лингвогеографической дистрибуции фонетических форм, обоснование морфологической структуры и мотивации топонимов, приводит к неправильному применению метода семантического моделирования и недостоверным этногенетическим

построениям в некоторых научных работах. В конце статьи дается сводная таблица реконструкции рассмотренных топооснов (лексем) в исчезнувших финских языках центральной части европейской России — мерянском и муромском.

К л ю ч е в ы е с л о в а: этимология, субстратная топонимия, методы этимологических исследований, Волго-Окское междуречье, финно-угорские языки, волжско-финские языки, меря, мурома, марийский язык, молдавский язык.

При реконструкции лексического состава исчезнувших языков на основе данных субстратной топонимии важное значение имеют некоторые лексемы, особенно часто используемые при образовании топонимов в самых разных языках. На выделении таких «топонимичных» лексем в основах субстратных географических названий, в частности, основан метод семантического моделирования топонимов, разработанный А. К. Матвеевым [2006, 98–112], а также метод этнического моделирования (как разновидность метода семантического моделирования), использованный нами для определения отношений родства с марийским языком исчезнувших языков субстратной топонимии нижнего течения Оки и запада Костромской области, т. е. территорий, которые являются частью исторических мерянских земель (далее ИМЗ)¹ [Смирнов, 2015].

Метод моделирования «топонимичных» основ с такими значениями, как ‘верхний’ — ‘нижний’, ‘малый’ — ‘большой’, для реконструкции соответствующих слов в языках субстратной финно-угорской топонимии бассейна Оки и верхнего течения Волги использует и финский исследователь П. Рахконен [Rahkonen, 2009; Рахконен, 2012], однако результаты его реконструкции значительно отличаются от данных, опубликованных в нашей вышеупомянутой работе. Это заставляет поднять проблемы достоверности подобного моделирования и связанные с этим вопросы методологии.

Очевидно, что достоверность этимологии топонимов повышается при совокупности целого ряда факторов: 1) обоснование

---

¹ О географических границах ИМЗ см. [Матвеев, 2015, 35–36].

фонетических закономерностей; 2) обоснование структурной (словообразовательной) модели; 3) обоснование мотива номинации. Первый, второй и отчасти третий факторы зависят от: 1) широты сравнительной базы, т. е. от количества топооснов, используемых для моделирования; 2) их дифференцирующих способностей; 3) строгости отбора субстратных топонимов для сравнения.

Далее на примере четырех используемых П. Рахконеном «топонимичных» лексем со значениями ‘малый’, ‘большой’, ‘верхний’, ‘нижний’ я попытаюсь разобрать эти, а также некоторые другие вопросы, связанные с применением метода семантического моделирования.

1. ‘Малый’

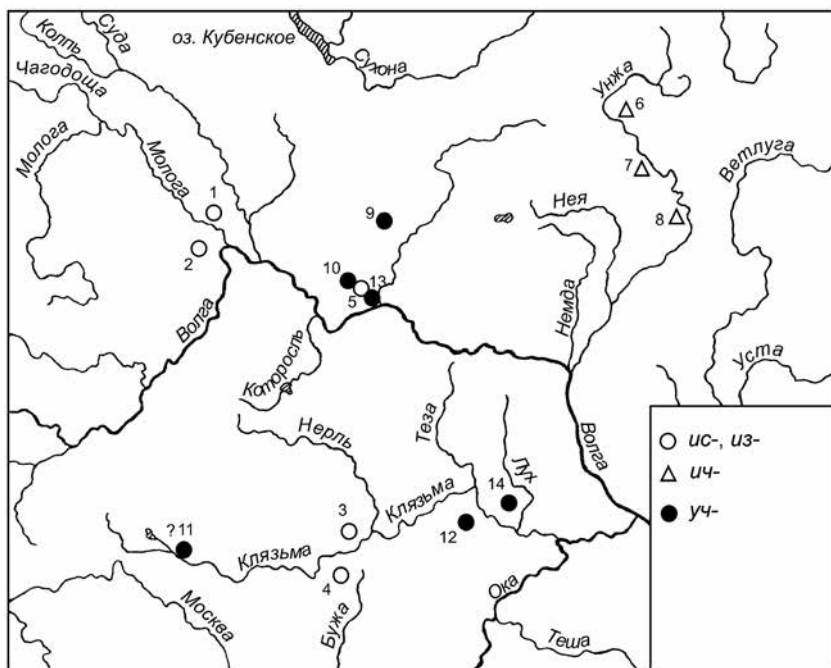
В проведенном нами сравнении субстратной топонимии нижнего течения Оки и запада Костромской области с марийским языком использовалось несколько десятков типовых марийских топооснов [Смирнов, 2015, 45–61]. Как показал материал, соответствующая база сравнения позволяет выстроить некоторые фонетические закономерности и — с опорой на эти закономерности — предложить этимологию отдельных основ. В частности, была обнаружена фонетическая особенность, присущая главным образом субстратной топонимии в нижнеклязьминской зоне (далее НКЗ), связанная с появлением лабиализованного гласного (орфографически *у*, *ю*) там, где на соседних территориях в субстратных названиях фиксируются нелабиализованные гласные (в основном орфографически *и*, *е* или *я*), например основа *юхр*- ‘озеро’ вместо *яхр*- ‘озеро’ или р. *Унгер* вместо р. *Ингерь*. Эта фонетическая особенность была названа нами нижнеклязьминской лабиализацией [Там же, 23]. С ней же, возможно, связано родство этнонимов *мера* и *мурома*.

Тенденция к лабиализации переднеязычных гласных позволяет отнести основу *уч*-, особенно в топонимах, тяготеющих к НКЗ, к этимологическому гнезду ф.-перм. **iċä* (*üċä*) [UEW, 78], мар. *изи* ‘маленький’ [СМЯ, 2, 20]. При этом восточнее, в бассейне р. Унжа, этой основе соответствует форма *ич*- ‘малый’, а западнее — *ис*- (в среднем

течении р. Клязьма) и *из-* (в районе Рыбинского водохранилища). Ареальное соотношение этих вариантов можно проследить на карте (см. карту 1). Начальное *у-* в основном фиксируется в центральной части, а начальное этимологическое *и-* — в боковых ареалах, что соответствует лингвогеографическому правилу боковых ареалов дистрибуции языковых явлений. Выбивается из этого правила только название р. *Уча* в самом верховье Клязьмы, что может служить сигналом о том, что данный топоним мог попасть в рассматриваемый перечень по случайному формальному совпадению.

Убедительные подтверждения того, что семантика топонимов р. *Уча*, оз. *Учхор*, н. п. *Ученжа* (оз. *Ученжское*) реконструируется как ‘малый’, приведены в книге А. К. Матвеева [2015, 204–205]. В частности, указывается на связь действительно маленьких озер *Учхор* и *Ученжское*² с соседними крупными озерами, именуемыми *Великими* [Там же, 205]. Самое интересное, что аналогичная связь обнаруживается и у названий озер с основой *ис-* ‘малый’: оз. *Исихра* является истоком р. Бужа, которая впадает в систему известных *Великих озер* на границе Владимирской и Рязанской областей. Оз. *Исихра* в этой системе является действительно маленьким. В исторических источниках зафиксирован, по всей видимости, народноэтимологический вариант названия озера *Исихра* — *Искра* [ВОМ]. Этот факт позволяет восстановить изначальную форму типа **Исихра* / **Исяхра* (от мер. *-яхр* ‘озеро’) и для оз. *Искробольское* в Ярославской области. В этом случае имело место следующее достаточно тривиальное развитие: оз. **Исяхра* > рядом находящаяся деревня **Исяхрабол* (где мер. *-бол* ‘деревня’) > н. п. *Искробол* > обратный перенос названия на оз. *Искробольское*. Самое интересное заключается в том, что оз. *Искробольское* находится в одной системе с оз. *Великое* (самое крупное в системе) и оз. *Кухло* (среднее по размеру), причем оз. *Кухло* этимологизируется как ‘среднее’ (ср. мар. *кокля* ‘средний’ [подробнее см.: Смирнов, 2015, 26–27, 48]), а оз. *Искробольское* является в этой триаде самым маленьким. Во всех этих

² В отношении структурной обоснованности данных топонимов, т. е. *-хор* как отражение форманта со значением ‘озеро’ и *-Инж* — финно-угорский суффикс с возможным деминутивным оттенком, см. [Матвеев, 2015, 77, 205]

Карта 1. Возможные рефлексы ф.-перм. *icä (iśä) 'малый'
на территории ИМЗ

- 1 — оз. Изинское [АЯО, 13]
- 2 — р. Изоха [АЯО, 44] (? р. Изохоть, Изохта [Матвеев, 2015, 176])
- 3 — р. (* оз.³) Исахра [АВО, 36]
- 4 — оз. Исхра [АВО, 55] (Искра [ВОМ])
- 5 — н. п. Искробол [Матвеев, 2015, 262], оз. Искробольское [АЯО, 68]
- 6 — р. Ичеж [АКО, 35]
- 7 — р. Верх. и Ниж. Ичежа [АКО, 60]
- 8 — р. Ичуг [АКО, 88]
- 9 — р. Уча [АЯО, 39]
- 10 — р. Уча [Матвеев, 2015, 204]
- 11 — р. Уча [АМО, 57]
- 12 — р. Уча [Матвеев, 2015, 204]
- 13 — н. п. Ученжа, оз. Ученжское [Матвеев, 2015, 204]
- 14 — оз. Учхор [АВО, 44]

³ Значком * в данном и в подобных случаях ниже помечается вид смежного объекта, к которому предположительно первоначально относилось данное название.

фактах наблюдается общая закономерность: название большого озера, по всей видимости, калькируется в русском языке, а среднее и маленькое озера сохраняют субстратные названия.

Этот пример показывает, что достоверность осуществляемого семантического моделирования зависит от совокупности методологических приемов:

- 1) выявления регулярных фонетических закономерностей на основе широкой (несколько десятков моделируемых основ) сопоставительной базы;
- 2) лингвогеографической дистрибуции фонетических форм;
- 3) структурной прозрачности привлекаемых для сравнения субстратных топонимов;
- 4) определения семантической мотивированности и обнаружения фактов калькирования со стороны русской топонимии.

П. Рахконен реконструирует для мерянско-муромских территорий иную основу со значением ‘малый’ — **vüz(ä)* [Rahkonen, 2009, 174, 176; Рахконен, 2012, 21–22, 38], сопоставляемую с ф.-волж. **wäšä* ‘маленький’ [UEW, 818], фин. *vähä*, морд. эрз. *veška, viška* ‘то же’. Однако П. Рахконен не подтверждает эту этимологию другими примерами перехода **-š-* > *-z-* в интервокальном положении в субстратной мерянской топонимии. Это связано с тем, что для моделирования он использует достаточно узкий круг основ (‘малый’ — ‘большой’, ‘верхний’ — ‘нижний’, ‘черный’ — ‘белый’ и некоторые другие), менее десятка. При такой узкой базе сравнения трудно получить данные для обоснования фонетических соответствий. Показательным является и набор топонимов, привлекаемых для иллюстрации основы *вяз-*: *Вяз, Вязиченка, Вязема, Вязьма, Вяземка, Вязов, Вязера, Вязник, Вязич, Вязырь* [Rahkonen, 2009, 174, 180, 194–195]. Данный ряд топонимов разнороден как в структурном, так и в этимологическом отношении. Так, топонимы *Вязник, Вязов* и, возможно, *Вязич, Вязиченка*, скорее всего, связаны с русским названием дерева *вяз*. Кроме того, нужно иметь в виду рус. диал. *вязь* ‘болото, топь’ [Даль, 1, 337] от глагола *вязнуть* и русскую этимологию топонима *Вязьма* от *вязкий*, т. е. ‘илистая река’ [Фасмер, 1, 375]. Следовательно, указанная основа далеко не дифференцирующая. В таком

случае (при недифференцирующих основах) важное значение приобретает структурная прозрачность, т. е. сочетание с дифференцирующими мерянско-муромскими топоформантами (типа *-бол*, *-хра*, *-Vga*, *-кша*, *-кса*, *-хта*, *-Vx* и т. д. [Матвеев, 2015, 52–128]). Но и этого здесь нет. Более того, элемент *-ма* в топонимах *Вязьма*, *Вязема*, *Вяземка* не очевиден в качестве суффикса, присоединяемого к предполагаемой основе *вяз-* ‘малый’. Дело в том, что в мордовском языке мы имеем примеры присоединения к финно-волжскому корню *wäšä ‘маленький’ суффиксов *-к* (*вишка* ‘малый’) или *-енсь* (*веженсь* ‘младший, меньший’), но что должно означать присоединение суффикса *-м* к этой основе и есть ли подобные примеры в других финских языках, П. Рахконен не объясняет. Поэтому не исключена возможность, что перед нами основа не *вяз-*, а *вязьм-* с неясной этимологией. Из всех рассмотренных примеров остаются топонимы *Вязера* и *Вязырь*, но они находятся значительно южнее исследуемой территории и к народу меря по ареальным основаниям никакого отношения не имеют.

Еще один важный фактор убедительности этимологии — семантическая обоснованность. Для подтверждения связи основы *вяз-* со значением ‘малый’ П. Рахконен приводит почему-то примеры с территории бассейна р. Свирь [Rahkonen, 2009, 175], которая находится значительно севернее рассматриваемых территорий, скорее уже в ареале прибалтийско-финского или саамского субстрата. Примеров, относящихся к собственно мерянским территориям, не приводится.

При такой методологии моделирования возникает закономерный вопрос: а почему именно начальный элемент *вяз-* в топонимах на мерянских и муромских землях П. Рахконен связывает со значением ‘малый’? Сам исследователь, видимо, чувствует логичность этого вопроса на фоне недостаточной лингвистической аргументации и отвечает весьма изящно: «Я делаю такое утверждение, потому что не существует альтернативного названия в области мери со значением ‘малый’, которое бы при сравнении с другими хорошо известными финно-угорскими языками было применимо к языку мери» (пер. с англ. наш. — О. С.) [Rahkonen, 2009, 175]. К сожалению,

автор, опираясь при моделировании на слишком узкий круг основ, просто не нашел таких «альтернативных названий». Как показано выше, они, тем не менее, есть.

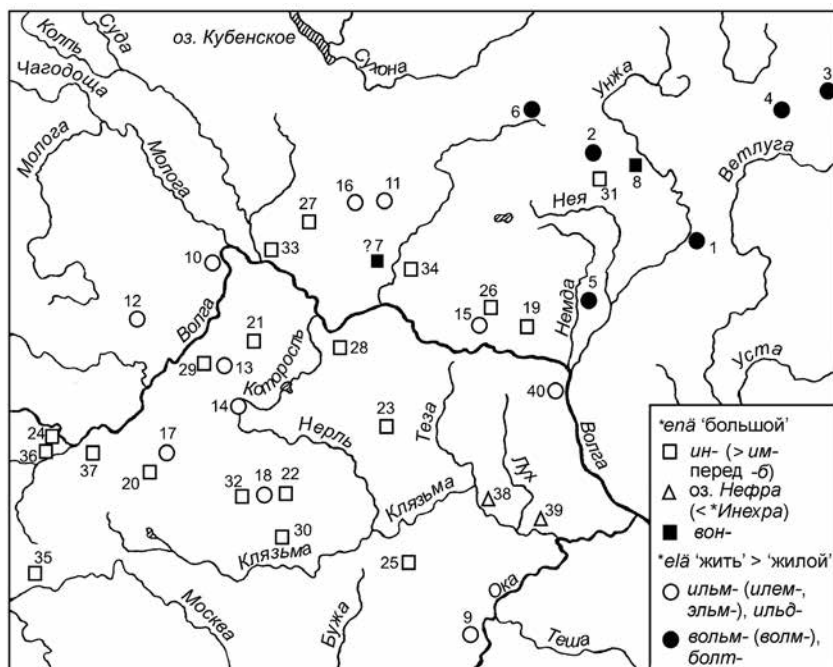
Более того, ф.-волж. **wǎšǎ* ‘маленький’ в южной части мерянских земель, в бассейне Клязьмы (в основном в ее среднем течении), могло существовать в виде основы *виш-/выш-* (р. *Вишка*, р. *Вишкура*, оз. и р. *Виша*, оз. *Вышихры*, н. п. (< *р.) *Вышегжа*, ср. морд. эрз. *вишка* ‘малый’ [ЭРС, 54]) или **веш-* > *веж-* (н. п. *Вежболово*, р. *Вежня*). Фонетически это вполне возможно, так как сужение ф.-волж. **ǎ* > *и*, *е* в топонимическом субстрате мерянских территорий — обычное явление [ср.: Смирнов, 2015, 175]. Однако эта этимология совершенно не обязательна, так как речки *Вишка*, *Вишкура*, *Виша* являются истоками из озер и могут быть связаны с ф.-перм. **wiskz* [UEW, 823], коми *вис* ‘проток’ [КРС, 108]. Остаются только факты с основой *выш-* и *веж-* (**веш-*), но их не так много, и они ареально ограничены южной периферией ИМЗ.

Таким образом, лексема со значением ‘малый’ в исчезнувших языках на мерянских землях и в нижнеклязьминской зоне существовала в основном в формах, близких по звучанию к *уч-*, *ис-/из*⁴ (от ф.-перм. **iċǎ* (*iċǎ*) ‘маленький’). Эти формы имели свою ареальную специфику. В южной части мерянской территории наряду с лексемой *ис-*, возможно, имело распространение слово, происходящее от ф.-волж. **wǎšǎ* ‘маленький’, которое отражается в основах топонимов в формах *виш-/выш-* или *веж-*. Разнообразие форм свидетельствует о диалектной специфике, а в случае рефлексов ф.-перм. **iċǎ* (*iċǎ*) и ф.-волж. **wǎšǎ* на одной и той же территории нельзя исключать синонимию либо происхождение названий из разных языков (диалектов).

⁴ Топонимы с основой *ич-* (*Ичуг*, *Ичеж*, *Ичежа*) в бассейне Унжи, очевидно, относятся уже не к мерянскому ареалу, а к ареалу гидронимии на *-юг* в верхней части течения Унжи, Ветлуги и Юга (приток Сухоны), который подробно описан А. К. Матвеевым и соотнесен с условно названным им «южанским» языком [Матвеев, 2007, 172–180].

2. 'Большой'

Следующий пример связан с реконструкцией топоосновы со значением 'большой'. П. Рахконен привлекает для моделирования урал. *ep 'большой, много' [UEW, 74]. При этом он утверждает, что основа *ин-* со значением 'большой' отражает древнемордовский субстрат [Rahkonen, 2009, 173, 176; Рахконен, 2012, 27–28, 38], ср. морд. эрз. *iñe* 'большой', а на исторических мерянских землях этой основе соответствует *вон-* [Rahkonen, 2009, 173, 176; Рахконен, 2012, 38]. Однако в качестве иллюстрации мерянских соответствий приводятся со знаком вопроса топонимы, в которых можно выделить не основу *вон-*, а основу *вонд-* [Rahkonen, 2009, 180, 193] с другим значением [см.: Рахконен, 2012, 17].

Карта 2. Ареальная дистрибуция *in-* ~ *von-* на месте начального урал. **e-*

Примечания к карте 2

- 1 — р. *Болть* [АКО, 113]
 2 — р. *Волма* [АКО, 84]
 3 — р. *Волманга* [АКО, 48]
 4 — р. *Волмьши* [АКО, 43]
 5 — р. *Воломши* [АКО, 155]
 6 — р. *Вольма* [АКО, 31]
 7 — р. *Воньга* [АЯО, 68]
 8 — р. *Вонюх* [АКО, 60]
 9 — р. *Илемна* [Смолицкая, 1976, 193]
 10 — р. *Ильд* [АЯО, 59]
 11 — н. п. *Ильдомское* [АЯО, 22]
 12 — р. *Ильма* [АЯО, 70]
 13 — р. *Ильма* [АЯО, 99]
 14 — р. *Ильма* [АЯО, 109]
 15 — р. *Ильматик* [АКО, 168]
 16 — р. *Ильмеж* [АЯО, 36]
 17 — р. *Ильменка* [АЯО, 112]
 18 — р. *Ильмовка* [АВО, 33] (ист. *Ильма, Ильмохта* [Смолицкая, 1976, 208])
 19 — р. *Имбалка* [АКО, 170]
 20 — р. *Имбушка* [АМО, 29] (ист. *Инобаж, Инобож* [Матвеев, 2015, 192])
 21 — р. *Имбушка* [АЯО, 89]
 22 — р. *Имбушка* [АВО, 34]
 23 — р. *Иневшка* (н. п. *Иневезж*) [АИО, 11] (ист. р. *Инивезж* [Смолицкая, 1976, 219])
 24 — р. *Инга* [АТО, 189]
 25 — р. *Иневиж* [Смолицкая, 1976, 227]
 26 — н. п. *Инега* (р. *Инешка*) [АКО, 151]
 27 — р. *Иней* [АЯО, 34]
 28 — р. *Инишка* [АЯО, 93] (ист. *Иневезжа, Инивишка* [Матвеев, 2015, 191])
 29 — р. *Инобаж* (*Инобожжа*), н. п. *Инобожь* [Матвеев, 2015, 192]
 30 — р. *Инобежка* [Смолицкая, 1976, 207] (р. *Ембуха* [АВО, 52])
 31 — р. *Инобол* [Матвеев, 2015, 192]
 32 — р. *Инобошка* [Смолицкая, 1976, 205]
 33 — р. *Инопаш* [АЯО, 47] (ист. *Инопаж* [Матвеев, 2015, 192])
 34 — р., бол. *Инохра* [Матвеев, 2015, 192]
 35 — р. *Иночь* [АМО, 67]
 36 — р. *Иноха* [АТО, 189]
 37 — р. *Иноха* [АТО, 191]
 38 — оз. *Нефра* [АВО, 24] (ист. *Нехра* [Смолицкая, 1976, 227])
 39 — оз. *Б. и М. Непра* [АВО, 45] (*Б. и М. Непро* [Матвеев, 2015, 143])
 40 — р. *Эльма* [АКО, 196]

По нашим данным, на исторической мерянской территории так же, как и в древнемордовской топонимии, была распространена именно основа *ин-* (см. карту 2). В то же время ареальная дистрибуция *и- ~ во-* на месте начального урал. **e-* действительно наблюдается, но имеет совсем иную лингвогеографическую специфику, чем указывает П. Рахконен. Возможное отражение топоосновы со значением 'большой' в форме *вон-* (р. *Вонюх*) фиксируется на крайнем северо-востоке исследуемой территории, в бассейне среднего течения р. Унжа (см. карту 2). В пользу этимологии р. *Вонюх* как 'большая речка' свидетельствует то, что рядом с ней находятся две меньшие по размеру речки с названиями *Нижняя Ичежа* и *Верхняя Ичежа*,

которые этимологизируются как ‘малая речка’, с субстратной основой *ич-* ‘малый’ (см. карту 1). Кроме семантико-мотивационного аргумента, в пользу такой этимологии топонима *Вонюх* говорит и аналогичная ареальная дистрибуция вариантов *и- ~ во-* (*во-*) в основе *ильм-/волм-*. Эта основа, скорее всего, является рефлексом причастия с аффиксом *-т-* от глагола урал. *elä ‘жить’ [UEW, 73] (см. карту 2). Топонимы с основой *ильм-* вслед за А. К. Матвеевым можно сравнить с мар. *ильме* ‘жилой, обитаемый’ [Матвеев, 2015, 191].

Северо-восточный ареал *во-* находится за пределами собственно мерянского топонимического ареала и совпадает с территорией распространения гидронимии на *-юг* (ср. р. *Вонюх* < р. *Вонюг), которая принадлежала одному из языков севернофинского типа (родственного саамскому), названному А. К. Матвеевым «южанским» языком [Матвеев, 2007, 172–180]. Если сопоставить факты, приведенные на карте 1 и на карте 2, то противопоставление субстратных основ со значениями ‘малый’ / ‘большой’ в «южанской» топонимии будет выглядеть как *ич-* / *вон-*, в то время как на мерянской территории — *ис-* (*уч-*) / *ин-*.

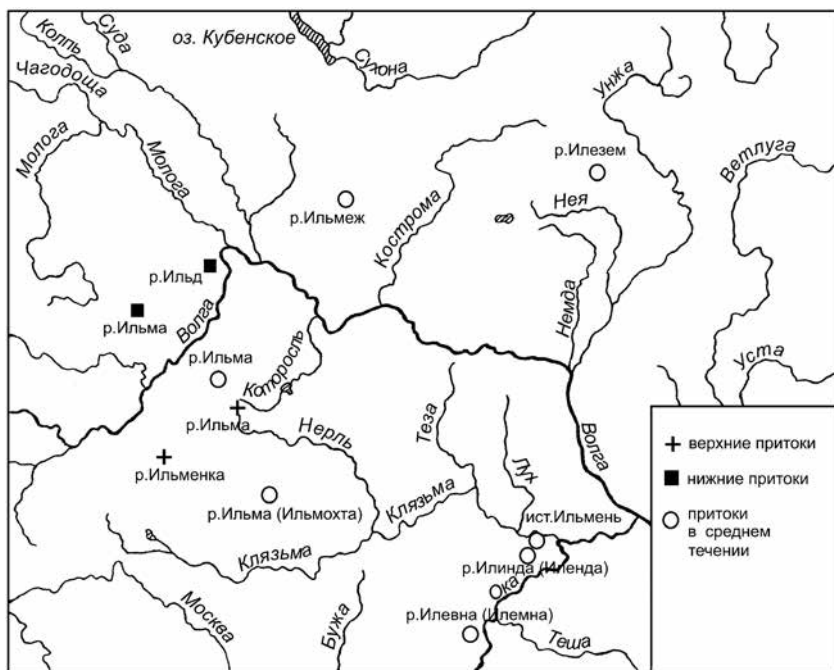
Этот пример демонстрирует важность скрупулезного учета при семантическом моделировании лингвогеографической дистрибуции фонетических вариантов основ. Наличие регулярных закономерностей в такой дистрибуции свидетельствует о правильности произведенного моделирования. В свою очередь, единичные факты, которые нарушают наблюдаемые лингвогеографические ареалы, как, например, р. *Уча* в верховьях Клязьмы на карте 1 и р. *Воньга* в Ярославской области на карте 2, являются сигналом об их возможном случайном формальном совпадении с исследуемой основой и о необходимости поиска для этих топонимов иной этимологии. Поэтому на картах я поставил возле этих топонимов знаки вопроса.

Некоторую проблему создает рефлекс основы со значением ‘большой’ в нижнеклязьминской зоне, а именно практическое его отсутствие — за исключением фиксации двух озер с названием *Нефра*. Эти топонимы этимологизируются А. К. Матвеевым из *(*И*)*нехра* ‘большое озеро’ [Матвеев, 2015, 143–144]. Возможным объяснением

отсутствия субстратных названий со значением ‘большой’ в НКЗ являются вышеупомянутые особенности калькирования: топонимы со значением ‘большой’ на этой территории калькировались, в то время как топонимы со значениями ‘малый’, ‘средний’ сохраняли субстратную основу. И действительно, в НКЗ очень распространены топонимы с основой *велик-*: оз. *Великое*, руч. *Великий*. Возможно, часть из них — кальки с субстратного языка. Наличие на соседних мерянских территориях значительного количества топонимов с основой *ин-* ‘большой’ может свидетельствовать об особенностях языкового взаимодействия пришлого русского и аборигенного населения по сравнению с нижнеклязьминской зоной.

3. ‘Верхний’ — ‘нижний’

П. Рахконен реконструирует мерянское слово **ile* (**ülä?*) ‘верхний’ [Рахконен, 2012, 18] и отображает на карте соответствующие топонимы с основой *иле-*, *ил(ь)м-*, в том числе несколько из них на западе Костромской области (далее ЗКО) и в НКЗ [Там же, 22]. К сожалению, обозначенные на карте топонимы не названы, поэтому сложно соотнести факты на карте и названия по тексту статьи. Из примеров в тексте ясно, что для реконструкции мерянского слова П. Рахконеном использованы топонимы с разнородными основами, в том числе *ил(ь)м-/илем-*, *ильд-*, *илез-*, которые могут и не иметь отношения к рассматриваемому слову со значением ‘верхний’. В другой своей работе П. Рахконен обосновывает значение компонента *ил(е)* и *ил’м-* как ‘верхний’, указывая на то, что все соответствующие названия являются истоками рек [Rahkonen, 2009, 171]. Проверка этих данных не подтверждает указанный факт. На карте 3 мы воспроизвели топонимы, начинающиеся на *ил-*, которые приводятся П. Рахконеном [Ibid., 171, 191; Рахконен, 2012, 18]. При картографировании этих данных обнаружилось, что значительная часть привлекаемых финским исследователем для реконструкции мерянского слова примеров почему-то находится далеко за пределами ИМЗ — в Калужской, Тульской, Рязанской областях. Эти факты, находящиеся за пределами бланковой карты, мы не картографировали. Один

Карта 3. Топонимы на *ил-* в ИМЗ, приводимые в работах П. Рахконена

из топонимов, приводимых П. Рахконеном, р. *Ильмовка*, вообще непонятно как попал в этот перечень, поскольку, скорее всего, является русским по происхождению (рус. *ильмовый* — прилагательное от *ильм* ‘лиственное дерево с прочной древесиной, род вяза’ [Ожегов, 1990, 247]). Этот топоним мы также не картографировали. Таким образом, из 11 топонимов, упоминаемых П. Рахконеном в ИМЗ, только два — очевидные верхние притоки, два являются нижними притоками, остальные топонимы — средние притоки своих рек. Как видим, очевидных закономерностей не наблюдается. Особенно примечательно то, что р. *Илезем* впадает в р. *Вохтома* ниже по течению, чем соседняя р. *Волма*, хотя, исходя из предложенного П. Рахконеном значения *ил-* ‘верхний’ и *вол-* ‘нижний’ [Rahkonen, 2009, 172; Рахконен, 2012, 17], должно было бы быть наоборот.

Аналогичным образом р. *Воля* впадает в р. Волга выше по течению, чем рядом протекающая р. *Эльма*. Всё это может быть следствием того, что мы имеем дело с разнородными фактами, и топонимы на *ильм-/эльм-* и на *волм-* не связаны с противопоставлением «верхний — нижний», а образованы от основы с другим значением (см. выше обоснование ареальной противопоставленности основ с рефлексам на месте начального урал. **e-* и о происхождении основ *ильм-/эльм-* и *волм-* от субстратной основы со значением ‘жилой’). Что касается топонима р. *Илезем*, то П. Рахконен членит его в виде *Иле-зем* [Рахконен, 2012, 26], при этом он не приводит никаких других свидетельств существования форманта *-зем* и каких-либо обоснований для выделения его в этом названии. Это нарушает принцип структурной прозрачности.

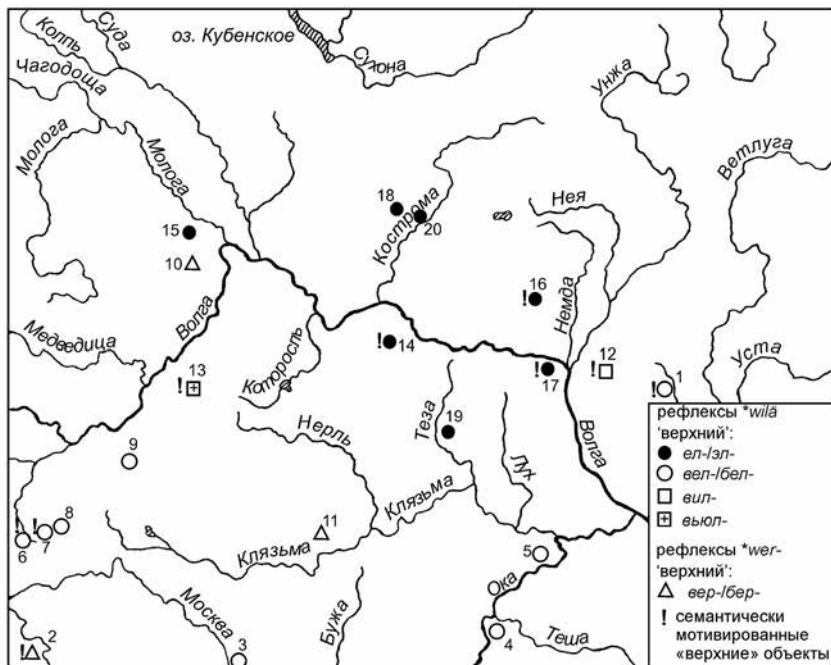
Если убрать все факты на *ильм-*, то в наших материалах на исследуемой территории ИМЗ почти не останется других подтверждений наличия топонимов с основой *ил(e)-*. По всей видимости, материал для картографирования был отобран П. Рахконеном некритически. При семантическом моделировании финским исследователем не были учтены факторы обоснования лингвогеографической дистрибуции фонетических вариантов и структурной прозрачности топонимов, а факт семантической мотивированности не выдерживает проверки. Учитывая эти обстоятельства, говорить о наличии в топонимии ИМЗ основы *ил(e)-* со значением ‘верхний’ проблематично.

Наиболее интересными с точки зрения выявления субстратной основы со значением ‘верхний’ на территории ИМЗ являются возможные рефлексы ф.-уг. *wilä (*wülä*) ‘верх, верхний’ [UEW, 573]. В волжско-финских языках от этого корня образованы морд. эрз. *велькс* ‘верх, верхняя часть’ [ЭРС, 48], мар. горн. *вёлнй* ‘наверху’, прамар. **wül-* [EWT, 311]. Именно эти современные, территориально наиболее близкие к ИМЗ мордовские и горномарийские лексические факты являются ключом к этимологии названия верхнего притока р. Кержанец — р. *Белбаж*, где основа *бел-* < **вел-* ‘верхний’, а формант *-баж* < **-важ* ‘приток реки’ [см.: Смирнов, 2015, 36]. В свою очередь, топоним *Белбаж* позволяет идентифицировать

соответствующую основу *вел-* со значением ‘верхний’ в других топонимах ИМЗ, ареально тяготеющих к югу исследуемой территории (см. карту 4). Тем не менее основы *вел-* нет на большей части ИМЗ, что позволяет предположить другие ее фонетические рефлексy. И действительно, учитывая праязыковые формы этого корня в виде ф.-уг. *wülä, прамар. **wül-*, вероятной этимологией названия р. *Вьюлка* является происхождение основы *вьюл-* от слова со значением ‘верхний’. В пользу этого свидетельствует факт, что эта речка образует пару с р. *Волнушка* (*Волнога*), которая впадает ниже по течению в р. *Нерль* и, в свою очередь, происходит от основы *волн-* со значением ‘нижний’ (см. ниже). Далее, поскольку гласный *i имеет частые рефлексy без лабиализации в виде гласных типа *i*, причем как в финских языках, так, например, и при русской адаптации марийского *ī*, то закономерно ожидать рефлекс соответствующей основы не только в виде *вьюл-*, но и в виде *вил-*, ср. н. п. *Вилеж* на западе Нижегородской области — в верховье речек Куртюга и Родинка.

Тем не менее все рефлексy *вел-*, *вьюл-*, *вил-* расположены на периферии ареала ИМЗ, в центральной части и на севере ИМЗ таких топонимов нет. Ключ к объяснению этого дает субстратная топонимия Русского Севера. В субстратных топонимах севернофинского типа с формантами *-юга* и *-еньга* А. К. Матвеев обнаруживает рефлекс ф.-уг. *wilä (*wülä*) ‘верх, верхний’ в формах без начального **w-*, а именно в формах *ел-* (р. *Елюга*, р. *Еленьга*) и *ил-* (р. *Илеша*, р. *Иланга*, р. *Илисига*) [Матвеев, 2007, 72, 76–77]. Этот рефлекс ближе к саамским формам этого слова, ср. прасаам. *elē ‘верхний’ [YS, 10–11]. Как мы уже сказали выше, рефлекс основы со значением ‘верхний’ в форме *ил-* в ИМЗ весьма сомнителен. Другое дело топонимы с основой *ел-*. Эти топонимы на территории ИМЗ ареально противопоставлены топонимам с основой *вел-*, *вьюл-*, *вил-* (см. карту 4) и находятся с ними в состоянии дополнительной дистрибуции. Из всех топонимов с основами *вел-*, *вьюл-*, *вил-*, *ел-*, приведенных на карте 4, семантически мотивированы как «верхние» восемь названий, и нет ни одного обозначения нижнего притока. Эти лингвогеографические и мотивационно-семантические аргументы

с высокой степенью вероятности свидетельствуют в пользу того, что мы имеем дело с разными диалектными формами одного слова со значением ‘верхний’.

Карта 4. Топонимы с основами со значением ‘верхний’ в ИМЗ

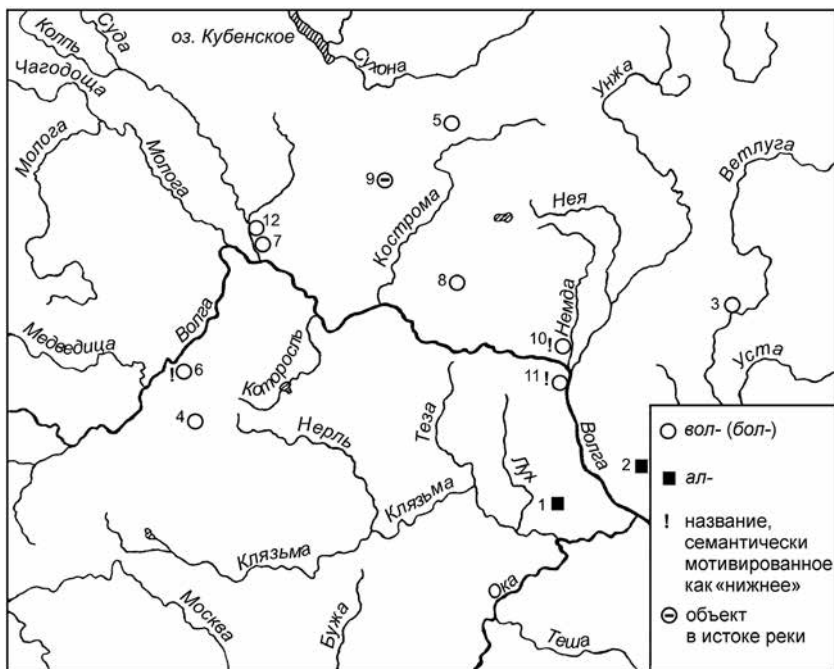
- 1 — р. Белбаж [АНО, 51]
- 2 — р. Берега [АМО, 108]
- 3 — р. Велегушка [АМО, 120]
(ист. Велья, Велейка, Вель,
Вележка [ВОМ])
- 4 — р. Велетьма [АНО, 127]
- 5 — оз. Веловоц [ВОМ]
- 6 — р. Вельга [АМО, 35]
- 7 — р. Вельга [АМО, 37]
- 8 — р. Вельга [АМО, 48]
- 9 — р. Веля [АМО, 17] (ист. Вель
[ВОМ])

- 10 — р. Верекса [АЯО, 57]
- 11 — р. Верлюга [АВО, 54]
- 12 — н. п. Вилеж [АКО, 192]
- 13 — р. Вьюлка [АТО, 136]
- 14 — р. Елена [АКО, 180]
- 15 — р. Еленка [АЯО, 27]
- 16 — р. Елнать [АКО, 153]
- 17 — р. Елнать [АКО, 189]
- 18 — р. Еломза [АЯО, 27]
- 19 — р. Елюшка [АИО, 13]
- 20 — р. Элнать [АЯО, 41]

Среди фактов с основой *ел-* особенно интересными являются названия типа р. *Елнать* (два названия), р. *Элнать* (одно название), а также р. *Елена* и р. *Еленка*. В этих топонимах основа *ел-* имеет расширение с суффиксом *-н-*. Аналогичное расширение основы ф.-уг. **wil-* (*wül-*) ‘верх’ с локативным значением соответствующего аффикса мы находим в других финских языках: мар. горн. *вёлнй* ‘наверху’, саам. лул. *allēn* ‘на западе’ [UEW, 573] (в саамских диалектах имело место семантическое развитие ‘верхний’ > ‘западный’). В форме основы *елн-* нельзя исключать и структурную аналогию с формой основы *волн-* ‘нижний’ (см. ниже). Конечное *-т* в топонимах *Елнать*, *Элнать* можно интерпретировать как суффиксальный элемент с пока неясной этимологией. Названия с основой *ел-/ел(е)н-/елнат-* дают представление о возможных особенностях морфологической структуры слова со значением ‘верхний’ в субстратных диалектах ИМЗ. В свою очередь, гидронимы *Елнать*, *Элнать* в ИМЗ предоставляют ключ к этимологии названия левого притока Волги на территории Марий Эл — р. *Илеть* (мар. *Элнет*) [ТРМЭ, 392]. Они же служат еще одним доказательством преимущественно западных (а не пермских) языковых связей домарийского субстрата на территории Марий Эл.

На крайнем западе ИМЗ наряду с рефлексами ф.-уг. **wilä* (*wülä*) ‘верх, верхний’ фиксируются топонимы с другой основой, имеющей значение ‘верхний’, — *вер-* (р. *Верекса*, р. *Верлюга* < **Верьюга*, р. *Берега* < **Вергега*). Эта основа имеет лексические аналогии исключительно в мордовских языках, ср. морд. эрз. *верце* ‘верхний’ [ЭРС, 50], морд. мокш. *вярь* ‘верх’ [Щанкина, 1993, 31], и является предположительно индоевропейским заимствованием [Keresztes, 1987, 186]. Ареал основы *вер-* на западе ИМЗ пересекается с ареалом основы *вел-*, что дает возможность предполагать существование в западных диалектах мери синонимичных основ со значением ‘верхний’ либо свидетельствует о домерянском субстрате.

Значение ‘нижний’ в субстратной топонимии ИМЗ выразилось в основном с помощью основы *вол-* (см. карту 5), происходящей из урал. **ala* ‘низ, нижний’ [UEW, 6], с переходом **a > o*

Карта 5. Возможные рефлексы урал. *ala 'низ, нижний' на территории ИМЗ

- 1 — оз., р. Алжанец [АВО, 45]
 2 — р. Алма [АНО, 85]
 3 — р. Вол [АКО, 121]
 4 — р. Волинка [АЯО, 106]
 5 — р. Волна [АКО, 27]
 6 — р. Волнушка (н. п. Волнога) [АТО, 135]

- 7 — р. Волсотня [АЯО, 48]
 8 — р. Вольница [АКО, 124]
 9 — р. Вольша [АЯО, 24]
 10 — р. Волоюшка [АКО, 190]
 11 — р. Воля [АКО, 196]
 12 — р. Воля [АЯО, 32]

и протетическим *v-*, что имеет аналогии в саамском языке, ср. саам. норв. *vuolle* 'нижний' [UEW, 6], и в субстратной топонимии Русского Севера [Матвеев, 2007, 66]. В такой этимологии основы *вол-* в ИМЗ с П. Рахконеном можно согласиться [Рахконен, 2012, 17], но с некоторыми уточнениями. Во-первых, необходимо иметь в виду, что в перечень примеров у финского исследователя

падают такие, которые не имеют отношения к этой основе, например р. *Волешка* [Рахконен, 2012, 17, 22], приток р. Шередарь. В действительности эта речка географически связана с рядом протекающей р. *Вольга* [АВО, 51], и название *Волешка* образовано по русской деминутивной словообразовательной модели от топонимической основы *вольг-* со значением ‘белый, светлый’. Во-вторых, основа *вол-* не фиксируется в НКЗ, где перехода $*a > o$ не обнаруживается и ф.-уг. $*a$ последовательно отражается в виде звука [a] [Смирнов, 2015, 28]. Таким образом, в НКЗ на месте *вол-* должно быть *ал-* — и действительно, на этой территории мы находим топонимы предположительно с такой огласовкой основы: оз. *Алжанец*, р. *Алсма* (см. карту 5), где *-с-*, *-ж-*, *-н-* — суффиксальные расширения, имеющие аналогии в других финских языках, а также отмечаемые и в некоторых названиях с основой *вол-*:

- *вольш-* (р. *Вольша*), ср. коми *улыс* ‘нижний’ [КРС, 721], мар. горн. *ўлнйшй* ‘нижний’ [СМЯ, 8, 171]. В субстратной основе ф.-уг. $*s$ предположительно перешло в *š*, как в марийских диалектах;

- *волн-* (р. *Волна*, р. *Волнушка*, р. *Вольница*, р. *Волинка*), ср. саам. кильд. *vīln*, саам. акк. *vo,ln* ‘внизу, снизу’ [UEW, 6]. Сложность представляет то, что в финских языках от слов со значениями ‘верх’, ‘низ’ с помощью суффикса *-н-* образуются в основном наречия и послелогии, поэтому приходится допускать, что в субстратных диалектах ИМЗ этот суффикс несколько расширил свое морфологическое значение. Эти допущения делают основы *волн-* и *елн-* недостаточно прозрачными со структурной точки зрения.

С точки зрения семантической мотивированности «нижних» топонимов картина неоднозначная: три названия имеют мотивацию «нижних» притоков, один топоним (р. *Вольша*) обозначает верхний приток, большинство же названий не имеют очевидной мотивации по верхнему или нижнему положению обозначаемых ими объектов. Тем не менее показательны две пары топонимов: р. *Волнушка* (*Волнога*) и р. *Вьюлка* (притоки р. Нерль Волжская), р. *Воля* и р. *Елнать* (притоки р. Волга), — в которых можно видеть географически оправданное противопоставление

«нижний — верхний» (основы *вол-/волн-* и *вьюл-/елн-* соответственно). Так, р. *Воля* и р. *Елнать* впадают справа в р. Волга в районе весьма примечательного места, где сходятся три реки — Унжа, Немда и Волга, а Волга делает крутой поворот с востока на юг. При этом р. *Елнать* является первым правым заметным притоком Волги выше этого «трехречья», а р. *Воля* — первым правым притоком ниже от него по течению.

Несмотря на ряд важных аргументов в пользу этимологии рассмотренных выше основ в виде ‘верхний’ и ‘нижний’, эти основы в силу возможной омонимии с другими типичными топоосновами и недостаточной структурной прозрачности отдельных топонимов (например, оз. *Алжанец*, р. *Елнать*, топонимы с основой *волн-*) на исследуемой территории не носят дифференцирующий характер, и, как следствие, их использование в качестве основного инструмента для этнического моделирования в субстратной топонимии ИМЗ (что делается в работах П. Рахконена) не является убедительным.

4. Заключение

Учитывая сказанное, приведем таблицу возможной реконструкции основ со значениями ‘верхний’ — ‘нижний’ и ‘большой’ — ‘малый’ в мерянско-муромском ареале по данным П. Рахконена и по нашим данным.

Из этой таблицы следуют по крайней мере два вывода: 1) мерянские (ЦМЗ и ЗКО) и предположительно муромские (НКЗ) данные все-таки необходимо отделять друг от друга; 2) фонетические и лексические связи мерянского языка с саамским языком были не сильнее, чем с марийским и мордовскими языками. Кроме того, проведенный анализ свидетельствует, что реконструкции и выводы П. Рахконена по другим территориям и этническим группам (например, мещере [Rahkonen, 2009]), осуществленные им с применением методики семантического моделирования, но без учета всех факторов достоверности этимологических исследований, нуждаются в проверке и уточнении.

**Реконструкция основ со значениями ‘верхний’ — ‘нижний’
и ‘большой’ — ‘малый’ в мерянско-муромском ареале**

Значение основы	Мерянско-муромское [Rahkonen, 2009, 172, 176; Рахконен, 2012, 38]	Вероятное мерянско-муромское (по нашим данным)		Марийский язык [СМЯ]	Мордовский язык [ЭРС; Щанкина, 1993]	Саамский язык [Керт, 2009; YS]
		ЦМЗ и ЗКО ⁵ (мерянское?)	НКЗ (муромское?)			
‘большой’	* <i>von</i> (вон-) ? < * <i>on</i> или < * <i>en</i>	* <i>in-</i>	? * <i>in-</i>	<i>кугу,</i> <i>кого</i>	морд. эрз. <i>ине</i> морд. мокш. <i>оцю</i>	<i>jonn</i> [Керт, 2009, 128] праса- ам. * <i>ĕnē</i> ‘много, очень’
‘малый’	* <i>vāz</i> (вяз-)	* <i>uc-/uz-/</i> <i>уч-</i>	* <i>уч-</i>	<i>изи</i>	морд. эрз. <i>вишка</i> морд. мокш. <i>ĕмла</i>	<i>uits</i> [Керт, 2009, 128]
‘верхний’	* <i>il</i> (иле-)	* <i>el(e)n-/</i> <i>*вел-</i> <i>/*вьюл-</i> <i>*вер-</i>	* <i>ел-</i>	<i>күйшыл</i> мар. горн. <i>вѣлнѣ</i> ‘наверху’	<i>верце,</i> <i>вярдень</i> морд. эрз. <i>велькс</i> ‘верх’	прасаам. <i>*elē</i>
‘нижний’	* <i>vol</i> (вол(о)-)	* <i>вол-/</i> <i>волн-</i>	* <i>ал-</i>	<i>ўлыл,</i> <i>ўл</i>	<i>ало,</i> <i>алгань</i>	прасаам. <i>*vōlē</i>

АВО — Атлас Владимирской области. Масштаб 1 : 100 000. Тверь, 2008.

АИО — Топографическая карта. Ивановская область. Масштаб 1 : 200 000. М., 1997, 2001.

⁵ Центральнo-мерянская зона (ЦМЗ) и запад Костромской области (ЗКО), географическую локализацию см. в: [Смирнов, 2015, 16, 18].

- АКО — Атлас Костромской области + Горьковское водохранилище. Масштаб 1 : 100 000. Тверь, 2009.
- АМО — Атлас Московской области. Масштаб в 1 см : 1 км. Тверь, 2009.
- АНО — Нижегородская область. Атлас. Масштаб 1 : 100 000. Нижний Новгород, 2007, 2008.
- АТО — Атлас Тверской области. Масштаб 1 : 100 000. Тверь, 2009.
- АЯО — Атлас Ярославской области. Масштаб в 1 см : 1 км. М., 2010.
- ВОМ — Архив А. К. Матвеева, картотека «Волго-Окское междуречье» (представлен Т. В. Матвеевой).
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1989.
- Керт Г. М.* Саамская топонимная лексика. Петрозаводск, 2009.
- КРС — Коми-русский словарь. М., 1961.
- Матвеев А. К.* Ономатология. М., 2006.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера : в 4 ч. Ч. 3. Екатеринбург, 2007.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера : в 4 ч. Ч. 4 : Топонимия мерянского типа. Екатеринбург, 2015.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка : 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М., 1990.
- Рахконен П.* Границы распространения мерянско-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне реки Оки // *Вопр. ономастики.* 2012. № 1 (12). С. 5–42.
- Смирнов О. В.* «Марийская» гипотеза в исследовании топонимии Оки и Унжи и западные границы древнемарийской топонимии // *Вопр. ономастики.* 2015. № 2 (19). С. 7–61.
- Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- СМЯ — Словарь марийского языка : в 10 т. / гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола, 1990–2005.
- ТРМЭ — *Воронцова О. П., Галкин И. С.* Топонимика Республики Марий Эл : историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2002.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987.
- Щанкина В. И.* Мокшень-рузоньвалкс = Русско-мокшанский словарь. Саранск, 1993.
- ЭРС — Эрзянско-русский словарь / под ред. Д. В. Бубриха. М., 1949.
- EWT — *Bereczki G.* Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz / Hrsg. von K. Agyagási und E. Winkler. Wiesbaden, 2013.
- Keresztes L.* Geschichte des mordwinischen Konsonantismus. II. Etymologisches Belegmaterial. Szeged, 1987. (Studia Uralo-Altaica; 26–27).

- Rahkonen P.* The Linguistic Background of the Ancient Meshchera Tribe and Principal Areas of Settlement // *Finnisch-Ugrische Forschungen: Zeitschrift für finnisch-ugrische Sprach- und Volkskunde*. Bd. 60. Helsinki, 2009. S. 160–200.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Budapest, 1986–1991.
- YS — *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 1989.

* * *

Смирнов Олег Витальевич

кандидат филологических наук,
 начальник Центра управления
 проектами
 АО «РСГ-Академическое»
 620016, Екатеринбург, ул. Павла
 Шаманова, 22, ком. 221
 E-mail: ovsmirnov@mail.ru

Smirnov, Oleg Vitalyevich

PhD, Head of the Project Development
 Centre,
 RSG-Akademicheskoye
 22, Pavel Shamanov st., office 221,
 620016, Ekaterinburg, Russia
 E-mail: ovsmirnov@mail.ru

**The Stems with the Meanings
 ‘Upper’ — ‘Lower’, ‘Little’ — ‘Big’,
 in the Substrate Toponymy of the Historical Merya Lands**

With reference to the reconstruction of substrate toponymic stems with the meanings ‘little’, ‘big’, ‘upper’, ‘lower’ in geographic names attested in the historical Merya lands (in the center of the European part of Russia), the paper considers the application of the semantic modeling method for the evaluation of the reliability of etymologies in place name studies. The author analyses the following methodological aspects: identification of stems’ differentiating capacity; regular phonetic correspondences and geographical distribution of phonetic forms; substantiation of the morphological structure and motivation of toponyms. The author shows that, if not taken into account, these aspects may lead to an incorrect use of the semantic modeling method and, as in some studies, to unreliable ethnogenetic reconstructions. The paper also contains a summary table presenting the results of the reconstruction of the discussed toponymic stems (lexical elements) in two extinct Finnic languages of the central part of European Russia — Merya and Muroma.

К e y w o r d s: etymology, substrate toponymy, methods of etymological research, Volga-Oka interfluve area, Finno-Ugric languages, Merya, Muroma, Mari language, Mordvinic languages.

А. А. Фомин
Екатеринбург

«Мистер Джон Ланкастер Пек»: поэтоним как маска персонажа

В статье анализируется имя главного героя из песни В. С. Высоцкого «Пародия на плохой детектив». Предпринята попытка показать, каким в соответствии с авторским замыслом предстает персонаж в зеркале присвоенного ему имени. Поэтоним рассматривается как художественный прием, формирующий имидж персонажа, своеобразная ономастическая «маска», за которой персонаж скрывает лицо. Чтобы выявить характеризующие свойства поэтонима *Джон Ланкастер Пек*, автор статьи исследует смыслообразующий потенциал каждого из трех его компонентов, а также смыслообразующий потенциал цепочки его структурных вариантов в аспекте первичной и повторной номинации персонажа. Для каждого из компонентов поэтонима выделяются доминирующие ассоциативно-смысловые ряды, которые и определяют восприятие и интерпретацию имени персонажа слушателем или читателем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поэтоним, поэтонимия, литературный оним, литературная ономастика, имя собственное в художественном тексте, поэтика онима, смыслообразующий потенциал поэтонима, В. С. Высоцкий.

1. Песня «Пародия на плохой детектив» была написана В. С. Высоцким в 1966 г. и относится к числу так называемых шуточных его песен, где на первый план выходят юмористически, а иногда и сатирически окрашенные образы современной ему советской

действительности. В данной песне описываются козни агента не то английской, не то американской разведки, который прибыл в Москву с целью дискредитировать достижения первого социалистического государства, но был обезврежен бдительными контрразведчиками, оберегающими покой советских граждан.

Автор сознательно включает в состав названия специальное указание на жанровую характеристику произведения, упоминая сразу два литературных жанра — пародию и детектив. Если упоминание жанра пародии оправдано всем содержанием произведения, доводящего до абсурда штампы советской шпионской литературы, то упоминание детектива здесь явно имеет условный характер. Очевидно, с литературоведческой точки зрения правильнее вести речь о пародии отнюдь не на детектив, предполагающий расследование загадочного преступления и раскрытие до определенного времени неизвестного преступника, а на другой популярный жанр массовой литературы — шпионский роман. Действительно, злодейская сущность и преступные намерения главного героя песни слушателю известны с самого начала; они, можно сказать, заданы в экспозиции произведения. В фокусе изображения, таким образом, оказывается не раскрытие тайны преступления, а деятельность самого преступника, посягающего на священные концепты социалистической идеологии.

Почему же Высоцкий называет свою песню пародией именно на детектив? Думается, причин здесь две. Это, во-первых, своеобразное положение жанра детектива среди прочих жанров советской литературы, сложившееся к середине 1960-х гг. Отношение к нему со стороны партийных и литературных функционеров того времени было достаточно настороженным. С одной стороны, детектив считался облегченным, несерьезным жанром, пришедшим с Запада и не очень подходящим для воспевания героики трудовых будней советского народа, что декларировалось в качестве одной из первоочередных задач советской литературы. С другой стороны, в нем признавался всё же определенный воспитательный потенциал, так как изображение торжества социалистической законности над любыми проявлениями чуждой идеологии и морали свидетельствовало

о незыблемости советского государственного строя. В то же время партийных работников, руководящих литературой и регламентирующих литературный процесс, не мог не настораживать сам факт появления на страницах произведения персонажей, чье мировоззрение заведомо расходилось с провозглашаемой доктриной, согласно которой весь советский народ, сплотившись вокруг коммунистической партии, с воодушевлением строил новое общество. Наличие таких враждебных общественных элементов писателю приходилось объяснять. Как правило, использовались два объяснения: наличие преступности связывалось либо с сохраняющимися пережитками прежнего строя, либо с тлетворным влиянием капиталистического окружения. При этом всячески подчеркивалась нетипичность подобных элементов, их рудиментарный характер в советском обществе.

Поэтому детективные книги, несмотря на большую популярность этого жанра у читателей, строго дозировались в отношении тиража и ассортимента. К содержанию их предъявлялся ряд особых требований: положительные герои должны были быть безупречны в идеологическом и морально-нравственном отношении, а отрицательные персонажи, наоборот, должны были являть набор резко негативных качеств; конфликт между ними должен был иметь антагонистический характер и заканчиваться безусловной победой носителей нравственного идеала, тогда как преступник, посмевшийся посягнуть на святыни общественной нравственности, обязан был понести заслуженное наказание; желательным было и эксплицитное обличение отрицательного героя, формулирующее тот или иной догмат официальной идеологии и выражающее воспитательный пафос произведения. Таким образом, в детективном жанре вырабатывались определенные клише, которые автоматически переходили из одного произведения в другое и легко предугадывались читателями. Чем более клишированным был текст, тем труднее достигался эффект неожиданности, необходимый для эстетического переживания детективного произведения. Естественно, что такой избыливающий идеологическими и другими штампами детектив обычно воспринимался как «неинтересный» и поэтому «плохой».

Во-вторых, детектив обычно не обособлялся от других приключенческих жанров не только читателями, но зачастую даже самими писателями, которые работали в этом жанре. Милицейский роман, шпионский роман, роман приключений, даже научно-фантастический роман сосуществовали под общей рубрикой приключенческой литературы. Отсутствовали ясно осознаваемые жанровые каноны, которые способствовали бы четкому разграничению жанров. Литературоведы и литературные критики, чьей задачей могла бы стать выработка таких канонов, в середине 1960-х гг. достаточно редко обращались к этим периферийным, якобы рассчитанным на невзыскательный читательский вкус жанрам. Закономерным следствием такой неотрефлексированности жанровых доминант стало смешение разных жанров в восприятии читателей. Рядовой читатель, ищущий остросюжетности, зачастую причислял к детективу все произведения, фабула которых основывалась на увлекательных приключениях главного героя, даже если речь в них и не шла о раскрытии загадки таинственного преступления. Высоцкий, не будучи специалистом-литературоведом, в названии своей песни как раз зафиксировал это нечеткое, чересчур широкое тогдашнее понимание детективного жанра рядовым читателем. Шпионский роман в 1960-е гг. мог восприниматься как особая разновидность детектива в широком смысле.

Принадлежность к пародируемому жанру шпионского романа объясняет ряд композиционных особенностей песни. Так, ее фабула строится в полном соответствии с требованиями шпионского романа: выделяется экспозиция (первый куплет), где вводится и характеризуется главный герой; за ней следует основная часть, в которой изображается бурная деятельность персонажа, его «приключения» (второй — первая половина восьмого куплета); далее следует кульминация, в ходе которой происходит перевоплощение незадачливого помощника главного героя в его грозного противника («сбрасывание маски» — вторая половина восьмого куплета); наконец, завершают песню финал, в котором преступник несет заслуженное наказание («расплата» — первые три строчки девятого куплета), и эпилог, свидетельствующий о торжестве справедливости и неизбежности основ существующего строя (последняя строчка девятого куплета).

Естественно, что ориентация на жанр шпионского романа повлекла за собой и определенную специфику в выборе номинативных средств текста. В частности, задачи изображения персонажей и построения фабулы произведения потребовали от автора активного использования имен собственных при назывании ряда объектов художественного мира. Количество поэтонимов в тексте весьма велико: всего насчитывается 17 случаев их употребления (с учетом повторяющихся онимов) в девяти куплетах. Это значит, что на один куплет приходится почти по два случая употребления собственных имен. Во всех без исключения куплетах песни собственные имена присутствуют в большем или меньшем количестве. Трудно сказать, найдется ли в песенном творчестве Высоцкого еще одно произведение с такой высокой ономастической «плотностью».

При помощи различных форм поэтонимов в общей сложности называется десять объектов художественного мира: кроме персонажей (главного героя и его помощника-противника), собственными именами названы различные внутригородские объекты, локализирующие действия в пределах Москвы (таких онимов шесть), и объекты внешнего по отношению к Советскому Союзу англо-американского мира (таких онимов два).

Таким образом, поэтонимия произведения разбивается на две группы: 1) онимы, номинирующие действующих лиц; 2) онимы, структурирующие пространство, в котором развивается действие. Одновременно все поэтонимы ориентируют художественное пространство относительно географического пространства реального мира. В соответствии с этим они также могут быть разделены на две группы: 1) онимы, ориентирующие слушателя на пространство, которое можно назвать советским (московский топос), — таких онимов семь (*гостиница «Советская», улица Нагорная, Центральный рынок, ГУМ, МХАТ, Епифан, Манеж*); 2) онимы, ориентирующие слушателя на внешнее по отношению к предыдущему пространство обобщенно изображаемого англо-американского мира, — таких онимов три (*Джон Ланкастер Пек, Би-би-си, Чикаго*).

В данной статье рассмотрим очень кратко лишь один поэтоним, номинирующий главного героя, который действует под псевдонимом

Джон Ланкастер Пек. Нас будут интересовать характеризующие персонаж смыслы, которые порождаются употреблением собственного имени в контексте произведения. При этом нужно учесть способ введения поэтонима в текст и его последующие структурные трансформации.

2. С самого начала имя собственное *Джон Ланкастер Пек* предлагается слушателю в качестве псевдонима. Понятно, что прибывающий во вражескую страну со шпионскими целями агент, как правило, не может там находиться под своим собственным именем. Он должен выбрать и принять другое имя, под которым ему и предстоит действовать. Таким образом, поэтоним *Джон Ланкастер Пек*, который мы попытаемся проанализировать, заведомо вводится как неистинное, маскировочное, фальшивое имя персонажа. Оно предназначено вовсе не для того, чтобы охарактеризовать героя в его подлинной сущности, а для того, чтобы скрыть эту сущность за надетой на героя маской. Следовательно, выявляя характеризующие смыслы имени, не следует забывать, что характеристика относится не к персонажу как таковому, а к его имиджу, который целенаправленно создается персонажем и находит отражение в избранном им псевдониме. Иначе говоря, имя является атрибутом не персонажа, а надетой на него маски, поэтому смысловой потенциал поэтонима помогает слушателю или читателю понять, каким хочет предстать перед окружающими персонаж, а не каким он является на самом деле.

Собственное имя строится по трехчленной модели, обычной как для английского, так и — особенно — для американского антропонимикона. Так, В. А. Скрозникова, характеризуя современный американский антропонимикон, пишет: «В настоящее время в Соединенных Штатах Америки наряду с двухчленной моделью, состоящей из личного, или индивидуального, имени и присоединяемого к нему второго имени, общего для всех членов семьи, к которой принадлежит тот или иной человек, т. е. фамилии, или фамильного имени <...> все чаще встречается трехчленная АМ (антропонимическая модель. — А. Ф.): два личных имени (или индивидуальное имя + среднее имя) + фамилия» [Скрозникова, 1989, 27].

В данном случае первым компонентом антропонима является узуальное личное имя *Джон* (*John*), весьма обычное для английского и американского антропонимикона.

Второй компонент — так называемое среднее имя (*Ланкастер*), которое, по В. А. Скрозниковой, «дают в честь кого-либо из родственников, выдающихся личностей, исторических событий, по названиям местности и т. п.» [Там же]. Разнообразие средних имен в американской антропонимии достаточно велико, но существуют, конечно, и наиболее типичные мотивировки их появления. Так, «нередко в качестве среднего имени мужчины выступает фамилия его матери, а женщины — ее девичья фамилия» [Там же, *сноска*]. Отметим, что среднее имя персонажа *Ланкастер* — от-фамильного происхождения и восходит к известной английской фамилии *Lancaster*, которая, в свою очередь, связана с названием главного города графства Ланкашир, находящегося на западе Англии [Рыбакин, 1986, 270]. В тексте песни антропоним подвергся транслитерации и русификации, которая проявилась в переносе ударения на второй слог (в английском языке как в названии города, так и в фамилии ударение падает на первый слог).

Третьим компонентом составного антропонима является русифицированная узуальная английская фамилия *Рекс*, отмеченная в словаре А. И. Рыбакина [Там же, 351]. В данном случае русификация фамилии проявилась в смягчении начального согласного и в упрощении финальной группы букв при транслитерации онима (*Пек*, а не *Пекк*).

3. Каждый из трех компонентов поэтонима создает свой ассоциативно-смысловой ряд. Личное имя *Джон*, как известно, относится к числу наиболее употребительных в английском и американском антропонимиконе. Степень его типичности такова, что постепенно оно стало восприниматься как обозначение англичанина или американца вообще (аналогично тому, как личное имя *Иван* стало почти нарицательным для обозначения русского). Неслучайно персонажи английского фольклора часто носят это имя (пожалуй, ничуть не реже, чем в наших сказках герой носит имя *Иван*). Вспомним хотя бы *Джона Ячменное Зерно*, героя английской

народной песни, известного нам благодаря Р. Бёрнсу и переводчикам его произведений. Вследствие своей типичности личное имя *Джон* тесно связано в сознании носителей русского языка с английским и американским антропонимикомом и, следовательно, получает косвенную хронотопическую значимость: носитель имени *Джон* при отсутствии в тексте иных хронотопических сигналов (так сказать, «по умолчанию») воспринимается слушателем как англичанин или американец, а не, скажем, австралиец или нигериец.

Распространенность и непримечательность имени *Джон*, вполне вероятно, послужили причиной его выбора шпионом, поскольку за ним легче укрыться, слившись с общей массой носителей этого имени. Для слушателя же куда важнее та хронотопическая значимость имени, о которой было сказано выше. Первый компонент поэтонима характеризует героя как достаточно типичного англичанина или американца, апеллируя тем самым к стереотипным представлениям носителей русского языка о них.

Итак, главное направление ассоциирования личного имени *Джон* — англо-американский мир, а закономерные ассоциаты его — *Англия, Британия, США, Америка, англичанин, американец* и др.

В связи с этим необходимо специально остановиться на особенностях изображения англо-американского мира в произведении Высоцкого. Для этого кратко рассмотрим пространственную модель художественного мира песни. Пространство в песне структурировано так: имеется область, внутри которой совершается действие и которая, с точки зрения идеологических и аксиологических параметров, является достаточно однородной. К идеологическим доминантам этого пространства в первую очередь можно отнести принципиальный коллективизм, когда интересы и ценности коллектива ставятся выше индивидуальных ценностей. С ориентацией на коллектив связан концепт единства: советский народ, населяющий страну, испытывает одни и те же чувства как по отношению к достижениям народного хозяйства (любовь и гордость), так и по отношению к тому, кто попытался дискредитировать эти достижения (ненависть и гнев). Аксиология данной области изображается

сугубо положительной: она оценивается как правильно и разумно устроенная, а потому прочная в своих основах.

Эта область в первом приближении отождествляется с Москвой, на что однозначно указывает ряд собственных имен в тексте (например, *ГУМ* или *МХАТ*). Впрочем, действия главного героя направлены на дискредитацию не сугубо «московских» идеологических ценностей, а ценностей той страны, столицей которой является Москва. Действуя в пределах Москвы, персонаж посягает на государственные «святыни», поэтому идеологически и аксиологически топоним «Москва» в тексте представляет топоним «Советский Союз». Это позволяет обозначить вышеупомянутую пространственную область как *советский мир*. Назовем данную область *внутренним пространством*, поскольку события происходят внутри нее. В этом смысле название гостиницы «*Советская*» закономерно и очень важно: оно сигнализирует о важнейшем идеологическом концепте, объединяющем собой внутреннее пространство. Значимость данного названия проявляется, в частности, в том, что оно, единственное из всех наименований «неодушевленных» объектов художественного мира, повторяется в тексте дважды и служит своеобразной пространственной и идеологической константой, относительно которой фиксируются изменения в художественном мире. Действительно, в одной и той же гостинице (точке пространства), символизирующей страну, вначале жил «несоветский человек», приехавший с неблагоприятными целями и закономерно отторгнутый враждебным ему пространством, а после его разоблачения и наказания «поселился мирный грек», чьи отношения с этим пространством не являются конфликтными.

Внутреннее пространство (советский мир) окружено внешним пространством, откуда прибывают Джон Ланкастер Пек и безымянный мирный грек. Внешнее пространство неоднородно: оно включает в себя англо-американский мир, безусловно враждебный по отношению к «советскому миру», и остальной мир, который нейтрален по отношению к нему. Впрочем, об этом остальном мире свидетельствует лишь скупое упоминание нового жильца гостиницы «*Советская*» в последней строчке песни.

В то же время англо-американский мир изображается единым и однородным пространством с противоположными советскому миру идеологическими и аксиологическими характеристиками. Это приоритет интересов личности над коллективными ценностями. Именно такую систему ценностей внушает «гражданину Елифану» завербовавший его шпион, да и сам он в полной мере разделяет ее, так как стремится использовать своего «подручного» для решения собственных задач, играя на его слабостях. Аксиология этого мира изображается откровенно отрицательной: он оценивается как неправильный, построенный на ложных ценностях, а потому враждебный «правильному» советскому миру.

О единстве англо-американского мира свидетельствует использование двух собственных имен, осуществляющих отсылку к его объектам. Во-первых, это название известной английской радиостанции *Би-Би-Си*¹. Организованное Джоном Ланкастером нападение на шофера такси должно было получить широкую известность из передач именно этой радиостанции. Поскольку в США действовала другая вещавшая на Советский Союз радиостанция («Голос Америки»), закономерно расценить упоминание о Би-Би-Си как довод в пользу принадлежности агента к английской внешней разведке МИ-6². Однако за выполнение заданий шпион обещает своему добровольному помощнику, среди всего прочего, «дом в Чикаго», т. е. на территории США, что свидетельствует скорее о его принадлежности к американскому ЦРУ. Впрочем, обе эти разведслужбы в общей борьбе против Советского Союза, как известно, тесно сотрудничали, а интересы США и Великобритании очень часто совпадали. Поэтому на какую бы из двух разведок ни работал

---

¹ Радиостанция «British Broadcasting Corporation», сокращенно BBC, — британская теле- и радиовещательная корпорация, основанная в 1927 г. в Лондоне. Вещанием на другие страны, как известно, занималась Всемирная служба BBC, в состав которой входила и Русская служба. Передачи велись круглосуточно на английском и 36 иностранных языках (в том числе с 1947 г. и на русском). В 2011 г. Русская служба прекратила радиовещание, сохранив спутниковое вещание и вещание в интернете.

² М16 (МИ-6) — *Military Intelligence* (Военная разведка), или *Secret Intelligence Service* (SIS — Секретная разведывательная служба), — государственный орган внешней разведки Великобритании.

прибывший в СССР агент, он выполнял бы одни и те же задания и ставил бы одни и те же деструктивные цели.

Как мы видим, личное имя *Джон* избирается автором в соответствии с общим принципом изображения англо-американского мира, каковым является его нечленимость, идеологическая и аксиологическая однородность. Лондон, столица Великобритании, где располагается корпорация Би-Би-Си, и городок Лэнгли в американском штате Виргиния, где находится штаб-квартира ЦРУ, — это разные точки одного и того же художественного пространства, а не различные его области.

4. На первый взгляд, среднее имя персонажа — *Ланкастер* — противоречит отмеченному выше принципу нерасчлененного изображения связанного с героем англо-американского мира. И происхождение его, и круг ассоциаций явно указывают на английский ономастикон и историю Англии. Ланкастеры — знатный английский род, представляющий собой боковую ветвь королевского дома Плантагенетов. Последним королем Англии из рода Ланкастеров был Генрих VI, вступивший на престол в возрасте 10 месяцев в 1421 г. и правивший в течение 40 лет — до 1461 г., когда он был свергнут Йорками, другой боковой ветвью Плантагенетов. Впрочем, в 1470 г., в ходе войны Алой и Белой розы, ему удалось снова стать королем, но уже в следующем году он был убит. Генрих VII, основатель династии Тюдоров, вступивший на престол в 1485 г., считался наследником дома Ланкастеров, поэтому, став королем, он принял титул герцога Ланкастерского, который с тех пор сопутствует британской короне [ЭК].

Эта аллюзия на целый ряд исторических фигур, представляющих знатный английский род, конечно, важна в плане характеристики персонажа Высоцкого. Данный компонент поэтонима как бы намекает на родовитость Джона Ланкастера Пека, на глубокую древность его рода, отмечая при этом его высокий общественный и имущественный статус. Перед нами не просто типичный англичанин, а благородный английский аристократ, чей облик и чьи манеры невольно внушают мысль о многовековых семейных традициях. И все же, несмотря на четкую ориентацию данного собственного

имени на английский антропонимикон, делать поспешный вывод о том, что герой изображается англичанином, а не американцем, нельзя. Этому препятствует третий компонент поэтонима.

5. Фамилия *Пек* организует в тексте собственный ассоциативно-смысловой ряд. В 1966 г., когда была написана песня, эта фамилия с большой долей вероятности вызывала у слушателей (особенно у тех, кто интересовался кино) в памяти образ реального ее обладателя — прославленного голливудского актера Грегори Пека. Высоцкий, вне всякого сомнения, знал этого актера и видел фильмы с его участием. Об этом можно судить по воспоминаниям Марины Влади в ее книге «Владимир, или Прерванный полет». Во время их совместной поездки в США Высоцкий пел на вечере, где среди прочих голливудских знаменитостей, собравшихся послушать барда, присутствовал Грегори Пек. Марина Влади пишет об этом так:

Ярко освещенный парк окружает дом в колониальном стиле. На веранде, в комнатах, возле бассейна собрался весь Голливуд. Нас поражает красота этих людей: длинноногие женщины с потрясающими волосами, золотистой кожей и крепкими телами под легкими платьями. Крупные, гибкие, улыбающиеся мужчины похожи на хищников в поисках добычи. Ты меня толкаешь локтем и, как мальчишка, зачарованно произносишь вслух имена актеров: Рок Хадсон, Пол Ньюмен, Грегори Пек... [Влади, 1990, 163].

Этот эпизод свидетельствует, что Высоцкий узнал присутствовавших на вечере актеров, имена которых он произнес в присутствии жены.

Разумеется, в условиях холодной войны и «железного занавеса» в Советском Союзе американские фильмы были редкостью, но все же они порой появлялись на экранах кинотеатров и тогда пользовались среди советских зрителей большой популярностью, собирая полные залы в кинотеатрах. Обычно это происходило в периоды «потепления» советско-американских отношений. Один из них имел место после визита Н. С. Хрущева в США, состоявшегося в сентябре 1959 г. В течение следующего года на экранах Советского Союза прошел ряд американских фильмов, и среди прочих — «Римские каникулы», где главные роли исполняли Грегори Пек и Одри Хепберн.

Интересно, что полное имя актера, как и имя персонажа Высоцкого, трехкомпонентно: его звали Элдред Грегори Пек (*Eldred Gregory Peck*).

Ассоциативная связь фамилии персонажа песни с фамилией реального актера важна в двух аспектах. Во-первых, она отсылает слушателя к актерскому амплуа Грегори Пека. Хорошо известно, что особенно ему удавались положительные герои, образы которых он оживлял и наделял мужским обаянием. О нем писали:

Практически с первой роли в фильме «Дни славы» (1944) он «находит» своего героя. Амплуа положительного персонажа, заражающего окружающих своим оптимизмом и верой, как нельзя более подходит к нему. И практически на протяжении многих лет этот имидж оставался неизменным [<http://www.kino-teatr.ru/kino/acter/m/hollywood/47429/bio/>];

Высокий (его рост был 191 см), статный, красивый юноша с мужественным лицом и выразительными черными глазами, он как будто был создан для ролей положительных героев и «стопроцентных американцев» — надежных, сильных и обаятельных. Лишенный слащавости, со спокойной уверенностью движений и удивительной достоверностью каждого произнесенного слова, он сразу и безоговорочно покориł зрительские сердца [http://www.hollywood-actors.ru/other/peck_bio.htm];

Имя Пека уверенно входит в список десяти самых известных актеров американского кино — мягкий юмор, интеллигентность придавали его игре особую прелесть. Пеку вполне удалось совместить в образе положительного героя — недостижимый идеал и вполне земной привлекательный типаж современного американца [<http://www.svetla-video.ru/?id=79&page=artist>];

И почти везде Грегори Пек предстает эталоном настоящего мужчины, красивого, уверенного в себе, и вместе с тем нежного и заботливого возлюбленного... Неудивительно, что для многих зрителей, а особенно зрительниц, именно Грегори Пек стал воплощением мужского идеала [<http://www.svetla-video.ru/?id=79&page=artist>];

Пек запомнился тем, что почти всегда играл роли смелых героических людей, которые борются с несправедливостью. Да и сам Пек как-то сказал: «Они говорят, что играть плохих парней значительно интереснее. Но хороших парней играть значительно престижнее, так как их труднее сделать интересными» [<http://www.liveinternet.ru/community/976039/post214680599/>].

Его обычный герой — это благородный, сдержанный, сильный, надежный и обаятельный мужчина, всегда готовый бороться против несправедливости и защищать слабого. Таким человеком хочет предстать в глазах окружающих и персонаж песни Высоцкого.

Во-вторых, данная ассоциация напоминает об актерской профессии Грегори Пека. Актер — это человек, который играет роль, надевает на себя маску, изображая того, кем он не является. В этом случае фамилия содержит явный намек на искусное притворство главного персонажа песни. Он, подобно актеру играя заданную роль, демонстрирует окружающим маску, скрывающую его истинное лицо.

Точно так же, как среднее имя *Ланкастер* ориентировало слушателя на английскую историю, фамилия *Пек* ориентирует его на сферу американского кинематографа. Хронотопические сигналы, исходящие от различных компонентов поэтонима, оказываются разнонаправленными, а потому поэтоним не способен сколь-нибудь четко идентифицировать гражданство его носителя, закрепив его за той или иной зоной англо-американского мира. Личное же имя индифферентно в этом отношении в силу одинаковой распространенности его в английском и американском антропонимиконе.

Выше говорилось, что столь же разнонаправленные сигналы демонстрируют эргоним *Би-Би-Си* и топоним *Чикаго*, структурирующие в тексте песни англо-американский мир. В итоге Джон Ланкастер Пек оказывается представителем неделимого на подобласти пространства, противостоящего советскому миру. Конфликт между этим миром, основанным на разумных основаниях, и отрицательным героем, который желал бы разрушить или по крайней мере дискредитировать его устои, носит антагонистический характер и заканчивается, как это положено в идеологически выверенном произведении, поражением злопыхателя и победой защитников советского строя.

6. Трансформации структурных вариантов поэтонима в тексте песни символически изображают фиаско персонажа.

В общей сложности он именуется с использованием ономастических единиц пять раз. Первичной номинацией персонажа является наиболее полная в структурном отношении номинативная единица *мистер Джон Ланкастер Пек*, в состав которой, кроме

трех ономастических единиц, входит еще апеллятив *мистер*, обычно используемый при официальном общении между носителями английского языка. Данная структурная формула используется в первом четверостишии:

Опасаясь контрразведки, избегая жизни светской,
Под английским псевдонимом «мистер Джон Ланкастер Пек»,
Вечно в кожаных перчатках, чтоб не сделать отпечатков,
Жил в гостинице «Советской» несоветский человек.

Эта полная номинативная единица представляет персонаж слушателю или читателю в соответствии с этикетными требованиями — так героя представили бы на каком-либо официальном мероприятии, где он мог присутствовать, если бы не избегал «жизни светской». Как уже говорилось, с самого начала поэтоним вводится в качестве шпионского «псевдонима», а потому его стилистическая окраска («уважительная официальность», «этикетная почтительность») относится не к самому персонажу, а к его имиджу.

Повторные номинации эллиптируют те или иные компоненты первичной структурной формулы онима. Так, во втором четверостишии персонаж назван *Джоном Ланкастером* без упоминания фамилии *Пек*:

Джон Ланкастер в одиночку, преимущественно ночью,
Чем-то шелкал, в чем был спрятан инфракрасный объектив.
А потом в нормальном свете представало в черном цвете
То, что ценим мы и любим, чем гордится коллектив.

Это менее официальное именование персонажа, уже знакомого читателю / слушателю, появляется в ходе повествования о неблагоприятных его действиях и соответствует обычной нарративной практике использования более кратких ономастических единиц при повторной номинации.

В пятом четверостишии происходит дальнейшее эллиптирование компонентов онима, когда герой назван только личным именем:

Епифан казался жадным, хитрым, умным, плотоядным,
Меры в женщинах и в пиве он не знал и не хотел.

В общем, так: подручный Джона был находкой для шпиона.
Так случиться может с каждым, если пьян и мягкотел.

Эта номинация носит еще более неофициальный, непринужденный характер, отражающий куда меньшую дистанцированность от персонажа, чем в первых двух случаях. Герой именуется так, как его мог называть завербованный «подручный», который, в свою очередь, скрывает под маской безалаберного сластолюбца *Епифана* свою истинную сущность контрразведчика и «прекрасного семьянина».

Наконец, в последнем четверостишии текста, когда происходит разоблачение и наказание преступника, употребляются две ономастические единицы, как бы «расщепляющие» надвое составную номинативную единицу из первого четверостишия:

Да, до этих штучек мастер этот самый Джон Ланкастер,
Но жестоко просчитался пресловутый мистер Пек.
Обезврежен он и даже он пострижен и посажен,
А в гостинице «Советской» поселился мирный грек.

Обе ономастические единицы сопровождаются местоименным и аппеллятивным конвоем, имеющим определенную аксиологическую окраску. Как свидетельствует интернет-издание «Большого толкового словаря», обычно местоименное прилагательное *самый*, употребляемое при указательном местоимении, используется в речи для уточнения: ‘именно этот, не иной’ [БТС]. В данном случае, однако, такое уточнение лишено смысла, поскольку в художественном мире романа никакого другого Джона Ланкастера не существует, использованное имя прочно связано с единственным его носителем, изображаемым в произведении. Поэтому в нарочито избыточном употреблении указательного местоимения в совокупности с уточняющим его местоименным прилагательным можно видеть выражение негативного отношения к персонажу и подчеркнутое желание дистанцироваться от него, тем более что в пределах микроконтекста указательное местоимение (*до этих штучек мастер*) также отсылает к негативно оцениваемым действиям персонажа.

Еще отчетливее выражена негативная оценка в прилагательном *пресловутый*. В соответствии с электронной версией «Большого

толкового словаря», это прилагательное (с пометой «неодобрительно») означает ‘вызвавший много толков, получивший отрицательную или сомнительную известность’ [БТС].

Таким образом, местоименно-апеллятивный конвой онимов, в противоположность компонентам ономастической номинации, отражает негативную оценку персонажа и его действий.

Не исключено, что даже сам порядок следования ономастических единиц при повторной номинации персонажа имеет определенное значение, символически отражая сюжетные перипетии. Вначале агент энергично приступает к своей враждебной деятельности, он полон сил, хотя и опасается разоблачения. Этому этапу его деятельности соответствует форма первичной номинации *мистер Джон Ланкастер Пек*. В дальнейшем силы шпиона убывают (неслучайно ему понадобился подручный, на которого агент перекладывает необходимые для достижения нужных ему целей практические действия), и это символически изображается посредством постепенного сокращения структурной формулы поэтонима. Персонаж при повторной номинации сначала именуется *Джоном Ланкастером* (двухкомпонентный оним), а затем *Джоном* (однокомпонентный оним). В финале песни, когда шпион обезврежен, его первоначально полный оним «раскалывается» на две единицы: *мистер Джон Ланкастер Пек* превращается в *этого самого Джона Ланкастера* и в *пресловутого мистера Пека*. Если отбросить оценочные элементы местоименно-апеллятивного конвоя, можно схематически изобразить это «расщепление» так: *мистер Джон Ланкастер Пек* = *Джон Ланкастер* + *мистер Пек*. Разделение, раскол, распад первичного, полного имени персонажа символизирует его окончательное поражение в борьбе с враждебным для него окружающим пространством.

Создавая пародию на шпионский роман, В. С. Высоцкий насыщает текст разнообразными, доводимыми порой до абсурда литературными штампами и концептами социалистической идеологии. Пародийность пронизывает все произведение — начиная с принципов построения художественного мира (заведомая антагонистичность, резкая полярность аксиологических характеристик, нарочитая упрощенность и т. д.) и заканчивая отдельными художественными

детальями. К примеру, мужчина с чемоданом на выставке в Манеже не мог не привлечь всеобщее внимание, что вряд ли было уместно при встрече агентов; после утвердительного ответа на вопрос-пароль «Не хотите ли черешни?» передать персонажу отнюдь не черешню, а батон — значило вызвать недоумение у любых случайно присутствующих при этой встрече посетителей; батон, вне всякого сомнения, являлся не очень удобным и вместительным «контейнером» для хранения и передачи взрывчатки и т. п. Автор стремится к тому, чтобы нарочитые неправдоподобие, нереалистичность, порой абсурдность деталей повествования приводили слушателя через улыбку и смех к дискредитации пародируемых литературно-идеологических клише. В этом плане собственные имена песни также являются одним из использованных автором приемов, помогающих ему решить поставленные художественные задачи.

БТС — Большой толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/> (дата обращения: 22.01.2017).

Влади М. Владимир, или Прерванный полет. М., 1990.

Рыбакин А. И. Словарь английских фамилий. М., 1986.

Скрозникова В. А. Американцы // Системы личных имен у народов мира / отв. ред. М. В. Крюков. М., 1989. С. 27–36.

ЭК — Энциклопедия Кольера / Ланкастеры [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/2840/ЛАНКАСТЕРЫ (дата обращения: 22.01.2017).

* * *

Фомин Анатолий Аркадьевич

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и общего языкознания
Уральский федеральный
университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина,
51, ком. 306
E-mail: ant@isnet.ru

Fomin, Anatoly Arkadyevich

PhD, Associate Professor
Department of Russian Language
and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin av., room 306,
620000, Ekaterinburg, Russia
E-mail: ant@isnet.ru

“Mister John Lancaster Peck”: Poetonym as a Character’s Mask

The article analyses the name of the principal character of Vladimir Vysotsky’s song *A Parody of a Bad Crime Story* and attempts to describe the character’s image as reflected in his name. The poetonym is considered in the article as a kind of literary device, an onomastic mask behind which the character hides his true face. Seeking to reveal the characterizing effect of the name *John Lancaster Peck*, the author considers the sense-making potential of each of its elements, as well as of their combinations as they occur in the text of the song — in the first and subsequent acts of naming the character. For each of the name’s components, the author suggests a series of associative meanings that determine the reader’s and the listener’s perception and interpretation of the name.

Key words: poetonym, names in literature, literary onomastics, poetics of names, sense-making potential of a literary name, Vladimir Vysotsky.

3. Ономаσιология, мотивология, словообразование

И. Т. Вепрева

Екатеринбург

Актуальные универбы в современной речевой практике*

Статья посвящена исследованию универбации как продуктивного способа словообразования в русском языке. Активность универбации связана со стремлением человека к речевой экономии. Для универбов характерны компактность и простота образования, их экспрессивность. Образование универба происходит на базе прилагательного (реже причастия), входящего в состав устойчивого словосочетания «прилагательное + существительное». При этом существительное в словообразовательном процессе не участвует, имплицитно включаясь в семантику нового слова. Результатом словопроизводства является существительное, чаще всего с суффиксом *-к-*, которое имеет словообразовательное значение предметности. В статье рассматриваются лексемы *санкционка*, *запрещенка*, образованные путем универбации на базе словосочетаний *санкционные продукты*, *запрещенная еда*. Отмечается, что для понимания универбов необходим контекст — в силу открытой полиреферентности единиц. Обсуждается вопрос о возможности / невозможности употребления устойчивого словосочетания в синонимичном свернутом варианте. Показаны некоторые типовые варианты совместного употребления в тексте двух синонимических единиц (краткой и полной).

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00239а «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика».

К л ю ч е в ы е с л о в а: словообразование, универбация, универб, словообразовательная база универбации, семантика.

Полувековой стаж моего знакомства с Марией Эдуардовной Рут позволяет мне сделать неформальным введение к данной работе. Мы вместе с М. Э. Рут учились в одной группе в университете, вместе работаем на одном факультете. У нас был дружный курс, целая плеяда ярких личностей. Но Мария сверкала даже на этом великолепном фоне. Исследовательский талант, завидная для студента эрудиция, острый критический ум, самобытность, доброжелательность, порядочность — все это делало ее душой курса и неформальным лидером. Мария Эдуардовна не только сохранила эти качества, но и приумножила их, оставаясь преданной кафедре и факультету. Характеристики в превосходных степенях можно продолжать: блестящий лектор, энциклопедист, талантливый организатор, щедрая натура. У нее особый стиль коммуникативного поведения: тонкая ироничность, умение оставаться самой собой даже в официальных ситуациях, полное отсутствие пафоса. Этот особый идиостиль юбиляра спровоцировал автора обратиться к интересному феномену современного языкового существования — к анализу актуальных универбатов / универбов — лексических единиц, стилистически снижающих книжный формат письменной речевой практики, поскольку универбы — это примета устной непринужденной речи.

Обычно универбацию рассматривают как проявление известного закона языковой экономии, что, очевидно, и является главным стимулом активного порождения в живой русской речи новых лексических единиц — универбов. Продуктивное употребление их в современной речи представляет собой реализацию тенденции к демократизации публичной речи, проникновению во все функциональные стили литературного языка элементов устной разговорно-обиходной речи. Универбация становится «общезыковой деривационной структурой» [Нещименко, 2003, 296], а «универбаты именуют явления самых разных сфер жизни» [Земская, 1997, 170].

Суть способа заключается в том, что «сокращенное новообразование заимствует основной смысл у имени прилагательного

(от его усеченной основы), а субстантивную грамматическую форму — у существительного» [Химик, 2009, 91]. Например: *зачетная книжка* → *зачетка*; *зарубежная литература* → *зарубежка*; *методические указания* → *методичка*. В качестве мотивирующей основы для образования нового слова выступает аналитическая единица, устойчивое словосочетание, которое преобразуется в единицу синтетическую — слово. Образование единицы происходит на базе прилагательного (реже причастия), входящего в состав устойчивого словосочетания, при этом адъективная основа обычно подвергается усечению. Существительное, входящее в состав словосочетания, в словообразовательном процессе не участвует, имплицитно включаясь в семантику нового слова. В результате словообразовательного акта образуется существительное с новым словообразовательным формантом — чаще всего с суффиксом *-к-*, которому при описании словообразовательного типа приписывается общее значение предметности. Обычно это существительное женского рода. «По отношению к синхронно сосуществующему описательному обозначению универб не просто вторичен, он вбирает в себя его информационно-семантический потенциал, причем элиминируемый компонент словосочетания, утрачивая свое вещественное значение, замещается формантом с идентифицирующей функцией» [Нещименко, 2003, 294].

Такая сокращенная номинация всегда привлекала внимание исследователей. Приоритетное право в разработке явления универбации принадлежит А. В. Исаченко [1958], который, характеризуя основные способы семантической конденсации комплексных наименований, иллюстрирует их фактами славянских языков. Традиционно производство подобных единиц относят к суффиксальному способу словообразования. В то же время сложный, комплексный характер таких единиц породил ряд терминологических единиц для обозначения данного феномена. Н. А. Янко-Триницкая называла этот словообразовательный акт *процессом включения* («значения двух слов в одно») [Янко-Триницкая, 1964, 18], Е. А. Земская относила подобные образования к компрессивному словообразованию [Земская, 1981, 120], Т. Г. Винокур — к лексическому эллиптизму

(устранению «лишнего») [Винокур, 1965, 36–37], Л. А. Капанадзе — к семантическому стяжению, семантической конденсации [Капанадзе, 1973, 408]. Но наибольшее распространение получил термин *универбация* (от лат. *uni verbum* ‘одно слово’), а сами мотивированные существительные называют *универбатами*, или *универбами* [Лопатин, 1978, 73].

Объектом нашей статьи являются слова, которые стали актуальными в последние два года, — универбы *санкционка* и *запрещенка*. Источником выборки материала для исследования послужила база данных Интегрум (Integrum.ru), включающая свыше 3 500 изданий СМИ.

Образование однословных имен существительных — универбов происходит от многокомпонентных атрибутивных словосочетаний: *санкционка* возникло на базе словосочетаний *санкционные продукты / меры, запрещенка* ← *запрещенная еда / продукты*, см. описание данного словообразовательного типа в [РГ, 1, 171]. Стилистическая маркированность и новизна единиц способствовали их попаданию в список актуальных слов 2015 года [Мустайоки и др., 2016]. Выбор этих единиц, безусловно, определяется свежестью новообразований, разговорная окраска которых создает эмоционально-экспрессивную тональность, снижает официальность словосочетаний прилагательного с существительным.

Универбы — особый тип русских слов, большинство из которых характеризуется контекстуально-ситуативной зависимостью, а также открытой полиреферентностью. Последний признак объясняется тем, что универбы мотивированы основой прилагательного, а значение их равно значению словосочетания прилагательного с существительным. Таким образом, подавляющее большинство словосочетаний с именем прилагательным может быть «свернуто» в универб. Проиллюстрируем данное положение.

Так, анализируемое нами слово *запрещенка* строится на основе причастия *запрещенный*, которое допускает, как и большинство атрибутивных слов, широкий круг сочетаний с определяемыми существительными, см. выбранные нами из СМИ за последние два года сочетания: *запрещенная еда, запрещенная террористическая организация, запрещенный препарат мельдоний, запрещенные*

сильнодействующие вещества, запрещенная деятельность, запрещенная информация, запрещенная демонстрация табачных изделий, запрещенные приемы, запрещенная литература.

Потенциально каждое такое атрибутивное словосочетание передает свое содержание экономному универбу *запрещенка*.

Представим также круг атрибутивных словосочетаний, которые могут быть мотивирующими основами к универбу *санкционка*: *санкционный список продуктов, санкционные продукты, санкционные меры, санкционная политика, санкционный экстремизм, санкционная война, санкционное противостояние, санкционный конфликт, санкционная блокада, санкционная ситуация.*

Тем не менее анализ сочетаемости позволяет сделать вывод, что не любое атрибутивное сочетание имеет синонимичный свернутый вариант. Тенденция к сворачиванию отмечается в группе словосочетаний, в которых существительное преимущественно тяготеет к конкретному предметному значению. Словосочетания с существительными высокой степени абстракции обычно не сворачиваются до универба. Ср. невозможность, на наш взгляд, представить универбы на базе сочетаний *запрещенная деятельность* или *санкционный экстремизм*. В первом случае мешает абстрактность существительного *деятельность*, во втором случае — фамильярная неуместность универба по отношению к «тревожному» слову *экстремизм*.

Универб имеет целый ряд собственных коммуникативных особенностей. Помимо краткости, простоты и зависимости от исходного атрибутивного сочетания, универб практически всегда оказывается лексической единицей, окрашенной разговорностью и в той или иной мере сниженностью. Более того, краткие вторичные номинанты характеризуются нередко еще и эмоциональностью, оценочностью, что резко отличает их от мотивирующих единиц — синонимичных словосочетаний.

Когда против России были объявлены международные санкции — не только политические, экономические, но и продуктовые, — а Россия, со своей стороны, объявила контрсанкции — запрет на ввоз в страну санкционных западных товаров, многокомпонентные единицы *запрещенная еда, санкционные продукты*

вошли в активный обиход, проникли в живую речь и в СМИ, где стали использоваться в сокращенном (универбальном) варианте — *запрещенка*, *санкционка* — как экспрессивные разговорные новообразования, окрашенные иронией или пренебрежительностью, демонстрирующие отношение россиян к создавшейся ситуации. Но вряд ли возможно свертывание словосочетания *запрещенная террористическая организация* в *запрещенку*, поскольку семантика словосочетания *террористическая организация* не может сопровождаться иронической или пренебрежительной тональностью.

Обычно носители русского языка достаточно легко понимают конкретные употребления универба, исходя из собственного языкового опыта либо основываясь на определенном контексте или ситуации, например: «Мы порой выступаем как налетчики, — смеется диетолог. — Просто приезжаем и застукиваем людей на месте преступления. Как-то звоним в дверь к одной участнице, она открывает, а в руках у нее бутерброд! Жирная колбаса, сыр посередине. Заходим на кухню, а у нее там полная тарелка подобного! Открываем холодильник, а там вся *запрещенка* — *майонез, сало, самогон, сыр плавленый*. Пришлось все это выбросить. Столько у женщины горя было!» (Комсомольская правда, 18.01.2016); «Агитационные материалы включены в единый реестр *запрещенной информации*. Теперь Роскомнадзор бдительно следит за попытками распространения антивыборной агитации. Если ее опубликуют другие сайты, их постигнет та же судьба: блокировка и включение в реестр *запрещенки*» (Наша версия (Москва), 11.07.2015).

Указанное выше семантическое соотношение двух синонимичных единиц, «первичной» и «вторичной», предопределяет некоторые типовые варианты их совместного употребления в тексте, когда понимание одной — краткой и «вторичной» — поддерживается другой — полной и «первичной». Каждый из синонимов может использоваться самостоятельно, но нередко встречаются случаи совместного использования двух синонимичных единиц в одном тексте: «С трудом урезониваю Алкея и Фиеста, которые с ненавистью швыряют из окна выращенные ими лично *санкционные продукты*,

или *санкционку*, как ее любовно называют граждане» (Независимая газета, 18.12.2015); «Мобильные группы МВД за четыре месяца работы пресекли ввоз почти 5 тысяч тонн *санкционных продуктов*. То через Белоруссию *санкционка* контрабандой из Европы идет, то организуют полеты в Турцию с пересадкой в Минске» (Известия, 25.04.2016). При этом полная номинация обычно выступает в позиции к свернутой.

Иногда контексты не способствуют процессу свертывания словосочетания. Ср. два анекдота, в первом из которых комический эффект строится на основе перечислительного ряда словосочетаний и образование универба невозможно, а во втором возможная универбация разрушит смеховую реакцию.

1. «Итак, господа таможенники, на сегодняшнем занятии вы узнаете, какой *санкционный сыр* каким *санкционным вином* надо запивать в процессе уничтожения» [anekdot.ru].

2. «Таможенники торжественно клянутся защищать Российскую Федерацию от *санкционных продуктов*, не жалея живота своего» [Там же].

Внеконтекстному пониманию универба способствует активное употребление мотивирующего словосочетания. Полиреферентные универбы могут конкурировать между собой по степени частотности обсуждаемого понятия, названного свернутой номинацией. Так, универб *запрещенка* в 2015–2016 гг. активно употреблялся в текстах СМИ в двух значениях: как ‘запрещенная еда’ и как ‘запрещенные допинговые препараты’. Кроме частотных, универб может встречаться и в неактуализированных значениях. Поэтому полиреферентный универб обычно нуждается в текстуальном сопровождении. Ср. контексты, в которых номинация *запрещенка* выступает в различных значениях.

1. «Практически все *спортсмены*, выступающие на высоком уровне, сидят на *запрещенке*. Поймать их за руку сложнее, чем раньше. Есть мочегонные средства, выводящие иммунопротекторы, маскирующие штуки типа пробенецида. Все это помогает скрыть следы *допинга*». (Комсомольская правда, 18.03.2016).

Мотивирующее словосочетание — *запрещенные лекарственные препараты*.

2. «Именно за счет частных перевозок в меню ресторанов попадает львиная доля *запрещенки*» (Российская газета, 10.08.2016); «Ну и огромное количество *запрещенки*: сыры, хамон и далее по списку» (Вести (Санкт-Петербург), 04.01.2017). Мотивирующее словосочетание — *запрещенная (санкционная) еда*.

3. «Даже диетологи утверждают, что в небольших количествах “*запрещенка*” полезна для психологического комфорта худеющего» (Наше Подмосковье, 19.11.2016). Мотивирующее словосочетание — *запрещенная («неправильная») еда*.

4. «Есть и другие источники нелегальных доходов. Это и *пронос в камеры запрещенки: мобильных телефонов, алкоголя, наркотиков*, и незаконное предоставление длительных свиданий. В той же “Матросской Тишине” оперативники не просто позволяли криминальным авторитетам свободно передвигаться по СИЗО, но даже предоставляли им свои компьютеры для игр и переписки в соцсетях» (Наша версия (Москва), 25.07.2016). Мотивирующее словосочетание — *запрещенные в тюрьме вещи*.

Подведем итоги. Актуальные универбальные единицы *санкционка* и *запрещенка* продолжают начавшийся в 1960-е годы динамический процесс номинационной системы, реализующий закон языковой экономии. Компактность и простота образования, экспрессивность универбов привлекают любого носителя языка, способствуют активному вхождению данных единиц в повседневную речь. Не стоит в стороне от этой речевой практики и образованный человек, который позволяет себе не быть лингвистической занудой, реализуется как свободная языковая личность, способная поиграть словом, демонстрируя при этом оправданное и продуманное смешение стилей в рамках одного текста. Отдельно скажем, что специального анализа ждут топонимы-универбаты, которые употребительны в речи каждого горожанина, в том числе и уральца, но я не хочу отбирать научный хлеб у нашего юбиляра и предлагаю М. Э. Рут продолжить начатый разговор.

- Винокур Т. Г.* Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи // Развитие лексики современного русского языка / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М., 1965. С. 36–47.
- Земская Е. А.* Часть II. Словообразование // Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. С. 71–190.
- Земская Е. А.* Глава VII. Активные процессы словопроизводства // Русский язык / под ред. Е. Ширяева. Ополе, 1997. С. 167–201.
- Исаченко А. В.* К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // Slavia. 1958. XXVI. № 3. С. 331–352.
- Капанадзе Л. А.* Глава V. Номинация // Русская разговорная речь / под ред. Е. А. Земской. М., 1973. С. 403–463.
- Лопатин В. В.* Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов // Новые слова и словари новых слов / отв. ред. Н. З. Котелова. Л., 1978. С. 72–80.
- Мустайоки А., Вальтер Х., Вепрева И.* Феномен актуального слова 2015 года // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 4. С. 121–133.
- Нещименко Г.* Проявление тенденции экономии в номинации славянских языков // Słowotwórstwo. Nominacja / red. I. Ohnheiser. Opole, 2003. P. 288–306. РГ — Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
- Химик В. В.* Русские универбаты в семантическом и функциональном аспектах // Слово есть дело : сб. науч. тр. в честь проф. И. П. Лысаковой : в 2 т. / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2009. Т. 1. С. 91–97.
- Янко-Триницкая Н. А.* Процессы включения в лексике и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка / ред. И. П. Мучник, М. В. Панов. М., 1964. С. 18–36.

* * *

Вепрева Ирина Трофимовна

доктор филологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
риторики и стилистики русского
языка
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: irina_veprev@mail.ru

Vepreva, Irina Trofimovna

DrHab, Professor, Head
of the Department of Rhetoric
and Stylistics of the Russian Language
Ural Federal University
51, Lenin av., 620000, Ekaterinburg,
Russia
E-mail: irina_veprev@mail.ru

Recently Created Univerbs in Modern Speech

The article studies univerbation as a productive way of word-formation in the Russian language. The creation of univerbs is explained by the tendency to speech economy, the univerbs being characterized by compactness, expressiveness and morphological simplicity. In Russian, univerb are usually formed on the basis of an adjective (or, less frequently, a participle) being part of a collocation “adjective + noun”. The noun is generally omitted during univerbation, its meaning is implicitly included into the meaning of the new word. The latter is most often a noun with the suffix *-k-* which communicates the meaning of objectness. The article focuses on the recently created words *sanktsioka* and *zapreschenka* which are formed by univerbation from the collocations *sanktsionnye producty* (sanctioned products) and *zapreschennaya eda* (forbidden food), respectively. The author shows that, due to their potential multiple referentiality, the correct interpretation of these univerbs must rely on the respective context. The author also discusses the problem of the use of univerbs alongside with full collocations, showing some typical examples of such combinations within one text.

Key words: word-formation, univerbation, univerb, derivational patterns of univerbation, semantics.

Н. Д. Голев*

О. П. Сологуб**

**Кемерово, Россия*

***Тайбэй, Тайвань*

**Антиномический анализ тенденций
к универсальному
и национально-специфическому
в номинации (на примере обозначений
птиц в разных языках)**

В статье с антиномических позиций рассматриваются механизмы номинативной деятельности, осуществляемой рядовыми носителями языка в условиях естественной номинации. Основное внимание уделяется антиномии «национально-специфическое — универсальное», которая определяется в ряду соотносительных категорий «персональное — аперсональное», «креативное — акреативное» и др. В современных лингвистических исследованиях нередко происходит смещение акцентов в пользу первых членов оппозиций. В настоящей работе, напротив, обосновывается значимость тенденции к универсальному и коррелирующих с ней тенденций, демонстрируются основные направления их реализации. Материалом для исследования послужили орнитонимы, входящие в системы узуальных наименований птиц в русском и немецком языках, а также экспериментальные данные: данные ассоциативных словарей и окказиональные наименования птиц, полученные как в русской, так и в иностранной аудитории. Выявление характера корреляции между названными категориями, представление их в динамическом равновесии позволяет описать номинативные процессы в естественных языках более полно и объективно.

К л ю ч е в ы е с л о в а: номинация, мотивировка, национально-специфическое, универсальное, окказиональное, узуальное, персональное, аперсональное, креативное, акреативное.

1. Общее представление работы

В настоящей статье оппозиция национально-специфического и универсального в области номинативной деятельности подвергается общелингвистическому осмыслению, под которым понимается рассмотрение данной проблемы сквозь призму антиномий, выработанных в философии и спроецированных на лингвистическую методологию. Иными словами, названную оппозицию авторы трактуют как следствие, производное, частный случай антиномий более общего характера, с которыми она связана детерминационными отношениями. К ним относятся такие антиномии, как «субъективное — объективное», «единичное — особенное — всеобщее» (имеются в виду два последних члена триады), «мотивированность — немотивированность» (Ф. де Соссюр), «персонализация — деперсонализация» (В. П. Нерознак), «креативизация — акреативность», «рациональное — стихийное», «новое — старое», «окказиональное — узуальное», «производимое — воспроизводимое (готовое)» и др. Лингвотеоретическое рассмотрение проблем языковой номинации в статье поддерживается исследованием конкретного языкового материала — разноязычных узуальных и окказиональных наименований птиц.

И тот, и другой (общетеоретический и конкретно-исследовательский) аспекты изучения номинативной деятельности уже были в поле научного интереса авторов, представленного в их предшествующих работах. Во-первых, настоящая статья является продолжением попыток авторов включить номинацию в сетку антиномий языка. Предметом наших предыдущих изысканий в данной области выступали антиномии «искусственное — естественное» [Голев, 1974а], «старое — новое» [Голев, Сологуб, 1990], «функциональное — генетическое», «внешнее — внутреннее», «отражательное — условное» [Голев, 2012], «окказиональное — узуальное» [Голев, 1974б]; антиномия «национально-специфическое — универсальное» была рассмотрена на материале русского и немецкого языков в кандидатской диссертации О. П. Сологуб [1987в].

Во-вторых, статья является обобщением (теоретическим осмыслением) нашего опыта ономаσιологического описания лексики

природы (в первую очередь — наименований птиц). Материалом для анализа в настоящей статье, как и в предшествующих работах авторов, послужили узуальные и окказиональные наименования птиц в различных языках [Голев, 1974а; 1975; 1979; 1981; 1983 и др.; Сологуб, 1987а; 1987б; 1992 и др.]. Главным мотивом для выбора орнитонимов в качестве материала исследования послужило то обстоятельство, что птицы — это тот природный объект, который более или менее одинаково представлен человеку в различных географических зонах.

Логика рассмотрения материала в работе такова: от наблюдений и обобщений тенденций, проявляющихся в реальных, узуальных названиях, к экспериментальной верификации обнаруживаемых закономерностей.

Узуальные орнитонимы — единицы сложившихся номинативных систем русского и немецкого языков; окказиональные наименования птиц получены в экспериментальных условиях. Обращение к первым позволило более полно учитывать стихийный характер номинативных процессов [Голев, 2001]; обращение же ко вторым дало возможность инициировать у рядовых носителей языка процессы индивидуально-субъективной креативизации номинативной деятельности и тем самым получить дополнительный материал, позволяющий верифицировать представление о начальном этапе номинативного процесса¹. С этой целью в разное время было проведено три ономаσιологических эксперимента, суть которых сводилась к необходимости обращения к коммуникативной ситуации, требующей названия незнакомой птицы (испытуемым предлагались изображение птицы и контекст, в котором необходимо было употребить ее название). Эксперименты были проведены среди жителей Томска и Барнаула, а также среди жителей с. Мельниково Томской области, на заключительном этапе исследования — среди студентов Тайваньского национального университета и Национального университета

---

¹ Обратим внимание на то, что ономаσιологический эксперимент, в отличие от семасиологического, относительно редко представлен в лингвистических исследованиях, тем более значимым является имеющийся опыт, представленный, в частности, в [Голев, 1974б; Малеева, 1983; Рут, 2011].

Чженьчжи (г. Тайбэй, Тайвань). Для решения конкретных задач привлекались также данные семасиологического (ассоциативного) эксперимента, в котором в качестве слов-стимулов использовались русские орнитонимы, отраженные в «Словаре обыденных толкований русских слов» [СОТРС].

2. Антиномия «национально-специфическое — универсальное» в ряду других антиномий

Необходимость постановки вопроса об особенностях проявления тенденции к универсальному и национально-специфическому обусловлена тем обстоятельством, что в ономасиологии всегда присутствовал большой интерес именно к национально-специфическому, оно выдвигалось на первый план как предмет, требующий обоснования. Позволим себе простой пример, описывающий данную ситуацию. Трактовка сочетаний слов типа *железная дорога*, *указательный палец* или *синяя птица* (в нашем случае не важно, свободные это словосочетания, устойчивые терминологические единицы или фразеологизмы) в лингвистике осуществлялась с точки зрения их «левых» членов, именно в них обнаруживался интерес лингвистов, так как они видели в них проявление творческого языкового мышления (по Б. А. Серебренникову — лингвокреативного мышления, по Л. Н. Засориной — языкотворческой деятельности), тогда как *дорога*, *палец* и *птица* уходили из поля зрения, представляясь не заслуживающими особого внимания. На наш взгляд, в этих «акреативных» правых компонентах сущность номинации представлена ничуть не в меньшей мере, чем в «креативных» левых.

Неравномерная акцентуация детерминант наблюдается во многих работах, выполненных в рамках сопоставительной ономасиологии и мотивологии. Исследователи нередко отмечают проявление общих, универсальных тенденций в этих процессах, но констатируют это в виде замечаний общего характера — основные же их усилия сосредоточены на анализе национально-специфических особенностей, имеющих субъектно-субъективную природу. Такого рода

наблюдения широко представлены в ономаσιологических работах с сопоставительным «выходом», ср., например:

Вся система фитонимических номинаций пронизана субъективностью отбора и интерпретации мотивировочных признаков, способов и средств номинации в плане выражения стереотипов национального сознания [Берестнева, 2008].

Флоронимы, как продукты обыденно-когнитивной номинации, отражают особенности менталитета народа применительно к миру растений [Булах, 2001].

Подтвердилось предположение о том, что мотивировочные принципы отражают особенности менталитета разных народов [Матыкина, Боловинцева, 2016, 124].

Мы основываемся на положении о построении каждым языком, в том числе и родственными, собственной специфической картины мира как языковой объективации результатов мыслительной деятельности [Менезеш, 2000].

Полагаем, что такая ситуация сложилась во многом под влиянием давней (еще со времен В. фон Гумбольдта) традиции рассматривать языковые явления как обусловленные национальным мировидением (в них «выражается дух народа»). Особенно явственно этот дисбаланс обозначился в условиях антропоцентрической парадигмы (прежде всего при описании языковой картины мира), главной задачей которой стало многоаспектное описание проявлений человеческого (субъектного и субъективного) начала.

В нашей трактовке акреативные компоненты являются базовыми не только в диахронно-историческом смысле (что очевидно) и не только в системном смысле при понимании системы как застывшей диахронии, но и в синхронно-функциональном смысле. Последнее из указанных проявлений акреативного мы и хотели бы доказать нашим материалом (в том числе полученным в ходе экспериментов с живым языковым сознанием), его количественным и качественным анализом.

Прежде чем приступить к анализу, считаем необходимым определить наши исходные установки, касающиеся антиномии

«национально-специфическое — универсальное», представив ее в корреляции с другими вышеприведенными категориями.

Следуя лингвоперсоналогической теории В. П. Нерознака [1996], выделяющего наряду с понятием «частночеловеческой» (идиолектной) языковой личности понятие личности «многочеловеческой» (полилектной, коллективной), т. е. народа, мы трактуем национальную языковую личность в диалектическом взаимодействии индивидуального и коллективного: с одной стороны, в нее входят индивидуумы — представители данного народа, а с другой — она представляет собой единую общность, целостное образование, сформировавшееся на основе общих географических, историко-культурных, экономических условий бытования. В рамках нашего исследования актуализируется не только первое содержание данного понятия (индивидуальная национальная языковая личность, проявляющая себя в экспериментальных условиях, создающая окказиональные наименования), но и второе (коллективная национальная языковая личность как совокупность индивидуальных национальных личностей, продуктом деятельности которой являются, во-первых, системы окказиональных наименований, во-вторых — сложившиеся номинативные системы узуальных наименований). При этом основной акцент в статье делается именно на узуальных номинативных системах, особенно на процессе узуализации, в котором порождаемое и окказиональное трансформируется в готовое и узуальное. Роль индивидуума в данном процессе минимальна, но сам этот процесс — неотъемлемая часть номинативной деятельности языкового коллектива.

Факторов, обуславливающих универсальное (аперсональное, акреативное) поведение национальной языковой личности, по крайней мере два. Универсальное понимается нами, с одной стороны, как проявление общечеловеческих, не зависящих от национальной принадлежности субъекта устремлений в обыденной практике постижения мира и выражения результатов познания в языке [см. об этом: Зыцарь, 1984]. Субъект выступает как человек мира, живущий на Земле, на которой существуют одинаковые для всех условия и правила жизни. В результате многовекового опыта

их постижения сформированы механизмы реагирования человека на внешний мир, которые приобрели характер объективных детерминант, определяющих обыденную человеческую деятельность, в том числе и номинативную. Эта сторона универсальности номинации проявляется в самом принципе мотивированности как универсальной категории языка, о чем писал С. Ульман [1970]; ее хорошо иллюстрирует, в частности, склонность носителей разных языков обозначать реалии природы по внешним, бросающимся в глаза признакам и признакам, значимым в практической деятельности обычных людей [ср.: Голев, 1973]. С другой стороны, универсальные тенденции вытекают из приоритета коммуникативной функции слова в номинативной деятельности рядовых носителей языка перед когнитивной функцией, или — иными словами — коммуникативного мышления, определяемого прежде всего законом экономии речевых затрат, перед лингвокреативным мышлением, предполагающим высвобожденность языкового сознания от сугубо утилитарных потребностей. Важной в этом плане представляется мысль А. В. Суперанской: «Мотивированное имя несет определенную информацию, но создается имя не ради того, чтобы включать в него эту информацию» [Суперанская, 1973, 270]. Нам представляется, что эту мысль точнее выразила бы иная модальность: не «несет информацию», а «может нести информацию». Но общий пафос исключения из спонтанной окказиональной номинативной деятельности интенции к когнитивным (тем более будущим) свойствам имени мы всецело поддерживаем.

3. Характер проявления антиномии «национально-специфическое — универсальное» в сфере естественной номинации птиц

Анализ наименований птиц (как узуальных, так и окказиональных) в разных языках позволил констатировать в большинстве случаев доминирование универсальных тенденций в сфере естественной номинации. Мы выделили два главных направления реализации этих тенденций: 1) универсальные механизмы номинативной

деятельности в различных языках; 2) уклонение от креативности в номинативной деятельности. В настоящей статье детальному рассмотрению подвергается первое из названных направлений².

3.1. Универсальные механизмы номинативной деятельности в различных языках

Анализ номинативных систем орнитонимов двух языков производился нами с учетом разграничения внутренней формы (мотивировки) и формы внешней. Первая выступает как содержательная категория, инструментом ее реализации в наименованиях являются ономаσιологические модели — принципы номинации — как способы перевода внеязыкового содержания в область языковой семантики; они представляют собой, по В. А. Абаеву, позднее — по В. Г. Гаку, языковую технику. Вторая категория формальная, средством ее реализации выступает способ номинации как «прием осуществления, реализации принципа номинации, представленного мотивировочным признаком» [Блинова, 1972, 99]. Рассмотрим названные механизмы.

3.1.1. Универсальные механизмы мотивировки наименований

Анализ внутренней стороны номинативных процессов, связанной с мотивировкой имени, в русском и немецком языках показал, что мы имеем е д и н ы е механизмы перевода внеязыкового содержания в область языка³. Во-первых, совпадает набор принципов номинации: это признаки внешнего вида птиц, их образа жизни и поведения, голосовые характеристики, прагматические свойства. Во-вторых, количественные показатели продуктивности принципов

² Другое направление — предмет второй части нашей статьи.

³ Подобные выводы делают и другие исследователи, привлекающие для сопоставительного ономаσιологического анализа разноязычные названия объектов, входящих в различные тематические группы. Так, в сфере номинации птиц общность принципов номинации в русском, казахском и английском языках отмечает М. М. Гинатулин [1973], в русском и немецком языках — Л. В. Тризна [2009], в русском, английском и французском языках — А. С. Савенко [2010].

номинации в этих языках в большинстве своем различаются незначительно, ср.: окраска — 19,3 % и 16,1 %⁴; размер — 9 % и 7,1 %; форма и покров — 5,8 % и 4,7 %; место обитания — 17,3 % и 21,1 %; голос — 21,1 % и 16 %; функция, использование — 1,9 % и 3,3 %. Наиболее существенная количественная разница обозначилась лишь при выражении признаков образа жизни, поведения птиц — 18,3 % и 27 %.

Отметим, что действие универсальных тенденций нередко прослеживается и на уровне отдельных узуальных наименований, многие из которых буквально дублируются⁵, ср.: *голубая синичка* (без указ. м.) — *Blaumeise* <голубая / синяя синица> (повсем.) ‘лазоревка’; *синеворонка* (повсем.) — *Blauracke* <голубая / синяя ворона> (прус., геттинг.) ‘сизоворонка’; *зеленая ворона* (поволж.) — *Grünkräe* <зеленая ворона> (без указ. м.) ‘сизоворонка’; *синегрудка* (без указ. м.) — *Blaubröstli* <голубая / синяя грудка> (швейц.) ‘варакушка’; *красноножка* (р. Амур) — *Rotbein* <красная нога> (страсб.) ‘травник’; *широконоска* (свердл.) — *Breitschnabel* <широкий клюв> (страсб.) ‘утка’; *кривоносик* (без указ. м.) ‘шилоклювка’ — *Krummschnäbligeente* <утка с изогнутым клювом> (без указ. м.) ‘чернеть морская’; *острохвость* (без указ. м.) — *Spitzschwanz* <заостренный хвост> (Майсен, силез.) ‘шилохвость’; *бородач* (без указ. м.) — *Bartgeier* <бородачатый стервятник> (без указ. м.) ‘бородач’; *земляник* (сиб.) — *Erdschwalbe* <земляная ласточка> (без указ. м.) ‘береговая ласточка’; *дикарь* ‘голубь’ (арх., пенз.) — *Wildtauben* <дикий голубь> (силез.) ‘клинтух’; *зимушка* (перм.) — *Wantermes* <зимняя синица> (люксемб.) ‘синица-московка’; *ореховка* (повсем.) — *Nusshher* <щелкающая орехи> (сакс.) ‘кедровка’; *вертишейка* (без указ. м.) — *Wendehals* <поворачивающая шею> (без указ. м.) ‘вертишейка’; *певчий дрозд* (петерб.) — *Sangdruschel* <певчий дрозд> (сакс.) ‘дрозд’ и мн. др⁶.

⁴ Первый показатель относится к русской орнитологической номинативной системе, второй — к немецкой.

⁵ Анализ соответствий и различий в номинации ряда русских и немецких птиц содержится также в работе [Тризна, 2009].

⁶ Источником русских орнитонимов послужили различные диалектные словари русского языка, орнитологические справочники, очерки ученых-орнитологов. Немецкие орнитонимы извлечены из монографии Г. Суолати [Suolahti, 1909].

Сравнение результатов ономаσιологических экспериментов в русской⁷ и китайской (тайваньской) аудиториях показывает, что в основном направления, механизмы создания описательных наименований схожи: респонденты ориентировались прежде всего на наиболее яркие внешние признаки птиц, например: *пестрая птица с большим черным клювом; вроде воробья, но побольше и ярче; большая хищная птица с березы; птица мелких размеров; маленькая коричневая птица; прыгает; черная; каркает; небо; крыша; дерево; долбит; дупло* и т. п. (русские респонденты) — *птица с желтым клювом, очень похожа на туканов; у нее вихрастые перья и выпяченный высокий клюв; птица с веерообразными перьями на шее и золотым хохолком; птица, которая выглядит милой; зеленая курица с коротким клювом; птица, у которой на теле смешаны разные яркие цвета; цвет перьев очень красивый* и т. п.⁸ (тайваньские респонденты).

Таким образом, представленные факты позволяют утверждать, что характер номинации птиц в различных языках принципиально не различается, этот процесс осуществляется в едином направлении: часто в сравниваемых языках выделяются одноплановые признаки птиц или даже одни и те же признаки одних и тех же птиц, нередко используются одинаковые определения для обозначения этих признаков. Причиной доминирования тенденций к универсальной номинативной деятельности является одинаковая представленность номинируемого объекта в заданном географическом пространстве, одинаковые законы постижения данного объекта обыденным сознанием и выражения результатов познания в номинативных единицах.

---

⁷ В качестве экспериментальных данных используются и материалы ассоциативных словарей [СОТРС, РАС].

⁸ Ответы давались на родном для участников эксперимента языке — китайском, в статье эти ответы даются в переводе на русский язык.

3.1.2. Проявление национально-специфического и универсального во внешней форме орнитонимов

Что касается формального аспекта номинации (в какой форме предстают наименования, каким способом они образованы), то наиболее интересные результаты были получены при анализе орнитонимов, образованных опосредованным способом номинации, когда «мотивировочный признак обозначен ассоциативно, посредством другого, уже существующего слова или новообразования» [Блинова, 1972, 99].

В данном случае мы наблюдали как проявление тенденции к универсальному, так и проявление тенденции к национально-специфическому.

В узуальных номинативных системах орнитонимов русского и немецкого языков, с одной стороны, выделяются общие направления метафоризации наименований птиц, ассоциации основываются на одних и тех же признаках, например: *щурка золотистая* (без указ. м.) — *Goldmerle* <золотой дрозд> (люксемб., пфальц.) ‘иволга’; *бык* (петерб.) — *Brellochs* <ревущий бык> (шваб.) ‘выпь’; *бородач* (без указ. м.) — *Bartgeier* <бородатый стервятник> (без указ. м.) ‘бородач’; *хохотунья* (повсем.) ‘чайка’ — *Lachgans* <смеющийся гусь> (без указ. м.) ‘белолобая казарка’; *жеремец* (без указ. м.) ‘кулик-черныш’ — *Wieherdieb* <ржущий вор> (эльзас.) ‘лунь’; *колокольчик* (без указ. м.) ‘кулик’ — *Tottler* <колокол> (шваб.) ‘поползень’; *чубарая казарка* (урал.) ‘казарка белошекая’ — *Reiherente* <хохлатая утка> (без указ. м.) ‘чернеть хохлатая’ и др.

С другой же стороны, в каждом из языков выделяются специфические метафорические модели. Так, в русском языке распространены сравнения птиц с человеком, обладающим определенным социальным статусом: *князек* (моск., калуж., симб.) ‘лазоревка белая’, *королек* (арх.) ‘воробей’, *султанка* (без указ. м.) ‘утка’, *кардинал* (петерб.) ‘свиристель’, *исправник* ‘поморник’ (без указ. м.), *гренадер* (петерб., моск.) ‘синица хохлатая’, *прапорщик* (ю.-рус.) ‘сизоворонка’, *солдат* (без указ. м.) ‘нырок красноголовый’, *чеботарь* (астрах.) ‘шилоклювка’, *кузнец* (сиб.) ‘козодой’, *жиган*

(урал.) ‘голубь’, *разбойник* (беломор.) ‘поморник’ и под. В немецком же языке распространены сравнения птиц с невзрачной, темной окраской и черноголовых птиц со священником: *Mönch* <монах> (австр.) ‘сорокопут чернолобый’, *Klostergans* <монастырский гусь> (без указ. м.) ‘черная казарка’, *Pfaff* <священник> (швейц.) ‘обыкновенная чайка’, *Dompfaff* <священник в соборе> (сакс., тюринг. и др.) ‘снегирь’, *Kapeziner* <капуцин> (люксемб.) ‘голубь’, *Nunn* <монахиня> (страсб.) ‘луток’ и под.⁹

В русском языке выделяется тенденция к номинации, в основе которой — сравнение окраски, оперения головы птицы с характером волосяного покрова на голове человека: *седая тигалица* (без указ. м.) ‘кречетка’, *лыска* (ворон.) ‘утка’, *пleshанка* (ю.-рус.) ‘чекан’, *вихрун* (без указ. м.) ‘голубь’, *гагара чубатая* (без указ. м.) ‘нырок’, *чернеть-косак* (сиб.) ‘чернеть хохлатая’, *баба* (дон., астрах. и др.) ‘пеликан розовый’ и под. В немецком же языке частотны сравнения окраски птиц с продуктами горения, например: *Aeschmeise* <пепельная синица> (без указ. м.) ‘черноголовая гаичка’, *Kohlente* (штайерм.) <угольная утка> ‘чернеть хохлатая’, *Brandgans* <обгоревший гусь> (без указ. м.) ‘черная казарка’, *Rossamsel* <дрозд в саже> (швейц.) ‘дрозд черный’ и под.

Явления подобного рода мы можем отметить и среди результатов эксперимента, однако здесь процессы метафоризации представлены весьма неоднородно. Чрезвычайно активно ассоциации метафорического характера выражают тайваньские респонденты, около половины их реакций содержит сравнения (как в развернутом виде, так и скрытые). Многие приводимые ими метафорические выражения отличаются яркостью, оригинальностью, например: *воздушный змей, как сияние светозарных лучей вокруг святителя; старик, смотрящий вдаль; врач, специализирующийся по чуме;*

---

⁹ Продуктивность этой модели в немецком языке отмечает в своем исследовании Г. Суолати: «Церковь и образ жизни церковников оказывают значительное влияние при назывании растений и животных. Особенно большое распространение получила церковная номенклатура при назывании растений, однако и в мире птиц имеются монахи и монашки, священники и священницы» [Suolahti, 1909, 71] (перевод наш. — Н. Г., О. С.).

у нее морда загнила; неподвижная, как каменная скульптура; божественный синий эльф; красота свободы; волосы выглядят, как какие-то грибы; существо с другой планеты; птица с прической негра; мужчина в шоке; прическа панка; День Победы; пух, как мох на камне; клюв дает ощущение коры деревьев; перья с блеском металла; как луч луны и под.

Здесь также можно выделить ряд метафорических моделей:

- сравнения с человеком, его атрибутами (чаще всего актуализируются социальные характеристики — ср. с русскими орнитонимами-метафорами): *императрица; монарх; фараон; Клеопатра; золотая корона; новая одежда принца; как старейшина; священник; барышня; шпион; вороватая аристократия; хулиган* и др.;

- сравнения со сказочными, мифическими существами: *водяная фея; самоуверенный эльф; маска волшебника; ведьма; колдунья; как летающий дракон в фильме Аватар; Жар-птица* и др.;

- сравнения с растениями: *одуванчик; расцвели цветы на голове; рисовый колос; перья на голове похожи на сорняки; клюв, как орех; грейпфрут; шпинат; личи; киви; арбуз; большой банан-клюв* и др.;

- сравнения с животными, микроорганизмами: *еж на голове; гусеница; птица-крокодил; зверская гримаса; клюв, как клешня краба; бактерия; птица-динозавр; похожа на актинию* и др.

Среди ответов русских респондентов метафорические наименования практически не встречаются. Довольно редки реакции метафорического характера и среди данных ассоциативных словарей, к тому же они не столь разнообразны и степень их метафоричности порой не так велика, ср.: *вор* [СОТРС, 1, 147], *жид* [РАС, 108] ‘воробей’; *вампир, символ смерти* ‘ворон’ [СОТРС, 1, 148]; *болтать, черная как ночь* ‘ворона’ [РАС, 108]; *птица, которая выпендривается* ‘выхухоль’ [СОТРС, 1, 57]; *болоболка* [Там же, 169]; *говорит, трещотка* [РАС, 128] ‘галка’; *огонь, горящий хвост* ‘горихвостка’ [СОТРС, 1, 197]; *санитар леса, лесной лекарь* [Там же, 258], *дурак* [РАС, 187] ‘дятел’; *врач деревьев* ‘кукушка’ [СОТРС, 1, 427] и др.

Таким образом, мы наблюдаем, с одной стороны, определенное сходство в оформлении орнитонимов в разных языках: наличие общих признаков-оснований для создания метафорических

наименований, совпадение метафорических моделей. С другой стороны, в каждом из языков имеются специфические метафорические модели; качественная, внутренняя, сторона метафорических наименований нередко различается; процессы метафоризации осуществляются с разной степенью продуктивности. На этом основании мы можем констатировать проявление в сфере способов номинации в разных языках как тенденции к универсальному, так и тенденции к национально-специфическому.

4. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать заключение о том, что национально-культурная специфика, несомненно, является важным фактором номинативной деятельности рядовых носителей любого языка, так или иначе проявляющимся в узуальных номинативных системах. Тем не менее мы можем утверждать, что она далеко не всегда отчетлива и ярка и не может быть однозначно квалифицирована как ведущая. На наш взгляд, она значительно уступает по массовости проявлений противоположной тенденции. В естественной номинации объектов природы более системно обнаруживают свое действие процессы глобального и универсального свойства. Характер номинативной деятельности во многом определяется универсальным отношением к номинируемому объекту, универсальным характером его постижения обыденным метаязыковым сознанием и выражения им полученной информации в соответствующем наименовании. Сложившаяся таким образом система орнитонимов может быть истолкована как особая «сетка» фрагмента внешнего мира, оязыковленная в ономасиологических моделях; данной «сеткой» субъект активно пользуется в случае необходимости создания нового имени, не прилагая дополнительных усилий для словотворчества. Крайним выражением этой стратегии является использование слов широкой семантики либо вообще отказ от номинативной деятельности. Тенденция к универсализации неоднородна, многофакторна, ее составляет множество линий-параметров. В статье рассмотрена одна из таких линий, связанная

с деактуализацией в стихийной номинативной деятельности индивидуально-субъективного (прежде всего креативного) начала.

Наши выводы о преобладающем удельном весе универсального в стихийной номинативной деятельности в большей мере касаются содержательной стороны номинации и мотивировки имен объектов природы. Можно предположить, что в плане выражения (в области внешней и внутренней формы слова) национальная специфика будет проявляться полнее и ярче.

Березовская Я. Л. Особенности языковой картины мира носителей китайского языка // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 27 (382). Филол. науки. Вып. 98. С. 20–25.

Берестнева А. В. Названия экзотических растений в английском и русском языках (структурно-словообразовательный и номинативно-мотивационный аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Адыг. гос. ун-т. Майкоп, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/nazvaniya-ekzoticheskikh-rasteniy-v-angliyskom-i-russkom-yazykah> (дата обращения: 15.11.2016).

Блинова О. И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики народных говоров. Диалектная лексика 1971 / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л., 1972. С. 92–106.

Булах Е. А. Мотивационные основания обыденных наименований растений: На материале английского, немецкого и французского языков : дис. ... канд. филол. наук / Пятигорский гос. лингв. ун-т. Пятигорск, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/.../motivatsionnye-osnovaniya-obydennykh-naimеноvaniy-rasteniy> (дата обращения: 15.11.2016).

Гинатулин М. М. К исследованию мотивации лексических единиц (на материале наименований птиц) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973.

Голев Н. Д. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопр. ономастики. № 8–9 / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1974а. С. 88–98.

Голев Н. Д. Система номинации конкретных предметов в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1974б.

Голев Н. Д. Ономаσιологический аспект междиалектных различий в лексике природы (на материале наименований птиц) // Вопросы сибирской диалектологии. Вып. 1 / ред. Г. Н. Самарина и др. Омск, 1975. С. 48–58.

- Голев Н. Д. Отождествление в народной биологической номенклатуре // Проблемы лексикологии, фразеологии и лексикографии сибирских говоров / ред. О. В. Блинова. Красноярск, 1979. С. 53–61.
- Голев Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири / ред. В. В. Палагина. Томск, 1981. С. 17–28.
- Голев Н. Д. Вопросы отождествления, классификации и номинации в русской народной лексике флоры и фауны (наблюдения над ролью прагматического фактора) // Говоры русского населения Сибири / отв. ред. В. В. Палагина. Томск, 1983. С. 76–88.
- Голев Н. Д. Стихийная узуализация номинативных единиц // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 21 : Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 11. С. 94–102.
- Голев Н. Д. Внутренняя форма языковых единиц в составе парадигм, образуемых антиномиями «функциональное — генетическое», «внешнее — внутреннее», «отражательное — условное» // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств : журн. теоретических и прикладных исследований. 2012. № 19/2. С. 277–285.
- Голев Н. Д., Солозуб О. П. Соотношение известного и нового в процессе естественной номинации (на материале народной лексики природы и лингвистического эксперимента в с. Мельникове Шегарского р-на Томской области) // Русские старожильческие говоры Сибири / отв. ред. В. В. Палагина. Томск, 1990. С. 3–11.
- Зыцарь Ю. В. О единстве сознания и различиях языков // Вопр. языкознания. 1984. № 4. С. 23–32.
- Малеева М. С. Лексическая и синтаксическая объективация знания в словообразовательном контексте. Воронеж, 1983.
- Матыкина А. В., Боловинцева Т. И. Названия макрофитов и псаммофитов Хоперского заповедника в английском и русском языках (номинативно-мотивационный и сравнительно-сопоставительный анализ) // Науч. вестн. Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2016. № 1 (20). С. 117–126.
- Менезеш О. Ю. Предметно-бытовая лексика чешского и русского языков в ономаσιологическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/predmetno-bytovaya-leksika-cheshskogo-i-russkogo-yazykov-v-onomasiologicheskom-aspekte> (дата обращения: 15.11.2016).
- Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод : сб. науч. тр. Моск. линг. ун-та / отв. ред. В. П. Нерознак. М., 1996. С. 112–116.
- РАС — Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1 : От стимула к реакции. М., 2002.

- Рут М. Э.* Ономазиологический эксперимент как способ изучения отношения студентов к процессу обучения // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2011. № 9. С. 70–74.
- Савенко А. С.* Мотивационно-сопоставительный анализ орнитонимов в русском, английском и французском языках // Вестн. Том. пед. ун-та. 2010. № 6. С. 11–15.
- Сологуб О. П.* Номинация и объективные свойства реалий (на материале сибирских народных названий рыб и птиц) // Русские старожильческие говоры Сибири / отв. ред. В. В. Палагина. Томск, 1987а. С. 101–109.
- Сологуб О. П.* Типология мотивем (на материале русских и немецких названий птиц) // Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке / Алт. гос. ун-т. Барнаул, 1987б. С. 134–147.
- Сологуб О. П.* Типология принципов номинации (на материале русских народных названий птиц) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987в.
- Сологуб О. П.* Принципы номинации в функциональном аспекте (на материале названий птиц) // Функциональный анализ значимых единиц языка / отв. ред. С. П. Петрунина. Новокузнецк, 1992. С. 120–125.
- Сорокин Ю. А.* Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград, 1998.
- СОТРС — Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы : в 2 т. / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово, 2011.
- Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Тризна Л. В.* Мотивация именованя птиц в русском и немецком языках // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2009. № 1. С. 70–77.
- Ульман С.* Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5 : Языковые универсалии / пер. с англ. под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М., 1970. С. 250–299.
- Suolahti H.* Die deutschen Vogelnamen. Eine wortgeschichtliche Untersuchung. Strassburg, 1909.

* * *

Голев Николай Данилович
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Кемеровский государственный
университет
656043, Кемерово, ул. Красная, 6,
ком. 6–212
E-mail: ngolevd@mail.ru

Сологуб Ольга Павловна
доктор филологических наук,
доцент факультета иностранных
языков и литератур
Тайваньский национальный
университет
Department of Foreign Languages
and Literatures, National Taiwan
University, 1, Sec. 4, Roosevelt Rd.,
Taipei, Taiwan, 10617
E-mail: olsolpa@mail.ru

Golev, Nikolay Danilovich
DrHab, Professor, Department
of Russian
Kemerovo State University
6, Krastaya str., room 6–212,
656043, Kemerovo, Russia
E-mail: ngolevd@mail.ru

Sologub, Olga Pavlovna
DrHab, Associate Professor
Department of Foreign Languages
and Literatures
National Taiwan University
Department of Foreign Languages
and Literatures, National Taiwan
University, 1, Sec. 4, Roosevelt Rd.,
Taipei, Taiwan, 10617
E-mail: olsolpa@mail.ru

An Antinomic Analysis of Trends towards Universal and Nationally Specific Patterns in Naming (Based on Designations of Birds in Different Languages)

The article provides an antinomic analysis of some mechanisms of naming as carried out by ordinary native speakers in natural naming. The authors focus on the antinomy “nationally specific — universal”, which is identified as part of a series of correlative categories “personal — non-personal”, “creative — non-creative”, etc. In recent linguistic research, the main focus is often shifted in favor of the first members of the above oppositions. The present paper, on the contrary, justifies the significance of the trend towards “universal”, as well as of other trends that correlate with the latter, and demonstrates the main directions of their implementation. The study is based on the analysis of ornithonyms as part of the systems of bird names in the Russian and German languages. The authors also use experimental data retrieved from associative dictionaries and occasional bird names collected from

both Russian and foreign language speakers. The authors argue that the identification of the nature of the correlation between specified categories and their presentation in dynamic balance makes it possible to give a more comprehensive and objective description of naming processes in natural languages.

Key words: naming, motivation, nationally specific, universal, occasional, usual, personal, non-personal, creative, non-creative.

Д. М. Голикова

Екатеринбург

Из наблюдений над мотивацией отантропонимических названий животных во французском языке*

Статья написана на диалектном материале французского языка. В ней содержатся наблюдения над наименованиями животных, в основе которых лежат антропонимы. Выявляются пути образования отантропонимических именовании животных: реализация коннотаций производящего онима (например, *Robert* ‘пастух’ > *Robin* ‘бык’), фонетическая аттракция (*martre* ~ *Martin* ‘куница’ или *coq* ~ *Côla* ‘петух’), звукоподражание (*marcou*, *matou* ‘кошка’ — производные от *Marc* и *Mathieu*, *gagate* ‘гусыня’ — редупликация от *Agathe*), апеллятивизация имени фольклорного персонажа (имя фольклорного персонажа *Renart* > *renard* ‘лиса’) и замена табуированной лексики отыменными производными (например, производные от имен *Guillaume* и *Jean* в наименованиях волка). Представляется, что приведенный обзор отражает основные и наиболее распространенные схемы апеллятивизации онимов при номинации животных.

---

* Автор выражает благодарность Д. В. Спиридонову за помощь в работе над статьей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: отантропонимические дериваты, французские диалекты, названия животных, звукоподражание, фонетическая аттракция, коннотации имени собственного.

Отантропонимические дериваты часто используются для наименования животных — и не в последнюю очередь из-за необходимости присвоения некоторым животным кличек. Но в данной работе нас будут интересовать отыменные обозначения видов животных, подвергшиеся деонимизации. На нескольких примерах мы покажем пути образования этих единиц во французском языке.

Первая группа дериватов, которую мы рассмотрим, реализует коннотации имени собственного в апеллятивном употреблении. Яркий пример такого употребления — обозначение домашнего скота с помощью производных от имени *Robert* в нормандском и валлонском диалектах: норм. *Robine, Robinière* (женские варианты имени *Robin*) ‘корова’, *Robin* ‘бык, вол’ [Peterson, 1929, 148], валл. *roubin* ‘баран’, *roubiner* ‘покрывать (о баране)’ [Ibid., 151], *Robin mouton* <Робэн баран> ‘баран’ [Ibid., 150]. Имя *Robert* — одно из самых распространенных имен в крестьянской среде, и, как большинство популярных имен, оно дало нарицательные производные со значением ‘крестьянин, пастух’. Кроме того, из-за частоты использования этого имени среди пастухов производные от имени *Robert* стали часто даваться домашнему скоту в качестве кличек [Ibid., 150].

В значении ‘крестьянин, пастух’ употребляются диминутивы от *Robert* — *Robin* и *Robeçon* [Peterson, 1929, 41–42]. Дериваты от женского варианта имени в данном значении, кажется, отсутствуют, но производные от обоих имен фиксируются в значении ‘слуга’: *Robin* ‘слуга’ [Ibid., 46], *Robinette* ‘служанка, горничная’ [Ibid., 116]. Употребление дериватов от имени *Robert* в значении ‘крестьянин, пастух’ закреплено в литературной традиции, в частности в пасторалях XIII в., где *Robin* вместе с *Marie* формируют типичную пару имен простолюдина и пастушки [Ibid., 113–114; Ellit]. Основной сюжет этих пасторалей всегда один и тот же: некто, обычно рыцарь, пытается соблазнить пастушку *Marie*, не испытывая к ней никаких

чувств. Иногда она уступает, но чаще всего отказывает, а влюбленный в *Marie* крестьянин *Robin* прогоняет неудачливого кавалера ударами палки, выпустив ему вслед свору собак [Ellit]. В 1285 г. Адамом де ла Алем была написана пьеса «Игра о Робене и Марьон» [ВМ], основанная на этом сюжете. Таким образом, в именовании домашнего скота производными от имени *Robert* реализуются «пастушьи» коннотации этого антропонима, и имя собственное (возможно, через популярный зооним) переходит в нарицательное путем метонимического переноса.

Реализацию коннотаций, которые присущи имени собственному, можно видеть и в производных от имени *Pierre*, ср. наименование воробья *pierrot* [TLFi]. Фиксируется также форма женского рода *Pierrette* [Peterson, 1929, 165] и глагол *pierroter* ‘судачить, болтать, не слушая друг друга, как стая воробьев’ [Delboulle, 1876, 259]. Впервые рассматриваемый дериват был зафиксирован как именование воробья в басне Лафонтена в 1694 г. [TLFi]. Установить однозначную мотивировку для данной лексемы довольно сложно, однако кажется возможным провести параллель с дериватами от женского варианта имени *Pierre* — *Péronnelle*. В значении ‘крестьянка, служанка’ дериват этого имени фиксируется в шуточной песенке XV в.: *Au'ous point veu la Peronnelle que les gendarmes ont emmenée?* <Не видели ли вы Перронеллу, которую увели жандармы?> [Peterson, 1929, 112]. Употребление определенного артикля *la* в данном примере свидетельствует о том, что *Péronnelle* — не собственное имя героини песни, а имя нарицательное, обозначающее крестьянку. Некоторые исследователи [см.: *Ibid.*, 112–113] полагают, что значение ‘крестьянка’ у дериватов обсуждаемого антропонима возникло и распространилось только благодаря этой песне, но мы согласимся с А. Петерсоном: «Нельзя отделять имя *Peronnelle* от других популярных имен, употребляющихся как нарицательные, тем более что популярность многих из них подтверждается песнями и пословицами. Что касается значения ‘деревенская жительница’, то можно предположить, что имело место влияние соответствующих мужских вариантов имени: *Pierre*, *Pierrot*, *Perrot*, *Perrin*, типичных имен крестьян и пастухов» [*Ibid.*, 113].

Далее у *Péronnelle* возникают пейоративные коннотации, а именно «глупость» и «болтливость»: *chanter péronelle* <петь (воспевать) перонеллу> ‘говорить глупости’, ‘быть веселым’ [Peterson, 1929, 125; TLFi]; ср. также нормандскую фразу *être gai comme pierrot* <быть веселым, как воробей> ‘быть веселым, беззаботным’ [TLFi]. Все приведенные значения *Péronnelle* зафиксированы раньше первой фиксации *pierrot* в значении ‘воробей’¹. Это позволяет сделать вывод о том, что семы глупости, болтливости и веселья присутствовали в коннотативном поле дериватов имени *Pierre* до появления в широком употреблении *pierrot* ‘воробей’. Сема глупости присутствует и в смысловом поле мужского варианта имени (*pierrot* ‘простофиля, придурок’ [Lingvo], ‘смешной и глупый крестьянин’ [Lobet, 1854, 421]), однако коннотация болтливости фиксируется только у женского варианта. Объяснить это можно тем, что болтливость традиционно считалась женским качеством, и для обозначения болтливого человека (даже мужчины) использовались дериваты от женских имен (например, *jacquette* ‘человек, который дает много советов, но ничего не делает’ [Peterson, 1929, 145]). Таким образом, между «портретом» *Péronnelle* и образом воробья прослеживается параллель: им приписываются такие свойства, как болтливость, веселый и живой характер. Можно сделать предположение, что если в *pierrot* ‘воробей’ коннотации женской формы имени *Pierre* и не реализуются напрямую, то, по крайней мере, они повлияли на употребление деривата в данном значении, которое затем закрепилось в языке благодаря фиксации в басне Лафонтена. Именование же самки воробья *pierrette* является производным уже от деривата *pierrot*, а не от имени собственного напрямую, чем объясняется форма *pierrette*, а не *péronnelle*, как можно было бы подумать, учитывая, что все сходные с «воробьиными» коннотации фиксируются именно у формы *péronnelle*.

«Воробьиные» значения дериватов *Pierre* можно вывести из коннотаций онима, но любопытно посмотреть, как могли появиться сами эти коннотации. В этом плане обращает на себя внимание

¹ Первые фиксации *Péronnelle* — середина XVI в., *pierrot* — конец XVII в. [TLFi].

гипокористический дериват *Pierre* — *perroquet* ‘попугай’, вытеснивший *paregai* в XIV в. [TLFi]. Можно предположить, что слово *perroquet* является звукоподражательным по природе, а коннотации имени собственного возникли уже после того, как «птичьи» значения дериватов от имени *Pierre* вошли в узус. В случае с *Pierre*, таким образом, возможны два пути деривации:

1) сначала возникают дериваты, обозначающие шумных и «болтливых» птиц, и только затем эти коннотации возникают у онима (и тогда *pierrot* в значении ‘воробей’ будет относиться к группе дериватов, анализируемой ниже: в этой группе представления о характерных чертах животного ложатся в основу коннотаций онима);

2) возникают дериваты, обозначающие вид птицы (например, ‘попугай’), затем у имени собственного появляются соответствующие коннотации (эта часть цепочки относится к группе, рассматриваемой ниже), и уже после этого данные коннотации онима реализуются в новых апеллятивных употреблении (например, ‘воробей’).

Кажется, хронология фиксации значений позволяет говорить о несколько большей вероятности второго пути деривации, но, поскольку фиксации в письменных источниках часто отражают функционирование единиц в речи с большим запозданием, однозначно установить мотивацию для деривата *pierrot* в значении ‘воробей’ не представляется возможным.

Как было сказано выше, существуют интересные случаи, когда в названии животного не реализуются коннотации имени, а, напротив, в основу коннотаций онима ложатся представления о характерных чертах животного. Таковы, например, дериваты от имен *Marguerite* и *Jacques (Jaquette)*, обозначающие болтливую человека и произошедшие от наименований птиц (*margot* ‘сорока’ > *margot* ‘болтуня’ [TLFi]; *jacques* ‘сойка’ [Peterson, 1929, 163], ‘попугай’ [TLFi] > *jacasser, jaqueter* ‘болтать, утомительно кричать’ [Peterson, 1929, 163], *jacasse* ‘болтливая женщина’ [Pluquet, 1834, 80] и т. д.). Подробно об этом на примере имени *Jacques* см. [Спиридонов, 2011].

В названиях животных может быть также отражена фонетическая аттракция имени собственного к имени

на р и ц а т е л ь н о м у. Во-первых, возможна аттракция к названию животного: *martre* ‘куница’ ~ *Martin* [Peterson, 1929, 157], *coq* ‘петух’ ~ *Côla* (производное от *Nicolas*) [Ibid., 163], *courlis* ‘кулик’ ~ *frère Louis* <братец Луи> (в данном случае возможно и подражание чириканью птицы) [Ibid., 161], аргот. *gau* ‘блоха’ > *la famille Gautier* <семейка Готье> ‘блохи’ [Ibid., 171].

Во-вторых, вероятно аттракция к имени нарицательному, так или иначе связанному с животным в сознании носителей языка. Например, дериваты от *Pierre* и *Pierette* имеют значение ‘индюк, индюшка’: норм. *Pirotte* ‘самка индюка’ [Metivier, 1870, 392], пуат. *Perot* ‘индюк’, *Perotte* ‘индюшка’ [Lalanne, 1868, 206; Favre, 1868, 258], пуат. *P’rot* ‘индюк’, *P’rote* ‘индюшка’ [Jonain, 1869, 305]. Существует версия, что индюк был привезен из Западной Индии отцами-иезуитами, и поэтому индюка стали называть производными от имени *Pierre*, созвучного с французским словом *père* ‘отец’, которое используется при обращении к священникам. Это подтверждает и номинация, зафиксированная в сентонжском диалекте, — *Perot petit père* <Перо маленький отец> ‘индюк’ [Ibid.]. Однако к средневековым этимологиям стоит подходить с некоторой долей скептицизма. Мотивация в данном случае может быть основана на подражании крику индюка, а *Perot petit père* может изображать ритмичный клет «сериями» ударных звуков. Очевидна первичность дериватов мужского рода, производные же от женского имени возникли под влиянием уже развивших значение ‘индюк’ дериватов *Pierre*.

Еще один интересный случай возможной фонетической аттракции — *Grande Marte* <Большая Марта> и *Petite Marte* <Маленькая Марта> в значениях ‘большой пестрый дятел’ и ‘малый пестрый дятел’ [Rolland, 1, 65]. Можно предположить, что в данном случае имеет место аттракция к слову *marteau* ‘молоток’: то, как птица долбит ствол дерева, напоминает работу этим инструментом.

В именовании борова *Rohan* реализуются коннотации онима: «благородство», «важность», «высокое положение» (часто иронично). Применительно к борову используется, например, выражение *petit monsieur habillé de soie* <маленький месье в шелках> [Peterson, 1929, 152]. Но в то же время в данной номинации можно видеть

и подражание крику животного — еще одну модель мотивации при образовании отантропонимических именовании животных. Звукоподражание мотивирует и следующие номинации: *marcou*, *matou* (производные от *Marc* и *Matthieu*) ‘кошка’ (подражание мурлыканью и мяуканью кошки) [Peterson, 1929, 153], *gagate* (редупликация от *Agathe*) ‘гусыня’ [Ibid., 161]. Петерсон отмечает, что звукоподражание может присутствовать и в номинации *jeanfrédérick* ‘дрозд’ [Ibid., 165]. Таким образом, при ономастике для именовании животного используется либо полная форма имени собственного, либо трансформированная таким образом, чтобы имитация крика животного была наиболее точной. Для звукоподражания при этом могут привлекаться любые фонетические комплексы, но для нас важно, что используются именно формы имен собственных: очевидно, это связано со стремлением дать животному персонифицированную номинацию.

Рассматривая пути образования деонимизированных наименований животных, следует обратить внимание на такие названия, в которых отражаются народные верования и фольклорные прецеденты, т. е. данные неязыковых кодов традиционной культуры.

Если домашние животные получают особые именованья благодаря тому, что они живут рядом с человеком и приносят ему пользу, то при номинации диких животных, представляющих опасность, часто присутствует эвфемизация. Как и во многих других языках, эвфемизмами являются наименования одного из самых опасных для крестьянина животных — волка. В бретонском диалекте, например, с XVI в. волка называют именами *Guillaume*, *Jean* и их производными: *Guillou Rous* <Рыжий Гийом>, *Guillou*, *Guileu*, *Jean le loup* <Жан волк> [Peterson, 1929, 156–157]. *Guillou* и *Guileu* здесь — это *gui* (антропоним) + *lou* или ст.-франц. *leu* ‘волк’; таким образом, антропоним — показатель персонификации. В этом же диалекте фиксируется *Guillaume* в более узком значении — ‘волк, которого голод заставил выйти из леса’ [Sauvé, 1878, 123]: несомненно, такое животное несет наибольшую опасность жителям деревни. Причины выбора именно этих имен остаются неясными, однако

в случае с бретонскими именованьями волка в качестве параллели можно привести именованья дьявола и злых духов: брет. *Monsieur Guillaume* или *Guillou* ‘дьявол’ и *Jean de la grève* <Жан из песка>² ‘призрак утопленника’ [Peterson, 1929, 157]. Сложно установить, какая из номинаций являлась первичной: переход мог осуществляться как от значения ‘дьявол’ к значению ‘волк’, так и наоборот. В случае с именованьем призрака *Jean de la grève* необходимо помнить о том, что имя *Jean* широко распространено в крестьянской среде (а следовательно, существует огромное количество его дериватов с разными значениями, которые не всегда связаны между собой), — значит, употребление слова *Jean* для обозначения волка и злого духа может оказаться простым совпадением.

Интересны также наименования, пришедшие в систему языка из фольклора. Один из ярких примеров такого перехода — слово *renard* ‘лис, лиса’, ставшее нарицательным в современном французском языке и полностью потерявшее связь с исходным антропонимом. До XVII в. во французском языке в значении ‘лис’ сохранялось слово *goupil* < *gupil* < позднелат. *vulpiculus*, однако факты замены *goupil* на *renart* (с *t* на конце) фиксируются уже с конца XIII в. [BNF]. На рубеже XII и XIII вв. был составлен сборник сатирических рассказов неизвестных авторов под названием «Le Roman de Renart» <Роман о Ренаре>, где действующими лицами были антропоморфные животные. Главным героем всего сборника был лис по имени *Renart*, которое происходит от германского антропонима *Reginhart [TLFi; BNF]. Герой стал настолько популярным, что к концу XIII в. его имя начало употребляться в качестве апеллятива для обозначения лисы как вида. К XVII в. слово *renard* в литературном языке апеллятивизировалось полностью, утратив связь с «персонифицирующим» онимом. Об этом свидетельствует хотя бы пример из творчества Лафонтена: чтобы сделать персонажа басни антропоморфным, писателю пришлось не просто писать слово «лис» с заглавной буквы, но и добавлять к нему своеобразный

---

² *Grève* ‘плоский участок земли, состоящий из песка и гравия и расположенный на берегу реки или моря’ [TLFi].

титул — *maitre Renard* <господин Лис> [Peterson, 1929, 148]. Следы проприального функционирования можно видеть в выражении *prendre Martin pour Renard* <принимать Мартена за Ренара>, <принимать куницу за лису>³ ‘перепутать’ [Ibid., 158] (о *Martin* в значении ‘куница’ см. выше), так как слово *Renard* в данном контексте написано с заглавной буквы; однако подобное написание может возникать под влиянием слова *Martin*, форма которого однозначно отсылает к имени собственному.

* * *

Итак, мы рассмотрели несколько путей образования отантропонимических именованй животных во французском языке: реализация коннотаций производящего онима, фонетическая аттракция, звукоподражание, апеллятивизация имени фольклорного персонажа и замена табуированной лексики отыменными производными. Конечно, не все единицы можно однозначно отнести к той или иной группе, особенно в тех случаях, когда действуют сразу несколько факторов. Однако представляется, что приведенный обзор отражает основные и наиболее распространенные схемы апеллятивизации онимов при номинации животных.

Спирidonов Д. В. К этнолингвистической характеристике имени *Жак* во французских диалектах // *Вопр. ономастики*. 2011. № 1 (10). С. 36–50.

BM — Bibliothèque Méjanes Ms. 166 (Rés Ms 14) [Электронный ресурс]. URL: <http://toisondor.byu.edu/dSCRIPTORIUM/aix166/indexfr.html> (дата обращения: 10.05.2012).

BNF — le site pédagogique de la Bibliothèque nationale de France [Электронный ресурс]. URL: http://classes.bnf.fr/renart/av/v5_1.htm (дата обращения: 03.11.2016).

Delboulle A. Glossaire de la vallée d'Yères. Havre, 1876.

Ellit — Ellit. Littérature française du douzième siècle à nos jours [Electronic resource]. URL: <http://www.rabac.com/demo/ELLIT/Articles/L352.htm> (accessed: 26.04.2012).

---

³ Во французском языке нарицательные слова, обозначающие куницу и лису, мужского рода.

- Favre L.* Glossaire du Poitou, de la Saintonge et de l'Aunis. Niort, 1868.
Jonain P. Dictionnaire du patois saintongeais. Paris, 1869.
Lalanne. Glossaire du patois poitevin. Poitier, 1868.
Lingvo — Lingvo 12. Электрон. дан. М., 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
[Электронный ресурс].
Lobet J.-M. Dictionnaire wallon-français. Verviers, 1854.
Métivier G. Dictionnaire franco-normand. London, 1870.
Peterson A. Le passage populaire des noms de personnes à l'état de noms communs dans les langues romanes et particulièrement en français. Etude de sémantique. Uppsala, 1929.
Pluquet F. Contes populaires, préjugés, patois, proverbes, noms de lieux de l'arrondissement de Bayeux. Rouen, 1834.
Rolland E. Faune populaire de la France. Vols 1–12. Paris, 1877.
Sauvé L.-F. Proverbes et dictons de la Basse-Bretagne. Paris, 1878.
TLFi — Trésor de la langue française informatisé [Electronic resource]. URL: www.atif.atif.fr/ (accessed: 15.05.2013).

* * *

Голикова Дарья Михайловна
аспирант кафедры русского языка
и общего языкознания
Уральский федеральный
университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина,
51, ком. 306
E-mail: d.golikova@gmail.com

Golikova, Darya Mikhailovna
PhD Student, Department of Russian
Language and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin av., room 306,
620000, Ekaterinburg, Russia
E-mail: d.golikova@gmail.com

Some Observations on French Animal Names Derived from Personal Names

Based on data from French dialects, the article discusses the motivational patterns of the formation of French animal names, notably, of those derived from personal names. The author identifies the following ways of deanthroponymic formation of animal names: realization of the personal name's connotations (e.g. *Robert* 'herdsman' > *Robin* 'ox'), onomatopoeia (e.g. *marcou*, *matou* 'cat' — derivatives from *Marc* and *Mathieu*; *gagate* 'goose' — by reduplication from *Agathe*), phonetic attraction of a personal name to a common noun (e.g. *martre* ~ *Martin*)

‘marten’, or *coq* ~ *Côla* ‘cock’), appellativization of the name of a folkloric character (for instance, *Renart* > *renard* ‘fox’), and replacement of a taboo word by deanthroponymic derivatives (e.g. *Guillaume* and *Jean* as designations of a wolf). The author argues that the present overview reflects all main patterns of deonymic derivation as applied to animal names.

Key words: derivatives from personal names, French dialects, animal name, onomatopoeia, phonetic attraction, personal name’s connotations.

М. В. Голомидова

Екатеринбург

Архетипы онимической номинации: индикатив, дедикатив, дезидератив

Статья посвящена реконструкции архетипических моделей онимической номинации. Автор строит свое рассуждение на гипотезе о способности имени собственного как знака сохранять в семантическом ореоле следы архаичного номинативного культурного опыта. Для выведения архетипических инвариантов именного означивания используются топонимы и антропонимы, сложившиеся или созданные в разные исторические эпохи. Оценивается культурный фон именуемой активности. С учетом реконструкции архаичной модальности именования выводятся три основных архетипических направления именного означивания — индикатив, дедикатив, дезидератив. Индикатив соответствует номинации, протекающей в русле реальной модальности и закрепляющей в имени свойства самого денотата. Дезидератив — номинация пожелательной направленности, протекающая в русле ирреальной модальности и направленная на создание желаемого образа, который трактуется в поле сакральных смыслов. Дедикатив — номинация-дарение, осуществляемая в ирреальной модальности и передающая именуемый объект под покровительство сакральных сил. В статье

рассматриваются возможности репрезентации архетипических моделей в проприальной номинации прошлого и современности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: имена собственные, архетипы именования, топонимы, антропонимы, индикатив, дедикатив, дезидератив.

Общечеловеческая формула о значимости имен и о связи с каждым из них определенной духовной и отчасти психофизической структуры, устойчивая в веках и народах, ведет к необходимому признанию, что в убеждениях этого рода действительно есть что-то объективное и что человечество, всегда и везде утверждая имена в качестве субстанциальных сил или силовых субстанций, или энергий, имело же за собою подлинный опыт веков и народов, вылившийся в вышеуказанной форме.

П. А. Флоренский

Имена собственные (*nomina propria*) являются одной из языковых универсалий, что не может не свидетельствовать об их особой роли в качестве вербальных маркеров-индивидуализаторов в социальной коммуникации.

Тематика языковых универсалий была наиболее ясно и последовательно заявлена в «Меморандуме» о языковых универсалиях Дж. Гринберга, Ч. Осгуда, Дж. Дженкинса [1970, 31]. Авторы сформулировали ряд принципиальных положений, которые целесообразно перечислить, поскольку они во многом обуславливают внутренний контур идей, положенных в основу дальнейшего размышления.

Во-первых, в «Меморандуме» отмечается наличие общих для всех языков имманентных свойств, позволяющих говорить о неких единых закономерностях языкового отражения реальности и языкового существования человека в действительности: «За бесконечным поражающим многообразием языков мира скрываются общие для всех них свойства. При всем безграничном несходстве оказывается, что языки созданы как бы по единому образцу» [Дженкинс, 1970, 31].

Во-вторых, формулируется феноменологическая основа для определения языковых универсалий: «Языковые универсалии по своей природе являются обобщенными высказываниями о тех свойствах и тенденциях, которые присущи любому языку и разделяются всеми говорящими на этом языке. Поэтому они составляют самые общие законы лингвистики (и противопоставляются отдельным частным методикам или результатам конкретных исследований)» [Там же].

В-третьих, утверждается тесная связь языка с тем, что можно определить как работу языкового сознания в процессах реагирования на реалии окружающего мира, воспринимаемого сквозь призму человеческой психики и «оболочку» культуры: «Поскольку язык представляет собой форму индивидуального поведения и одновременно форму общечеловеческой культуры, универсалии дают возможность установить связь с психологическими закономерностями (психолингвистика) и сформулировать выводы относительно человеческой культуры в целом (этнолингвистика)» [Дженкинс, 1970, 31]. Приведенные высказывания дают основание для некоторых суждений в отношении собственных имен.

Поскольку *nomina propria* существуют во всех языках мира, закономерно предположить, что с ними связана не только логика языковой категоризации (апеллятивы / проприальные обозначения), но и особое восприятие самих знаков-индивидуализаторов как носителей определенной сверхзнаковой семантики — способности указывать на принадлежность к координатам своей, обусловленной культурным опытом системы ранжирования окружающей действительности в точках наибольшей антропоцентрической значимости реалий, вычленяемых для единичной номинации. В предельных формах это восприятие ценности именных знаков можно уподобить восприятию материальных ценностей, которыми владеет сообщество. На это обстоятельство, например, обращает внимание К. Леви-Стросс, отмечая специфическое отношение к *nomina propria* как к своего рода «имуществу» или собственности клана у народов, ведущих племенной образ жизни [Леви-Стросс, 1994].

Имя собственное вербально вычленяет объект из ряда однотипных, одновременно переводя его в семантическое поле ориентиров,

отражающих ценностные установки, цели, мотивы и правила речевого поведения в деятельности языкового коллектива. В связи с этим по-своему показательна оппозиция «проприальное наименование — неназванное / называемое». Одна грань ее смыслового развертывания обращена к прагматике ориентации в жизненном пространстве, где «неназванное» равнозначно «невыделенному», а значит, не обладающему ценностью для индивидуального маркирования. Другая грань оппозиции обращена к сознательному блокированию именного называния — к табу на речевое использование именного знака¹.

Размышление об универсальности процессов ранжирования действительности в аспекте выделения и означивания каких-либо ее фрагментов именами собственными выводит на вопрос о смысловых основаниях самого именуемого действия. Каким образом в триаде «человек — имя — объект», рассматриваемой в ее динамическом, погруженном в жизнь и смыслопереживаемом ракурсе, реализуется прагматическая сторона именованности?

Исследования архаичного мировосприятия, выполненные преимущественно в структурной парадигме интерпретации кодов языка и культуры, тесно связывают именное означивание с мифологическим осмыслением мира и участием имени собственного в мифологической систематизации его реалий. «Мифологическому сознанию свойственно понимание имени как некоей внутренней (глубинной) сущности или же того, что вкладывается, налагается и т. п. (ср. называние, наречение новорожденного именем как отгадывание внутренней сущности в ряде культурно-исторических традиций

---

¹ Табуирование имени описано в многочисленных лингвистических и этнографических работах, см.: «Сокрытие (табуирование) имени, полученного ребенком при крещении, замена этого имени другим в качестве магического способа защиты ребенка применялись (в той или иной мере) у всех славян» [Толстая, 2003, 85]; «Типичным примером использования табу в китайской культуре являются табу на произнесение или написание имен императоров и предков. Это считалось актом неуважения к ним» [Чжан, 2012, 84]; «У нганасанов личные имена употреблялись в быту с довольно большими ограничениями. Так, нельзя было называть по имени человека, который старше говорящего, или словами, обозначающими отношения родства» [Терещенко, 1971, 42].

или сама возможность понимания первого элемента в индоевропейском слове для имен **n-ten-* как “в”, “внутри”, ср. рус. диал. *воймя* ‘имя’). Этот архаичный “реализм” (в значении, противоположном “номинализму”) предполагает, в конечном счете, тождество имени и формы, т. е. природы носителя данного имени. Отсюда следует, что структура божественного имени отражает структуру самого божества (как набора семантических характеристик его) и того целого, в которое это божество входит (класс богов, пантеон и т. п.). Нередко имя представляет собой закодированный (и “свернутый”) мифологический сюжет или мотив <...> Установка мифологического сознания на внутреннюю связь и тождество имени и его носителя предполагает первоначальный акт наречения всего сущего именами и образ имядателя (“ономатета”), творца вещей и одновременно их имен, иконически связанных с ними» [Топоров, 1980, 509].

Признавая за мифом организующую и объяснительную функцию, Э. Кассирер вслед за Э. Дюркгеймом говорит о том, что миф проходит временную фильтрацию в социальном контексте, миф не статичен, а динамичен. Именно закономерности существования мира культуры — ее языка, текстов различной природы, материальных артефактов, техники, произведений искусства — являются ключом к самопознанию человека и к тем картинам мира, в которых он живет [Кассирер, 1998, 472].

Имя собственное, будучи одновременно языковым знаком и концептом этнокультуры, «проживая» свою историческую судьбу, насыщается символическим значением, которое исходит от системы языка и от системы мировидения. Но поскольку существует глубинная память культуры, способная оживлять реликты прошлого и перевоплощать их в новые формы, то и некие образцы архаичного означивания могут оставлять «след» в восприятии имени собственного. К такому утверждению склоняют косвенные свидетельства, проявляющиеся в предрассудках, негласных запретах и/или, напротив, в прогностических ожиданиях, связанных с применением имени. Обыденное сознание фиксирует такое отношение в суждениях, подобных прецедентной цитате «Как вы яхту назовете, так она и поплывет», и в рефлексивах о свойствах имени, ср.: «Я хочу

поведать удивительную историю жизни одного простого человека... Имя он получил Петр (т. к. родился в Петров день), так апостол Петр стал его покровителем и нередко спасал ему жизнь» [цит. по: Черникова, 2009, 14].

Стремление соединить с феноменом имени какие-либо воздействующие силы может удерживаться не только в обыденном, но и в частном теоретическом сознании. Так, размышляя над природой и свойствами имени, русские философы-ониматологи начала XX в. склонялись к идеям о его особой энергетической силе и способности быть самостоятельным агенсом действия: «Именем выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное строение» [Флоренский, 1993, 270]; «Именованье есть действие Божие в человеке, человеческий ответ на него, проявление энергии Божией» [Булгаков, 1999, 274]; «Имяславие требует также в области наук вообще таких методов, с помощью которых можно выработать учение о мире как своего рода законченном имени, подражающем Божиему имени» [Лосев, 1999, 238]. Имя, таким образом, оценивается как нековенциональный знак, транслирующий разлитую в мире божественную энергию, приобщение к которой знаменуется самим актом именного означивания².

Само кружение трактовок вокруг идеи имени свидетельствует об экспликации некоторых архаичных и архетипических форм восприятия. Архетип в этом случае выступает в качестве первичного типа, или прототипа, который повторяется в созидательном символическом действии на протяжении многих веков и транслируется в историческом потоке культуры.

---

² Позволим себе пропустить комментарий относительно попыток современной мифологизации имени в многочисленных публикациях для массовой аудитории, подтвердив лишь справедливость оценок, высказанных на этот счет профессором А. К. Матвеевым: «...магия имен продолжает жить. Более того, во времена культурной деградации она получает широкое распространение в паранаучной форме. В красиво изданных книгах с названиями вроде “Тайна имени”, а также многочисленных журнальных и газетных статьях не только содержатся традиционные объяснения имен, но и утверждается, что имя определяет судьбу человека <...> Эта лингвистическая астрология может показаться безобидной игрой. Но манипуляции с именами подаются в научной упаковке...» [Матвеев, 2006, 7].

В культурологии понятие архетипа приобрело свойства операционального термина со времени его развернутого обоснования в аналитической психологии К. Юнга. В трактовке Юнга архетипы — глубинные матрицы сознания, сформировавшиеся в первобытность человека природного и оставившие след в структурах генетической памяти. Они являются врожденными психическими структурами, находящимися в глубинах коллективного бессознательного, и составляют основу общечеловеческой символики. Архетипическое, по Юнгу, находит свое выражение и проступает на поверхность в творческой фантазии, в природе символизации, в мифологическом дорисовывании мира: «В одном случае явление действительности, принадлежащее объективному миру, то есть имеющее физическую природу, служит импульсом для возникновения мифа <...> в другом случае архетип сам порождает соответствующее видение» [Юнг, 1994, 22]. Логика юнговского учения, отмечает Л. О. Акопян, «приводит к выводам, что мифотворчество — это непрерывный процесс, свойственный человеку во все времена; в нашу эпоху <...> мифы создаются посредством того же универсального социально-психологического механизма, что и в далеком прошлом. Взаимодействуя с глубинными, архетипическими структурами коллективного бессознательного, ассимилируя и актуализируя их, сознание вырабатывает мифологические представления, привязанные к соответствующему месту и времени» [Акопян, 1985, 12].

Древние корни имени собственного, его способность к долговременной консервации убеждают в возможности поиска некоторых трансисторических ономазиологических формул, образующих исходную парадигму именования и выступающих своеобразными стержнями, притягиваясь к которым и отталкиваясь от которых имя собственное «вращается» в разных исторических стратах. Назовем их номинативными архетипами, или архетипами именования. Осознавая масштабный характер реконструкции таких архетипов, в текущем рассуждении мы остановимся на предварительной систематизации материала, цель которой — показать возможные пути решения проблемы. При этом фокус внимания будет развернут

в сторону тех прототипов, рефлексy которых можно обнаружить в намеренной онимической номинации³.

Языковым материалом послужат преимущественно единицы центральных онимических классов — топонимы и антропонимы. Верификация будет строиться с учетом ряда показателей, в том числе: а) исторически устойчивых, повторяемых формул номинации; б) особенностей мотивировки древнейших онимических единиц; в) некоторых современных номинативных установок именования; г) рефлексивных оценок имени (или самих актов именования), а также семантического «развертывания» имени в сопутствующих текстах.

Разделяя справедливость суждения о том, что в историческом плане процесс наименования был одновременно и процессом создания предложений [Мещанинов, 1978, 200], мы полагаем, что архетипы именования правомерно выделять с учетом реконструкции магистральных вариантов модальности, с которыми соотносится речевое произведение. На этом основании наиболее отчетливо противопоставлены друг другу индикатив, дезидератив и дедикатив.

И н д и к а т и в соответствует номинации, включенной в сообщение о том, что происходило или происходит здесь и сейчас. Он протекает в русле реальной модальности и выражает суждение о денотате, передавая различные его характеристики: квалификативные, квантитативные, посессивные, релятивные, таксономические и пр. Сообщая и описывая одновременно, индикатив вовлекает тем самым называемое в круг своего, уже освоенного жизненного пространства.

Индикатив в наибольшей мере соответствует познавательной деятельности в словесном освоении-присвоении мира и обнаруживает свойства универсальной технической модели, значимой для производства как собственных имен, так и апеллятивов. Он в равной мере поддерживает формирование единиц в двух субстантивных классах и, вероятно, способствует одновременно их тесному взаимодействию.

---

³ Синкретичный характер древних наименований, включение именных обозначений в многочисленные ритуальные действия и тексты коммуникации дают основание полагать, что движение архетипов далеко от линейного развертывания и последовательного преобразования, скорее за этой динамикой угадываются сложные процессы семантического сближения, наслоения, «выветривания» с последующим переосмыслением и т. д.

Архаичность именного индикатива подтверждается семантикой корнеслова первичной славянской гидронимической лексики — наиболее древнего славянского онимического фонда. Сошлемся, в частности, на примеры славянских по происхождению гидронимов Подунавья, которые привлекает О. Н. Трубочев в обоснование версии дунайской прародины славян: *Sztruga* < праслав. **struga* ‘струя’, **Bъrъzъ* < **bъrъzъ* ‘быстрый’, **Bystrica* < **bystrica* ‘быстрая река’, **Sopotъ* < **sopotъ* ‘источник, ключ’, **Toplica* < **toplica* ‘теплая вода’ [Трубочев, 1991, 39, 129].

Что же касается архаичных антропонимов, то описательный характер подавляющей массы древних прозвищных антропонимов также не оставляет сомнений — указанное свойство неоднократно подчеркивалось в исследованиях антропонимического материала [см.: Селищев, 1968; Чичагов, 1959; Сулова, Суперанская, 1978].

Индикатив устойчив в синхронно-диахронном функционировании языка, и регулярность применения приема, при котором происходит сворачивание синтаксической конструкции в лексическую единицу, способствует продуцированию уже собственно онимической номинации-описания. Тесная связь номинации-описания с познавательным бытийным опытом человека заставляет думать, что именно она становится для онимической номинации своеобразной ономазиологической опорой и тем фундаментом, на фоне которого более отчетливо проявляют свою специфику другие стратегии именования.

Архаический *д е з и д е р а т и в* — это номинация пожелательной направленности, протекающая в русле ирреальной модальности. Называемый объект представляется здесь в ином ракурсе: он граничит с трансцендентным миром, развернут к нему и открыт его влиянию. Само переживание присутствия трансцендентного начала, сакрализованных сил изначально должно было придавать дезидеративу высокую эмоциональную напряженность и наполнять его смыслом магического воздействия, пробуждения связи «адресат — объект», где в позиции адресата мыслилась Высшая Реальность⁴. В рамках магического действия словесные формулы

---

⁴ Ср.: «Ситуация, при которой внешний мир наполнен существами иной, нечеловеческой природы, предполагает “понимание” при условии ведения диалога.

и отдельные слова, насыщаясь смыслопереживанием сакрального, берут на себя функции производителей нового состояния объекта.

Наиболее четкое представление о дезидеративе дают древние охранительные и пожелательные антропонимы: они создают в модуле «как если бы предмет был тем-то / таким-то» условный образ, заслоняющий реальные свойства денотата, скрывающий или, напротив, улучшающий его. Модальность ирреального, допуская разные варианты («стань как бы таким-то» или «стал бы таким-то»), соответствует номинативному смещению на воображаемое, пожелательное.

Архаичный дезидератив трудно отыскать в ранней славянской топонимии: если географический объект и мыслился в пограничье или в причастности к Высшей Реальности, то мы вправе ожидать здесь словесную лакуну, ибо «эпоха молчаливого благоговейного почитания высоких существ должна породить чувство высокой ответственности слова, называющего вещь (а тем более имени)» [Трубачев, 1991, 187]. Закрепление же названия в устной передаче могло происходить только через озвучивание его, а стало быть, в деятельности обыденной и в текстах, лишенных святости. Если дезидеративные формы топонимов и существовали, то скорее их следует связывать со специальными ритуалами и текстами заклинаний, прошений, молений, а подобный материал менее всего устойчив во времени. Однако в качестве косвенного свидетельства применения пожелательности при употреблении топонимов можно расценивать топонимические «гlossы» в народных заговорах. «Собственные имена в заговорах выполняют магическую функцию. В прямых обращениях к объектам природы, например к рекам, эти объекты персонифицируются, и становится очень важным назвать их по имени, чтобы они откликнулись на просьбу» [Никитина, 1982, 134].

Постоянный и в высшей мере эмоциональный диалог человека с природным окружением — характерная особенность традиционной культуры <...> Для традиционной (и еще в большей степени для архаичной) культуры была свойственна установка на сотрудничество с ним, усвоение его “ответов” с целью достижения взаимоприемлемых результатов» [Байбурин, 1993, 154].

После принятия христианства дезидератив в силу органической спаянности с языческими представлениями едва ли мог сохранить свою семантическую полновесность в официальной антропонимии, и судить о его рефлексах в народной именующей традиции приходится только исходя из общих наблюдений над именами-прозвищами.

К древнему мифопоэтическому языковому видению восходят корни художественной поэтики устного народного и письменного литературного творчества. На это указывал еще А. А. Потебня, усматривавший в языке и слове первоэлементы поэтической образности, первые шаги к осмыслению поэтического представления и полагавший, что искусство слова является в какой-то мере началом всех искусств [Потебня, 1976, 116]. Художественное переживание, интонированное уже иной, эстетической направленностью, способно рождать идеализированные, желаемые образы, и таким образом сама поэтика художественного текста открывает возможность для актуализации дезидератива при создании имен персонажей и условных авторских имен. Это, в частности, хорошо показывают антропонимы-псевдонимы, предназначенные для выполнения имиджевой функции и созданные в условной художественно-образной манере [Голомидова, 1999, 47–52].

Что касается географических названий, то в XVIII, а особенно в XIX в. среди намеренно созданных обращают на себя внимание имена, тяготеющие к условной образности и декоративности. См. названия помещичьих усадеб центральных губерний, зафиксированные «Списком населенных мест Российской империи 1862 г.»: *Воздыхаловка, Монплезир, Нерастанное, Солнышково, Утеха* [см.: Горбаневский, 1979, 104, 106]⁵.

Материал современной эргонимии демонстрирует непреходящую актуальность номинации, направленной на построение желаемого образа, см., например, названия коммерческих предприятий: «*Вкусный магазин*», «*Шоколадный восторг*», «*Ароматный мир*»,

---

⁵ Созвучны с ними созданные в то же время названия внутригородских объектов, ср. урбанонимы города Гродно, записанные в документах XIX в.: переулки *Роскошный, Скромный, Вольный, Ясный*; улицы *Буйная, Веселая, Кроткая, Медовая, Роскошь* [примеры из: Мезенко, 1992, 138].

«Чайный эталон», «Царь Продукт», «Город изобилия», «Король сластен» и под. Трудно усомниться в том, что условно-символическое название, основанное на различных видах ассоциативной интерпретации мотивировочного признака, становится чрезвычайно популярным именно из-за способности беспрепятственно привлекать условные образы для оказания нужного эмоционального воздействия на адресатную аудиторию. Образность многих условно-символических наименований размыта и нередко поддерживается культурными фоновыми знаниями, которые дают подсказку, в каком направлении должно развертываться восприятие⁶.

Модус «условно возможного» или «желательного» способствует построению специальных контекстов, подкрепляющих современные условно-символические наименования. Можно указать по крайней мере на две разновидности подобных контекстов. Первая представляет собой невербальное окружение — графические образы, эмблематические символы фирменных знаков, идеографические семиотические формы рекламной живописи и фотографии, наконец, семиотизированный дизайн интерьеров. Второй тип поддерживающих контекстов для эргонимов связан с текстовыми формами рекламы. Оценивая сотрудничество эргонимов и рекламы в плоскости интересующей нас модальности, нельзя не отметить прямые и косвенные трактовки имени собственного в различных компонентах рекламных текстов. Ср.: рекламное агентство «Звездный дождь» — слоган *Закажи свой дождь успеха!*; салон красоты «Саванна» — слоган *Среда обитания светских львиц*; торговый центр «Пчелка» — слоган *Трудится для Вас!*

Обыгрывание имени собственного в рекламном тексте представляется важным именно с точки зрения его соучастия в реализации модальности «желаемого-возможного». Таким образом, рефлекс

---

⁶ Так, ассоциативный ореол названий «Аванпост», «Витязь», «Око», «Паритет», «Эскорт», «Центурион», украшающих вывески охранных агентств, позволяет достаточно легко вообразить те рекламируемые качества, которые хотелось подчеркнуть номинаторам, и весьма примечательно в этом ряду соседство охранительного «Щита» с агрессивными «Барсом», «Кондором», «Ягуаром», «Ястребом» и «Командос», утверждающими атакующую способность названного субъекта.

архетипического дезидератива обнаруживаются в эксплуатации тех свойств именного знака, которые могут воздействовать на эмоциональную сферу адресата и оказывать сопутствующее суггестивное влияние. Привлекательность образа, пробуждаемого внутренней формой именования, эстетические достоинства его структурно-словообразовательной организации, стилистические и культурные коннотации, наконец, благозвучие имени неизменно учитываются в рациональном вербальном креативе.

В отношении архаичного д е д и к а т и в а позволим себе предположить, что он, подобно дезидеративу, осуществлялся в ирреальной модальности, не уступая последнему по степени эмоциональной напряженности. Здесь также просматривается связь с переживанием трансцендентного начала, однако иного содержания: дедикатив словесно вверяет называемый предмет сакральным силам и реализуется в модусе словесного дарения и просьбы — «прими!» (в жертву, награду, дар, под свое покровительство)⁷.

Архаичный дедикатив в славянской антропонимии, если воспользоваться сопоставительным этнокультурным материалом и сведениями о ритуалах наречения, очевидно, соотносится прежде всего с культом предков, с почитанием умерших и возвратом некронимов. Устойчивость такого поведенческого стереотипа способствовала формированию обычая, который далее, уже вне связи с языческими представлениями, сохранялся культурой. И по сей день наречение новорожденного по имени умершего родственника, лишенное явного религиозного подтекста, продолжает действовать как один из вариантов секулярной номинативной традиции⁸.

---

⁷ За этим, впрочем, угадывается и смысл ожидания обратного действия: отдавая в именовании дань своего уважения божественным силам, называющие могли рассчитывать на проявление ответной благосклонности.

⁸ Покровительственная функция имени в наибольшей степени удерживается в конфессиональном наречении: связывая имя ребенка с именем или устойчивым определением святого покровителя, акт наречения утверждает смысл приобщения к вере и одновременно служит вехой на пути к праведной жизни. Тем самым имени возвращается инструментальный патерналистский смысл, ср.: «Имя оценивается Церковью, а за нею и всем православным народом, как *тип*, как духовная конкретная *норма* личностного бытия, как *идея*, а святой как наилучший ее выразитель, свое эмпирическое

Что касается топонимии, то соображения, высказанные ранее по отношению к дезидеративу, в равной мере распространяются и на дедикатив: четкие его контуры вряд ли отыщутся в древнем фонде географических названий⁹. Дедикативная модель оказывается актуальной для тех античных европейских культур, в которых сложились устойчивые системы мифологических представлений и устойчивые пантеоны антропоморфных богов. Их культы, оснащенные традиционной символикой, могли способствовать последовательному применению номинации-дарения, а храмовые постройки, которые возводились на местах религиозных обрядов или чудесных явлений, принимали на себя имена почитаемого божества.

В дальнейшем историческом движении дедикатива можно полагать слияние буквального смысла дарения со смыслом почитания и прославления. В свою очередь, пересечение культов природных сил и богов с культурами властителей вовлекает в номинацию-посвящение имена правителей, полководцев, героев, в честь которых возводятся храмы или монументальные сооружения¹⁰. Интересный

существование соделавший прозрачным так, что чрез него нам светит благороднейший свет данного имени» [Флоренский, 1993, 276].

⁹ Хотя в исследованиях, посвященных истории славянской и древнерусской культуры, нередко приводятся мифотопонимы, производные от имен Велеса, Перуна, Мокоши, Ярилы, наименования «девичьих» гор и Марьиных озер и роц [Рыбаков, 1981; Волошина, Астапов, 1996 и др.], необходимо иметь в виду, что каждый из таких фактов требует тщательного рассмотрения, так как не исключает возможности переосмыслений и ложной этимологии. Во всяком случае, названия типа *село Волосово*, *Велесово дворище*, *Волосова улица*, *Ярилина плешь*, *Мокошин верх* [Волошина, Астапов, 1996, 47] скорее следует отнести к более поздним образованиям. Вместе с тем не подлежит сомнению особое отношение древних славян к местам культа и принесения жертв: «Это явление было общечеловеческим, его следы мы найдем повсеместно — от священной горы Кроноса на Крите до славянской Арконы со святилищем Святовита на Балтийском море» [Рыбаков, 1981, 285].

¹⁰ См.: «Элементом, связывающим все этнические группы в эллинистических монархиях Востока, был культ царствующих особ. Уже Александр, признанный частью египетских жрецов сыном бога Аммона, установил для себя божественные почести: он включил в свою титулатуру имена двух эллинских богов: “новый Геракл” и “новый Дионис”. Птоломей утвердил в Александрии Египетской культ Александра как божественного основателя города <...> Новым для греков оказался следующий шаг, когда Птоломей II Филадельф приказал почитать как божество его сестру Арсинию и посвятил ей храм неподалеку от Александрии» [Куманецкий, 1990, 146, 150].

материал в отношении наблюдений над пересечением семантики божественной и земной власти дает семиотика античных архитектурных форм и скульптурных изображений, см.: «Название свое Пантеон (“храм всех богов”) получил потому, что вместе со статуями Марса и Венеры там были установлены статуи многих других богов. По свидетельству историка Плиния, Агриппа хотел там же поместить и статую Августа (бог среди богов!) и дать храму его имя, но Август отказался, и среди богов была поставлена статуя обожествленного Юлия Цезаря, божественность Юлия Цезаря осеняла его сына — Августа. Да и установление статуй Августа и Агриппы в вестибюле храма делало их обоих сакральными фигурами» [Зелинский, 2002, 164]. Сходное семиотическое развитие демонстрируют образы, отраженные в многочисленных античных артефактах¹¹.

Таким образом, в динамике именованья-посвящения отчетливо проступают две линии: одна из них связана с религиозной деятельностью и конфессиональным наречением, другая — с идеологемами, именами и деяниями правящей светской власти.

В русской культуре топонимическое название-посвящение восходит главным образом к церковной традиции и связано прежде всего с именованием храмов в честь православных святых и религиозных праздников. В свою очередь, храмовые постройки воспринимались как центры, в ориентации на которые нередко осуществлялся метонимический перенос названий на ближайшие объекты — зоны поселений, улицы, переулки, площади. И хотя в этом случае актуализировался уже не пафос посвящения, а более прозаичный смысл ориентации в пространстве, метонимия способствовала укреплению исходных «посвятительных» моделей номинации.

В XVIII веке, в период становления Российской империи, посвящение входит в активный фонд искусственной номинации:

---

¹¹ «В 81 г. в память о победе императора Тита над Иудеей была установлена триумфальная арка. На северной ее стене изображен кульминационный момент триумфа: Тит едет на квадриге. Богиня Рома держит лошадей за узды, в то время как Виктория, находящаяся на повозке, увенчивает императора <...> В центре свода изображен Тит верхом на орле, летящем к небесам. Данный образ связан с апофеозом и с обожествлением императора после его смерти» [Коарелли, 2004, 106].

«Обычай называть географические объекты именами святых был тогда очень распространен. Как правило, присваивалось имя того святого, праздником которого был день открытия, или день открытия совпадал с кануном праздника святого» [Кусков, 1972, 83]. Правила церковного наречения настолько прочно были вписаны в культурный опыт, что даже называние природных географических реалий осуществлялось по подсказке церковного календаря. Однако традиционные модели посвящения могли наполняться светским содержанием или вбирать его в качестве своеобразного номинативного подтекста. Один из примеров — название Петропавловской гавани, присвоенное В. Берингом. В своем рапорте Сенату Беринг сообщал, что назвал эту гавань в честь святых апостолов Петра и Павла, однако имена тех же святых апостолов носили корабли его Камчатской экспедиции [Там же].

Следует отметить, что идеологизированный пафос, каким сопровождалось наречение объектов, созданных руками человека, почти отсутствует в названиях природных реалий, обнаруженных в ходе картографических и многопрофильных разведывательных работ, — пиететные мотивы здесь, как правило, смещаются в сторону признания заслуг людей, так или иначе причастных к исследовательскому поиску¹².

В практике топонимического наречения в XX в. стратегия посвящения продолжает развиваться в двух магистральных течениях: с одной стороны, в ойконимических и урбонимических названиях-посвящениях активно эксплуатируется идеологизированная

---

¹² Это подтверждают многочисленные названия, нанесенные в XIX в. на карту Арктики: *гора Остен-Сакена*, *гора Миддендорфа*, *гора Сидорова* (о. Шпицберген) названы А. Петерманом в 1870 г. в честь вице-президента Русского географического общества Ф. Г. Остен-Сакена, академика А. Ф. Миддендорфа и ревнителя Севера, золотопромышленника М. К. Сидорова; *мыс Шуберта* (Белое море) назван И. Н. Ивановым в честь Ф. Ф. Шуберта, начальника Корпуса военных топографов; *бухта Завалишина* названа Ф. П. Литке в Терiberской губе в честь одного из членов экспедиции — лейтенанта Завалишина; *гора Пахтусова* (о. Шпицберген), *горы Литке* (о. Эдж) — Литке и Пахтусов здесь не бывали, но прославились исследованиями Новой Земли, Белого и Баренцева морей, откуда начинался русский путь к Шпицбергену; *мыс Старостина* назван Норденшельдом в честь Ивана Старостина, зимовавшего на Шпицбергене 32 раза [Попов, 1990, 81–126].

тематика; с другой стороны, в топонимах, которые создаются в ходе научных и практических исследований, поддерживается тематика профессионального подвижничества. Как следствие — отыменные производные в той и другой ветви именования образуют массивные блоки стереотипных обозначений.

Утверждение чьих-либо заслуг, закрепление связи со знаменательными событиями, наконец, номинативное подтверждение чувства гордости от успешного преодоления трудностей — эти мотивы регулярно повторяются в топонимической номинации-посвящении, поддерживая ее особый символический, мемориальный характер. Однако архаичный смысл дарения может спонтанно оживляться в номинативных действиях. Он проступает в подтексте некоторых парадных именовании: «При жизни Екатерина успела “одарить городами” двух своих внуков — семилетнего Александра и пятилетнего Константина. В 1784 г. украинское село Усовка было преобразовано в город Александрия, а на Левобережной Украине вместо упраздненной крепости Белевская возник город Константиноград» [Поспелов, 1977, 83]. И отнюдь не исключает дарительного жеста посвящение неидеологизированного характера, связанное с частными причинами, ситуационно либо лично значимыми для номинаторов¹³.

Движение номинативной парадигмы имени во времени — процесс далекий от простого линейного развертывания, и архетипичные номинативные модели претерпевают сложные модификации. Древний индикатив дает основу номинации-описания, но она, в свою очередь, способна передавать оценочные и образные коннотации, связанные с восприятием реальных свойств объекта. Дезидератив сохраняет лишь общие отголоски своей модальности в установках на реализацию имиджевой нагрузки имени. Дедикатив преобразуется в символическую номинацию-посвящение. Тем не менее реликтовые смыслы именования сохраняются на периферии семантического ореола знака и могут оживать в речевой деятельности.

---

¹³ Ср.: «Коническая черная сопка среди гор противоположного берега озера, за неимением торго, была подарена в день рождения геологу Вялову и носит его имя» [Рубан, 1966, 119].

- Акопян Л. О.* Предисловие // Юнг К. Г. О современных мифах. М., 1985. С. 9–15.
- Байбурун А. К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
- Булгаков С. Н.* Икона и иконопочитание // Булгаков С. Н. Соч. : в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 241–312.
- Волошина Т. А., Астапов С. Н.* Языческая мифология славян. Ростов н/Д, 1996.
- Голомидова М. В.* Лексика природы в русских псевдонимах: номинативное отражение констант творческого начала // III Житниковские чтения: Динамический аспект лингвистических исследований : материалы Всерос. науч. конф. (Челябинск, 21–23 апреля 1999 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Е. И. Голованова. Челябинск, 1999. Ч. 1. С. 47–52.
- Горбаневский М. В.* Лексико-семантический и словообразовательный анализ русской ойконимии (междуречье р. Оки, Москвы и Нары) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
- Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж.* Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. Вып. 5 : Языковые универсалии / отв. ред. Б. А. Успенский. М., 1970. С. 31–44.
- Зелинский Ф. Ф.* Римская республика / пер с польск. СПб., 2002.
- Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. М., 1998.
- Коарелли Ф.* Рим. Археологический путеводитель. Mondadori Electa S.p.A., 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/dictio/article.htm?a=335060469> (дата обращения: 30.09.2016).
- Куманецкий К.* История культуры Древней Греции и Рима. М., 1990.
- Кусков В. П.* Топонимия Камчатки : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
- Левин-Стросс К.* Первобытное мышление. М., 1994 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/185010-pervobytnoe-myshlenie.html> (дата обращения: 30.09.2016).
- Лосев А. Ф.* Личность и абсолют. М., 1999.
- Матвеев А. К.* Апология имени // Матвеев А. К. Ономатология. М., 2006. С. 3–17.
- Мезенко А. М.* Мотивы номинации улиц белорусских городов // Топонимика и межнациональные отношения / отв. ред. Р. А. Агеева, Е. М. Поспелов. М., 1992. С. 118–135.
- Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. М. ; Л., 1978.
- Никитина С. Е.* Пространственные обозначения и топонимы в заговоре как типе текста (на восточнославянском материале) // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / отв. ред. Н. А. Слюсарева. М., 1982. С. 132–159.
- Попов С. В.* Названия студеных берегов. Мурманск, 1990.
- Поспелов Е. М.* Топонимика и картография. М., 1977.

- Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Рубан И.* В глубь Антарктиды. М., 1966.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981.
- Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А. М. Избр. тр. М., 1968. С. 97–129.
- Суслова А. В., Суперанская А. В.* О русских именах. Л., 1978.
- Тереженко Н. М.* Личные имена у ингушанов // Этнография имен / отв. ред. В. А. Никонов, Г. Г. Стратанович. М., 1971. С. 40–44.
- Толстая С. М.* «Ако се деца не држе»: магические способы защиты новорожденных от смерти // Кодови словенских култура. Београд, Деца. Бр. 7. 2003. С. 55–87.
- Топоров В. Н.* Имена // Мифы народов мира : Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980. Т. 2. С. 508–510.
- Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991.
- Флоренский П. А.* Малое собрание сочинений. Вып. 1 : Имена. М., 1993.
- Черникова Е. М.* Имена собственные в жанре семейных родословных : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Белгор. гос. ун-т. Белгород, 2009.
- Чжан Ч.* Соотношение понятий «табу» и «эвфемизм» (на материале русского и китайского языков) // Вестн. МГОУ. Лингвистика. 2012. № 6. С. 3–87.
- Чичагов В. К.* Из истории русских имен, отчеств, фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М., 1959.
- Юнг К. Г.* О современных мифах : сб. тр. / пер. с нем. М., 1994.

* * *

Голомидова Марина Васильевна

доктор филологических наук,
профессор кафедры
интегрированных маркетинговых
коммуникаций и брендинга
Уральский федеральный
университет
620142, Екатеринбург, ул. Чапаева,
16, ком. 416
E-mail: marinagolomidova@urfu.ru

Golomidova, Marina Vasilyevna

DrHab, Professor,
Department of Branding and Integrated
Marketing Communications
Ural Federal University
16, Chapayev str., room 416,
620142, Ekaterinburg, Russia
E-mail: marinagolomidova@urfu.ru

Archetypal Naming Models: Indicative, Dedicative, Desiderative

The article deals with the reconstruction of archetypal naming patterns. The author builds her argument on the assumption that a proper name can maintain in its “semantic halo” traces of archaic cultural naming experience. The author induces archetypal invariants of naming based on the analysis of place names and personal names created in different historical periods. In view of the reconstruction of archaic modality, naming displays three modes of archetypal signification — indicative, dedicative, and desiderative. Indicative mode corresponds to the actual modality, such names being motivated by real properties of the named object. Desiderative naming takes place in line with the unreal modality and aims to create a desired image that is interpreted through the prism of sacred meanings. Dedicative mode, the other kind of naming irrealis, produces “gift names” intended to bring the named object under the protection of sacred forces. The article also discusses different ways of how the above archetypal naming patterns manifest themselves in the names of past and present.

Key words: proper names, archetypes of naming, place names, personal names, indicative, dedicative, desiderative.

Т. А. Гридина
Екатеринбург

Онимизация апеллятива как основа порождения игрового текста: экспериментальные данные

В статье рассматривается механизм актуализации мотивированности ономастических игрем (продуктов языковой игры), образованных путем транспозиции апеллятива в класс имен собственных. Выявляются особенности мотивации и игровой персонификации антропонима, транслирующего семантику местоименных наречий,

союзов и вводных слов. Экспериментально верифицируется гипотеза о сюжетообразующей роли отапельлятивного онима в создании игрового текста. Использование процедуры прямого толкования игровых антропонимов показывает, что их характеристическая персонификация определяется семантикой и оценочной модальностью исходного апеллятива. Текстовая референция совокупного поля онимов на завершающем экспериментальном этапе сборки игрового текста обнаруживает три основные стратегии сюжетомоделирования в зависимости от соотношения с первичной фазой толкования: стратегию гештальтной символизации, стратегию создания текста на основе сценарной пропозиции и стратегию объединения тематических кластеров. Игровая актуализация и текстопорождающий потенциал отапельлятивных антропонимов во многом определяются пресуппозициями их использования в поэтических и прозаических текстах определенной жанровой формы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ономастическая игра, игровой текст, психолингвистический эксперимент, стратегии текстопорождения, ассоциативный потенциал слова.

Исследование механизмов языковой игры с применением экспериментальных методов, с одной стороны, обусловлено самой лингвокреативной природой данного феномена, провоцирующего реципиента на опознание прототипа в игровой трансформе; с другой стороны, для понимания сущности игровой интенции и стратегии игры важно учитывать ее текстовую проекцию. Представляется, что сам механизм создания игремы¹ определяет перспективу ее ассоциативной актуализации в игровом тексте.

Игровой текст как особая форма лингвокреативной деятельности строится с использованием разных людических кодов (фонетического, словообразовательного, семантического, грамматического),

---

¹ Данный термин, наряду с термином *игровая трансформа*, введен нами для обозначения продукта, результата языковой игры (тип игремы определяется в соотношении с прототипом и средствами, приемами его смысловой и/или формальной реинтерпретации) [Гридина, 1996; 2012], чем достигается эффект «дестереотипизации» (введения знака в новый ассоциативный контекст).

требующих дешифровки замысла автора в заданном им операциональном ключе. Языковая игра в таком тексте становится не просто приемом, открывающим для читателя неожиданные свойства вербальных знаков, переключающим стереотипы их восприятия и порождения, но и конструктивным сюжетообразующим принципом. Исключение из такого текста игрем «уничтожает» и сам текст — он «рассыпается», аннигилируется: формальная и содержательная уникальность игрового текста взаимоопределяют (взаимообуславливают) друг друга.

Самостоятельную версию создания игрового текста представляет собой актуализация семантики разных разрядов местоимений, служебных слов (союзов, вводных слов, частиц)². Одним из приемов придания таким словам игрового номинативного статуса становится их онимизация (в частности, переводение в разряд антропонимов). В этом случае отвлеченная семантика исходного апеллятива проецируется на личное имя собственное, придавая ему характерологическую мотивацию, что определяет возможность создания персонифицированного образа. Из игрового онима, сигнализирующего о свойствах своего потенциального носителя, на основе референтной конкретизации в условно-реальном сюжетообразующем ключе «вырастает» игровой текст.

Экспериментальная верификация этой гипотезы проводилась нами в два этапа, последовательно формировавших установку на игру с искусственным именем вне текста и при создании текста. В качестве респондентов выступили магистранты и студенты Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, а также (в виде дополнительной «выборки» испытуемых) вузовские преподаватели³.

Первый этап включал в себя собственно процедуру игровой ономастической персонификации (присвоения апеллятиву статуса характеристического антропонима).

---

² См. использование этого приема в произведениях С. Д. Кржижановского («Поэтому», «Страна нетов», «Чути-чути» и т. п.).

³ В качестве респондентов, в частности, выступили проф., д. ф. н. М. Э. Рут, проф., д. ф. н. А. М. Плотникова (Уральский федеральный университет) и автор данной статьи.

Инструкция предъявлялась в следующем виде: «Представьте себе, что приведенные ниже слова и выражения — это имена собственные. Какими качествами могли бы обладать носители таких имен?».

Перечень стимулов включал в себя местоименные наречия, союзы, вводные слова и выражения, модальные частицы, фразеологические сочетания, выражающие модальность неопределенности / определенности: *где-то, когда-то, как-то, кое-как, кое-где, когда-нибудь, откуда-то, вместе с тем, потому что, кое-кто, некто, кое-какой, почему-то, отчего-то, почему бы, если бы, как-нибудь, все-таки, все равно, зачем-то, ни то ни сё, и так далее, таким образом, следовательно.*

Анализ экспериментальных данных показывает, что процесс игровой ономастической персонификации направляется актуализацией узуальной семантики стимульных слов, которая «насыщается» ситуативной конкретикой.

Представим совокупность вариантов ономастических персонификаций, полученных от респондентов на данном этапе эксперимента.

ГДЕ-ТО

- новоиспеченный путешественник, пропавший без вести (1)⁴;
- дедуля, который страдает склерозом и вечно где-то забывает свои очки (2);
- философ в поисках вечной Истины (3);
- романтичная девушка, «витающая в облаках» (4);
- археолог, все время в командировках (5);
- одинокий странник-бродяга (6);
- искатель приключений (7);
- бывалый моряк, видывал разные страны и континенты (8);
- девушка общительная, легкая на подъем (9);

---

⁴Цифры в круглых скобках маркируют ответы конкретных участников эксперимента. Это дает возможность сопоставления реакций одного и того же респондента на разные стимульные слова. Совокупность толкований, полученных от каждого испытуемого, позволяет судить как об универсальных, так и об уникальных смысловых проекциях семантики апеллятива, лежащего в основе игрового имени.

семнадцатилетний парень, который, считая себя взрослым, *не сообщает родителям о том, где и с кем проводит время* (10);
любительница *ходить по гостям* (11);
чей-то дальний родственник (12);
страдает «*топографическим кретинизмом*», может *заблудиться в трех соснах* (13).

Игровые ассоциативные проекции «направляются» базовым для стимула значением неопределенности места действия: доминирует прямая ситуативная референция, соотносительная с идеями путешествия, странствия, смены места пребывания по роду профессии; косвенная ситуативно-референтная актуализация данного местоименного наречия транслирует иронические переносные смыслы отрыва от реальности, отдаленного родства, забывчивости из-за потери памяти в старости, плохой ориентации на местности. Соответствующие направления персонификации прогнозируют тематический и оценочный регистры создания игрового текста.

КОГДА-ТО

старушка / старик, предающиеся воспоминаниям (1);
уже *немолодая* женщина, испытывающая *ностальгию по «старым добрым временам»* (2);
студентка-*задолжница*, исключенная из вуза за неуспеваемость (3);
в прошлой жизни красавица, ныне похожа на старуху Изергиль (5);
мудрый *старец*, знающий ответы на все трудные вопросы (6);
сказочник (7);
известный *старый* актер, всеми уже *забытый* (8);
преподаватель *истории* (9);
ветеран труда, человек советской закалки, считает, что «*раньше все было лучше*» (10);
тайно был влюблен в свою *подругу детства*, которая сейчас уже замужем (11);
старый консерватор, не одобряет современную молодежь (12);
подруга ГДЕ-ТО (13).

Игровая персонификация, связанная с онимизацией апеллятива, разворачивается в плане временной ретроспективы: ностальгия по прошлому, где остаются слава, красота, прежний образ жизни, несущественные мечты; оппозиция старости и молодости. Отдельно

выделим ассоциат *подруга ГДЕ-ТО* (13), сигнализирующий об аттракции стимульных слов как о потенциальном сценарном предтексте.

КОЕ-КАК

тучная дама, которая *с трудом ходит* (1);
человек, для которого *«все сойдет»* (2);
любит анекдоты и байки, но *плохо их рассказывает* (3);
мальчишка, который *ничего толком не умеет делать* (4);
нерадивая секретарша, которая все делает *сикось-накось* (5);
«мастер» чинить обувь *на скорую руку* (6);
медлителен и *все делает с горем пополам* (7);
женщина за сорок, мать двоих детей, *с трудом сводящая концы с концами* (8);
школьник, *неряшливо одет, неухожен* (9);
так ленива, что *с трудом доучилась до десятого класса* (10);
прозвище мальчишки, у которого на уроке физкультуры *не хватает сил хотя бы два раза отжаться* (11);
участковый *врач*, которому *на прием одного пациента отводится пять минут* (12);
вечный студент (13).

Основными векторами референтной персонификации являются характеристики потенциального носителя имени, ситуативно «отзеркаливающие» значения «несоответствия норме»: неспособность сделать что-либо хорошо, довести начатое дело до конца, недостаток интеллекта и желания учиться, не критичное отношение к собственной внешности, физическая немощь, образ жизни, связанный с ограничениями в средствах к существованию, вынужденный временной дефицит в реализации профессиональной деятельности.

КАК-ТО

изобретатель-*самоучка* (1);
загадочный человек, его *трудно понять* (2);
рассеян, едва сводит концы с концами, *ничего не успевает* (3);
гениальный ученый, который *никому не может объяснить, как он пришел к своим замечательным открытиям* (4);
робкий человек, умер, *так и не совершив ни одного стоящего поступка* (5);

дочь КАК-НИБУДЬ, полная надежд и планов на будущее (6);
артист цирка, *блестящий фокусник* (7);
холостяк, хотел жениться, но *как-то не сложилось* (8);
занимательный рассказчик, имеющий в запасе множество смешных историй, традиционно *начинающихся с «как-то»* (9);
мастер на все руки, умудряющийся сделать из опилок табуретку (10);
актриса, *прекрасно сохранилась*, несмотря на преклонный возраст (11);
женщина-загадка, *никогда не дает прямого ответа на заданный вопрос* (12);
философ: *любит строить гипотезы о том, что можно было бы трактовать и так и эдак* (13).

Значения неопределенного наречия, переведенного в статус онима, выступают основой выводимости свойств потенциально-го носителя имени. Эти характеристики частично синонимичны, частично антонимичны стимулу *КОЕ-КАК*: акцентированы черты личности, не позволяющие или, наоборот, позволяющие персонажу проявить себя (порой неожиданным и необъяснимым с точки зрения строгой логики образом). Отдельно выделим реакцию *дочь КАК-НИБУДЬ*, *полная надежд и планов на будущее* (6) (ср. оппозицию «нереализованное — возможное» в связи со стимулом *КАК-ТО*). «Семейная» (родственная) аналогия — одна из актуальных моделей ономастической персонификации.

КОГДА-НИБУДЬ

мечтатель(ница) (1);
нерадивый муж, который *давно обещает* жене починить текущий кран (2);
футуролог по профессии, *верит в наступление «светлого будущего»* (3);
легко дает обещания, но никогда их не выполняет (4);
некий *утопический идеал* человека (5);
предсказательница, *дочка ГДЕ-ТО и КОГДА-ТО* (6);
имя ребенка, которого *долго ждали* (7);
программист, *мечтающий создать* собственную компьютерную игру (8);
писатель-фантаст (9);
солдат-призывник, *мечтающий стать генералом* (10);

легкомысленный юноша-ловелас (11);
девушка, которая *ждет принца* на белом коне (12);
старая дева, *не теряющая надежды выйти замуж* (13).

Неопределенная временная перспектива становится доминантой онимической персонификации, обнаруживая корреляцию значения стимульного апеллятива с виртуальной реальностью будущего. В характеристике потенциальных персонажей актуализирован мотив нереализованного или реализованного «прогноза» чего-то желанного или нежелаемого. Особняком стоит ассоциат *дочка ГДЕ-ТО и КОГДА-ТО* (6), который содержит идею описания характера персонажа в свете «семейной аналогии».

ОТКУДА-ТО

цыганка (1, 2);
нагрянувшая в гости теща (3);
агент иностранной *разведки*, сохраняющий *инкогнито* (4);
импозантный *господин из неизвестной страны* (5);
корреспондент новостной газеты (6);
неутомимый путешественник, на географической карте уже не осталось не отмеченных им маршрутов: *откуда и куда он отправится*, зависит от его настроения (7);
беспородный щенок (8);
всегда *появляется внезапно*, когда заговорят о нем (*lupus in fabulis*) (9);
девушка *из деревенской глубинки*, приехавшая в столицу учиться (10);
инопланетянин (11);
сообразительный игрок, *участвующий в викторине «Что? Где? Когда?»* (12);
разнощица газет и *сплетен* (13).

Направления онимической персонификации определяются следующими аспектами ситуативной актуализации исходной семантики апеллятива: непостоянство местонахождения, стремление к смене мест; отсутствие сведений о ком-либо (намеренное сокрытие их); проявление интуиции, смекалки, озарения; внезапность и непредсказуемость появления кого-либо; неопределенный источник информации (часто ложной).

ВМЕСТЕ С ТЕМ

- человек-«липучка», *верный друг* (1);
ветреная *девушка*, которая *сегодня вместе с этим, а завтра вместе с тем* (2);
строгий мужчина в очках, носит портфель и *любит «умничать»* (3);
маленькая *девочка*, *неразлучная со своим любимым мишкой* (4);
маленький человек, *не желающий мириться с реальностью* (5);
крупный мужчина, но обладает *бархатным* голосом (6);
умна, но излишне рациональна, речь ее сложна, наполнена вводными словами и канцеляризмами (7);
никто, у этого слова нет образа (8);
девушка-перфекционистка, хочет жить красиво, *иметь всего «по паре»* (9);
женщина *среднего возраста*, *выглядит гораздо моложе* своих лет (10);
очень *общительный* молодой человек (11);
влюбленная *девушка*, *преследующая своего избранника* (12);
правоучительная дама; строгая учительница (13).

Наблюдается двоякая актуализация стимульного выражения (ср. *ВМЕСТЕ С ТЕМ* со значением ‘кроме того, сверх того’ и смысл ‘совместно с кем-то’). Проекция смысла вводного слова отмечены в ответах 3, 4, 5, 6, 10, 13. В остальных персонификациях актуализирован смысл наречия. Данный стимул проявляет стратегию характеристики персонажа по особенностям его речи, «отраженным» в имени. Интересно утверждение относительно отсутствия у данного слова «образа» (8), что, возможно, связано с преобладанием у респондента вербально-логической, рациональной, а не чувственно-перцептивной, эмоционально-оценочной доминанты восприятия и мотивации игрового онима.

ПОТОМУ ЧТО

- логик*, упрямец, главный *аргумент у него* — «*потому что*» (1);
молодая мама, у которой *ребенок в возрасте «почемучки»* (2);
сотрудник *справочной службы* (3);
парень, который всегда *ищет для себя отговорки и оправдания* (4);
зануда в высшей степени, *считает свое мнение единственно правильным* (5);
учитель, у которого *на все есть ответ* (6);

обладает типично *женской логикой*, приводя часто *абсурдные аргументы в доказательство своей правоты* (7);
хамоватая девушка (8);
профессор-резонер (9);
девушка, которая живет в свое удовольствие, *ей закон не писан: на все найдет оправдание* (10);
ворчливый, но добродушный *дедушка*, обожающий своих *внуков-почемучек* (11);
самоуверенный тип (12);
человек *энциклопедических знаний* (13).

Основным вектором актуализации семантики данного стимула в его ономастической проекции выступает приписывание потенциальному носителю черт рационального мышления, нередко сопровождаемого склонностью к резонерству, неприятию иного мнения; отмечается способность носителя имени к профессиональному использованию знаний в какой-то области; проявлению широкой эрудиции в ситуации интеллектуальной игры. Противоположным вектором является отсутствие логики в поведении и мыслях кого-либо, безапелляционность суждений (при игнорировании аргументации). Отметим в качестве нестандартного способа персонификации указание на носителя имени *ПОТОМУ ЧТО* как на участника вопросно-ответного диалога взрослых (мамы, бабушки) и маленьких детей-*почемучек* (см. ответы 1, 11).

ОТЧЕГО-ТО

хитрец, у которого все складывается якобы *помимо его воли* (1);
чувствительная барышня, которой *то весело, то грустно* (2);
ветреная девушка, которая вдруг *влюбилась всерьез* (3);
лучший друг *ПОЧЕМУ-ТО* (4);
женщина, которая не задумывается над тем, почему поступает так, а не иначе (5);
астролог, прогнозам которого никто не верит (6);
обидчивый ребенок (7);
отличник, плохо написавший ЕГЭ (8);
глуховат, но не осознает этого и *удивляется, отчего над ним смеются* (9);
молодой учитель, стесняющийся своих учеников (10);
мальш-«ходячая беда», в его руках все «само ломается или разбивается» (11);

риэлтор, не продавший ни одной квартиры (12);
ревнивец, подобный Отелло (13).

Доминантой актуализации грамматической семантики исходного апеллятива является неопределенность источника эмоциональных состояний и происходящих с человеком событий. Ср. ассоциативную связку — *лучший друг ПОЧЕМУ-ТО*.

ПОЧЕМУ БЫ

человек-«катастрофа», без тормозов, *авантюрист* (1);
молодой человек, который *на любое предложение отвечает «почему бы и нет»* (2);
активный молодой человек, большой *выдумщик* (3);
парень-заводила, *искатель приключений* (4);
предлагает сумасбродные идеи, но в такой заумной форме, что все с ним соглашаются (5);
массовик-затейник (6);
авантюрист вроде Остапа Бендера (7);
неугомонная особа, не обременяющая себя ничем серьезным (8);
своенравная особа, не терпит пререканий и *все делает по-своему* (9);
соцработник, *полон идей* и высоких устремлений (10);
злобный и коварный маг, который заключает с жителями волшебного *Предложенческого королевства выгодные только для него сделки* (11);
юноша, руководствующийся девизом *«В жизни нужно попробовать все!»* (12);
любопытен, *открыт новому* (13).

Доминантной для данного стимула является семантика спонтанного побуждения к какому-либо действию как реакция на внезапно возникшую идею (с оттенком вероятностной результативности). Ср. ассоциат *почему бы и нет*. Коннотации отрицательно-оценочного плана содержат такие характеристики потенциального носителя имени, как авантюризм, своенравие, сумасбродство; положительную оценку получает стремление «испробовать» открывающиеся человеку возможности. В плане креативности отметим игровой топоним *Предложенческое королевство*, представленный в реакции респондента (11) как производное от *предложение* в значении ‘то, что предложено, предлагается и чем можно воспользоваться’. Этот вектор интерпретации вносит в семантику игрового онима

ПОЧЕМУ БЫ оттенок как положительной, так и негативной характеристики того, кто готов воспользоваться открывающимися возможностями в корыстных целях, путем обмана.

ЕСЛИ БЫ

неудачник и завистник (1);
 мечтает об исполнении своего *заветного желания* (2);
ученый с развитым воображением (3); *женщина* средних лет, *тоскующая по ушедшей молодости и так и не обретенному счастью* (4);
 докучливый тип, вечно ворчит по факту: «*Если бы да кабы*» (5);
 про таких говорят: «*Вечно витают в облаках*» (6);
 уверен, что *мог бы добиться всего, если бы случилось то, чего не случилось* (7);
мечтает написать книгу, но всегда находит причину, которая ему *мешает это сделать* (8);
 крайне *нерешительный* юноша (9);
 чрезвычайно мечтательный мальчик, *верит* во все свои самые *несбыточные фантазии* (10);
 житель дождливого Петербурга, размышляющий о том, как *хорошо было бы* здесь при более стабильном климате (11);
нытик, недовольный «сам собой, своей зарплатой и женой»⁵ (12);
невостребованный киноактер (13).

Семантика нереализованной / упущенной возможности задает векторы ситуативной референции игрового онима. Отметим прецедентную игровую реакцию (12), основанную на оценочной характеристике носителя имени через антонимическую трансформацию цитаты из романа А. С. Пушкина.

КАК-НИБУДЬ

уборщица (1);
безалаберный и *невнимательный* школьник (2);
оптимист, который часто *попадает в передряги*, но при этом *не унывает* (3);
пофигист: плывет по течению, считая, что *все как-нибудь само собой уладится* (4);

⁵ Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»: «...и рогоносец величавый, всегда довольный сам собой, своей зарплатой и женой».

самонадеянная студентка, считает, что закончит вуз, *не «прикладая» усилий* (5);
очень полная женщина, которая *мечтает* сесть на диету (6);
жизнестойкая дама, уверенная, что *все неприятности можно пережить* (7);
дилетант, ни во что не вникающий глубоко (8);
лентяй (9);
отец семейства, много работает, почти не видит своих детей и *мечтает как-нибудь* сводить их в цирк (10);
глава семейства авось (11);
имеет привычку *все делать на бегу и в последний момент* (12);
чиновник-бюрократ (13).

В игровой референции персонифицированного онима актуализирована характеристика безразличного (некритичного) отношения личности к собственной жизнедеятельности (в том числе в профессиональной сфере); отмечен мотив «отложенного» действия (с коннотацией невыполнимости обещанного); проявлен мотив упования на благополучный исход без приложения собственных усилий (психология жизни в надежде на авось). Ср. использование «семейной аналогии» в актуализации смысловой связи между *КАК-НИБУДЬ* и *авось* в реакции (11).

ВСЕ-ТАКИ

оптимистка, *во всем находит что-то хорошее* (1);
великий ученый⁶ (2);
следователь с хитрыми глазами, который *во всех и во всем ищет изъян* (3);
человек, который *никогда не теряет оптимизма* (4);
сестра милосердия (5);
оппонент *ВСЕ РАВНО* (6);
упрямец, лучше с ним не спорить (7);
девушка, которая, *несмотря на перенесенные разочарования, не потеряла веру* в любовь (8);
интриган, *сеющий сомнения в истинности чего-л.* (9);

---

⁶ Ср. прецедентную фразу Коперника «*И все-таки она вертится!*».

молодой вузовский преподаватель, часто спорит со студентами, доказывая свою правоту и даже не пытаясь услышать иную точку зрения (10); странноватый мужчина, все делающий не так, как принято: необычно одет и причесан (11);
 Фома неверующий (12);
 упорно тренирующийся спортсмен (13).

Доминирующим вектором актуализации характеристической семантики частицы в ономастической функции является значение противопоставления (противоборства, сопротивления чему-либо). Прецедентные ассоциаты несут в себе идею открытого противостояния расхожей истине (*Коперник*) и иронию по поводу беспочвенного сомнения и всеотрицания (*Фома неверующий*). Еще один вектор — упорство в достижении результата (вопреки всему).

ВСЕ РАВНО

равнодушная к поклонникам девушка (1);
 подросток, пытающийся во что бы то ни стало доказать, что он Личность (2);
 философ, любящий повторять с невозмутимым видом: «Все суета сует» (3);
 ничем не интересующийся молодой человек (4);
 самовлюбленный писатель, не реагирующий на критику (5);
 бесцветная личность (6);
 не успела родиться, как утратила смысл жизни (7);
разведенная бездетная женщина (8);
 девушка, пребывающая в депрессии (9);
 брошенный ребенок (10);
 к старости стала *равнодушной* ко всему, даже к конфетам (11);
 идет к своей цели *напролом*, не выбирая средств (12);
 невзрачная и *неприметная* девушка, о ней говорят «серая мышка» (13).

Онимизированный стимул характеристически коррелирует с семантикой безразличия, разочарования в жизни, утраты смысла существования, потери индивидуальности; ситуативная референция игрового онима отсылает к мотивам сиротства, развода; еще одним вектором является приписывание носителю имени свойства «идти напролом».

ЗАЧЕМ-ТО

непредсказуем даже для себя самого (1);
нерадивый автомеханик, «любящий» делать двойную работу (2);
клерк, который спешит закончить бесполезную работу в срок, руководствуясь только одним словом: «Надо!» (3);
простодушная глупышка, *говорит и делает все невпопад* (4);
родилась в страшном мире, где никто не рождался, и *не знает, зачем* (5);
блондинка, *обладающая чисто женской логикой* (6);
непонятно зачем выдвинулся в депутаты (7);
любитель покупать *лотерейные билеты*, которые никогда *не выигрывают* (8);
клептоман (9);
красивая и совершенно беззаботная девушка, *часто наступает на одни те же грабли*, не может сделать выводов из собственных ошибок (10);
неисправимый *скандалист* (11);
альтруист, берет на себя чужую вину (12);
подруга ОТЧЕГО-ТО (13).

Во всех интерпретациях транслируется семантика непредсказуемости (нерациональности, странности, нелогичности) совершаемых кем-то поступков. Синонимическая связь наречий *ЗАЧЕМ-ТО* и *ОТЧЕГО-ТО* (13) маркирована игровым идентификатором *подруги*.

НИ ТО НИ СЁ

девочка-подросток (1);
дурнушка с завышенной самооценкой (2);
человек-*амеба* (3);
разорившийся бизнесмен (4);
«ни рыба ни мясо» (5);
так и не нашел себя ни в какой профессии (6);
брат КОЕ-КАК (7);
принц *смешанных кровей* (8);
капитан *без судна* (9);
абитуриент, который *еще не сдал экзамены* (10);
человек-*трансформер* (11);
соглашатель: не имеет своего мнения (12);
учитель-*самоучка* (13).

Доминантой интерпретаций является невозможность идентификации свойств личности по определенному критерию (возрастному,

профессиональному, национальному, эстетическому и т. п.); отрицательная оценка несоответствия некой норме (моральной, социальной, образовательной, этической); ср. также коннотацию неуспешности, непрофессионализма в каком-либо деле (реакции 4, 6, 9, 13).

И ТАК ДАЛЕЕ

преподаватель, который *не любит вдаваться в подробности* и полагается на фантазию и догадливость студентов (1);

«немногословный» студент: *всегда уходит от полного ответа на экзамене* (2);

деловой человек, *ни в чем не терпящий промедления* (3);

молодой человек, *умеющий убедительно излагать свою точку зрения* (4);

неутомимая болтушка, *тараторка* (5);

деловая дама (6);

студент, который *не умеет классифицировать материал* (7);

репетитор (8);

молодой преподаватель, *плохо знающий свой предмет* (9);

молодая радиоведущая, говорит так *быстро*, что все ее слова *сливаются в один, кажется, бесконечный поток* (10);

преподаватель, *стимулирующий* студентов к научной работе (11);

оратор от Бога (12);

студент, магистрант, *аспирант И Т. Д.* (стимульный оним трансформируется в игровую аббревиатуру. — *Т. Г.*) (13).

Ономастическая референция транслирует семантику незавершенности перечислительного ряда применительно к разным свойствам личности, проявляющим себя в речевой деятельности. Положительный вектор характеристики связан с основательностью, глубиной и детализацией вербальной передачи информации, отрицательный — со стремлением личности «скрыться» за внешне презентабельной фразой. Семантика непрерывной речи коррелирует с игровой характеристикой болтливости и быстроты речи как своего рода сигналом профессиональной «деформации» (ср. речь радиоведущих). Одновременно это и сигнал ораторского мастерства.

ТАКИМ ОБРАЗОМ

человек *рассудительный и точный* (1);

преподаватель-филолог (2);

оратор, *умеющий убеждать аргументами* (3);
мужчина, *способный находить компромисс* в спорной ситуации (4);
педант, любит поставить точку в любом вопросе (5);
молодая *дама, влюбленная в СЛЕДОВАТЕЛЬНО* (6);
философ, считает, что *без подведения итога* мысль «растется» или вообще «убежит» (7);
студент-*филолог* (8);
философ, *рационалист до мозга костей* (9);
уважаемый пожилой преподаватель, лекции которого содержательны, но зачастую *скучны* (10);
начальник отдела кадров, *тщательно взвешивающий все «за» и «против»* при приеме сотрудников на работу (11);
бухгалтер, *сводящий дебет с кредитом* (12);
учитель *математики* (13).

Доминантой референции игрового онима является идея рациональности. К креативным актуализациям можно отнести связку *ТАКИМ ОБРАЗОМ* и *СЛЕДОВАТЕЛЬНО* (6) как указание на объект влюбленности молодой дамы (что уже есть некий самостоятельный сюжет).

СЛЕДОВАТЕЛЬНО

человек, который *любит показать свою образованность* (1);
студент-*филолог, обожает делать доклады* и писать курсовые (2);
руководящий работник, подчиненные чувствуют его «твердую руку» и уважают его (3);
мужчина, районный *судья* (4);
внучка ТАКИМ ОБРАЗОМ, он ей имя и придумал (5);
брат ПОТОМУ ЧТО, очень логичен и последователен: всегда держит слово и *не отступает от своих принципов* (6);
адвокат (7);
женщина-*профессор*, умна, амбициозна (8);
преподаватель *истории*, уверенный в том, что нужно *из нее делать выводы* (9);
молодой ученый, мечтающий сделать открытие и *последовательно идущий к своей цели* (10);
следователь по особо важным делам в городе *Вводнословске* (11);
преподаватель *геометрии* (12);
шахматист (13).

Референция данного игрового онима демонстрирует уже востребованные респондентами модели семейной идентификации — с обоснованием такого сближения (см. реакции 5, 6). Проявлены в толкованиях и игровые векторы (ср. лингвистичное топонимическое «помещение» *СЛЕДОВАТЕЛЬНО* в город *Вводнословск* — с намеком на то, что стимул — вводное слово). Профессиональные и поведенческие стереотипы актуализации «рациональной» семантики стимула отмечаются почти во всех реакциях.

Второй этап эксперимента предполагал процедуру сборки (порождения) игрового текста. Респондентам предлагалось написать небольшой текст на базе совокупности предложенных ономастических стимулов в любой жанровой форме и в любом стилистическом регистре.

На основе полученных текстов представляется возможным выделить три основные стратегии сюжетомоделирования с использованием приема игровой ономастической персонификации. Это стратегия гештальтной символизации, стратегия создания текста на основе сценарной пропозиции и стратегия объединения тематических кластеров. Данные стратегии выделяются нами в соотношении с предтекстовой актуализацией респондентами мотивационной формы и референции отапельлятивных онимов.

Стратегия гештальтной символизации персонифицированных онимов как основа сюжетомоделирования предполагает их соотнесенность в рамках фрейма, охватывающего все аспекты текстовой ситуации. Такова, в частности, сюжетная коллизия, отсылающая к фрейму «несостоявшееся замужество», в рамках которого разворачивается символическая актуализация референтной семантики ключевой игры. Последняя притягивает к себе текстовые симиляры и оппозицы.

Приведем текст, иллюстрирующий данную стратегию.

КОГДА-ТО была уже немолода. В девичестве она, как и все, мечтала выйти замуж, но, так и не встретив достойных претендентов, незаметно для себя перешла в состав старых дев. Подруга *БЫТЬ МОЖЕТ* не раз обещала познакомить *КОГДА-ТО* с *КОЕ-КЕМ*. Но вместо этого мифического

НЕКТО приходилось общаться с *КОЕ-КАК*, с *КОЕ-КАКИМ*, и в конце концов ее надежда на замужество почти сошла на нет.

Однажды *КОГДА-ТО* случайно увидела в газете объявление брачного агентства, директор которого *ВМЕСТЕ С ТЕМ* слыла знатной свахой. Решив, что это последний шанс найти наконец своего *КОГДА-НИБУДЬ*, *КОГДА-ТО* пошла в агенство писать заявление.

За столом сидела секретарша, надпись на ее визитке гласила: *НИТОНИСЁ КАКНИБУДОВНА ВСЁРАВНОВСКАЯ*. Окинув посетительницу оценивающим взглядом, она, видимо, оценила шансы *КОГДА-ТО* не слишком-то высоко.

— Вы по какому вопросу? К сожалению, наши сотрудники сегодня все на выезде: агент *КАК-ТО* лагает прорехи в брачных сделках; стажер *ОТКУДА-ТО* участвует в демографических дебатах между *ОТЧЕГО-ТО* и *ПОЧЕМУ БЫ*; агент *ЕСЛИ БЫ*, футуролог, составляет аналитический отчет об упущенных возможностях гороскопического соединения клиентов нашей компании.

— И все же, нельзя ли мне посмотреть список кандидатов в мужа? — робко попросила *КОГДА-ТО*.

Перечень потенциальных «мужей» состоял из:

- *И ТАК ДАЛЕЕ*, характеризуемого как красноречивый оратор, способный говорить часами о чем угодно («Болтун», — подумала *КОГДА-ТО*);

- *ТАКИМ ОБРАЗОМ*, бухгалтера, отличающегося расчетливостью и экономностью («Скупой, наверное», — решила *КОГДА-ТО*);

- *ВСЕ-ТАКИ*, обладающего настойчивостью в достижении своих целей («А этот будет упираться, как баран, его не переспоришь, терпеть не могу мужчин-резонеров»);

- *КАК-НИБУДЬ*, жизненный принцип которого — «плыть по течению» — явно выдавал в нем пофигиста («Этот на шею сядет и ноги свесит», — мелькнула мысль в голове прозорливой *КОГДА-ТО*);

- *ЗАЧЕМ-ТО*, который и сам еще не решил, зачем ему нужно жениться, но на всякий случай записался в число претендентов.

И венчали список «маловыразительные» фигуры претендентов *НЕКТО*, *ОТКУДА-ТО*, *ГДЕ-ТО*, *ВСЕ РАВНО*, *ПОТОМУ ЧТО* и *СЛЕДОВАТЕЛЬНО*.

КОГДА-ТО отложила список и молча вышла из агентства...

Так и живет она по сей день с мыслями о несбывшейся встрече с *КОГДА-НИБУДЬ* и *ГДЕ-НИБУДЬ*.

Т. А. Грдина, проф., д. ф. н.

Стратегия создания текста на основе сценарной пропозиции и заключается в том, что уже на стадии игровой ономастической

персонализации каждому персонажу приписывается некая потенциальная роль в соответствии с особенностями организации текста определенной жанровой формы. Например: *ГДЕ-ТО* — бабуля из дальней провинции; *КОГДА-ТО* — он появится в финале; *КОЕ-КАК* — примадонна; *КАК-НИБУДЬ* — слуга двух господ; *ПОЭТОМУ* — главный герой; *ПОТОМУ ЧТО* — его супруга; *СЛЕДОВАТЕЛЬНО* — прокурор; *И ТАК ДАЛЕЕ* — экономка; *ВМЕСТЕ С ТЕМ* — служанка.

Приведенный ниже текст, созданный на основе данной ассоциативной актуализации стимульных слов, представляет собой сценарную пародию на комедию положений: телесериал — «мыльную оперу».

В имение под Парижем приезжает бедная родственница из Нанта (или еще дальше) — *ГДЕ-ТО*. *ПОЭТОМУ* и *ПОТОМУ ЧТО* в ужасе, ведь у них гостит знаменитая *КОЕ-КАК* (примадонна). Мажордом *КАК-НИБУДЬ*, некогда служивший у *КОЕ-КАК*, их утешает. *И ТАК ДАЛЕЕ* (экономка) и *ВМЕСТЕ С ТЕМ* (служанка), а также *КАК-НИБУДЬ* (слуга двух господ) сбиваются с ног, стараясь обеспечить «невстречаемость» одной гостьи с другой, но встреча все же происходит, поскольку прибывший *СЛЕДОВАТЕЛЬНО* (прокурор) объявляет о скрывающемся поблизости преступнике. *ГДЕ-ТО* (бедная родственница) опознает в *КОЕ-КАК* (примадонне) свою дочь. *КОЕ-КАК* хочет услышать имя отца, но *ГДЕ-ТО* хранит молчание. *СЛЕДОВАТЕЛЬНО* обнаруживает преступника — он прикидывается дровосеком, привезшим дрова для камина. *ГДЕ-ТО* опознает в преступнике своего любовника *КОГДА-ТО*. Ради *КОЕ-КАК* *СЛЕДОВАТЕЛЬНО* отказывается от преследования ее отца.

(На этом заканчивается первая серия. Продолжение следует...)

М. Э. Рут, проф., д. ф. н.

С ю ж е т н а я а к т у а л и з а ц и я семантики стимульных слов, разворачиваемая в русле сценарной стратегии описания событий и отношений между их участниками, может осуществляться в опоре на актуальный дискурсивный контекст. Приведем один характерный текст такого типа, где все персонажи представлены как участники заседания диссертационного совета (при этом сам текст создается автором, хорошо знающим процедурный «канон» подобного рода заседаний).

На заседании диссертационного совета защищался *И ТАК ДАЛЕЕ*. Работа была слабая, но *СЛЕДОВАТЕЛЬНО*, научный руководитель аспиранта,

настаивал. Заседанием руководил *КОЕ-КАК*, который произнес нужные слова. Дискуссию открыл *ВСЕ-ТАКИ*, к нему присоединились *ПОЧЕМУ-ТО* и *ОТТОГО ЧТО*. Диссертант молчал. Наконец не выдержали *КОГДА-НИБУДЬ* и *КАК-НИБУДЬ*, спросив, как выбирался материал. *ПОТОМУ ЧТО* и *ОТТОГО ЧТО* посетовали на то, что не были привлечены данные полевых исследований. *ТАКИМ ОБРАЗОМ* обиделась на то, что не вспомнили словари. *КОЕ-КАК* быстренько свернул дискуссию, дав заключительное слово *ВСЕ-ТАКИ*. Выбрали счетную комиссию, которую возглавил *ВМЕСТЕ С ТЕМ*. *ВСЕ РАВНО* пошла пить чай. Когда объявили результаты, *ГДЕ-ТО* и *КОГДА-ТО* уже радостно распили бутылочку вина за успех *И ТАК ДАЛЕЕ*.

А. М. Плотникова, проф., д. ф. н.

Стратегия создания игрового текста по принципу тематической кластеризации предполагает объединение ономастических игрем в текстовые блоки на основе тематического классификационного критерия, когда в основу сближения слов кладется сходство их референтной характеристики, выведенной на основе исходной апеллятивной семантики. Один из вариантов сборки игрового текста по ситуативно-тематическому основанию состоит в последовательной рифмовке группируемых онимов.

ГДЕ-ТО не может на месте сидеть,
И *КОЕ-КАКУ* за ней не успеть.
(*ГДЕ-ТО* — внучка толстяка *КОЕ-КАК*)⁷.

ВСЕ-ТАКИ мчится на модный показ,
А *ВСЁ РАВНО* всё уходит в отказ
(*ВСЁ-ТАКИ*, подруга *ГДЕ-ТО*, следит за модой. А *ВСЁ РАВНО*, ее брат-подросток, демонстрирует полное равнодушие к своей внешности).

Пошла *ОТЧЕГО-ТО* с утра в магазин,
ВМЕСТЕ С ТЕМ предложил ей купить апельсин
(*ОТЧЕГО-ТО* — домохозяйка, заботливая мать троих детей; *ВМЕСТЕ С ТЕМ* — продавец фруктов, грузин, употребляющий форму *апельсин* в смысле 'килограмм апельсинов').

---

⁷ В круглых скобках дается расшифровка в соответствии с характеристикой, описанной респондентом данному «имени» на этапе игровой персонификации.

ЗАЧЕМ-ТО обманывать многих горазд,
 Но *СЛЕДОВАТЕЛЬНО* его раскусит враз
 (*ЗАЧЕМ-ТО* — директор магазина, которого сыщик *СЛЕДОВАТЕЛЬНО* вывел
 на чистую воду в его махинациях).

КАК-ТО всё учит в последний момент,
 Поэтому *ПОТОМУ ЧТО* говорит ему «нет»
 (Учитель *ПОТОМУ ЧТО* ставит «неуд» нерадивому студенту *КАК-ТО*).

НИ ТО НИ СЁ задумался: «Что съестъ бы на обед?»,
 Опытный *КОГДА-ТО* дал ему совет
 (*НИ ТО НИ СЁ* — внук старика *КОГДА-ТО*, вегетарианца, ведущего здоровый
 образ жизни).

КОГДА-НИБУДЬ наобещает тебе горы,
 Но ты, *ОТКУДА-ТО*, не верь его вздору
 (Наивная девушка *ОТКУДА-ТО* не должна верить ветренику *КОГДА-НИБУДЬ*,
 когда тот объясняется ей в любви и обещает жениться).

ТАКИМ ОБРАЗОМ сделал прекрасный доклад,
ЕСЛИ БЫ был почему-то не рад
 (*ТАКИМ ОБРАЗОМ* — талантливый ученый. *ЕСЛИ БЫ* — завистник).

ПОЧЕМУ БЫ с друзьями пошел погулять,
И ТАК ДАЛЕЕ к ним прилепился опять.
КАК-НИБУДЬ напишет рассказ
 Про всех нас.

Группа студентов-магистрантов УрГПУ

Во всех полученных текстах проявилась тенденция подбора оппозитивов и симилияров из числа стимульных слов, представленных как маркеры особенностей характера и поведения потенциального носителя имени.

В заключение отметим, что перечень приведенных текстопо-рождающих игровых стратегий, безусловно, не является закрытым. Текстовая игровая актуализация отапеллятивных антропонимов во многом определяется пресуппозициями их использования в поэтических и прозаических текстах определенной жанровой формы. Применение процедуры прямого толкования игровых антропонимов

показывает заданность их характеристической персонификации семантикой и оценочной модальностью исходного апеллятива, что вполне коррелирует с функцией онимов данного типа в сюжетомоделировании игрового текста.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.

Гридина Т. А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива / под общ. ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург, 2012. С. 272–288.

* * *

Гридина Татьяна Александровна

доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания
и русского языка
Уральский государственный
педагогический университет
620017, Екатеринбург,
пр. Космонавтов, 26
E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Gridina, Tatiana Aleksandrovna

DrHab, Professor,
Department of Linguistics
and Russian Language
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavty av.,
620017, Ekaterinburg, Russia
E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

The Onymization of Common Nouns as a Basis for Generating a Game Text: An Experimental Study

The article deals with the mechanisms of actualization of the motivation of proper names derived from appellative nouns as part of language game. The author considers the features of the game personification of anthroponyms that convey the meaning of pronominal adverbs, conjunctions and introductory words. The paper attempts to verify experimentally the hypothesis about the emplotment function of such names in the creation of game texts. The procedure of direct interpretation of game anthroponyms shows that their characteristic personification is determined by the meaning and the assessment value of the original appellative. The author shows that in experiment, at the final stage

of text building, the textual reference of the whole set of proper names may follow one of three main strategies of emplotment depending on its relation to the primary interpretation of onyms: the gestalt symbolization strategy, the script plotting strategy, or the strategy based on combining thematic clusters. The game actualization and the text-generating potential of anthroponyms derived from common nouns largely depend on the presuppositions of their use in poetry and prosaic texts of specific genre forms.

Key words: onomastic game, game text, psycholinguistic experiment, strategies of game text creation, associative potential of a word.

Е. С. Коган

Екатеринбург

К вопросу об авторских модификациях фразеологических единиц (на примере творчества М. Щербакова)

Статья посвящена вопросу функционирования фразеологизмов в художественном тексте. На материале творчества поэта-песенника М. Щербакова рассматриваются авторские преобразования фразеологических единиц, представляющие собой один из приемов языковой игры. Формулируется понятие «фразеологическая модификация» — изменение плана выражения или плана содержания ФЕ, раскрываемое слушающим и соотносимое с устойчивой формой и значением того или иного фразеологизма. Рассматриваются существующие классификации модификаций и предлагается собственная, основанная на направленности изменения — либо внутрь фразеологизма (интрофразеологическая), либо вовне, в контекст (экстрафразеологическая). Выделяются частные виды модификаций, используемые не только М. Щербаковым, но и другими авторами (дополнение фразеологизма компонентом, усечение, замена компонента, сопряжение нескольких фразеологизмов в одном контексте и т. д.), а также специфичные для М. Щербакова

приемы трансформации фразеологических единиц (например, разворачивание ФЕ в текст).

К л ю ч е в ы е с л о в а: фразеология, художественный текст, языковая игра, идиостиль, модификация идиом, трансформация идиом, функционирование фразеологизмов.

Создание фразеологизма представляет собой творческий акт и нередко является результатом переосмысления внеязыковой ситуации либо языковой единицы — словосочетания, наделения его переносным и, как правило, более абстрактным смыслом. В научной литературе не существует единого определения фразеологизма, однако выделяются ключевые параметры фразеологической единицы (далее — ФЕ): неоднословность, устойчивость и идиоматичность. Идиоматичность, как указывают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, «сводится к трем базовым факторам — переинтерпретации, непрозрачности и усложнению способа указания на денотат» [Баранов, Добровольский, 2014, 45].

При этом особый интерес представляют образные ФЕ. Существование в речи таких единиц, как правило, сопряжено с ощущением игры, возникающей на стыке первичного и вторичного значений. Подобная фразеологическая номинация представляет собой частный случай образной номинации, понимаемой как «создание новых номинативных единиц, в которых мотивация свойствами объекта осуществляется через ассоциативное отождествление образа называемого объекта и образа предмета, знание о котором уже закреплено вербально» [Рут, 2008, 50]. При дальнейшем функционировании ФЕ может наблюдаться феномен «игры с игрой», заключающийся в трансформациях плана выражения или плана содержания фразеологизма. Подобно тому как «сама образная форма фразеологизма настраивает на вызывание в памяти культурных смыслов» [Ковшова, 2016, 146], изменение формы или смысла ФЕ отсылает к ее изначальному виду и семантике. Изменения такого рода воспринимаются носителями языка довольно остро, часто вызывают смеховой эффект, поскольку устойчивость плана

выражения и плана содержания является одной из отличительных черт фразеологических единиц.

В последние десятилетия тема фразеологических модификаций привлекает интерес ученых. Рассматриваются как спонтанные модификации, возникающие в разговорной речи, являющиеся следствием подвижности и изменчивости языка [см.: Ваба, 2009], так и намеренные, существующие в определенном стиле речи (нередко публицистическом, тяготеющем по природе своей к языковой игре как средству порождения экспрессивности и выразительности) [Перепелица, 2012; Загороднюк, 2009; Зеленев, 2009] либо являющиеся авторской особенностью [Архангельская, 2012; Божко, 2015; Михальчук, 2009; Машина, 2009]. Данная статья принадлежит последнему направлению и ставит целью рассмотрение авторских фразеологических модификаций в творчестве М. К. Щербакова.

Михаил Щербаков является профессиональным автором и исполнителем песен, обладающим весьма самобытным и специфичным стилем. В качестве присущих его стилю черт отмечают «синтагматическую плотность текста, тяготение к автонимической речи, центробежные силы в лексике, господство амплификаций, коллажность особого рода, движение от слова к образу и перенесение драматизма в зону метанаблюдателя» [Хаззагеров, 2000]. Тексты песен насыщены и «сверхсодержательны» в отношении смысла и языковой формы. Для автора характерны множественные отсылки к прецедентным текстам, языковая игра, одним из распространенных приемов которой является модифицирование фразеологизмов. В статье «Фразеографический комментарий к словоупотреблению в поэзии Михаила Щербакова» И. Г. Гулякова показывает, что только на один текст (песня «Флейтист») приходится 27 устойчивых словосочетаний разного рода: идиомы, цитаты из художественных произведений, пословицы, скороговорки и т. д., причем, конечно же, большая часть таких словосочетаний являет собой единицы, поданные не в «чистом» виде, а завуалированно [Гулякова, 2014]. Текст становится своего рода загадкой, шарадой, требующей обнаружения всех скрытых отсылок.

В связи с этим представляется интересным рассмотреть приемы авторской модификации фразеологизмов, используемые

М. Щербаковым. С этой целью было обработано 328 текстов песен М. Щербакова, в них было выделено 49 контекстов, содержащих модифицированные ФЕ (в большинстве своем образные). Рассмотрению подлежат только идиоматические единицы; паремии и крылатые слова не учитываются, привлекаясь в некоторых случаях для сопоставления.

Под модификацией ФЕ понимается, как правило, намеренное нарушение параметра ее устойчивости в отношении формы или содержания, приводящее к окказиональному возникновению единицы, соотносимой для реципиента с каким-либо фразеологизмом, но отличной от него. Для обозначения этого явления используется также термин *трансформация* («под трансформацией ФЕ традиционно понимается любое (фонетическое, лексическое, синтаксическое и др.) отклонение от общепринятой нормы» [Божко, 2009, 11]) или — в польской научной традиции — «инновация» («под термином *фразеологическая инновация* я понимаю всякое отклонение от фразеологической нормы» [Baґa, 2009, 25]).

Польский фразеолог С. Бомба в качестве причин фразеологических модификаций называет «желание удивить адресата высказывания (игра, шутка, языковой комизм), особого рода недоверие к языку как неэффективному инструменту интерпретации мира, упрямство по отношению к языку, бунт против поступательной шаблонизации языка, осознание заботы об оригинальном образе выражения и способе реализации мысли в словах» [Там же, 31].

В качестве основных типов модификаций ФЕ отмечают: дополнение лексического состава; сокращение лексического состава; замену лексического компонента; переименование, наложение двух фразеологизмов; соотнесение компонентных ограничений в отношении категорий числа, вида, залога, вида словообразования и т. п. [см.: Baґa, 2009, 42; Перепелица, 2012, 161–163; Божко, 2015]. При этом представляется невозможным строго разделять модификации на структурные и семантические, поскольку в случае фразеологизма практически любое изменение формальной грамматической характеристики может привести к семантическому сдвигу. Собственно, семантический сдвиг и является целью модификации ФЕ.

В данной работе предлагается ввести иную точку отсчета в классификации фразеологических модификаций и разделить их на интрофразеологические и экстрафразеологические преобразования. Под интрофразеологическими модификациями понимаются преобразования плана выражения, не выходящие за пределы ФЕ. Под экстрафразеологическими — модификации, использующие контекст (от ближайшего до текста всей песни) или обусловленные им.

Интрофразеологические модификации

Довольно редко, но все же используется М. Щербаковым усечение и расширение компонентного состава ФЕ. Усечение ФЕ встречается в случае «режь его, распылай, *стирай с лица*» («Не ради спорта») <*стереть... с лица земли* ‘прекратить существование кого-л. (человека или группы людей, часто сильно ненавидимых субъектом) реально или в сознании окружающих, не оставив никаких следов его прежнего существования’ [АСРФ, 431]>. Здесь практически не происходит семантического приращения, однако выражение становится более экспрессивным. Чаще данный прием используется автором по отношению к паремиям, ср.: «Глаза темны. Движенья экономны. // Ничья родня. *Лиха беда*» («Там же, тогда же») <*лиха беда начало* [СТСРИ, 292]>, где усечение подчеркивает структурный параллелизм элементов. Характерно сопряжение в одном контексте нескольких выражений, объединенных общим компонентом, использование которых становится уместным при буквальном прочтении: «фактов нет, подоткнешь намеков, // *лыко в строку, а шерсти клок*» («Тир “Боярд”») <*всякое лыко в строку* ‘любая ошибка, оплошность ставится в упрек, вменяется в вину’ [ФСРЛЯ, 336], *с паршивой овцы хоть шерсти клок* [Зимин, 2010, 92]>.

Дополнение ФЕ компонентом встречается, к примеру, в таком контексте: «снова мы с *судьбой играем в жмурки*, крепко завязав глаза себе» («Человек с судьбой своей играет») <*играть в жмурки* ‘обманывать кого-л., скрывать, утаивать что-л. от кого-л.’ [Яранцев,

2001, 845]>. В случае «или Панург и иже с ним — // к баранам нашим и чужим, // я неизменно *возвращаюсь* каждый раз // к моим ракетам» («Мои ракеты»), помимо дополнения, происходит также мнимая атрибуция ФЕ, сближающая две ФЕ: *вернемся к нашим баранам* ‘предложение вернуться к теме разговора, беседы, дискуссии и т. п., обсуждавшейся ранее и являющейся основной, и тем самым сменить текущую тему’¹ [АСРФ, 33] и *панургово стадо* ‘толпа, рабски, безрассудно следующая за своим вожаком; бессмысленные подражатели’ [ФСРЯ, 452].

Замена компонента ФЕ происходит двумя путями. Во-первых, новый компонент может относиться к тому же семантическому полю, что и уже содержащийся в ФЕ. В строчке «я не полезу в храм со своей обедней» («Райцентр») <в чужой монастырь со своим уставом [Зимин, 2010, 79]> замене на смежные подлежат оба образа: *монастырь* — *храм, устав* — *обедня*. *Дом* заменяется на *замок*: «что ж, я новый *дом построю* — снова на песке» («Мне приклеили на двери») <*строить... замки на песке* ‘планировать сделать что-то хорошее, не имея реальных условий для выполнения намеченного, уподобляясь человеку, строящему значительные сооружения на ненадежном основании’ [АСРФ, 298]>. Один соматизм заменяется другим: «И пускай надо мной сам Орфей запоет в ре-миноре, // я и лбом *повести* поленюсь, позабыв про манеры» («Пускай») <и *ухом не повести* ‘не обратить никакого внимания, ничем внешне не проявить своего отношения к кому-л. или к чему-л.’ [ФСРЛЯ, 449–450]>. В случае «и бардам брат, и *черту шурин*» («Отрывок из забытого марша») происходит «смещение» компонента к другому образу и замена его позиции родственным элементом, а также изменение субъектно-объектных отношений: *черт ему не брат* <*сам черт не брат* ‘о чьей-л. крайней смелости, независимости в делах, действиях, поступках’ [Там же, 697]> — (он) *черту шурин*.

Во-вторых, новый компонент ФЕ может относиться к другой смысловой области, чем та, куда входит объект замещения. Так,

¹ ФЕ является калькой с французского выражения из фарса «Адвокат Пьер Патлен» (ок. 1470).

строчка «мне бы сто лет не крюк!» («2001») отсылает к пословице (для бешеной собаки) *семь верст не крюк* [СТСРИ, 158], иногда сокращаемой до фразеологизма²; здесь происходит замена пространственного компонента темпоральным при сохранении числовой символики. Могут возникать метонимические замены: «мол, стрелок, ты не следишь и эпохи пульс потерял. // Меж тем вот *палец твой, он на пульсе*» («Фармацевт») <держат руку на пульсе [Там же, 727]>; в этом случае возникает также буквализация образа ФЕ, происходящая за счет соотнесения с образом героя песни, фармацевтом.

В творчестве М. Щербакова активно используется модификация ФЕ путем изменения грамматических характеристик. Наиболее часто встречается изменение лица: «я также не нужен. Не жалко меня, // *хоть пропадом я пропади*» («Автопародия») <пропади пропадом ‘выражение сильной досады, раздражения по поводу кого-либо или чего-либо’ [ФСРЛЯ, 505]>. Здесь используется нехарактерная сочетаемость с первым лицом — на фоне привычного второго или третьего лица.

В выражении «однако *рыба ты или мясо, // голоден, сыт ли, а это съешь*» («1995») наблюдается отсутствие двойного отрицания <ни рыба ни мясо ‘посредственный, средний, ничем не выделяющийся человек’ [ФСРЛЯ, 551]>; в строке «и март идет, и дождь идет, морозы дали дуба» («Весна озябла от ветров») — сочетание просторечной ФЕ с неодушевленным существительным, порождающее «двойное переносное значение»: *дать дуба* ‘умереть’ [Там же, 162] → ‘исчезнуть, пропасть’.

Экстрафразеологические модификации

Модификации такого рода активно задействуют контекст. Можно соотнести этот процесс с финальной стадией образной номинации: «Наконец, возможен и четвертый этап — “оживление”

² Ср.: «Хотя и самим законодателям не может быть непонятно, что запрет не даст стране угля: *алкоголику семь верст не крюк*, а вот мирному обывателю (заимевшему, понимаете ли, буржуазную моду ужинать с немного красного вина, немного солнечного мая) — чесать за несколько кварталов?» (Е. Долгинова. «Молочные губы», 2012) [НКРЯ].

образа-концепта, как правило, на новой чувственно-конкретной базе, под непосредственным влиянием окружения в речевом контексте» [Рут, 2008, 48].

Наиболее используемым приемом является б у к в а л и з а ц и я з н а ч е н и я ФЕ: «“Бинарность” плана содержания фразеологизма, совмещение в нем значения-прообраза и переносного, вторичного значения вызывают возможность семантического преобразования, заключающегося в восстановлении первичного, буквального значения. Изменение вида первообраза есть сигнал реинтерпретации его значения, но автоматизированный контекст не всегда ее допускает, что, однако, не исключает таких ситуаций, в которых дело может дойти до восстановления буквального значения фразеологизма» [Ваба, 2009, 42]. Такая актуализация прямого значения воспринимается как своего рода аномалия, план выражения ФЕ сохраняется неизменным. В творчестве М. Щербакова с целью буквализации опорный образ ФЕ может включаться в ряд семантически однородных лексических единиц либо единиц того же тематического поля: «там *подрежем крылья*, здесь *подвяжем ноги*» («Вехи фатализма») <*подрезать крылья* ‘не дать кому-л. возможности раскрыть свой потенциал, полностью осуществить что-л. задуманное, что заслуживает осуждения так же, как лишение птицы способности летать’ [АСРФ, 404]>; «*медом ты его не корми*, виски с содовой не давай, // разреши ты ему этот звук, эту самую ноту» («Без названия») <*медом не корми* ‘ничего не надо кому-л. (только бы иметь возможность осуществить, получить желаемое)’ [ФСРЛЯ, 297]>; «если *отключили кислород*, дыши азотом» («Сентенциозные куплеты») <*перекрыть кислород* ‘лишить кого-л. возможности действовать так, как он хочет (часто с целью заставить его делать что-л. другое), что сопоставляется с прекращением подачи вещества, жизненно необходимого для дыхания’ [АСРФ, 356]>; «чем утешаться, слыша, как год от года пуще грозитя кое- // кто досадить *по первое* нам число, вгоня в озноб и жар? // Первое! А нынче уж вон какое. Кошмар» («Целое лето») <*всыпать по первое число* ‘жестокое наказать, отругать кого-л.’ [ФСРЛЯ, 100]>; «сними парик, лицо открой // и будь самим собой! // И мне охота *маску снять*, // заветам изменя»

(«Март») <сбросить маску 'переставать прикидываться кем-л. или чем-л., показывая свою истинную сущность' [ФСРЛЯ, 558]>; «и, слава Богу, хоть опилок много, // должно, немало *дров поналомали*» («Опилки») <наломать дров 'наделать глупостей, ошибок' [Зимин, 2010, 105]>; «чтобы только после *как убитый спать*, а то все как убийца» («У дороги чибис») <спать как убитый (спать) 'очень крепко' [Там же, 651]>; «с бедой на душе, *без гроша за душой*» («Конец 3 части») <ни гроша за душой 'совсем, совершенно без денег' [Там же, 151]>³.

Другим возможным ходом, близким к предыдущему, является развитие образа в контексте, заставляющее слушателя рассматривать буквально то, что сначала воспринималось как застывшее сочетание: «ах, неужто *песня спета?* // Дрогнув, я сбиваюсь с такта» («Воздвиг я памятник») <*песня спета* 'наступил конец (активной, полноценной) жизни, преуспеяния кого-л.' [ФСРЛЯ, 439]>. В случае «и *горит моя печаль // синим пламенем*» («Наползая на свечу») <*гори синим огнем* 'пусть гибнет, пропадает кто-л. или что-л.' [Там же, 144]> буквализация достигается через развитие образа свечи. Что касается примера «Бушует ливень, мокнет стар и млад, // с нее одной *вода как с гуся*» («Волхонка»), то здесь на буквализацию влияет также мена слов местами, ср. *как с гуся вода* 1) 'совсем безразлично, никак не действует на кого-л.'; 2) 'легко, быстро, бесследно исчезает, забывается и т. п. что-л. кем-л.' [Там же, 79]>. В строчке «все же поедем половим *златого тельца* на овес» («Ривьера») контекстный партнер ФЕ способствует обращению даже не к первичному значению (*золотой телец* 'золото, деньги и их власть' [Там же, 636]), а к «прообразу» — собственно животному.

При контекстной буквализации «работает» также грамматика. «Чистый» случай модификации такого рода: «И помолимся колдуньям, а особо молодым, *в ус не дунем*, сверху сплюнем, // над ушельем постоим» («Баб-эль-Мандебский пролив») <*и в ус не дуть* 'совсем не обращать никакого внимания на что-л., не проявлять никакого беспокойства' [ФСРЛЯ, 201]>. Здесь ФЕ получает объектную

³ В данном случае играет роль и сопряжение схожих грамматических конструкций.

направленность действия и необычное для данного сочетания грамматическое значение совершенного вида глагола (при стандартном несовершенном виде). Другим приемом является использование элемента фразеологизма как в его фразеологической связанности, так и в свободной сочетаемости с другим членом предложения, что приводит к «распаду» ФЕ: «сам пренебрег навеки *ради* забыл, чего: // то ли карманных денег, то ли *всего святого*» («Петербург») <*ради всего святого* ‘очень прошу. Заклинание при усиленной просьбе’ [ФСРЛЯ, 519]>; «напали скорбь и оторопь на него, но *не на того напали*» («Примечание к Быстрову») <*не на того напал* ‘имеешь дело не с тем, на кого рассчитывал; недооцениваешь того, с кем имеешь дело’ [Там же, 373]>.

В некоторых случаях буквализация, «наводимая» контекстом, становится оксюморонной: «мы — кроты, при нас улыбаться брось! // Мы *видим* тебя *насквозь*. Да, *насквозь*» («Марш кротов») <*видеть насквозь* ‘хорошо понимать, представлять что-л.’ [ФСРЛЯ, 72]>; «слепа судьба и даже *ухом не ведет*» («Любовь как истина») <*и ухом не повести* ‘не обратить никакого внимания, ничем внешне не проявить своего отношения к кому-л. или к чему-л.’ [Там же, 449–450]>.

Другой прием экстрафразеологической модификации — отсылка к фразеологизму, при которой он не используется как таковой, однако в контекст включаются его образы, вызывающие узнавание. Контекст «так, быть может, иной пернатый с юных дней в стенах четырех, // позабыв назначенье крыльев, долгий срок живет взаперти» («После холодности») содержит отсылку к выражению *птица в клетке* (из *птичка в клетке не поет* [Зимин, 2010, 417]); «или пиши, но по методу дядьки и бузины» («Поводырь») — к *в огороде бузина, а в Киеве дядька* ‘нечто несвязное, несуразное’ [Там же, 374]; «соль все солонее с каждым пудом» («Любовь как истина») — к *съесть пуд соли* (вместе с кем-л.) [СТСРИ, 134]; «моей погибать без браслета руке, голове без царя» («Русалка, цыганка, цикада») — к *без царя в голове* ‘очень глуп, недалек’ [ФСРЛЯ, 687]; «в душе зашевелились кошки, на сердце змея» («Однажды думал-думал...») — к *кошки скребут на душе* ‘кому-л. очень грустно,

тоскливо, тревожно' [Там же, 302] и *пригреть змею (у себя) на груди* [СТСРИ, 678]⁴. К фразеологизму *небо в алмазах* 'то, чего страстно желает, о чем мечтает кто-л.' [ФСРЛЯ, 379] отсылают тексты двух песен: «потому что, увидев небо без малейшего огонька, // возомнит, что оно в алмазах, а такое не всем дано» («После холодности») и «на высоком небосводе // не увидишь ты алмазов, да и кто их видел, впрочем, // при какой такой погоде» («Памяти всех»). К выражению *другая сторона* 'противоположные, отрицательные качества чего-л.' [ФСРЛЯ, 618] есть отсылка в строчке «цепляй типажу медаль о двух сторонах на седую грудь» («2001»). Аллюзия и детализация образа ФЕ, продолжение его в последующем тексте содержится в строках «на честном слове или так, на отзвук, на первой букровке от слова честного» («Песенка о молодости») <на честном слове [СТСРИ, 574]>.

Специфичным для М. Щербакова способом реализации отсылки к ФЕ является разворачивание фразеологизма в текст. Фразеологизм *строить воздушные замки* 'предаваться несбыточным мечтам, строить неосуществимые планы' [ФСРЯ, 461] порождает строфу «тебе не место в облаках. Учти к тому же, // что я и сам еще не столь владею ими, // чтоб демонстрировать другим свои хоромы. // Терпи, куда замок сей достроен будет» («Нет, нет, твое ли дело облака»).

Первая строка песни — «Мы прах, мы явный прах, // в буквальном смысле пыль земли» («Once in our lives») — отсылает через множество детализаций образа на протяжении всего текста к библейскому выражению *прах земной*⁵; в финале эксплицитно представлено уже другое сочетание, опирающееся на библейский текст Нагорной проповеди: «Мы — пыль, но если мы не *соль земли*, // То кто же *соль земли*?» <*соль земли* 1) 'человек или люди, выделяющиеся своими высокими моральными качествами, могущие служить образцом для остальных'; 2) 'нечто духовно очень важное для некоторого сообщества, без чего ему было бы трудно существовать' [АСРФ, 806]>. Через весь текст другой песни («Прощальная 3») проходит,

⁴ Дополнительная экспрессивность создается здесь за счет соединения двух фразеологических единиц в одном контексте.

⁵ «И создал Господь Бог человека из праха земного...» (Быт. 2:7).

воплощаясь в разных словесно созданных картинах, идиома *голубая кровь* ‘человек дворянского сословия, аристократического происхождения’ [ФСРЛЯ, 306]: «и станет воздух голубым от нашей крови голубой <...> Но наша кровь, кипя в ручьях, // придет в моря течением рек // и отразится в небесах, // пусть не теперь, но через век <...> Всему свой срок. Бессмертья нет. // И этот серый небосвод // когда-нибудь изменит цвет // на голубой, и час придет». На идиоме *сбиваться с круга* ‘изменять свое поведение в плохую сторону, начинать вести предосудительный образ жизни’ [Там же, 557] построен весь текст песни «Аллилуйя», в которой происходит последовательное разворачивание соответствующего образа: «с корабля на бал и с бала // на корабль — *и так по кругу*» в первой строфе⁶; «но в одном прекрасном месте оказался круг разорван» — во второй; «и до нынешнего часа, до последнего предела // *я на круг не возвращался*» — в третьей, где наиболее явно представлен опорный фразеологизм.

Помещенные рядом, в одном контексте, фразеологизмы усиливают экспрессивность и образность друг друга. Этот прием с о п р я ж е н и я ФЕ довольно активен в творчестве М. Щербакова: «*бумага терпит*, карандаш скрипит, *контора пишет*» («Ей 28 лет...») <*контора пишет* ‘независимо от результата дело все равно учитывается’ [ФСРЛЯ, 291]; *бумага все терпит* ‘в содержании письменного или печатного текста может быть ложь, клевета, искажение фактов и т. п.’ [Там же, 51]>; «*в белой тот рубашке родился*⁷, // кто, *взяв свое*, отдаст не вдвое» («Прощание с Петербургом») <*взять свое* 1) ‘добиваться желаемого’, 2) ‘в полной мере проявлять свои возможности, силы’, 3) ‘одолевать’, 4) ‘сказываться на состоянии чего-л.’ [Там же, 44], *родиться в рубашке* ‘быть во всем удачливым, счастливым’ [Там же, 540]>. Цепочка близких по значению, дополняющих друг друга фразеологизмов встречается в строках «*а так как я о нем не думал, // не посвятил ему труда, // не сделал шага, в ус не дунул, // не двинул*

⁶ Здесь происходит также сопряжение с ФЕ *замкнутый круг* ‘безвыходное положение; такое стечение обстоятельств, которое трудно преодолеть’ [ФСРЛЯ, 308].

⁷ Здесь происходит также дополнение фразеологизма *родиться в рубашке* эпитетом *белый*.

пальцем никогда) («Призвав решительность и строгость») <сделать шаг навстречу ‘предпринять что-л. для сближения с кем-л. или для приближения чего-л.’ [ФСРЛЯ, 568]; *и в ус не дуть* ‘совсем не обращать никакого внимания на что-л., не проявлять никакого беспокойства’ [Там же, 201]; *не пошевелит пальцем* ‘о том, кто предельно равнодушен, ленив; ничего не сделает для кого-л.’ [Там же, 485]>; при этом один из компонентов дан в усеченном варианте (*не сделал шага*).

Совмещение интрофразеологических и экстрафразеологических модификаций

Случай на стыке интрофразеологических и экстрафразеологических модификаций представляет контекст «сколько неповинных *столкнул под откос* // он, покуда сам лебедой не порос. // Сколько он, покуда в суглинок не влип, // *глоток перегрыз* и *хребтов перешиб*. // Грыз бы и впредь, да, видать, изнемог» («Буквы на камне»). Здесь наблюдается замена компонента во всех трех используемых идиомах, сопряженных в одном контексте⁸, и буквализация за счет контекста и грамматики («глоток перегрыз <...> грыз бы и впредь»).

Используется также наложение фразеологизмов по общему опорному образу: «действует на небе главная власть, // *мечет* фортуна *козырную* масть... // Буквы на камне, камень в траве. // *Прячет* фортуна *туза в рукаве*». Здесь отсылка к ФЕ *козыри в руках* ‘кто-л. имеет преимущество в чем-л.’ [ФСРЛЯ, 285] пересекается с немодифицированным фразеологизмом *прятать туза в рукаве* ‘жульничать’, при этом обе ФЕ апеллируют к образу игры в карты. Еще пример: «я так хотел на всем *поставить крест*, // но он таким *тяжелым* оказался, // что я не смог поднять его и сдался, // не получился мой красивый жест, // и, как с крестом, с собой я не расстался» («Я так хотел отречься от себя») — наложение ФЕ происходит

⁸ *Толкнуть под откос* из *пустить под откос* ‘вызывать полный провал чего-л.’ [БСРП, 470], *перегрызть глотку* из *вцепиться в глотку* ‘не уступая, упрямо потребовать что-л. у кого-л.’ [ФСРЛЯ, 103], *перешибить хребет* из *ломать хребет* ‘безжалостно расправляться с кем-л.; уничтожать, побеждать кого-л.’ [Там же, 333].

на основании образа креста; соответствующая лексема является опорной для выражений *поставить крест* 1) ‘окончательно разувверившись в ком-л., считать его непригодным в чем-л., конченным, никчемным’, 2) ‘признавать что-л. несостоятельным, пропавшим, бесперспективным’ [ФСРЛЯ, 610] и *тяжелый крест* ‘трудная деятельность, рассматриваемая как часть предназначения человека, его судьбы и т. п. и тем самым как бы предопределенная некоторой высшей инстанцией’ [АСРФ, 395]⁹.

Сопряжение интрофразеологической и экстрафразеологической модификаций отмечается в случае «наблюдать ли недра, в облаке ли *витать*, — мне ль, перекатной голи, привыкать-стать?» («Пропаду ни за что») <*витать в облаках* ‘думать о чем-то, не связанном с актуальной ситуацией, и не реагировать на происходящее или делать это с опозданием, как бы будучи оторванным от земли, осмысляемой как реальность’ [АСРФ, 552]>, где происходит замена множественного числа на единственное. Казалось бы, в данном случае можно увидеть чистое изменение формы, однако наличие контекстного партнера *недра* приводит к тому, что ФЕ начинает прочитываться не только в переносном значении: ее опорный образный компонент воспринимается буквально, выступает как пространственный маркер и вступает в оппозицию «глубина — высота» (*недра — облако*).

* * *

В творчестве М. Щербакова для фразеологических модификаций может использоваться «инструментарий» разных языковых уровней:

- фонетического, на основании созвучий: «не знать ни азимута, ни аза» («Какой кошмар»); «и бардам брат и черту шурин» («Отрывок из забытого марша»);
- лексического, на основании замены компонентов фразеологических сочетаний;
- синтаксического, на основании изменения грамматических значений, усечения структуры.

⁹ Идиома *тяжелый крест* представлена в модифицированном виде.

Если обратиться к грамматической структуре используемых ФЕ, то следует отметить преобладание предикативных единиц над номинативными, что вызвано большей «пластичностью» предикативных фразеологизмов: они проще разворачиваются в ситуацию, «деформируются» по разным грамматическим характеристикам (изменение числа, залога, возможность дополнения объектом и т. п.).

В 12 из 49 выделенных контекстов наблюдаются интрофразеологические модификации, в 34 — экстрафразеологические; три контекста представляют совмещение двух способов. Преобладание экстрафразеологических модификаций объясняется, вероятно, тем, что такой способ дает больше возможностей смысловой игры поэтическому тексту, позволяет переосмыслить образы, семантически расширять текст.

Архангельская Ю. В. Трансформация фразеологических единиц как средство выражения иронии в дискурсе Л. Толстого // Уч. зап. Тавр. нац. ун-ту ім. В. І. Вернадського. Сер. «Філологія. Соціальні комунікації». 2012. Т. 25 (64). № 2 (1). С. 167–173.

АСРФ — *Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д.* Академический словарь русской фразеологии. 2-е изд., испр. и доп. М., 2015.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс) : учеб. пособие. 2-е изд., стер. М., 2014.

Божко Н. А. Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц в языке художественной прозы (на материале произведений В. Токаревой) : дис. ... канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2015.

БСРП — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М., 2007.

Гулякова И. Г. Фразеографический комментарий к словоупотреблению в поэзии Михаила Щербакова // Die slawische Phraseographie und Parömiographie. Славянская фразеография и паремиография / red. Н. Walter, V. M. Mokienko. Greifswald, 2014. S. 141–144.

Загороднюк А. Н. Фразеологизмы в текстах современных СМИ // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : материалы Междунар. симп. (4–6 мая 2009 г.) / отв. ред. В. И. Макаров. Великий Новгород, 2009. С. 324–325.

- Зеленов А. М.* Фразеологизм в заголовке газетного текста: особенности речевой игры // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : материалы Междунар. симп. (4–6 мая 2009 г.) / отв. ред. В. И. Макаров. Великий Новгород, 2009. С. 325–328.
- Зимин В. И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М., 2010.
- Ковшиова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. 3-е изд. М., 2016.
- Машина О. Ю.* Особенности употребления фразеологизмов в тексте // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : материалы Междунар. симп. (4–6 мая 2009 г.) / отв. ред. В. И. Макаров. Великий Новгород, 2009. С. 146–148.
- Михальчук Н. Г.* Эллипсис как один из приемов структурно-семантического преобразования фразеологических единиц (на материале произведений М. А. Булгакова) // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : материалы Междунар. симп. (4–6 мая 2009 г.) / отв. ред. В. И. Макаров. Великий Новгород, 2009. С. 148–151.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 05.12.2016).
- Перепелица М. С.* Основные способы трансформации фразеологизмов в русскоязычной глянцево-прессе в Украине // Мова. 2012. № 17 : Памяті член.-кор. НАН України, д. ф. н., проф. Ю. А. Карпенка (1929–2009). С. 160–164.
- Рут М. Э.* Образная номинация в русской ономастике. М., 2008.
- СТСРИ — *Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Киселева К. Л.* и др. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики : ок. 8 000 идиом современного русского языка. М., 2007.
- ФСРЛЯ — *Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2001.
- ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.
- Хаззагерев Г. Г.* О поэтике Михаила Щербакова // Релга. № 15 (45) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Envion/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1446&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 12.11.2016).
- Яранцев Р. И.* Русский фразеологический словарь-справочник : ок. 1 500 фразеологизмов. 2-е изд., стер. М., 2001.
- Bąba S.* Frazeologia polska. Studia i szkice / red. nauk. P. Fliciński, K. Skibski. Poznań, 2009.

* * *

Коган Екатерина Сергеевна
научный сотрудник кафедры
русского языка и общего
языкознания
Уральский федеральный
университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина,
51, ком. 306
E-mail: ekaterinakogan@yandex.ru

Kogan, Ekaterina Sergeevna
Research Fellow, Department
of Russian Language
and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin Av., room 306,
620000, Ekaterinburg, Russia
E-mail: ekaterinakogan@yandex.ru

On Authorial Modifications of Phraseological Units (With Reference to Mikhail Shcherbakov's Lyrics)

The article deals with the problem of the use of phraseological units in literary texts. With reference to the lyrics by Mikhail Shcherbakov, the author investigates into the authorial transformations of phraseological locutions as a form of the language game. The article introduces the concept of “phraseological modification” which is defined as the change of the form or the meaning of a phraseological unit, clearly detected by the addressee, but maintaining the correlation of that unit with its standard form and meaning. The author provides a review of existing classifications of phraseological modifications and suggests her own classification based on the direction of transformation — into the idiom (called intraphraseological) or outside, directed to the context (called extraphraseological). The author considers various kinds of modifications used by different authors and in different text styles (e.g. augmentation or cutting of an idiom, replacement of one of its components, phraseological interference, etc.), as well as those that are specific for Mikhail Shcherbakov's lyrics (e.g. extension of an idiom to a text).

Key words: phraseology, literary text, language game, individual style, modification of idioms, transformation of phraseological units, use of phraseological units.

О. А. Михайлова

Екатеринбург

Метафора в астрономии*

В статье рассматривается употребление образных номинаций в научном тексте. Описываются метафоры-термины и нетерминологические метафорические единицы астрономического дискурса. Доказано, что посредством метафорических номинаций формируется целостная метафорическая модель, позволяющая представить разные аспекты астрономических объектов. Выявлены антропоморфная, зооморфная, пространственная метафорические модели, образующие парадигму. Показана специфика и выделены разновидности этих моделей в астрономическом дискурсе. Базовой антропоморфной метафорой в астрономии является концептуальная метафорическая модель «Вселенная — это человеческое общество». Она представлена понятийными областями «Человек биологический» и «Человек социальный». Аналогия между миром звезд и миром человека поддерживается предикатами, называющими процессы, действия и состояния лица. Зооморфные метафоры связаны с номинациями животных и частей тела. Пространственные метафоры Вселенной зеркально отражают земное пространство.

К л ю ч е в ы е с л о в а: метафора, научный текст, астрономический дискурс, метафорическая модель, антропоморфная метафора, зооморфная метафора, пространственная метафора.

В научной деятельности М. Э. Рут большое место занимает образная номинация, а лингвистическая категория **о б р а з н о с т и** получила в ее трудах глубокое осмысление [Рут, 1992]. Высказанные Марией Эдуардовной идеи о специфике бытования образных единиц в узусе, о возможности исследования образных номинативных

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00239а «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика».

единиц в качестве источника реконструкции народной модели мира, с одной стороны, и, с другой стороны, астрономы — давняя научная привязанность ученого — явились мотивом для написания этой статьи.

По наблюдениям М. Э. Рут, в русской народной астрономии образная номинация представлена незначительно: «русские номинируют лишь звезды и созвездия, наиболее заметные на северном небосклоне» [Рут, 1992, 53]. В свою очередь, астрономия как научная область знания оказывается открытой для образных номинаций. Развитие науки стимулирует активный процесс терминотворчества во многих ее областях. Массовое рождение новых понятий, обусловленное постоянным научным поиском и новыми открытиями, требует новых языковых ресурсов для их номинации. При описании нового явления говорящие часто используют стратегию метафорического переосмысления объекта. Человек интуитивно улавливает сходство между очень разными классами объектов и на основе образной аналогии эксплицирует подобие близких ему конкретных бытовых вещей и абстрактных научных понятий, поэтому в основе многих терминов в различных областях знаний лежат метафорические образы [Алексеева, 1998]. Еще В. В. Виноградов отмечал тесную связь научной терминологии с национальным языком: «Между словарем науки и словарем быта — прямая и тесная связь. Всякая наука начинается с результатов, добытых мышлением и речью народа, и в дальнейшем своем развитии не отрывается от народного языка. Ведь даже так называемые точные науки до сих пор удерживают в своих словарях термины, взятые из общенародного языка (*вес, работа, сила, тепло, звук, свет, тело, отражение* и т. п.)» [Виноградов, 1977, 164].

Метафоры выступают инструментом передачи признакового содержания. М. Блэк писал: «Возможно, любая наука начинается с метафоры и завершается алгеброй; возможно также, что без метафоры наука никогда не достигла бы алгебры» [Black, 1977, 445]. В трудах, посвященных проблемам астрономии (астрофизики), широко представлены как общепринятые научные термины, имеющие образную природу, так и индивидуальные метафорические

наименования (часто с очень яркой образностью), соотносимые с разными концептуальными сферами-источниками.

Цель статьи — показать способность метафоры моделировать представления об астрономических объектах и выявить наиболее активные сферы, «работающие» на вербализацию человеческого знания в астрономических текстах. Материалом послужили научные и научно-популярные тексты известного советского астронома, основателя школы современной астрофизики Иосифа Шкловского [1969; 1975; 1976; 1981; 1984; 1987].

Выбор сферы образного отождествления оказывается главным компонентом при образной номинации [Рут, 1992, 51]. В научной астрономии, как и в науке вообще, «Человек» является главной мотивирующей сферой — в отличие от народной астрономии, где собственно антропоморфические образы недостаточно активны [Там же, 56].

Человек присутствует на всем пространстве языка, он «запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру <...> Человек запечатлел себя и в именах природных объектов <...> Почти в каждом слове можно обнаружить следы человека. Язык насквозь антропоцентричен» [Арутюнова, 1999, 3].

Исследователями отмечалось, что при описании Вселенной чрезвычайно продуктивна концептуальная метафора «Небесные тела — это люди» [Лыкова, 2016, 107], которая стала источником множества терминов: *красный карлик*, *черный карлик*, *сверхгигант*, *солнечный патруль* и под., например: «С одной стороны, взрываются *белые карлики*, массы которых равны чандрасекаровскому пределу, а с другой — массивные звезды»; «С точки зрения современной теории звездной эволюции образование планетарных туманностей и их ядер есть закономерный процесс эволюции *красных гигантов*».

В границах концептуальной метафоры образные номинации образуют метафорические сети [Prandi, 2012], в которые могут быть включены не только термины-метафоры, но и индивидуальные метафоры, регулярно используемые учеными-астрономами при изложении научных данных о Вселенной. Ярким подтверждением

этого являются книги И. Шкловского «Звезды: их рождение, жизнь и смерть» и «Вселенная, жизнь, разум» [Шкловский, 1984; 1987], в названиях которых заключена метафора, основанная на жизненном цикле человека. Ученые выбирают метафору для объяснения сложных научных понятий, для передачи оценок и отношения автора, поскольку это эффективный способ содержательно определить объекты высокой степени абстракции. По мнению Х. Ортега-и-Гассета, «мы нуждаемся в ней (в метафоре. — О. М.) не просто для того, чтобы, найдя имя, довести наши мысли до сведения других, — нет, она нужна нам для нас самих: без нее невозможно мыслить о некоторых особых, трудных для ума предметах. Она не только средство выражения, но и одно из основных орудий познания» [Ортега-и-Гассет, 1990, 68].

При метафорическом моделировании любой понятийной сферы, отличающейся высокой степенью абстракции и, следовательно, сложностью осмысления, используются более простые и конкретные образы из тех сфер, которые хорошо знакомы человеку. При этом фактором «отождествления становится уже не мысль о тождестве предметов, а ощущение адекватности конкретных чувственно-наглядных образов-впечатлений от них» [Рут, 1992, 26]. Метафора не только фиксирует сходство предметов в мире, но и создает образ мира. Небесная сфера с древних времен отождествлялась с земным миром, и далекие космические объекты представлялись нашим предкам похожими на предметы из их обыденной жизни. Вследствие этого базовую концептуальную метафору астрономического дискурса можно представить более широко: «Вселенная — это человеческое общество».

Антропоморфная метафора в астрономии представлена понятийными областями «Человек биологический» и «Человек социальный».

Сфера-источник «Человек биологический» дает возможность осмыслять астрономические объекты как живые существа. Номинации, связанные с периодами жизни человека, метафорически используются для обозначения этапов становления и развития звезд и планет. Возникновение звезд отождествляется

с актом рождения: «Зато ежедневно во Вселенной *рождается* приблизительно 275 млн новых звезд»; «*Новорожденный* цыпленок, т. е. белый карлик, окружен разного рода скорлупой и прочими атрибутами своего *рождения*». Завершение существования звезд называется «смертью» звезды: «В следующих главах книги будет обсуждаться вопрос о *смерти звезд*, о конце их эволюционного пути. Оказывается, что ежегодно в Галактике “*умирает*” по меньшей мере 3–4 звезды».

Астрономические объекты рождаются, живут, стареют и умирают. Как и люди, астрономические объекты имеют возраст («О *возрасте* пульсара»; «*Возраст* этих светил оказался 11,5–12 млрд лет»), в соответствии с которым определяется их принадлежность к тому или иному поколению («Звезда относится ко второму *поколению звезд* во Вселенной»).

Протяженные во времени периоды развития астрономических объектов сопоставляются с этапами жизни человека — детством, юностью, зрелостью, старостью: «Газово-пылевые комплексы межзвездной среды — *колыбель* звезд»; «*Молодые* плерионы»; «Жесткое излучение *молодых пульсаров*»; «Астрофизики из Нидерландов разработали новую, более совершенную методику определения возраста самых *старых звезд* нашей Галактики»; «*Старейшая* звезда во Вселенной». У звезд, как и у людей, есть периоды расцвета, активной жизни: «Рассчитанные промежутки времени их эволюции охватывают по крайней мере 75 % срока их “*активной жизни*”, когда они излучают вырабатываемую в их недрах термоядерную энергию».

Аналогия между миром звезд и миром человека поддерживается ассоциациями, которые вызваны признаковыми метафорами, называющими процессы, действия и состояния лица. При описании астрономических объектов используются предикаты *местоположения в пространстве* («Молодая звезда “*садится*” на свое место где-то на главной последовательности»); *перемещения* («протозвезды непрерывно “*входят*” в главную последовательность на всем ее протяжении, так сказать, “широким фронтом”»; «более или менее массивные звезды довольно “извилистым” путем

уходят с главной последовательности»; «о природе “убегающих” звезд»; «фигура *вальсирования* спутника»); интеллектуальной деятельности («Трудно, однако, ожидать, чтобы звезда на этой фазе эволюции “точно знала”, сколько ей надо сбросить массы, чтобы катастрофического сжатия в точку не произошло»); эмоционально-физического состояния («*возмущения* астрономических объектов»; «*взрывные* звезды»; «за сравнительно короткое время, которое “живут” планетарные туманности, их ядра далеко не всегда успевают “успокоиться”»).

Как живой организм, звезда нуждается в одежде, которая бы защищала ее, но не от холода, а от высоких температур: «А теперь представим себе, как бы выглядела звезда — красный гигант с массой чуть больше солнечной, если бы вдруг она лишилась своей столь мощной сравнительно холодной “шубы”».

Человек проецирует на астрономические объекты не только свою физическую, интеллектуальную и эмоциональную активность, свои динамические проявления, но также и систему социальных связей и отношений. Вследствие этого в астрономическом дискурсе выявляется вариант антропоморфной метафоры со сферой-источником «Человек социальный».

В мире звезд видится сходство с человеческим обществом по разным параметрам. Звезды находятся друг с другом в отношениях родства: «Отсюда получается, что если считать их *родителями* планетарных туманностей, то время жизни звезд в этой стадии около миллиона лет; красные гиганты типа RV Тельца, по-видимому, являются “*родителями*”»; «Не подлежит поэтому сомнению, что *предки* планетарных туманностей не могут принадлежать к звездам главной последовательности»; «Многие звездные ядра просто неспособны *породить* нейтронную звезду». Организации звезд аналогичны человеческим общностям: «Значит, для того, чтобы *звездное племя* не выродилось, необходимо, чтобы столько же звезд в среднем образовывалось в нашей Галактике каждый год».

Во Вселенной члены звездного сообщества связаны иерархическими отношениями, и потому при номинации используется образ социального положения: «Вскоре были обнаружены другие

источники такого же типа, где самыми яркими как раз являются линии-*сателлиты*». А чтобы это общество успешно развивалось, в нем, как и в человеческом социуме, должен соблюдаться баланс старшего и младшего поколений: «необходимо чтобы в ней (Галактике. — *О. М.*) автоматически поддерживалось *динамическое равновесие между рождающимися и “гибнущими” звездами*».

Интересна метафора, представляющая образ дома в небесной сфере. Звездам в небесном доме нужно прописаться на своей жилплощади: «Зато после того как они “*пропишутся на своей постоянной площади*” на главной последовательности диаграммы Герцшпрунга — Рессела, ситуация резко изменится». Рядом находящиеся звезды воспринимаются как соседи по дому, которые подобно людям помогают друг другу в повседневной жизни: «А теперь эта *соседка* (о звезде. — *О. М.*) в порядке взаимной любезности возвращает <...> вещество». Однако метафорическая модель «дом» в астрономии не продуктивна, в отличие от народной астрономии, где соответствующая образная сфера является центральной, а ее тематический арсенал достаточно широк [Рут, 1992, 59]. Возможно, непопулярность концептуальной модели «дом» в научном дискурсе объясняется отдаленностью Вселенной, тогда как для народного сознания дом всегда обладал особым «структурообразующим значением» [Там же, 52].

Человеческая фантазия поселила на небе не только людей, но также зверей и птиц, т. е. астрономический дискурс не обошел стороной зооморфную метамфору: «Новорожденный *цыпленок*, т. е. белый карлик, окружен разного рода скорлупой и прочими атрибутами своего рождения». В русской культуре мир живой природы традиционно являлся важным источником метафоризации для представления общественной жизни, но и в науке достаточно распространенной стала метафорическая модель «созвездие — животное». Так образованы 35 научных астронимов [<http://www.astrolab.ru>]. Некоторые из них: *Большая Медведица*, *Большой Пес*, *Волк*, *Лев*, *Лебедь*, *Рак* и др. — получили свои названия еще в далекой древности и связаны с легендами и мифами. Это созвездия Северного полушария, где располагались древние цивилизации, поэтому

в номинации использованы названия знакомых животных и птиц. Первые кругосветные путешествия, великие географические открытия XVI–XIX вв. позволили узнать звезды Южного полушария, для номинации которых использовалась модель «объект звездного неба — экзотическое животное (птица)»: *Жираф*, *Журавль*, *Рысь*, *Тукан*, *Ящерица*, *Летучая Рыба*, *Хамелеон*.

Зооморфная метафора представлена моделью «объект звездного неба — часть тела животного». Так, у кометы терминологически зафиксированы *голова* и *хвост*: «на значительных расстояниях от Солнца кометы выглядят как слабо светящиеся пятнышки овальной формы, а с приближением к Солнцу у них появляются “голова” и “хвост”». Три звезды в ручке ковша Большой Медведицы официально трактуются в научной астрономии как хвост. По наблюдениям Марии Эдуардовны, «хвост» как образ-модель широко представлен в топонимии, отождествление с хвостом типично и для аппеллятивной лексики русского литературного языка и говоров [Рут, 1992, 117].

Еще одна достаточно продуктивная модель, используемая в астрономии, — м е т а ф о р а п р о с т р а н с т в а. Оно может связываться с представлениями о бесконечности, необъятности, равно как и с представлениями о пустоте. Номинации этой группы отражают опыт физического восприятия и «переживания» пространства. Сама Вселенная — это бесконечное, безграничное пространство, которое трудно представить и еще сложнее научно описывать. В связи с этим, для того чтобы установить условные границы и объяснять местонахождение объектов в небе, астрономы ввели термин *небесная сфера*, основанный на метафоре геометрического пространства.

В основе астрономического термина-метафоры *дыра* лежит другая разновидность пространственной модели — метафора пустоты. Образная номинация *дыра* входит в состав терминов *черная дыра*, *корональные дыры*.

Черная дыра — один из самых известных астрономических терминов, предложенный Д. Уилером в 1967 г. (хотя само понятие было описано английским астрономом и геофизиком Джоном Митчеллом значительно раньше — в 1783 г.). Черная дыра — это

пустота, но и вместилище одновременно: «Все галактики, и наша тоже, имеют в своем центре черные дыры невероятных масс». Черная дыра имеет границы, которые также получили образную номинацию — *горизонт* — по аналогии с горизонтом как границей неба с земной или водной поверхностью, ср.: «Границу области, за которую не выходит свет, называют “горизонтом событий” или “горизонтом” черной дыры».

В астрономии топоцентристские представления о Вселенной «отзеркаливают» земное пространство. Сходство обнаруживается в разнообразии небесного ландшафта. Во Вселенной, как и на Земле, встречаются леса, равнины и впадины. Например: «В этом отношении Галактика похожа на первобытный лес, состоящий из деревьев всевозможных видов и возрастов, причем возраст деревьев гораздо меньше возраста леса»; «От этого масса газа во впадине увеличится, и под влиянием его тяжести “ложбина” будет прогибаться еще сильнее. Ее “склоны” станут круче, и скорость втекания облаков межзвездного газа увеличится»; «Силовые линии в “яме” вовсе не прогибаются “до дна”, т. е. до самой галактической плоскости».

Общеизвестный астрономический термин *Млечный Путь* также образован в рамках пространственной метафорической модели. Метафора пути имеет богатую историю во многих языках, и «путь» как культурный образ занимает важное место в концептуальной картине многих народов. Но в русской ментальности «путь-дорога» играет гораздо большую роль, чем в других европейских культурах, поэтому и дорога протянулась далеко за пределы Земли. Русский космос, как пишет Г. Гачев, «это путь-дорога, Русь-тройка, космодром в однонаправленную бесконечность» [Гачев, 1999, 344].

Таким образом, в астрономическом дискурсе используются образные номинации из активных сфер-источников, в наибольшей степени освоенных человеческим конкретно-чувственным опытом. Через метафору рождаются термины, в основе которых лежат понятия, относящиеся к человеку и окружающему его миру.

Образы-эталонные в науке служат не только для обозначения понятий. Метафора в астрономии «служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удастся достигнуть самых отдаленных

участков нашего концептуального поля. Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям. Метафора удлиняет руку “интеллекта”» [Ортега-и-Гассет, 1990, 72].

-
- Алексеева Л. М.* Термин и метафора. Пермь, 1998.
- Арутюнова Н. Д.* Вступление // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 1999. С. 3–10.
- Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162–189.
- Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М., 1999.
- Лькова Н. Н.* Метафора в терминологии права (на материале старофранцузских источников) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2016. № 4 (386). С. 106–111.
- Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Ортега-и-Гассет Х. Теория метафоры / пер. с англ., общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М., 1990. С. 68–81.
- Рут М. Э.* Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992.
- Шкловский И. С.* О возрасте пульсара PSR 0833-45 [Электронный ресурс] // Астрономический циркуляр. 1969. № 519. URL: <http://istina.msu.ru/journals/235240/?p=22> (дата обращения: 12.12.2016).
- Шкловский И. С.* Жесткое излучение молодых пульсаров как причина оптического излучения сверхновых // Астрон. журн. 1975. Т. 52. С. 911–919.
- Шкловский И. С.* О природе «убегающих» звезд // Письма в Астрономический журнал. 1976. Т. 2. С. 119–121.
- Шкловский И. С.* Радиоизлучающие сверхновые — молодые плерионы // Письма в Астрономический журнал. 1981. Т. 7. С. 479–481.
- Шкловский И. С.* Звезды (их рождение, жизнь и смерть). 3-е изд. М., 1984.
- Шкловский И. С.* Вселенная. Жизнь. Разум. 6-е изд. М., 1987.
- Black M.* More about metaphor // *Dialectica*. 1977. Vol. 31. P. 431–457.
- Prandi M.* A Plea for Living Metaphors: Conflictual Metaphors and Metaphorical Swarms // *Metaphor and Symbol*. 2012. Vol. 27. № 2. P. 148–170. URL: <http://www.astrolab.ru/index.html>.

* * *

Михайлова Ольга Алексеевнадоктор филологических наук,
профессор кафедры риторики
и стилистикиУральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: oamih@yandex.ru**Mikhailova, Olga Alekseevna**DrHab, Professor
Department of Rhetoric and Stylistics
Ural Federal University51, Lenin av.,
620000, Ekaterinburg, Russia
E-mail: oamih@yandex.ru

Metaphor in Astronomy

The article deals with metaphorical words used in scientific discourse, specifically, on metaphorical terms and non-terminological lexical units in astronomical discourse. The author argues that metaphorical naming in this sphere follows integral metaphorical patterns that help conceptualize various aspects of astronomical objects. The author distinguishes between anthropomorphic, zoomorphic, and spatial metaphorical patterns that constitute an onomasiological paradigm, showing the specificity and the variation of the above patterns in astronomical discourse. The basic anthropomorphic metaphor in astronomy is the conceptual metaphor “Universe is a human society” which is represented by conceptual domains “Human as a biological being” and “Human as a social being”. The analogy between the world of humans and the world of stars is maintained by predicates originally designating processes, actions and states of people. The spatial metaphors applied to the universe also mirror the earthly space.

Key words: metaphor, scientific text, astronomical discourse, metaphorical pattern, anthropomorphic metaphor, zoomorphic metaphor, spatial metaphor.

4. Этнолингвистика

Е. Бартминьский

Люблин, Польша

Оскар Кольберг — этнограф, фольклорист, предтеча этнолингвистики

В статье рассматриваются творческий путь и принципы исследовательской деятельности Оскара Кольберга — знаменитого польского этнографа, этномузыколога, фольклориста. Показана идейная близость Кольберга современным ученым-этнолингвистам, сформулированы основные установки Кольберга по отношению к материалу польской народной традиции: регионализм, учет вариативности фольклорных текстов, специфический способ записи песен и музыки, группировка текстов по темам и жанрам. Особого внимания в концепции Оскара Кольберга заслуживает его убеждение в том, что глубокий смысл культуры кроется не только в музыке, обрядах, но и в слове — во всем богатстве его значений. Базовый постулат Кольберга — интегральность и функциональность в описании народной культуры — сохраняет свою актуальность и получает развитие в современных этнолингвистических исследованиях.

Ключевые слова: этнолингвистика, фольклористика, этнография, полонистика, славистика, биография ученого.

1. Исследователь как объект исследования.
В эпоху расцвета диалектологических и антропологических исследований, обращенных к говорам и традиционной культуре (эти направления интенсивно развиваются и в Екатеринбурге, в Уральской этнолингвистической школе, созданной А. К. Матвеевым, М. Э. Рут и Е. Л. Березович), интерес вызывает не только предмет анализа,

но и методы работы, а также личность самого ученого: причины обращения к локальной традиции, особенности восприятия исследователем своих «информантов», понимание цели и методологии научного труда. Все больше внимания уделяется фигурам выдающихся ученых¹. Эта тенденция появилась вследствие осознания факта, что гуманитарное знание не безлично: напротив, оно всегда создается кем-либо, а значит, обусловлено обстоятельствами и определенным ракурсом. Поэтому стоит присмотреться к достижениям корифеев дисциплины, проследить пути, которыми шла их научная деятельность, узнать источники их поражений и побед. Важно черпать из их опыта.

2. Кем был Оскар Кольберг? Из многих определенных — этнограф, этномузыколог, фольклорист — суть его достижений лучше всего описывает термин *культурный антрополог*². Он основоположник соответствующей дисциплины, он создал ее фундамент — в большей мере как практик, чем теоретик. По моему мнению, он также предтеча этнолингвистики.

Оскар Кольберг (1814–1890), родившийся в полонизированной немецко-французской семье, начал свой творческий путь с романтической любви к народной песне (самым влиятельным поклонником ее был поэт Адам Мицкевич), а завершил его как сторонник идей польского позитивизма, который проповедовал описание народной культуры XIX в. в соответствии с критериями научности. В монументальном труде под названием «Lud. Jego zwyczaj, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzęd, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce» («Народ. Его обычаи, образ жизни, язык, предания, пословицы, обряды, поверья, развлечения, песни, музыка и танцы») О. Кольберг собрал богатый материал из разных регионов Польши и территории бывшей Речи Посполитой. Этот материал он успел обработать лишь частично, издав его в виде 33 томов, посвященных отдельным регионам. На основе материалов, собранных Кольбергом, его продолжатели

---

¹ См. книгу «Не просто прожитая жизнь» (Екатеринбург, 2015), посвященную А. К. Матвееву.

² Это определение употреблено в названии книги «Oskar Kolberg. Prekursor antropologii kultury» («Оскар Кольберг. Предтеча антропологии культуры»; Warszawa, 1995).

из научно-исследовательского института в Познани, носящего имя ученого, опубликовали очередные тома под названием «Dzieła Wszystkie Oskara Kolberga» («Полное собрание трудов Оскара Кольберга») [DWOK]. Это многотомное собрание насчитывает 86 томов, изданных в виде 92 отдельных книг. Это самый большой этнографический труд девятнадцатого столетия в европейском масштабе.

Стоит подчеркнуть, что свой монументальный труд Кольберг назвал одним словом — «Народ», — не «польский народ», поскольку в круг его интересов входила не только этническая Польша, но и народная культура Украины, Белоруссии, Литвы, южных славян, лужичан, чехов и словаков. Он видел в народной традиции наднациональную сущность.

Кольберг начинал свою деятельность как музыкант и музыковед, однако в определенный период жизни его профессиональный статус изменился — композитор стал документалистом, «музыкального фольклориста» сменил этнограф и культурный антрополог. Причины таких изменений носили очень личный характер. Агата Скруква, автор новейшей книги о Кольберге, вышедшей в Познани в 2014 г. [Skrukwa, 2014], обращает внимание на то, что в жизни будущего исследователя большую роль сыграла дружба его семьи с семьей Фредерика Шопена — в то время, когда они жили в соседних зданиях на территории Варшавского университета (1820–1827). Оскар, с раннего детства проявлявший способности к музыке и обладавший хорошим слухом, пользовался любым случаем, чтобы слушать игру Фредерика, от которой он был в восторге со времени первой встречи с ней, и это восторженное отношение к музыке великого композитора не покидало его до конца жизни [Ibid., 13].

Данное обстоятельство повлияло также на окончательный выбор жизненного пути: увидев уровень игры Фредерика, Кольберг отказался от планировавшейся карьеры пианиста. На композиторском поприще Оскар Кольберг тоже не нашел себе места: он писал в основном танцевальные композиции по мотивам народных песен — полонезы, польки, куявяки и мазурки. Трезво оценив свои возможности (вероятно, с излишней скромностью), он сначала работал учителем музыки, потом чиновником в банке и бухгалтером.

В 1846 г. получил должность в Управлении Варшавско-Венской железной дороги. Это важный факт, поскольку он характеризует условия, в которых пришлось работать Кольбергу. Я когда-то думал над тем, почему Кольбергу не удалось задокументировать богатый народный обычай святочного колядования. Это мне объяснила исследовательница Кольберга, Агата Скруква: он отправлялся в поездки летом, во время отпуска, а колядки можно исполнять лишь в зимний период, во время праздников.

3. Как написал Мариан Собеский, Кольберг, «собирая материал, пришел к выводу, что песня и музыка — это составная часть всяческих проявлений народной культуры, выполняющая определенную функцию в жизни людей. Потому он не ограничился собиранием самих песен, но расширил круг исследований на все проявления духовной и материальной народной культуры» [Sobieski, 1974, 67].

Кольберг постепенно расширял область исследований. Показательны подзаголовки его работ, посвященных отдельным регионам. В них отражается эволюция издательской практики исследователя — переход от песни и музыки к языку и устным фольклорным жанрам, к обрядам и верованиям, т. е. от музыкальной фольклористики к полномасштабной этнографии и культурной антропологии³.

Еще в 1857 г., издавая «Pieśni ludu polskiego» («Песни польского народа»), Кольберг ограничивался текстами песен и музыкой к ним. Новую концепцию на практике стал применять с тома «Sandomierskie» («Сандомирский регион»), который вышел в свет в 1865 г. Том получил выразительное (упомянутое выше) развернутое название «Народ. Его обычаи, образ жизни, язык, предания, пословицы, обряды, поверья, развлечения, песни, музыка и танцы». Однако полностью расширенный замысел осуществился только в томе «Kujawy» («Куявия»), появившемся в 1867 г. В состав тома вошли сведения о регионе и людях (об их одежде, еде, жилье

---

³ Как предполагается в [Gajek, 1974, 25], включение страны и народа в сферу исследований было результатом влияния работы «Философия искусства» (1865) Ипполита Тэна, который подчеркивал влияние природных условий и окружающей среды на тип культуры. В последнем томе, посвященном Волини (и составленном после смерти Кольберга его коллегой), издатель вернулся к более узкому пониманию фольклористики.

и предметах быта), а также поверья и суеверия, народная магия и рассказы о призраках, сказы, пословицы, загадки, обычаи, игры, обряды, связанные с работой по дому и в поле.

В этнографической концепции Кольберга особого внимания заслуживает его убеждение в том, что глубинный смысл культуры кроется не только в музыке, обрядах, но и в слове (во всем богатстве его значений), даже прежде всего — в слове.

4. Особо значимыми, у н и в е р с а л ь н ы м и и ценными оказались следующие ключевые принципы Оскара Кольберга:

- во-первых, р е г и о н а л и з м, т. е. установка на создание трудов «Lud» («Народ») и «Obrazy Etnograficzne» («Этнографические картины») по отдельным регионам, с учетом диалектных черт текстов;
- во-вторых, учет в а р и а т и в н о с т и, т. е. сбор и описание всех вариантов произведений — как полных, так и сокращенных;
- в-третьих, специфический с п о с о б з а п и с ы в а т ь и представлять произведения (тексты с музыкой);
- в-четвертых, группировка песен по т е м а м, о б ы ч а я м и ж а н р а м.

Я вкратце расскажу о них по очереди.

4.1. Р е г и о н а л и з м. Кольберг не сразу применил принцип группировки собранных материалов по их географическому распространению. Изначально он представлял отдельные песни на общенациональном фоне.

«Pieśni ludu polskiego» («Песни польского народа») открывал полонез «Wezmę ja kontusz — wezmę ja żupan, Szablę przepaszę» («Надену контуш — надену жупан, саблю прилажу на пояс») с комментарием о том, что эта песня широко известна в Мазовии и окрестностях Кракова. Он записал также сразу 12 региональных вариантов этой песни: северо-восточный вариант (Оструда в Восточной Пруссии), торунский (на стыке Куявии и Поморья), юго-восточный и южный варианты (люблинский, львовский и т. д.) — иногда версии существенно отличались друг от друга.

Стоит обратить внимание на мотивацию перехода от жанровой концепции к региональной, это мотивация как практическая, так и теоретическая.

Во введении к тому «Sandomierskie» («Сандомирский регион») Кольберг написал, что он сам отмечает некоторые недостатки структуры, вытекающие из принятого в вышедшей уже книге порядка следования песен. По мнению исследователя, в ряду разнообразных вариантов, записанных в совсем разных, удаленных друг от друга уголках страны, сложно уловить местные особенности текстов. Кольберг заявляет, что хочет издавать имеющийся материал по отдельным частям, которые включают в себя собранные песни, обряды и музыку, независимо от их вида, содержания и тональности. Он хочет показать характерные черты разных земель, среди которых и языковые особенности. Не переставая чувствовать себя исследователем «нашей народной музыки», Кольберг решается включить в издание разнообразные жанры народного творчества: предания, сказки, сказы, загадки, поверья, суеверия, развлечения, выходящие уже за пределы музыкальных жанров [DWORK, 1962, 7–8].

Кольберг осуществил целостное описание четырнадцати регионов центральной Польши: 1) «Sandomierskie» — Сандомирский регион; 2) «Kujawy» — Куявия; 3) «Krakowskie» — окрестности Кракова; 4) «Wielkie Księstwo Poznańskie» — Великое княжество Познанское; 5) «Lubelskie» — Люблинский регион; 6) «Kieleckie» — город Кельце и его окрестности; 7) «Radomskie» — город Радом и его окрестности; 8) «Łęczyckie» — город Ленчица и его окрестности; 9) «Kaliskie» — город Калиш и его окрестности; 10) «Pokucie» — Покутье; 11) «Mazowsze» — Мазовия; 12) «Chełmskie» — Холмщина; 13) «Przemyskie» — окрестности города Пшемысль; 14) «Wołyń» — Вольтынь.

На основе материала, который не был опубликован при жизни Кольберга, удалось издать одиннадцать отдельных томов о регионах, расположенных на окраинах страны: 1) «Pomorze» — Поморье; 2) «Mazury Pruskie» — Прусские Мазуры; 3) «Śląsk» — Силезия; 4) «Góry i Podgórze» — регион польских гор; 5) «Podole» — Подолия; 6) «Tarnowo-Rzeszowskie» — города Тарнув и Жешув и их окрестности; 7) «Sanocko-Krośnieńskie» — города Санок и Кросно и их окрестности; 8) «Białoruś — Polesie» — Белоруссия — Полесье;

9) «Litwa» — Литва; 10) «Ruś Karpacka» — Карпатская Русь; 11) «Ruś Czerwoną» — Червоная Русь.

Некоторые сборники, посвященные фольклору отдельного региона, состояли из нескольких томов.

Исследователи отмечали большую свободу, с которой Кольберг относился к определению наименований регионов и их границ. Это отражено на карте профессора Йозефа Гаека, вошедшей в состав первого тома [DWOK] (см. карту 1).

Границы регионов у Кольберга стыкуются или даже совпадают (например, Сандомирская и Радомская земли, Куявия и Великая Польша)⁴. Как написала Казимира Завистович-Адамска, Кольберг не стремился устанавливать границы отдельных регионов, но они прочерчивались по мере исследования культурного потенциала территорий [Zawistowicz-Adamska, 1956, 333].

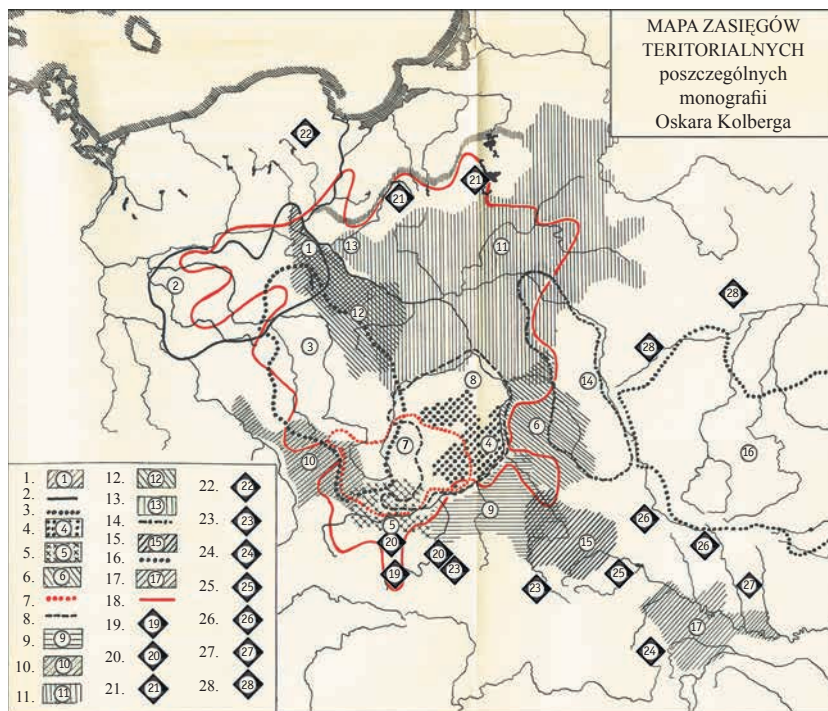
Иную картину региональной дифференциации представляет карта, опирающаяся на однородные данные, т. е. на записи песен в труде «Dzieła wszystkie» (см. карту 2). Карту опубликовал Ежи Серочук в номере журнала «Literatura Ludowa», посвященном описанию народных песен [Sierociuk, 1979].

Карта Е. Серочука позволяет отметить интересный факт: Кольберг предпочитал регионы, расположенные в центре, а не периферию, у него была собственная концепция регионов — распределять их по типологическим чертам, а не по классам. Регионы, в которых Кольберг собирал песни, напоминают тарелку бульона с плавающими на его поверхности частичками жира, они отделены друг от друга, между ними находятся пустые пространства. Из регионов (субрегионов), которые мне близки, Кольберг обошел вниманием Южное Подлясье и окрестности города Замость на юго-востоке Польши (этот регион со временем оказался источником богатого рождественского фольклора в жанре колядок).

Региональная концепция Кольберга с современной точки зрения представляется очень удачной. Труд Кольберга превосходно гармонирует с программой современного европейского

---

⁴ Имеется в виду карта, включенная в работу Йозефа Гаека [Gajek, 1974].

Карта 1. Границы отдельных территорий по данным монографии Оскара Кольберга

1 — Kujawy	10 — Śląsk	19 — Podhale, Beskidy Zachodnie
2 — Wielkie Księstwo Poznańskie	11 — Mazowsze	20 — Góry, Podgórze
3 — Kaliskie	12 — Łęczyckie	21 — Mazowsze Pruskie
4 — Sandomierskie	13 — Ziemia Dobrzyńska	22 — Pomorze
5 — Krakowskie	14 — Chełmskie	23 — Sanockie
6 — Lubelskie	15 — Przemyskie	24 — Karpaty Wschodnie
7 — Kieleckie	16 — Wołyń	25 — Ruś Czerwona (tor)
8 — Radomskie	17 — Pokucie	26 — Ruś Czerwona (север)
9 — Tarnów — Rzeszów	18 — Территория, с которой происходят материалы «Pieśni ludu polskiego»	27 — Podole
		28 — Polesie

регионализма, поддерживает идею самоуправляющихся регионов и поиски жителями небольших территорий идентичности, в том числе культурной.

Карта 2. Границы фольклорных районов в соответствии с записями песен в Полном собрании трудов Оскара Кольберга (сост. Е. Серочук)

4.2. Вторая важная инновация Кольберга заключается в стремлении показать в а р и а т и в н о с т ь песен.

Например, из баллады, составившей сборник «Pieśni ludu polskiego» (1857), для 26 Кольбергом приведены разные версии, причем количество вариантов в некоторых случаях впечатляет: 52 версии песни «Jasio konie poił, Kasia wodę brała», 32 версии песни «Na Podolu biały kamień», 28 версий песни «Wyjechał pan z chartami na pole» и «Tam za Warszawą na błoniu», 27 версий песни «Stała nam się powina, pani pana zabiła» и т. д.

Кольберг собирал и систематизировал песни как с вариантами напева, так и с вариантами текста. Он отмечал различия между вариантами, замену одного слова другим, используя в скобках помету «vel» («или»). Некоторые версии текста приводил полностью, другие в сокращенном виде — и тогда отсылал читателя к более полным

версиям. Не ко всем вариантам Кольберг относился одинаково: полные варианты он отделял от частичных, менее ценных. В более поздних региональных томах он отсылает читателя к вариантам, записанным в ранних изданиях.

Можно сказать, что Кольберг применил метод сбора вариантов, введенный в мировую фольклористику финской школой, и его позиция перекликается с тезисом Кшижановского об отсутствии в фольклористике понятия «канонический текст» («образцовый текст») [Krzyżanowski, 1980, 62]. В. Е. Гусев, автор «Эстетики фольклора», именно вариативность признал системной чертой фольклора [Гусев, 1967].

4.3. Третья сильная сторона Кольберга, менее однозначная, вызывающая разногласия между некоторыми фольклористами, относится к способу записи и публикации произведения. Кольберг обладал хорошим музыкальным слухом, его ухо было чувствительным к речевому звучанию. Он руководствовался фонологическим принципом (эмическим), а не фонетическим, т. е. старался сохранять типичные формы, стремился к обобщению. Кольберг применял полуфонетическую запись, приблизительную, в поддержку которой, кстати, полвека спустя высказались языковеды — Зенон Соберайский [Sobierajski, 1953] и Витольд Дорошевский [Doroszewski, 1953]. Он передавал особенности вокализма, своеобразное звучание носовых гласных, фонетические черты польских северо-восточных говоров (так называемое мазурение) с помощью орфографии литературного языка. Такая запись не усложняет восприятия текста читателем, позволяет сохранить все языковые особенности на уровне грамматики, словообразования и лексики.

Богатство языковых наблюдений Кольберга производит впечатление. Качество записей, сделанных Кольбергом, высоко оценил Ян Карлович, автор пятитомного труда «Słownik gwar polskich» («Словарь польских говоров»), который обильно цитирует песенные и прозаические тексты из собрания Кольберга. Следует, однако, добавить, что структуру и синтаксические особенности текстов Кольберг подчинял литературной норме, следовательно, его труды в этом плане не являются надежным источником.

4.4. И наконец, четвертый вопрос, к решению которого Кольберг подошел новаторски, — это с и т у а т и в н о - т е м а т и ч е с к а я с т р у к т у р а содержания трудов, наиболее удобная и применяемая во многих более поздних изданиях, в том числе в современном проекте под названием «Nowy Kolberg» («Новый Кольберг»). Песни объединяются в тематические и «ситуативные» группы, что позволяет легко находить и сопоставлять произведения, содержащие похожие мотивы. Например, любовные песни приводятся в следующем порядке: «благодарность, беспокойство»; «шутки, шалости, своеволие»; «ухаживание»; «печаль, скука»; «желание выйти замуж / жениться»; «потеря девушкой венка», «жалоба».

В издательской практике фольклористов прижился принцип (хотя и не без исключений) размещать тексты и мелодии к ним, а также комментарии, касающиеся обстоятельств исполнения произведений.

5. Среди своего рода недостатков, которые можно найти в методах работы Кольберга, обращает на себя внимание то, что он не размещал информацию об и н д и в и д у а л ь н ы х и с п о л н и т е л я х, которым современные фольклористы уделяют так много внимания. Значит ли это, что народ для него, как и для многих его современников, был анонимной и безликой толпой? В некоторой степени, кажется, да. Необыкновенные личности народных артистов получают признание только в последние десятилетия XIX в. Один из наиболее известных примеров такого рода в Польше — открытие Станиславом Виткевичем в его этнографическом репортаже «Na przełęczy» («На перевале»), опубликованном в 1891 г., талантливого музыканта с Татр, сказителя Сабалы. С Сабалой был знаком сам Генрик Сенкевич, который очень ценил этого народного певца. В 1891 г. Сенкевич издал рассказанную Сабалой сказку под названием «Sabałowa bajka» («Сказка Сабалы»). Недостаток информации об исполнителях — это факт, но его, как отметил Петр Дахлиг, можно объяснить тогдашней политической ситуацией. Оскару Кольбергу пришлось работать в сложных условиях, когда страна потеряла независимость и раскрытие персональных данных вызывало обоснованные страхи и беспокойство. В письме к писателю Йозефу Крашевскому Кольберг открыто жаловался на недоверие со

стороны крестьян. Оно усиливалось в связи с тем, что во время своих путешествий по стране исследователь гостил у друзей, помещиков и патриотов, поддерживавших его, — а отношения между помещиками и крестьянами были недоброжелательными, даже враждебными. Следует помнить, что самый активный период работы Кольберга совпал с январским восстанием и царскими репрессиями после него. Некоторые из информантов Кольберга сами просили сохранить их анонимность, например Владислав Цесельский, который, будучи повстанцем, скрывался от царской полиции [Skrukwa, 2014, 118].

6. Труд Кольберга был объектом критики также из-за п е с т р о т ы и с т о ч н и к о в, которые автор вводил в некоторые тома. Кроме ценнейших собственных рукописей, Кольберг охотно включал материалы, полученные от других лиц.

Агата Скруква отмечает, что в труде «Lud» Кольберг пользовался фольклорными собраниями, современной краеведческой литературой и путевыми заметками, а кроме того, произведениями художественной литературы, хрониками и другими историческими источниками, ренессансными гербариями и медицинскими исследованиями, барочными календарями, а также текущими газетными текстами и судебными хрониками, напечатанными в газетах [Skrukwa, 2014, 121; Krzyżanowski, 1974]. Но к суждениям других Кольберг иногда относился скептически и в этих случаях помечал их вопросительным знаком или вводил краткий комментарий [Skrukwa, 123]. Разнообразие источников не снижает достоверности труда Кольберга, так как все цитаты сопровождаются подробной паспортизацией; таким же образом работали издатели сборников, вышедших в свет после смерти автора.

7. Характерным примером в этом плане является том «Pomorz» («Поморье»), опубликованный только в 1965 г. как 39-й том [DWOK] на базе рукописей Кольберга. В состав этого издания вошел также польский перевод исследования знаменитого российского этнолога и славяноведа Александра Федоровича Гильфердинга, члена-корреспондента Петербургской академии наук, под названием «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря» [Гильфердинг, 1862]. Кольберг высоко ценил научный труд Гильфердинга и даже перевел

эту книгу на польский язык, планируя сослаться на нее в ходе своей работы.

Стоит добавить, что российские ученые уже в начале XIX в. проявляли интерес к «кашубскому вопросу», т. е. к кашубам и словинцам. Они предполагали, что имеют дело с открытием неизвестного до сих пор славянского народа, язык которого должен быть похож на русский. В связи с этим Петербургская академия в 1839 г. отправила языковеда Прайса в научное путешествие в Кашубию (север современной Польши) с целью исследовать эту проблему. Однако научный отчет, как пишет Йозеф Буршта, не решил ее (см. введение к тому «Pomorze» О. Кольберга [DWOK, 1965, 29–30]).

Кашубскую землю для широкой общественности открыл потом именно Александр Гильфердинг. Кольберг, следуя его примеру, отправился в 1875 г. в Поморье и собрал обширный материал (252 песни и мелодии). Этот материал, обогащенный газетными вырезками, представлен на 304 страницах в посмертно изданном томе «Pomorze» [DWOK, 1965]. В нем опубликован труд Гильфердинга *in extenso* (150 страниц плюс 60 страниц словаря) — с заголовками, введенными польским этнографом как дань уважения российскому исследователю.

8. Исследовательская традиция Оскара Кольберга в кругу этнологов до сих пор жива. Доказательством особого признания великого этнографа и антрополога народной культуры является работа «Nowy Kolberg» («Новый Кольберг»). Так принято обозначать серию «Polska Pieśń i Muzyka Ludowa. Źródła i Materiały» («Польская песня и народная музыка. Источники и материалы»), издаваемую с 1974 г. Институтом искусств Польской академии наук под редакцией Людвика Белявского. К 2012 г. вышло в свет семнадцать обширных книг, собранных в пяти томах, которые посвящены следующим регионам: Куявия, Кашубия, Вармия и Мазуры, Люблинский регион и Подлясье [Krzyżaniak et al., 1974–1975; Bielawski, Mioduchowska, 1997–1998; Krzyżaniak, Pawlak, 2002; Bartmiński, 2011; Szymańska, 2012].

9. В завершение я еще раз вернусь к вопросу о том, в чем Оскар Кольберг может сегодня воодушевлять или даже служить примером. Думаю, что постулат, основанный на подходе Кольберга к изучению фольклора, — это интегральность

и функциональность в описании народной культуры. По мнению Кольберга, исследования должны охватывать все проявления духовной и материальной народной культуры. Такая холистическая трактовка народной культуры не потеряла своей актуальности. Попытку реализовать этот постулат представляют собой люблинский «Словарь народных стереотипов и символов» [SSSL] и московский словарь «Славянские древности» [СД].

-
- Гильфердинг А. Ф.* Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. СПб., 1862.
- Гусев В. Е.* Эстетика фольклора. Л., 1967.
- СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого, С. М. Толстой. М., 1995–2012.
- Bartmiński J.* Lubelskie. Cz. 1–6. Lublin, 2011.
- Bielawski L., Mioduchowska A.* Kaszuby. Cz. 1–3. Warszawa, 1997–1998.
- Doroszewski W.* W sprawie projektu kompromisowej pisowni fonetycznej // *Poradnik Językowy*. 1953. Z. 7. S. 27–35.
- DWOK — Kolberg O. *Dzieła wszystkie*. Wrocław ; Poznań, 1961–. T. 1–.
- Gajek J.* «Dzieła wszystkie» Oskara Kolberga // *Kolberg O. Dzieła wszystkie*. T. 1. Wrocław ; Poznań, 1974. S. 32–34.
- Krzyżaniak B., Pawlak A.* Warmia i Mazury. Cz. 1–5. Warszawa, 2002.
- Krzyżaniak B., Pawlak A., Lisakowski J.* Kujawy. Cz. 1–2. Kraków, 1974–1975.
- Krzyżanowski J.* Dorobek Oskara Kolberga w dziedzinie literatury ludowej // *Kolberg O. Dzieła wszystkie*. T. 1. Wrocław ; Poznań, 1974. S. 35–56.
- Krzyżanowski J.* *Tekstologia folklorystyczna* // *Krzyżanowski J. Szkice folklorystyczne*. T. 1. Kraków, 1980. S. 58–72.
- Sierociuk E.* Próba ustalenia rejonów folklorystycznych // *Literatura Ludowa*. 1979. № 1/3. S. 21–24.
- Skrukwa A.* Oskar Kolberg. 1814–1890. Poznań, 2014.
- Sobierajski Z.* Jak publikować utwory poezji ludowej // *Poradnik Językowy*. 1953. Z. 7. S. 19–27.
- Sobieski M.* Oskar Kolberg jako kompozytor i folklorysta muzyczny // *Kolberg O. Dzieła wszystkie*. T. 1. Wrocław ; Poznań, 1974. S. 57–71.
- SSSL — Słownik stereotypów i symboli ludowych / koncepcja całości i red. J. Bartmiński, zast. red. St. Niebrzegowska. T. 1 : Kosmos. Cz. 1–4. Lublin, 1996–2012.
- Szymańska J.* Podlasie. Cz. 1–2. Warszawa, 2012.

Zawistowicz-Adamska K. «Lud» Kolberga jako źródło do badań nad obrzędowością ludu polskiego // *Lud*. 1955. T. 42. Cz. 1. S. 332–412.

Пер. с польск. Э. Бялек

* * *

Бартминьский Ежи

DrHab, Почетный профессор,
Институт польской филологии,
Университет Марии Кюри-
Скłodовской (Люблин),
Институт славистики Польской
академии наук (Варшава)
20-033 Lublin, Плас Марии
Skłodowskiej-Curie 4A
E-mail: jerzy.bartminski@poczta.
umcs.lublin.pl

Bartmiński, Jerzy

DrHab, Professor emeritus,
Institute of Polish Philology, Maria
Curie-Skłodowska University (Lublin),
Institute of Slavic Studies of the Polish
Academy of Sciences (Warsaw)
4A, Maria Skłodowska-Curie Sq,
20-033, Lublin, Poland
E-mail: jerzy.bartminski@poczta.
umcs.lublin.pl

**Oskar Kolberg, an Ethnographer, Folklorist
and Precursor of Ethnolinguistics**

The article focuses on the life and the principles of research activity of Oskar Kolberg, the famous Polish ethnographer, folklorist and ethnomusicologist. The author shows Kolberg's conceptual affinity with modern ethnolinguistics and formulates the underlying premises of his treatment of the materials related to the Polish folk tradition: regionalism; taking into account of folk texts' variability; specific methods of recording songs and music; grouping texts according to themes and genres. The author also analyses Oskar Kolberg's conviction that the essence of culture is concealed not only in music and rites but also in the word — in the whole variety of its meanings. The basic postulates of Oskar Kolberg's studies — integrality and functionality in the description of folk culture — remain relevant to this day and are being developed in modern ethnolinguistics.

Key words: ethnolinguistics, folklore studies, ethnography, Polish studies, Slavic studies, a scholar's biography.

Т. Н. Бунчук

Сыктывкар

Протосемантика обрядового термина в «тексте» народной культуры: наименования мужа, принятого в дом жены

В статье рассматривается один из терминов традиционного свадебного обряда — наименование мужчины, после заключения брака пришедшего для проживания в дом жены. В русском национальном языке существует множество наименований для такого человека, в том числе и заимствованных. Системный этнолингвистический анализ таких наименований позволил предположить их исконный смысл (протосемантику), в котором отражается символическая роль данного персонажа. В народной культуре мужчина, пришедший после свадьбы в дом жены, должен был продолжить линию угасающего вследствие разных причин рода невесты. Такой муж мыслился как носитель «семени / зерна», которое должно было поддержать и продолжить родовую «цепь времен», угрожающую прерваться. Анализ одного из заимствований (коми *чомор / чомур*) позволил подтвердить это предположение.

К л ю ч е в ы е с л о в а: народная культура, этнолингвистика, текст культуры, свадьба, обрядовый термин, исконная семантика, символ.

Семантика обрядовой терминологии (слов, которые именуют реалии или действия как элементы ритуала) обладает специфическими особенностями. С одной стороны, в отличие от значений слов общего употребления, семантика обрядового термина характеризуется такими принципиальными свойствами, как конкретность (прямая денотативная соотнесенность) и прозрачность (наличие внутренней формы), которые не позволяют слову становится именованием других реалий или явлений действительности и, соответственно, развивать новые значения. Другими словами, значение обрядового

термина не может в условиях обрядового дискурса провоцировать появление переносного значения или расширить свое понятийное поле. Слово обозначает только тот денотат, который актуален в ритуальной коммуникации, и никакое «движение» (развитие) семантики невозможно без изменения условий коммуникации. В свою очередь, условия коммуникации довольно жесткие: обряд требует не творческих усилий, а усилий по воспроизведению / повторению концептуального образца, что диктуется традицией. Если слово — обрядовый термин развивает новое значение, то это уже не термин, а слово, функционирующее в профанном дискурсе, и значит, изменились условия коммуникации, определяющие характер семантики слова.

С другой стороны, семантика обрядового термина, в отличие от ситуативно актуализированного значения обычного слова, обладает древним семантическим синкретизмом [Колесов, 1991]: термин выступает в качестве концепта культуры, аккумулируя в своем значении все возможные его смысловые воплощения. Как следствие, обрядовый термин обладает большим объемом культурно значимой информации. Знание этой информации обеспечивает правильную интерпретацию явления в обрядовом дискурсе в частности и в традиционной культуре в целом. Чем глубже включенность носителей языка в культуру, тем эффективнее понимание обрядового термина, а значит, понимание самого явления культуры, которое он определяет и номинирует. Поэтому изменения характера коммуникации (с обрядового на профанный) становятся причиной забвения исконного значения (протосемантики) слова-термина, утраты его внутренней формы, а вследствие этого и пласта знаний, который был определен и номинирован посредством термина в символическом пространстве народной культуры. И здесь уже требуется научное исследование для реконструкции, интерпретации исконной семантики (протосемантики) слова, в конечном счете — для герменевтики «текста» народной культуры.

Свадебная терминология является одной из благодатных групп слов для выявления протосемантики обрядового термина, так как свадьба и в современной действительности еще воспринимается как ритуал, а ее «текст» имеет признаки обрядового дискурса, хотя,

конечно, условия коммуникации для современной свадьбы — лишь слабая тень тех, что сопровождали свадебный комплекс в традиционной культуре прошлого¹. Об этом свидетельствует в том числе размывание объема и функции свадебной обрядовой терминологии. Можно предположить, что объем наименований участников свадебного ритуала значительно сократился: скорее всего, в эту группу ранее входили и термины родства и свойства — *муж, жена, тесть / тёща, шурин, свояченица* и т. д., так как данные слова в контексте свадебного обряда можно рассматривать как средство вербального изменения статуса участников ритуала: жених становился мужем, невеста — женой, отец невесты — тестем и др.² О том, что эти термины родства и свойства ранее являлись обрядовыми, свидетельствует, например, развитие значения слова *сват*, которое в современном русском языке обозначает и участника свадебного ритуала, и родителя одного из супругов по отношению к родителям другого супруга, т. е. является термином свойства [БТСРЯ, 1154]. Такое развитие семантики слова отражает размывание четкой дифференциации свадебных ролей, с одной стороны, а с другой — подтверждает предположение о том, что и термины свойства могли выступать в качестве свадебных обрядовых терминов.

Среди таких слов — терминов родства и свойства и одновременно терминов свадебного обряда — лексемы, номинирующие мужа, пришедшего жить в дом жены. В русском национальном языке существует довольно много слов, называющих такого человека. Преимущественно все эти лексические единицы имеют прозрачную

---

¹ Русская свадьба неоднократно описывалась исследователями разного профиля — историками, этнографами, фольклористами, лингвистами. Назову лишь одну из последних работ — монографию А. В. Гуры [2012], представляющую собой основательное этнолингвистическое описание славянской свадьбы.

² Особенностью таких терминов, обозначающих, условно говоря, семейных участников свадебного обряда, является «продленный» характер номинации. В отличие от «кратковременных» именовании ролевых участников свадебного ритуала (*сват, жених, невеста, тысяцкий, дружка*) термины родства и свойства, выполнив свою роль в обряде, оставались затем в качестве постоянных именовании в семье. В этом и было их предназначение — стать вербальным средством перекодирования родовых и социальных отношений участников свадебного обряда.

внутреннюю форму, а потому довольно очевидно проявляют образ этого персонажа и его символическую функцию в народной культуре. Анализ внутренней формы слов, обозначающих мужа, пришедшего в дом жены, позволил выявить «ракурсы» понимания данного персонажа и сформулировать черты его концептуального образа.

1. Внутренняя форма слов отражает механизм появления нового члена семьи. Если невеста «рождается» в новой для нее семье (она какое-то время была символически мертвой во время свадебного ритуала — и потому не перемещается, а появляется / рождается), то возникновение мужа в доме жены понимается как перемещение, где муж предстает то как объект перемещения (пациент), то как субъект (агент). *Зять-пациент*: его принимают / приводят / «налепляют» в семью / к семье (орл. *принятый зять, приёмух, приёмный*, олон., арх., влг., новг., пск., моск., вят., орл. *приёмши, пск. примень*, арх., влг., костр., с.-прикам., новг., пск., моск., вят., брян., кур., орл., краснодар. *примак*, смол. *приводец* [Гура, 2012, 29], арх. *принятой, налёвши* [Качинская, 2015, 102]); *зять-агент*: он сам вторгается (приходит / «приваливается» / влезает) в чужой дом / семью (перм. *пришлак*, нижегор., влг. *привал*, пск., твер., смол. *привалень*, яросл., твер., пенз., урал. *влазень*, смол. *волазень* [Гура, 2012, 29]).

2. Внутренняя форма слов отражает положение и статус этого члена семьи — его кормят, он живет за счет принявшей его семьи (арх. *кормыши, хлеборад, доживало, доможир* [Качинская, 2015, 102], с.-двин. *животан*, влг. *животник / подживотник* [Гура, 2012, 29]).

3. Внутренняя форма слов акцентирует локус появления нового, чужого человека, этот локус — обжитое место (дом, двор) / сложившаяся семья (с.-прикам. *домовой, домник*, олон., влг., новг., вят., яросл. *домовик*, яросл. *домач* [Гура, 2012, 29], арх. *домовщик* [Качинская, 2015, 102]; влг., арх. *дворянин*, арх., перм. *дворник / дворовик / дворовый*, влг. *дворяк*, орл. *надворник / водворенец, дворяга, водворяга* [Гура, 2012, 29]).

4. Внутренняя форма слов с переносным значением метафорически отражает символическую (эротическую) функцию нового члена семьи и выражает эмоционально-экспрессивное (пренебрежительное) отношение к нему (арх. *петух, курья голова, куричья головка*:

«Петух говорят, когда в дом пришел»; «Приёмыш, когда приняли, а когда ругают, говорят — *куричья головка!*» [Качинская, 2015, 103]).

Образ, запечатленный во внутренней форме слов-терминов, позволяет предварительно интерпретировать народное понимание такого участника свадебного обряда и отношение к нему. Муж, пришедший на житье в дом жены, — это персонаж, перемещенный / переместившийся из «чужого» в «свой» локус для того, чтобы кормиться и жить за счет принявшей его семьи, он характеризуется сексуальной активностью, жадностью, иждивенчеством, а также пренебрежительным отношением со стороны деревенского общества³. Однако такое свойство слов — очевидность внутренней формы — может сослужить плохую службу исследователю (подобную той, какую служат так называемые ложные друзья переводчика): скрыть глубинную символику культурного явления, оставив на поверхности очевидные, но не самые важные его признаки. Иногда взгляд «со стороны» позволяет уточнить исконную семантику слов, выступающих знаками культуры. Таким взглядом «со стороны» могут стать данные другого языка, особенно если это язык, находящийся в длительном и тесном контакте с русским языком, как, например, коми язык.

В лоемском русском говоре⁴ и некоторых граничащих с ним говорах коми языка (территория Республики Коми) — порубском и занульском — мужа, пришедшего жить в семью жены, называют *чомур / чомёр*: «Дочь женилась, чóмура в дом взяла. У нас Петю сватали, брата, в чомурá, а он на полатах лёжал, слез через трубку-ту, вишь, маме-то и говорит: “Скажите — я не пойду”» [КСГЛ; СДКЯ, 722]. Соответственно, вступить в матрилокальный брак — коми *чомурõ мунны* (рус. *уйти в чомуры* ‘уйти в дом жены, вступить в хо-

³ Внутренняя форма слов в других славянских языках отражает сходную мотивацию именований мужа, пришедшего жить в дом жены [см.: Гура, 2012, 29–30].

⁴ Русский говор села Лойма представляет собой один из диалектных вариантов севернорусского наречия. Некоторые языковые особенности позволяют отнести его к вологодско-вятской группе говоров, сложившейся еще в древности, по крайней мере, до XV в. Тем не менее диалект Лоймы является говором территории относительно позднего заселения и потому может быть квалифицирован как говор вторичного образования [Бунчук, 2014, 15].

зайство тестя' [СДКЯ, 722]); рус. *отдать в чомура / уйти в чомура*: «Ушёл в чомура, дак робить надо, некогда протягаться-то. У тяти-то было пять братав, дак оне вот настроили эттоко в деревне-то три дома, а пятого-то отдали в Спаспуруб в чомура» [КСГЛ].

Безусловно, русский говор заимствовал обрядовый термин из коми: фонетическая форма *чомур* является русской огласовкой коми *чомӧр* в результате фонетической адаптации отсутствующего в русском языке звука средне-нижнего подъема среднего ряда [ö]. Интерес заключается в том, что заимствование произошло в парадоксальной лексической сфере — сфере обрядовой коммуникации. Выше были приведены русские наименования мужа, пришедшего в семью жены, и все они, как можно заметить, русские по происхождению, с прозрачной внутренней формой. И это как раз естественно, если не сказать «ортодоксально», для обрядового дискурса, так как обряд призван не только регламентировать действия и отношения в человеческом социуме, в том числе и на вербальном уровне, но и способствовать сохранению концептуального знания: без семантической ясности слова это затруднительно. Однако в говоре Лоймы (в котором, надо отметить, фиксируется минимальный процент заимствований из коми) обнаружилось заимствование в наиболее закрытой для проникновений из чужого языка сфере.

Для того чтобы объяснить появление данного обрядового термина в русском говоре и в русской народной культуре и далее сделать вывод о протосемантике русских обрядовых терминов, надо определить семантический объем слова *чомӧр / чомур* в коми языке и выявить его культурогенные свойства.

В разных диалектах коми слово *чомӧр / чомор / чомур* употребляется в следующих значениях: 1) почти повсеместно в коми говорах (скр., н.-выч., ср.-сыс., вым., печ.) 'обрядовое кушанье, приготовляемое из ячменной муки на масле (приурочено к окончанию какой-либо большой работы — жатвы, сенокоса)'; 2) в.-сыс. 'жареная утка, которую жених дарит родителям невесты'; 3) луз.-лет. (поруб.) 'муж, вошедший в дом жены'; 4) ср.-сыс. 'то же, что *чӧрт* (рус. *черт, бес*)'; 4) луз.-лет. 'супец' [СДКЯ, 722].

Системный этнолингвистический анализ семантических вариантов слова *чомёр / чомур*, а также его производных и устойчивых выражений с данным словом позволил выявить «текст» народной культуры, стоящий за словом.

Обращает на себя внимание тот факт, что в междиалектном семантическом объеме коми слова *чомёр / чомур* нашли отражение и конец важного для человеческого благополучия дела (жатвы, сенокоса), и, условно говоря, конец человеческого рода / семьи, в которой либо не оказалось продолжателя — сына, либо сам жених был последним в роду (сирота)⁵.

Известно, что в традиционной культуре, во вторичных моделирующих системах нехудожественного типа (миф, религия и т. п.), конец любого дела (работы, года и др.) имеет выраженную отмеченность и неотделим от начала [Лотман, 2000, 427]. Закончив летние работы, человек традиционной культуры заботился об обеспечении будущего урожая: для этого надо было актуализировать идею начала, которая концептуально связывается в народной культуре с зерном / семенем / зародышем. Актуализация этой идеи выражалась в том, что по окончании сезонных сельскохозяйственных работ необходимо было приготовить ритуальное блюдо из зерна (скорее всего, в древности это было блюдо из целого, а не толченого зерна), т. е. семени, которое взрастет и даст плоды на следующий год, обеспечивая тем самым непрерывность человеческой жизни. Семантика конца, завершения в слове *чомёр* отчетливо просматривается в коми выражении (печ., скр.) *чомёр песны / шеддны* ‘закончить, завершить (жатву, сенокос)’ [СДКЯ, 722].

В ситуации конца человеческого рода (именно так могло мыслиться отсутствие сына, продолжателя рода) также надо было актуализировать идею начала: взять «со стороны» (символически — из потусторонней области мира) носителя зерна / семени, которое должно обеспечить непрерывность семьи, дома в широком

---

⁵ В традиционной культуре матриликальные браки, как правило, заключались в том случае, если в доме невесты не было сыновей, невестой была вдова или жених был сиротой: «Зять, принятый в дом жены, как бы замещал сына в функции продолжателя рода тестя, иногда с правом наследования его имущества» [Гура, 2012, 29].

культурном понимании этого слова⁶. Об этом, как кажется, может свидетельствовать верхневычегодское выражение *чомөр туйис чужи* букв. <родился туес для хранения продуктов (обрядового кушанья из ячменя. — Т. Б.)> (говорят по поводу рождения девочки) [СДКЯ, 721]. Это выражение можно интерпретировать следующим образом: если рождалась дочь, а не сын (носитель «своего» зерна / семени и продолжатель рода), то создавалась ситуация, которая потенциально провоцировала необходимость в будущем появления в семье *чомёра / чомура* (стороннего носителя зерна / семени).

Зерно новой жизни в традиционных представлениях мыслилось как дар потусторонних, сверхъестественных сил, локализация которых в сакральном пространстве очевидна — за пределами дома, в поле или в лесу. По одной из этимологических версий, слово *чомөр* восходит к общепермскому *č'omer — от *č'om 'шалаш, клеть, лесная избушка' [КЭСКЯ, 309]. Таким образом, *чомөр* — предположительно, 'некто, кто живет в лесной избушке, чуме', другими словами — леший⁷. В среднесысольских говорах коми-зырянского языка актуализировано это значение слова *чомөр* — 'мифологический персонаж, черт' [СДКЯ, 722]. В этом же значении слово употребляется в коми-пермяцком языке⁸; а также в русских архангельских и пермских говорах. В. И. Даль приводит это слово как

⁶ Здесь уместно провести параллель с севернорусскими говорами, в которых процесс зачатия ребенка обозначается словом *посеять*, т. е. поместить зерно / семя в подготовленную почву / в утробу матери [СРНГ, 30, 154].

⁷ В словаре М. Фасмера *чомор* приводится именно в этом значении — 'леший' [Фасмер, 4, 372]. Авторы этимологического словаря коми высказывают предположение о более высокой значимости этого персонажа, чомора: «исходным значением слова было, вероятно, 'дух (бог) хозяйства; бог урожая, земледелия, семейного благополучия'» [КЭСКЯ, 309]. Несмотря на то, что этимология слова *чомор* из коми квалифицируется М. Фасмером как сомнительная, а О. Н. Трубочевым приводится этимологическая версия Абаева о тюркском происхождении слова (от *с'atur* 'грязный') [Фасмер, 4, 372], полагаю, что для интерпретации слова, служащего именованию мифологического персонажа, обе версии являются подтверждением того, что, по мысли номинатора, этот персонаж имеет сверхъестественное («нечистое») происхождение.

⁸ Благодарю за сообщение об этом Р. П. Попову, заведующую кафедрой финно-угорской филологии и национального образования Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорочкина.

пермское: перм.-черд. *чёмор* ‘черт, дьявол, нечистый’ [Даль, 4, 589]. В пермских русских говорах широко представлена инвективная по преимуществу фразеология, где слово *чёмор* очевидно выступает как вариант лексического компонента *чёрт / леший* в устойчивых выражениях: *к чёмору, подь ты к чёмору, чёмор (кого) знает, какого чёмора, чёмор понеси* и т. д. [СПГ, 2, 525]⁹. О том, что семантика коми-зырянского слова *чомёр* также могла отражать представления о потустороннем мире, о существовании иного, темного мира, могут косвенно свидетельствовать производные *чомравні, чомрасьны* в.-выч. ‘жмурить, щурить глаза’; ижем. ‘закрываться, смыкаться (о глазах)’ [СДКЯ, 722]; при этом закрыть глаза значит погрузиться во мрак, темноту, символически переместиться на другую сторону света, туда, где и обитает *чомёр*¹⁰.

Однако мифологический персонаж *чомёр* в традиционной культуре коми-зырян в меньшей степени ассоциируется с дьяволом — персонажем, имеющим однозначную негативную характеристику. *Чомёр*, судя по всему, существо амбивалентное, он мыслится и как податель благ (богатства) — урожая и детей, обеспечивающих жизнедеятельность человека и непрерывность его бытия. Отсюда формируется семантика обилия и смежное с ней значение жадности, скупости, отражающее стремление к чрезмерности. Такое значение у слова *чомёр* обнаруживается в лузско-летских говорах — ‘скупец’, см. также луз.-лет. *чомор кодь* ‘скупой, прижимистый’, *чоморитчины* ‘жатья, скупиться’ [СДКЯ, 722]¹¹. Семантика множества, обилия

---

⁹ Здесь надо заметить, что в «Большом словаре русских поговорок» *чомор* объединяется с древнерусским словом *чemer* ‘брюшная болезнь животных, человека; нарыв, фурункул’ [БСРП, 732]. Обсуждение этимологической близости данных слов не входит в задачи данной работы, однако обращают на себя внимание некоторые семантико-символические схождения — семантика слов и устойчивых выражений с ними обнаруживает семы «опасность», «смерть», «измененное состояние», «связь с магией» [см.: Даль, 4, 589].

¹⁰ В близком значении употребил это слово и Е. Замятин в рассказе «Африка», где автором-рассказчиком является помор: «Со всего бега стал Федор Волков, как чомором *помраченный* (выделено мной. — Т. Б.)»; «“Ох, попаду, ох...” — так сердце зашлось, такой чомор нашел, такая темень» [Замятин, 1, 100, 106].

¹¹ Порубский говор, в котором отмечено употребление слова *чомёр* в значении ‘муж, пришедший в дом жены’ входит в лузско-летскую группу говоров коми языка.

представлена и в пермских русских говорах в выражении *до чёмору* ‘очень много’: «Гороху в колхозе до чёмору лони было, шибко уж много»; «Чернички до чёмору было, вёдрами брали» [СПГ, 2, 525]. Возможно, и в коми-зырянском (верхнесысольском) наименовании блюда из утки, которую жених дарит родителям невесты, — *чомор* — косвенно отразились представления о женихе как о символическом подателе благ, компенсирующем потерю в семье невесты и символически восстанавливающим «родовую цепь» по женской линии.

Таким образом, в коми-зырянском слове *чомөр* / *чомур* нашла отражение идея конца — начала: она актуализируется в ситуации завершения чего-либо посредством ритуального обращения к потусторонним силам (*чомөрү*) для обеспечения будущего благополучия человека. Вещественным воплощением этой идеи являются зерно / семя (блюдо из семени с метонимическим названием *чомөр*), а также муж, пришедший в дом жены, который тоже может получить метонимическое имя *чомөр* и мыслится как носитель семени. Из этого семени, набухнув, увеличившись в объемах, вырастет будущее — и тем самым будет обеспечена непрерывность человеческой жизни.

Думается, что слово *чомөр* связано с выражением идеи «беременной смерти» [Бахтин, 1965] — одной из основополагающих мировых идей архаического традиционного сознания, которая транслируется знаками разных кодовых систем. Эта идея опирается на представление о цикличности времени, подразумевающее неразрывность конца и начала: конец видится как начало нового, а значит, в смерти уже заложено зерно будущей жизни человека и природы, которое должно обеспечить благополучие человеческой общины. Следовательно, ситуация конца любого события / явления, по народным представлениям, требует актуализации этой идеи — идеи «беременной смерти», символизирующей непрерывность бытия всеми средствами, в том числе и вербально.

Эта идея обнаруживается в культурах разных народов, в частности славянской. В русской культуре она выражена, к примеру, в *киле*, *колодке*, *спорынье* и *саламате* — символах, связанных с календарной и свадебной обрядностью и имеющих сходный

семантический объем, который включает семы «конец чего-либо (сельскохозяйственных работ, линии рода)», «обилие, плодородие», «связь с потусторонним, а значит, опасность» (отсюда и отрицательная коннотация лексем *кила*, *колода*, *спорынья* и *саламат* в русском языке¹²) [Бунчук, 2015].

В таком случае становится очевидным, что заимствование слова *чомур* было подготовлено системой уже имевшихся в русской культуре архаических представлений. Возможно, на момент заимствования слово *чомёр* (рус. *чомур* / *чёмор*) оказалось словом со сгущенной, актуализированной ритуальной семантикой, потому и показалось носителям русских говоров более привлекательным. Оно было заимствовано пермскими, некоторыми архангельскими говорами и говором села Лойма. При заимствовании слово подверглось специализации: в пермских и архангельских говорах оно употребляется в значении ‘черт, леший; морок, темнота’, а в лоемском — ‘муж, пришедший в семью жены’ [КСГЛ].

Вероятно, коми *чомур* вытеснил какое-то русское именование (и, соответственно, русский символ), наложившись на него. Об этом говорит, к примеру, тот факт, что образ чомура в русской лоемской народной культуре связывается с петухом (ср. арх. *петух*, *куричья головка* как обозначение мужа, пришедшего в семью жены, а также лексемы *курица* и *петух* — славянские обозначения женского и мужского половых органов [Гура, 2012, 314–315]). Прочитав текст, записанный в Лойме, в нем *чомур* и *петух* оказываются сопряженными: «Робята, в чомура не ходитё! Петух как утром запоёт: “На чужой пече! На чужой пече!” Всё мне приговариват: “На чужой пече!” Правда, я на чужой пече: в чомура пришёл дак, петух наговариват» [КСГЛ].

Сопоставительный коми-русский анализ именовании мужа, пришедшего в семью жены, позволяет пролить свет на символическую

---

¹² *Соломат* / *саламат* / *саламата* — широко известное в русских говорах слово, оно обнаруживает сходные со словом *чомёр* смыслы: служит именованием обрядового кушанья, которое готовилось, как правило, по окончании жатвы, тем же словом назывался и сам праздник окончания полевых работ. Используется слово и в инвективной функции, ср. дон. «Э-э, саламаты такие, еты люди» (бранное выражение) [СРНГ, 36, 58].

семантику русского обрядового термина и уточнить значение его диалектных вариантов в ритуальном дискурсе. В частности, семантика слов *привал*, *привалень*, *навал* в контексте идеи «беременной смерти» обнаруживает сему «обилие, множество, увеличение», ср. (*добро, удача*) *привалила* 'прийти, собраться во множестве' [БТСРЯ, 970], арх. *навалить* 'приготовить, наготовить в большом количестве' [СРНГ, 19, 146], *навалиться* 'упасть, нападать в большом количестве; с жадностью начать есть, пить', *навалом* 'о наличии чего-либо в большом количестве, с избытком' [БТСРЯ, 571], влг. (о невесте) *наваливаться, идти с навалом* 'свататься за примака' [Гура, 2012, 108]. В лексемах типа *доживало*, *животан*, *доможир* актуализируется сема «тот, кто должен продолжить / дожить жизнь рода (живот = жизнь), привнеся в семью / дом жизненную силу (жир)». В этом случае показательными являются образы петуха и курицы как мощные символы плодородия, сакральной эротической силы, необходимой для продления рода / семьи [см.: Бушкевич, 2004, 60–68].

Надо полагать, что поздняя коннотативная семантика пренебрежения, насмешки (ср.: «Мама говорит: чомур-от небаско, а он — баско шёлково платьё!» [КСГЛ]; «А приняты, говорят, люди прокляты, а курица не птица, принятой не целовек» [Качинская, 2015, 102]) есть продолжение коннотативной семантики страха перед сверхъестественными силами, к которым обращались за помощью в продлении / сохранении рода. Вследствие этого, кажется, именование *домовой* для мужа, пришедшего в семью жены, вряд ли случайное совпадение с именем домашнего пената, духа предков. Скорее всего, он и мыслился как заместитель предка в обстоятельствах угрозы конца семьи / дома.

Таким образом, системный этнолингвистический анализ тематической группы слов, обозначающих мужа, пришедшего в семью / дом жены, в русском языке, и сопоставление с данными другого (соседнего) языка и культуры позволяют составить представление о реликтовых формах сознания, связанных с важной жизненной ситуацией завершения, конца. Муж, принятый / пришедший в семью жены, символически мыслился как мифологический персонаж, появившийся из «иноного» мира, носитель семени, необходимого для

продления и процветания рода¹³. Традиционная культура, в отличие от культуры христианской, принципиально нацелена на непрерывность бытия — и потому в ситуации потенциального «разрыва» линии рода она требовала обязательного замещения, ресурсом для которого естественно становилась другая («чужая») сторона действительности, являющаяся, по мысли носителя традиционной культуры, источником плодородия и богатства.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

БСРП — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М., 2007.

БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000.

Бунчук Т. Н. Языковой портрет говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Научный диалог. 2014. № 4 (28) : Филология. С. 6–29.

Бунчук Т. Н. Кила, колодка и спорынья: этнолингвистическая герменевтика «текста» народной культуры // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2015. С. 42–45.

Бушкевич С. П. Курица // Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 60–68.

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1994.

Замятин Е. И. Собрание сочинений : в 5 т. М., 2003–2011.

Качинская И. Б. Зять — ни дать, ни взять (термины свойства в архангельских говорах) // Актуальные проблемы русской диалектологии: к 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе (тез. докл. V Междунар. науч. конф., 30 октября — 1 ноября 2015 г.) / отв. ред. О. Е. Кармакова. М., 2015. С. 102–104.

---

¹³ Можно предполагать, что сходными семиотическими признаками обладали и принятые дети. Это выражается в том, что муж, пришедший в дом жены, и приемный ребенок в русских говорах могут иметь общее наименование, а обозначения этих социальных ролей могут обладать общим мотивационным признаком (ср., например, *приёмши, взятши*).

- Колесов В. В.* Семантический синкретизм как категория языка // Вестн. Ленингр. ун-та. 1991. Сер. 2. Вып. 2 (№ 9). С. 40–49.
- КСГЛ — Картотека Словаря говора села Лойма (Научно-образовательный центр СГУ им. Питирима Сорокина «Духовная культура Европейского севера России», Сыктывкар).
- КЭСКЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- Лотман Ю. М.* О моделирующем значении понятий «конца» и «начала» в художественных текстах // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 427–430.
- СДКЯ — Коми сёрнисикаскывчукёр = Словарь диалектов коми языка : в 2 т. / под ред. Л. М. Безносиковой. Сыктывкар, 2012–2014.
- СПГ — Словарь пермских говоров : в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 1999–2002.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Соколовой, С. А. Мызникова. М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. СПб., 1996.

* * *

Бунчук Татьяна Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент, заведующая кафедрой
русской и общей филологии
Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима
Сорокина
167001, Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55
E-mail: tnbunchuk@mail.ru

Bunchuk, Tatiana Nikolayevna
PhD, Associate Professor, Head
of the Department of Russian
and General Philology
Syktyvkar State University
named after Pitirim Sorokin
55, Okyabrsky av.,
167001, Syktyvkar, Russia
E-mail: tnbunchuk@mail.ru

The Proto-Meaning of a Ritual Term in the “Text” of Folk Culture: Names for a Husband Who Moves to His Wife’s House

The article studies one of the terms of the traditional wedding rite — names for a man who, after the wedding, moves to his wife’s house. In the Russian language there are many names for such men, including

borrowed ones. The comprehensive ethnolinguistic analysis of these names allows to reconstruct their primordial meaning (proto-meaning) which reflects the symbolic role of such a person in traditional culture: the man who moves to his wife's house after the wedding was meant to continue the bride's declining bloodline, being perceived as a bearer of the "seed" which was meant to support the threatened continuity of the family. The study of one of the borrowings belonging to this lexical group (Komi *tchomor / tchomur*) allows the author to confirm this assumption.

К е у о р д с: folk culture, ethnolinguistics, text of culture, wedding, ritual term, primordial meaning, symbol.

Н. И. Коновалова

Екатеринбург

Рациональное и эмоциональное в семантике демонологемы

В статье представлено описание фрагмента русской языковой картины мира — семантического поля «Нечистая сила». Автором характеризуются общие принципы и частные приемы структурирования данного поля. Анализ словарных дефиниций и зафиксированных контекстов, в которых употребляются номинации нечистой силы в разговорной речи, позволил эксплицировать семантические компоненты демонологем, наиболее значимые для их функционирования в системе языка (говора). Определены лексико-семантические группы, входящие в состав описываемого семантического поля; выявлен набор признаков стереотипной демонологемы, представленной в сознании современных носителей языка. Отмечается, что психологическая реальность значения демонологем, отраженная в сознании современных носителей говоров, демонстрирует тенденции как к сохранению и регулярному воспроизведению стереотипных представлений о нечистой силе, так и к профанированию стереотипа на основе рациональной и/или

эмоциональной оценки ирреального персонажа. Завершает статью выявление языковых и этнокультурных факторов, определяющих широкую вариативность номинаций нечистой силы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантическая структура, номинация, рациональная и эмоциональная оценка, традиционная народная культура.

Исследование семантических полей лексики, воплощающей пралогические представления человека об окружающем мире, позволяет выявить особенности отражения сакральных характеристик в русском языковом сознании и реконструировать фрагменты наивной (языческой, дохристианской) картины мира. Понятно, что противопоставленность сакрального профанному в сознании диалектоносителей не столь контрастна по сравнению с сознанием носителей, например, современной городской культуры. Для жителей деревни сфера сакрального — живая реальность, в которой как бытовая, так и ритуально-магическая практики являются одинаково востребованными. Одним из наиболее показательных для целей такого исследования лексических классов слов является семантическое поле народной демонологии.

В самом общем виде строение семантического поля «Нечистая сила» подчинено архетипической схеме, которая, накладываясь на представления о необъяснимых явлениях, моделирует их, и таинственные силы становятся не только доступными человеческому уму, но и поддающимися контролю. Знак в данном случае выступает как стимул к созданию значимой реальности [Евзлин, 1993, 11–15], отражающей конкретный чувственный опыт.

Ведущим принципом структурирования семантического поля «Нечистая сила» является партиципация (термин Л. Леви-Брюля) таинственных сил и их имен, фиксирующая сопричастность человека и придуманных им мифических персонажей, наделенных более или менее отчетливыми признаками, которые основаны на их рациональной или эмоциональной оценке. Этот факт объясняется спецификой представлений о сверхъестественной силе. Ср.: «В большей части

мистические силы, проявляющиеся в природе, одновременно диффузные, расплывчаты и концентрированы, индивидуализированны» [Леви-Брюль, 1994, 308].

Можно выделить, кроме того, несколько частных приемов, с помощью которых моделируется данный фрагмент языковой картины сакрального:

а) антропоморфическая аналогия, отражающая существовавшие на определенном этапе развития общества анимистические представления человека: считалось, например, что в каждом доме столько же «нежитей», сколько членов семьи (*домови́нка* ‘дочь доброго или злого духа, живущая в доме’, *доманя* ‘жена домового’); каждый дух имеет свой человекоподобный облик (ср., в частности, эволюцию образа *Чура*);

б) создание обобщенного образа, образа-понятия, имеющего минимум видовых и максимум родовых характеристик. Чаще всего такие номинации-гиперонимы основывались на эмоциональной (отрицательной или положительной) оценке (*нечисть*, *нежить*, *недобрики*, *нечистая сила*, *нечистый дух*, *ми́лак* и т. п.);

в) детализация символа — как правило, на основе дробления мифологических сюжетов (ср., например, названия пенатов, охраняющих домашний очаг, — *домовой*, *подполеник*, *запечник*, *подпорожник* и т. д., а также номинации нечистой силы, обживающей смежное с домом пространство, — *дворовый*, *овинник*, *баенник*, *банная бабушка*, *гуменник*, *полевик*, *лесной царь* и подчиненные ему *лесовики*, *боровики*, *моховики* и пр.).

В последнем случае превалирует рациональная, прагматическая оценка моделируемого народным сознанием образа, который, как известно, «должен быть привязан к жизни народа, поэтому всякое изменение быта и культуры влечет за собой и модификацию образа» [Рут, 2010, 203]. Особенно ярко эти модификации мы обнаружим в современном бытовании демонологем в системе народных говоров.

В семантической структуре номинаций нечистой силы фиксируются социокультурные стереотипные представления об окружающем мире, типовые поведенческие реакции, верования и т. п., что

составляет социосемантику демонологемы¹. Материал для анализа — народная демонологическая лексика — извлечен из словаря В. И. Даля и современных словарей диалектной лексики и фразеологии (см. список источников). Стереотипы сознания, в том числе нашедшие языковое выражение, не только устойчивы, но и динамичны, ср. замечание о том, что «семантика слова в разные исторические эпохи, у разных народов определяется тем, насколько глубоко и подробно освоено в опыте, практической деятельности языкового коллектива обозначенное этим словом понятие» [Лапшина, 1996, 34]. С учетом этого для выявления динамики народных представлений о нечистой силе словарные материалы дополняются текстами, извлеченными из картотеки диалектологических экспедиций кафедры общего языкознания и русского языка Уральского педагогического университета. Контексты, приводимые в качестве иллюстративного материала, дают возможность эксплицировать семантические компоненты демонологем, наиболее значимые для их функционирования в системе языка (говора). Кроме того, как известно, «реальность выделенных семантических полей в языковом сознании носителей говора или языка должна подтверждаться возможностью реализации их компонентов в зафиксированных фрагментах речи» [Раков, 1991, 24], поэтому текстовые фрагменты, включающие демонологемы, демонстрируют факты метаязыковой рефлексии современных диалектоносителей над внутренней формой соответствующих номинаций и их семантикой.

В качестве рабочего в данной статье используется определение семантического поля как «совокупности лексических единиц, выделенных из исходного алфавитного словника на основе наличия в их значении такого семантического компонента, который признается

---

¹ Термин *стереотип*, по определению С. М. Толстой, «относится исключительно к содержательной стороне языка и культуры, т. е. понимается прежде всего как ментальный стереотип, и коррелирует с так называемой наивной картиной мира. Такой стереотип называют также языковым, имея в виду форму его проявления, сферу его репрезентации — в лексическом значении слова, в его коннотации, в семантической деривации, в синтаксисе, в сочетаемости, в идиоматике, в языковых тропах, в некоторых видах текстов, в частности, фольклорных» [Толстая, 1995, 125].

необходимым для представления некоторого фрагмента семантического пространства говора или языка» [Раков, 1991, 24].

Анализируемое семантическое поле включает несколько лексико-семантических групп.

1. Собственно номинации нечистой силы, включающие как родовые, так и видовые обозначения: *амбарный* ‘дух-смотритель, содержатель амбара’ [Даль, 1, 36]; *баенник* / *баяльник* / *банник* ‘особая порода домовых, злой дух, поселяющийся в бане; пар выживает его временно, а в нетопленной бане он живет всегда, он не любит родильниц, которых, однако, по тесноте в избе всегда выводят в баню; но их там нельзя покидать одних’ [Там же, 114]; *лукавый* ‘бес, дьявол, сатана, нечистый, злой дух’ [Даль, 2, 706]; *миряк* ‘злой дух, нечистый’ [Там же, 833]; *невидимка* ‘по суеверным представлениям — дух или предмет наличный, но невидимый, незримый; что присуще налицо, но не может быть усмотрено’ [Там же, 1314] и др.

2. Названия лиц, осуществляющих особый вид коммуникации с нечистой силой: *ведьма* ‘колдунья, чародейка, спознавшаяся, по суеверью народа, с нечистою силою, злодейка, у которой бывает хвостик’ [Даль, 1, 427]; *ведьмак* ‘вор, колдун’ [Там же]; *колдун*, *колдунья* ‘кто колдует, чародей, волхв, волшебник, знахарь; ворожея, гадатель’ [Даль, 2, 342] и др.

3. Названия лиц, пострадавших от нечистой силы или одержимых ею: *бедовик* ‘человек, попавший во власть беды, олицетворенной нечисти’ [Даль, 1, 327]; *кликуша* ‘одержимый родом падучей, которой особенно подвержены бабы: при корчах теряет сознание, и больная кричит неистово звериными голосами, изрыгая брань’ [Там же, 2, 296]; *проклятый* ‘кто проклят, кого прокляли и кто сам стал олицетворенным злом’ [Там же, 3, 1281] и др.

4. Названия предметов, служащих для защиты от нечистой силы: *агат-камень* ‘оберег, камень разных цветов и оттенков, природный сплав кварца и яшмы, сердолика, халцедона’ [Даль, 1, 11]; *зачур* ‘заговор, нашепт, записанный на бумаге и зашиваемый в ладанку’ [Там же, 1658].

5. Названия растений, обладающих сверхъестественными целебными и магическими свойствами: *звербой* ‘заячья кровь,

святоянкское зелье, здоровая трава, которой существует множество применений в народной медицине' [Даль, 1, 1682]; *одолень-трава* 'сказочное противоядное растение, которое, по преданиям, способно одолеть нечистую силу' [СРНГ, 23, 58]; *лутюшка* 'липка, с которой снята кора, содрано лыко; она сохнет и вся чернеет, используется в обрядах гадания и избавления от сглаза' [Даль, 2, 711] и др.

6. Названия обрядов и ритуалов, связанных с нечистой силой: *русалии* 'неделя перед Троицей, когда устраивались весенние народные гулянья' [СРНГ, 35, 266]; *ведьмовский шабаш* 'суббота ведьм, бесовские сборища, ночные собрания ведьм, а также кощунственные, бесстыдные оргии' [Даль, 4, 1385].

7. Названия болезней, вызываемых нечистой силой: *лихач* 'разновидность лихорадки, насылаемой, по суеверным представлениям, колдуном по ветру' [Даль, 2, 663]; *мор* 'повальная болезнь скота от дурного слова, сглаза' [Там же, 902]; *лихоманка* 'лихорадка, трясучка' [Там же, 665]; *урок* 'изуроченье, порча, сглаз, насылка ворожбита' [Даль, 4, 1059] и др.

8. Названия временных промежутков, характеризующихся особой активностью нечистой силы: *благая минута*, *благой час* 'неблагоприятный, приносящий беду, несчастье (обычно в суеверных представлениях)' — «Вышел из дома в благой час», «Знать, в благой час пошли на охоту: неудача!», «Не дай бог благой час в лесу застанет, умрешь не перекрестимши» [СРНГ, 2, 307].

9. Названия сакрально не гарантированных локусов: *чертово городище*, *колдунова заимка*, *пекельно болото / пекельный омут* — топонимы, синонимичные названиям *адское болото*, *адский омут* — обозначениям непроходимых болот, где *только черт ногу не сломит*, где обитает *пекельник* — черт, помощник черта [КДЭ], ср. *пекло*, *адское пекло*.

Критерием отнесения отмеченных номинаций к данному семантическому полю является наличие в структуре их значений родовой семы «нечистая сила» / «нечистый дух» или видовой семы следующего порядка (уровня конкретизации), например: *леший* 'нечистый дух, обитающий в лесу'; *ведьмак* 'человек, состоящий в родстве или сговоре с нечистой силой'; *чертополох* 'трава, листья и цвет которой

прогоняют нечистых духов»; *свинобойная палка* ‘палка, которую клали в хлеву (под ясли), оберегая скот от кикиморы’; *каженник* ‘человек, которого «обошел» леший, из-за чего случается потеря памяти, помешательство’.

Ядром данного семантического поля является лексико-семантическая группа «Названия нечистой силы», так как общий компонент значения — идентификатор «нечистый дух» — выражает основной семантический признак поля и является обязательным для всех слов этой группы, формируя семантику слов, принадлежащих к остальным лексико-семантическим группам, которые составляют поле.

Анализ словарных дефиниций и иллюстративного материала, а также текстов малых фольклорных жанров и идиоматики дает основания предполагать, что стереотипная демонологема представлена в сознании носителей языка (говора) следующим набором признаков: а) родовое включение понятия (нечистый дух); б) место обитания; в) время появления (или максимальной активности); г) характер производимых действий; д) поведение по отношению к человеку; е) типовые особенности внешнего вида (ипостась, в которой выступает демонологический персонаж).

Приведем некоторые примеры семантизации названий нечистой силы через отмеченные идентификаторы и конкретизаторы: *домовой* ‘дух (а) дома (б), хранитель очага, незримый помощник хозяев (д), является в виде маленького косматого старичка с бородой, покрытого шерстью (е). Обычно доброжелателен к человеку (д). Домовой стучит и возится (г) по ночам (в), бренчит посудой, может совершать разные проказы, иногда душит сонного (д). Помогает трудолюбивым хозяевам, ленивым вредит (д). Может предсказывать различные события (г)’. Эти признаки находят языковое выражение в следующих идиомах или устойчивых сочетаниях, содержащих сравнение: *как (словно, точно) домовой не спать (бродить, ходить) по ночам* [Огольцев, 2001, 160]; *домовой не любит* ‘говорят о тех, кто не любит дома сидеть, все шатается хоть где, лишь бы не дома’ [КДЭ].

Ср. также: *леший* ‘нечистый дух (а), обитающий в лесу (б), мифический хозяин леса, имеет вид волосатого, лохматого старика с длинной седой бородой (е). Обычно враждебен по отношению

к человеку, в сумерках или в ненастье (в) старается сбить человека с дороги, заставляет его плутать в лесу (д). Леший умеет хохотать, аукаться, свистеть и плакать по-людски (г)'. Устойчивое сравнение *как леший* распространяется глаголами, характеризующими специфические действия и внешний вид мифологического персонажа, ср.: *как (словно, точно) леший кричать (ухать, урчать, хохотать)* 'дико, неистово'; *как леший бродить (шататься) по ночам; как леший оброс (обросший, заросший) волосами* 'страшный, неопрятный' [Огольцев, 2001, 319–320]. Фразеологические единицы с компонентом *леший* только в отдельных случаях сохраняют некоторую отнесенность к отмеченным выше признакам (например: *леший носит* (кого где) 'кто-либо некстати, не вовремя ходит, бродит где-либо', 'кто-либо пропадает, шляется, болтается где-то' [ФСРЛЯ, 1, 279]), в большинстве же случаев фразеологизмы фиксируют оценочный стереотип восприятия демонологемы *леший*. Ср.: *леший дернул* 'выражение крайнего неудовольствия, сожаления по поводу чего-либо сделанного'; *леший принес* 'выражение неудовольствия по поводу прихода нежеланного гостя'; *какого лешего* 'почему, зачем, чего еще' и другие идиомы-экспрессивы.

Наиболее ярко социосемантика демонологической лексики представлена в обозначениях ритуальных действий, детально регламентирующих взаимоотношения человека с нечистой силой. Такие регламентации выступают в данном случае как некая социальная память (память фольклорного социума) о национально-культурных, культовых и других представлениях русского народа. Например: «Когда хозяева переезжают на новое место, домовый идет с ними, поэтому принято держать в одной руке икону, а в другой ломоть хлеба с солью. При этом говорят: “Дедушко домовый! Прошу твою милость к нам на новожилье. Прими нашу хлеб-соль!”» [КДЭ]. Формульная составляющая варьирует, но суть ее, по данным разных говоров, неизменна и отражает тактику задабривания домового. По отношению к нечистой силе используются «мягкие» формы императива, когда предлагается акциональная альтернатива «делай то-то, а не то-то»: «Полуночица-щекотунья, вот тебе полоч, вот тебе каменка, вот тебе порог. Щекочи да улетай, моего раба Божия младенца не задевай»

[КДЭ]. Семантика действий в приведенных текстах может рассматриваться как одна из интерпретационных моделей, выражающих социокультурные стереотипы восприятия демонологем.

Группа номинаций нечистой силы обнаруживает широкую вариативность, безусловно, связанную с территориальной и временной изменчивостью представлений о демонологических персонажах. Однако не менее важную роль в развитии вариативности играют и возможность выразить одно и то же содержание разными языковыми средствами, и соотнесенность отдельных семантических компонентов демонологем с разными символами, и вписанность демонологем в разные ситуации, значимые для данного этнокультурного пространства [Коновалова, 2007, 32]. Продуктивной представляется в связи с этим идея М. Э. Рут, высказанная ею при описании народной астронимии: «Любой образ стирается и перестает возбуждать наше живое воображение при частом употреблении. Отсюда постоянный поиск новых вариантов “оживления” старого образа, а если этот прием оказывается исчерпанным — то и новых образов для того же объекта» [Рут, 2010, 203].

Приведем хотя бы наиболее распространенные, отмеченные в нескольких говорах, вариативные номинации лишь одного персонажа — домового (общее количество его обозначений только по данным севернорусских говоров насчитывает несколько сотен):

▪ *домові́к, домові́д, домові́тель, домові́тушко, домовёдушко, домову́шко, доможі́л, доможі́рко, домосёдушко* ‘по суеверным представлениям — добрый или злой дух, живущий в доме; домовый’ [СРНГ, 8, 119–121], *коню́шник* ‘домовой, живущий в конюшне’ [Там же, 14, 228], *амба́рный* ‘домовой, обитающий в амбаре’ [Там же, 1, 51], *подові́нник* ‘нечистый дух, бес, живущий (в ямах) под овином; домовый’ [СРНГ, 27, 109], *подпéчник* ‘домовой, обитающий под печью’ [Там же, 135];

▪ *полудённый домово́й* ‘домовой, действующий в дневное время (в полдень)’ [СРНГ, 29, 143], *полунóчник* ‘домовой, который в полночь обходит всю деревню и возится по задворкам’ [Там же, 156];

▪ *мохна́ч* ‘домовой, появляющийся в образе мохнатого старичка’ [СРНГ, 18, 310], *белу́н* ‘добрый домовый, с белой бородой, в белом

саване, с белым посохом, является с просьбой утереть ему нос и за это сыплет деньги носом» [СРНГ, 2, 228], *бестѣнный* 'домовой в виде старца с бородою, не имеющий тени' [Там же, 281], *постѣнь* 'домовой, который является в виде тени на стене' [СРНГ, 30, 225];

- *гнеткѣ, гнеткѣ* 'по суеверным представлениям — домовой, который по ночам гнетет, давит человека, вызывает кошмары' [СРНГ, 6, 241], *манілко* 'домовой, нечистый дух' [Там же, 17, 360], *нужанка* 'домовой, нечистая сила, дьявол' [Там же, 32, 111], *игрѣц* 'нечистый или злой дух, бес; домовой' [Там же, 12, 70];

- *оні* 'табуистическое наименование чертей, домовых, леших и т. п.' [СРНГ, 23, 215], *ненáш* 'черт, бес, нечистый' [Там же, 21, 96];

- *брáтанушко, дѣдушко-брáтанушко, дед, дѣдка, дѣдко-сосѣдко, дѣдушка, дѣдушка-сосѣдушка, дѣдушко-атаманушко, кормілец, кормільчик, хозяйин, хозяйнушко, большáк* 'домовой' [СРНГ, 7, 332; 14, 336; 40, 40–42], *сам — самá* 'домовой и его жена' [Там же, 36, 72] — эвфемизмы, «эксплуатирующие» тему родственных отношений: домовому приписываются свойства человека — хозяина владений, дома, главы семьи.

Домовой предстает в разных ипостасях, чаще всего — в антропоморфной, зооморфной или синкретичной. По словарным данным можно смоделировать базовые признаки домового (одна из моделей описания демонологических персонажей представлена в [Виноградова, 2000]). Ср.: «Домовой обычно невидим, но может показаться людям в облике живого или умершего хозяина дома, в виде черного человека или маленького старика с длинными, спутанными волосами и бородой, иногда без бровей. В различных сказаниях домовой представлен и маленьким, сплошь покрытым шерстью человеком, который некогда замерз» [РМС, 98]. Несмотря на человеческий облик, домовой, как правило, сохраняет «зверинные черты»: «покрыт шерстью, с маленькими, чуть заметными рожками, с подогнутым незаметно хвостом» [РС, 148]; «иногда без бровей» [РМС, 98]; «ходит в коротком смурном зипуне, а по праздникам в синем кафтане с алым поясом, летом тоже в одной рубахе» [Даль, 1, 16]; «ходит в свитке, подпоясанный, все тело его в белой шерсти» [РС, 148]; «по цвету шерсти может быть рыжим, черным или белым» [РДС, 131].

Домовой «способен принимать облик лохматого медведя, коровы, бычка, собаки, кошки и даже крысы, зайца, белки, змеи, лягушки» [РМС, 99]. Он проявляет либо черты характера, свойственные человеку, либо повадки, типичные для различных животных: «Домовой обычно добрый. Он предупреждает о пожаре. Но он может и разгневаться, если не согласен с порядком ведения хозяйства, недоволен ссорами в семье. Своими беспорядками и неумолчным шумом может выжить людей из дома» [Там же].

Редко отмечается неясный (диффузный) образ домового, который «может, подобно пенатам, показаться в виде тени на стене» [РМС, 99] или «маленьким лохматым белым существом, неопределенного вида» [Там же, 98]. Ср. также: «Домовой способен принимать облик лохматого медведя, коровы, быка, собаки, кошки, крысы, зайца, белки, змеи, лягушки» [Там же, 99]; «Домовой показывается в разных образах: монахом, предсказывающим спящим судьбу, свиньей, катающейся по двору на лошади, страшилищем, покрытым грубой шерстью, седым стариком с длинными волосами и бородой, маленьким дедушкой с белой бородой, высоким черноволосым мужчиной, похожим на хозяина дома» [РДС, 131]; «Он может привидеться охапкой сена, собакой, гадюкой, кошкой» [Там же]; «Домовой способен к оборотничеству. Он может принимать облик любого члена семьи, особенно отсутствующего» [СД, 2, 121].

Психологическая реальность значения демонологем, отраженная в сознании современных носителей языка (говоров), демонстрирует две основные тенденции: это, с одной стороны, стремление к сохранению и регулярному воспроизведению стереотипных представлений о нечистой силе, с другой — профанизация (прагматизация) стереотипа на основе рациональной и/или эмоциональной оценки.

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1994.

Евзлин М. Космогония и ритуал. М., 1993.

- КДЭ — картотека диалектологической экспедиции кафедры общего языкознания и русского языка УрГПУ (Екатеринбург).
- Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Екатеринбург, 2007.
- Лапина М. Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 1996.
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
- Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М., 2001.
- Раков Г. А. Об одной версии диалектного идеографического словаря и об определении семантического поля // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка / под ред. К. И. Демидовой. Свердловск, 1991. С. 27–36.
- РДС — Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб., 1995.
- РМС — Русский мифологический словарь / авт.-сост. В. В. Шуклин. Екатеринбург, 1995.
- РС — Власова М. Н. Русские суеверия : энциклопедический словарь. СПб., 2000.
- Рут М. Э. Очерки русской народной астронимии. Русская народная астронимия на общеславянском фоне // Рут М. Э. Словарь астронимов. Звездное небо по-русски. М., 2010. С. 200–214.
- СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- Толстая С. М. Стереотип в этнолингвистике // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии : тез. конф. / Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М., 1995. С. 124–127.
- ФСРЛЯ — Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII — XX в. : в 2 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1991.

* * *

Коновалова Надежда Ильинична

доктор филологических наук,
 профессор кафедры общего
 языкознания и русского языка
 Уральский государственный
 педагогический университет
 620017, Екатеринбург,
 пр. Космонавтов, 26
 E-mail: sakralist@mail.ru

Konvalova, Nadezhda Ilyinichna

DrHab, Professor,
 Department of General Linguistics
 and Russian Language
 Ural State Pedagogical University
 26, Kosmonavty av.,
 620017, Ekaterinburg, Russia
 E-mail: sakralist@mail.ru

Rational and Emotional in the Meaning of the Names of Evil Forces

The article describes a fragment of the Russian linguistic world-view represented by the semantic field of 'evil spirits'. The author characterizes the general principles and particular mechanisms structuring this field. An analysis of dictionary definitions and various contexts representing the colloquial use of the names of evil forces enables the author to reveal their most important semantic components. The author establishes lexical groups constituting the described semantic field and identifies a set of stereotypical traits inherent in the idea of evil spirits as reflected in the speakers' mind. It is noted that the psychological reality of the names' meanings for modern dialect speakers shows tendency to both reproduction of the regular stereotypical traits of evil spirits and their profanation based on the rational and/or emotional evaluation of a supernatural character. In the conclusion to this article, the author enumerates linguistic and ethno-cultural factors that determine the broad variability of the studied names.

Key words: semantic structure, name, rational and emotional assessment, traditional folk culture.

С. Небжеговска-Бартминьска

Люблин, Польша

Звезды говорят о человеке. Польские народные астрономические приметы и предсказания в этнолингвистическом аспекте

В статье исследуются польские народные астрономические приметы, отражающие наивные представления о звездах. Анализ предваряется рассмотрением номинаций звезд и созвездий, а также описанием семантического развития слова *gwiazda* 'звезда' и его производных в общенародном польском языке и говорах. Приметы, касающиеся звезд, подразделены на несколько типов. Звезды, их

расположение и периодичность появления на небе используются в народной культуре для исчисления времени (Орион, Венера) и ориентации в пространстве (Большая Медведица). Большое значение придается звездам в предсказаниях будущего: размер, интенсивность света, местоположение и другие признаки звезд, проявляющиеся в определенное время, позволяют предположить, будет ли счастливым брак, случится ли война или голод, какова будет погода и урожай в наступающем году и пр. Звезды, наконец, принимают участие в организации жизни человека: по ним устанавливается время любовных свиданий, совершаются обрядовые действия, праздничные и религиозные ритуалы. Звезды наделяются способностью постигать мир и вступать в диалог с человеком. В заключении реконструируется образ наблюдающего звезды субъекта, носителя польской традиционной культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: этнолингвистика, астрономия, польский язык, традиционная картина мира, приметы и предсказания.

«Народное знание чрезвычайно, удивительно обширно. <...> Характерными чертами той части народного знания, которая в сознании народа не проходит достоверной проверки фактами из сферы технической культуры, прежде всего являются: ее, выражаясь популярно, безграничная наивность, или легковерие (почти полное отсутствие критицизма), многочисленные противоречия (отсутствие последовательности) и фрагментарность. Что касается последней особенности, то порой фрагментарные свидетельства производят впечатление осколков разбитой целостности, и можно предположить, что в старину они составляли единую концепцию. Данная концепция иногда даже поддается реконструкции» [Mosz Kul, 2/1, 15]. В систему этого наивного знания, о котором писал Казимир Мошиньский, включающего ориентацию во времени и пространстве, счет и другие «точные» сферы народного мировидения, приближенные к научному знанию, входят также народные представления о звездах и созвездиях. Связанные с верованиями, а значит, с «понятиями, одушевляющими, или зоо- либо антропоморфизирующими, явления неживой природы» [ibid.], они занимали важное место в мировосприятии и повседневной жизни земледельца

и домохозяина, круг основных обязанностей которого составляли возделывание поля, разведение скота и простые хозяйственные действия. Ежедневный контакт с природой, зависимость от ее капризов вынуждали наблюдать за окружающим миром и постоянно делать выводы о нем, поскольку отказ от наблюдения значил бы невозможность обнаруживать постоянные и сезонные закономерности в природе, а следовательно, результативно выполнять полевые и хозяйственные работы. И напротив, осознание взаимосвязи между окружающим миром, совершаемыми действиями и погодными явлениями (для крестьянина они были вопросом жизни и смерти) давало возможность взаимодействовать с природой, использовать ее позитивные силы и противодействовать негативным эффектам.

Тесная связь человека с окружающим миром и осмысление мира как единого организма, а себя — как его части укрепляли в уверенности, что животные, растения, небесные светила, земля, вода, огонь, обладающие особым, высшим «знанием» и одновременно расположенные к людям, не могут посылать фальшивых и случайных знаков — знаки эти достаточно только рассмотреть, считать и нужным образом интерпретировать. С этой точки зрения знаки «доброжелательной помощи», лежащие в традиционных культурах в основе отношений «мир — человек» и «человек — мир», можно трактовать как разновидность специального языка, единицы которого — аналогично единицам естественного языка — человек способен усвоить и представить в виде особого «словаря». Частью такого словаря является язык звезд.

Звезды в народном видении мира занимали особое место: далекие, но появляющиеся на небе в одно и то же время суток и года, статичные или движущиеся в одном и том же направлении, они, с одной стороны, провоцировали на практические, рациональные умозаключения, а с другой — будоражили воображение человека, связывавшее их — на основании множественности, величины и яркости — с тем, что близко. Звезды ассоциировались с инструментами и предметами хозяйственного обихода (*Kosy, Wóz, Sito, Waga* <Косы, Телега, Сито, Весы>), с животными (*Baran, Kura z kurczętami; Na wielkiej łące owieczek tysiące, a pośród łąki rozstajne*

drogi, a pasterz лысы, czasem ma rogi (Gwiazdy i księżyc) <Баран, Курица с цыплятами; На большом лугу тысячи овец, а посреди луга развилка дорог, а пастух лысый, иногда с рогами (Звезды и месяц)> [Folf Zag, 678], с растениями (*Gwiazda Kłosu Pszenicznego; Między polnym grochem leży chleba bochen* <Звезда пшеничного колоса; Среди полевого гороха лежит каравай хлеба> [TN Jasnia, 1964]; *Pomiędzy grochem główka kapusty* <Среди гороха кочан капусты> [ZWAK, 1882, 14]) и людьми (*Baby, Kosiarze, Furman* <Бабы, Косари, Кучер>), а небо — с бескрайним лугом, полем и огромной деревней. Наиболее полно это отражено в легенде, записанной Оскаром Кольбергом в Краковском воеводстве:

Oprócz gwiazd pojedynczych po niebie rozsianych, są inne gwiazdy co zawdziużki jednako kupami ze sobą chodzą i także mają przykazanie swoje. Gwiazdy te zowią się różnie: kosy, baby itd. — «Так было: najprzód poszły baby z grabiami, <...> zaczęły pogwarke (rozmowę), jak zwyczajnie niewiasty — co uszły dalej, cejco gadać do siebie. Niedaleko szli kosiarze z kosami na ramiączku i nic nie mówiąc, wymiżeli baby, że ostały za niemi cedżkaj w tyle. Za kosiarzami jedzie furman wozem, ma 4 konie w lejcu, w przoprzek, zadek i dyszel u wozu, widać to dobrze jak on ciągle kołami w tył cofa, bo mu niesporo jechać. — Ten furman woził po niebie św. Jerzego — a teraz dostał nakaz, żeby zwieźć siano, które kosiarze skoszą, a baby grabiami zgrabiają, bo to sianko niebieskie, potrzebne będzie w Boże Narodzenie dla nowo urodzonego Pana Jezusa».

<Кроме отдельных звезд, рассыпанных по небу, есть другие звезды, которые всегда толпой ходят и тоже имеют свое назначение. Звезды эти зовутся по-разному: *косы, бабы* и т. д. «Так было: вперед пошли бабы с граблями; начали разговор, как обычно, невесты, что ушли дальше, говоря друг с другом. Невдалеке шли косари с косами на плечах и, ничего не говоря, обошли баб, так что те остались далеко позади. За косарями едет кучер на возу, у него 4 коня в узде, с передком, задком и дышлом, хорошо видно, как воз все время колесами назад откатывается, потому что ему трудно ехать. Этот кучер возил по небу св. Ежи, а теперь получил наказ отвезти сено, которое косари скосят, а бабы граблями сгребут, поскольку это сено небесное, понадобится в Рождество для новорожденного Господа Иисуса»> [К 7 Krak, 32].

Что характерно, современному обыденному сознанию свойственно противоположное восприятие, когда главными особенностями звезд считаются их исключительность, способность выделяться

на фоне других, и эти свойства переносятся на людей: *gwiazda* — это ‘выдающийся человек в определенной области, человек большого таланта, популярный, особенно актер или актриса’ (ср. *Gwiazdami wieczoru będą Jolanta Wagner i Rafał Bartmiński* <Звездами вечера будут Иоланта Вагнер и Рафал Бартминьский>), ср. также словосочетания типа: *gwiazda wieczoru, spektaklu, koncertu, gwiazda literatury, poezji, teatru* <звезда вечера, спектакля, концерта; звезда литературы, поэзии, театра>. О человеке незаурядном, широко известном говорится *gwiazda pierwszej wielkości* <звезда первой величины>; человек, начинающий блестящую карьеру, — это *wschodząca gwiazda* <восходящая звезда>; группа известных персон, участвующих вместе в одном спектакле, фильме, концерте, получает обозначение *plejada gwiazd* <плеяда звезд> [PSWP Zgół, 13, 216]. *Gwiazdka, gwiazdeczka* <звездочка> ассоциируется у среднестатистического носителя польского языка с молодой красивой девушкой или привлекательной, подающей большие надежды актрисой (ср. *angażować, zatrudniać, obsadzać gwiazdkę* <принимать на работу, назначать звездочку> ‘принимать на работу молодую перспективную девушку’) [Ibid., 217]. Знаменитый артист, особенно снимающийся в кино, кто-либо выдающийся в определенной сфере — это *gwiazdor* <знаменитость> (также в сочетаниях *gwiazdor filmowy, telewizyjny, teatralny* <кинозвезда, телезвезда, звезда театра>) [Ibid., 219], а совокупность манер, привычек, образ жизни, характерный для популярного артиста, — это *gwiazdorstwo* <звездная болезнь, «звездность»> (ср. *nieznośne, ostentacyjne gwiazdorstwo; okazywać, demonstrować gwiazdorstwo; obnosić się z gwiazdorstwem* <несносная, нарочитая «звездность»; демонстрировать «звездность»; щеголять «звездностью»>) [Ibid., 220].

Целью данной статьи, название которой перефразирует заглавие книги Марии Эдуардовны Рут «Звезды рассказывают о Земле» [Рут, 1990]¹, является попытка систематизации польского культурно-языкового материала, касающегося небольшого набора символов,

¹ На славянском материале рефлексия над народной астрономией представлена рядом исследований, среди которых выделяются монографии Марии Эдуардовны Рут: «Русская народная астрономия» [1987], «Звезды рассказывают о Земле» [1990] и «Словарь астрономов. Звездное небо по-русски» [2010].

которые составляют «язык» звезд — мелких, многочисленных источников света, видимых ночью на небе, которые складываются в группы, называемые созвездиями, и о которых говорится, что они светят, мигают, мерцают, загораются, гаснут и падают, украшают небо, как цветы землю, сопровождают человека от рождения до смерти, а своим обликом, расположением и поведением предсказывают судьбы людей. Их появление на небе связывается с хозяйственными и религиозными событиями [Niebrzegowska, 1990; SSSL, 1/1, 203–221; ср.: Bartmiński, 2006, 85].

Рассмотрим контексты:

Gwiazdy moje, gwiazdy, na niebie świecicie, jeżeli wy o mojem kochaniu nie wiecie? A widziałyśmy go w sadecku wiśniowym, cese se cubryne (czupryne) grzebykiem perłowym <Звезды мои, звезды, на небе светите, неужели вы о моем любимом не знаете? А видели мы его в садику вишневом, причешывает буйные волосы перламутровым гребешком> [K 18 Kiel, 108] (1);

Jak w wilję nie ma gwiazd, to będzie mleczny rok, krowy mleka dużo dadzą <Если в сочельник нет звезд, то будет молочный год, коровы молока много дадут> [Wisła, 1901, 183] (2).

В первом контексте звезды являются активными участниками разговора: к ним обращается девушка, они девушке отвечают; во втором контексте на основании внешнего вида звезд в определенное время делается вывод о событиях, которые произойдут в мире людей. Эти два способа «общения» со звездами соответствуют разным пониманием слов *mowa*, *mówić*, *mówienie* <язык, говорить, говорение>, выражающих — говоря наиболее обобщенно — значения коммуникации вербальной (‘достижение взаимопонимания с кем-либо с помощью языка, или, иначе, с помощью произнесенных слов, соединенных между собой по правилам грамматики в значащее, выражающее мысли единство’²) или невербальной (‘достижение взаимопонимания с использованием любых возможных средств’; ср. *mowa gestu*, *mowa ciała*, *mowa zwierząt* <язык жестов, язык тела, язык зверей>; ср. также *mówić* ‘быть проявлением чего-либо, что-либо выражать’: *Spojrzenie*

²Это значение у глагола *mówić* ‘говорить’ авторы [PSWP Zgół, 22, 74] выделяют как первое.

Ewy mówiło mi, że nie potrafi mi zaufać; Zachodzące krwistoczerwone słońce mówi, że jutro będzie upalny dzień <Взгляд Эвы говорил мне, что она не может мне довериться; Заходящее кроваво-красное солнце говорит, что завтра будет жаркий день> [PSWP Zgół, 22, 74]).

Более точно *mówić* дефинируется в «Синтаксическо-генеративном словаре польских глаголов» под ред. К. Полянского [SS-GCzP, 1, 397–398], в котором фиксируются три основных значения, соответствующих синтаксическим связям этого глагола: 1) ‘пользоваться словами для выражения мыслей, чувств’ (*Mówił cicho / głośno / poprawnie / głosem podniesionym / dobitnie* <Говорил тихо / громко / нормально / на повышенных тонах / убедительно>); 2) ‘информировать, ставить в известность, провозглашать, прославлять’ (*Mówił o dzieciach / o małych szczeniętach / o samochodzie / o nowych meblach / o wydarzeniach politycznych; Stare przysłowie mówi, że co nagle to po diable* <Говорил о детях / о щенках / о новой мебели / о политических событиях; Старая пословица говорит: что внезапно, то от дьявола>); 3) ‘выражать что-либо, что-либо значить, о чем-либо свидетельствовать’ (*Jej ruchy i postawa mówiły o szlachetnym charakterze* <Ее движения и поза говорили о благородном характере>). Приведенные примеры, а также другие — выбранные случайным образом в интернете в ноябре 2016 г.³ — дают возможность реконструировать

³ Мы использовали поисковик Google. Вот, например, избранные контексты: (1) *Mateusz Morawiecki mówił, że Polska chce być ważnym członkiem Unii Europejskiej* <Матеуш Моравский говорил, что Польша хочет быть важным членом Европейского Союза>; (2) *Kiedyś mama mi mówiła, że w rodzinie drzemie siła* <Когда-то мама мне говорила, что в семье дремлет сила>; (3) *Nie dość, że nie wstydzi się bycia homoseksualistą, otwarcie mówi o swoim ateizmie, ma styl, którego mógłby pozazdrościć mu niejeden poseł* <Мало того что он не стыдится быть гомосексуалистом, он открыто говорит о своем атеизме: у него стиль, которому не позавидовал бы ни один посол>; (4) *Znacie Żenis Żople? Ja też nie, ale dziennikarka TVP INFO mówiła o niej w telewizji. To chyba ktoś znany* <Знаете Женис Жопле? Я тоже нет, но журналистка TVP INFO говорила о ней по телевизору. Наверное, кто-то известный>; (5) *Nie sprowokuje mnie pani do tego, żebym źle mówiła o Telewizji Trwam czy Radiu Maryja* <Вы не спровоцируете меня на то, чтобы плохо говорить о Телевидении Trwam или Радио Maryja>; (6) *Niekiedy mówimy tak bez przekonania, niechętnie, aby zadowolić kogoś, nawet jeśli nam to ciężko, bardziej z powodu rezygnacji niż z wolnego wyboru* <Иногда мы говорим так без осуждения, неохотно, чтобы угодить кому-то, даже если нам это тяжело, больше из смирения, чем по свободному выбору>; (7) *Mówi o niej cały Internet* <О ней говорит весь интернет>.

целостный коммуникативный акт, который сводится к формуле «кто-либо говорит кому-либо + что-либо и о чем-либо (опционально: с какой-либо интенцией + каким-либо образом + в определенной форме + в определенной ситуации, времени и месте)». В этой схеме есть позиции субъекта говорения (кто-либо говорит), адресата / получателя (кому говорится), содержания сообщения (что говорится и о чем говорится); допускается также возможность дополнения схемы факультативными позициями, касающимися интенции, способа и формы говорения, а также ситуации (обстоятельств, времени и места).

Иоланта Мачкевич, автор книги «Слово о слове. Обыденные знания о языке», утверждает, что «понятийное ядро говорения складывается из двух семантических составляющих: действие информирования и способ информирования (языковой код и акустический канал). Однако эти составляющие в разных употреблениях лексемы могут быть акцентированы, минимизированы или опущены» [Maćkiewicz, 1999, 69]. В нетипичных употреблениях предиката *mówić* 'говорить' в функции субъекта на основании метафорических расширений может выступать неодушевленный предмет, обозначение какого-нибудь знакового сообщения, как правило языкового (*napis mówi o czymś* <надпись говорит о чем-либо>, *film mówi o czymś* <фильм говорит о чем-либо>), процессы или явления, связанные с человеком (*jej wygląd mówi o czymś* <ее взгляд говорит о чем-либо>), а также названия предметов и состояний предметов (*ślady mówią o...* <следы говорят о...>; *mokre szyby mówią o...* <мокрые стекла говорят о...>). В некоторых случаях, как отмечает автор, «от исходной семантики глагола *mówić* остается только сема 'передать информацию, информировать', речь в таких случаях идет о непреднамеренной передаче. Отсутствует одушевленный адресант, но необходим одушевленный адресат — интерпретатор подразумеваемого информационного знака» [Ibid.].

Связь говорения с информированием, сообщением особенно проявляется тогда, когда мы эксплицируем значение глагола *mówić* 'говорить' путем внесения в дефиницию включенного предиката, а конструкцию «X *говорит* Y-у Z» записываем в виде «X *сообщает*

Y-у Z с помощью определенного языка». Предполагая, что *сообщать* значит ‘передавать информацию’, получаем: «X *передает* Y-у информацию Z с помощью определенного языка» [Pajdzińska, 1988, 18]. Такой тип экспликации подтверждают также материалы [SS-GCzP]: судя по ним, значение глагола *mówić* в некоторых употреблениях близко к семантике глагола *informować* — на их семантическую близость указывают, кроме прочего, дефиниции: *mówić* ‘использовать слова для передачи мыслей и чувств’, *porozumiewać się* ‘передавать мысли и чувства, чаще всего с помощью слов’ (*mówienie* в таком случае — ‘достижение взаимопонимания с помощью слов’).

1. Звезды в исчислении времени и определении сторон света

Формула «язык звезд», употребляющаяся в общенародном польском языке метафорически, в говорах и народной культуре обретает буквальный смысл, функционирует в рамках не только обыденной, «реалистичной» картины мира, но также картины мифопоэтической, в которой встречаются культура и природа, эмпирические знания, вера и поверья. На это обратили внимание авторы словарной статьи «Świat» в [SSSL, 1/4, 14]: «Мифопоэтическая модель охватывает не только мир материальный, но также социальный, связывает образ физического и природного мира с деятельностью человека — хозяйственной, общественной и культурной. Мир в таком понимании становится антропокосмосом». На примере представлений о звездах и отношениях звезд с человеком можно увидеть, как эмпирический опыт соединяется с верованиями, как люди, с одной стороны, опираясь на объективные наблюдения, используют звезды для исчисления времени и определения направления, а с другой — приписывают звездам способность предсказывать (ср. сельскохозяйственные, метеорологические и прочие приметы и гадания, имеющие субъективную природу).

Регулярное появление и исчезновение звезд на небосклоне стало основанием для сч е т а в р е м е н и. Такое применение звезд хорошо иллюстрирует распространенная поговорка *Gwiazdy i słońce*

to najlepszy zegar <Звезды и солнце — самые лучшие часы> [НКРР, 1, 771]. Для исчисления времени особенно активно используется положение Ориона (польск. *Kosiarzy* <Косари>) и Венеры (польск. *Jutrzenka* <Утренняя звезда>): *Ja nawet tak pamiętam, jak moja mama opowiadali — nie było zegara <...> I oni się znali na gwiazdach, czyli Kosiarze tak zwane były. I były Kosiarze na południu, tu prosto świeciły, to znak był, że jest godzina czwarta po północy. Czyli się znali na tych gwiazdach* <Я помню, как мама рассказывала — не было часов <...> И они ориентировались по звездам, вот Косари так называемые были. И были Косари на юге, просто светили, это знак был, что четыре часа после полуночи. В общем, разбирались в этих звездах> [Etnl 1989 Biłg, 121]; *A jeżeli chodzi o nadejście dnia, no to najlepiej poznamy się po Jutrzence, gwiazda, która wcześniej wschodzi, bardzo jasno świeci, jest większa od innych gwiazd* <А если говорить о наступлении дня, то это мы лучше всего понимаем по появлению Утренней звезды, которая раньше восходит, очень ярко светит, больше других звезд> [Ibid.].

Звезды используются не только для определения времени, но и для указания направления и естественного источника света, который упрощает передвижение ночью: *Przeważnie w drodze, jeżeliśmy so i w nadejściu dnia, bo jeżeli będziemy gdzieś w drodze i zgubimy kierunek drogi, a będzie niebo gwiazdziste, to będziemy się orientowali dlatego, że zobaczymy, gdzie jest Kwoka, gdzie jest Wóz, gdzie jest Niedźwiedzica i po tych gwiazdach będziemy się kierować, bo wiemy, gdzie ony świecą* <Важнее всего — в дороге <...> потому что если будем где-то в дороге и потеряем направление, а небо будет звездным, то сориентируемся, так как увидим, где Наседка, где Воз, где Медведица, и по этим звездам будем двигаться, поскольку знаем, где они светят> [Etnl 1989 Biłg, 121]. В записи этнографа Северина Удзели, опубликованной в «Висле», говорится о том, что «больше всего бросалась людям в глаза Большая Медведица (польск. *Wielki Wóz* <Большой Воз>. — С. Н.-Б.), которая движется по небу, как и все остальные звезды, — с востока на запад, но задние колеса у него (у воза. — С. Н.-Б.) обращены на запад, а дышло на восток, и он будто движется задними колесами, а не дышлом вперед» [Wisła, 1898, 138].

2. Звезды в приметах субъективного характера

Со звездами связаны также некоторые приметы субъективного характера. На основании внешнего вида и интенсивности света звезд люди делают выводы о грядущих событиях, о своей судьбе и судьбе общины. Обоснование этому, вероятно, состоит в распространенных во многих культурах поверьях о связи, даже слиянии звезд с жизнью человека; эту связь в польской народной культуре отражают поговорки и фразеологические сочетания типа: *ten co się pod jaką gwiazdą urodził, stosowne dary przyrodzenia odbiera* <Кто под какой звездой родился, тот такие дары судьбы и получает> [К 17 Lub, 71]; *urodzić się pod szczęśliwą gwiazdą* ‘родиться под счастливой звездой’ (о человеке, которому очень везет) [NKPP, 1, 772]; *to już pod taką gwiazdą lub planetą się urodził* ‘это уж под такой звездой или планетой родился’ [Karł SGP, 3, 133]. Если человеку сильно не везет в жизни, говорят, что он *się pod nieszczęśliwą gwiazdą urodził* ‘родился под несчастливой звездой’ [К 17 Lub, 71].

Согласно народным представлениям, по звездам можно судить о богатстве, достатке человека: сильнее светят звезды богатых хозяев [Szyf Trad, 52]. Широкое распространение этих поверий подтверждал уже Казимир Мошиньский, который писал: «Убеждение, что судьба людей связана с судьбой звезд настолько тесно, насколько это возможно, разделяют все славяне, а также множество древних и современных народов на востоке и западе от славянской территории. Как утверждают славянские крестьяне (и их восточные и западные соседи), у каждого человека есть своя звезда на небе, при этом и западные славяне (например, кашубы), и восточные (например, белорусы), и южные (например, болгары) маленькие звезды приписывают людям простым, большие же — богачам и вельможам» [Mosz Kul, 2, 466].

Иногда размер звезд, их постоянный рост связываются с возрастом человека: маленькие звезды — это звезды детей, а крупные — людей преклонных лет [Wisła, 1898, 138]. Вера такого типа отражены в рассказах, в которых звезды ассоциируются с лампадками, которые зажигают, когда человек рождается: *A z gwiazdami to je tak:*

Pan Bóg se naładował tyle lampków, ile ma być ludzi na świecie. I so takie świate (= święci), naznaczone do tego, że jak się człowiek rodzi, to oni naliwają masła do tyj lapki, co mu je naznaczona, i człowiek póty żyje, pochi (= póki) się masło nie wypáli. A późni to te lapke, jak już je sucha, to świate ciskajo na ziemie <А со звездами так: Господь Бог приготовил столько лампадок, сколько должно быть людей на свете. И есть святые, за это отвечающие: когда человек рождается, они наливают масла в лампадку, что ему предназначена, и человек живет, пока масло не выгорит. А потом эту лампадку, когда она уже пустая, святые бросают на землю> [Wisła, 1903, 9].

По интенсивности света звезд, т. е. по тому, светит звезда ярче или тусклее, судят, насколько человек благочестив: звезда человека хорошего, добродетельного светит ярко, в то время как звезда грешника едва мерцает [Wisła, 1898, 138]. В Краковском воеводстве интенсивность света звезд связывается со здоровьем и болезнью: если человек больной, бедный или невезучий, то его звезда светит тускло и бледно, если счастливый и здоровый — ясно и ярко [Udz Krak, 91]. В других районах Польши блеск звезд соотносят с продолжительностью человеческой жизни: если звезда светит ясно, это знак, что человек будет жить долго, если же потускнеет — человек скоро умрет [Lud, 1907, 203].

По внешнему виду звезд предсказываются:

а) счастливая или несчастливая совместная жизнь молодоженов: ясные звезды во время свадьбы обещают счастливый брак [K 28 Maz, 152];

б) смерть: если звезды тускло светят, человек умрет [Szyf Trad, 52] (ср. также поверья о комете: «Иногда за грехи человеческие посылает Бог звезду с мечом (комету), звезду как метла. Этим мечом срубает она людей, отчего люди умирают» [Wisła, 1898, 139]);

в) война, голод и другие катаклизмы: «Кометы, особенно с хвостами, о них еще говорят “с метлой”, всегда предсказывают тяжелые грядущие годы, например войны, засуху, неурожай, голод, мор скота и гибель людей» [K 17 Lub, 72]; «Кометы, или звезды с гривой, стержнем, метлой или огненным хвостом, народ всегда считает предвестниками войн, сильного голода или мора. Если,

тем не менее, люди покорятся и искренне обратятся к Богу, тогда несчастье минует» [Lud, 1895, 171];

г) конец света: *To wróżyli, no że może być koniec świata wtedy. I właśnie ów starzy ludzie to mówili, że właśnie taka gwiazda z ogonem spadnie, wtedy spali cało ziemie i już* <(Если комета покажется на небе) то предсказывали, ну, что может быть тогда конец света. Старики говорили, что если такая звезда с хвостом упадет, тогда спалит всю землю — и всё> [TN Krasieczyn, 1985]; *Przecie kie ci tako gwiazda, kwościca, unizy się ku ziymy i zamiecie ogonem, to syścik ludzi może na wieki wywrócić i hnet po ludzkim zywoybiu na ziymy* <Вот когда такая звезда хвостатая приблизится к земле и заметет хвостом, то род людской может навсегда искоренить и прекратить человеческое существование на земле> [Mieś Pog, 64].

По звездам, особенно по внешнему виду и положению Ориона, Плеяд, Большой Медведицы и Млечного Пути, судят о погоде и урожае (поскольку именно они определяют здоровье и благосостояние): *Jak na św. Jędrzeja (30.11) wejdzie kosa — to na Wojciecha ciepła rosa* <Если на св. Андрея выйдет Коса — то на Войцеха теплая роса> [Gład Wiedz, 184]; *Nie będzie ciepłej rosy, dopóki na św. Wojciecha (23.04) nie zająd wieczór kosa* <Не будет теплой росы, пока на святого Войцеха не выйдут вечером Косы> [Ibid., 110]; *Jeśli Baby zachodzą pochmurno, wilgotną zimę znaczą; jeżeli pogodno zapadają, pogodną zimę, ale przykrą w mrozie obiecują* <Если Бабы выходят, прикрытые облаками, будет сырая зима; если ясно светят, зима будет солнечная, но морозная> [ZWAK, 1882, 196]; *Jak widać Wóz, to Siedlaku gotuj wóz, zbieraj z pola* <Если видно Воз, то готовь телегу Седоку, собирай урожай> [Gład Wiedz, 197]; *To mdze mróz, bo na niebo wjechał wóz* <Это слабеет мороз, потому что на небо выехал Воз> [Sych SGKasz, 6, 101]; *Droga bez niebo jak jest taka gwiazdzista w lecie, gęsta, to tak wyglunda, jakby naprawdę droga. To jo nazywajo ta droga. To ona wróży na pogode zawsze. O — mówio — droga bez niebo, będzie pogoda!* <Дорога безоблачная такая звездная летом, вся усыпана звездами, и так выглядит, будто бы правда дорога. Поэтому и называют ее дорогой. Она всегда предсказывает погоду. О — говорят — дорога без облаков, будет ясно!> [Etnl 1989 Biłg, 120]; *Jak*

(Droga Mleczna) *mocno świeci — pogoda, a słabo będzie deszcz* <Если (Млечный Путь) ярко светит — к хорошей погоде, а тускло — будет дождь> [SzyfMiW, 152]; *Mleczna droga, pasmuga mówiom, jak mleczna droga jest bystra, jasno ją widać to zapowiadajum mróz* <Млечный Путь, поясом называем, когда Млечный Путь ясный, отчетливо его видно, будет мороз> [Kup Astr, 245].

Особое место занимают некоторые обряды годового цикла, в которых раскрываются не осознаваемые сегодня связи между разными сферами действительности. Важную роль в репертуаре народных предсказаний исполняли гадания на Рождество, День св. Сильвестра и Новый год — связанные с переходным временем, концом старого года и становлением нового порядка, они позволяли судить обо всем наступающем годе: *Gdy jutrzienka przed Gody długo świeci, chleba mają dosyć boże dzieci; gdy zniknie gdzieś w zastłonie, nastąpią lata płone* <Если Утренняя звезда перед праздниками долго светит, хлеба будет досыта у божьих детей; если исчезнет где-нибудь в дымке, наступят годы неурожайные> [NKPP, 1, 138]; *Zawsze mówili, że jak nie było pogody, ciemne niebo było, to już będzie urodzajny rok. A jak było gwiazd dużo, to był nieśny rok, to znaczy się na kury, tak miały się dobrze nieść. A jak było ciemno, to mleko krowy miały dobrze, dużo dawać* <Говорили, что, если не было ясной погоды, темное было небо, то будет урожайный год. А если было звезд много, то яичный год, куры, значит, хорошо неслись. А если было темно, то молоко у коров будет хорошее, много будут давать> [Bart PANLub, 1, 109]; *Wilija piękna, jutrzienka jasna — będzie stodoia ciasna* <Сочельник прекрасный, Утренняя звезда ясная — будет в овине тесно> [Wit Baj, 315]; *Jak w wilje nie ma gwiazd, to będzie mleczny rok, krowy mleka dużo dadzą* <Если в сочельник нет звезд, то будет молочный год, коровы много молока дадут> [Wisła, 1901, 183]; *Na kulędzie, no to jak jest niebo takie gwieździste, mówio, ooo, tego roku sie bedo kury nieśli, bo takie niebo gwieździste, dużo gwiazd na niebie* <На Рождество, если небо такое звездное, говорят: о-о-о, в этом году будут куры нестись, раз такое небо звездное, много звезд на небе> [Etnl 1989 Biłg, 120]. Подобным образом гадали вечером в канун св. Сильвестра (31 декабря) и в новогодний вечер [Kul MiW, 415, 646].

Записи верований, описания магических практик и фольклорные тексты свидетельствуют, что в традиционной культуре звездам приписывается также функция организаторов человеческой (личной и коллективной) деятельности:

а) *любовой* — установление времени встреч влюбленных: *Świeci miesiąc nad stodołom, gwiazda na niebie, nie zagaszaj Maryś ognia, jade dó ciebie* <Светит месяц над овином, звезда на небе, не гаси, Марысь, огня, еду я к тебе> [Krzyż Kuj, 146]; *Zańdzij słońce, wzeńdzi miesiąc, i gwiazdy w okolo, wyńdzi kochaneczko, przemów do mnie słowo* <Зайди, солнце, взойдите, месяц и звезды, выйди, любовь моя, скажи мне слово> [K 4 Kuj, 23]; *Świeci gwiazdeczka na niebie, puść mnie (dziewczyno) do siebie* <Светит звезда на небе, пусти меня (дивчина) к себе> [K 40 MazP, 165]; *Świeć-ze mi gwiazdecko, prosto w okienceczko, niech ja se pościele Jasiowe łózecko. Świeć-ze my, gwiazdecko, świeć-ze my w oboje, niech ja se pościele Jasiowe i swoje* <Свети же мне, звездочка, прямо в окошечко, постелю я Ясю постельку. Свети же мне, звездочка, свети же в оба, постелю я Ясю и себе> [LL, 1960, 2–3, 78]; *Zaświeć gwiazdeczko, zaświeć księżycu, Zaświeć w szybki "obie, bo ja już ściele Jankowi i sobie* <Засвети, звездочка, засвети, месяц, засветите побыстрее оба, ведь я уже стелю Янку и себе> [TN Karczmiska, 1980]; *Przyjadę ja Marysiu, przyjadę do ciebie, oj da jak mi zaświeci gwiazdeczka na niebie; Zaświeciła gwiazdecka, i zgasła, a mojego Jasienia ciemna nocka zasła* <Приеду я, Марыся, приеду к тебе, ой, да как мне засветит звездочка на небе; Засветила звездочка и погасла, а моего Яся темная ночь скрыла> [K 2 San, 227];

б) *обрядовой*: с появлением первой звезды начинается *dziewiczy wieczór* ‘девичник’ [K 28 Maz, 148]; дружки ходят по деревне и *ogrywają druhny* <«отыгрывают»⁴ подружек> [K 6 Krak, 16], а молодые приглашают на свадьбу [Ibid., 62];

в) *религиозной и праздничной*: присутствие звезд на небе накануне праздничного дня понималось как сигнал прекращения работы, «поскольку праздник уже начался» [K 34 Cheł, 156]; в праздничный день появление звезд было знаком начала

⁴ Речь идет об игре на музыкальных инструментах для невесты.

трапезы. В Краковском воеводстве, например, в праздник Трех Королей не следует есть, пока не будет трех звезд на небе, чтобы зубы не болели [K 7 Krak, 175]; появление первой звезды на небе в Рождественский сочельник даже сейчас повсеместно является знаком начала вигилийного ужина; появление Утренней звезды в период Адвента было сигналом к началу роратной мессы⁵: «Исключительно польской традицией празднования Адвента являются вотивные мессы⁶ (их служат при свете Утренней звезды)» [Bart Lub, 15].

3. Звезды как собеседники

В народной картине мира звездам, как и другим небесным светилам (солнцу, луне), приписывается способность постижения мира (звезды «видят» [Pieś Śl, 406; см. также: Lom Śląsk, 248], «моргают» [Sych SGKasz, 1, 388], «тарашат глаза» [ŁSE, 1974, 29]) и описания словами того, что в нем происходит (они «говорят» [Chod Śp, 192], «шепчут» [Nyg Kar, 250]). Со звездами, как и с людьми, вступают в диалог влюбленные: звезды становятся свидетелями их любви, дают советы, помогают в дороге до дома после любовных свиданий. Звезды, совсем как люди, сочувствуют и чувствуют, радуются счастьем молодых, улыбаются [K 36 Woł, 144], грустят, когда девушки снимают венок и надевают чепец (т. е. выходят замуж): *Spojrzyj, panno, w niebo, spojrzuj tak wysoko, jak sie gwiazdy smucóm i księżyc nad tobóm* <Смотри, панна, в небо, смотри, как там, высоко, грустят по тебе звезды и месяц> [Krzyż Kuj, 11]. В мифопоэтической картине мира эта активность звезд, их моральная восприимчивость, сочувствие человеку, вхождение в партнерские взаимоотношения в акте коммуникации с ним не удивляют. В соответствии с народным видением мира подобную роль может получить любой элемент космоса:

⁵ Рораты, или Роратная месса, — месса Пресвятой Деве Марии, которая служится на рассвете в период Адвента. — *Прим. пер.*

⁶ Вотивная месса — месса, совершаемая во исполнение какого-либо духовного обета или по особым случаям, не связанная с регулярным церковным календарем. — *Прим. пер.*

как небесные светила, так и земля, вода, огонь и даже камень. Поэтому к звездам обращается девушка, которая хочет разузнать о своем любимом [Rog Śląsk, 120; Pieś Śl, 354, 363], со звездами советуется юноша, когда берет девушку замуж (*bierze dziewczynie wianek* <берет девичий венок>) [Kot Zn, 380]; звезды берут в свидетели, когда юноша клянется девушке в верности: *Nie tam, nie tam, ino ciebie, świadek Pan Bóg, co jest w niebie i wy gwiazdy mnie powiecie, bo wy o tym dobrze wicie* <Нет, нет у меня (другой), кроме тебя, свидетель Господь Бог, который на небе, и вы, звезды, скажите, потому что вы это хорошо знаете> [Chod Śp, 192]. Верят, что звезды предостерегают девушку от связи с неверным возлюбленным: *Przyświecał nam nieraz księżyc i gwiazdy także szeptały*: «*Nie wierz, dziewczyno, tym słowom, Bo on ci będzie niestały*» <Светил нам не раз месяц, и звезды тоже шептали: «Не верь, девушка, этим словам, он будет тебе неверен»> [Nyg Kar, 250].

4. Что звезды «говорят» о человеке?

Наконец, следует вернуться к формулировке, вынесенной в заглавие, и поставить вопрос о том, что звезды «говорят» о человеке, а следовательно, и вопрос о субъекте, который наблюдает за звездами, делает выводы на основании их положения и времени появления, *читает* по их виду и интенсивности света свою судьбу и судьбу окружающего его мира, который воспринимает звезды как партнеров и поверенных в беседах. Вопрос этот принципиален еще и потому, что выявление субъекта и характеристика его ценностей порой трактуются как конечная цель в исследованиях, направленных на реконструкцию фрагментов культурно-языковой картины мира. По мнению этнолингвистов, при проведении подобного анализа мы получаем не только знания о предмете исследования, но также информацию о носителе языка и культуры, в рамках которых сформировались соответствующие представления. Контексты, касающиеся звезд, оказываются, таким образом, значимы не только с точки зрения описания объекта, но и для представления субъекта, который их создает и использует.

В случае с предсказаниями, о которых шла речь, это субъект, вступающий во взаимодействие со звездами и остающийся в тесной связи с живым, разумным и чутким космосом. Он доверяет миру и уважает его проявления, вступает с ним в дружеский диалог, принимает и оказывает помощь. В поле зрения такого субъекта оказываются не только его собственное хозяйство, деревня и ее окрестности — то, что «здесь и сейчас», — но также далекие миры и даже вечность. Словами Яна Поцека, этот субъект — крестьянин с душой поэта, — «отталкиваясь от земли, устремляется к красоте вечности». Народный поэт и крестьянин по происхождению, он наиболее полно выразил это в одном из своих стихов:

<i>lubię chodzić na łąki złote</i>	люблю ходить на золотые луга
<i>w wieczory jasne</i>	в ясные вечера
<...>	<...>
<i>gdzie z mlecznej drogi –</i>	где с Млечного Пути –
<i>szczeliny pękniętego nieba –</i>	расщелины прекрасного неба –
<i>wieczność kapie</i>	вечность капает
<i>wielkimi kroplami</i>	большими каплями
<i>sosnom na piersi</i>	соснам на грудь
<i>kwiatom na głowy</i>	цветам на головы
<i>ludzie mówią: gwiazdy spadają</i>	люди говорят: звезды падают
<i>uczenni meteory</i>	ученые — метеоры
<i>a my poeci że to wieczność kapie</i>	а мы, поэты, — что вечность
<i>otulona w ostatni</i>	капает,
<i>blask zorzy.</i>	укутанная в последний блеск зари

[Poc Poez, 197]

Пум М. Э. Русская народная астрономия. Свердловск, 1987.

Пум М. Э. Звезды рассказывают о Земле. Свердловск, 1990.

Пум М. Э. Словарь астрономов. Звездное небо по-русски. М., 2010.

Bart Lub — Kolędowanie na Lubelszczyźnie / red. J. Bartmiński, Cz. Hernas. Wrocław, 1986. (Literatura Ludowa. 1981. R. 25).

Bart PANLub — Lubelskie. Polska pieśń i muzyka ludowa. Źródła i materiały / red. J. Bartmiński. Cz. 1 : Pieśni i obrzędy doroczne ; Cz. 2 : Pieśni i obrzędy

- rodzinne ; Cz. 3 : Pieśni i teksty sytuacyjne ; Cz. 4 : Pieśni powszechnie ; Cz. 5 : Pieśni stanowe i zawodowe. Lublin, 2011.
- Bartmiński J.* Językowe podstawy obrazu świata. Lublin, 2006.
- Chod Śp — *Dolega-Chodakowski Z.* Śpiewy słowiańskie pod strzechą wiejską zebrane / oprac. z rękopisu, wstęp. i koment. opatrz. J. Maślanka. Warszawa, 1973.
- Etnl 1989 Biłg — Relacje o kosmosie. Teksty gwarowe z okolic Biłgoraja / pod red. J. Bartmińskiego // *Etnolingwistyka*. 1989. № 2. S. 95–149.
- Folf Zag — Polskie zagadki ludowe / wybr. i oprac. Sł. Folfasiński. Warszawa, 1975.
- Gład Wiedz — *Gładyszowa M.* Wiedza ludowa o gwiazdach. Wrocław, 1960.
- K 2 San — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 2 : Sandomierskie. Poznań, 1962.
- K 4 Kuj — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 4 : Kujawy. Cz. 2. Poznań, 1962.
- K 6 Krak — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 6 : Krakowskie. Cz. 2. Poznań, 1963.
- K 7 Krak — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 7 : Krakowskie. Cz. 3. Poznań, 1962.
- K 17 Lub — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 17 : Lubelskie. Cz. 2. Poznań, 1962.
- K 18 Kiel — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 18 : Kieleckie. Cz. 1. Poznań, 1963.
- K 28 Maz — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 28 : Mazowsze. Cz. 5. Poznań, 1964.
- K 34 Cheł — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 34 : Chełmskie. Cz. 2. Poznań, 1964.
- K 36 Woł — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 36 : Wołyń. Poznań, 1964.
- K 40 MazP — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 40 : Mazury Pruskie / z rękopisów oprac. Wł. Ogrodziński, D. Pawlak, red. D. Pawlak. Poznań, 1966.
- Karł SGP — *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. T. 1–6. Kraków, 1900–1911.
- Kot Zn — *Kotula Fr.* Znaki przeszłości. Odchodzące ślady zatrzymać w pamięci. Warszawa, 1976.
- Krzyż Kuj — *Krzyżaniak B., Pawlak A., Lisakowski J.* Polska pieśń i muzyka ludowa. Źródła i materiały. Kujawy. Cz. 1 : Teksty. Kraków, 1974.
- Kul MiW — Kultura ludowa Mazurów i Warmiaków / red. J. Burszta. Wrocław, 1976.
- Kup Astr — *Kupiszewski Wł.* Ze słownictwa ludowego w zakresie astronomii. Ludowe nazwy gwiazdozbiorów // *Poradnik Językowy*. 1958. Z. 5. S. 233–245.
- LL 1960 — Literatura Ludowa. Wyd. Polskiego Towarzystwa Ludoznawczego / red. J. Krzyżanowski, Warszawa, 1960.
- Lom Śląsk — Pieśni ludu śląskiego ze zbiorów rękopiśmiennych Józefa Lompy / wyd. skoment. i zarysem monograficznym poprzedz. B. Zakrzewski. Wrocław, 1970.
- ŁSE 1974 — Łódzkie Studia Etnograficzne. Wyd. Polskiego Towarzystwa Ludoznawczego. Łódź, 1974.
- Lud 1895 — Lud : organ Polskiego Towarzystwa Ludoznawczego / red. A. Kalina. Lwów, 1895.
- Lud 1907 — Lud : organ Polskiego Towarzystwa Ludoznawczego Ludoznawczego / red. W. Bruchnański. Lwów, 1907.
- Maćkiewicz J.* Słowo o słowie. Potoczna wiedza o języku. Gdańsk, 1999.
- Mieś Pog — *Mieściak W.* Pogodki spod Lipowskiej. Kraków, 1967.
- Mosz Kul — *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Cz. 1–2. Kraków, 1929–1939.

- Niebrzegowska St.* Gwiazdy w ludowym językowym obrazie świata // *Językowy obraz świata* / red. J. Bartmiński. Lublin, 1990. S. 147–166.
- NKPP — Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. T. 1–4 / w oparciu o dzieło Samuela Adalberga oprac. Zespół Redakcyjny pod kier. J. Krzyżanowskiego. Warszawa, 1969–1978.
- Nyr Kar — Karnawał dziadowski. Pieśni wędrownych śpiewaków (XIX–XX w.) / wybór i oprac. St. Nyrkowski. Wyd. 2. Warszawa, 1977.
- Pajdzińska A.* Związki frazeologiczne nazywające akt mowy. Semantyka i składnia. Lublin, 1988.
- Pieś Ś1 — Pieśni ludowe z polskiego Śląska z rękopisów zebranych przez Ks. Emila Szramka oraz zbiorów dawniejszych A. Cinciały i J. Rogera. Z. 1 : Pieśni balladowe / wyd. koment. zaopatrz. J. St. Bystron. Kraków, 1927.
- Poc Poez — *Poczek J.* Poezje / wybór, wstęp i oprac. A. Aleksandrowicz. Lublin, 1980.
- PSWP Zgół — Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny. T. 1–50 / red. H. Zgólkowa. Poznań, 1994–2005.
- Rog Śląsk — *Roger J.* Pieśni ludu polskiego w Górnym Szląsku. Opole, 1976.
- SS-GCzP — Słownik syntaktyczno-generatywny czasowników polskich. T. 1–50 / oprac. zespołowo pod red. K. Polańskiego. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1980.
- SSSL — Słownik stereotypów i symboli ludowych / red. J. Bartmiński, zastępca red. St. Niebrzegowska (od cz. 3 Niebrzegowska-Bartmińska). T. 1, cz. 1 : Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie ; Cz. 2 : Ziemia, woda, podziemie ; Cz. 3 : Meteorologia ; Cz. 4 : Świat, światło, metale. Lublin, 1996–2012.
- Sych SGKasz — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. 1–7. Wrocław, 1967–1976.
- Szyf MiW — *Szyfer A.* Zwyczaje, obrzędy i wierzenia Mazurów i Warmiaków. Wyd. 2 poszerz. Olsztyn, 1975.
- Szyf Trad — *Szyfer A.* Tradycyjna astronomia i meteorologia ludowa na Mazurach, Warmii i Kurpiach i jej współczesne przeobrażenia. Olsztyn, 1969.
- TN — полевые материалы лаборатории «Архивум Етнологістичне» UMCS, г. Люблин (после сокращения TN подается география и год записи).
- Udz Krak — *Udziela S.* Krakowiaczy. Kraków, 1924.
- Wisła 1898 — Wisła : miesięcznik geograficzno-etnograficzny / red. J. Karłowicz. Kraków, 1898.
- Wisła 1901 — Wisła : miesięcznik geograficzno-etnograficzny / red. E. Majewski. Kraków, 1901.
- Wisła 1903 — Wisła : miesięcznik geograficzno-etnograficzny / red. E. Majewski. Kraków, 1903.
- Wit Baj — *Witkoś St.* Bajdy i Moderówka. Poznań, 1977.
- ZWAK 1882 — Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej wydawany staraniem Komisji Antropologicznej Akademii Umiejętności / red. I. Kopernicki. Kraków, 1882.

* * *

**Небжеговска-Бартминьска
Станислава**

DrHab, экстраординарный
профессор
Институт польской филологии
Университет Марии Кюри-Скловской
Pl. M. Curie-Skłodowskiej 4a,
20-031 Lublin, Polska
E-mail: stanislawa.niebrzegowska-
bartminska@poczta.umcs.lublin.pl

**Niebrzegowska-Bartmińska,
Stanislawa**

DrHab, Extraordinary Professor,
Institute of Polish Philology, Maria
Curie-Skłodowska University
(Lublin),
4A, Maria Skłodowska-Curie Sq,
20-031, Lublin, Poland
E-mail: stanislawa.niebrzegowska-
bartminska@poczta.umcs.lublin.pl

Stars Talk about People. Polish Astronomical Folk Omens and Predictions in the Ethnolinguistic Aspect

The article investigates into Polish folk astronomical omens that reflect the naive beliefs related to stars. The analysis is preceded by a review of the names of stars and constellations and of the semantic development of the word *gwiazda* 'star' and its derivatives in the standard Polish language and dialects. The omens related to stars are subdivided into several types. Stars, their position on the sky and periodicity of emergence are used in traditional culture for time keeping (Orion, Venus) and spatial orientation (Ursa Major). Stars play a significant role in predicting the future: the size of a star, its light intensity, position and other features as manifested at a particular moment of time allow to predict the happiness of a marriage, the weather and the harvest in the coming year, a war or a famine. Finally, the stars take part in the organization of people's life: they help in choosing the time of a date, in celebrating ceremonies, religious rites and holidays. The stars are believed to be able to cognize the world and to enter into a dialogue with people. In conclusion, the author attempts to reconstruct the image of a bearer of the Polish traditional culture as an observer of stars.

Key words: ethnolinguistics, star and constellation names, Polish language, traditional worldview, omens and predictions.

Д. С. Спиридонов

Л. А. Феоктистова

Екатеринбург

Мария, Maria, Marie: наброски к языковому портрету

В статье предпринята попытка реконструировать коннотативную семантику имени *Мария* в русском языке в сопоставлении с польск. *Maria* и фр. *Marie* на основе анализа апеллятивных производных от этих имен. Выделяются две группы деонимов: в первую попадают номинации, обозначающие женщину как таковую, во вторую — характеризующие ее каким-либо образом. Вторая группа деонимов демонстрирует достаточно стереотипную идеографическую дистрибуцию ('неряха', 'нехозяйственная женщина' и др.), обнаруживаемую при анализе производных не только от «Марии», но и от других имен. В то же время учет количественных и качественных характеристик апеллятивного материала позволяет сделать вывод, что во всех трех языках характеризующие признаки являются периферийными для коннотативной семантики рассматриваемых имен, и это определяет их специфику на фоне других антропонимов. Затрагиваются также некоторые частные методологические вопросы, связанные с извлечением этноязыковой информации из ономастических данных.

Ключевые слова: коннотативная семантика личного имени, апеллятивизация, деантропонимы, деривационно-фразеологическое гнездо, диалектная лексика, этнолингвистика.

Авторству Марии Эдуардовны Рут принадлежат две статьи, посвященные коннотативной семантике отдельно взятых личных имен — Василий и Екатерина [см.: Рут, 2008а; 2008б] (причем одна из статей — об имени другого юбиляра в посвященном ему же сборнике). В связи с рассматриваемой проблематикой внимания заслуживает и еще одна статья М. Э. Рут [2001], значимая в теоретическом

отношении (тоже в юбилейном издании). Следуя этому примеру, обратимся к анализу апеллятивных производных (деонимов) от имени *Мария* и фразеологизмов с участием этого имени, которые, вместе взятые, формируют деривационно-фразеологическое гнездо данного антропонима [о термине см.: Березович, 2014, 14; Феоктистова, 2016, 90–92]. (Авторы, разумеется, далеки от мысли пытаться взглянуть на один образ сквозь призму другого — здесь, как в художественной литературе или кино: «все события и персонажи вымышлены, а любые совпадения случайны».)

Для того чтобы охарактеризовать этнокультурную специфику языкового «ореола» имени, сравним — учитывая его интернациональность — данные русского языка, включая народные говоры, с иноязычным материалом — деривационно-фразеологическими гнездами, вершинами которых являются эквиваленты рассматриваемого имени в польском и французском языках — *Maria* и *Marie* соответственно. Опыт исследований такого рода [см.: Спиридонов, Феоктистова, 2012; 2016 (об имени *Иван* и его «братьях» в других языках)] можно считать удачным, а сами они могут быть продолжены, хотя их результатом стало обнаружение не столько национально специфичных черт в собирательных образах носителей родственных имен, сколько типологического сходства этих образов. Здесь мы не будем обосновывать выбор для сравнения с русским именно польского и французского языков, а также специально оговаривать источники материала, отсылая читателя к указанным выше публикациям.

Создаваемая усилиями разных ученых «портретная галерея» носителей отдельных имен (в русском языке: [см., в частности: Березович, 2007, 518–551; Двинятин, 2001; Рут, 2008а; 2008б]; во французском: [Спиридонов, 2011]) делает возможным поиск, помимо различий, их «портретного сходства», т. е. типологически закономерного, присущего рассматриваемой модели номинации. Случайно или нет, но в упомянутой «галерее» пока присутствует только один женский образ (*Екатерина*). Оставив в стороне вопрос о причинах такой «непопулярности» у исследователей женских

имен, попытаемся также выяснить, что есть «типично женского» в образе *Марии*¹.

Скрывающееся за «портретной» метафорой описание ассоциативно-деривационной семантики имени предполагает идеографическую классификацию собранных деонимов, а также интерпретацию их мотивационной составляющей (оба указанных вида анализа, кроме того (или прежде всего), способствуют этимологизации созвучных имени апеллятивов как его производных)². Проанализируем возникшие путем семантической (семантико-словообразовательной) деривации лексемы, а также фразеологизмы с их участием из тематической группы «Человек» (хотя выделяются и другие тематические группы: вспомним, к примеру, рус. *иван-да-марья* и фр. *marionnette*³, давшее в русском и польском *марионетку*).

Все относящиеся к рассматриваемой тематической группе деантропонимы можно разделить на два вида: а) обозначающие женщину как таковую и/или б) характеризующие ее каким-либо образом.

Обобщенные наименования женщины встречаются во всех трех языках, но в русском подобные примеры не столь однозначны,

---

¹ Для рассматриваемого имени следует учитывать и возможность сравнения в рамках бинама «Иван да Марья»: с одной стороны, оба антропонима воспринимаются как некие «протоимена» [см. об этом: Березович, 2007, 288–289], с другой — сосуществуют в рамках одной культурной традиции. Однако в наши задачи не входит выявление всех корреляций между составляющими бинамом именами в сфере деантропонимической номинации — это предмет отдельного разговора.

² О портрете *ономасиологическом* см.: [Березович, Рут, 2000], *этнолингвистическом*: [Кривошапова, 2007, 119–123]; методика анализа ассоциативно-деривационной семантики антропонима изложена в: [Феоктистова, 2016] (сходные приемы используются и применительно к топонимам, см. об этом: [Березович, Кривошапова, 2011; 2015а; 2015б; Кривошапова, 2015]).

³ Данное слово является отантропонимическим диминутивным производным (*Marie* > *mariole* > *mariolette* > *marionnette* [TLFi]), изначально называвшим небольшую фигурку Девы Марии, а затем развившим значения типа ‘болванка’, ‘кукла’, ‘деревянная фигурка’ и т. п., а также связанные с характеристикой человека (как правило, эти номинации подчеркивают слабохарактерность, безволие, низкий рост (см. ниже)). Такая лексика образует достаточно обособленную группу внутри рассматриваемого гнезда, поскольку в большинстве своем эти номинации мотивированы названием куклы, а не коннотативным фоном антропонима.

поэтому скажем о них в последнюю очередь. В великопольском диалекте зафиксированы *maryna* (оборн.), *marysia* (ст.-гард.) ‘девушка’, *maryśka* (ст.-гард.) ‘шутливо о девушке’ [Kucharczyk, 2010, 41]⁴; во французских — *Maroie* (валл.) ‘женщина, девушка’, тоже имеющее экспрессивную окраску [Grandgagnage, 1880, 2, 89]⁵. Необходимо отметить разницу в словарных дефинициях и, следовательно, в объеме значений межъязыковых коррелятов; при этом значение лексем в польском языке в большей степени, чем во французском, допускает мотивацию образом Девы Марии, хотя более правдоподобно объяснение его коннотациями соответствующих диминутивных форм имени⁶.

В русском языке деантропонимы (или омонимичные им лексемы) могут обозначать разные ипостаси женщины: *маришка* перм. ‘ребенок женского пола’ [СРГЮП, 2, 59]⁷, *маруха* алтайск. ‘дочь на выданье, невеста’ [СРГА, 3/1, 59], *марушка* дон., кубан. ‘женщина, жена’ [СРНГ, 17, 377]. Однако отнесение их к апеллятивным производным непосредственно от диминутивов личного имени *Мария* проблематично по тем или иным причинам.

---

⁴ В рамках настоящей публикации мы сочли возможным опустить прямые ссылки на источники материала, извлеченного Р. Кухажик из «Словаря польских говоров» («Słownik gwar polskich») и его картотеки, а также из некоторых других, не учтенных в нем ресурсов (в том числе записей самого автора).

⁵ Отсюда, по-видимому, наименования мужчины типа валл. *Maroie* ‘баба, тряпка (о мужчине)’ [Grandgagnage, 1880, 2, 89]; анж. *Mariette* (уменьш. от *Marie*), *manette* (уменьш. от *Marie*) ‘мужчина с женственными манерами, слабого характера; подкаблучник’ [Verrier & Onillon, 1908, 2, 9]. В случае *marionette* ‘марионетка’ → образн. ‘бесхарактерный, безвольный человек, которым легко манипулировать’ [Littré; TLFi] появление подобного значения можно объяснить контаминацией с сущ. *mari* ‘муж’, ср.: валл. «El a fai geowé la marionett po-zavu s’iomm; oïoe i n’et pu kinn marionett» («Она заставила играть марионеток, чтобы выйти замуж за того, кто стал ее мужем. И сейчас она им помыкает, как марионеткой») [Remacle, 1843, 2, 289].

⁶ Ср. м.-польск. горл. *maryja*, *maryjka* ‘одетая в белое девушка, которая в память чудесного избавления народа от эпидемии принимает участие в процессии 8 декабря (в католической церкви это День непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии. — Д. С., Л. Ф.)’ [Kucharczyk, 2010, 69–71]. В данном случае именно полная форма антропонима, взятая за основу, указывает (помимо временной привязки) на прецедентный характер номинации.

⁷ Ср. в плане типологии номинации вят. *иван* ‘именование ребенка мужского пола до крещения’ [ОСВГ, 4, 211].

С сугубо формальной точки зрения *маришка* можно возвести к диминутиву другого женского имени — *Марина*, апеллятивные производные от которого также отмечаются в говорах, хотя и намного реже, чем от *Мария*⁸.

В свою очередь, *мару́ха* и *мару́шка* нельзя отделять от *мару́ха* алтайск., влад., ворон., дон., иван.-вознес., моск., новг., новосиб., пенз., сиб., тул. ‘возлюбленная, избранница, любимая; любовница’ [СРГА, 3/1, 59; СРГС, 2, 261; СРНГ, 17, 377] («Вот мы идем обоим парни, а там девки, и он мне может сказать: “А вон моя маруха идет”») [СРГС, 2, 261]; «Ну уж и нашел себе маруху — страшно глядеть» [СРНГ, 17, 377]); дон., ряз., твер., тул. ‘гулящая женщина, проститутка’ [СРНГ, 17, 377]; ср. *муся* влг. ‘то же’ («В Барановской девки со всякими парнями гуляют, дак мы их мусями зовем») [КСГРС]. Судя по географии, значение ‘возлюбленная, избранница, любимая; любовница’ для лексемы *маруха* является основным⁹; оно соотносится с семантикой имени в составе биннома «Иван да Марья» [см. о ней, в частности: Березович, 2007, 289]. Однако нельзя исключать аттракцию диминутива имени к мифониму *ма́ра* и его дериватам, ср. *ма́ра* смол., брян., ворон., олон., ср.-урал. ‘призрак, привидение’; влг., олон., тул., курск., твер. ‘по суеверным представлениям — существо женского пола, обитающее в доме, которое ночью допрядает то, что оставлено недопряженным, причем пугает и рвет кудель и пряжу’ [СРНГ, 17, 367], *мару́ха* пск. ‘мифическое существо, незаметно похищающее вещи’ [Там же, 378], *ма́рушка*, *мару́шка* пск. ‘мифологический персонаж (нечистая сила, обитающая в поле либо в бане), которым пугают детей; русалка; черт’ [ПОС, 18, 22] и т. п. О происхождении мифонима и его возможных притяжениях к имени *Мария* см. [Белетич, Лома, 2013].

⁸ Ср. варьирование имени в составе фразеологизма: новг. *соваться* (куда) *как Марина с пробкой / как Маринка (Маришка) с затычкой (с хвостом, с задвижкой)* ‘кто-либо назойлив, бестактен, любит вмешиваться не в свои дела, давать ненужные советы’ [НОС, 5, 72; 10, 110; СРНГ, 39, 179; и др.].

⁹ Отсюда алтайск., новосиб. *мару́ха*, *мару́х*, *маруха́н* ‘парень, жених, возлюбленный’ [СРГА, 3/1, 59; СРГС, 2, 261]; новосиб. *маруи́ить* ‘встречаться, проводить вместе время (об отношениях парня и девушки)’, ‘изменять мужу, жене’ [СРГС, 2, 261; СРНГ, 17, 377], самар. *маруи́иться* ‘любить друг друга’ [СРНГ, 17, 377].

Особое положение в ряду обобщенных наименований женщины занимает *марджа* орерб. ‘русская женщина (в разговоре с представителями других народов)’ [СРНГ, 17, 367], кубан. ‘русская женщина (в языке горцев)’ [Ткаченко, 134]. Учитывая фонетический облик слова и «этническую составляющую» его значения, можно предположить, что это обратное заимствование, исходной для которого является полная форма имени *Мария* (точнее, *Марья*).

В нескольких русских фразеологизмах рассматриваемое женское имя выступает в паре с мужским, что подчеркивает не столько «гендерные» различия между их носителями (ср. перм. *Марья идет, Иван берет* (обрядов.) ‘паремия; слова, которые говорят при сватовстве’ [СРГЮП, 2, 60]), сколько в целом «инаковость» каждого из них, непохожесть на другого. См. *ни маша, ни гриша* без указ. м. ‘ни то, ни се’ [СРНГ, 21, 214]; *маша не чешись и ваня не царапайся* ниж.-печор., новосиб., омск. ‘о чем-либо сделанном очень хорошо’ [СРГС, 2, 268; СРСГСП, 2, 124; ФСГНП, I, 397; ФСС, 100]¹⁰.

В других фразеосочетаниях, где участвуют диминутивы имени *Мария* и какого-нибудь мужского имени, обыгрывается «многозначность» антропонимов, возникающая при аттракции к созвучным апеллятивным лексемам, которая сопрягает обозначения женщины или мужчины с иными словами, не имеющими отантропонимического происхождения. См., в частности, *испорухал ванька маньку* (перм., шутол.) ‘о испорченной вещи’: «Ну вот, копался-копался в тракторе, теперь не заводится. Испорухал ванька маньку» [СРГЮП, 1, 357]: в данном случае языковая игра основана на каламбурном употреблении диминутива *манька* в апеллятивном значении не ‘женщина’, а ‘машина’. В пословице *тишенька лучше машеньки* (пск., шутол.) ‘тихий, скромный и сдержанный человек лучше бойкого, развязного

¹⁰ Ср. также вариант с другими именами: байк.-сиб. *васька не царапайся и танька не чешись* ‘безразлично, все равно; горя мало’ [Афанасьева-Медведева, 5, 300–301]. В данном случае упоминание еще одного (другого) имени усиливает экспрессивность фразеологического оборота (а, как говорилось, для выражения этой «инаковости» в сравнении с мужским больше подходит женское имя); ср. также «усеченный» вариант фразеологизма, который вполне может оказаться исходным: омск., краснояр. *ванька (рыжий) не чешись* ‘о безразличном отношении к чему-либо: всё равно, горя мало, ничего не поделаешь’ [СРГС, 1/1, 117; ФСРГС, 22].

и дерзкого' [Мокиенко, Никитина, 381]¹¹ обыгрывается созвучность имен апеллятивам *тихий*, *тихоня* и *махать*.

Обратимся к рассмотрению тех деантропонимов, которые не просто обозначают женщину, а характеризуют ее каким-либо образом: ее внешний вид, интеллектуальную деятельность, поведение, род занятий и пр. В сравниваемых языках набор «портретных черт» несколько различается, равно как и число их лексических репрезентантов (мотивы, представленные только в одном языке или менее чем тремя примерами, не учитываются).

Внешнему виду женщины — носительницы имени больше внимания уделяется во французском языке, в котором представлено сразу несколько описывающих внешность мотивов, причем выражены они весьма разнообразно:

— неопрятность: прост. *Marie-salope* <Мари-грязнуля>¹², *Marie-gadrou* (< *gadrouiller* 'портить'), *Marie-torchon* <Мари-тряпка>, *Marie-graillon* (< *graillon* 'вкус, запах жженого жира') (в Невшателе, в Швейцарии, фиксируется выражение *en Marie graillon* 'в очень неопрятном платье') и др.; шамп. *Marie-fagas* <Мари-запашок>; прост. прованс. *Marioun-brutici* <Мари-мусор> 'неопрятная женщина' [Peterson, 1929, 118–119]; норм. *Marie-souillon* <Мари-неряха>

¹¹ См. также дефиницию и контекст в [ПОС, 18, 80]: 'о ситуации, в которой предпочтительнее бездействовать': «Ня наши дела. А была п наши — галаву п атарвали. Тишынька лучшы машыньки».

¹² Данная номинация многозначна. В Нормандии эта же «Мари-грязнуля» использовалась в значении 'драга, трал' [Moisy, 1887, 408; Barbe, 1907, 77] (Муази поясняет, что трал называют подобным образом, «потому что он часто поднимает со дна разного рода мусор: мертвых животных, ил и пр.»). В Анжу [Verrier & Onillon, 1908, 2, 14] и в парижском просторечии [Delvaux, 1883, 281] *Marie-salope* — 'тральщик; судно, собирающее со дна мусор, ил'. Данные номинации явно вторичны по отношению к именованию неопрятной женщины, кроме того, здесь можно предполагать аттракцию к диал. *marre* 'широкая мотыга' (< лат. *marra* 'разновидность мотыги для полки и корчевания'), которое было особенно распространено в западных и центральных диалектах и имело варианты, в том числе и диминутивные (ср. орлеан. *marlé(e)* 'разновидность землечерпалки с отверстиями и с загнутыми краями' [Thibault, 1892, 217]). В современном жаргоне *Marie-salope* также фиксируется в значении 'томатный сок, добавляемый в водку' [Caradec & Роу, 2009, 132], которое, скорее всего, восходит к названию ходивших по Сене судов (в таком коктейле томатный сок опускается на дно и напоминает ил).

‘то же’ [Travers, 1856, 224]; анж. *Marie-tampane* <Мари-дуреха> ‘замарашка, золушка’ (неодобр., ирон., по отношению к маленьким девочкам) [Verrier & Onillon, 1908, 2, 14]; анж. *Marie-trois-chausses* <Мари-трое-штанов> ‘замарашка’ [Ibid., 15];

— полнота: пикард. *Marie-madou* (<*madou* ‘крестьянский чепчик (?)’) ‘полная женщина’, *Marie-Catelaine* <Мари-Катрин> ‘грузная, глупая женщина’ [Peterson, 1929, 117]; фр.-пров. *Marion-bombée* <«выпуклая» Марион> ‘крупная, полная женщина’ [Puitspelu, 1887, 247] (Пюиспелю полагает, что это фонетическая аттракция к *Marie-bon-bec* ‘болтливая женщина’ (см. ниже), произносятся указанные слова почти одинаково)¹³.

В русском и польском языках встречается только мотив неопрятности, причем в русском его появление обусловлено аттракцией диминутива имени к прилагательному *чумазый*, ср. арх. *машка-чумашка* ‘о неопрятной, неаккуратной девочке, женщине’ [КСГРС]¹⁴. В польском же, как и во французском, данный мотив обнаруживает взаимосвязь с мотивом интеллектуальной неполноценности — чеш. (польск.) *marusza* ‘чудачка, пугало’ [Kucharzyk, 2010, 53] (ср. выше анж. *Marie-tampane* <Мари-дуреха> ‘замарашка, золушка’, пикард. *Marie-Catelaine* <Мари-Катрин> ‘грузная, глупая женщина’). Следует также отметить, что в польском языке лексема, как полагает Р. Кухажик, основываясь на иллюстративном контексте, происходит от имени конкретного человека: «Chodziła niegdys po Suchej taka przyglupio po rytaniu, nazywali ją Marusza» [Ibid., 54].

Обозначения глупой женщины во французском дополняет валл. *Marie Jeanne, Marie Jacqueline* <Мари Жанна, Мари Жаклин> ‘простоватая, недалекая девушка’ [Sigart, 1866, 245], фр.-пров. *marionetta* ‘легкомысленный, несерьезный человек’

¹³ Интересно, что производное от имени диминутивное существительное *marionnette* развивает значение ‘женщина невысокого роста’ [Littré].

¹⁴ Ср. пск. *выскочить, как марушка со ржи* ‘о неожиданно появившейся неопрятной, плохо одетой женщине’ («Что ты, как марушка со ржи выскочила?») [СППП, 104], где под именем скрывается ‘мифическое существо в виде оборванной, неопрятной старухи, обитающей в ржаном поле; русалка’ [Там же].

[Cerlogne, 1907, 199] (вероятно, образное по аналогии с литер. *marionnette* ‘бесхарактерный человек’ [Littré]).

В русском языке оценка интеллектуальных способностей носителя имени амбивалентна по форме и содержанию, ср.: жарг.-разг. *как умная Машиа* ‘о наивной, простоватой женщине’, ‘о глупом, но постоянно пытающемся умничать, делать умный вид человеке (чаще женщине)’, ‘о наивном человеке, обманувшемся в своих надеждах, попавшем в неприятную ситуацию’ [Мокиенко, Никитина, 380–381] (как пишут авторы словаря, по имени персонажа комиксов о похождениях «умной Маши», печатавшихся в детском журнале «Чиж» в 1930-е гг.)¹⁵.

От характеристики интеллектуальной деятельности перейдем к характеристике деятельности речевой, наиболее полно представленной во французском языке, где *Marie* получает следующие определения:

— ‘болтушка’: прост. *Marie-jabotte* (< *jaboter* ‘болтать без умолку’), *Marie-bon-bec* <Мари-добрый-рот> ‘болтливая женщина’ [Peterson, 1929, 124], анж. *Marie-trois-chausses* <Мари-трое-штанов> ‘болтушка’ [Verrier & Onillon, 1908, 2, 15];

— ‘сплетница’: валл. *Marôie, Marèie-tarame* (ономатопея) [Peterson, 1929, 124]; валл., пикард. *Marie quatre langues* <Мари четыре языка> [Sigart, 1866, 245; Peterson, 1929, 124];

— ‘ворчунья’: норм. *Marie-surelle* <Мари-щавель> ‘сварливая женщина’ [Travers, 1856, 224; Moisy, 1887, 408], бург., валл. *Marie grognon* <ворчунья Мари> ‘ворчливая, обидчивая женщина’ [Guillemaut, 1902, 196; Sigart, 1866, 245].

Черты характера и поведение носительницы имени также более подробно описаны во французском языке. Один из наиболее частотных мотивов здесь – это неспособность (в силу разных причин – собственной неуклюжести, суетливости или лени) вести домашнее хозяйство, ср.: анж. *Marie-tampane* <Мари-хозяйка> (< анж. *tampanage* ‘работа по дому’) ‘неуклюжая, нехозяйственная

¹⁵ См. также жарг.-разг. *сидеть (стоять) как умная Машиа* ‘о сидящем (стоящем) с умным, мнимо глубокомысленным и важным видом человеке (чаще женщине)’ [Мокиенко, Никитина, 381].

девушка' [Verrier & Onillon, 1908, 2, 14–15]; валл. *Marie rouf rouf* (ономотопея) 'женщина, делающая все в спешке, наскоро' [Sigart, 1866, 245]; пикард. *Marie-cafoule* (< *cafouler* 'переставлять вещи, чтобы что-то найти') «женщина, желающая все сделать, но в итоге ничего не делающая, женщина у которой в доме ни порядка, ни экономии» [Peterson, 1929, 135]; прост. *Marie-la-bonne-à-rien-faire* <Мари, ни для чего не пригодная> (вероятно, по аналогии с выражением *bon à tout faire* 'для всего подходящий, пригодный для любого дела') 'лентяйка' [Ibid., 134].

Еще два не менее частотных мотива характеризуют прямо противоположные «линии» женского поведения. С одной стороны, это «сексуальная доступность» женщины: аргот. *Manon* (уменьш. от *Marie*) 'проститутка' [Larchey, 1881, 231]; прост. *Marie-couche-toi-là* <Мари-ложись-тут> 'то же' [Peterson, 1929, 130]; прост. *Marie-salope* <Мари-грязнуля> 'то же' [Delvau, 1883, 281]¹⁶ и др.; валл. *Marie salomé* <Мари-салодея (?)> 'непристойная, развратная женщина' [Sigart, 1866, 245]; валл. *Maion, Marèie* <Мари>, *Marèie-lisebète* <Мария-Елизавета>, *Maroie* 'любовница' [Grandgagnage, 1880, 2, 59–60, 81, 89]. Данный мотив, очевидно, восходит к обозначениям женщины как таковой и представлен не только во французском, но также в русском и польском языках: рус. *мару́ха* шир. распр. 'возлюбленная, избранница, любимая; любовница' [СРГА, 3/1, 59; СРГС, 2, 261; СРНГ, 17, 377]; дон., ряз., твер., тул. 'гулящая женщина, проститутка' [СРНГ, 17, 377]; *маришка* пск. 'о девушке легкого поведения' [ПОС, 18, 17]; *муся* влг. 'то же' [КСГРС] (комментарий к ним выше); *marysia* в.-польск. (штум.) 'девушка легких нравов', *maryško* в.-польск. (тчев.) 'непорядочная

¹⁶ Слово *salope* само по себе претерпело в разговорном языке развитие: 'грязнуля' (см. ту же номинацию выше) → 'мерзавка, шлюха'. Очевидно, что *salope* 'шлюха' является эллиптическим вариантом *Marie-salope* и, стало быть, вторично по отношению к отономастической номинации: *Marie-salope* 'неопрятная женщина, грязнуля' → 'проститутка' > *salope* 'шлюха'. Правда, Люсьен Риго полагал, что указанное название было дано женщинам легкого поведения в память о ходивших по Сене тральщиках (см. прим. 12) [Rigaud, 1881, 242], т. е. *Marie-salope* 'неопрятная женщина, грязнуля' → 'тральщик (судно, собирающее грязь)' → 'проститутка' > *salope* 'шлюха', но этот путь кажется не слишком убедительным.

девушка’, *maryna* чеш. (польск.) ‘девушка, плохо себя ведущая’ [Kucharzyk, 2010, 59].

С другой стороны, в собранном материале хорошо различим мотив «неприступности», которая распространяется на всю сферу межличностных отношений. Он представлен французскими данными: прост. уст. *Marie-je-m’embête* <Мари-мне-надоело> ‘неприступная женщина, отличающаяся показной добродетельностью’ [Peterson, 1929, 132]; анж. *Marie-quatre-emballes* <Мари-четыре-препятствия> ‘привередливая женщина, гордячка, кривляка’ [Verrier & Onillon, 1908, 2, 14]; валл. *Marie chuchotte* <Мари-шушукается> ‘презрительная, высокомерная девица’; *Marie l’affronté* <наглая Мари> ‘нахалка’ [Sigart, 1866, 245]. Этот мотив, правда, вряд ли связан с предыдущим, *Marie* здесь скорее является носителем исходного значения ‘женщина как таковая’.

Обращает на себя внимание то, что среди номинаций – характеристик женщины преобладают атрибутивные (в широком смысле) сочетания, состоящие из деантропонима и одного-двух апеллятивов различной морфологической природы и с разными синтаксическими связями¹⁷. В этом плане наиболее показательны данные французского языка (см., в частности, примеры абзацем выше), для которого эта номинативная модель характерна в принципе¹⁸. В русском же и польском языках встречаются только сочетания деантропонима с определением-прилагательным или существительным. Ср. выше рус. *умная Маша, машка-чумашка*; за отсутствием польских

¹⁷ Особое место занимают антропонимические «биномы»: см. выше фр. *Marie-Catelaine* <Мари-Катрин> ‘грузная, глупая женщина’, *Marie Jeanne* <Мари-Жанна>, *Marie Jacqueline* <Мари-Жаклин> ‘простоватая, недалекая девушка’, *Marèie-lisebête* <Мария-Елизавета> ‘любовница’. Во французской народной языковой традиции такой тип деонимов достаточно распространен и, очевидно, требует отдельного анализа.

¹⁸ Ср., например, *Jean guètré* <Жан в гетрах> ‘крестьянин’ [France, 1907, 184] и с тем же значением: *Jean Deschamps* <Жан с полей> [Dottin, 1899, 262], *Gros-Jean* <большой Жан>, *Jean-Bonhomme* <добродушный Жан> [Peterson, 1929, 40]; *Jan-fai-tout* <Жан-сделай-всё> как синоним пров. *touto-obro* ‘крестьянин на ферме, занимающийся любой работой, работник на подхвате’ [TF, 2, 153, 1018]; а также лион. *Marion-bombée* <раздутая Марион> ‘толстая женщина’ [Peterson, 1929, 117]; *Jacques bonhomme* <Жак-простак> ‘крестьянин’ [TLFi] и др.

примеров в рассматриваемой тематической группе приведем факты другой тематической принадлежности: силез. опол. *wartka maryna* (*marynka*) <быстрая Мария> ‘герань (*Pelargonium*)’, стшел. *panna maryjeczka*, м.-польск. новотар. *maryi miętka* <Марии мятка> ‘хризантема бальзамическая (*Tanacetum balsamita*)’ [Kucharzyk, 2010, 104]¹⁹. В рамках данного типа номинации создаются возможности для более широкого лексико-семантического варьирования экспрессивных производных, в том числе единичных, не образующих устойчивых моделей, пригодных для воссоздания ономазиологического портрета²⁰.

Вместе с тем анализ подобных наименований сопряжен с некоторыми трудностями, поскольку допустимы различные трактовки деантропонима в составе сочетания, который может выступать как в значении категориальном — ‘женщина’, так и в значении характеризующем — ‘неопрятная женщина’, ‘глупая’ и пр. (функция атрибутивного компонента в обоих случаях, по-видимому, одна и та же, ср. функцию приложения при любом антропониме, не подвергшемся апеллятивизации, например *Марья-царевна* или *Иван-дурак*). Для того чтобы определить тип производного значения деантропонима, необходимо учитывать лексическое значение всего фразеосочетания, наличие синонимов в виде одиночного деантропонима и/или имеющего сходную внутреннюю форму атрибутивного сочетания в рамках одной или разных языковых традиций (см. выше номинации женщины легкого поведения во всех трех сравниваемых языках); прецедентность номинации (см. рус. *умная Машиа*, польск. *marusza*), трансполяцию в другие предметно-тематические сферы (фр. *Marie-salope*). Одиночный деантропоним при этом может представлять собой результат универбации, но в данном случае важно само его

¹⁹ Примеры сочетаний с другими именами — рус. *Иван*, польск. *Jan*, фр. *Jean* — см. в нашей статье: [Спиридонов, Феоктистова, 2016].

²⁰ Во французском их довольно много, ср. валл. *Marie j'ordonne* <Мария-я-приказываю> ‘властная женщина’, *Marie toutouye*, *Marie tripotte* <Мари, которая (все) трогает> ‘женщина, охотно все трогающая’, *Marie magrau* <злая Мария> ‘злая женщина’ и др. [Sigart, 1866, 245] (такие единицы, как уже говорилось, нами не рассматриваются, так как могут быть и окказиональными).

наличие, свидетельствующее о том, что внешняя по отношению к нему характеристика становится его внутренним содержанием. Однако обсуждение вопросов о типологии производных значений деантропонима и методике их реконструкции, равно как и о влиянии структурного типа отантропонимической номинации на возможности извлечения из нее информации о коннотативной семантике личного имени выходит за рамки настоящей публикации.

Что касается самих образов Марии в трех рассмотренных культурно-языковых традициях, то они выглядят не очень привлекательно, поскольку имя ассоциируется с такими качествами, как неряшливость, глупость и развратное поведение. Во французском языке дополнительными «штрихами» к языковому портрету носительницы имени служат ее речевые и поведенческие характеристики, сам же портрет за счет обилия разнообразных номинаций получается более выпуклым и прорисованным более детально.

В то же время нельзя не заметить, что перечисленными качествами эти образы мало отличаются от образов носительниц других имен, ср., к примеру: рус. *солóха* пск., твер. ‘неопрятная женщина, неряха’, ‘глупая, бестолковая женщина’, ‘нерасторопная женщина’ [СРНГ, 39, 305], влг. ‘хмурая, суровая женщина’ [СВГ, 10, 77]; м.-польск. *margoška* хшан. ‘неряшливая женщина’, кольб. ‘глупая, неуравновешенная женщина’, мыслен., бох. ‘ленивая женщина, неумеха’ [Kucharzyk, 2010, 50, 59]; фр. *Jacqueline* валл. ‘глупая женщина’ [Remacle, 1843, 2, 17; Lobet, 1854, 216], норм. ‘болтливая женщина’ [Vermesse, 1867, 297], прост., уст. ‘проститутка, сожительница’ [Delvau, 1883, 239; Larchey, 1881, 210]. Собранный материал как будто поддерживает тезис о высокой стереотипности и относительной межъязыковой универсальности системных этноязыковых механизмов, определяющих семантическое развитие отантропонимических дериватов, — особенно в идеографической зоне наименований человека [см.: Родионова, 2005, 180].

Чтобы говорить о специфике коннотативной семантики имени *Мария*, приведенных выше данных, конечно, недостаточно — необходим анализ всех его апеллятивных производных, а не только характеристик человека. Пока же можно отметить следующее.

В предметно-тематической сфере «Человек» обозначения женщины как таковой преобладают над ее характеристиками. Так, в русском и французском обобщенные наименования женщины представлены исключительно апеллятивными производными от имени *Мария* (в отличие от польского, где в этом же обобщенном значении используются и другие имена, ср. польск. диал. *ewa* ‘женщина’, *sara* ‘женщина или девушка’, *dora* ‘прозвище женщины или девушки’ и др. [Kucharzyk, 2010, 40]). Это может объясняться не только распространенностью имени, но и его вхождением в бинном «Иван да Марья», который характерен как для русского, так и для французского языков. В польском *maryna*, *marysia*, *maryśka* ‘девушка’ вписываются в ряд других ласкательных или шуточных номинаций девушек и юношей, создаваемых диминутивными формами различных имен: диал. *hanka*, *helisia* (*helisienia*), *kaśka*, *oliś* (< *Aleksandra*); *karlik* (*karlus*, *karlusek*, *karolus* < *Karl*, *Karol*), *szczepanek* [Ibid., 40–41]. Фактическое отсутствие непрецедентных характеризующих номинаций в русском и польском языках, возможно, обусловлено сакрализацией этого имени матери Иисуса Христа и, как следствие, некоей его «табуированностью» (что, впрочем, не мешает номинативному воплощению этого образа в других сферах; см., в частности, в названиях растений: *dzwonki* (*najświętszej*) *marii* *panny*, *koszyczek* <корзиночка> *najświętszej* *panny* *maryi*, *warkoczyki* <косички> *panny* *marii*, *włoski* (*najświętszej*) *panny* *marii* и др. [Kucharzyk, 2010, 105–107]²¹). Что касается французского языка, то характеризующие номинации, которыми так богат именно французский материал, в основном представляют собой атрибутивные сочетания, где антропонимический компонент выступает скорее носителем категориального значения ‘женщина’. Таким

---

²¹ Ср. русские диалектные фитонимы *богородицына ручка* (*ножка*), *богородицыны слезки*, *богородишна коса* и под. [Родионова, 2000, 127–130]. Основываясь на семантико-мотивационной реконструкции континуантов деривационно-фразеологических гнезд *Богородица* / *Божья Мать* и *Мария*, И. В. Родионова приходит к выводу, что «ментальный образ такого персонажа, как мать Иисуса Христа, в русской языковой традиции связан прежде всего с обозначениями *Богородица* / *Божья Мать*» [Там же, 127–130].

образом, французские данные тоже указывают на доминирование этой семантической составляющей²².

Сравнение коннотативной семантики как «родственных», так и «неродственных» имен ставит нас перед важной теоретической проблемой, связанной с возможностью построения методики сопоставления и относительной оценки коннотативного фона разных имен как внутри одного антропонимикона, так и в межъязыковой перспективе.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. СПб., 2007–2008. Т. 1–4; Иркутск, 2010–. Т. 5–.

Белетич М., Лома А. Сон, смерть, судьба (наблюдения над праслав. *mora, *marā) // *Slavica Svetlanica*. Язык и картина мира: к юбилею Светланы Михайловны Толстой. М., 2013. С. 56–75.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования / отв. ред. С. М. Толстая. М, 2007.

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.

Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А. Сибирь в русской языковой традиции (на иноязычном фоне) // *Пространство и время в языке и культуре* / отв. ред. С. М. Толстая. М., 2011. С. 110–157.

Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А. Деривационно-фразеологическое гнездо *Москва* в русском и иностранных языках // *Slavia*. 2015a. R. 84. S. 1. S. 82–94.

Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А. Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков: Человек. Культура. Политика и экономика // *Quaestio Rossica*. 2015b. № 1. С. 129–153.

---

²² Выше уже говорилось о типичности атрибутивной модели номинации для французского материала. В то же время анализ указателя к работе Акселя Петерсона [Peterson, 1929] позволяет заключить, что в рамках тематической группы «Человек» эта модель в основном представлена сочетаниями с именами *Marie* и *Jean*, что выделяет эти два имени на фоне всех остальных и косвенно указывает на их особую функциональную специфику, заключающуюся в способности нести обобщенное значение ‘женщина’ / ‘мужчина’ в составе атрибутивных номинаций (заметим, что для других антропонимов такая модель деривации оказывается востребованной преимущественно при образовании единиц, относящихся к другим тематическим группам: «Растения», «Животные», «Предметы»).

- Березович Е. Л., Рут М. Э.* Ономаσιологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // Изв. Урал. ун-та. 2000. № 17. Сер. «Гуманитар. науки». Вып. 3. С. 33–38.
- Двинятин Ф. Н.* Пословичный Фома // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст : тез. междунар. науч. конф. М., 2001. Ч. 2. С. 143–144.
- Кривошапова Ю. А.* Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : дис. на соиск. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2007.
- Кривошапова Ю. А.* Образ Волги в русской языковой традиции // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / [отв. ред. Е. Л. Березович]. Екатеринбург, 2015. С. 155–157.
- КСГРС — картотека Словаря говоров русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008.
- НОС — Новгородский областной словарь : в 13 вып. / ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995 ; Великий Новгород, 2000.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметанной. Киров, 1996–. Вып. 1–.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л. ; СПб., 1967–. Вып. 1–.
- Родионова И. В.* Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2000.
- Родионова И. В.* Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // Рус. язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 159–189.
- Рут М. Э.* Антропонимы: размышления о семантике // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. Сер. «Гуманитар. науки». Вып. 4. С. 59–64.
- Рут М. Э.* Имя Василий в русском языковом пространстве // У чистого источника родного языка : сб. науч. ст. к 60-летию проф. В. И. Супруна. Волгоград, 2008а. С. 209–214.
- Рут М. Э.* Факторы формирования коннотативных смыслов имени: Екатерина и производные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2008б. С. 102–119.
- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда, 1983–2007.
- Спирidonов Д. В.* К этнолингвистической характеристике имени Жак во французских диалектах // Вопр. ономастики. 2011. № 1 (10). С. 36–50.

- Спиридонов Д. В., Феоктистова Л. А.* К сопоставительному изучению семантических дериватов личного имени: рус. *Иван*, польск. *Jan*, фр. *Jean* // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф., 8–12 сентября 2012 г. / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2012. С. 268–270.
- Спиридонов Д. В., Феоктистова Л. А.* Русский *Иван* и его «братья»: польск. *Jan* и фр. *Jean* (к вопросу об этнокультурной специфике личного имени) // Acta onomastica LVI. 2016. С. 76–92.
- СППП — Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб., 2001.
- СРГА — Словарь русских говоров Алтая : в 4 т. / под ред. И. А. Воробьевой. Барнаул, 1993–1998.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1999–2006.
- СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья : в 3 вып. / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова и др. Пермь, 2010–2012.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- СРСГСП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья : в 3 т. / под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск, 1992–1993.
- Ткаченко П.* Кубанский говор. Опыт авторского словаря. М. : «Граница», 1998.
- Феоктистова Л. А.* К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопр. ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 85–116.
- ФСГНП — *Ставшина Н. А.* Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. СПб., 2008.
- ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1983.
- Barbe L.* Dictionnaire du patois normand en usage à Louviers et dans les environs. Louviers, 1907.
- Caradec F., Pouy J.-B.* Dictionnaire du français argotique et populaire. Paris, 2009.
- Cerlogne J.-B.* Dictionnaire du patois valdôtain précédé de la petite grammaire. Aoste, 1907.
- Delvau A.* Dictionnaire de la langue verte: Nouvelle édition conforme à la dernière revue par l'Auteur augmentée d'un supplément par Gustave Fustier. Paris, 1883.
- Dottin G.* Glossaire des parlers du Bas-Maine (département de la Mayenne). Paris, 1899.
- France H.* Dictionnaire de la langue verte, archaïsmes, neologismes, locutions étrangères, patois. Paris, 1907.
- Grandgagnage Ch.* Dictionnaire étymologique de la langue wallonne. Partie 2. Liège, 1880.

- Guillemaut L.* Dictionnaire... des mots patois et des expressions du langage populaire les plus usités dans la Bresse Louhannaise (A^m de Louhans, Saône-et-Loire) et une partie de la Bourgogne. Louhans, 1902.
- Kucharzyk R.* Słownictwo odantropomiczne w gwarach polskich. Kraków, 2010.
- Larchey L.* Dictionnaire historique d'argot. Paris, 1881.
- Littre E.* Dictionnaire de la langue française (1873–1878). Режим доступа: <http://www.littre.org>
- Lobet J.-M.* Dictionnaire wallon-français. Verviers, 1854.
- Martellière P.* Glossaire du vendômois. Orléans ; Vendôme, 1893.
- Moisy H.* Dictionnaire du patois normand indiquant régulièrement tous les termes de ce patois en usage de la région centrale de la Normandie pour servir à l'histoire de la langue française. Caen, 1887.
- Peterson A.* Le passage populaire des noms propres à l'état des noms communs dans les langues romanes et particulièrement en français. Uppsala, 1929.
- Puitspelu N. de.* Dictionnaire étymologique du patois lyonnais. Lyon, 1887.
- Remacle L.* Dictionnaire wallon-français: T. 2. Liège, 1843.
- Rigaud L.* Dictionnaire d'argot moderne. Paris, 1881.
- Sigart J.* Glossaire étymologique montois, ou Dictionnaire du wallon de Mons et de la plus grande partie du Hainaut. Bruxelles ; Leipzig, 1866.
- Thibault A.* Glossaire du pays blaisois. Blois ; Orléans, 1892.
- TF – *Mistral F.* Lou Trésor dou Félibrige ou Dictionnaire provençal-français. Vols. 1–2. Raphèle-lès-Arles, 1979.
- TLFi – Le Trésor de la langue française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.html>
- Travers J.* Glossaire du patois normand. Caen, 1856.
- Vermesse L.* Dictionnaire du patois de la Flandre française ou wallonne. Douai, 1867.
- Verrier A.-J., Onillon R.* Glossaire étymologique et historique des patois et des parlers de l'Anjou. Vol. 2. Angers, 1908.

* * *

Спиридонов Дмитрий Владимирович

кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
ком. 302
E-mail: dspiridonov@mail.ru

Spiridonov, Dmitry

Vladimirovich
PhD, Associate Professor
Department of Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin av., room 302,
620000, Ekaterinburg, Russia
E-mail: dspiridonov@mail.ru

Феоктистова Любовь Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и общего языкознания
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
ком. 306
E-mail: lfeoktistova@mail.ru

**Feoktistova, Lyubov
Aleksandrovna**

PhD, Associate Professor
Department of Russian Language
and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin av., room 306,
620000, Ekaterinburg, Russia
E-mail: lfeoktistova@mail.ru

Maria, Maria, Marie: Sketches for a Linguistic Portrait

The article attempts to reconstruct the connotative meaning of the Russian personal name *Maria* as compared to Polish *Maria* and French *Marie*, based on the analysis of their appellative derivatives in the respective languages. The authors distinguish between two groups of deonyms: the first group includes names designating woman in general, the second one includes names that somehow characterize woman. The second group displays a very stereotypical range of meanings ('slatern', 'unthrifty woman', etc.) that can be found when analysing the appellative derivatives from many other names. However, the taking into account of both quantitative and qualitative features of the studied corpus of derivatives allows to conclude that in all three languages characterizing traits are peripheral in the connotative meaning of the names in question, which makes them specific as compared to other personal names. The authors also touch upon particular methodological issues related to the retrieval of ethnolinguistic information from onomastic data.

Key words: connotative meaning of a personal name, appellativization, deanthroponyms, family of phraseological derivatives, dialect vocabulary, ethnolinguistics.

5. Диалектология

Ю. Б. Воронцова

Н. В. Галинова

Екатеринбург

К изучению мотивации композитов, образованных от глаголов с семантикой поедания (на материале русской лексики и антропонимии)

В статье рассматриваются композиты, в состав которых входят глагольные корни *ед-* ‘есть’, *грыз-* ‘грызть’, *глот-* ‘глотать’, *жор-* ‘есть с жадностью, «жрать»’, *зоб-* ‘клевать, есть’, *хлеб-* ‘хлепать’. Материалом служит лексика русского общенародного языка, говоров, просторечия, а также данные антропонимии (исследуемая модель более всего распространена в сфере коллективных прозвищ). Авторы анализируют словообразовательную структуру композитов, их объектно-субъектную направленность. В ономазиолого-мотивологическом плане выделяются две большие группы композитов: слова, реализующие прямой способ номинации (их значения лежат в «пищевой» сфере), и опосредованные наименования, называющие болезни, особенности ландшафта, занятия человека и др. Выявляются потенции композитов для этнолингвистических наблюдений и народноэтимологических переосмыслений. Осуществляется мотивационная интерпретация некоторых «темных» слов, реализующих изучаемую модель (*оглоед* ‘бездельник, дармоед’, *мухоедка* ‘лицо’, *ноткоеда* ‘заболевание ногтей’).

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская диалектная лексика, коллективные прозвища, глагольные композиты, словообразовательная модель, мотивационная модель, народная этимология.

В статье рассматриваются особенности мотивационных моделей, лежащих в основе сложных слов, в состав которых входят глагольные корни *ед-* ‘есть’, *грыз-* ‘грызть’, *глот-* ‘глотать’, *глот-* ‘глотать’, *жор-* ‘есть с жадностью, «жрать»’, *зоб-* ‘клевать’, ‘есть’¹, *хлеб-* ‘хлебать’. Материалом служит лексика русского общенародного языка, говоры, просторечия, а также данные антропонимии (как установлено, исследуемая модель более всего распространена в сфере коллективных прозвищ). Изучаемые композиты весьма популярны в русском языке, присущи в первую очередь широко понимаемой народной речи, имеют, как правило, экспрессивную окраску, ср. шуточный ряд, выстроенный Ф. Искандером, где большинство номинаций реализует интересующую нас модель: «После долгих споров мы установили строгую научную линию эволюционного развития человека: живоглот, горлохват, горлоед, оглоед, шпагоглот, виноглот, куроглот, мудроглот, трухоглот, мухоглот (он же слухоглот), горлодер, горлопан, горлан и, наконец, полиглот» (Ф. Искандер. «Козы и Шекспир», 2001) [НКРЯ]. Как видно из этого примера, значения композитов могут выходить за пределы «гастрономической» сферы; это предварительное наблюдение находит широкое подтверждение в приводимом ниже материале.

Анализируемые композиты образованы от глагольных конструкций:

- **субстантивных:** гл. + сущ. в вин. п.: прост. *хлебожор* ‘тот, кто ест много хлеба’, *лукоеды* ‘жители г. Арзамас Нижегородской обл.’ [Бурцев, 2, 196; Забылин, 1991, 571; Сахаров, 1990, 203], *мукозобы* ‘жители д. Хавино Кичменгско-Городецкого района Вологодской обл.’ [ТЭ], кубан. *костогрыз* ‘ломота в костях’ [СРНГ, 15, 76–77]; гл. + сущ. в им. (твор.) п.: моск. *мышеед* ‘сено, изъеденное мышами’ [СРНГ, 19, 68];

- **а д е к т и в н ы х:** гл. + (субстантивированное) прил. в вин. п.: разг. *сладкоежка* ‘тот, кто любит сладкое; сластена’, липец., ворон. *солноёд* ‘любитель соленого’ [СРНГ, 39, 267], сиб. *живоглот*

¹ Ср.-рус., сев. *зобать* ‘клевать, жадно хватая клювом, набивая зоб (о птицах)’, ‘есть (о человеке)’, ‘глотать, есть быстро, как птица клюет корм’, ‘жадно, торопливо есть’ и др. [СРНГ, 11, 321–322].

‘растение *Nitraria Schoberi* L., селитрянка Шобера’ [СРНГ, 9, 153], *чужеёды* ‘жители д. Шижня Беломорского района Карелии’ [Михайлова, 1993, 73], лит. *сыроежка* ‘вид грибов, которые, как считается, можно есть сырыми или же есть вскоре после засолки’, *сыроёды* ‘жители Каргопольского района Архангельской обл.’ [Забылин, 1991, 574; ОП, 68; ПРН, 339; Сахаров, 1990, 211]²;

▪ а д в е р б и а л ь н ы х: гл. + нареч.: лит. *малоежка* ‘человек, который мало ест’, *дармоед* ‘тот, кто живет за чужой счет, бездельник’, омск., томск. *скороёжка* ‘гриб сыроежка’ [СРНГ, 38, 98].

Корень, восходящий к глаголам со значением поедания, занимает обычно вторую позицию в составе сложного слова; случаи препозиции редки, ср. арх. *грызоволóска* ‘злая старая дева’ [СРНГ, 7, 179] при иркут., якут. *волосогры́зица* ‘жук-дровосек’ [СРНГ, 5, 62].

В указанных конструкциях проявляются различные с у б ь е к т н о о б ь е к т н ы е о т н о ш е н и я: так, лит. *куроед* ‘тот, кто поедает кур’, тул. *куроédка* ‘хорь, норка’ [СРНГ, 16, 139] — объектные композиты (именной компонент указывает на объект поедания), в то время как нижегор. *куроéd* ‘растение гусятая трава’ [Там же] — субъектный композит (отражено указание на субъект поедания). В подавляющем большинстве случаев композиты являются объектными, именной компонент в их составе восходит к существительному или прилагательному в винительном падеже, а словообразовательное значение реализует формулу «тот, кто ест / будто бы ест что-либо». В редких случаях эта формула подвергается модификациям, при этом указание на объект поедания сохраняется, а в значении актуализируются дополнительные темпоральные или инструментальные смыслы, например: «время, когда можно есть что-либо» (лит. *мясоед*), «служащий для поедания чего-либо» (арх. *кашеéd* ‘горшок для каши’ [СРНГ, 13, 149]).

По способу номинации изучаемые композиты распадаются на две большие группы.

² Слова *сыроеды* и *сыроежка* допускают и другую интерпретацию словообразовательной модели: гл. + прил. в твор. п.

1. Слова, реализующие прямой способ, имеют различные мотивационные значения. Ниже приводятся примеры моделей, причем сначала подаются «субъектные» модели, а потом «объектные»:

▪ «тот, кто ест / любит определенную пищу»: смол. *молокоэжничек* ‘тот, кто питается молоком’ [СРНГ, 18, 236], сарат. *медоёд* ‘любитель меда’ [Там же, 72], без указ. м. *рыбоёд* ‘тот, кто питается в основном рыбой’ [СРНГ, 35, 298], прост. *водохлёб* ‘тот, кто любит часто пить чай, воду’, *гущеёды* ‘жители г. Великий Новгород’ — «Гущеедами прозвали новгородцев за постное кушанье во время поста, приготовляемого из обожженного ячменя, сваренного в одной воде» [Бурцев, 2, 206; Забылин, 1991, 577; Сахаров, 1990, 216], *кашехлёбы* ‘жители г. Кириллов Вологодской обл.’ [ПРН, 332; СРНГ, 13, 150], *лапшеёды* ‘жители г. Ростов Ярославской обл.’ — «Лапшеедками их называли за любимое их кушанье — лапшу» [Бурцев, 2, 208; Забылин, 1991, 579; Сахаров, 1990, 219]. В ряде случаев в таких композитах отмечаются особенности питания животных, птиц, насекомых и растений: лит. *травоядный* ‘питающийся растительной пищей (о животных)’, лит. *муравьед* ‘наземное или древесное млекопитающее тропической Америки, питающееся главным образом муравьями и термитами’, лит. *осоёд* ‘хищная птица из семейства ястребиных, питающаяся личинками ос’, тобол. *мясоёдка* ‘птица *Parus major*, синица большая’ [СРНГ, 19, 89], лит. *пчелоед* ‘птица семейства ястребиных, питающаяся насекомыми, главным образом пчелами’, пск. *листоёд* ‘жук из семейства Chisomelidae’ [СРНГ, 17, 68], лит. *книгоед* ‘насекомое из отряда сеноедов, заводящееся в старых бумагах, книгах; книжная вошь’, сиб. *живоглот* ‘растение *Nitraria Schoberi* L., селитрянка Шобера’ [СРНГ, 9, 153] и др.;

▪ «тот, кто ест / любит пищу с определенными вкусовыми характеристиками»: разг. *сладкоежка* ‘тот, кто любит сладкое; сластена’, липец., ворон. *солноёд* ‘любитель соленого’ [СРНГ, 39, 267];

▪ «тот, кто ест / любит пищу в сыром или обработанном виде»: иркут. *сыроёдка* ‘о том, кто ест сырую, невареную пищу’ [СРНГ, 43, 160], *сыроёды* ‘жители полуострова Канин Нос Архангельской обл.’ — «Жители очень любят есть сырую рыбу и сырое мясо. И сейчас любят они рыбку сырым есть и приговаривают: “Рыбка

сыра и вкусна, да в ней сила наша, в жилах кровинушка наша текёт»» [Дранникова, 2004, 317];

- «тот, кто ест много / мало»: разг. *малоежка* ‘человек, который мало ест’, перм. *худоед* ‘человек с плохим аппетитом’ [СРГСУ, 6, 156];

- «тот, кто ест специфическую, бедную или некачественную пищу»: пск., твер. *мышеед* ‘о том, кто ест отбросы, отходы, падаль’ [СРНГ, 19, 68], *крошкоеды* ‘жители д. Шижня Беломорского района Карелии’ [Дранникова, 2004, 51; Михайлова, 1993, 73], *кишкоеды* ‘жители побережья Белого моря’ [Михайлова, 1993, 73–74];

- «тот, кто делает перерывы в процессе еды»: твер. *межеедок* ‘о том, кто медленно ест’ [СРНГ, 18, 82];

- «тот, кто ест за чужой счет»: прост. *дармоед* ‘человек, живущий за чужой счет’, *чужееды* ‘жители д. Шижня Беломорского района Карелии’ [Михайлова, 1993, 73], дон. *дурноед* ‘дармоед’ [СРНГ, 8, 270];

- «то, что можно есть в сыром виде, не готовя, или с минимальной тепловой обработкой»: лит. *сыроежка* ‘съедобный гриб семейства пластинчатых с хрупкой яркой шляпкой’, орл. *сыроежка* ‘кушанье из гречневой муки, разведенной водой, квасом или простоквашей’ [СРНГ, 43, 161];

- «съеденный кем-либо»: моск. *мышеед* ‘сено, изъеденное мышами’ [СРНГ, 19, 68] и др.

2. Активность и популярность рассматриваемой модели приводит к тому, что она осваивает «непищевые» лексические сферы. Возникают о п о с р е д о в а н н ы е (часто метафорические) наименования, которые характеризуют:

- болезни: моск., ряз., перм., кемер., амур. *ногтеедка* ‘болезнь ногтя’ [СРНГ, 21, 267], калуж., моск., краснаяр. *костоед* ‘воспаление костной ткани или зубов, сопровождаемое их разрушением’ [СРНГ, 15, 77], кубан. *костогрыз* ‘ломота в костях’ [Там же];

- средства и способы лечения болезней: лит. *кровохлёбка* ‘многолетнее лекарственное растение из семейства розоцветных’, перм. *семигрызка* ‘лекарственная трава от грыжи’ [СРНГ, 37, 153];

- особенности внешнего вида человека или животных: дон. *землеед* ‘небольшая плотная лошадь, маштак’ [СРНГ, 11, 255]

(реализация модели «будто едящий что-л., т. е. находящийся к чему-л. настолько близко, что создается впечатление, будто он это ест»);

- особенности ландшафта, флоры и фауны: *камнеёды* ‘жители д. Паршино Вашкинского района Вологодской обл.’ — «У них камней было много на полях» [ТЭ], *вичкоёдни* ‘жители д. Засулье Лешуконского района Архангельской обл.’ — «Нам дали прозвище вичкоедники, причина состоит в том, что на берегу реки росло много ивы³, телята летом поедали её, а название вичкоедники получили жители» [Дранникова, 2004, 313], *кукшеёды* ‘жители д. Шалы Пудожского района Карелии’ — «Насмешливое прозвище; протекающая мимо нее река того же названия богата налимами, зобок которых зовется кукшей» [Куликовский, 1898, 45; СРНГ, 16, 50], *мохоёды* ‘жители д. Слобода Каргопольского района Архангельской обл.’ — «Там мохоеды в деревне были, в лесу, в болоте» [ТЭ];

- занятия: смол. *землеёд* ‘о человеке, любящем землю, не щадящем себя при обработке ее и т. п.’ [СРНГ, 11, 255], лит. *буквоед*, *книгоед* ‘о всяком, кто работает над книгами и отличается точным знанием текстов’, вят., урал. *клочкоёд* ‘шерстобит’ [СРНГ, 13, 307], *бороёды* ‘жители д. Васильевская Устьянского района Архангельской обл.’ — «Потому что бор пахали» [ТЭ], *гужеёды* ‘жители г. Томск и Томской губ.’ — «Ездили в Иркутск по городам с подводой, вот и прозвали их гужедами» [СРНГ, 7, 204], *короёды* ‘жители г. Архангельск’ — «Работала я в молодости на комбинате, где лес пилили, вот нас, лесопильщиков, и называли короёдами, потому что обрабатывали лес и снимали кору с бревен, а потом уж только доски выходили» [Дранникова, 2004, 339];

- характер, поведение и привычки: смол. *костоглód* ‘о человеке с тяжелым характером’ [СРНГ, 15, 76], ворон. *костоёдка* ‘ворчунья; злая ехидная женщина’ [Там же, 77], ср.-урал. *табакоёд* ‘ярый курильщик’ [СРГСУ, 6, 85], лит. *сердцеед* ‘мужчина, пользующийся большим успехом у женщин; покоритель женских сердец’, жарг. *спиногрыз* ‘о нежелательном, затрудняющем жизнь родителей

³ Ср. арх., влг., вят., карел., ленингр., перм., тобол. *вичка* ‘гибкий, удобосвиваемый прут, ветка’ [СРНГ, 4, 309].

маленьком ребенке' [Химик, 2004, 578], *мироёды* 'жители д. Подболотье Бабушкинского района Вологодской обл.' — «Там две деревни вместе не уживались, споруны» [ТЭ] и др.

Другой вариант расширения модели состоит в том, что способность к поеданию приписывается тем, кто ею не обладает: р. Урал *пероёд* 'болезнь кур, при которой у них выпадают перья' [СРНГ, 26, 288], разг. *снегоед* 'о теплом ветре, тумане и т. п., под действием которых снежный покров становится рыхлым, тает', орл. *золоёд* 'неплодородная, дающая низкий урожай земля' [СРНГ, 11, 328], костр. *молокоёдка* 'род гриба наподобие груздя' [СРНГ, 18, 236] и др.

Рассмотренный материал предоставляет возможности для этнолингвистических наблюдений. Так, композиты могут использоваться для характеристики людей, имеющих определенный род занятий, социальный статус: костр. *кутехлёб*, смол. *кутьехлёб* 'о лице духовного звания' [СРНГ, 16, 168, 178], яросл. *водохлёб* 'бедный человек, особенно причетник' [СРНГ, 4, 347], онеж., новг. *крупоёд* 'о солдате' [СРНГ, 15, 321], прост. *куроед* 'о мелком чиновнике-взяточнике' и др. Тем самым пищевые привычки становятся маркером социального положения; при этом в композитах, функционирующих в нарицательной лексике, отражаются представления о пищевом поведении, которое, как правило, отлично от крестьянского. Что касается коллективных прозвищ, то в этой сфере встречаются наименования как горожан, так и крестьян.

Популярность «пищевых» композитов в сфере коллективных прозвищ свидетельствует о значимости различий в рационе не только для социальной, но и для территориальной дифференциации людей, ср.: *борщеёды* 'жители с. Ижма Приморского района Архангельской обл.' — «Вместо капусты квасили и запасали на зиму дикорастущие на лугах борщовки» [Подвысоцкий, 1885, 10; СРГНП, 1, 41; СРНГ, 3, 122], *коноёды* 'жители г. Мезень Архангельской обл.' [Дранникова, 2004, 238], *кутехлёбы* 'жители с. Мякинницыно Великоустюгского района Вологодской обл.' — «Кто хоронится или женится, они все ходили кутью хлебать» [ТЭ]⁴. Прозвища, харак-

⁴ В деревне находилась церковь св. Николая Мякинного.

теризующие пищевые привычки отдельных коллективов, могут вступать в системные отношения и противопоставляться друг другу: «Так, жители Вологодской и Архангельской областей противопоставляются как *водохлёбы*, живущие по рекам и потому, по мнению информантов, пьющие много чая, и *трескоеды*, употребляющие в пищу морскую рыбу» [Осипова, 2017]. Подтверждения этому находим в материалах: *водохлёбы* ‘жители Вологодской обл.’ — «Мы водохлёбы, а там трескоеды»; «Мы пьём, они едят»; «Мы все водохлёбы, всю жизнь чай пьём» [ТЭ]; *трескоеды* ‘жители Архангельской обл.’ — «Всяк нас трескоедами называет, думают, что у нас всякая рыба есть, а мы рыбы-то не видим»; «Мы в Вологде на права сдавали, там всех архангельских трескоедами зовут»; «Из-за еды. Треска основная еда» [Там же].

Коллективные прозвища часто носят ситуативный характер: свойства называемого объекта не изучаются номинатором подробно, в совокупности, в основу имени кладется не самая существенная характеристика коллектива, но какая-либо яркая, запомнившаяся ситуация (реальная или выдуманная): *боскоеды* ‘жители г. Петрозаводск’ — «У одного крестьянина Шелтозерского общества, Петрозаводского, была свадьба. К утру свадебного дня все нужное для крестьянского пира было приготовлено заботливыми хозяйками. В ночь перед свадьбой домашняя собака (по-чудски *боска*) ошенилась на печи. Лишь только затопили печь и поставили к устью горшки с мясом, щенята, вероятно, от жару расплзлись по печке и один за другим попадали в горшки, чего в суетах хозяйки и не заметили. Собрались, наконец, гости, сели за стол; подали деревенские щи, в которых плавали собачьи морды, уши и лапы. С криками и бранью выскочили гости из-за трапезы, и с того времени прозвание боскоеды присвоено всем здешним жителям» [ОП, 66–67]; «Прозвище это произошло потому, что жители одной деревни, найдя после пожара кустарных зарослей обгорелый труп своей собачки Боски, приняли его за тело зайца и съели» [СРНГ, 3, 124], *жёлноеды* ‘жители д. Максимов Починок Мамадышского уезда Казанской губернии’ — «Едят птицу жёлну» [Можаровский, 1882, 92], *мандоеды* ‘жители с. Койда Мезенского района Архангельской обл.’ — «Давно как-то старому

деду подкинули варёную оленью манду, а он ее съел — вот и прозвали мандоедами» [ТЭ].

Прозвища-композиты нередко имеют комплексную мотивацию. Так, названия, в которых фигурируют обозначения рыбы и ее частей (типа *ершеёды*, *ревчаёды*⁵, *кишкоёды*), могут характеризовать не только пищевые привычки жителей определенной местности, но и ландшафт (обилие рек или озер) и занятия рыболовством⁶: «В Белом озере много ершей было» (влг.); «Мы больше всех ершей ловили» (влг.); «Из одного ерша сорок ведер ухи сварили» (вят.) [ТЭ]; «Жители берегов Селигера названы ершеедами потому, что их любимая рыба — ерш» [Смолицкая, 2002, 308].

Представления о пищевых привычках — реальных или легендарных — могут порождать народноэтимологические переосмысления наименований лиц по конфессии или национальности, при этом результаты таких переосмыслений оказываются втянутыми в поле действия изучаемой модели, ср. лит. *самоеды* ‘самодийцы’, перм. *мухоедан* ‘магометанин’ [СРНГ, 19, 37], *быкоёды* ‘жители с. Нырб Чердынского уезда Пермской губ.’ — «По преданию, нырбцы триста лет тому назад придерживались языческих обычаев, устраивали празднества, на которых убивали быков, мясо варили в чанах и “скопом” на площади поедали, за что до сих пор их зовут быкоедами» [СРНГ, 3, 344].

Некоторые «темные» лексемы, реализующие изучаемую модель, требуют отдельной этимологической интерпретации.

Костр., пск. *облоёд*, калуж., новг., перм., пск., твер. *облоёжа* ‘обжора’, калуж. *облоёдный* ‘ненасытный, прожорливый’ [СРНГ, 22, 105] явно связаны с прост. *оглоед* ‘бездельник, дармоед’, костр., дон. *оглоёд* ‘ненасытный человек; обжора’ [Там же, 318] и т. п. В этих композитах, вероятно, первый корень восходит к прилагательному *облый* — дон., перм., сев., сиб., тамб., томск., уфим.

⁵ Ср. *ревчаёды* ‘жители д. Патракеевка Приморского района Архангельской обл.’ — «Есть рыба ревча, на вид она очень страшная, вся в бугорках. Жители деревни ее ловят и едят» [Дранникова, 2004, 330].

⁶ См. об этом также в [Журавлев, 1984а; 1984б].

‘круглый’, арх., дон., краснояр., курск., орл. ‘полный, плотный, толстый’ и др. [СРНГ, 22, 114]; данное прилагательное продолжает праслав. **obvьlь(j)ь* < **ob-* + **vьl-*, связанное чередованием гласных с **valiti* [ЭССЯ, 31, 124–126]. Мотивационное значение в этом случае — «тот, кто много ест, становясь полным, толстым». Можно допустить и другое прочтение внутренней формы, если учесть, что в гнезде **obvьlь(j)ь* прослеживается семантика ‘целиком’, ‘сразу’, ср. польск. *obel, oblem* ‘полностью, целиком, совсем’, арх. *вобло́* ‘все вместе, заодно, гуртом’ [Там же, 125]. Мотивация тогда — «тот, кто съедает все целиком». Появление форм с корневым *г* объясняется, вероятно, меной *б/лг*, ср. новг. *огло́й* ‘густой туман’ // *обло́й* ‘дождь со снегом, замерзающий при падении и сопровождающийся гололедом на земле, деревьях и т. п.’ [Михайлова, 2013, 223]. Можно допустить и аттракцию к глаголу *оглодать, оглаживать*. Остальные значения лексем этого гнезда, отмеченные в [СРНГ, 22, 105, 318], появились в результате закономерного развития семантики: ‘жадный человек’ ← ‘съедающий абсолютно все’ ← ‘обжора’; ‘дармоед, лентяй’ ← ‘не делающий ничего, кроме постоянного поглощения пищи’ ← ‘обжора’; ‘непослушный человек’ ← ‘не слышащий ничего в процессе еды’ ← ‘обжора’.

Для тамб. *мухо́едка* ‘лицо’ [СРНГ, 19, 37] можно предложить такую логику формирования семантики: первоначально это слово было шутливым обозначением рта (ср. «Закрой рот, а то муха залетит!»), а современное значение возникло благодаря метонимическому переносу. Однако не исключена и еще одна версия: лицо — та часть тела, которая всегда бывает открытой, не покрытой одеждой, и поэтому насекомые кусают, «едят» (особенно во время сельскохозяйственных работ) в первую очередь именно лицо.

Лексемы *нотко́еда* ‘заболевание ногтей; ногтоеда’ (арх., новосиб., ряз.), *нотко́едка* ‘болезнь, вызывающая разрушение суставов пальцев’ (амур.) и *нодкоедка* ‘болезнь ногтоеда’ (томск.) [СРНГ, 21, 295, 267] возникли в результате метатезы в лит. *ногтоеда* ‘воспаление, нарыв на пальце под ногтем’ (ср. также амур., кемер., моск., перм., ряз. *ногте́едка* ‘болезнь ногтоеда’ [Там же]) на фоне аттракции с глаголом *ныть*. Болезнь ногтоеда связана с воспалением,

которое, как правило, сопровождается болью, зачастую ноющей (ср. контексты к диал. *ногтеёдка*: «Ногтеедка — палец кругом нарывает» (ряз.); «Опухоль на руке была, болит палец. Это ногтеедка бывает» (кемер.) [СРНГ, 21, 295, 267]), поэтому подобная аттракция весьма вероятна. Мотивационная модель в таком случае реконструируется как «будто съедающий нытьем, ноющей болью». Появление же арх. *ноткоёдливый* ‘надоедливый, утомительный’ и *ноткоёда* ‘назойливый человек’, ‘о ребенке, который постоянно просит есть’ [Там же, 295] стало следствием метафорического переноса. Однако здесь нельзя исключить и влияние лит. *надоедать, надоеда*, ср. контекст: «Вот ноткоеда! Всё она что-нибудь надоедает!» (арх.) [Там же].

Итак, семантика поедания, реализуемая у сложных слов, в основе которых лежат глагольные корни *ед-*, *грыз-*, *глот-*, *глот-*, *жор-*, *зоб-*, *хлеб-*, весьма распространена как для лексем литературного языка, так и для говоров, в том числе для антропонимии. Наиболее продуктивным при образовании композитов оказывается корень *ед-* ‘есть’: подавляющее число слов содержит его в своем составе. Анализ мотивации рассматриваемых композитов позволяет выявить четыре основных модели: «едающий», «съеденный, обглоданный, обгрызенный», «предназначенный в пищу» и «предписывающий есть что-либо». Однако каждая из них имеет ряд конкретизаций. Так, например, базовое мотивационное значение «едающий» конкретизируется в значениях «едающий что-либо» и «едающий определенным образом», которые, в свою очередь, распадаются на частные мотивировки («едающий / любящий есть определенные продукты питания или кушанья», «едающий / любящий пищу с определенными вкусовыми характеристиками», «едающий / любящий есть пищу в сыром или обработанном виде», «едающий кого-либо» и др. — с одной стороны, и «съедающий, обгладывая до конца», «едающий много / мало», «делающий перерывы в процессе еды» и т. п. — с другой). Обращает на себя внимание продуктивность метафорического способа возникновения значений в исследуемой группе.

- Бурцев А. Е.* Обзор русского народного быта северного края: его нравы, обычаи, предания, предсказания, предрассудки, притчи, пословицы, присловия, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания : в 3 т. СПб., 1902.
- Дранникова Н. В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика. Архангельск, 2004.
- Журавлев А. Ф.* Областные прозвища // Рус. речь. 1984а. № 5. С. 124–129.
- Журавлев А. Ф.* Этнография в прозвищах // Рус. речь. 1984б. № 3. С. 116–123.
- Забьлин М.* Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Минск, 1991.
- Куликовский Г.* Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Михайлова Л. П.* Фараоны, девятые люди и другие жители Карелии // Родные сердцу имена : (ономастика Карелии) / науч. ред.: Г. М. Керг, Н. Н. Мамонтова, Л. П. Михайлова. Петрозаводск, 1993. С. 69–76.
- Михайлова Л. П.* Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск, 2013.
- Можаровский А.* Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. Потехи, забавы, остроты, прозвища, стишки и песни. Казань, 1882.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorgo.ru (дата обращения: 20.01.2017).
- ОП — Народные присловья о городах и племенах Олонечского края // Филол. зап. 1901. № 1–2. С. 61–71.
- Оситова К. В.* Диалектные прозвища Русского Севера, образованные от названий пищи: этнолингвистический аспект // Вопр. ономастики. 2017. Т. 14. № 1. С. 87–109.
- Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- ПРН — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957.
- Сахаров И. П.* Сказания русского народа. М., 1990.
- Смолицкая Г. П.* Топонимический словарь Центральной России. М., 2002.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / науч. ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1964–1988.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- ТЭ — картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной речи. СПб., 2004.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М., 1974—. Вып. 1—

* * *

Воронцова Юлия Борисовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и общего языкознания
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: vorontsova_julia@rambler.ru

Vorontsova, Yulia Borisovna

PhD, Associate Professor,
Department of Russian Language
and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin av., room 306,
620000, Ekaterinburg, Russia
E-mail: vorontsova_julia@rambler.ru

Галинова Наталья Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и общего языкознания
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: nvgalinova@yandex.ru

Galinova, Natalia Vladimirovna

PhD, Associate Professor,
Department of Russian Language
and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin av., room 306,
620000, Ekaterinburg, Russia
E-mail: nvgalinova@yandex.ru

**On the Motivation of Compounds
Formed from Verbs Designating Eating
(With Reference to Russian Lexis and Anthroponymy)**

The article considers Russian compound words with the verbal stems *yed-* (eat), *gryz-* (gnaw), *glod-* (nibble), *glot-* (swallow), *zhor-* (devour), *zob-* (peck), *khleb-* (sup). The study is based on the analysis of lexical items of the Russian language (both standard and colloquial) and its dialects, as well as of anthroponyms (the studied naming pattern being most used for collective nicknames). The authors analyse the compounds' word-formational and deep syntactic structure. From the onomasiological (motivational) point of view, the authors distinguish between two large groups of compounds: words with direct mode of naming (the meanings of those words belong to the sphere of eating and food), and words with indirect mode of naming (which may designate landscape features, diseases, occupations, etc.) The authors consider the compounds' potential

for folk-etymological reinterpretations and, thus, their possible role as a source of ethnolinguistic information. The authors also suggest a motivational interpretation of some “dark” words that follow the studied pattern (*ogloyed* ‘idler, loafer’, *mukhoyedka* ‘face’, *notkoyeda* ‘a kind of nail disease’).

Key words: Russian dialectal vocabulary, collective nicknames, verb compounds, word-formational pattern, motivational model, folk etymology.

Н. В. Кабинина

Екатеринбург

Об одном семантическом гапаксе в говорах Архангельского Поморья

В статье анализируются возможные причины, обусловившие развитие значения ‘нечистая сила’ у слова *скоморох* в говорах двух старейших поселений Архангельского Поморья — Пушлахты и Яреньги. Не отвергая уже известную версию о том, что развитие этого значения обусловлено участием скоморохов в святочном обрядовом цикле, автор предлагает еще два возможных объяснения данного семантического гапакса. Согласно первой гипотезе, основанной на топонимических и этнографических фактах, словом *скоморохи* в прошлом могли обозначаться «чужие» для русского населения саамские этнические группы Поморья. Вторая гипотеза связывает негативную мифологическую семантику слова *скоморох* с его бытованием в поморской старообрядческой среде, где скоморохи — носители языческой культуры — закономерно или даже целенаправленно могли быть приравнены к «нечистой силе».

Ключевые слова: Русский Север, Архангельское Поморье, Онежский полуостров, диалектная лексика, топонимия, семантический гапакс, скоморохи, саамская культура, Соловецкий монастырь, старообрядчество.

1. К постановке вопроса

В настоящей статье, если выразаться образно и в то же время научно, исследуется одно очень локальное «завихрение» языковой стихии, бушевавшей некогда на Русском Севере, — а именно семантически гапаксное употребление слова *скоморох* в говорах двух старейших поселений Онежского полуострова¹ — Пушлахты и Яреньги.

Суть гапакса состоит в том, что в этих говорах слово *скоморох*, имеющее общерусское значение ‘бродячий артист’, зафиксировано в значении ‘нечистая сила’ [КСГРС], которое уникально не только на общерусском, но и на общеславянском фоне. Собирателями — участниками Топонимической экспедиции УрГУ² 1993 г. — значение сформулировано таким образом на основании контекстов «Не реви, скоморох тебя заберёт. Скоморохов порато боялись, они страшные как звери» (Яреньга) и «Скоморохи в болотах грают, в сузёмках» (Пушлахта)³.

Нетипичная семантика севернорусского слова, называющего один из ярчайших феноменов русской народной культуры, закономерно привлекла внимание Е. Л. Березович и была прокомментирована ею в известных крупных этнолингвистических работах [Березович, 1998, 206, 255; 2000, 234]. В комментариях отмечается, что «скоморох», судя по контекстам, аналогичен «черту», и выдвигается предположение о том, что возникновение у слова *скоморох* значения ‘нечистая сила’ обусловлено участием скоморохов — бродячих артистов — в святочном обрядовом цикле. Локальное семантическое развитие лексемы *скоморох* представлено Е. Л. Березович следующим образом: ‘ряженный на Святках’ → ‘нечистая сила, появляющаяся во время Святков’ → ‘нечистая сила (вообще)’.

¹ Онежский полуостров — крупный полуостров на северо-западе России, расположенный в южной части Белого моря; ныне его территория относится к Приморскому и Онежскому районам Архангельской области. К северной оконечности полуострова примыкает архипелаг Соловки, на котором в XV в. был основан знаменитый Соловецкий монастырь.

² С 2011 г. — УрФУ.

³ В этих контекстах севернорусские диалектизмы *порато* и *сузёмок* имеют соответственно значения ‘очень, сильно’ и ‘густой лес’ [КСГРС].

Ни в кой мере не отвергая это предположение, все же заметим, что с опорой на имеющиеся контексты, которых, к сожалению, немного, можно иначе реконструировать как значение диалектизма, так и, соответственно, объясняющую это значение «цепочку» семантического развития. Например, контексты вполне допускают, что *скоморохами* могли именоваться лесные отшельники, страшные на вид и опасные чужие люди, приходящие из леса, — причем именно люди, а не нечистая сила — ср. известные почти каждому русскому ребенку родительские «угрозы»: «Старик Бабай тебя заберет», «Цыгане тебя заберут», «Дядя милиционер тебя заберет» и т. п.⁴

Возвращаясь к семантической реконструкции Е. Л. Березович, нельзя не отметить, что «рядились» на Святки не только скоморохи: когда приходило долгожданное время праздника, с большой охотой и радостью «рядилось» и само население [см., например: СД, 4, 519–525]. Тем самым не вполне понятно, почему, не боясь «ряженных» вообще и даже на время охотно становясь ими, жители поморских деревень все же испытывали такую неприязнь к «ряженным» скоморохам и пугали ими детей.

Это становится еще более загадочным, если учесть, что негативное значение слова *скоморох*, засвидетельствованное в Пушлахте и Яреньге, резко противостоит образу скомороха в поморском фольклоре, где этот образ поистине лучезарен. Иллюстраций можно привести множество — среди самых известных, например, былина «Вавило и скоморохи», исполнявшаяся в свое время М. Д. Кривополеновой [см.: Григорьев, 1904, № 85]. Скоморох в этой былине не просто «развлекает» простых людей — он еще и добрый волшебник, кудесник. Силой своего искусства он превращает грубый черный хлеб в пшеничный белый, ветхие порты — в «атласны и шелковы» и т. п. В былине как будто имеет место сюжет «увода» ребенка от матери — однако Вавило, плененный искусством скоморохов, уходит с ними добровольно; он уже не ребенок, а юноша — мать же

---

⁴ Конечно, в подобных родительских «угрозах» образ человека, который может «забрать» ребенка, неизбежно несколько мифологизируется, но вряд ли становится полностью равным образу нечистой силы — черта, кикиморы и т. п.; скорее, имеется в виду именно *чужой, иной* человек, с которым ребенку будет плохо.

относится к скоморохам очень сердечно и принимает выбор сына. Другой известный пример — основанная на поморском фольклоре сказка Б. Шергина «Дивный гудочек». В этой сказке скоморохи не только не «уводят» ребенка — наоборот, они помогают матери вернуть (воскрешают) ее маленького сына, убитого на болоте злой сестрой [Шергин, 1957, 217–221]⁵.

В целом, как можно судить по фольклору Поморья, семантика слова *скоморох* могла бы здесь развиваться до значения ‘кудесник, волшебник; колдун’, но это было бы неким пределом ее естественного развития. Вероятно, этот предел достигнут в другой севернорусской зоне — в Кенозерье, где для слова *скоморох* — тоже как гапакс — в XIX в. засвидетельствовано значение ‘колдун’ [Куликовский, 1898, 108]. Но так же, как волшебник, колдун (и в жизни, и в языке) не равен нечистой силе, вряд ли равен ей и кудесник-скоморох — при всей его непонятной для простого человека связи с миром чудесного⁶.

Таким образом, факты, записанные Топонимической экспедицией УрГУ в двух поморских поселениях, — это некая загадка, которую, не отрицая версии Е. Л. Березович, стоит попробовать разгадать еще раз. На этом пути, как нам представляется, вряд ли смогут чем-то помочь углубленные этимологические разыскания по поводу самой лексемы *скоморох*, явно имеющей весьма древнее происхождение⁷. Вполне очевидно, что поморский семантический гапакс представляет собой сравнительно позднее явление, в котором, если можно так выразиться, сказалось «разотождествление» одного из элементов традиционной русской культуры. Оно, по

⁵ Другие подобные примеры см. в работе З. И. Власовой [2001].

⁶ При этом, снова возвращаясь к версии Е. Л. Березович, заметим, что грань, отделяющая скомороха от истинной «нечисти», действительно порой довольно тонка, что находит выражение в русских пословицах «Бог дал попа, а черт скомороха», «Плясать — беса потешать», «Скоморошья потехи — сатане в утеху» [Даль, 3, 133; 4, 203]. Практически стирается эта грань в древнерусской церковной литературе [см.: Фрэнсис, 2007].

⁷ М. Фасмер приводит для русской лексемы *скоморох* ряд славянских и иных параллелей, но квалифицирует слово как этимологически трудное [Фасмер, 3, 648–649]. Неясным считает его и Л. В. Куркина — составитель этимологических комментариев к статьям «Толкового словаря русского языка с включением сведений о происхождении слов» [ТСРЯ, 889]. О предлагавшихся для слова этимологиях см. также [Белкин, 1975, 25–27].

всей вероятности, вызвано отнюдь не наследованием какого-то компонента древнейшей семантики этимона, а неким «местным» внутренним культурным диссонансом, которому в языке соответствует часто невидимый и непонятный для исследователя уровень денотации⁸.

Версий, лежащих в этом «денотативном» русле, две — далее мы изложим их в том порядке, в каком они возникали у автора в процессе осмысления вопроса.

2. Скоморохи — саамские этнические группы?

Суть этой версии состоит в том, что в Поморье *скоморохами* с русской стороны могли называться в прошлом группы саамов-язычников — либо аборигенных, либо «заезжих» кольских, имевших на материковой территории Поморья сезонные олени пастбища.

Первоначально [см.: Кабинина, 2011, 26–27] аргументация этого предположения основывалась главным образом на топонимических данных — прежде всего на том, что названия типа *Скоморошье* в ряде случаев относятся к объектам, которые либо значительно удалены от населенных пунктов, либо по своим природным характеристикам явно не подходят для каких-либо игрищ, в том числе и с участием скоморохов. Это, например, огромное *Скоморошье Болото* на левом берегу нижней Онеги, озеро *Скоморошье* в 10 км от села Летняя Золотица, моренная гряда *Скоморошья* в окрестностях деревни Лямца [ТКТЭ]; из исторических названий — *Скоморошье Печище*⁹ на реке Мезень, отмеченное

---

⁸ Исследователь, естественно увлекаясь структурно-логическими схемами семантического развития, нередко упускает из внимания этот «местный» денотативный уровень. За продвижение в понимании его значимости автор особенно благодарен О. В. Мищенко, обобщившей проблематику денотации в блестящем докладе на одном из теоретических семинаров кафедры русского языка и общего языкознания УрГУ [Мищенко, 2010].

⁹ Лексема *печище*, известная в говорах многих регионов России, многозначна. Как можно судить по имеющимся данным, на территории северного Примезенья она могла иметь значение ‘деревня, поселение’ или ‘деревня, отдаленная от других селений’ [КСГРС; СРНГ, 27, 6].

в конце XVI в. [САС, 216]¹⁰. Микрозоны, соответствующие всем приведенным примерам, отличаются хорошо опознаваемой, в том числе и «поздней», саамской топонимией [см.: Кабинина, 2011, 27, 298, 301–303].

Разумеется, топонимические аргументы подобного рода в высокой степени умозрительны и гипотетичны, однако в данном случае они прекрасно поддерживаются этнографическим материалом. Как оказывается, «денотативно» саамов и скоморохов связывает очень многое, прежде всего — общее внешнее сходство. И те, и другие вели кочевой образ жизни, то появляясь, то исчезая в тех или иных населенных пунктах, причем их появление сопровождалось звоном бубенчиков и колокольчиков. У бродячих артистов они были важнейшей частью «скоморошьей музыки», а у саамов — необходимыми атрибутами «авангарда» оленьего стада. И те, и другие носили зимнюю одежду мехом наружу, тогда как обычное поморское население носило одежду мехом внутрь. И саамы, и скоморохи имели обычай своеобразно украшать эту зимнюю одежду: саамы прикрепляли к ней лоскутки цветной ткани, а скоморохи — мочало и лохмотья. У тех и других были кожаные сапоги с загнутыми носками, хотя функции этой детали различались: саамские *каньги* / *нюреньки* с поднятым носком — это прототип лыж, т. е. их носок был загнут вверх для удобства передвижения по снегу, а у скоморохов на загнутый носок прикреплялся бубенчик.

Русские этнографы и путешественники, описывавшие саамов, неизменно отмечали эти особенности их костюма, ср. например: «Зимой они на этот костюм надевают второй такой же, сделанный, однако, не из шерсти, а из оленьей шкуры, шерстью наружу»; «обувь — полусапожки, кожаные, мягкие, без каблучков и с острым, поднятым вверх носком» [Харузин, 1890, 92–93].

---

¹⁰ На Русском Севере, в том числе в Архангельском Поморье, известно также немало названий типа *Скоморохово* — как правило, они относятся к небольшим объектам (покосам, ручьям и т. п.) вблизи населенных пунктов. Названия этого типа мы не привлекаем к анализу, поскольку многие из них могут восходить к антропонимам: к популярному в XV–XVI вв. личному имени *Скоморох*, к отчеству или фамилии *Скоморохов*. Многочисленные примеры таких антропонимов см. в [САС, 292; Тупиков, 2004, 358, 748; Веселовский, 1974, 288].

Однако, пожалуй, самая яркая деталь костюма, объединяющая саамов и скоморохов, — это головной убор. Как можно судить по имеющимся древнерусским изображениям скоморохов, одним из их излюбленных головных уборов был «колпак шута» — яркая цветная шапка с несколькими «рожками». В качестве исторической иллюстрации приведем изображение скомороха из Новгородской псалтыри XIV в. (см. рисунок) — детали костюма показаны на этом древнем рисунке символически, но рожки «шутовского колпака» вполне различимы.

Рисунок. Танец скомороха с ведром и чашей. Псалтырь XIV в., Новгород [ЯЖО]

У саамов — в том числе и кольских — традиционный мужской головной убор очень похож на этот шутовский колпак. В современных этнографических материалах он нередко обозначается как «шапка четырех ветров», поскольку действительно имеет четыре торчащих в разные стороны рожка¹¹. В наши дни цвет саамской шапки чаще всего сине-оранжевый, однако в XIX в., по свидетельству Н. Н. Харузина, ее обычным цветом был красно-желтый [Харузин, 1890, 92], что, вероятно, очень близко к цвету русских скоморошских колпаков.

В принципе, столь ярко выраженное сходство внешнего облика — «с головы до пят» — вполне могло вызвать в Поморье перенос обозначения *скоморохи* на местных или заезжих кольских саамов. Эта версия неплохо объясняет эксклюзивность рассматриваемого значения лексемы *скоморох*, поскольку, например, с кольскими саамами русское население контактировало только в Поморье. Слово *скоморох* могло быть здесь временным и локальным метафорическим этноквалифицирующим именовани-ем, смысл которого

¹¹ См., например, сайты finugor.ru/saamskie-golovnye-ubory; scandistyle.ru/odezhda-saamov/; porge.ru. С этим головным убором у саамов связаны красивые легенды, хотя рожки на шапке имели сугубо практическое значение: в них хранилась лучина для костра и другие необходимые мелкие предметы.

с уходом или ассимиляцией саамов забылся, но получил некоторое продолжение в местном представлении о скоморохах как «чужих», обитающих в болотах и «сузёмках» и, соответственно, опасных людях. Тем самым действительно возможно, что в упоминавшихся выше поморских топонимах *Скоморошье Болото*, *Скоморошье Озеро*, *Скоморошье Печище* и т. п. заключен именно этнический смысл.

3. Скоморохи и старообрядчество

Разумеется, не исключено, что при всей значимости изложенных выше аргументов слово *скоморох* все-таки не имело в Архангельском Поморье этнического смысла. Возможно, реконструкция именно этого смысла есть лишь некое наваждение, мираж, которые порождены случайным сходством фактов и воображением автора, увлеченного финно-угорским субстратом и особенно «саамской темой». В таком случае причины анализируемого семантического диссонанса остается искать в каких-то иных обстоятельствах истории Поморья, не связанных с межэтническими контактами.

Как уже отмечалось, русский народ в целом любил скоморохов и их яркую, «праздничную» культуру. Однако в общей массе русского населения — по крайней мере, в XVII–XVIII столетиях — была весьма значительная часть, относившаяся к скоморохам резко отрицательно. Это старобрядческое население, неуклонно соблюдавшее «древлеправославную веру» и жившее — под угрозой отлучения — в условиях строжайшего запрета на участие во всяком «чародействе, волхвовании, кощунах, бесовских песнях, плясаниях, бубнах, сопелях, гусях, играньях непотребных, русальях»¹².

Один из ярких примеров непримиримого отношения к скоморохам как к проводникам языческого культа мы находим, например, в «Житии протопопа Аввакума» — главного идеолога старообрядчества: «Пришли в село мое плясовые медведи с бубнами и домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал

¹² Цитата из сочинения «Златая Чепь», которое являлось своеобразным кодексом старообрядчества [см.: Фрэнсис, 2007; ec-dejavu.ru/s-2/Skomorokh.html].

на поле один у многих, и медведей двух огромных отнял — одного зашиб, и он снова ожил, а другого отпустил в поле»¹³.

Если в связи с этим говорить об Архангельском Поморье, то его земли начиная с последней трети XVII в. были колоссальным по мощности — в общерусских масштабах — оплотом старообрядчества¹⁴.

Во-первых, здесь находился Соловецкий монастырь, который не принял реформ Никона и восемь лет в условиях осады защищал старую веру с оружием в руках (знаменитое Соловецкое восстание 1668–1676 гг.). После подавления Соловецкого бунта настоятель архимандрит Никанор и его приближенные были казнены, а остальные монахи отпущены — они разбрелись по округе и, видимо, составили некий идеологический костяк старообрядческого населения Поморья.

Во-вторых, в это же время (1660–1670-е гг.) Поморье было «освящено» присутствием здесь протопopa Аввакума, сосланного сначала в Мезень (1664), а затем в Пустозерск (1667–1682). Есть свидетельства о том, что во время ссылки Аввакум вел переписку с бунтовщиками Соловецкого монастыря; письма доставляли поморы, значительная часть которых держалась «древлеправославной веры».

В-третьих, на поморской реке Выг сложилась крупнейшая в России старообрядческая община, выработавшая принципы поморского старообрядчества, — так называемое поморское согласие, существующее до наших дней.

Соловецкий монастырь, протопop Аввакум, выгорецкая община — в XVII столетии это были три мощнейших «магнита», которые обусловили приток в Поморье старообрядцев со всей Руси: они селились здесь в скитах и просто в деревнях; иногда деревни становились полностью старообрядческими, как, например, мезенские поселения Кимжа и Койда, где были старообрядческие церкви. Письменные документы донесли до нас свидетельства предельного фанатизма

---

¹³ Этот фрагмент «Жития протопopa Аввакума» дан в переводе Н. В. Поньрко [2010, 20].

¹⁴ Здесь и далее при изложении фактов, обосновывающих «старообрядческую» версию, используется большой ряд работ, основными из которых являются [Досифей, 1833; Белобородова, 1999; Юхименко, 2002; Фрэнсис, 2007].

поморских раскольников — например, на Мезени в нескольких деревнях старообрядцы с женами и детьми, не желая принимать новую веру, собирались в одной избе и сжигали себя заживо.

На фоне этой картины вряд ли можно усомниться в том, что старообрядцы — самые «правоверные» среди русских христиан, с их огромным аскетизмом, — должны были непримиримо относиться к скоморохам, считать их богомерзкими, нечистыми, погаными и всячески ограждать себя и своих детей от их влияния. Иначе говоря, именно в среде старообрядцев закономерно, если не целенаправленно, мог быть создан приравненный к нечистой силе негативный образ скомороха, обросший такими деталями, как звериный облик, обитание в лесах и на болотах, чуждость, опасность.

В конечном итоге, согласно второй версии, рассматриваемый семантический гапакс мог быть записан участниками Топонимической экспедиции УрГУ в поселениях с исторически глубокими и сильными традициями старообрядчества. В сущности, так оно и есть: в селе Яреньга в XVI–XVIII вв. действовал приписанный к Соловецкой обители Яреньгский мужской монастырь, а небольшая деревня Пушлахта — вместе с соседним селом Летняя Золотица — была ближайшей хозяйственной вотчиной все того же Соловецкого монастыря.

В заключение заметим, что из трех очень разных версий, изложенных в данной статье, трудно отдать предпочтение какой-либо одной. Однако в совокупности эти версии иллюстрируют принципиальную широту диапазона интерпретации диалектных семантических гапаксов.

Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975.

Белобородова И. Н. Старообрядчество Архангельской губернии: состав, численность, расселение (середина XIX — начало XX вв.) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 3 / отв. ред. И. В. Починская. Екатеринбург, 1999. С. 52–67.

Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера. Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998.

- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
- Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974.
- Власова З. И.* Скоморохи и фольклор. СПб., 2001.
- Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни. Т. 1. М., 1904.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1989–1991.
- Досифей (Немчинов), архимандрит.* Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833. М., 1833.
- Кабинина Н. В.* Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011.
- КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Миценко О. В.* Специфика выражения денотативного компонента в диалектной лексике. Устный доклад на теоретическом семинаре кафедры русского языка и общего языкознания УрГУ 18 июня 2010 г.
- Понырко Н. В.* Три жития — три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова. СПб., 2010.
- САС — Северный археографический сборник. Вып. 2 : Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. / ред., сост. П. А. Колесников и др. Вологда, 1972.
- СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / ред. Н. И. Толстой. М., 1995–2012.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- ТКТЭ — Топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
- Туиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стер. СПб., 1996.
- Фрэнсис Е. П.* Скоморохи и церковь // Скоморохи в памятниках письменности / сост. З. И. Власова, Е. П. Фрэнсис (Гладких). СПб., 2007. С. 463–477.
- Харузин Н. Н.* Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. М., 1890.
- Шергин Б.* Поморские были и сказания. М., 1957.

Юхименко Е. М. Выговское старообрядческое общежительство: комплексный подход к изучению // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 84–87.

ЯЖО — Языческие жрецы и обряды в Великом Новгороде XIV в. [Электронный ресурс]. URL: <http://info-grad.com/yazycheskie-zhretsy-i-obryady-v-srednevekovom-novgorode-xivv/> (дата обращения: 12.02.2017).

* * *

<p>Кабинина Надежда Владимировна доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральский федеральный университет 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 306 E-mail: nadia.nvlad2010@yandex.ru</p>	<p>Kabinina, Nadezhda Vladimirovna DrHab, Associate Professor Department of Russian Language and General Linguistics Ural Federal University 51, Lenin av., room 306, 620000, Ekaterinburg, Russia E-mail: nadia.nvlad2010@yandex.ru</p>
--	---

On One Semantic Hapax in the Dialects of Arkhangelsk Pomorye

The article analyses possible reasons for the semantic development of the Russian word *skomorokh* ‘wandering comic minstrel’ which, in the dialects of Pushlahta and Yarenga, the two oldest settlements of Arkhangelsk Pomorye, is used to designate evil spirits. Without rejecting the earlier hypothesis stating that this meaning is due to the participation of *skomorokhs* in the Christmastide rites, the author advances two other possible explanations. The first explanation, based on toponymic and ethnological data, argues that in the past the word *skomorokh* might have been applied to the Sami ethnic groups perceived as “strange” by the Russian population of the area. The other one seeks to explain the word’s negative mythological meaning by its use in the Pomor Old Believers’ community where the *skomorokhs*, bearers of a pagan culture, could have been viewed as representatives of the dark evil forces.

Key words: Russian North, Arkhangelsk Pomorye, Onega Peninsula, dialectal vocabulary, toponymy, semantic hapax, *skomorokh*, Sami culture, Solovetsky Monastery, Old Believers.

О. В. Мищенко

Екатеринбург

Некоторые наблюдения над семантикой диалектных слов*

В статье обсуждается вопрос о различии психологических установок, типов мышления носителей таких разных форм существования языка, как диалект и литературный язык, и об отражении этих различий в языке. Обозначенная проблема исследуется в приложении к лексическому уровню на материале русского языка. Автор выявляет ряд особенностей диалектного словаря, указывающих, с его точки зрения, на преимущественно конкретно-чувственную ориентацию сознания носителей диалекта: «типажный» характер лексического значения, особые «ситуативные» номинации, высокую степень дробности семантического пространства и др. Анализ диалектного материала проводится на фоне фактов литературного языка. Для последнего при этом обнаруживаются тенденции расширения и развития словаря на базе абстрактного, отвлеченного осмысления действительности. Выявившиеся особенности идиомов, по всей видимости, отражают процесс изменения человеческого сознания и человеческого языка в ходе социальной эволюции и до некоторой степени сопоставимы с особенностями языков «примитивных» и «цивилизованных» этносов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, формы существования языка, диалектная лексика, литературный язык, семантика.

Хорошо известно, что идеографические сетки диалекта и литературного языка могут иметь существенные отличия, которые объясняются различными сферами приложения идиомов, разницей стоящих за ними культур и в целом самими принципами их организации. Вместе с тем создается впечатление, что специфика идиомов

---

* Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское междуручье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

определяется в том числе и особыми обнаруживающимися за этими формами существования языка психологическими установками, особым характером сознания. Иными словами, различия идиомов определяются не только спецификой имеющих у их носителей представлений о мире, но и спецификой «инструмента», формирующего эти представления.

В свое время Ж. Вандриес в известной работе «Язык (лингвистическое введение в историю)» подчеркивал тот факт, что всякий язык ориентирован на использующее его сознание [Вандриес, 2001, 317–322]. Это означает, что язык должен отражать сознание своего носителя, фиксировать специфику этого сознания, очерчивать ее и, по логике вещей, давать возможности для ее (этой специфики) экспликации. В соответствии с представлениями психологической науки развитие человеческого сознания, человеческого мышления¹ — как в онто-, так и в филогенезе — движется от частного, конкретно-чувственного, ситуативного, наглядного к абстрактному и отвлеченному [см., например: Рубинштейн, 2011, 339–343]. В связи с этим Ж. Вандриес отмечает далеко не новое на сегодняшний день, но, как кажется, до сей поры спорное положение об отражении этой «филогенетической» динамики сознания в языке. Она, в частности, проявляется в различии языков так называемых примитивных и цивилизованных этносов: для первых постулируется склонность к конкретике, деталям, ориентация языка на чувственное начало, на отражение непосредственного восприятия действительности, для вторых — стремление к обобщению, к формированию языковых значений и категорий на более абстрактных основаниях [Вандриес, 2001, 318–321]. Поскольку переход от конкретного, чувственно ориентированного сознания к сознанию, умеющему мыслить абстрактно и отвлеченно, происходил постепенно и был обусловлен социальной эволюцией, логично предположить, что язык — даже в его «цивилизованном» варианте — должен сохранять различные способы организации информации о мире: как «конкретно-чувственный», так и «отвлеченный». Очевидно также, что различные

---

¹ Мышление, как известно, — одна из составляющих сознания.

формы существования языка должны демонстрировать разное соотношение этих способов — в силу обслуживания ими различных сфер человеческой жизни, культурно и социально противопоставленных. Так, размышляя над проблемой зависимости характера языка от типа сознания, Ж. Вандриес указывает на существенную разницу в организации повествования крестьянином и «политическим писателем», проводя противопоставление как раз по принципу «конкретное — отвлеченное» [Вандриес, 2001, 321]. Очевидно, что эта разница может быть обусловлена как характером речевой организации повествования, т. е. способом подачи информации, который определяется интенциями каждого из рассказчиков, так и самим устройством языка, отвечающим на соответствующие потребности своих носителей.

Создается впечатление, что организация диалектного словаря как раз и обнаруживает языковую специфику подобного рода — специфику, обусловленную преимущественно конкретно-чувственной ориентацией сознания. В этом ключе может быть осмыслен целый ряд языковых явлений.

В качестве примеров далее мы привлекаем к анализу факты русского языка. Представленный диалектный материал связан в основном с костромскими говорами; его источником является [ЛКТЭ] — этот материал подается без каких-либо помет и ссылок; иные диалектизмы снабжены паспортизирующими сведениями.

1. «Типажный» характер лексического значения

Очень любопытны в рассматриваемом отношении лексемы, номинирующие человека. Для диалектизмов такого рода весьма частотна ситуация, когда в лексическом значении представлен не отдельный признак, отражающий какую-либо внешнюю или внутреннюю человеческую черту, взятую отвлеченно (например, ‘высокий’, ‘низкий’, ‘худой’, ‘толстый’, ‘умный’, ‘глупый’, ‘смелый’, ‘трусливый’ и т. п.), а комплексная характеристика человека, некий человеческий типаж. Иными словами, лексическое значение представляет собой совокупность человеческих характеристик, которые в реальной жизни обычно являются взаимосвязанными. Приведем примеры.

Тошнотик ‘худой, хлипкий, невзрачный человек’. Конечно, худой человек не обязательно является слабым, хлипким и невзрачным, но все же нельзя не признать, что это достаточно типичное для реальной жизни сочетание черт — настолько типичное, что для него формируется отдельная номинация.

Хлыст ‘о худом высоком человеке’. Худоба и высокий рост в реальной жизни — вполне сочетаемые признаки; более того, они не просто сочетаются, но и усиливают друг друга, что сказывается на восприятии подобного человека со стороны. Тем самым формируется определенный человеческий типаж, а в языке — специальная номинация.

Ходовой ‘работящий, деятельный, активный, бойкий, предприимчивый человек; общительный, эрудированный человек’; *тюпа* ‘замкнутый, молчаливый, небойкий, несообразительный человек’. Для народной культуры в силу ее ценностных ориентиров значимой является такая характеристика человека, как стремление и умение проявлять здоровую социальную активность. В результате актуальными в сознании носителя диалекта оказываются два типажа: социально активные и социально неактивные люди — для обозначения каждого из них формируются свои лексические средства. При этом социальная активность / неактивность осмысляются не отвлеченно, а как комплекс характеристик, который в реальной жизни действительно часто присущ тому или иному типу людей и определяет тот или иной тип поведения.

Как видно из приведенных примеров, комплексные характеристики человека могут быть организованы по-разному: значение может представлять собой набор чисто внешних черт, т. е. наглядных, воспринимаемых непосредственно в пределах той или иной ситуации, но может демонстрировать и сочетание «внешних» и «внутренних» параметров. В то же время эти два типа значений часто сложно отделить друг от друга по ряду причин.

Во-первых, по значению — вероятно, в силу его комплексного характера — обычно видно, что представленные в нем внутренние характеристики человека формируются на базе внешних, являются «надстройкой» над внешними, вычленяются из поведенческих

проявлений и конкретных ситуаций. Во-вторых, собиратели, формулируя дефиницию, часто используют слова, в которых та или иная внутренняя черта подается в связи с ее внешними проявлениями, — вероятно, такой выбор не является случайным, а вытекает из объяснений информантов. В этом отношении ср., например, пары *откровенный — искренний, правдивый — честный,образительный — умный*: представляется, что первые элементы этих пар в большей степени, нежели вторые, связаны с внешними, поведенческими проявлениями, тогда как вторые отражают внутренние, глубинные свойства личности.

Кроме того, для целого ряда слов вообще затруднительно однозначно определить, внутренняя или внешняя характеристика человека имеется в виду, — в силу синкретичного характера соответствующих явлений, ср. *активный, бойкий, замкнутый, медлительный, необщительный* и др.

Поясним сказанное примерами. Комплекс чисто внешних характеристик проявляется в «типажах» в виде совокупности физических параметров, общего внешнего вида, манеры двигаться и т. п., ср.:

кондыбало ‘долговязый человек с раскачивающейся походкой’;

урево, урюпа, фофан ‘толстый, неуклюжий, неповоротливый, нерасторопный человек’. Судя по тому, что у ряда подобных лексем появляется значение ‘растрепанный, неопрятный человек’, признак неопрятности также может являться потенциальной составляющей рассматриваемого типажа;

фетюк ‘о том, кто сидит молча, нахохлившись’ (ср. *фетюк* ‘птица; дикий голубь’);

циклеватый ‘худощавый, маленький, тщедушный, с мелкими чертами лица’;

чапыжник ‘стройные высокие парни’ (ср. *чапыжник* ‘лесная поросль из тонких высоких деревьев’);

чибрик ‘внешне привлекательный, хорошо одетый, «складный» человек небольшого роста, «красавчик»’: «Красивый, ловкий человек — как чибрик! До чего он хорош — как чибрик! Идёт какой-нибудь в красивых туфельках, маленького роста, опояшется — вон идёт какой паренёк, чибрик какой идёт!» (ср. *чибрик* ‘гриб валуй’);

чикша ‘о маленьком, щуплом человеке’, ‘о маленьком непоседливом ребенке’.

Как видим, среди приведенных примеров есть образные номинации, что подтверждает мысль о формировании лексического значения именно на сложной, комплексной признаковой базе².

Приведем и другие случаи, в которых можно говорить об отражении, помимо внешних, также и внутренних характеристик человека:

как тукан ‘о медлительном, неразговорчивом человеке’;

минька ‘о необщительном, угрюмом, сторонящемся людей человеке’: «Минька — такое говорят про человека, который людей страшится, с ними мало разговаривает; какой-то угловатый»;

неутяненный ‘нерасторопный, бестолковый человек’ (внутренний признак, связанный со слабостью интеллекта, осмысляется через внешние — поведенческие — проявления);

торопыжка ‘активный, бойкий, трудолюбивый человек’;

тюня ‘тихий человек, делающий все медленно’ (‘тихий’ — внутренняя характеристика, но осмыляется она именно через внешние проявления, в том числе через медлительность);

урево ‘замкнутый, ноющий, вялый человек’ (лексическое значение отражает вполне конкретный реальный типаж, внутренние характеристики которого осознаются через внешние проявления), ‘некрасивый, неприятный, неловкий, неумелый человек’: «Урево на рожу неприглядный; в руках ничего нету — ничего не выходит у него» (очень показательная иллюстрация комплексного характера значения, поскольку сочетающиеся признаки — внешний и внутренний — относятся к совершенно разным сферам: внешнему виду и умениям; вместе с тем это действительно отражение реального типажа);

урос ‘упрямый, непослушный, капризный ребенок; плакса’;

урюпа ‘скромный и глуповатый человек, тихоня’;

холуй ‘человек, проявляющий асоциальное поведение: не склонный к работе, болтающийся без дела, одинокий, не следящий за хозяйством и за собой и т. п.’: «Холуй — это человек не работает, ходит

---

² Образная номинация возникает обычно в том случае, когда объект характеризуется сложным, комплексным, нерасчлененным восприятием его со стороны субъекта номинации [Рут, 2008, 34–38].

болтается, ничего не делает — бездельник»; «Холуи-то ходят, кто работает плохо»; «Холуем называют человека бобыля одинокого, он может предать, наушничать (подслушивать. — *О. М.*) может»; «Холуй ходит один — мужик с плохим поведением, пьяница»;

черемис 'о грязном, неухоженном, отсталом, некультурном человеке'. В основе номинации лежит представление о «чужом» этносе, представители которого — как всякие представители «чужого» этноса — наделяются в народном сознании целым рядом отрицательных характеристик. При этом лексическое значение все равно отражает актуальный для диалектоносителя определенный типаж — воображаемый или реальный;

черемша 'асоциальные, не склонные к работе, опустившиеся, никудышные люди; сброд' — и т. п.

Подчеркнем, что во всех подобных случаях лексическое значение по сути представляет собой проекцию наглядных обстоятельств, совокупно проявляющихся в жизненной реальности, в конкретной практике, проекцию информации, перцептивно «считанной» из окружающей действительности. Конкретно-чувственная ориентация сознания проявляется здесь в наглядности, ситуативности, непосредственном отражении действительности, в результате чего за словами оказываются типаж — феномены более реальные, более естественные, чем отвлеченные от субъектов единичные характеристики.

Безусловно, лексемы, организованные подобным образом, не являются принадлежностью исключительно диалекта: они есть — и их немало — и в литературном языке. Вместе с тем создается впечатление, что значительная часть подобных лексем, отраженных в словарях литературного языка, относится к разговорному или даже просторечному пластам: по крайней мере, выборка, сделанная по литературным словарям, продемонстрировала именно такой результат³. В частности, в [СРЯ] и [ТСРЯ] пометами

---

³ Выборка из литературных словарей производилась следующим образом: 1) рассматривались лексемы, которые можно использовать при толковании обсуждаемых диалектизмов и ряда других, аналогичных им; 2) фронтально просматривались статьи на несколько букв в [ТСРЯ]; 3) просматривались статьи на комплексные номинации, пришедшие на ум автору.

«разговорное» или «просторечное» сопровождается большинство лексем — обозначений человека, семантически соотносимых с приведенными выше диалектными словами, а именно: *верста, дикарь, долговязый, дохлый, дылда, зануда, каланча, красавчик, ладный, наохлиться, никудышный, раззява, разиня, размазня, растяпа, сброд, складный, тетёха, тихоня, тютя, хлюпик, щуплый*⁴. Подобные факты находятся на периферии литературного языка и по своим социолингвистическим параметрам близки к рассмотренным выше диалектизмам.

Несколько отвлекаясь от диалектных фактов, отметим, что при сопоставлении литературного и диалектного материала бросается в глаза следующая, как кажется, специфическая черта литературного языка: для этого идиома типичны — и имеют статус нейтральных и собственно литературных — номинации, связанные с профессиональной принадлежностью, увлечениями, регулярными занятиями, социальным статусом человека. В соответствующий ряд попадают, например, слова *академик, аквалангист, альпинист, антиквар, биатлонист, бухгалтер, журналист, коллекционер, лингвист, математик, пианист, писатель, преподаватель, саксофонист, скульптор, травматолог, физик, хирург* и мн. др. Очевидно, таких лексем в литературном языке огромное количество. Похоже, что для большинства из них характерно выстраивание лексического значения не через типаж, а на базе единичного признака — отвлеченного, опосредованного социальной структурой общества, определенным общественным устройством, скорее умозрительного, чем наглядного⁵: *академик* ‘член академии’, *аквалангист* ‘спортсмен, плавающий с аквалангом’, *антиквар* ‘любитель или продавец

---

⁴ Еще раз подчеркнем, что при отборе слов мы ориентировались на комплексный характер лексического значения.

⁵ Понятно, что в реальной действительности очень часто тот или иной признак объекта оказывается связанным с совокупностью других его свойств и признаков: он может формироваться на их базе, выявляться на их фоне и т. д. Это значит, что при желании любой признак в огромном большинстве случаев может быть осмыслен как комплексный. Однако вопрос не в этом. Вопрос в том, как данный признак подается в лексическом значении, как его «видит» язык, т. е. как ощущают эту языковую структуру носители языка.

антикварных предметов’, *бухгалтер* ‘специалист по бухгалтерии; работник бухгалтерии’, *журналист* ‘литературный работник, занимающийся журналистикой’, *коллекционер* ‘человек, который занимается коллекционированием’ и т. д. [СРЯ; ТСРЯ]. Значение в этих случаях строится через признак, указывающий на определенный род деятельности человека или на его принадлежность к какой-либо структуре, организации; это уже не перцептивная «проекция», а социальная функция, оторванная от своих конкретных носителей, осмысленная «теоретически». Лексемы такого рода, в отличие от рассмотренных ранее «типажных» образований, демонстрируют обратную картину: являясь неотъемлемой и чрезвычайно значимой составляющей современного русского литературного языка, в народной языковой традиции — даже сейчас — они занимают далеко не центральное место.

Наблюдаемые закономерности выглядят вполне логично. В связи с этим следует прежде всего отметить, что номинации-типажи и противопоставленные им отвлеченные обозначения демонстрируют временные различия: вторые (отвлеченные обозначения), безусловно, представляют собой более новый лексический пласт по сравнению с первыми. Кроме того, номинации распределяются по сферам функционирования — бытовой, с которой связаны диалектные, разговорные и просторечные лексемы, и не бытовой. В целом такая картина соответствует процессу эволюции мышления: от наглядно-ситуативного к абстрактному, отвлеченному, от мышления представлениями, «картинками» к мышлению понятийному. Совершенно естественно, что для диалекта как для наиболее древней формы существования языка оказываются характерными номинации-типажи, перцептивные «проекции», т. е., по существу, представления; совершенно естественно и их сохранение, и их центральное место в диалектном тезаурусе — в силу традиционного уклада жизни носителей диалекта и их меньшего отклика на социальную и культурную эволюцию. Не менее естественен и факт сосуществования в литературном языке хронологически, а отсюда, по-видимому, и типологически различных лексических пластов — в силу особенностей генезиса этой формы существования языка

и выполняемых ею задач. При этом столь же логично, что ответом на социальные изменения является более новая — «абстрактная» — лексика, а старая — «конкретно-чувственная» — ярко представлена в тех зонах тезауруса, которые отвечают за обыденное общение. В то же время всё это, конечно, ни в коей мере не означает полного отсутствия в диалекте лексики, возникшей на отвлеченных, «понятийных» основаниях, или полного отсутствия «конкретно-чувственно» ориентированных номинаций в основном лексическом пласте литературного языка. Вопрос нужно ставить лишь о предпочтениях и тенденциях.

С этой точки зрения любопытно взглянуть на старшие по возрасту (в сравнении с *академик*, *бухгалтер*, *журналист* и др.) лексемы, также являющиеся обозначениями различных типов человеческой деятельности: *гончар*, *крестьянин*, *кузнец*, *пастух*, *пахарь*, *помещик*, *разбойник*, *слуга* и т. п. Возникает ощущение, что в этих словах лексическое значение организовано как-то иначе — с меньшей отвлеченностью, с большей ориентацией на конкретно-чувственное начало.

Вероятно, дело в том, что признак, лежащий в основе лексических значений подобных слов, осмысляется либо как постоянный статус номинируемого субъекта, его неотъемлемая — практически личностная — черта (*гончар*, *крестьянин*, *кузнец*, *разбойник* и др.), либо как хоть и типичная, но ситуативная характеристика (*пахарь*). Это позволяет предполагать, что наглядность признака в словах такого рода акцентирована в гораздо большей степени, нежели в рассмотренных выше более новых обозначениях человека по роду деятельности. В случае неотъемлемой характеристики наглядность обусловлена, надо полагать, именно фактом ее неотъемлемости, привязкой к субъекту, к образу субъекта. Ситуативная же характеристика наглядна в силу своей ситуативности, в силу конкретного характера ситуации: человек бывает пахарем только в тот момент, когда пашет землю, т. е. в очень определенной ситуации, которая осваивается перцептивно. Для более новых номинаций — *журналист*, *оператор*, *педагог*, *управленец* и т. п. — в такой степени не характерны ни неотъемлемость, ни перцептивно осваиваемая ситуативность.

Уточним, что нехарактерность ситуативности проявляется в следующем: за всеми подобными словами стоит более сложный смысл, нежели тот, который может быть перцептивно «считан» при взгляде на какую-либо ситуацию с участием номинируемых субъектов. Например, есть ли какая-то перцептивно осваиваемая наблюдателем ситуация, которая бы однозначно определяла журналиста как журналиста? Вероятно, нет: их много, и все они неоднозначны.

Резюмируя сказанное, можно предложить такую интерпретацию «деятельностных» номинаций: новые номинации организованы как социальные функции, старые же отражают образ жизни либо конкретную ситуацию⁶. Понятно, что это различие обусловлено изменением общественного устройства и характера жизни людей, но вместе с тем само изменение общественного устройства тоже является результатом развившейся способности нашего сознания смотреть на мир иначе, с использованием отвлеченного мышления. Язык же отражает оба этих обстоятельства — психологическое и социальное — в совокупности. Следует добавить, что в современном языке между этими двумя способами формировать и осмыслять лексическое значение нет непроходимых границ, поскольку и в нашей действительности нет непроходимых границ между социальной функцией и образом жизни — все зависит от жизненного контекста и интенций говорящего: социальная функция в определенных условиях может превратиться в образ жизни, а образ жизни, рассмотренный в ключе социального устройства, может осмысляться как социальная функция⁷.

---

⁶ Любопытно, насколько слова *функция* и *образ* в этих наших языковых клише соответствуют обсуждаемому предположению об устройстве значений.

⁷ В связи с этой мыслью ср., например, как с течением времени меняется характер дефиниции слова *крестьянин*: ‘мужик, землепашец или земледелец, селянин, поселянин; сельский обыватель, принадлежащий к низшему податному сословию’ [Даль, 2, 192]; ‘сельский житель, занимающийся возделыванием сельскохозяйственных культур и разведением сельскохозяйственных животных как своей основной работой’ [ТСРЯ, 379]. Если словарь XIX в. воссоздает определенный человеческий и социальный типаж, то современный словарь меняет характер дефиниции, явно выделяя в ней функциональный аспект.

Завершая разговор о феноменах, рассматриваемых в первой части статьи, отметим, что факт наличия семантических закономерностей, связанных с отражением в языке — в разных его идиомах — сознаний разного типа, поддерживается выводами, полученными М. Э. Рут при изучении образной номинации в русской ономастике. Сравнивая характер номинативного процесса у носителей традиционной народной культуры и современных городских жителей, М. Э. Рут указывает на существенную разницу между ними, обусловленную различной ориентацией сознания номинаторов: для традиционной номинации характерна опора на чувственно-конкретное знание, сформировавшееся в рамках личного, предметного опыта номинатора, для номинации нового типа — на знание логическое, умозрительное, далеко выходящее за рамки личного опыта [Рут, 2008, 150–158]⁸.

Такая переключка выводов кажется нам весьма любопытной прежде всего в силу ключевой роли номинативного процесса в языковой деятельности человека. Поскольку процесс этот по существу представляет собой перевод предметного мира в идеальный план и осуществляет «поставку» единиц в лексическую систему языка, его характеристики должны так или иначе соотноситься с характеристиками сформированных лексических систем; кроме того, образная номинация, как отмечалось выше, является актуальным языковым инструментом при создании значений-типажей.

2. «Внешняя» ориентация номинатора

Еще один тип проявления конкретно-чувственной ориентации сознания можно усмотреть в следующем способе организации лексического значения: значение представляет собой отражение некой ситуации, которая подается исключительно через свои внешние параметры — без обращения к сущности, к причинам видимого, т. е. тоже как перцептивная «проекция». Но, в отличие от предыдущего

---

⁸ Эти выводы поддерживаются и данными собственно лексической (не ономастической) метафорической номинации [Рут, 2008, 156–157].

случая, здесь не так важен комплексный, «типажный» характер значения — здесь важно именно отсутствие стремления отразить в значении внутреннюю сущность наблюдаемого. Особенно это бросается в глаза в тех случаях, когда, с точки зрения городского сознания, обращение к сущности кардинально меняет понимание происходящего, ср.: *учижаться* ‘проявлять черты некомпанейского поведения: быть необщительным, отказываться от угощения и т. п.’: «Ой кака учижонка! Воображает. Или за столом сидит не ест. Чего учижаяешься? Кто как: кто не смеет, а кто хочет внимание на себя обратить. Смотря в каком ракурсе человек себя подаёт». Из объяснения информанта видно, что один и тот же тип поведения возможен при разных внутренних причинах: страхе, застенчивости, высокомерии и пр. Номинация же остается к этим причинам индифферентной, фокусируясь исключительно на внешних, поведенческих признаках.

Часто аналогичным образом выстраиваются значения, связанные с неправильным, с точки зрения народной культуры, поведением за столом: различные случаи отказа от еды, «пренебрежения» едой — в силу сытости, нездоровья, плохого аппетита, застенчивости, страха, высокомерия, брезгливости и пр. — попадают под одну номинацию, базирующуюся на внешних, перцептивно «считываемых» характеристиках. Ср. *заумора, ломковитой, мерчуховатый, чванка, чванный, чеченя, чечуля* ‘плохо едящий, «привередничающий» за столом, не проявляющий должного аппетита человек’: «Чванится — сидит за столом и не ест»; «Если не всё ест, перебирает — это чванка»; «Такая чванка — ничего не ест». Конечно, все приведенные выше номинации родились как выражение ценностей традиционного сознания, в частности ценностей, связанных с отношением к еде, — в этом смысле за номинациями стоит определенный сущностный план, но тем не менее осмысляется и получает ценностную маркировку именно само «считываемое» поведение, а не его причины.

Обратимся к другому примеру: достаточно «популярными» в говорах являются обозначения человека, связанные с затрудненной способностью к передвижению. При этом практически все они выстраиваются через визуальное восприятие процесса плохой

ходьбы. Глубинная подоплека такого положения дел, т. е. причины затрудненного передвижения, обычно не акцентируется, не уточняется, а вот внешние нюансы, обрисовывающие саму «картинку» передвижения, часто присутствуют, ср.:

кондыпало, паполза, поползуха ‘плохо, с трудом передвигающийся человек’;

путьорья ‘о медленно идущей женщине’;

росомага, росомаха ‘о человеке с затрудненной — прихрамывающей, ковыляющей, переваливающейся — походкой’;

хлопоногий ‘приволакивающий ногу при ходьбе’;

худоногий ‘о неловком человеке, который всё время запинается; о человеке, который медленно, плохо ходит’;

калема, колема ‘плохо, с трудом ходящий или хромой человек’⁹ — и др.

Лексическое значение всех приведенных слов фактически представляет собой визуальный ряд, «киноленту», демонстрирующую процесс движения. Ср. в связи с этим организованное иным образом литературное *хромой, хромоногий* ‘имеющий укороченную или больную ногу, лапу, хромающий’ [СРЯ, 4, 627; ТСРЯ, 1073], где отражена именно суть явления: человек характеризуется не по наблюдаемому движению, а через экспликацию причины такого положения дел, что дает нам более глубинное понимание происходящего и в большей степени раскрывает «натуру» шагающего.

В литературном языке, конечно, тоже есть номинации, организованные подобным образом, т. е. передающие характер движения через внешние проявления, через «картинку», однако они, в отличие от диалектных образований, в основном имеют глагольный характер (*брести, ковылять, тащиться* и пр.). Диалект же превосходит литературный язык по характеру грамматической репрезентации этой семантики, оформляя ее в виде различных частей

⁹ Обращаем внимание, что в плане актуализации внешней составляющей процесса данный пример ничем не отличается от всех остальных, невзирая на наличие в дефиниции признака ‘хромой’. Номинация объединяет разные случаи затрудненного движения, называя их одним именем, т. е. номинатору важны не столько причины имеющегося положения дел, сколько сам факт его наличия.

речи. Думается, здесь важно не только количественное различие, которое можно трактовать как проявление большего или меньшего внимания к определенной конкретно-чувственной семантике, но прежде всего именно разнообразие способов репрезентации: одно дело задавать через внешние параметры ситуации саму ситуацию, что мы видим в глаголах, и совсем другое — задавать аналогичным способом характеристику объектов окружающей действительности, что мы наблюдаем в именах. Первый способ кажется вполне естественным, второй, в общем-то, тоже естественным, но, пожалуй, всё же до некоторой степени маркированным — маркированным тягой к конкретно-чувственному, ситуативному, внешнему.

Как примеры сфокусированности на внешних параметрах явления без внимания к сущности можно интерпретировать диал. *бамбалуха* 'любой тяжелый предмет' или *хламина* 'любой громоздкий предмет', сев., ср.-урал. *хабазина* 'то же' [КСГРС; СРГСУ, 6, 144]. Добавим, что общеизвестное *бандура* в аналогичном значении либо отсутствует в словаре литературного языка [СРЯ], либо имеет помету «просторечное» [ТСРЯ, 29].

3. «Ситуативные» номинации человека

Еще одним проявлением конкретно-чувственной ориентации сознания, по-видимому, можно считать номинации, представляющие собой ситуативные характеристики человека. Они близки к рассмотренным выше случаям в том плане, что отражение явления в сознании и в языке часто базируется на внешних параметрах имеющейся ситуации. Отличие же состоит в том, что сформированная характеристика не является для человека типичной — дифференцирующей или категоризирующей — и в этом смысле сущностной, как не является типичной, характерной для него, выделяющей его из ряда других и сама сложившаяся ситуация. Ситуация, которая имеет место, определяется не интенциями человека, а стечением обстоятельств: по существу, любой может стать участником подобной ситуации. При этом номинации обсуждаемого типа применимы к человеку только в рамках этой — в общем-то краткосрочной — ситуации: когда

человек выходит из нее, подобную номинацию приложить к нему уже нельзя. Иными словами, субъект номинируется не сам по себе, а лишь как участник некоего временного стечения обстоятельств, некой видимой в данный момент «картинки», ср.:

болтушка ‘та, которая болтается, ходит туда-сюда’;

бороеша ‘ситуативная характеристика того, кто размахивает руками и кричит; того, кто неподобающе буйно ведет себя при совместной выпивке; того, кто копошится, возится, мешая при этом остальным’;

бункарь ‘тот, кто ходит по кочкам, время от времени проваливаясь’;

окуля, окулинушка ‘ситуативная номинация любой женщины, закутанной в платок’;

палач ‘быстро бегущий человек’;

сев. *потёмщица* ‘о женщине, которая делает что-либо в темноте’ [КСГРС];

хабит, хайдук, возгря ‘о том, кто бежит очень быстро, задрал голову’ (часто в сравнении и неодобрительно);

хлап ‘незнакомый говорящему парень, молодой мужчина, проходящий мимо с непонятной говорящему целью или, с точки зрения говорящего, болтающийся без дела’: «Незнакомый кто ходит, ну, скажем, чей-то хлап идёт; что за хлап ходит?»; «Хлап — это называли молодых пацанов, больше чужих: о, как хлап идёт!»; «Что за хлап у нас на мотоцикле ездит?»; «Чей хлап с утра ходил по улице?».

Материал показывает, что статус подобных слов двоякий: за ними может стоять как ситуативная характеристика субъекта, так и постоянная (‘склонный работать в темноте’, ‘склонный болтаться без дела’, ‘бойкий, активный, агрессивный человек’, ‘суебивый, назойливый человек’ и т. д.). Такое положение дел является вполне естественным для некодифицированного варианта языка, объясняется семантической подвижностью и не отменяет самостоятельности того или иного семантического варианта. Кроме того, создается впечатление, что подобного рода ситуативные характеристики могут рождаться в речи диалектоносителя спонтанно — в ходе речевого сдвига значения или как самостоятельные окказиональные образования. В целом кажется, что ситуативная номинация, более чем

какая-либо другая из рассмотренных выше, может явиться в речи как «свежий продукт» языкового творчества. В этом смысле сам факт ее использования говорящим является не навязанной языком необходимостью, но внутренней потребностью субъекта речи, что как раз и указывает на особую роль конкретно-чувственной составляющей его сознания.

4. «Ситуативно-функциональные» номинации объектов и явлений

К рассмотренным выше примерам очень близки случаи типа *балясина*, *батарчина* (*бартачина*, *барточина*), *уразина* ‘большая палка, которой угрожают кому-либо, бьют кого-либо’: «Вон возьму балясину — дам тебе»; «Вот возьму уразину, барточину да шанежек напекую тебе!»; «Взял барточину и вдоль спины перетянул»; «Ну-ка, буду паздирать тебя этой батарчиной»; «Ты схватил какую-нибудь палку и кинулся на корову, на собаку — с уразиной»; «Уразина — ой, какой ты мне уразиной поддал! — это предмет, которым можно ударить»; *барабинка* ‘палка, которой погоняют коров’; *тычина*, *тычка* ‘воткнутая в землю, вертикально стоящая жердь, палка — может использоваться, например, как метка, разделяющая земельные участки’.

Слова такого рода касаются предметов и явлений, а не человека, но, как и в предыдущем случае, имеют ситуативный характер, т. е. определяют не предмет вообще, а предмет в связи с какой-то конкретной ситуацией его функционирования: палка, воткнутая в землю, превращается в *тычину*; палка, которой собираются обороняться, — в *уразину* и т. п. Безусловно, палки, используемые в разных целях, должны отличаться друг от друга — по длине, толщине и пр. Вероятно, этот факт тоже играет роль при выборе номинативной единицы. Однако вряд ли можно предполагать, что дифференциация палок по внешним параметрам в народном сознании настолько строга, что однозначно определяет ту или иную палку лишь в тот или иной класс; другими словами, вряд ли *уразина* не может превратиться в *тычину* и наоборот. Все это означает, что номинация действительно является в большой степени производной

именно от конкретной ситуации использования объекта, хотя внешние параметры, конечно, тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Случаи, подобные рассмотренному, можно интерпретировать как большее по сравнению с литературным языком дробление семантического пространства: та часть семантического пространства, которая в литературном языке охватывается словом *палка*, делится в говорах на большее количество зон, каждая из которых обладает меньшей значимостью (по Соссюру), меньшим объемом значения. В связи с этим стоит отметить, что высокая степень дробления семантического пространства — как на лексическом, так и на грамматическом уровнях — является чрезвычайно характерной чертой «примитивных» языков, т. е. языков, носители которых демонстрируют конкретно-чувственную ориентацию сознания¹⁰.

Взаимосвязь таких феноменов, как бóльшая дробность семантического пространства и опора на конкретные, ситуативные, чувственно воспринимаемые (а не сущностные) характеристики предметов, определяется, по всей видимости, тем обстоятельством, что дробление семантического пространства как раз и происходит за счет актуализации сознанием внешних, а не сущностных характеристик предметов и явлений: внешние характеристики переменчивы, а потому многообразны; сущностные — постоянны.

5. Высокая степень дробности семантического пространства

Думается, что такая характеристика, как бóльшая дробность семантического пространства, приложима не только к случаям, подобным рассмотренному в предыдущем разделе, но и к диалектному тезаурусу в целом. Как бóльшую дробность можно интерпретировать, например, случаи, когда какое-либо явление получает в диалектах классификацию на более частных основаниях, нежели предлагает

---

¹⁰ В связи с этим см., например, работу [Выготский, Лурия, 1993, 95–107], в которой представлена впечатляющая подборка свидетельств этнографов и путешественников, указывающая именно на такой характер «примитивных» языков; см. также уже упомянутую работу Ж. Вандриеса [2001, 317–322].

литературный язык. Эта ситуация кажется довольно типичной для говоров. Например, собирателям хорошо известно, что в говорах существует «классификация» типов завязывания женского платка, каждый из которых может получать специальную узуальную номинацию; встречается «классификация» узлов, с помощью которых можно завязать платок (*воробьём, ласточкой, прямой узел*) и т. д.¹¹. Ср. также любопытное различие в наименовании узлов с бельем, вещами. Для узла, в который складывают пожитки — белье, одежду, еду и пр., — существуют специальные номинации: *катышек, котуз, куфтырь*; такие узелки чаще всего делают из свернутого женского платка и используют для обычной переноски вещей, например нарядной одежды, когда девушка идет на гулянье в соседнюю деревню; узел белья, приготовленного для стирки на реке, тоже имеет свои специальные номинации: *ком (комок), околоток*, хотя, по существу, это такой же узел с бельем, свернутый из простыни или любой другой ткани. Различие номинаций указывает, вероятно, на актуальность для номинатора той конкретно-чувственной жизненной практики, с которой связано существование узлов разного рода, на нежелание его пренебрегать.

Кроме того, пожалуй, любой собиратель согласится с мыслью, что для семантики диалектных слов часто характерны нюансы, которые не обнаруживаются в литературном языке, — ср., например, организацию диалектной семантики, связанной с характером передвижения человека. Уже рассмотренные выше различные номинации такого рода можно дополнить другими, не менее показательными в плане передачи нюансов:

андроп ‘человек с неуклюжей, раскачивающейся походкой’;

бараба (барабка) ‘человек с расхлябанной, «неровной» походкой’: «Как бараба ходишь — барахтаешься»;

---

¹¹ Дело, кажется, не только в том, что сама реалья — женский платок — встречается в деревенском быту чаще, чем в городском. Например, в стандартном литературном языке, в быденном языке горожан (мы не берем сейчас специальную терминологию модной индустрии) точно так же не представлены сколь-либо широко номинации для различных типов ношения беретов или различных типов завязывания шарфов, шейных платков, несмотря на то, что городские женщины активно пользуются этим знанием на практике.

бойкий на ногу ‘о быстро и легко ходящем человеке’;
вавилониться, криулять ‘идти, шатаясь в разные стороны, зигзагами’;

как коромысло ‘о раскачивающейся походке долговязого человека’;
как мотовило ‘о шатающейся походке пьяного человека’;

росомаха ‘о том, кто ходит очень быстро и несуразно (смешно ставит ноги, заваливается на бок и т. д.)’;

славная ‘хорошая, статная (о походке)’;

хоборзко ‘быстро, стремглав — часто о беге, движении в связи с какими-то тревожными событиями’: «Хоборзко бежит — чего-то случилось; руку кто сломал, что сделалось»; «Хоборзко бежала баба: мужика-то трактором переехало»; «Хоборзко бежит — чего-то случилось?».

Подобная семантика в литературном языке также разработана достаточно детально, однако диалектный материал, пожалуй, сосредоточивается на различных нюансах в большей степени. В данном случае особо хочется отметить их изобразительный характер: номинатор перцептивно «считывает» траекторию движения, уверенность или неуверенность шагающего, способность держать равновесие и даже проявляющуюся в беге тревожность.

Очевидно, что наличие подобных нюансов говорит не только об ином качестве идеографической сетки говоров, но и о ее большей дробности: по сравнению с литературным языком нюансы диалектной семантики обычно связаны с добавлением признака, а не с его заменой; добавление же признака — это всегда сужение семантики, т. е. увеличение дробности семантического пространства.

Если следовать выявившейся логике, согласно которой причины дробности часто связаны с вниманием к внешнему, с добавлением признака, то становится очевидным, что можно говорить о тенденции к дробности, даже если в распоряжении собирателя нет набора взаимосвязанных семантических фактов, но номинация особо подчеркивает какой-то внешний нюанс. Ср. *перекровянить* ‘выпачкать кровью’ или *тонкопряха* ‘мастерица в прядении, способная прясть тонкую нитку’. Оба случая демонстрируют конкретно-чувственные нюансы в лексическом значении, а вместе с ними и сужение семантики:

в первой номинации указывается загрязняющее вещество, а во второй — конкретная область и конкретный характер мастерства. Литературный язык в подобных случаях, по всей видимости, обошелся бы более общими словами — *перепачкать* и *мастерица*.

* * *

Рассмотренные в статье феномены — это, на наш взгляд, лишь часть имеющихся проявлений определенной ориентации сознания носителей языка. Проявления эти, по нашему убеждению, являются показательными, т. е. способными что-то рассказать о специфике стоящего за ними сознания, только будучи рассмотренными в совокупности, во взаимосвязи, а не отдельно друг от друга. По-видимому, дело в том, что сознание проявляет себя прежде всего в общей логике организации системы; организация же тех или иных ее частей и единиц осуществляется не сама по себе, а является следствием этой общей логики. Поэтому хочется особо подчеркнуть, что все обсуждаемые в статье феномены являются взаимосвязанными.

Еще раз отметим, что, взятые по отдельности, рассмотренные языковые проявления можно объяснить и другими причинами — образом жизни, различием сфер окружающей действительности, попадающих в поле особого внимания носителей определенного идиома, особенностями ценностной ориентации сознания. Справедливость этих утверждений не вступает в противоречие ни с фактом своеобразия стоящего за тем или иным идиомом психического «инструмента», ни с фактом отражения этого своеобразия в самих идиомах. Все составляющие «жизненного контекста» оказываются здесь взаимосвязанными, анализ же языковых данных просто позволяет сделать акцент на какой-то одной из них. Это чисто методический прием, который, однако, не отменяет ни наличия взаимосвязи, ни наличия отдельной составляющей. Добавим также, что как в отношении разных идиомов, так и в отношении стоящих за ними сознаний мы говорим лишь о тенденциях и предпочтениях, об ориентации языка и сознания на то или иное соотношение различным образом организованных частей целого. Мы ни в коей

мере не говорим о тотальных различиях, непреодолимых границах и жестком противопоставлении.

Затронутый в статье вопрос, на наш взгляд, заслуживает внимания в разных ракурсах — в связи с лексикографией, когнитивистикой, психолингвистикой, семантикой, а также в связи с динамикой языка в социокультурном контексте.

-
- Вандриес Ж.* Язык (лингвистическое введение в историю). М., 2001.
- Выготский Л. С., Лурия А. Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Прimitив. Ребенок. М., 1993.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1994.
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ: Костромская область (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб., 2011.
- Рут М. Э.* Образная номинация в русской ономастике. М., 2008.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1962–1988.
- СРЯ — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.

* * *

Мищенко Ольга Валерьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и общего языкознания
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
ком. 306
E-mail: olgamishchenko@yandex.ru

Mishchenko, Olga Valeryevna

PhD, Associate Professor,
Department of Russian Language
and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin av., room 306,
620000, Ekaterinburg, Russia
E-mail: olgamishchenko@yandex.ru

Some Observations on Dialect Semantics

The article discusses differences in mental attitudes and types of thinking between dialect and standard (literary) language speakers, as well as the ways of reflection of these differences in language. The discussion relies on Russian vocabulary data. The author reveals a number of peculiarities of dialect vocabulary that are mainly indicative, from the author's point of view, of specifically-sensitive orientation of the consciousness of dialect speakers: "human-typed" structure of lexical meaning, specific "situational" namings, high degree of fragmentation of the semantic space, etc. The analysis of dialectal material is carried out against the background of the literary language data. As for the latter, it is noted that the expansion and development of its vocabulary is based on the abstract interpretation of reality. The discovered features of the two varieties of language, apparently, reflect the process of change of human consciousness and human language in the course of social evolution and, to some extent, are comparable to the features of the languages of "primitive" and "civilized" ethnic groups.

Key words: Russian language, varieties of language, dialect words, literary language, semantics.

С. А. МЫЗНИКОВ

Санкт-Петербург

Субстрат и лексическое проникновение (на материале русской диалектной лексики Северо-Запада России)

На русском диалектном материале, относящемся к территории Северо-Запада России, в статье рассматривается вопрос о соотношении субстратной лексики и так называемых адстратных проникновений, являющихся результатом живого взаимодействия территориально смежных языков. Основываясь на собственных полевых записях, материалах диалектных словарей и уже имеющихся

исследованиях, автор предлагает ряд критериев, позволяющих разграничивать субстратные и адстратные лексемы. К характерным признакам адстратных лексических проникновений отнесены бытование слова в зоне этноязыковых контактов, редкость его фиксаций, отсутствие ареала, отсутствие базы для существования данного слова в русских говорах. Основное внимание в статье уделено адстратной лексике, зафиксированной в зонах контактов прибалтийско-финского и русского населения исследуемого региона. По мнению автора, специфика адстратных заимствований позволяет ставить вопрос о совершенствовании способов их представления в диалектных словарях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Северо-Запад России, диалектная лексика, заимствование, субстрат, адстрат, адстратное проникновение, русский язык, прибалтийско-финские языки, вепсский язык, карельский язык, диалектная лексикография.

В исследованиях, посвященных языковому субстрату, довольно часто приоритет отдается топонимии и фонетико-грамматическим данным, хотя, несомненно, наиболее значительные материалы фиксируются на лексическом уровне. Под лексическим субстратом нами понимается весь корпус неисконных лексем, представляющих собой результат прямых межъязыковых взаимодействий, следствие билингвизма и перехода с одного языка на другой [Абаев, 1956, 65–69].

Б. А. Серебренников связывал различие субстрата и заимствования с принципиальной разницей в типах ареалов контактирующих языков. С его точки зрения, заимствование характеризуется маргинальным контактированием, т. е. наличием контакта двух территориально смежных языков, при котором никакого глубокого и массового проникновения носителей одного языка в область распространения другого языка не происходит. Для субстратного же влияния свойственно глубокое проникновение больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка, что квалифицируется как внутрорегиональное контактирование [Серебренников, 1956, 36].

М. Э. Рут, отдавая должное приводимым выше критериям выделения субстрата, призывает к разработке «новых дополнительных

критериев вычленения субстратной лексики». Основываясь на севернорусском диалектном материале, она предлагает следующую методику:

1) на исследуемой территории выявляется корпус лексем, этимологизируемых из финно-угорских источников или допускающих предположительное сближение с ними;

2) эта лексика подвергается картографированию;

3) в выявленных зонах анализируется вся заимствованная лексика, а также вся русская лексика, тематически близкая к заимствованной.

В результате выявляются субстратные зоны, а слова, обнаруживающие неоднородность с основным корпусом иноязычных лексем, признаются для данной зоны заимствованиями [Рут, 1984, 39–40]. Так же считает О. В. Востриков, для которого «главным приемом выявления субстратных включений следует считать географию слова, однако не саму по себе, а в сопоставлении с географией других слов» [Востриков, 1990, 77].

Субстратная лексика обладает рядом характеристик, присущих только ей: она статична и стабильна в пространстве; всегда отражая субстратный тип языка-донора, она не выходит за границы его распространения в прошлом. При этом лексический субстрат неоднороден и является комплексом с разными характеристиками в диахронии.

Кроме субстратной и заимствованной лексики, бытующей в русских говорах Северо-Запада России, отмечаются также лексические единицы, отличающиеся по своим характеристикам от двух названных разрядов. Эти единицы имеют следующие особенности: 1) бытование в зоне этноязыковых контактов; 2) нечастотность фиксаций; 3) отсутствие ареала (нередко единственная фиксация у одного информанта); 4) отсутствие базы для существования в русских говорах.

Эти единицы, не представляя нового денотата, являются полными синонимами либо к словам исконного происхождения, либо к заимствованиям, уже утвердившимся в русском языке. Такие единицы предлагается трактовать как а д с т р а т н ы е п р о н и к н о в е н и я

[см.: Лотте, 1982] — результат живого адстратного влияния смежных языков. Они обычно индивидуализированы и отражают специфику личностного проявления иноязычного влияния в контактной зоне, не представляя местные лексические особенности какого-либо диалектного континуума в целом. Адстратное проникновение всегда можно не только связать с каким-либо определенным языковым типом, но и возвести к конкретному источнику — языку или диалекту.

Несмотря на то что период существования таких единиц достаточно короток, в современной региональной лексикографии они фиксируются достаточно стабильно. Однако их подача в словарях в качестве обычных лексем, без особых комментариев, на наш взгляд, не совсем корректна, поскольку, репрезентируя такого рода данные, информанты обычно делают ремарку: «Так карелы, вепсы и т. п. говорят». Примеры адстратных проникновений в различных контактных зонах, естественно, не являются однотипными, однако непременно соблюдается их семантическое тождество и фонетическая близость к лексической единице языка / диалекта, послужившей источником. Если такая контактная зона представляет собой островной ареал в иноязычном окружении (как, например, русские старожильческие говоры в Литве), то количество адстратных проникновений увеличивается, но статус их не меняется, ср.: *аматóкас* ‘учащийся ремесленной школы’ при лит. *amatōkas* ‘то же’, *гáндрас* ‘аист’ при лит. *gañdras* ‘то же’, *лиóндра* ‘снег с дождем, гололедица’ при лит. *lijùndra* ‘то же’ и т. п. [Лаучюте, 1982, 86–88]. В силу важности и значимости некоторых таких слов в жизни социума они могут прочно закрепляться в составе лексикона — ср., например: *тарýба* ‘орган власти — совет’ (Лит. ССР) [СРНГ, 43, 290] при лит. *taryba* ‘совет’ [ЛРС, 817].

Тематически чрезвычайно разнообразна картина адстратных проникновений, отмечаемая в русско-прибалтийско-финской контактной зоне. Например, название растения *кáрбола* ‘клюква’, представленное в Бологовском районе (Сеглино) Тверской области [ПЛГО], явно восходит к карел. твер. *karbalo* ‘клюква’ [СКЯП, 88]. Слово *недáйй* ‘сосна’ (Прион.) [СРГК, 4, 419] по ареалу, форме и семантике совпадает с вепс. *pedai, pedei* ‘сосна’ [СВЯ, 405], при

фин. *petäjä*, карел. *petäjä* ‘сосна, обычно большая и крепкая’, ливв. *petäi*, люд. *pedai* ‘сосна’, вод. *petäjä*, эст. *pedajas*, саам. швед. *petse* ‘мясной или рыбный бульон, в который кладут заболонь сосны’, ср. также эрз. *p’itše*, мокш. *p’itše*, мар. *pəndžə*, удм. *pužim*, коми *požem* ‘сосна’ [SKES, 534; КЭСКЯ, 223]. Отмечаются такого рода данные и в зоне языкового влияния валдайских карел¹, ср. *мáнченка* ‘растение земляника, а также плоды этого растения’ (Валд., Ивантеево) [ТМДК, 1912] при карел. твер. *mančikka*, *mančikkane* ‘земляника’ [СКЯП, 156], карел. валд. *man’šikka* ‘то же’ [KKS, 3, 271].

Из названий предметов домашнего обихода обратим внимание на слова *вейч* ‘нож’ (Лод.) [КСРГК] < вепс. *veič* ‘нож’ [СВЯ, 633] и *вэйчи* ‘нож’ (Канд.) [КСРГК] < карел. *veičši* ‘нож’ [СКЯП, 329] — в этом случае ареальная дистактность и незначительные, но характерные формальные различия свидетельствуют в пользу разных источников языкового воздействия.

Еще одно слово из этой сферы — *күккора* ‘копилка, мешок с деньгами’. Оно было зафиксировано в Пудожском уезде Олонецкой губернии в начале XX в. [СРНГ, 16, 35], ср. карел., ливв. *kukkaro* ‘кошелек’ [СКЯМ, 162; KKS, 2, 416], а в настоящее время отмечается в Медвежьегорском районе Карелии в значении ‘денежные накопления’ [СРГК, 3, 54], что, вероятно, следует трактовать как переход из разряда проникновений в пласт единиц живого адстратного взаимодействия.

Как уже отмечалось выше, проникновения регулярно фиксируются в современной лексикографии, хотя их подача в словарях без комментариев вряд ли может дать реальное представление о лексической системе говора, поскольку, предъявляя такую лексему, информанты осознают ее нерусское происхождение. В частности, при фиксации проникновений, которые называют животных, в иллюстрациях обычно присутствует ремарка об иноязычности лексем. Так, в Подпорожском районе Ленинградской области отмечается слово *кóндий* ‘медведь’ [СРГК, 2, 411], восходящее к вепс. *kondiī* ‘то же’ [СВЯ, 223], причем ремарка информанта, зафиксированная

¹ Валдайский и смежные районы Новгородской области.

в словаре, заставляет задуматься о его национальной принадлежности: «У нас по-вепски кондий — медведь» [СРГК, 2, 411] (ср. также фин. *kontio*, ливв. *kondie*, люд. *kon'di* ‘медведь’ [SKES, 215]). Вряд ли эту лексему можно воспринимать как освоенную говором единицу, хотя пушистых собак бурого цвета иногда называют **Кóндя** (Выг., Ошта) [ПЛГО].

Приведем и другие близкие примеры. На востоке обследуемого региона в середине XIX в. была отмечена лексема **шýра** ‘мышь’ (Ярен.) [Протопопов, 1847; Опыт, 265] — результат влияния коми языка, ср. коми-зыр. *шыр* ‘мышь’ [ССКЗД, 441]. Слово **ка́рья** ‘скот’ (Лод.) [СРНГ, 13, 113], по-видимому, является проникновением из карельского языка, ср. карел. твер., тихв., валд. *karja* ‘скот’ [KKS, 2, 71]².

Наименования пищи в качестве проникновений фиксируются нечасто. В их числе **лúбет** ‘хлеб’ (Кад.) [КСРГК], восходящее к форме партитива *liibad(t)* от вепс. *liib* ‘хлеб’ [СВЯ, 289]; **ло́хкы** ‘вареная или пареная репа’ (Конд.) [СРГК, 3, 152], являющееся людиковским проникновением, ср. люд. *lohkoï* ‘кушанье из репы’, вепс. *lohkëi* ‘то же’ [SKES, 300].

В ряде случаев сходные материалы, зафиксированные в дистантных ареалах, могут являться единицами нетождественной природы. Например, слово **ма́йда** ‘молоко’, отмеченное в Кондопожском районе Карелии, представляется людиковско-карельским проникновением (оно зафиксировано в [КСРГК], но не попало в [СРГК]). Кроме того, имеется фиксация единицы **ма́йда** ‘молоко’ в Тверском регионе (Кашинский, Калязинский уезды), при вариантах **ма́йдака** ‘то же’ (Каш.), **ма́йдоха** (Каш., Каляз.) [Приемышева, 2, 150, 557]. Тверские данные зафиксированы в тайных и условных языках, однако на этой же территории имеется смежный прибалтийско-финский континуум — тверские карелы, что дает возможность учета воздействия их языка. При этом вряд ли следует напрямую возводить этот материал к фин. *maito*, как полагает М. Фасмер [2, 559], — ср.

---

² По предположению авторов [SKES], в прибалтийско-финские языки слово пришло из балтийских языков, ср. др.-прус. *karja* ‘военный отряд’ [SKES, 162].

карел. *maido*, карел. твер. *maido*, люд. *maid* ‘молоко’ [KKS, 3, 254; СКЯП, 154; SKES, 328].

В качестве другого примера приведем лексему *кёрвес*, зафиксированную в словаре Г. И. Куликовского (Олон.) в значении ‘поломанный, затупленный топор’ — «таким образом называется топор поломанный, затупленный, тогда как целый, хороший зовется топором» [КСРНГ]. Слово с очевидностью является карельско-вепским проникновением. При этом имеются фиксации фонетически близкой лексемы *кирбяс* ‘топор’ (Углич.) [КСРНГ], которую О. Б. Ткаченко рассматривает как результат мерянского влияния [Ткаченко, 1985, 150]. Несмотря на то что имеются сходные прибалтийско-финские данные (ср. фин. *kirves*, ливв. *kirves*, вепс. *kirvez* ‘топор’ < балт., ср. лит. *kiŗvis*, лтш. *cirvis* ‘то же’ [SKES, 200]), рассматриваемое слово следует возводить к источникам арго, которые, в свою очередь, могут напрямую восходить к языку бродячих торговцев-финнов [Приемышева, 2, 517].

Естественно, что проникновения представляют прежде всего номинативную лексику и в подавляющем большинстве являются именами существительными, но иногда фиксируются и единицы других частей речи. К ним, например, относится наречие *ма́хты* ‘очень’ (Подп.), соотносимое с вепс. *mahtte* ‘очень’ [СВЯ, 316]: «Ой, махты хорошо ты сделал» [СРГК, 3, 207]. Данное слово, вероятно, представляет собой проникновение, о чем можно судить даже по вепским иллюстрациям: «Sina mahtte čomin’ t’eg’id’ lačun» <Ты очень хорошо сделал кадку> [СВЯ, 316]. Ср. также вепс. *mahtad* ‘умеешь’, произносимое в качестве одобрения. Другое наречие — слово *ва́гом* ‘насильно’, отмеченное в Тихвинском районе Ленинградской области [СРГК], — сопоставляется с вепс. *vägüü, vägoï, vägõ* ‘насильно, поневоле’ [СВЯ, 644], при ливв. *vägow* ‘сильный, крепкий’ [СКЯМ, 444], люд. *vageu* ‘сильный’ [SKES, 1834].

В [СРГК, 4, 199] в значении ‘хорошо, ладно’ представлена лексема *о́миш*: «Дом престарелых в сосняге, сориночки не найдёшь, все говорят омиш, хорошо. Омиш, обычно хорошо, это по-вепски» (Лод.). Иллюстрации подтверждают трактовку этого слова как проникновения; правомерно, на наш взгляд, сопоставлять его с вепс.

voimiz ‘готовый’ [СВЯ, 620], *voimikš* ‘наготове’ [ПЛГО], при ливв. *valmis* ‘готовый’ [СКЯМ, 415], фин. *valmis* ‘готовый’, вод. *valmiz* ‘готовый, зрелый’ [SKES, 1624]. Начальный *v*, вероятно, утрачен в связи с особенностями вепсского слова, поскольку первый гласный в дифтонге *oi* звучит более отчетливо, нежели губно-зубной согласный *v*.

Еще один пример — зафиксированное на Валдае слово *кёрда* ‘случай’: «Экой керда!» (Крестец., 1895) [СРНГ, 13, 184]. Я. Калима сравнивает это слово с карел., ливв. *kerda*, вепс. *kerd*, при фин. *kerta*, эст. *kord* ‘порядок, ряд, раз’ [Kalima, 1915, 112]. Фиксация слова в Крестецком уезде Новгородской области позволяет указать источник более конкретно — карел. твер. *kerda*, валд., тивх. *k'erda* ‘раз’ [СКЯП, 94; KKS, 2, 138]. Лексему следует трактовать как проникновение³.

Фиксация собирателями проникновений на территории Северо-Запада России нередко связана с опасностью записи материала не у носителей русских говоров, а у живущих в ближайшем соседстве с ними носителей финно-угорских языков, которые являются билингвами. Например, такие слова, как *игенет* ‘десна’ и *вётчон* ‘поясница’ (Прион.) [Алекина, 1975, 64], вероятно, являются результатом записи их у вепсов, ср. вепс. *igened* ‘десны’ [ПЛГО] и *veččom* ‘талия, поясница’ [СВЯ, 620]. Фиксация вариантов лексем, близких или практически тождественных формам в смежных прибалтийско-финских языках, также заставляет предположить сбор такого материала у нерусских информантов: ср. *хала* ‘иней’ (при субстратной единице *гáлога*) — и вепс. *hala* ‘иней’; *кóйвуд* ‘березовый лес’ — и вепс. *koivud* ‘березы’ [ПЛГО]; *рáвас* ‘старый лес’ — и вепс. *ravaz* ‘старый’ [ПЛГО; СВЯ, 465]; *хáпану* ‘гнилой лес’ — и вепс. *haranu* ‘сгнивший’ [ПЛГО]; *нёна* ‘носок сапога’ — и вепс. *nena* ‘нос’ [ПЛГО]; *мáймикаш* ‘суп из сухой мелкой рыбы’ — и вепс. *taimkaš*

³ Авторы [SKES] возводят прибалтийско-финское гнездо к балтийскому источнику, ср. др.-прусс. (Асс. Sg.) *kērdan, kerdan* ‘время’, лит. **kerda* ‘очередь, порядок, раз’ [SKES, 185]. Марийское *герды* ‘время’ сопоставляется с др.-прусс. *kerda* ‘время’ [Кнабе, 1962, 69], эрз. *kirda* — с прус. *en kērdon* ‘этот раз’ [Аристэ, 1973, 3].

‘суп из сушеной рыбы’ [ПЛГО; СВЯ, 318]; *nákkaiñe* ‘мороз’ (Прион., Конд.) [Алекина, 1975, 64] — и вепс. *pakain’e* ‘мороз’ [СВЯ, 394].

В некоторых случаях приходится говорить о не вполне корректных толкованиях полевых записей. Например, заонежское слово *хойка* толкуется как ‘талия у женщины’ [Алекина, 1975, 61] — исходя из контекста «Талия-то хойка» (Медв.) [СРГК, 6, 730]. Вероятно, в этом случае следует по-другому интерпретировать семантику единицы *хойка*, квалифицируя ее как карельское проникновение — ср. карел. *hoikka* ‘тонкий, стройный, худощавый, красивый’, ливв. *hoikku* ‘тонкий’, люд. *hoik* ‘тонкий, не толстый’ [SKES, 79], при вепс. *hoik* ‘тонкий, мелкий’ [ПЛГО]. Предположение о записи лексического материала Л. Н. Алекиной у нерусского населения подтверждается сведениями о полевой работе в населенных пунктах Шокша (Прионежский район Карелии) и Гимрека (Подпорожский район Ленинградской области), где и в настоящее время проживают вепсы [см.: Алекина, 1975, 60].

Вероятно, как проникновение следует трактовать и междометие *náibba* ‘приветствие при встрече’ (Подп., Белом.) [ПЛГО; КСРГК], ср. фин., карел. *päivä*, ливв. *päivü*, люд. *päiv* ‘день, солнце, приветствие’ [SKES, 680–681].

Иногда в зонах межъязыковых контактов возможно зафиксировать не только отдельные адстратные лексемы, но и некоторые выражения. Ср.: *náľyan lápsi* ‘много детей’ (Конд.): «Пришла в деревню, они говорят: “Пальян лапси, матушка, ох”» [КСРГК]. Данное выражение является людиковско-карельским проникновением, ср. карел. *paljon* ‘много’, *lapsi* ‘ребенок’ [SKES, 277, 474].

Таким образом, как видно из приведенных примеров, проникновения всегда близки по форме и семантике к данным языков-источников. И хотя они фиксируются у носителей русских говоров, фонетико-морфологическая и семантическая адаптация такого рода единиц всегда минимальна, а если имеется какое-либо несоответствие, то оно чаще всего является результатом индивидуального искажения, связанного с особенностями восприятия и попытками использовать новый для носителя неисконный материал в речи.

Следует различать проникновение как процесс и проникновения как лексические данные. Проникновение как процесс имеет свою динамику: начало, протекание, завершение; этот процесс непрерывен, но интенсивность его меняется в зависимости от обширности контактных ареалов и количества контактирующих людей. При ускорении этнической ассимиляции этот процесс, вероятно, может кратковременно становиться более интенсивным, но в дальнейшем интенсивность снижается.

В словарях, которые выходили в XIX в., в ряде случаев довольно затруднительно определить, какой статус имеет единица — является она проникновением, субстратной лексемой или заимствованием. Это, например, касается многих лексем из словаря А. Подвысоцкого, которые снабжены пометами, указывающими на неисконный характер толкуемых данных: «самоедское» (ненецкое) — 60 помет, «зырянское» (коми) — 40, «лопарское» (саамское) — 82, «корельское» (карельское) — 37. Приведем свои соображения по поводу некоторых слов такого рода.

Емандать (слово корельское и преимущественно корелами употребляемое) ‘быть в неведении, не знать’. *Емандую* ‘не знаю’ (Кем.) [Подвысоцкий, 1885, 42]. Т. Итконен предлагает в качестве источника карел. *en minä tiija* или саам. *jem mondie(де)* ‘я не знаю’ [Itkonen, 1932, 63; Фасмер, 2, 18]. При этом вряд ли в основе русского слова лежат полные варианты лексем: в прибалтийско-финских языках местоимение «я» употребляется в формах *mä, miä*, ср. вепс. *mä en teda* ‘я не знаю’, причем иногда это высказывание усекается, например, до *en tä* ‘не знаю’ [ПЛИГО]. В данном случае не исключено, что источником анализируемого глагола могло послужить и высказывание с другой семантикой.

Емáлтать ‘не понимать’ (арх., 1887) [СРНГ, 6, 354]. Слово восходит к прибалтийско-финской отрицательной глагольной формуле *ei malta* ‘не понимает’, ср. соответствующие инфинитивы: ливв. *malta-*, люд. *malttada* ‘мочь, уметь, понимать’, вепс. *maltta* ‘мочь, уметь’, при саам. норв. *mal'tet* ‘то же’ [SKES, 332].

Рёска, рёшка ‘употребляемая карелами в Кемском уезде в пищу вместо хлеба пресная лепешка, выпеченная из муки с примесью

толченой сосновой коры (¼ муки и ¾ коры; эта последняя берется не верхняя, а находящаяся под нею нижняя, так называемая заболонь) [Подвысоцкий, 1885, 147]. Имеются и другие сходные материалы: арх. *рѣжка* ‘ржаная лепешка с примесью муки из сосновой заболони, мезги’ [Даль, 4, 90], печор. *рѣзка* ‘пресная лепешка, выпекаемая над огнем’ [СРГНП, 2, 219].

Я. Калима возводит данный материал к карел. *rieška*, при фин. *rieska* ‘пресный ячменный хлеб, блин’, вепс. *r’esk* ‘свежий (о хлебе, молоке)’ [Kalima, 1915, 197]. Ср. также вепс. *resk* ‘пресный’, ‘свежий’, ‘молодой, сочный (о лесе)’ [СВЯ, 468], ливв. *riesku* ‘пресный, незаквашенный’, ‘цельное, недолго стоявшее молоко’, ‘пресный пирог’ [СКЯМ, 305], карел. твер. *rieška* ‘пресный’, ‘свежий, цельный (о молоке)’ [СКЯП, 234], карел. *rieška* ‘свежий, нескисший’, ‘немного использованный или скисший’ (Ухта, Кестеньга, Паданы), ‘хлеб, приготовленный из незаквашенного теста из ячменной или ржаной муки’ (Кестеньга, Ухта, Ругозеро, Паданы) [KKS, 5, 87], люд. *riesk* ‘свежий, нескисший (о молоке)’ [SKES, 779]⁴. Вероятно, из русского языка заимствовано нен. *rieska* ‘пресный, пропеченный с обеих сторон хлеб; пирог’ [SKES, 780]. Варианты же *рѣска*, *рѣшка*, по всей видимости, имеют в основе карельский диалектный источник⁵.

Паня́га ‘оленья узда’ (у лопарей) (Кольск.) [Подвысоцкий, 1885, 116; СРНГ, 29, 280]. **Панга́** ‘олений недоуздок’: «На голову одевалась панга» (Кольск.) [Меркурьев, 1979, 107], Кем. [КСРГК], мурм. [СРНГ, 25, 193]. **Панка́** ‘костяная пластинка или веревочный ремешок в оленьей упряжке или в лассо для поимки оленей’: «У оленей костяны панки из рогов оленей, чтобы хигна не закручивалась. На шее панка, две дырочки для оголовья по краям, а для хигны посередине», **панга́** ‘то же’ (Кем.) [СРГК, 4, 389], ‘приспособление,

⁴ В прибалтийско-финских языках слово не является исконным, ср. лит. *preskas* ‘пресный’, *preskà* ‘пресный хлеб’ [Thomsen, 1890, 209–210; Kalima, 1915, 197–198]. Из финского *riesa* ‘пресный хлеб’ слово вошло в шведские диалекты в виде *räsko* ‘тонкий незаквашенный хлеб, который печется в передней части печи’, а также в норвежско-саамский язык в виде *riëska* ‘пресный плоский хлеб’.

⁵ Следует ограничивать от этого материала мордовские данные: эрз. *роиксе* ‘ржаной хлеб’ восходит к другой русской основе, ср. эрз. *розь* ‘рожь’ [ЭРС, 556, 558].

препятствующее закручиванию лески на удочке' (Тер.) [Там же]. Лексемы восходят к саамскому источнику, ср. саам. кильд. *pàngke*, при фин. *panka* [Itkonen, 1932, 64]. Авторы [SKES] предлагают в качестве источника также саам. норв. *bag'ge*, саам. кольск. *paGGe* [SKES, 482; см. также: SSA, 2, 307; Фасмер, 3, 196]. Вообще в словаре А. Подвысоцкого помета «слово лопарское» в большинстве случаев указывает на единицы саамского аутентичного лексикона.

Рóвва 'цельная оленья дубленая шкура с волосом', 'употребляемое лопарями, фильманами, поморскими промышленниками и судорабочими одеяло из оленьего меха с мешком на конце для всовывания ног' (Кольск.) [Подвысоцкий, 1885, 147]. Слово соотносится с саам. патс. *rovva* 'одеяло из шкуры' [Kalima, 1913, 87; Фасмер, 3, 488]. Сходный материал отмечается и в других источниках, ср.: *рóвва* 'дубленая оленья шкура (с волосом)' (Кем., 1878) [СРНГ, 35, 111]; *рóва* 'одеяло, сшитое из оленьих шкур' (Тер., Варзуга) [Меркурьев, 1979, 134]; *рóва* 'спальный мешок из оленьей шкуры': «У кого олени были — рову оленью сошьёшь с куколем» (Тер.), «Ровы у лопарей были, мешки меховые» (Севмор.), «Ещё ровы шили, рова, она вся прямая, а один конец зашит, как мешок, спят в оленьей рове» (Кем.) [СРГК, 5, 533]; *рóвуика* 'то же' (Севмор.) [Там же, 536]; *рóва* 'мешок для ног в меховом одеяле' (сев.) [КСРНГ].

В некоторых случаях, однако, лексемы, представленные в словаре А. Подвысоцкого, не находят этимологического решения — ср., например, слово **метыне** 'возжа в оленьей упряжи' (Кольск.) (слово лопарское) [Подвысоцкий, 1885, 91], которое М. Фасмер относит к единицам неясного происхождения [Фасмер, 2, 611].

Обратим внимание на то, что данные, зафиксированные с хронологическим разрывом, могут иметь различную трактовку в отношении их квалификации как заимствования, субстрата или проникновения. Например, слово **лёмбой**, представленное в словаре А. Подвысоцкого, можно рассматривать как проникновение: *лёмбой* (слово корельское, ругательное) 'леший, черт': «Кой лембой сделаешь там, иди скоряй» (Онеж., Кем., Кольск.) [Подвысоцкий, 1885, 82]. Сходные данные фиксируются в Обонежье: *лёмбой* (Петр., Олон.), *лёмба* 'дьявол' (Пуд., Колодозеро) [Куликовский, 1898, 49]; отмечено

также слово *лѣмба* ‘леший’ (Канд., Выт., Конд., Пуд.) [СРГК, 3, 110]. В наших полевых материалах записано бранное выражение: *к лѣмболу* ‘к черту’ (Пуд.) [ПЛГО]. Слово, зафиксированное в словаре А. Подвысоцкого, Я. Калима считает прибалтийско-финским, ср. карел. *lembo*, *lempo*, ливв. *lemboi*, люд. *l'emboi* ‘злой дух, дьявол’ [Kalima, 1915, 152]⁶; ср. также ливв. *l'emboi*, вепс. *lemboi* ‘черт’ [СКЯМ, 182; СВЯ, 283], которые, вероятно, послужили источником для варианта *лембой*. Для варианта *лѣмба* более близок карельский этимон *lembo* ‘черт, дьявол’, ‘ругательство: черт, дьявол’ [KKS, 3, 60]. Выражение *к лемболу*, в котором появляется конечный слог *-лу*, отражает слово *лембой* в аллативе, ср. вепс. *lemboile* ‘к черту’ [ПЛГО].

Таким же образом следует отличать сравнительно новые данные, зафиксированные в псковско-эстонской контактной зоне: *вѣмба*, *вѣмба-ка́ла* ‘рыбец’ (Причудье, Мехикоорма), при эст. *vimb* ‘рыбец’ [Мюркхейн, 1973, 4], — от более ранней фиксации *вѣмба* ‘рыба *Syrpinus vimba*’ (Прибалт.) [КСРНГ].

Абаев В. И. О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания. 1956. № 9. С. 56–69.

Алекина Л. Н. Из материалов для регионального атласа русских говоров Карелии // Севернорусские говоры. Вып. 2 / отв. ред. Н. Мещерский, А. Герд. Л., 1975. С. 59–65.

Аристэ П. Вопрос о балтийских заимствованиях в финно-угорских языках // Вопросы марийского языкознания. Вып. 3. Йошкар-Ола, 1973. С. 3–7.

Востриков О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990.

Грот Я. К. Слова областного словаря, сходные с финскими // Грот Я. Филологические изыскания. СПб., 1876. С. 470–474.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд., испр. и значит. умнож. по рукоп. авт. М. ; СПб., 1880–1882.

Кнабе Г. С. Словарные заимствования и этногенез (к вопросу о «балтийских» заимствованиях в восточных финно-угорских языках) // Вопр. языкознания. 1962. № 1. С. 65–76.

---

⁶ См. также: [Шегрен, 1852, 157; Грот, 1876, 471; Лесков, 1892, 100; Погодин, 1904, 40; Meckelein, 1913, 48; Фасмер, 2, 480].

- КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (Словарный кабинет им. Б. А. Ларина, филологический факультет СПбГУ, Санкт-Петербург).
- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- Куликовский Г. И.* Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЭСЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов в русском языке. Л., 1982.
- Лесков Н. Ф.* О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Живая старина. 1892. № 4. С. 97–103.
- ЛРС — Литовско-русский словарь / сост. А. Либерис. Вильнюс, 1988.
- Лотте Д. С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. М., 1982.
- Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Мюркхейн В.* Эстонские лексические заимствования в одном из русских говоров Эстонской ССР // Советское финно-угроведение. 1973. № IX/1. С. 1–9.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование (материалы по русским говорам и финно-угорским языкам, собранные автором в диалектологических экспедициях).
- Погодин А. Л.* Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. № 4. С. 1–72.
- Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Приемышева 1–2 — *Приемышева М. Н.* Тайные и условные языки в России XIX века : в 2 ч. СПб., 2009.
- Протопопов А.* Областные слова Яренского уезда Вологодской губернии. 1847. Материалы КСРНГ.
- Рут М. Э.* К проблеме разграничения субстратной и заимствованной лексики финно-угорского происхождения на территории Русского Севера // Этимологические исследования / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1984. С. 31–41.
- СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л., 1972.
- Серебрянников Б. А.* Проблема субстрата // Институт языкознания : докл. и общ. Т 9. М., 1956. С. 33–56.
- СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

- СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- ССКЗД — *Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А.* Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- Ткаченко О. Б.* Мерянский язык. Киев, 1985.
- ТМДК — Труды Московской диалектологической комиссии : в 8 вып. / ред. Д. Н. Ушаков. М., 1908–1919.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева : в 4 т. М., 1964–1973.
- Шегрен А. М.* Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики / ред. И. И. Срезневский. СПб., 1852. С. 145–165.
- ЭРС — Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М., 1993.
- Itkonen T. I.* Lappische Lehnwörter im Russischen // Suomen Tietotoimisto. Bd. XXVII. Helsinki, 1932. S. 45–65.
- Kalima J.* Kritisches zur Frage über die Finnisch-ugrischen Element im Russischen. II (Zelenin, Vasmer, Pogodin) // Rocznik slawistyczny. T. 4. Kraków, 1913. S. 74–94.
- Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. 1–6 / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; XVI).
- Meckelein R.* Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen. 1. Die finnisch-ugrischen Elemente im Russischen. Berlin, 1913.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki, 1955–1981. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; XII).
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000 (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 556).
- Thomsen V.* Beröringer mellem de finsk og de baltiske (Litauisk-Lettiske) sprog. Copenhagen, 1890.

* * *

Мызников Сергей Алексеевич
доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН,
заведующий Словарным отделом,
Институт лингвистических
исследований РАН,
заведующий кафедрой уральских
языков, фольклора и литературы
РГПУ им. А. И. Герцена
199053, Санкт-Петербург,
Тучков пер., 9
E-mail: myznikovs@rambler.ru

Muznikov, Sergey Alekseevich
DrHab, Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences
Head of the Department
of Lexicography,
Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Head of the Department of Uralic
Languages, Folklore and Literature,
Herzen State Pedagogical University
of Russia
9, Tuchkov Ln,
199053, Saint Petersburg, Russia
E-mail: myznikovs@rambler.ru

**Substratal Lexis and Lexical Infiltrations
(With Reference to the Russian Dialectal Vocabulary
of the Northwest of Russia)**

Focusing on the dialectal vocabulary of the northwest of Russia, the article investigates into the problem of differentiation between substrate words and so-called adstratal infiltrations resulting from everyday contacts between territorially adjacent languages. Based on his fieldwork notes, as well as on data retrieved from dialectal dictionaries and earlier studies, the author suggests a number of criteria enabling to distinguish between the two classes of lexemes. The author points out the following distinctive features of adstratal lexical units: their attestation in the zones of language and ethnic contacts; the rarity and even uniqueness of those attestations; the absence of basis for the word to be assimilated by the Russian language dialect. The paper focuses on the adstratal words attested in the zones of contacts between the Russian and Balto-Fennic population of the studied region. The author argues that the specificity of adstratal loans should lead to a better presentation of such words in dialectal dictionaries.

Key words: Northwest of Russia, dialectal vocabulary, loanword, substrate, adstrate, adstratal infiltration, Russian language, Balto-Fennic languages, Veps language, Karelian language, dialectal lexicography.

В. И. Супрун

Волгоград

Дезаффрикация как фонетическое явление и ее отражение в языках и говорах

В статье рассматривается происхождение и употребление аффрикат в ностратических, индоевропейских, славянских языках и русских диалектах. Определяется, что в языке постоянно действуют законы экономии речевых усилий и украшения, облагораживания речи, которые влияют на появление и исчезновение аффрикат. Эти законы действуют последовательно, сменяя друг друга. Возникают своеобразные волны появления и исчезновения аффрикат в языках: сложная система в ностратическом языке, сменившаяся полным их отсутствием в индоевропейском, новый всплеск в славянских языках и постепенное угасание в народной речи. В чирских говорах Волгоградской области отмечено фонетическое явление, называемое *щёканье*. Это процесс дезаффрикации звука [ч'], произношения его как [ш']. В донских говорах представлен также переход [ц] в [с] как лексикализованное явление в словах с корнем *цвет-*. В курско-белгородских говорах регулярно встречается соканье — утрата аффрикаты [ц].

Ключевые слова: аффрикаты, дезаффрикация, щёканье, соканье, закон экономии речевых усилий, благозвучие.

В своей многогранной научно-исследовательской деятельности М. Э. Рут, помимо главного направления исследований — ономастики, большое внимание уделяет истории русского языка, этимологии, диалектологии. Она принимает участие в составлении «Словаря говоров Русского Севера» [СГРС], пишет вместе с коллегами учебно-методические пособия по истории русского языка [ИРЯ-УЗ; ИРЯ-УТ; Рут, 2010], готовит статьи, пособия по проблемам этимологии (совместно с коллегами) и пользующийся большой популярностью этимологический словарь для школьников [Рут, 1981; РЭ-СК; Рут, 2003; 2009]. Высоко оценивая вклад Марии

Эдуардовны в решение глотто- и лингвоисторических проблем, остановлюсь на причинах возникновения некоторых фонетических процессов в древности и современности, которые, надеюсь, будут интересны юбиляру.

В каждом языке взаимодействуют, находятся в равновесии две основные тенденции, два закона языкового развития: лингво-экономический, заставляющий говорящих / пишущих использовать как можно меньше усилий для передачи максимального объема информации (закон экономии языковых усилий), и лингвоэстетический, требующий от коммуниканта продуцировать красивую речь, соблюдать правила эвфонии, эусемии, эусинтактии, расширять изобразительные возможности производимых текстов.

Все языки рождаются как консонантные: число согласных в них всегда больше количества гласных. Вокалические языки возникают в ходе исторического развития при умножении числа гласных и/или уменьшении согласных. Так, датский язык с его 26 гласными звуками, 11 дифтонгами и только 20 согласными [УДЯ] развился из консонантного прагерманского языка, в котором на 19 согласных приходилось 8–9 гласных [ВГФ]. Видимо, такова же судьба вокалического языка маори, в котором 10 согласных, столько же гласных и 5 дифтонгов: /aĩ/, /aě/, /aǒ/, /aũ/, /oũ/ [Harlow, 2006, 16]. Крайним случаем проявления консонантности является исчезнувший ныне убухский язык, в котором было 84 согласных и только две гласные фонемы — [ā] и [a] [Кумахов, 2005]. Двухфонемная фонологическая вокалическая система встречается также в языке австралийских аборигенов аранда (аранта): [a] и [ə], вторая фонема может быть реализована как /i/ ~ /e/ ~ /ə/ ~ /u/ [Breen, 2001]. В абхазском языке 3 гласных и 58 согласных [Чирикба, 2001].

Нет однозначного ответа на вопрос, каким путем происходит формирование фонологической системы языка. Логика подсказывает, что она должна развиваться путем усложнения, появления звуков с более сложной артикуляцией, однако история отдельных языков и семей свидетельствует, что нередко они содержат в исходном состоянии более сложные фонемы, которые затем претерпевают упрощение.

Самыми сложными звуками человеческого языка являются кликсы — щелкающие аффрикатоподобные фонетические образования, у которых две смычки: первичная (основа щелчка) и вторичная (исход щелчка). Первая возникает при работе губ или передней части языка, вторая формируется спинкой языка или увулой. Кликс является цельной единицей, обладающей фонемным статусом. Эти звуки встречаются в койсанских языках, из которых они проникли в соседние африканские языки зулу, коса, южный сото, дахало и др. [Westphal, 1971].

Генетики утверждают, что койсаны отделились от остального человечества первыми, произошло это 90–100 тыс. лет назад [Shi et al., 2010], когда еще не было членораздельного языка, однако, возможно, уже возникла артикуляционная предрасположенность к оформлению звукового потока. У остальной части человечества кликсы не обнаружены, что позволяет увидеть как минимум два пути глоттогенеза. Однако ограниченные возможности речевого аппарата и акустический потенциал звукопотока сближают эти пути, заставляют предположить формирование человеческого языка если не из одного источника, то, по крайней мере, по одинаковому сценарию.

Достаточно сложными по артикуляционно-акустическим параметрам являются аффрикаты. Для их произнесения в лингвосознании должно быть сформировано понимание того, что в одном звуке могут объединяться смычка и щель, речевой аппарат должен быть готов к тонкой, прецизионной работе, а фонологическое сознание должно выработать способность отличать аффрикаты от смычных и фрикативных, формировать новые морфемы и лексемы с их участием.

Все специалисты по ностратике утверждают, что в праязыке существовали аффрикаты, их насчитывают от 9 до 12: зубные, среднеязычные и постальвеолярные в глухом, звонком и глоттализованном виде (выделяют также шипящие аффрикаты, латеральные, мягкие, эмфатические в разных терминологических системах) [Иллич-Свитыч, 2003, 147; Долгопольский, 2013, 15]. Чешский лингвист В. Блажек описывает реконструкцию фонетики праностратического языка

В. М. Иллича-Свитыча как соединение картвельского и семитского консонантизма с финно-угорским вокализмом [Blažek, 1983, 237].

Казалось бы, от такой разветвленной системы аффрикат должны остаться следы на последующих этапах дивергентного развития языка, однако не все потомки праностратического языка обнаруживают в своем составе эти сложные звуки. Имелись две аффрикаты в алтайском праязыке, которые претерпевают изменения на последующих этапах дивергенции: алтайская аффриката [с] сохранилась в прамонгольском и в древнетюркском, аффриката [č] осталась только в прамонгольском, а в древнетюркском она превратилась в [j] [Серебренников, 1982, 32]. В прауральском языке выделяют только аффрикату [с] [Sammallahti, 1988, 482], которая исчезла в финском [Елисеев, 1993]. Богатой системой сибиллянтных аффрикат располагают афразийские языки [Порхомовский, 1990, 55], анализ которых, видимо, и стал основанием для выделения сложной системы этих звуков в ностратическом праязыке. В чадских, кушитских и берберских языках произошла утрата велярных ффрикативных и аффрикат [Дьяконов, 1988].

Итак, мы постоянно видим, что в языках происходит появление и исчезновение аффрикат. В первом случае действует лингвоэстетический закон: аффриката обладает бóльшим воздействующим потенциалом, способна ярче выделять элементы звукового потока, четче обозначать лингвальные единицы, в ней больше фонетической экспрессии, она в большей степени способна придать речи выразительность, использоваться как средство эмфазы. Однако сложность работы произносительного аппарата при реализации аффрикаты, «лень человеческая» [Поливанов, 1981, 55; 1968, 81] приводят к включению механизма экономии языковых усилий, что выводит аффрикаты из фонологической системы. А. Мартине назвал этот процесс принципом наименьшего усилия: говорящие стремятся прилагать как можно меньше усилий для производства речи, в результате возникают такие фонетические явления, как ассимиляция, диссимиляция, редукция, элизия, упрощение групп согласных [Мартине, 1960], а также исчезновение аффрикат, замена их простыми звуками.

В индоевропейском языке аффрикаты не обнаруживаются [Нерознак, 1980; Karović, 2008, 161–162]. Нет их в санскрите [Кочергина, 2007, 3]. Следовательно, к моменту выделения индоевропейского языка из ностратического восторжествовал лингвоэкономический закон, исключивший сложные по образованию и продуцированию аффрикаты. Но по мере выделения из языка отдельных диалектных континуумов, ставших впоследствии группами (ветвями) и затем самостоятельными лингвальными сущностями, в них начинают снова формироваться эти «притертые» звуки (на латыни *affricatus* обозначает ‘притертый’), реализующие в одном звуке последовательно смычку и щель. Происходит своеобразный лингвогенетический процесс, возвращающий в языки исчезнувшие на предыдущем этапе звуки.

Переднеязычные аффрикаты, наряду со среднеязычными, обнаруживаются в маратхи [Зограф, 1982, 110, 126], в хинди среднеязычные аффрикаты перешли в переднеязычные, но затем изменились в сибиллянты [Там же, 114], в ассамском языке аффрикаты исчезли [Там же, 118]. В «золотой» латыни не было фонемы [t̪s], она появилась в IV–V вв. н. э. в результате изменения произношения звука [k] перед гласными переднего ряда и звука [t] в звукосочетании [ti] [Венгловский, 1993, 8–9]. В немецком языке в результате второго передвижения согласных возникают в V–VIII (IX) вв. аффрикаты [pf], [t̪s], [kx] [Schwerdt, 2000].

Наиболее мощно процесс образования (восстановления) аффрикат затронул славянские языки. Прошли три процесса палатализации, в результате которых в фонемный состав праславянского языка влились аффрикаты [d̪ʒ’], [t̪ʃ’] и [d̪z’], [t̪ʃ’] [Бернштейн, 2005, 169; Селищев, 2006, 178–179]. Тем самым в праславянском языке появились пары аффрикат по глухости и звонкости, наследующие соответствующие пары заднеязычных. В ходе регрессивного воздействия [j] количество слов с аффрикатами увеличилось, однако данный процесс по-разному затронул разные славянские языки: шипящая аффриката [t̪ʃ’] (возможно, и [d̪ʒ’]) появилась только у восточных славян, у западных возникли свистящие аффрикаты [d̪z̥] и [t̪ʃ̥], тогда как у южных на их месте были образованы сложные

фонематические образования [ждʹ], [штʹ] [Николаев, 1994]. Таким же специфическим был процесс первой палатализации звуко сочетаний [kt] и [gt] — с той лишь разницей, что [gt] переходило в [kt] и изменялось затем тоже в глухую аффрикату. Звукосочетание [gd] встречалось крайне редко и мало участвовало в фонетических преобразованиях.

Если относительно времени возникновения второй палатализации мнения ученых расходятся незначительно (они считают, что самым ранним периодом ее проявления могли быть II–III вв. н. э., а наиболее поздним — VI–IX вв.), то с первой палатализацией разброс мнений более существенный: от VI–V вв. до н. э. [Півторак, 1988, 38] до V–VI вв. н. э. [Shevelov, 1964, 252; Šekli, 2016, 223], т. е. разница составляет почти 1200 лет. Думается, что правы сторонники древнего периода реализации этого процесса, и доказательством этому служит судьба звонкой аффрикаты [джʹ]. Причиной ее исчезновения были две тенденции: одна исходила из глубин глоттогенеза, а вторая опиралась на собственно славянские закономерности формирования звукового потока. Лингвоэкономические соображения снова набирали силу и стали теснить лингвоэстетические, вызвавшие к жизни яркие, но сложные для произношения звуки. Закон экономии речевых усилий стал причиной появления в славянских языках принципа восходящей (возрастающей) звучности, регулирующего последовательность согласных в составе слога. Он требовал, чтобы в сочетании «смычный + фрикативный» первый звук исчезал [ССЯ, 95], поскольку взрывной в этносознании древних славян воспринимался как более звучный и нарушал восхождение звучности.

О. Н. Трубачев в одной из своих работ по этногенезу славян писал: «Тенденция к постепенному повышению звучности, впоследствии так ярко выразившаяся в гласном облике славянской речи, задолго до того проявила себя в праславянских консонантных инновациях (здесь — дезаффрикация)» [Трубачев, 2003, 50]. Именно в этом заключалось превращение аффрикаты [dʒʹ] в простой шипящий звук. Аффриката характеризовалась двуприродностью по способу образования: в начале стояла смычка, переходящая затем во фриксию. Это нарушение возрастания звучности неизбежно

привело к устранению начального эксплозивного элемента и превращению аффрикаты в простой звук. Еще в эпоху праславянского единства звонкая аффриката утратила смычку, превратилась в простую фонему [ʒʹ]. Утрата звонкой шипящей аффрикаты произошла, видимо, до III–IV вв. н. э., поскольку во всех славянских языках отмечен только простой шипящий звук на месте аффрикаты: рус., блр., болг., серб., макед. *жена*, укр. *жінка*, чеш., словац., хорв., словен. *žena*, польск. *żona*.

Звонкая свистящая аффриката имела иную судьбу. У восточных славян вторая палатализация проявилась не повсеместно, она не происходила или была утрачена новгородским говором: *кѣле* ‘цел’; *хѣрь* ‘серь, серое (некрашеное) сукно’; *кѣркы* ‘церковь’; *хѣде* ‘седой’; *кѣ тетѣкѣ*, на *Лугѣ*; на *отрокѣ*, *отроки*, *вежьники*; *въ другѣмъ* и др. Исследователи отмечают, что в берестяных грамотах палатализация встречается только в церковной лексике. Как и в западнославянских языках, в новгородском говоре не произошла вторая палатализация в сочетаниях **kv*, **gv*: *звѣзда* ‘звезда’; *квѣтъ* ‘цвет’. Третья палатализация непоследовательно отмечена у звонкого заднеязычного [g] и фрикативного [x] в местоимении *въхъ* ‘весь’, но последовательно отражается у [k]: *нелга* ‘нелзя’, *варлгъ*; *стлгъ*; топоним *Вховежь* < **Въховѣдь* ‘Всевед’; но *отць*, *мѣслиць*, *задъница* [Николаев, 1994, 27; Галинская, 2004, 64–65; Зализняк, 2004, 39–41, 45–47].

В истории церковнославянского языка имеется самый старый глаголический памятник — Киевские листки [Хабургаев, 1986, 32]. Их связывают с деятельностью св. Мефодия и его учеников и относят к концу IX — началу X в. [Нимчук, 1993]. В памятнике регулярно противопоставляются глаголические буквы «зело» и «земля», в чем усматривают отражение звонкой аффрикаты [dʒʹ] буквой «зело» (⚡) [Лопушанская, Супрун, 1988].

Русская народная речь содержит факты и явления, восходящие к разным периодам развития общенародного языка, и собственно диалектные инновации. Большинство единиц, используемых диалектоносителями, тождественны литературным, описываемым в толковых и этимологических словарях русского языка. Интерес представляют те диалектные факты и явления, которые отсутствуют

в литературном языке, но сохраняют память о древнем состоянии общенародного и общеславянского языков. Рассмотрение диалектных единиц на фоне других славянских языков признается одной из важнейших задач системного и комплексного изучения русских говоров [Шелепова, 2012, 46; Матанцева, 1999, 3].

В чирских говорах, распространенных на территории бывшего Второго Донского округа области Войска Донского (ныне Чернышковский, Суровинский, Иловлинский, Калачевский, Котельниковский, частично Клетский и Октябрьский районы Волгоградской области), отмечено фонетическое явление, называемое *щёканье*. Это процесс дезаффрикации звука [ч'], произношения его как [ш']. Существуют дразнилки, отражающие эту особенность произношения носителей диалекта: «Щириз рёщку щириш Щёр ф щёриках и ф щёрниньких шуло́щках»; «Казашёк, пащём лущёк? — Как пущёк, так питащёк» [СДГВО, 11]. В данных записях буква *щ* отражает краткий мягкий согласный [ш'], а не долгий, как в литературном языке.

Видимо, ранее в казачьих говорах встречалась дезаффрикация твердого звука [ц], переходящего в [с], но ныне она фиксируется только в лексикализованном виде в словах *свет* 'цвет', *свесть* 'цвести', *светок*, *светочек*, *светной*, *светастый*, *пустосвет*, а также в гиперизмах *царай*, *царашико*, *царайчик* [Там же, 639] и в утраченном слове *цаног*. Лексема *царай* зафиксирована нами также в заволжском говоре [Супрун, 2012а], что может отражать как процессы междиалектного взаимодействия, так и внутридиалектное гиперкорректное преобразование.

Дезаффрикация зафиксирована также в говоре села Романовка Ольховского района Волгоградской области, обследованном этнолингвистической экспедицией ВГСПУ в июле 2016 г. Она четко проявляется у носителей старшего поколения (*пащаму́*, *быщкí*, *тащíли касу́*, *пёщки клáли*, *яращка*, *свято́к*) и отражается в виде слабой смычки в аффрикатах [ч'] и [ц] у более молодых носителей говора (*м'ишай*, *м'святы*) [Супрун, Шестак, 2016, 128].

Подобное фонетическое явление отмечено также в курско-орловских говорах, в которых устойчиво встречаются *щёканье* и *соканье* (*щяй*, *ущениса*, *куриса*) [РДК, 44–45; РДМ, 30–31].

Соканье встречается у так называемых саян, живущих в курско-белгородском регионе. Для характеристики их речи соседями использовалась дразнилка: «Куриса на улисе яйсо снесла» [Бузин, Егоров, 2008, 337].

Начавшийся в праславянскую эпоху процесс деаффрикации нашел свое продолжение в русских народных говорах в виде щёканья и соканья, полного устранения из фонетической системы согласных, представляющих собой в одном звуке слитное сочетание смычного и фрикативного элементов и тем самым нарушающих основополагающий принцип построения слога в славянских языках. Так древний фонетический толчок, произошедший в славянской фонетической системе не позже III–IV вв. н. э., живет в русской народной речи в наши дни.

Существует логичная система фонетических преобразований в праславянском языке и русских диалектах (см. табл. 1).

Таблица 1

Заднеязычные взрывные	Аффрикаты (I палатализация)	Деаффрикация праславянская	Деаффрикация диалектная
*g	dʒʹ	жʹ	—
*k	tʃʹ	—	шʹ

В древности этот процесс затронул также нарушавшие принцип восходящей звучности звукосочетания «взрывной + фрикативный», в которых могла возникать (как промежуточная стадия) аффриката, затем утрачивающая смычный элемент и превращающаяся в простой фрикативный звук (см. табл. 2). Это хорошо прослеживается при образовании первого лица единственного числа сигматического аориста от основ на согласный: *vedsŭ > vetsŭ > veŭsŭ > vēsŭ > вѣсъ; *čŭtsŭ > čŭsŭ > čŭsŭ > чисъ; *reksŭ > rekxŭ > rekxŭ > réxŭ > рѣхъ; *peksŭ > pekxŭ > pekxŭ > péxŭ > пѣхъ. О. Н. Трубачев предполагал, что этот процесс происходил намного позже деаффрикации [Трубачев, 2003, 50].

Таблица 2

Звукосочетания	Аффрикаты	Дезаффрикация	Славянская буква
*t + s	ts̥	s	с
*k + x	kx̥	x	х

Помимо выделения из аффрикаты в процессе ее упрощения фрикативного элемента и исчезновения взрывного, в говорах русского языка отмечен и обратный процесс. Обычно диалектологи отмечают переход [ч'] в [т']: [m'ʉ]стить, [m'e]ловец [РДМ, 52–53]. В донских говорах как лексикализованное явление, т. е. встречающееся «в таких морфемах, которые не проверяются другими словоформами» [РДК, 45], отмечаются единицы *тьвет*, *тьветик* [СДГВО, 602]. Переход [ц] (видимо, [ц']) в [т'] обнаружен нами в говоре села Горный Балыклей Дубовского района Волгоградской области: *два тветка* [Супрун, 2012б, 110]. С. Л. Николаев полагает, что в говорах, восходящих к племенному языку вятичей, группа *kv переходила по второй палатализации в t'v': *m'v'et*, *m'v'atok* [Николаев, 1990]. В пользу возможности такого процесса говорят факты чередования во многих русских говорах [к'] и [т'], [g'] и [д']; они отмечены в том же горнобалыклейском говоре (*дейша*, *катетка*, гиперизм *бакистовый*) и в донских говорах: *пашкет*, *пашкетница* [СДГВО, 407]. Это явление отмечается в среднерусских говорах к северу и северо-востоку от Москвы [РДАО, 75]. Однако нельзя исключить в данном случае и процесс дезаффрикации, который мог привести к исчезновению в аффрикате при ее употреблении в сочетании *цв*-фрикативного элемента перед фрикативным же звуком [в]. В других фонетических условиях аффриката в отмеченных говорах сохраняется: *цержва*, *цельый* [СДГВО, 641].

Итак, в языке постоянно взаимодействуют, находятся в борьбе два закона: упрощения языковой системы, сокращения усилий для адекватной передачи информации — и украшения, расширения языковых средств для усиления воздействия на адресата, улучшения качеств речи. Они действуют последовательно, сменяя друг друга,

и тогда на определенном этапе развития языка из него исчезают какие-то факты и явления, чтобы на следующем этапе язык обрел новые. Что касается аффрикат, то возникают своеобразные волны их появления и исчезновения в языках: сложная система в ностратическом языке, сменившаяся полным отсутствием в индоевропейском, новый всплеск в славянских языках и постепенное угасание в народной речи. Процесс языкового развития не прекращается, он постоянен и неуклонен.

-
- Бернштейн С. Б.* Сравнительная грамматика славянских языков. М., 2005.
- Бузин В. С., Егоров С. Б.* Субэтноты русских: проблемы выделения и классификации // Малые этнические и этнографические группы : сб. ст., посвящ. 80-летию со дня рождения проф. Р. Ф. Итса / под ред. В. А. Козьмина. СПб., 2008. (Историческая этнография; Вып. 3). С. 308–346.
- ВГФ — *Арсеньева М. Г., Балашова С. П., Берков В. П., Соловьева Л. Н.* Введение в германскую филологию. М., 2006.
- Венгловский С. А.* *Lingua Latina*. СПб., 1993.
- Галинская Е. А.* Историческая фонетика русского языка. М., 2004.
- Долгопольский А. Б.* Индоевропейский словарь с ностратическими этимологиями Т. 1 / отв. ред. А. В. Дыбо. М., 2013.
- Дьяконов И. М.* Афразийские языки. М., 1988.
- Елисеев Ю. С.* Финский язык // Языки мира: Уральские языки / гл. ред. В. Г. Ярцева. М., 1993. С. 90–115.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. М., 2004.
- Зограф Г. А.* К классификации индоарийских языков // Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1982. С. 108–139.
- Илич-Свишч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. М., 2003.
- ИРЯ-УЗ — История русского языка : учеб. задания : метод. пособие / сост. М. Э. Рут и др. Екатеринбург, 1997.
- ИРЯ-УТ — История русского языка : учеб. таблицы : метод. пособие / сост. М. Л. Гусельникова, М. Э. Рут. Екатеринбург, 1997.
- Кочергина В. А.* Санскрит. М., 2007.
- Кумахов М. А.* Убыхский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств : энциклопедия : в 3 т. Т. 3 / ред. В. Н. Ярцева и др. М., 2005. С. 168–178.

- Лопушанская С. П., Супрун В. И.* Использование глагола в Киевских листках // Acta Universitatis Palackianae Olomucensis: Facultas Paedagogica: Philologica, VI: Český jazyk a literatura, 7. Praha, 1988. S. 61–68.
- Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. Проблемы диахронической фонологии. М., 1960.
- Матанцева М. Б.* Архаическая лексика в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Новосиб. гос. ун-т. Барнаул, 1999.
- Нерознак В. П.* Индоевропейское языкознание: новые аспекты // Изв. АН СССР. Отд.-ние лит. и яз. 1980. Т. 39. Вып. 3. С. 230–241.
- Николаев С. Л.* К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4. С. 54–63.
- Николаев С. Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопр. языкознания. 1994. № 3. С. 23–49.
- Нимчук В. В.* Киевские глаголические листки. К., 1993.
- Півторак Г. П.* Формування і діалектна диференціація давньоруської мови. К., 1988.
- Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Поливанов Е. Д.* Где лежат причины языковой эволюции? // История советского языкознания: Некоторые аспекты общей теории языка : хрестоматия / сост. Ф. М. Березин. М., 1981. С. 51–56.
- Порхомовский В. Я.* Афразийские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 55–56.
- РДАО — Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.
- РДК — Русская диалектология / под ред. В. В. Колесова. 2-е изд., стер. М., 1998.
- РДМ — Русская диалектология / под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972.
- Рут М. Э.* К этимологии севернорусского *тярега, кярега, нидега, инега, ко-рега* // Этимологические исследования : межвуз. сб. / ред. А. К. Матвеев. Свердловск, 1981. С. 66–68.
- Рут М. Э.* Этимологический словарь русского языка для школьников. Екатеринбург, 2003; Екатеринбург ; М., 2009.
- Рут М. Э.* История русского языка : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург, 2010.
- РЭ-СК — *Галинова Н. В., Матвеев А. К., Рут М. Э.* Русская этимология : метод. указания по спецкурсу. Екатеринбург, 2007.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
- СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград, 2011.
- Селищев А. М.* Старославянский язык. М., 2006.

- Серебренников В. А.* Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1982. С. 6–62.
- ССЯ — *Аверина С. А., Навтанович Л. М., Попов М. Б.* и др. Старославянский язык : учебник для высш. учеб. завед. СПб., 2008.
- Супрун В. И.* Заволжская группа русских говоров: фонетический уровень [Электронный ресурс] // Грани познания. 2012а. № 6. URL: <http://grani.vspu.ru/jurnal/52> (дата обращения: 27.11.2016).
- Супрун В. И.* Архивные документы как источник диалектной информации // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Спецвып. к 90-летию со дня рождения проф. В. С. Ильина. 2012б. № 4 (68). С. 108–112.
- Супрун В. И., Шестак Л. А.* Устойчивость русского народного говора территории позднего заселения (по материалам этнолингвистической экспедиции 2016 г.) // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. № 8 (112). С. 120–131.
- Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древних славян. М., 2003.
- УДЯ — *Новакович Н. А., Усков А. И., Чеканский А. Н.* Учебник датского языка. М., 1996.
- Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1986.
- Чурикова В. А.* Абхазский язык. // Языки Российской Федерации и соседних государств : энциклопедия : в 3 т. Т. 1 / ред. В. Н. Ярцева и др. М., 2001. С. 8–18.
- Шелестова Л. И.* Лексика русских говоров Алтая на славянском фоне (по материалам «Историко-этимологического словаря русских говоров Алтая») // Вестн. НГУ. Сер. «История, филология». 2012. Т. 11. Вып. 9. С. 46–50.
- Blažek V.* Současný stav nostratické hypotézy (fonologie a gramatika) // Slovo a slovesnost. 1983. № 44. S. 235–247.
- Breen G.* The Wonders of Arandic Phonology // Forty Years On: Ken Hale and Australian Languages. No 512 / ed. by J. Simpson, D. Nash, M. Laughren, P. Austin, & B. Alpher. Canberra, 2001. P. 45–69.
- Harlow R.* Māori: a Linguistic Introduction. Cambridge, 2006.
- Kapović M.* Uvod u indoeuropsku lingvistiku. Zagreb, 2008.
- Sammallahti P.* Historical Phonology of the Uralic Languages, with Special Reference to Samoyed, Ugric, and Permic // The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences / ed. by D. Sinor. Leiden, 1988. P. 478–554.
- Schwerdt J.* Die 2. Lautverschiebung. Wege zu ihrer Erforschung. Heidelberg, 2000.
- Shevelov G. Y.* A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964.
- Shi W., Ayub Q., Vermeulen M., Shao R.-G., Zuniga S., van der Gaag K., de Knijff P.* et al. A Worldwide Survey of Human Male Demographic History Based on Y-SNP and Y-STR Data from the HGDP-CEPH Populations // Molecular Biology and Evolution. 2010. Vol. 27. P. 385–393.
- Šekli M.* Primerjalno glasoslovje slovanskih jezikov. T. 1. Ljubljana, 2016.

Westphal E. Click Languages of Southern and Eastern Africa // Current Trends in Linguistics. Vol. 7 : Linguistics in Sub-Saharan Africa / ed. by T. Sebeok. Berlin, 1971. P. 367–420.

* * *

Супрун Василий Иванович

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и методики его преподавания
Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет
400131, Волгоград,
пр. им. В. И. Ленина, 27, каб. 7-06
E-mail: suprun@vspu.ru

Suprun, Vasily Ivanovich

DrHab, Professor
Department of Russian Language
and Its Didactics
Volgograd State Socio-Pedagogical
University
27, Lenin av., room 7-06,
400131, Volgograd, Russia
E-mail: suprun@vspu.ru

Disaffrication as a Phonetic Phenomenon and Its Reflection in Languages and Dialects

The article discusses the origin and the use of affricates in the Nostratic, Indo-European, Slavic languages and Russian dialects. The author shows that the language use is regulated by the two principles: the principle of economy and that of euphony, both being responsible for affrication and disaffrication. The two principles operate sequentially, one after another, producing waves of emergence and disappearance of affricates in languages: a complex system of affricates in the Nostratic language gives place to their complete absence in Indo-European, a new surge of affrication in Slavic languages changes into their gradual disappearance in modern popular speech. In the Chir dialects of Volgograd region, there was noted a phonetic phenomenon called *schokanie*: disappearance of the affricate [tʃ] pronounced as [ʃ]. In the Don dialects there is tendency to pronounce [s] instead of [ts] in the words with the root *tsvet-*. The same transition (known as *sokanie*) is known in the Kursk-Belgorod dialects.

Key words: affricates, disaffrication, *schokanie*, *sokanie*, principle of speech economy, euphony.

О. А. Теуш

Екатеринбург

Лексика со значением ‘остров’ в диалектах Европейского Севера России

В статье рассматриваются лексемы, зафиксированные в русских диалектах Европейского Севера России в значении ‘остров’. С точки зрения происхождения данная группа географических терминов неоднородна: с одной стороны, она представлена исконно русскими лексемами, а с другой — заимствованиями из финно-угорских языков. Исконно русские номинации широко отражают, во-первых, природные процессы, приводящие к образованию островов (дериваты глаголов со значениями ‘течь, струиться’, ‘мыть’, ‘сыпать’, ‘садить’, ‘рвать’, ‘драть’ и т. п.), во-вторых — ряд качественных характеристик: форму острова (*бубенец, круглышка, кувшин*), его расположение в пространстве (*осерёдок, середовик*), особенности растительности и почвы (*зеленец, камешник*). При анализе соответствующей лексики финно-угорского происхождения выявляются как термины, имеющие в языках-источниках точные или очень близкие семантические аналоги (*каргалец, лайда, луда, соловок* и др.), так и термины, для которых следует предполагать вторичность значений по отношению к примарной семантике исходных финно-угорских слов (*кипака, кошка, личма, лухта, пиндус, похта, ухта, ханьга* и др.). Автор выявляет особенности фонетической, словообразовательной и семантической адаптации заимствованных терминов, обозначает круг наиболее вероятных финно-угорских языков-источников.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Европейский Север России, русский язык, финно-угорские языки, диалектная лексика, географическая терминология, заимствование, семантика, дериват.

Острова являются естественными природными образованиями. На морях и озерах они, как правило, представляют собой относительно устойчивые части древнего ландшафта, а на реках

формируются в тех местах, где течение воды либо замедляется, либо, напротив, ускоряется — в обоих случаях это ведет к образованию подвижных песчано-глинистых наносов, которые затем могут стать островами. С одной стороны, острова мешают судоходству, но, с другой стороны, они нередко используются человеком как пространственные ориентиры, а также в хозяйственных целях — для рыболовства, охоты, сенокосения.

В данной статье мы рассмотрим исконно русские и заимствованные лексемы со значением 'остров', зафиксированные в диалектах Европейского Севера России.

Общерусская лексема *остров* 'участок суши, со всех сторон окруженный водой' имеет праславянское происхождение: *остров* < *ob-strovъ 'то, что обтекается'. Слово связано чередованием гласных с рус. *струя* (< *struja), которое родственно лит. *stravà*, лтш. *strava* 'течение', др.-инд. *strávati* 'течь', греч. *rhoé* 'река, поток' [ТСРЯ, 580]. В севернорусских диалектах слово зафиксировано в фонетических вариантах *вóстров* (Арх.: В.-Т.) [АОС, 5, 126] и *óстров* (Арх.: Леш.) [КСГРС].

По внутренней форме общерусскому *остров* синонимичны диалектные лексемы *отóк* 'остров' (сев.) [Даль, 2, 626] и *отóка* 'маленький островок в протоке, поросший растительностью, размываемый течением и половодьем' (помор.) [КСПЯ, 90]: корень *ток*- праславянского происхождения, связан чередованием гласных с *tekti (рус. *течь*) [ТСРЯ, 986].

По своему происхождению острова являются результатом природных процессов, нередко протекающих «на глазах» человека, поэтому неудивительно, что в значительной части русских диалектных наименований островов представлены глагольные основы.

Так, продолжением праслав. *rejati является *рёлка* 'небольшой наносной островок на реке' (Арх.: Вель., Вил., Вин., В.-Т., Карг., К.-Б., Котл., Лен., Леш., Мез., Он., Пин., Прим., Холм., Шенк.; Влг.: В.-Уст., Устюж., Чаг.; Киров.: Халт.; Костр.: Кологр., Пыщуг.); ср. также *рёлочка* 'то же' (Арх.: Вин., В.-Т., Карг., К.-Б., Котл., Лен., Леш., Мез., Он., Пин., Прим., Холм.; Влг.: Устюж., Чаг.), *порёлка*

‘то же’ (Влг.: Чаг.) [КСГРС; ЛКТЭ]. Близки по внутренней форме *отмóйна* ‘остров, образовавшийся при изменении русла реки’ (Арх.: Шенк.) и *перемóйка* ‘песчаный островок на реке’ (Арх.: Нянд.) [КСГРС], которые связаны с *мыть* ‘обливать, окатывать, размывать’ [ТСРЯ, 469].

Ряд диалектных номинаций связан с глаголом *сыпать*, т. е. отражает восприятие острова как «насыпанного» объекта, ср.: *в́ысыток* ‘наносный островок, намой, намывная песчаная мель, наволок’ (вят.) [Даль, 1, 318], *пр́исыть* ‘песчаный островок на реке’ (Арх.: Вил.), *сóпина* ‘песчаный островок на реке’ (Арх.: Вель.) [КСГРС]. Сходно по модели наименование *на́волок* ‘островок’ (Влг.: Влгд.) [СВГ, 5, 28] < *наволóчь* ‘притащить в каком-либо количестве’ [ТСРЯ, 474]. Глагольный корень *сад-/сед-* (< **sad-/séd-* [ТСРЯ, 849]) отражен в диалектных лексемах *исáда* ‘островок’ (Влг.: Тарн.) [СВГ, 3, 19], *насáд* ‘намывной остров на реке’ (Влг.: К.-Г., Ник.), *насáдка* ‘то же’ (Арх.: Леш.) [КСГРС], *присáда* ‘остров на реке, образующийся от наносного песку, земли и разных плавучих предметов’ (Арх.: Холм., Шенк.) [Подвысоцкий, 1885, 139], ‘намывной песчаный островок’ (Арх.: Мез., Пин.), *седн́ик* ‘то же’ (Арх.: Вель.) [КСГРС].

На Европейском Севере России острова нередко образуются в результате разрушения берегов, что находит отражение во внутренней форме таких лексем, как *в́ыдерок* ‘островок’ (Новг.: Под.) [НОС, 1, 147], *подд́ир* ‘плавучий остров’ (Влг.: Бел.) [КСГРС] (дериваты праслав. **der-/dir-* ‘драть’); *отóрва* ‘остров, оторванный от берега’ (Арх.: Прим.) [КСГРС] (дериват праслав. **rъv-/*ry-* ‘рвать, рыть’); *клоч* ‘маленький островок на реке, озере’ (Влг.: Выт.), ‘плавучий островок’ (Карел.: Кондоп.) [СРГК, 2, 371], ‘остров’ (Арх.: Вель., Мез.) [КСГРС] (< праслав. **kľьk-/klyk-* ‘рубить, бить’ [ТСРЯ, 341]).

В некоторых лексемах представлены древние корни с семантикой гнутья, ср.: *зубе́нец* ‘остров на озере’ (Арх.: Уст.), *зубина* ‘остров или полуостров на реке, озере’ (Влг.: У.-Куб.) [КСГРС] (< праслав. **gub-/*gъb-* ‘гнуть’); *ку́леник* ‘низкий островок в озере, заливаемый в весеннее половодье, пригодный для сенокосения’ (Арх.: Карг.), *кули́га* ‘небольшой островок на реке’ (Киров.: Халт.) [КСГРС; ЛКТЭ]

(< праслав. **kul-* < и.-е. **koul-* 'гнуть, скрючивать' [ТСРЯ, 389])¹; *лúковиц* 'остров на озере' (Арх.: Нянд.) [КСГРС] (< праслав. **lǫk-* 'гнуть, сгибать' [ТСРЯ, 418]). Возможно, к этой же группе относятся *лужáйка* 'намывной остров на реке' (Арх.: Шенк.) и *лужóк* 'остров на реке' (Костр.: Кологр.) [КСГРС; ЛКТЭ] — ср. праслав. **lǫg-* < и.-е. **leng-* 'гнуть, изгибать' [ТСРЯ, 418].

Плавающий речной остров номинируется дериватами глагола *плавать* / *плыть*, ср.: *плáвень* 'плавучий травянистый остров' (Арх.: Котл.), *плавúн*, *плавúнчик* 'плавучий островок на реке' (Влг.: Устюж.), *плавúн* 'то же' (Арх.: Холм.), *пльвúн* 'то же' (Влг.: Ваш.) [КСГРС].

В то же время в исконно русских географических терминах, обозначающих острова, продуктивны и корни с именной семантикой. Так, ряд номинаций отражает восприятие острова как обнажившейся суши, «матерой земли», ср.: *матерúк* 'островок на реке, озере' (Влг.: М.-Реч.; Киров.: Халт.), *сухмéнь* 'островок на озере' (Арх.: Нянд.) [КСГРС; ЛКТЭ]. Округлая форма островов прямо отражается в термине *круглúшка* 'островок' (Влг.: Гряз.) [КСГРС], а метафорически — в целом ряде лексем, ср.: *бубенéц* 'островок на реке или озере' (Арх.: Уст.) [КСГРС], *каравáшек* 'островок на реке, озере' (Костр.: Меж., Пышуг.) [ЛКТЭ], *кувши́н* 'крутоберегий возвышенный островок в море' (Арх.: Кем.) [Подвысоцкий, 1885, 77], *куви́и́н* 'то же' (олон.) [Куликовский, 1898, 44], *кукши́н* 'островок с крутыми берегами' (помор.) [Гемп, 2004, 291]. В сочетании с другими признаками округлая форма островов отражена также в лексемах *коч* 'небольшой островок на реке, озере, заросший травой, кустарником' (Арх.: Вин., В.-Т., Кон.; Влг.: В.-Важ., Вож., Ник., Сямж., Тарн.) [КСГРС; СВГ, 3, 144], *кóчень* 'то же' (Арх.: В.-Т.), *кóчка* 'островок на реке, озере' (Влг.: К.-Г.,

¹ Не исключено также, что термины *ку́леник* и *кули́га* связаны с фин. *kuli*, люд. *kuli* 'старый, бедный, негодная вещь, хлам', которые в прибалтийско-финских языках входят в состав ряда географических терминов, ср.: фин. *kulumaa* 'овсяное поле', 'низина', 'дважды и трижды возделанная заросшая подсека', ливв. *kulumua* 'пустошь, залежь, негодная для обработки земля', люд. *kulituo* 'пал, пожар, засеянный овсом, который был сначала засеян рожью', вепс. *kuluma* 'поле' [SKES, 235].

Ник.; Киров.: Опар., Халт.) [КСГРС; ЛКТЭ], *кочок* ‘то же’ (Влг.: Ник.) [КСГРС; СВГ, 3, 115].

В части номинаций обращается внимание на наличие растительности и качество островной почвы, ср.: *зольдь* ‘островок, возникший в результате обмеления реки’ (Арх.: Вил.) [КСГРС], *зеленец* ‘покрытый зеленью островок среди реки, на котором сеют хлеба и не косят травы’ (Арх.: Шенк.) [Даль, 1, 677; Опыт, 70; Подвысоцкий, 1885, 56], *каmeshник* ‘островок на реке’ (Арх.: Кон.) [КСГРС]. Положение острова посреди водного пространства отражают лексемы *осередок* ‘намывной песчаный остров на реке’ (Арх.: В.-Т., Котл., Прим.; Костр.: Мант., Пышуг.) и *середовик* ‘намытый песчаный островок в середине реки’ (Арх.: Пин.) [КСГРС; ЛКТЭ].

Довольно устойчивым в русской диалектной традиции является именование «концов» острова — верхнего и нижнего — относительно течения реки. Практически повсеместно с этой целью используются лексемы *голова* (конец острова, находящийся выше по течению) и *хвост* (конец острова, находящийся ниже по течению), а также дериваты этих лексем, ср.: *взглавы* ‘часть верхней по течению реки оконечности острова, прилежащая к воде’ (арх., помор.) [Опыт, 246; КСПЯ, 47], *взглавье* ‘то же’ (помор.) [Подвысоцкий, 1885, 18]; *охвощь* ‘нижняя по течению оконечность острова’ (помор.) [КСПЯ, 118], *ухвощье* ‘то же’ (помор.; Арх.: Вин.) [Там же; КСГРС], *хвощьец* ‘песчаная отмель от острова, коса, гряда’ (арх.) [Даль, 4, 547]. С лексемой *хвост*, возможно, связан диалектный термин *хвоц* ‘островок на реке’ (Костр.: Кологр.) [ЛКТЭ].

Таким образом, русские по происхождению диалектные географические термины, имеющие значение ‘остров’, представляют эту реалию достаточно разнообразно: в них отражаются, с одной стороны, природные процессы, ведущие к образованию островов, а с другой стороны — качественные характеристики этих объектов (форма, положение в пространстве, особенности почвы и растительного покрова).

Как известно, говоры Европейского Севера России включают мощный пласт субстратной лексики финно-угорского происхождения. Поэтому в следующей части статьи, опираясь

на исконно русский материал и уже имеющиеся исследования, мы представим краткие этимологические комментарии к тем лексемам со значением ‘остров’, которые не интерпретируются на русской почве и так или иначе связаны с финно-угорскими источниками².

Вайгáч ‘наносный, намывной, нижний (по течению) конец острова’, ‘наносная мель, коса, кошка’ (арх.) [Даль, 1, 160]. Ср. саам. *vaiķes* ‘сквозной’, ‘проходной’, ‘бездонный (о глубоком озере)’ [KKLS, 710]. Первоначально слово было именем собственным и относилось к проливу, затем было перенесено на остров, находящийся на границе между Баренцевым и Карским морями. В нарицательной лексике является результатом деонимизации [подробнее см.: Матвеев, 1988, 8–10; Аникин РЭС, 5, 329].

Ёр ‘наносной остров на реке’, *ёрка* ‘островок, поросший ивняком’ (Арх.: Мез.) [КСГРС]. Ср. фин. *erä* ‘отдельная часть’, *erämaa* ‘находящаяся в стороне земля’ [SKES, 40–41].

Кáргáлец ‘каменистый островок посреди озера’ (Влг.: Вож.) [КСГРС]. Ср. саам. патс. *kárG^A* ‘речная мель (каменистая или песчаная, наполовину или целиком покрытая водой)’ [KKLS, 90].

Кúпáка ‘скалистый островок среди моря’ (Арх.: Он.) [КСГРС] < карел. *kiipaka* ‘холм, возвышенность’ [Kalima, 1919, 118; Фасмер, 2, 235].

Кори ‘каменистая мель или каменистый островок с неровной поверхностью, лишенный растительности’ (помор.) [Гемп, 2004, 290]. Ср. саам. колт. *korčä* ‘овраг, ложбина, долина’ [SSA, 1, 451; KKLS, 182], саам. норв. *kor^stš^A* ‘зарубка, шероховатость на дереве’ [KKLS, 182]. География слова типична для саамских заимствований.

Косéк ‘островок на реке’ (Влг.: Ник.) [КСГРС]. Ср. коми-зыр. *кось* (основа косв. пад. *коськ-*) ‘порог, перекат’, диал. *kos’k-*, *kos’t* ‘речной порог’, *kosj* ‘мель, отмель’, ‘суша’ < общеперм. **kwqs’-* ‘сохнуть’, ‘обмельеть’ [КЭСК, 135]. В русской лексеме представлена основа косвенных падежей.

² Разумеется, далее мы приводим не все лексемы, для которых предполагается финно-угорское происхождение, а только те из них, для которых на данном этапе исследования возможно предложить обоснованную этимологическую трактовку.

Кóшка ‘песчаная отмель, наносной островок на реке’ (помор., олон.; Арх.: Котл., Леш., Мез., Он., Пин., Прим., С.-Дв.) [Подвысоцкий, 1885, 73; Куликовский, 1898, 42; КСГРС; СРГК, 3, 6], ‘порошенный ивняком низменный остров’ (арх.) [Подвысоцкий, 1885, 73]. Ср. фин. *koski*, карел. *koški*, ливв. *koski*, люд. *košk*, *koski*, *koški*, вепс. *košk*, эст. *kosk*, *kõsk* ‘порог, водопад’ [SKES, 222], саам. патс. *kijõšk^A*, кильд. *kūšk^A*, тер. *kj̄šk^A* ‘то же’ [KKLS, 178]. Этимология дана в работах [Kalima, 1919, 133; Фасмер, 2, 360]. Значения ‘остров’, ‘отмель’ вторичны по отношению к ‘порог’.

Лáйда ‘остров’ (Влг.: Выт.) [СРГК, 3, 91]. С семантической стороны термин находит наиболее близкие параллели в эстонском и ливском языках, ср. эст. *laid* ‘подводная скала, риф, каменистый островок, песчаная отмель’, лив. *laid* ‘мелкий, низкий’, ‘мель, песчаная отмель’ при семантически более далеком фин. *laita*, *laito*, *laitu* ‘низкий (вода, берег)’ [ПФГЛ, 50].

Лаксовáна ‘остров, образующийся при разливе реки в половодье’ (Влг.: Выт.) [КСГРС]. Ср. карел. *laksi*, вепс. *laks* ‘залив’ [ПФГЛ, 51]. Значение ‘остров’ вторично.

Лáичма ‘небольшой плавучий остров в озере’ (Влг.: Бел., Хар.) [КСГРС; СВГ, 4, 42]. Ср. фин. диал. *lisma* ‘грязь, ил, тина’, вепс. *ližm* ‘илистый’, саам. лул. *lisme*, швед. *lisme* ‘то же’ [Матвеев, 2001, 239–240].

Лúда ‘небольшой скалистый остров’ (Кол.) [Меркурьев, 1979, 82], ‘каменистый или песчаный островок в реке, озере, море’ (помор.; Арх.: Кон., Он., Плес.; Карел.: Белом., Кем., Лоух., Медв., Пуд.; Мурман.: Канд.) [Гемп, 2004, 292; КСПЯ, 77; КСГРС; СРГК, 3, 155], ‘каменистая прибрежная мель; группа скалистых островков’ (олон., помор.; Арх.: Кем., Он.; Мурман.: Кол.) [Подвысоцкий, 1885, 84; Куликовский, 1898, 51; Меркурьев, 1979, 82; КСПЯ, 77]; ср. также *лúдица* ‘маленький каменистый островок, лишенный растительности’ (помор.) [Гемп, 2004, 293], *лúдушка* ‘каменистый или песчаный островок в реке, озере, море’ (Арх.: Он.) [КСГРС], ‘поемный, нередко наносной островок’ (арх., олон.) [Даль, 2, 271], *лúдышка* ‘каменистая прибрежная мель; группа скалистых островков’ (Арх.: Кем., Он.; Мурман.: Кол.) [Подвысоцкий, 1885, 84], *лудышка* ‘поемный,

нередко наносной островок' (олон.) [Даль, 2, 271], *лутóк* 'островок среди воды' (Яр.: Брейт.) [ЯОС, 6, 19]. Исходный термин *лúда* имеет прибалтийско-финское происхождение, ср. карел. *luoto*, *luodo*, ливв. *luodo* 'подводная скала', 'риф, илистая или песчаная отмель', 'мелкое место в озере (реке), поросшее травой', люд. *loud*, *luodo*, вепс. *lod*, *lodo*, *luda* 'небольшой остров, мель в озере, реке', фин. *luoto* 'маленький скалистый островок', 'подводная скала, камень, риф, мель' [ПФГЛ, 57]. Этимологию см. в работах [Kalima, 1919, 156–157; Фасмер, 2, 528].

Лúхта 'плавающий остров на заросшем озере, болоте' (Карел.: Пуд.) [СРГК, 3, 102]. Ср. саам. лул. *luokta*, ин. *luohta*, колт. *luhtt*, патс. *luχt^a*, кильд. *lūχt*, тер. *lǫkt* 'залив, бухта' [KKLS, 224; YS, 70–71], ин. *luhta* 'заливной луг', норв. *lukte*, *luk'ta*, *lu'tta* 'осока', фин. *luhta* 'заливной луг', карел. *luhta* 'прибрежный луг', ливв. *luhtu* 'озерко, лужа', люд. *luht* 'лужа, грязь', 'заливной луг' [SKES, 306].

Лýбаз, *лýбак* 'остров на реке' (Влг.: Хар.) [КСГРС], ср. *лýбаз* 'мыс на реке' (Арх.: Кон.; Влг.: Хар.), 'изгиб, излучина реки', 'заливной луг в излучине реки' (Влг.: Хар.); *лýва*, *лýвка* 'сенокосный островок на реке' (Влг.: Вож.) [КСГРС]. Термины связаны с прибалтийско-финским источником, ср. фин., карел. *liiva* 'ил, тина' [Kalima, 1919, 157; Фасмер, 2, 539]. По мнению Л. А. Субботиной, варианты с основой *лýб-* можно рассматривать как карельско-вепсские заимствования, отражающие соответствие общеприбалтийско-финского *v* вепсскому *b* или карельское чередование *v//b* [Субботина, 1984, 67]. Финаль *-аз* в *лýбаз* восходит к прибалтийско-финско-саамскому суффиксу *-as*. Семантика 'остров' вторична.

Нýлакса 'длинный скалистый или песчаный риф' (арх., помор.) [Опыт, 129; Даль, 2, 547; Подвысоцкий, 1885, 102; Гемп, 2004, 293; КСПЯ, 85], *нýлокса* 'большой камень в море' (Карел.: Кем.) [СРГК, 4, 27]. Термин связан с саамским источником, ср. саам. *нýлас* 'полоса, часть пространства', *рыннт вунтас нýлас* 'прибрежная полоса песка' [СРС, 221], саам. кильд. *нýлас* 'полоса распространения' [KKLS, 915]. О фонетических особенностях заимствования см. [Kalima, 1919, 54].

Пýндус 'остров на реке' (Арх.: Вель.) [СВГ, 7, 24]. Ср. фин. *pinta* 'поверхность; плоскость; гладь', 'наружный слой дерева', карел. *pinta*,

pinda, ливв. *pindu*, люд. *pind*, *pinde* ‘поверхность дерева, воды’, вепс. *pind* ‘заболонь’, ‘поверхность воды’, вод. *pinta*, эст. *pind* ‘поверхность, кора, оболочка’, ‘горбыль’, ср. также саам. (< приб.-фин.) норв. *bid'de*, ин. *pidde*, патс. *piDD^E*, нот. *pèDt^E* ‘заболонь’ [SKES, 570; SSA, 2, 370]. В значении рассматриваемой лексемы можно видеть сужение семантики: ‘поверхность воды’ → ‘один из объектов на поверхности воды’.

Пóхта ‘плавучий островок’, ‘низкий заболоченный берег озера’, ‘зыбкое качающееся место на болоте’, ‘трясина, топь’, ‘окно воды в болоте’ (Влг.: Бел.) [КСГРС]. Возможно, слово связано с вепс. *poht* ‘небольшой залив озера или реки’ [ПФГЛ, 74]; значение ‘островок’ явно вторично.

Сúта ‘плавучий островок травы’ (Арх.: Нянд.) [КСГРС]. Не исключена связь термина с фин. *sitkeä* ‘вязкий, тягучий, неподатливый’, *sitkeä maa* ‘неподатливая почва, земля’ [ФРС, 570], фин. *sitka* ‘крепкий’, вепс. *sitked* ‘вязкий (например, о глине)’, эст. *sitke* ‘вязкий; гибкий, упругий, эластичный’ [SKES, 1047]. На русской почве возможно предполагать обратное словообразование (*ситк-* > *сит-*), обусловленное восприятием -к- как уменьшительного суффикса.

Соловóк ‘островок на реке’, ‘плавучий остров’ (Арх.: Кон.) [КСГРС]. Ср. прасаам. *sōlōj, саам. норв. *suolo*, ин. *suáhui*, сонг. *suelo*, им. *suol*, колт. *suál*, кильд. *suel*, тер. *sjelai* ‘остров’ [YS, 126–127; KKLS, 530].

Тúрица ‘скалистый островок на море, покрытый водой’ (Арх.: Он.) [КСГРС]. Возможно, связано с фин. *tura* ‘мусор’, *turo* ‘место метания икры’ [SKES, 1418], поскольку находящиеся близко к поверхности воды мели, камни, скалы нередко являются местом скопления водного мусора и привлекательны для икрометания.

У́хта ‘плавучий островок на озере, болоте’ (Влг.: Выт.) [КСГРС]. Данное значение, вероятно, вторично по отношению к семантике ‘болото’. Лексема *у́хта* сопоставима с фин. *uhka* ‘трясина’, ‘осадок, отстой’, эст. *uhe* (gen. *uhke*) ‘сырая земля’ [SKES, 1515].

Хáньга ‘песчаный остров на реке; покрытая растительностью отмель, заливаемая во время прилива’ (Арх.: Прим.) [КСГРС]. Термин вторичен по отношению к *хáньга* ‘тростник’ (Арх.: Пин.) [КСГРС], которое сопоставляют с манс. *хапх* ‘осока’ [Фасмер, 4, 222].

Хóлуй ‘остров на реке’ (Арх.: Уст.; Влг.: Бабуш., Ник.; Костр.: Кологр., Нейск., Чухл.) [КСГРС; ЛКТЭ]. Слово, вероятно, имеет прибалтийско-финское происхождение, ср. фин., эст. *kalu* ‘хлам’ [Фасмер, 4, 259], фин. *kalu* ‘утварь, дело, производство, вещи, товары, багаж’, карел. *kalu* ‘дело, утварь, товар, купеческий товар’, ливв. *kalu* ‘дубинка’, эст. *kalu* ‘дрянь, хлам’ [Kalima, 1919, 236–237]. Значение ‘остров’ вторично и возникло через ступень ‘сор от разлива на лугах, груда наносного леса, бревен’ [Фасмер, 4, 259].

Хорёк ‘плавучий остров’ (Влг.: Бел.) [КСГРС], *хорь, хорёк* ‘песчаный остров на реке или озере’ (Костр.: Кологр., Мант.) [ЛКТЭ]. Ср. фин. *kari* ‘морской утес, песчаная мель’, карел. *kari* ‘перекат, куча камней’, эст. *kari* ‘риф, утес’ [Kalima, 1919, 238]. Такое сопоставление возможно с учетом мены *к/х*, свойственной севернорусским диалектам.

Челнán ‘островок леса или травы в озере или болоте’ (Влг.: Кир.) [КСГРС]. Авторы [ЭССЯ, 4, 144] считают слово славянским, восходящим к праслав. *čьlъrь*. Однако более убедительной представляется альтернативная этимология, связывающая термин с саам. нот. *tšalpp^E*, сонг. *tšölp*, кильд. *tšalp^E*, ‘высокий копнообразный предмет (гора, возвышенность, камень)’ [Матвеев, 1975, 21–31; KKLS, 645].

Ягрá ‘обнажающаяся при морском отливе каменистая или песчаная полоса берега’ (Арх.: Он., Прим.) [КСГРС], ‘песчаный нанос, намывная коса в реке или море, обнажающаяся после спада воды’ (Арх.: Прим.; Мурм.: Кол.) [КСГРС; Меркурьев, 1979, 183], ‘песчаный или каменистый островок в реке или море’ (Арх.: Он., Прим.) [КСГРС]. Этимология слова предложена Н. В. Кабининой [2011, 131–133; 2012, 186–188], которая предполагает саамский источник, ср. саам. патс. *arv^a-*, тер. *āra-* в составе сложных слов: саам. патс. *arv^atšáʔtš^E* ‘морской отлив, убывающая вода’, тер. *āravjōlai* ‘морской отлив, самое низкое состояние морской воды’ [KKLS, 15, 17, 786]. С учетом этой этимологии значение ‘остров’ следует считать вторичным по отношению к ‘прибрежная отмель’.

В целом заимствованные наименования островов в диалектах Европейского Севера России имеют большей частью прибалтийско-финское происхождение, саамские и коми лексемы редки.

В большинстве случаев значения, фиксируемые в русских диалектах, являются конкретизацией более общей семантики слов языков-источников. В русском языке в некоторых случаях происходит трансформация семантики за счет утраты отдельных компонентов, однако возможно и развитие семантики на русской почве. Количественное соотношение русских по происхождению лексем и заимствований складывается в пользу иноязычных по происхождению слов.

Аникин РЭС — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980–. Вып. 1–.

Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М. ; Архангельск, 2004.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955.

Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011.

Кабинина Н. В. К этимологии беломорского *ягра* ‘отмель’ // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.) : в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2012. С. 186–188.

КРС — Коми-русский словарь / под ред. В. И. Лыткина. М., 1961.

КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

КСПЯ — Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.

Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

ЛКТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Матвеев А. К. К этимологии русск. диал. *челтан* // *Études Finno-Ougriennes*. Budapest, 1975. Т. 10. Р. 21–31.

Матвеев А. К. Северные этюды // Этимологические исследования. Вып. 4 / ред. А. К. Матвеев. Свердловск, 1988. С. 8–17.

- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера : в 4 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2001.
- Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- НОС — Новгородский областной словарь : в 12 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб., 1852.
- Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- ПФГЛ — *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда, 1983–2007.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРС — Саамско-русский словарь : 8000 слов / под ред. Р. Д. Куруч. М., 1985.
- Субботина Л. А.* Заимствования в географической терминологии Белозерья : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1984.
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.
- ФРС — Большой финско-русский словарь / сост. И. Вахрос, А. Щербаков. М., 2001.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М., 1974–. Вып. 1–.
- ЯОС — Ярославский областной словарь : в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.
- Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; XLIV).
- KKLS — *Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. I–II. Helsinki, 1958. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; XV).
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki, 1955–1981. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; XII).
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 556).
- YS — *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 1989. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia; 200).

* * *

Теуш Ольга Анатольевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и общего языкознания
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
ком. 306
E-mail: olga.teush@yandex.ru

Teush, Olga Anatolyevna

PhD, Associate Professor
Department of Russian Language
and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin str., room 306,
620000, Ekaterinburg, Russia
E-mail: olga.teush@yandex.ru

Words with the Meaning of 'Island' in the Dialects of the European North of Russia

The article considers words attested in the Russian dialects of the European North of Russia in the meaning of 'island'. This group of words is genetically heterogeneous: it contains both Russian words and loans from Finno-Ugric languages. Originally Russian words widely reflect, first, the natural processes that result in island formation (derivatives from the verbs with the meanings of 'flow, stream', 'wash', 'strew', 'plant', 'tear', etc.) and, second, some qualitative characteristics: the form of an island (*bubenets, kruglyshka, kuvshin*), its location (*oseriiodok, seredovik*), the characteristics of vegetation and ground (*zelenets, kameshnik*). When analysing respective Finno-Ugric loanwords, the author distinguishes between the terms having exact or, at least, close semantic parallels in the source languages (*kargalets, laid, luda, solovok*, etc.), and those whose meaning is secondary in regard to the primary meaning of the original Finno-Ugric words (*kipaka, koska, lichma, luhta, pindus, pohta, uhta, hanga*, etc.). The author also discusses the features of phonetic, morphological and semantic adaptation of the borrowed terms and outlines the range of the most probable Finno-Ugric donor languages.

К е y w o r d s: European North of Russia, Russian language, Finno-Ugric languages, dialectal vocabulary, geographic terminology, loanwords, semantics, derivative.

6. Историческая лексикология

О. Н. Анциферова

Екатеринбург

Из наблюдений над лексическим составом «Письмовника» Н. Г. Курганова

В статье обращается внимание на важность исследования словарного состава письменных памятников в целях дальнейшего изучения проблемы формирования русского литературного языка. Кратко характеризуется памятник второй половины XVIII в. — «Письмовник» Н. Г. Курганова. Анализируется языковой материал, отражающий процессы взаимодействия книжного и разговорного лексических пластов. Выявляются и характеризуются группы книжных слов в составе «Кратких замысловатых повестей», входящих в «Присовокупление II» названного памятника письменности. Обращается внимание на особенности функционирования данных слов в литературно обработанном тексте. Кратко сообщается о понятии «простонародной» лексики в XVIII в. и причинах нечеткости определения данного понятия. Выявляются группы «простонародных» слов, запечатленных в «Кратких замысловатых повестях», подчеркивается, что в их составе нет слов, имеющих выраженную коннотацию грубости. Перечисляются особенности функционирования «простонародных» слов в тексте. Делается вывод о том, что книжные и разговорные лексические элементы взаимодействуют в соответствии с принципом уместности. Автор высказывает предположение, что полученные в ходе исследования наблюдения могут служить подтверждением существующей гипотезы об отсутствии строгой разграниченности между книжным и разговорным языком XVIII в.

Ключевые слова: письменные памятники XVIII в., история русского литературного языка, книжная лексика, разговорная лексика.

В развитии русского литературного языка вторая половина XVIII в. — период, характеризующийся сложностью и противоречивостью лексических и стилистических процессов. В это время, как известно, книжный и разговорный языки противостоят друг другу, однако четкие и устойчивые границы между ними отсутствуют; усиливается тенденция к нормализации словоупотребления — и вместе с тем наблюдается определенная свобода в выборе слова; стремление к обновлению словарного состава сочетается с постоянным возвратом к устаревшим формам [см.: ИЛ, 127].

Исследование письменных памятников указанного периода позволяет сформировать представление о пути поисков единой национальной нормы в отборе языкового материала. С этой точки зрения определенный интерес представляет изучение словарного состава «Письмовника» Н. Г. Курганова — книги, получившей в свое время широкую известность и выдержавшей более десяти переизданий (первое издание вышло в 1769 г., последнее — в 1837 г.).

По словам автора, это сочинение предназначено «для научения юношества» [Письмовник, 1, 7]. Оно содержит «Граматику» и семь «Присовокуплений», шесть из которых знакомят читателей с разными жанрами литературно обработанной речи, а седьмое предлагает вниманию читателя «Словарь разноязычной» с объяснениями к нему.

В данной статье мы ставили целью изучить словарный состав «Кратких замысловатых повестей» (далее — «Повести»), входящих в присовокупление второе «Письмовника» 1793 г. Они представляют собой собрание новелл и анекдотов, являющихся большей частью переводами или переделками западноевропейских фольклорных произведений [Рак, 1990, 20]. Популярность их в читательской среде мещан и разночинцев позволяет предположить, что Н. Г. Курганов не только угадал вкусы и потребности демократических кругов, но и сумел определенным образом запечатлеть языковой материал,

отражающий процессы взаимодействия книжной и разговорной стихий.

Книжные слова, которые встречаются в «Повестях», ниже мы характеризуем по группам.

1. Славянизмы, отличающиеся наибольшей степенью архаичности:

а) слова, характерные для произведений «высокого слога», пиитизмы (в терминологии В. В. Замковой [1975, 193]): *брада, власы, возопить, воспретить, вѣщать, гладь, глась, есмь, нѣсмь, отверзнуть, страждущий* и др.;

б) славянизмы-канцеляризмы [Там же, 194]: *наипаче, паче, по-неже, яко*;

в) сложные существительные: *благоговѣніе, благодарѣніе, благожитіе, благоутробіе, богопризываніе, высокопреподобіе, добродѣтель, животолубіе, злоухищреніе, любострастіе, многогрѣшница, родословіе, щедролубіе* и др.

На грамматическом уровне обращают на себя внимание, во-первых, встречающиеся в «Повестях» архаические формы аориста — *приспѣ, умре*; во-вторых — старославянские по происхождению формы деепричастий и причастий: *восхотя, вошедъ, вшедши, глаголя, дождавъ, падиши, падъ, пришедъ, разбужая, сѣдши* и др.; *болящій, несящій, хотящій* и др.

Следует отметить, что употребление приведенных лексем и их форм обусловлено содержанием повестей: славянизмы либо являются средством речевой характеристики персонажа, либо используются для создания комического эффекта. Например, в ситуации, когда героя одной из повестей разыгрывают, «въ полночь слышитъ онъ печальной *глась сіе глаголющей*: Амбросій! Твоя Ипполита безвинна и непорочна...». Подобные книжные элементы в «Повестях» используются как средство стилизации, и в этом случае они теряют «высокую» эмоциональную тональность. Известно, что одной из причин, способствующих стиранию границ между «высоким слогом» и «низким», была нейтрализация славянизмов. Постепенно функциональная нагрузка славянизмов менялась: из монофункциональной, обслуживающей высокий стиль, она становилась полифункциональной [Семенов, 2002, 17].

2. Сложные прилагательные и наречия: *любомудрый, люботцательный, многотрудный, полезнопрятный, ученозабавный, ученоуподобительный, худогласный; добросовѣстно, душеспасительно* и др.

В связи с этими примерами напомним, что в церковнославянском языке было много сложных слов, созданных по греческим образцам, и употребление русских слов, ориентированных на эти модели, стало книжной традицией [ИЛ, 32]. Такие сложные прилагательные не столько характеризовали качества литературных персонажей, сколько являлись устойчивыми этикетными атрибутами при соответствующих существительных [Семенов, 2002, 18] — ср., например, в «Повестях»: *благочестивой отецъ, добродородной господинъ, чадолубивые родители*. Однако в некоторых случаях подобные прилагательные называют реальные качества героя: *гнунообразной откупицикъ, худонравный мужъ*.

3. Прилагательные с приставкой *пре-* в значении 'очень': *пребогатая (ограда), прегнусная (фигура), предорогая (картина), презлая (жена), пренегодные (дѣти), преподлый (суѣверъ), прескаредные (дочери), престаишной (путь), претолстая (попадьа), претрудная (задача), преученый (человѣкъ)* и др.

Известно, что распространение таких прилагательных было обусловлено влиянием церковнославянского языка [Иванов, 1990, 302], рефлексy которого стали элементом книжной стихии.

4. Формы прилагательных с суффиксами *-айш-/-ѣйш-*: *беднѣйшій, благороднѣйшій, глубочайшій, достойнѣйшій, злѣйшій, знатнѣйшій, искуснѣйшій, любезнѣйшій, малѣйшій, наидражайшій, нижайшій, праведнѣйшій, пристрастнѣйшій, прятнѣйшій, ревнивѣйшій* и др.

Обратим внимание на то, что в первой половине XVIII в. эти формы «мало употребляются, кроме важного и высокого стиля» [Ломоносов, 1952, 467], однако во второй половине названного столетия становятся принадлежностью текстов средних и низких жанров.

5. Отглагольные существительные на *-ние*: *защищеніе, награжденіе, назирание, наученіе, оказаніе, отдохновение, отягчение, погубление, подписание, порадование, посмѣяние,*

поспѣшеніе, посрамленіе, потопленіе, предохраненіе, ревнованіе, снисканіе, увеселеніе, увѣщаніе, угожденіе, употребленіе, учиненіе, хотѣніе и др.

Существительные на *-ние* имеют значение отвлеченного действия. Известно, что под влиянием церковнославянского языка на собственно русской основе возникло большое количество таких существительных: они служили «постоянным источником пополнения сначала книжной, канцелярско-деловой, позднее научной и общеупотребительной лексики» [Мальцева и др., 1975, 113]. Новообразования на *-ние* употреблялись широко, «хотя и носили оттенок книжности» [ИЛ, 1981, 137].

6. Существительные с суффиксами *-ств-* и *-ость*: *довольство, дородство, невѣжество, пригожество, притворство, профессорство, ростоймство, своенравство, смѣхотворство, стихотворство, убожество, учтивство* и др.; *великость, ласковость, небытность, прискорбность, ревнивость, свѣтскость, скудость, торопость, тщетность, упорность, усидность* и др.

Существительных с суффиксом *-ств-* в языке XVIII в. было особенно много [Мальцева и др., 1975, 75]; сферой наиболее широкого распространения имен на *-ость* служили произведения высокой и научной книжности, но они получали распространение во всех письменных жанрах [Шанский, 1959, 121].

7. В качестве особой группы выделим зафиксированные в «Повестях» иностранные слова и иноязычные вкрапления. Известно, что Н. Г. Курганов был противником «иноземских слов», однако обойтись без них не мог — об этом подробно шла речь в другой нашей работе [см.: Анциферова, 2014].

В анализируемом тексте представлена иноязычная лексика разных тематических групп:

а) военная: *баталія, гренадирь* ‘гренадер’, *каперь* ‘мореходное судно’, *оберъ-офицеръ, сержантъ* и др.;

б) лексика общественного и частного быта: *гошпиталь, кантора, магазинъ, маскерадъ, полисадникъ* и др.;

в) лексика сферы искусства: *антраша* ‘танцевальный прыжок’, *арликинъ* ‘арлекин’, *интермедія, каденція* и др.;

г) лексика, характеризующая человека по социальному статусу, роду занятий и другим особенностям: *банкирь*, *банкрутъ* 'банкрот', *дофинь*, *камердинеръ*, *камер-фрау*, *камеръ-лакей*, *маркинантъ*, *метреса* 'метресса', *педантъ*, *перукмахеръ*, *факторъ* (от франц. *facteur* 'почтальон') и др.

Поскольку «Повести» представляют собой переложение историй, популярных на Западе, в них встречаются иноязычные имена собственные: *молодой Лузидоръ*, *городъ Магілія*, *слуга Фабрисъ*, *роща Фонтебло* и др. Как яркий элемент книжной стихии выглядят иноязычные вкрапления *алакокъ*, *алапижонъ*, *алатуръ* (франц. *à la coq*, *à la pigeon*, *à la tour*), говорящие о подражании французской моде. Кроме того, для речевой характеристики некоторых персонажей, знающих древние языки, используются латинские изречения, которые обычно даны с переводом на русский язык: «... вы вѣдаете, что *ex abundantia cordis os loquitur* (отъ избытка сердца кость говоритъ)».

Как видим, книжных элементов в «Повестях» достаточно много: их употребление обусловлено литературной обработкой текста; речевой ситуацией, в которой оказываются персонажи; особенностями речевой характеристики героев.

Вместе с тем в «Повестях» представлена и разговорная лексика, характерная для низких жанров. В XVIII в. определенная часть такой лексики квалифицируется как «простая», «просторечная и простонародная» в противовес книжной [ИЛ, 209]. К ней относятся слова, употребляемые «в обыкновенных разговорах и простым народом» [САР, 1, 14], т. е. стилистическая оценка слова накладывается на социальную [ИЛ, 210]. Нечеткость определений названных понятий могла быть следствием недифференцированности разговорной речи, которая включала в себя книжно-славянские, общеупотребительные, просторечно-простонародные и даже диалектные слова [Там же]. Такую общую разговорную речь в XVIII в. было принято называть *просторечием* [Князькова, 1974, 234].

Известно, что к концу XVIII в. усиливается тенденция к упорядочиванию «простой» лексики: устанавливается дифференциация «мужицкого» и того, что могло употребляться в быту образованного

общества [ИЛ, 212]. Поскольку «Письмовник» был задуман как своеобразное учебное пособие, можно предположить, что грубые оценочные «простые» слова сознательно исключались автором из речевых характеристик персонажей низших социальных слоев.

Исследуя лексический состав «Повестей», мы выделили следующие группы разговорных слов.

1. Существительные, характеризующие человека:

а) мужчину: *богачь, враль, дурень, забавникъ, кривецъ, милякъ и миликъ, молодчикъ, поганецъ, подлипала, полдурень, полюбовникъ, почтарь* ‘почтальон’, *простакъ и простякъ, Прусакъ, пустомѣля, пьяница, разумникъ, рифмачь, Русакъ, скупецъ, сутяга, турка* ‘турок’, *угадчикъ, хромецъ, чужехватъ, шишимора* и др;

б) женщину: *бабка, карлица, краля, маляриха* ‘жена маляра’, *молодка, непостоянница, подружка, служанка, сродница, полюбовница, юношка* и др.

2. Другие существительные, характерные для разговорной речи:

а) названия бытовых предметов и кушаний: *гремушка, дичинка* ‘кушанье из дичи’, *постелишка, похлѣбка* и др.;

б) названия бытовых явлений: *высыпка* (отрубей), *отлучка* (мужа), *пирушка, поговорка* ‘разговор’, *спанье*;

в) названия заведений и частей дома: *дурацкая* ‘дом для сумасшедших’, *заулок* (кроватьный), *комнатка*;

г) количественные существительные: *пяток* ‘пять’;

д) слова с подчеркнуто отрицательно-уничижительной оценкой: *башка, брюхо, враки, дѣвка* ‘женщина вольного поведения’ и др.

3. Прилагательные разговорного характера: *братняя* (любовь), *гулливый* (мужь), *(нось) долговатъ, женинь* (кармань), *крутоватая* (грудь), *(быль) мотоватъ, незапная* (смерть), *погребной* (ключь), *простяково* (сердце), *ревницова* (жена), *сиповатой* (голось), *сумнительная* (польза), *худой* (нравь) и др.

4. Глаголы, характерные для разговорной речи: *болтать, бранить, всхрапнуть, говаривать, голодовать, дождить, журить, захворать, колобродить, крушиться* ‘кручиниться’, *молоть* ‘говорить’, *оборотиться* ‘вернуться’, *обсикаться, одешевлеть, отженить, погнѣваться, примолвить, прислушать* ‘послушать’,

притупѣть ‘о глазах’, *простыть* ‘о кушанье’, *противурѣчить*, *сдурачиться*, *сказнить*, *слюбиться*, *состроить*, *спориться* ‘спорить’, *сумнѣваться*, *уподчивать*, *хворать* и др. Встретились в «Повестях» и просторечные формы глаголов: *выдь* ‘выйди’, *выдьте* ‘выйдите’, *развестись* ‘развестись’.

5. Наречия, характерные для разговорной речи: *ввечеру*, *вчерасть*, *завсегда*, *завтрѣ*, *заутра*, *незапно* ‘внезапно’, *обиднякомъ*, *поздо* ‘поздно’, *сохранно*, *не торопоко*, *трудненько*, *тружно*, *худо*.

6. Частицы разговорного характера: *веть* ‘ведь’ и *то видь* ‘то ведь’, *вишь*.

Заметим, что слова, характерные для разговорной речи, используются в соответствии с бытовой ситуацией, в которую попадают персонажи «Повестей». Например, духовник спрашивает вора перед казнью, не сожалеет ли тот о содеянном, — ответная реплика выглядит так: «Мнѣ гораздо прискорбнѣе то, отвѣчаль *шишимора*, что я столько не *навороваль*, чтобъ могъ подкупить моихъ судей». Персонаж другой истории, выслушав хвастливую речь воина о бесстрашии, продолжает диалог так: «Конечно <...> ты *не сощикаль* горящей свѣчи своими пальцами; ибо побоялся бы, чтобъ не ожечься». Еще один персонаж — старушка — на замечание дьячка о том, что не следует ставить свечку перед изображением дьявола, отвечает: «*Не замай* батюшка, *не худо* имѣть вездѣ друзей...».

Как видим, разговорные и просторечные слова являются средством речевой характеристики персонажей, а также вовлечены в повествование рассказчика. Они создают разговорную легкость, непринужденность, свойственную бытовым речевым ситуациям. Значительная часть «простонародных» слов содержит оценку предмета, качества, действия, явления, т. е. принадлежит к эмоционально-оценочной лексике, однако в «Повестях» нет слов, имеющих выраженную коннотацию грубости.

Известно, что литературная обработка разговорных и просторечных слов служила «мощным двигателем, сближающим национальный литературный язык с народно-разговорным языком» [Виноградов, 1959, 105]. Некоторые «простонародные» слова, вовлеченные в литературные тексты, теряли окраску «просторечности»

и становились достоянием литературного языка [ИЛ, 222], что способствовало процессу демократизации литературного языка в XVIII в.

Таким образом, наблюдения над лексическим составом «Повестей», включенных в «Письмовник», убеждают в том, что книжные и разговорные лексические элементы взаимодействуют в соответствии с принципом уместности. Это еще раз подтверждает вывод о том, что во второй половине XVIII в. стилистические функции книжных элементов и разговорных слов расширяются. Возможно, синтез гетерогенных лексических единиц в исследуемом литературном тексте свидетельствует об отсутствии строгой разграниченности между книжным и разговорным языком.

-
- Анциферова О. Н.* Иноязычная лексика в «Письмовнике» Н. Г. Курганова // Научный диалог. 2014. № 9 (33) : Филология. Педагогика. С. 6–13.
- Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1959.
- Замкова В. В.* Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века. Л., 1975.
- Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка : учеб. пособие для педин-тов по спец. «Русский язык и литература». М., 1990.
- ИЛ — История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века / отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1981.
- Князькова Г. П.* Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974.
- Ломоносов М. В.* Российской грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 7 : Труды по филологии. М. ; Л., 1952. С. 319–347.
- Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Лексические новообразования в русском языке XVIII века. Л., 1975.
- Письмовник — Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнoзабавного вещесловия. Пятое издание, вновь выправленное, приумноженное и разделенное в две части профессором и Кавалером Николаем Кургановым : в 2 ч. СПб., 1793.
- Рак В. Д.* Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века (Иностранные источники, состав, техника компиляции) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1990.
- САР — Словарь Академии Российской : в 4 т. СПб., 1789–1794.

- Семенов П. А. Эволюция стилистических категорий в русском литературном языке предпушкинского периода (на материале драматургических текстов) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2002.
- Шанский Н. М. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке // Вопросы истории русского языка / под ред. П. С. Кузнецова. М., 1959. С. 104–131.

* * *

Анциферова Ольга Николаевна

кандидат филологических наук,
учитель кафедры филологии
Специализированный учебно-научный
центр,
Уральский федеральный университет
620137, Екатеринбург, ул. Д. Зверева,
30, ком. 113
E-mail: antsiferovaon@yandex.ru

Antsiferova, Olga Nikolaevna

PhD, teacher
Department of Philology
Advanced Educational Scientific
Center,
Ural Federal University
30, Danila Zverev Str.,
620137, Ekaterinburg, Russia
E-mail: antsiferovaon@yandex.ru

Some Observations on the Vocabulary of N. G. Kurganov's *Pismovnik*

The article emphasizes the importance of studying the vocabulary of written documents for a better understanding of the development of the Russian literary language. The author gives a brief overview of *Pismovnik* by N. G. Kurganov written in the second half of the 18th century and analyses language material that reflects the interaction between the bookish and colloquial forms of the Russian language of the period. The author isolates groups of learned words in *Kratkie zamislovatye povesti* included in the part *Prisovokuplenie II* of *Pismovnik*, paying particular attention to the features of their use in a literary text. The paper also focuses on the notion of “vulgar” (*prostonarodny*) vocabulary in the 18th century, as well as on the reasons of its vague definition at that time. By revealing “vulgar” words in *Kratkie zamislovatye povesti* the author shows that these words were not regarded as rude. The investigation into the particularities of such kind of words in the studied text leads to conclude that the combination of bookish and colloquial lexical units is governed by the principle of relevance.

The author suggests that these observations may support the hypothesis claiming the absence of a strict distinction between bookish and colloquial language in the 18th century.

Key words: 18th century written documents, history of the Russian literary language, bookish and colloquial vocabulary, heterogeneous vocabulary.

Е. Н. Иванова

Екатеринбург

Функционирование антропонимов в деловых письмах А. Н. Демидова

Статья выполнена в русле историко-лингвистических исследований и посвящена структурно-функциональному анализу антропонимов, извлеченных из писем первой половины XVIII в., автором которых является крупный уральский промышленник А. Н. Демидов. Текстовая выборка (за 1740 г.) расценивается как репрезентативная, поскольку отражает типичную переписку заводчика с канцелярией «Главного заводов правления», с одной стороны, и приказчиками, с другой. Описывается структура антропонимической модели: имя, отчество, фамилия, прозвище и варианты именованя человека. Устанавливаются особенности использования антропонимов (компонентов антропонимической модели) в определенных жанрах деловых писем (донесении, инструкции, прошении, распоряжении и др.). Выясняются закономерности того, как употребляются варианты именованя людей в основных композиционных блоках деловых писем. Определяются функции, в которых могли выступать антропонимы в деловых письмах этого периода.

Ключевые слова: антропонимы, А. Н. Демидов, деловые письма, историческая языковая личность, антропонимическая модель.

Данная статья выполнена в русле историко-лингвистических исследований, посвященных характеристике языковой ситуации XVIII в. в целом и ее отличительных признаков в частности [см.: Глухих, 2010; Трофимова, 2002; 2010; Майоров, 2006; Косов, 2004; Чугаев, 2014], а также реконструкции языковой личности и описанию ее идиостиля [см.: Анциферова, 2012; Петрухина, 2014; Рут, Иванова, 2013].

Материалом для статьи послужили распоряжения и письма первой половины XVIII в., выполненные писцами от имени уральского заводовладельца Акинфия Никитича Демидова (1678–1745), дополненные и заверенные им. Анализируются письма за 1740 г. Среди документов отчетливо выделяются два типа: к первому относятся донесения, прошения, челобитные в соответствующие инстанции к вышестоящим адресатам; ко второму — определения, инструкции, собственно письма к нижестоящим адресатам.

Использование антропонимов в письмах данного периода демонстрирует некоторые универсальные особенности их бытования, продиктованные уже складывающимися в первой половине XVIII в. нормами эпистолярного стиля.

Рассматривая функции антропонимов в деловых письмах А. Н. Демидова, мы обращаемся к анализу своеобразных коммуникативных условий, определяющих их появление и расположение в тексте. Так, можно выделить три устойчивых позиции «существования» антропонимов: в обращении, в подписи, в основном тексте письма.

Антропонимы встречаются в определенных структурных блоках — начальном, блоке основного содержания и конечном [Глухих, 2010, 46] — текста деловых документов.

Обращение (начальный блок)

Антропонимы используются пишущим в качестве обращений для обозначения (идентификации) адресата — им. п. «И. + Ф.»: *Максим Красноселов, Мирон Попов, Алексей Иванов, Григорий Сидоров.*

В начальном блоке делового письма возможно также указание на адресата письма не в форме обращения, а в начале письма или на отдельной странице, являющейся своего рода конвертом — дат. п. «должность + И. + Ф.»: *Приказчику Максиму Красноселову.*

Подпись (конечный блок)

Антропонимы являются обязательным элементом подписи, т. е. имя используется адресантом для самообозначения и заверения документа. Возможные варианты:

1. «И. + Ф.»: *Акинфей Демидов* (например: *на подлинной инструкции подписана Акинфей Демидов*), *Михайло Попов*, *Стефан Журавлев.*

Кроме собственно антропонимов, в состав подписи могут включаться апеллятивы, называющие титул или должность писавшего;

2. «Титул (должность) + И. + Ф.»: *Дворянин Акинфей Демидов (...и того в обоих годах четыре месяца пятнадцать дней. Дворянин Акинфей Демидов;* подпись Демидова дается в виде скрепы, т. е. заверяется каждый пункт документа), *Приказчик Борис Сергеев.*

Блок основного содержания

Данный структурный элемент писем может быть значительным по объему, в нем также обязательно встречаются антропонимы — имена, фамилии, отчества и прозвища, а также комбинации членов антропонимической модели:

«И. + Ф.»: *Акинфей Демидов, Василей Прянишников, Макар Лебедев, Алексей Яковлев, Татьяна Власова, Иван Петров, Пелагея Семенова* и др.;

«И.»: *Андрей, Петр, Игнатей, Лисафья, Козма, Фекла* и др.;

«Ф.»: *Шихов, Антонов, Сидоров, Балакин, Черепанов* и др.;

«И. + О.»: *Орина Кириловна, Офимья Михайловна, Варвара Дмитриевна* и др.;

«И. + прозвище»: *Егор Шиша.*

Рассматривая деловую письменность первой половины XVIII в. на примере писем и бумаг А. Н. Демидова, можно выделить функции антропонимов, которые они выполняют в деловых письмах.

1. Функция идентификации лица (выделения его из ряда подобных, собственно наименование лица). Данная функция является наиболее общей для всех антропонимов и может быть реализована в различных композиционных блоках делового письма, за исключением тех случаев, когда антропонимы выполняют иные функции, более частные (см. ниже).

В качестве примеров реализации функции идентификации приведем здесь образцы подписей, которые содержат указание на титул / должность: *Дворянин Акинфей Демидов, Приказчик Борис Сергеев, Приказчик Иван Медовщиков*. В этих примерах отчетливо видно, что пишущий использует антропоним только для обозначения человека, при этом неважно, первый или не первый раз упоминается то или иное лицо.

2. Функция первого упоминания о лице.

Как правило, примеры таких именовании содержат, помимо антропонимов, различные уточняющие компоненты, в которые входят указания на:

▪ социальный статус человека (например, в обозначении крестьян, солдат): *крестьянин Василий Рекин, крестьянин Степан Гаврилов, солдат Василий Шарыгин*;

▪ место жительства (уезд, слобода, деревня и т. д.): *...вотчинные крестьяне для отсылки в Томские заводы, а именно: села Варган Яков Иванов, у него сын Петр, у Петра жена Татьяна...; ...Юркинской вотчины деревни Синцова: Семен Иванов, Иван Козмин да женка Марина Григорева...*;

▪ родственные отношения с названным впервые человеком (брат, сын, жена, сноха, внуки и т. д.): *солдат Василий Шарыгин, его сын Андрей; Яков Иванов у него сын Петр; у Михайла жена Орина Афонасева; у Антонова дети Федосья, Агафья, сноха Ховроня у нее дети Гаврило, Егор, Митрофан... и др.*

3. Функция последующего наименования лица (упоминания о лице) реализуется при помощи уточняющих

конструкций и дополняется апеллятивной лексикой (указательными местоимениями и др.).

В конструкциях со значением уточнения (встречаются в разных фрагментах основного текста писем) подчеркивается смысл 'вышеназванный человек, а не какой-либо другой':

«указ. мест. *оной* + Ф.»: *оной Козицын, оной Петелин*;

«указ. мест. *оной* + И.»: *оной Трифан*;

«указ. мест. *оной* + прозвище»: *оной Густомесович* (оказиональное образование, только внешне напоминающее отчество человека, потому что оформлено при помощи специфического аффикса. Скорее всего, это прозвище).

4. Функция обобщенного наименования адресата (кроме антропонимов, обязательным элементом является предложно-падежная форма существительного *с товарищи*). Эта функция реализуется путем указания на адресата письма (в начальном блоке письма или на отдельной странице, являющейся своего рода конвертом): дат. п. «должность + И. + Ф.». Вот примеры ее реализации:

должность: *Приказчику Григорию Сидорову с товарищи*;

прозвище: *Отдай твердый приказ Зайцу с товарищи, объявил на Медведя жалобу, он убил лошадей*;

фамилия: *Иванов с товарищи, Гордеев с товарищи*.

Можно выявить определенную связь между жанром и использованием антропонимов, которая заключается в выборе формулы наименования: подробная формула официального наименования лица «И. + О. + Ф.» употребляется в официальных документах (рапорт, донесение, известие и т. д.). Вышеуказанная формула часто содержит дополнительные сведения о человеке, выраженные нарицательными существительными: *дворянин Акинфий Никитич Демидов доносит*. В служебных письмах Демидова к приказчикам (от вышестоящего адресанта к нижестоящим адресатам), имеющих скорее полуофициальный характер, фиксируется использование прозвищ крестьян или рабочих наряду с фамилиями, а также увеличение частотности конструкций «*оный* + И. (Ф.)».

Таким образом, анализ антропонимов, функционирующих в деловых письмах А. Н. Демидова, приводит к следующим выводам:

1) «коммуникативными условиями» для антропонимов выступают особые повторяющиеся (поэтому типичные), устойчивые позиции, связанные с композиционными блоками писем: начальный блок (обращение или указание на адресата), блок основного содержания (сам текст документа), конечный блок (подпись);

2) в обращении, как правило, наиболее частотна формула «И. + Ф. / О.»; возможно указание на адресата, включающее наименование по должности + И. + Ф. в дательном падеже; наибольшее разнообразие отмечается в использовании антропонимов в тексте письма: «И. + Ф.», «И.», «Ф.», «прозвище», конструкции «оной + И. / И. + О. / Ф. / прозвище»; в подписи — «(дворянин) + И. + Ф.»;

3) антропонимы в деловых документах могут выполнять следующие функции (которые кажутся нам вполне универсальными): идентификации лица, первого упоминания о лице, последующего наименования лица, обобщенного наименования адресата.

Анциферова О. Н. «Журнал путешествия...» Н. А. Демидова как памятник русского языка второй половины XVIII века : дис. ... канд. филол. наук / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2012.

Глухих Н. В. «Писать правдиво и со всякою ясностью и подробностью...» (Лингвистический анализ эпистолярных текстов из фондов южноуральских заводских контор) // Культура индустриального Урала (XVIII–XX вв.) / под. ред. А. С. Черкасовой. Екатеринбург, 2010. С. 55–62.

Косов А. Г. Эволюция документных жанров в деловом языке XVIII века (на материале рукописных и печатных текстов Объединенного государственного архива Челябинской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Челяб. гум.-пед. ун-т. Челябинск, 2004.

Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006.

Петрухина (Косивцова) А. В. Проблема идиостиля частно-делового текста XVIII века (по письмам уральского заводчика Н. А. Демидова) // Проблемы лингвистического краеведения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию К. Н. Прокошевой / гл. ред. О. Ю. Гладких. Пермь, 2014. С. 162–168.

- Рут М. Э., Иванова Е. Н. Языковая игра в дискурсе языковой личности XVIII–XIX вв. // Лингвистика креатива — 1 / под общ. ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург, 2013. С. 78–87.
- Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века : дис. ... д-ра филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2002.
- Трофимова О. В. Роль и место провинциальной деловой письменности в истории языка и государства // Культура индустриального Урала (XVIII–XX вв.) / под. ред. А. С. Черкасовой. Екатеринбург, 2010. С. 35–54.
- Чугаев Н. В. Лингвистические особенности региональных памятников XVIII в. (на материале пыскорских промеморий) // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «Российская и зарубежная филология». 2014. № 2 (26). С. 17–25.

* * *

Иванова Евгения Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего языкознания
и русского языка
Уральский государственный
педагогический университет
620017, Екатеринбург,
пр. Космонавтов, 26, ком. 281
E-mail: z3411828@yandex.ru

Ivanova, Evgenia Nikolayevna

PhD, Associate Professor
Department of General Linguistics
and Russian Language
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavty av., room 281,
620017, Ekaterinburg, Russia
E-mail: z3411828@yandex.ru

Anthroponyms in Akinfiy Demidov's Business Letters

The article represents a historical-linguistic study devoted to a structural-functional analysis of anthroponyms extracted from the letters written in the first half of the eighteenth century by the Ural manufacturer Akinfiy Demidov. The selected corpus of texts (relating to the year 1740) is regarded as representative, since it reflects the manufacturer's typical business correspondence with both his clerks and the Office of the principle administrative authority of mines. The author describes the structure and the elements of a typical anthroponymic pattern (first name, patronymic name, last name, nickname and their different variants) and establishes the particularities of their use in various genres of business correspondence (reports, instructions, requests, orders, etc.). The paper reveals the regularities of name use in the main compositional

parts of the letters and defines the functions of anthroponyms as used in the business correspondence of the studied period.

K e y w o r d s: anthroponymy, Akinfiy Demidov, business letters, historical linguistic persona, anthroponymic pattern.

И. А. Кюршунова

Петрозаводск

К проблеме картографирования материалов исторической антропонимии*

В предлагаемой статье ставится вопрос о возможности использования метода картографирования в антропонимии. Рассматриваются принципы составления антропонимических карт, выработанные отечественными и зарубежными ономотологами, а также особенности обработки данных, нанесенных на карты. Задачи статьи решаются на материале антропонимов, зафиксированных в памятниках письменности Карелии XV–XVII вв. Особое внимание автор обращает на статистические показатели, учет которых позволяет представить корректную картину распространения различных антропонимических единиц. Определена возможная тематика карт, выявлены критерии нанесения данных на карты. В качестве иллюстрации приводится карта, отражающая распространение некалендарных имен в Карелии в XVI в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: лингвистическая география, историческая антропонимия, антропонимическая карта, картографирование антропонимов, некалендарные имена.

Цель данной статьи — раскрыть информативную ценность картографирования антропонимов, зафиксированных в памятниках

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

письменности Карелии XV–XVII вв.; обратить внимание на некоторые особенности составления антропонимических карт; привлечь научное сообщество к данной проблеме, возможным аспектам ее разработки и внедрения в ономастические исследования.

Картографирование ономастических материалов и создание атласов не имеет длительной истории, хотя работа по нанесению лингвистических данных на географическую карту ведется уже более ста лет. В отечественном языкознании началом такой работы стало создание в 1914 г. диалектологической карты русского языка в Европе, проводившееся под руководством Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова [1915]. В мировом масштабе метод картографирования связан с именами Ж. Жильерона и Э. Эдмона — авторов «Лингвистического атласа Франции», обозначившего зарождение лингвистической географии [Иванов, 1990, 268–269].

В дальнейшем это направление прекрасно зарекомендовало себя в топонимических штудиях прикладного и теоретического плана, что абсолютно закономерно: привязка топонима к пространству видится естественной. Неслучайно большинство современных исследований по топонимии сопровождают карты и атласы — см., например, ареальный анализ топонимического материала Карелии в работах И. И. Муллонен [2002], Д. В. Кузьмина [2011], Е. В. Захаровой [2015], в их индивидуальных и коллективных изысканиях, связанных с составлением атласов [Муллонен, Кузьмин, 2008] и с использованием ГИС-технологий по обработке топонимических данных, наносимых на карту [Муллонен, Лялля, 2005]. Несмотря на то что подобная работа в последние годы активизируется, пока хорошо видна и ее недостаточность [Афанасьев, 2007]. Следовательно, ныне в отечественной лингвистике ономастическое картографирование должно стать более востребованным.

Нельзя не отметить, что если в российской топонимике накоплен значительный опыт использования картографического метода — определены лингвистические и технические принципы составления карт и атласов, установлены изоглоссы определенных явлений, заявлены основные темы картографирования [см.: Гордова, 2012], — то антропонимический материал становился объектом подобной

работы лишь в единичных случаях. Наиболее яркий пример такого подхода представлен в книге В. А. Никонова «География фамилий» [Никонов, 1988], в которой для изучения антропонимических единиц предложен ареальный метод. Автором составлены девять карт, на которых отражены зоны преобладания известных русских фамилий, распространение фамилий с различными формантами, география наиболее частотных фамилий определенного региона и т. п. [Там же, 40, 42, 80, 93, 112, 131, 157, 159, 179]. В конечном итоге, представив русские фамилии в ареальном аспекте, В. А. Никонов доказал саму возможность применения картографического метода к антропонимическому материалу. В своей работе он идет за Ю. К. Редько [1966], М. В. Бирьлой [1966; 1969] и В. Э. Сталтмане [1981], которые также применяли этот метод в исследованиях по антропонимии. Так, в монографии Ю. К. Редько представлены три антропонимических карты, а в работе В. Э. Сталтмане — 13 карт. Ареальный ракурс изучения антропонимов был заявлен также в статье Е. Ф. Данилиной «К составлению русского антропонимического атласа» [Данилина, 1976], но, к сожалению, не получил должного научного воплощения и развития. Таким образом, монография В. А. Никонова на сегодняшний день, — пожалуй, единственное в отечественной ономотологии исследование, в котором антропонимический материал наносится на карту с дальнейшей интерпретацией полученных результатов.

Понятно, что основным условием картографирования должна быть как можно более полная база антропонимических данных. Безусловно, учитывая весь масштаб территории России, сложно говорить о полном сборе материала, но к настоящему времени все же накоплен значительный объем данных, позволяющий приступить к работе. Так, географический аспект распространения фамилий представлен в словарях, содержащих общерусский и региональный материал настоящего и прошлого [см.: Чайкина, 1995; Щетинин, 2004; Полякова, 2005; Мосин, 2008; Кюршунова, 2010; Кузнецов, 2011 и др.], присутствует он и в ряде работ разного статуса по изучению фамилий отдельных регионов России [см.: Ганжина, 1992; Королева, 1996; Назаров, 2003; Смольников, 2005

и др.] — тем самым, уже имеется теоретический и практический задел в изучении антропонимического материала с лингвогеографических позиций.

В то же время картографический аспект исследования антропонимов, по существу, не разработан. Более того, отечественная ономастология отстает от исследований, проводимых зарубежными коллегами, которые на первом этапе собрали фамилии, в ряде случаев издали словари фамилий своих стран, а затем воплотили в жизнь идею их картографирования. Такая работа активно ведется в Британии, Германии, Голландии, США, Финляндии, Чехии, где составляются атласы фамилий, выявлены многие изоглоссы ономастического континуума [см. об этом: Wenzel, 1994, 2013, 2015; Dräger, Schmuck, 2008; Шохенмайер, 2010; Эйхлер, 2013], созданы сайты, где одновременно представлены результаты этой работы и собирается необходимый антропонимический материал, который включается в картографирование (см., например, адреса сайтов в [Шохенмайер, 2010, 35], а также сайты <http://www.verwandt.de/karten/> — Германия; <http://www.journaldesfemmes.com/nom-de-famille/> — Франция; <http://www.theguardian.com/news/datablog/interactive/2013/apr/22/popular-surnames-great-britain-mapped> — Великобритания). Кроме того, зарубежные коллеги уже разработали основные критерии и принципы нанесения антропонимов (прежде всего фамилий) на карту. Разумеется, в этом международном контексте проблема разработки российских антропонимических карт становится еще более актуальной.

Для исторической антропониимии такую работу можно обозначить как имеющую на настоящий момент незначительную степень внедрения в научные изыскания. Только в нескольких статьях применяется ареальный подход к изучению антропонимов. В. В. Палагина поставила вопрос о локальности состава наименований, выбрав для анализа антропонимы с общерусской и региональной апеллятивными основами [Палагина, 1968, 88–89]. Подробная разработка географического аспекта в антропониимии дана в статье Т. А. Заказчиковой: в ней представлены объекты антропонимического картографирования, более того, проведена скрупулезная

работа по подготовке к нанесению на карты антропонимического материала, отмеченного в десятнях из почти 100 городов Русского государства [Заказчикова, 1977]. Но, к сожалению, вопрос об ареальном аспекте больше исследователем не ставился. Ю. И. Чайкина через изучение посессивных ойконимов, функционировавших в памятниках старорусского языка, определила географию продуктивных словообразовательных моделей неофициальных личных имен крестьян Северо-Восточной Руси [Чайкина, 1987]. С. Н. Смольников представил описание антропонимии Верхнего Подвинья XVII в. как источника изучения истории заселения края и процессов, обусловивших формирование этнокультурной картины исследуемой территории [Смольников, 2001].

Последняя статья представляет особый интерес, поскольку в ней обозначены плюсы и минусы использования ареального аспекта в изучении исторической антропонимии. Назовем их. Для лингвогеографии значимым является большое количество зафиксированных единиц, их четкая датировка и локализация, способность нести этнокультурную информацию [Там же, 38]. К недостаткам относятся такие параметры, как «сравнительно поздний по отношению ко времени заселения края характер, общие тенденции развития на разных территориях, подвижность, изменчивость, крайняя зависимость от социальных факторов», а также особенности составления памятников деловой письменности, в которых по разным причинам очень редуцированно представлена живая разговорная речь [Там же, 38–40]. Без сомнения, эти причины явились тем подводным камнем, который не позволил перейти к идее картографирования антропонимических единиц и антропонимических явлений в больших исследовательских масштабах.

Характерные черты составления антропонимических карт заметны при сопоставлении с работой, проводимой по топонимическому картографированию. Одна из них обусловлена спецификой материала, наносимого на карту, и его привязкой к пространству. Если географическое название закреплено за объектом, а его функционирование исчисляется веками, то имя собственное, репрезентирующее человека, живет, мигрирует и иногда исчезает

вместе с носителем имени, особенно если это некалендарное имя, имеющее единичную фиксацию в документах. В этом плане корректность антропонимической карты, без сомнения, уступает представлению материалов, нанесенных на карту топонимическую. Кроме того, имя человека существует в определенную эпоху, на его бытование влияют прежде всего экстралингвистические факторы. Так, для донационального периода была характерна двуименность, но она не всегда отражена в документах. Если для лиц, входящих в круг высшего сословия, такие сведения можно найти, то информация о крестьянах и мастеровых по разным причинам отсутствует. Проблемой может быть и само привлечение источников, в которых зафиксированы антропонимические единицы, — как известно, большое количество памятников письменности хранится в архивах и пока не введено в научный оборот. Их обработка — дело будущего.

Используя компетенции применения метода картографирования, представленного в работах топонимистов, отечественных и зарубежных исследователей ареальных аспектов антропониимии, собственный опыт, автор решил представить результаты проделанной работы в данной статье.

Объектом картографирования являются антропонимические единицы, зафиксированные в деловых документах донационального периода (см. список источников). К настоящему времени 14 карт уже апробированы автором статьи [см.: Кюршунова, 2013; 2016а; 2016б; 2016в; 2016г]¹. Работа велась на двух картах-основах².

Первая карта-основа отражает территорию Обонежской и Водской пятин, а также Лопских погостов. Антропонимы извлечены из русскоязычных документов. На семи картах, базирующихся на первой карте-основе, представлена следующая информация:

---

¹ Безусловно, это очень небольшое количество, особенно в сравнении с той работой, которая, например, проводится В. Венцелем [Wenzel, 1994; 2013; 2015] при картографировании фамилий.

² Нанесение материалов на карты ведется вручную. Более того, на картах-основах нет полного отражения населенных пунктов — антропонимический материал «призывается» к погосту.

единичные календарные имена, засвидетельствованные в документах 1496, 1563 и 1582/83 гг.; распространение онимов с формантом *-уй/-ой/-ей/-ий* [Кюршунова, 2013]; география антропонимов с прибалтийско-финскими основами, а также патронимов и посессивных ойконимов с прибалтийско-финскими маркерами [Кюршунова, 2016а]; ареал тюркских ономастических единиц на территории Карелии XV–XVII вв. [Кюршунова, 2016в].

Вторая карта-основа связана с Кексгольмским леном — территорией, которая после Столбовского мира отошла к Швеции. Большая часть документов, в которых зафиксирована антропонимия этой территории, написана на шведском языке. Карты, созданные на базе второй карты-основы, содержат информацию о фиксации шведских и русских патронимов в 1618, 1631 и 1637 гг. [Кюршунова, 2016б], а также об ареале исконно русских некалендарных имен на территории Кексгольма [Кюршунова, 2016г].

В целом информативная ценность проведенного картографирования заключается в следующем. Если в первом случае наглядно представлен ареал инославянских элементов на периферийной полиэтничной территории Руси, то во втором случае отражено сохранение русифицированных и исконно русских элементов на части бывшего русского пространства. Кроме того, сопоставление карт по русскоязычным документам XV–XVII вв. показало, что большая часть изучаемых явлений связана с центральными погостами Обонежской пятины. Так, основная масса обонежских единичных именовании фиксируется в южных погостах средневековой Карелии, между Ладожским и Онежским озерами. Следовательно, территория Межозерья являлась той пограничной зоной, за которой распространялись только те имена, которые входили в ядро славянской календарной ономастической системы.

Таким образом, в ряде работ нами уже показана возможность применения картографического метода для изучения особенностей исторической антропонимии.

Дополняя уже имеющуюся картографическую базу, перейдем к картографированию некалендарных имен, отмеченных в русскоязычных документах Карелии XVI в., где представлена перепись

жителей Обонежской и Водской пятин и Лопских погостов (см. список источников). Выбор источников в данном случае обусловлен небольшим временным промежутком между переписями и наиболее полным представлением в них крестьянского социума³.

Известно, что к XVI в. некалендарный именьник на Руси был почти вытеснен календарным. Однако на территории Карелии исконно русские имена продолжали активно функционировать и в XVI столетии. Об этом говорят, во-первых, отмеченные в документах именованья, имеющие общерусскую и общеславянскую апеллятивные основы, ср. (в порядке убывания частотности): *Нечай, Третьяк, Истома, Первушка, Поздей, Меньшой, Ждан, Вешняк, Томила, Ушачко, Невзор, Шестой, Некрас, Суббота, Бажен* и т. п. Во-вторых, показательны именованья с региональной основой, соотносимые с русскими диалектными (в том числе и неславянскими) апеллятивами и подтверждающие статус средневековой Карелии как пограничного полиэтничного региона: *Гиргач, Кубаско, Кюрша, Шешеня, Шишуля, Шоболда* и т. п. На более чем 2 700 носителей зафиксировано около 700 подобных имен. В исследованиях, проведенных ранее, было выявлено, что средний удельный вес таких употреблений составляет 11,5 % [Кюршунова, 2012], однако обращение к новому антропонимическому материалу наглядно показывает, что в разных регионах средневековой Карелии частотность их была различной.

Чтобы информация об особенностях распространения таких имен в разных погостах Карелии носила корректный характер, следует учитывать ряд моментов, связанных со спецификой нанесения материала на карту. Если фиксировать на карте каждое отмеченное в документах некалендарное личное имя, не учитывая повторяемость отдельных лиц в текстах и общее число проживавших в каждом отдельном погосте людей, то картина функционирования некалендарных имен будет искажена, поскольку некоторые территории

---

³ Более ранние документы по данным территориям представляют лишь некоторые регионы Карелии указанного времени, более поздние составлялись после начала шведской интервенции и не отражают тот состав населения, который был на данных территориях ранее.

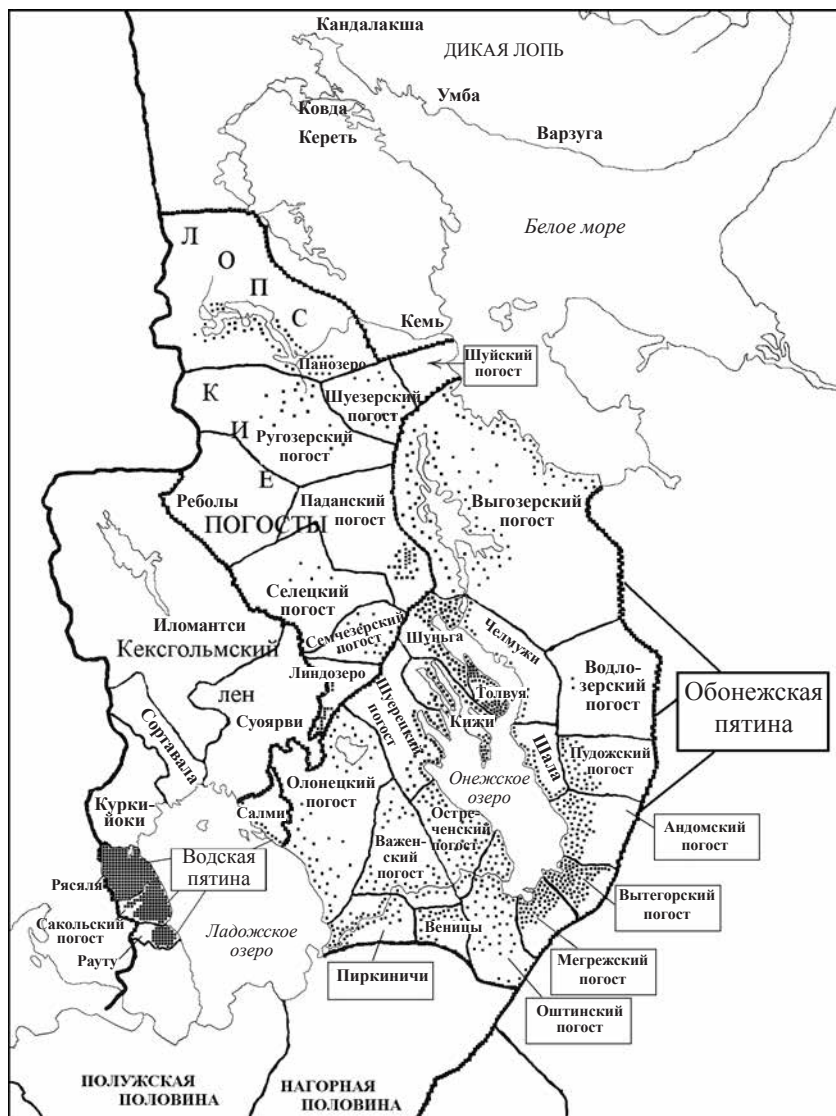
будут выглядеть как имеющие преимущество в использовании некалендарного именника. Именно таким образом составлена карта 1 (см.), анализ которой свидетельствует о том, что некалендарные имена наиболее частотны в Ровдужском, Сакульском и Городенском (кроме Салминского) погостах Водской пятины, в Выгозерском, Вытегорском и Оштинском погостах Обонежья, а в Лопских погостах вне конкуренции оказывается Панозерский погост.

Однако на основе этого способа картографирования вывод о преобладающем использовании некалендарных имен в отдельных погостах делать нельзя — можно говорить лишь о привязке некалендарных антропонимов к определенной территории. Докажем это на примере. В 1563 г. в Олонецком и Остреченском погостах после предварительно проведенной работы по составлению «чистого» списка отобранных для картографирования антропонимов оказалось по 41 носителю некалендарных имен. Однако численность населения в этих погостах была разной: в Олонецком — более 1 500 жителей, а в Остреченском — чуть более 360. Следовательно, различен и процент носителей некалендарных имен: в Остреченском погосте он достигает 11 %, а в Олонецком значительно ниже — 2,7 %.

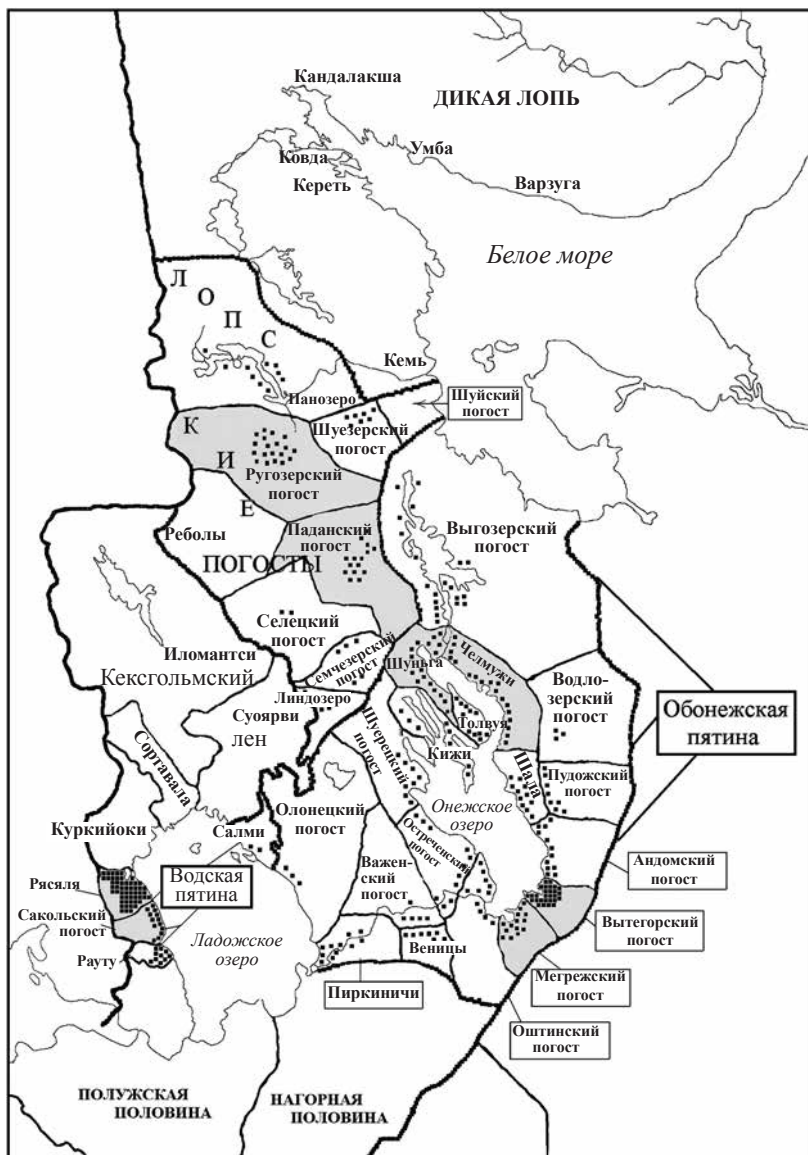
На карте 2 (см.) материал отражен уже с учетом количества жителей погостов — здесь картина плотности некалендарных имен несколько меняется.

Как выяснилось, в Обонежье погостами, в которых наиболее прочно сохранились традиции номинации на основе отапельлятивных имен, помимо Вытегорского (27 %), становятся Шуньгский (16 %), Челмужский (16 %), Мегрежский (14 %); в Водской пятине вне конкуренции Городенский погост (19 %); в Лопских погостах — Ругозерский (19 %) и Паданский (15 %). Как можно видеть, процентный показатель в каждом приведенном случае больше, чем средний по Карелии (11,5 %).

Подобным образом выявляются карельские территории, где в XVI в. некалендарный именник был побежден календарным. Ср.: в Обонежье некалендарные имена единичны в Водлозерском (2,5 %), Олонецком (2,7 %), Важенском (4,6 %) и Оятском (6,5 %) погостах;

Карта 1. Распространение некалендарных имен на территории Карелии в XVI в.

Карта 2. Распространение некалендарных имен в соответствии с количеством жителей

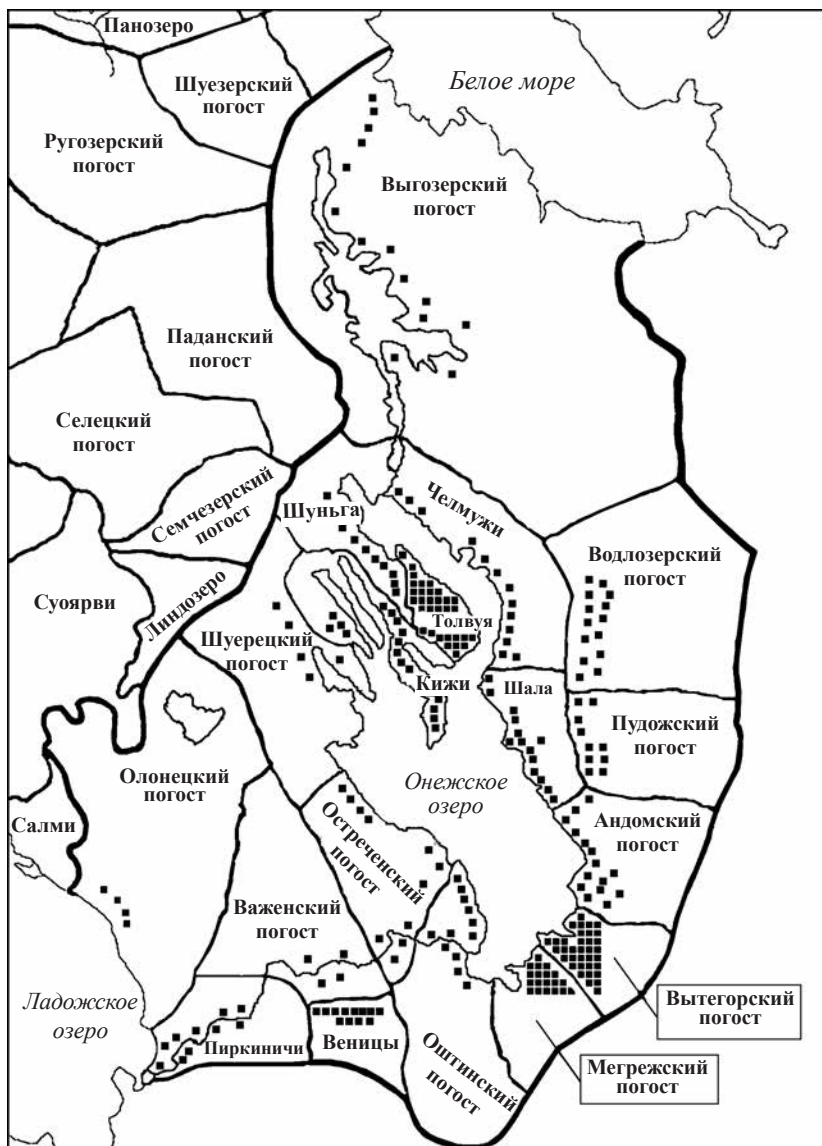
в Водской пятине — в Салминском погосте (2 %); в Лопских погостах — в Селецком (2 %) и Семчезерском (4,5 %) погостах.

Таким образом, даже в пределах небольшого периферийного региона, каким является Карелия, можно выделить зоны господствующего функционирования некалендарной системы именования. Неслучайно, что данные зоны в пределах пятин располагаются в непосредственной близости друг от друга (на карте 2 они выделены серым цветом), а зоны с невысокой плотностью в использовании некалендарных имен отдалены от центров пятин. В целом эта картина совпадает с той, которая выявлена при картографировании других явлений в антропониимии Карелии XV–XVII вв.: наибольшее количество различных ономастических фактов фиксируется именно в центральных погостах пятин.

В исследовании рассматриваемого явления (функционирование некалендарного именника в пределах исследуемого региона) значимо и так называемое послойное картографирование материала — сопоставление карт разных временных срезов. Так, для территории Обонежья интересно сравнить представленные выше карты с картой 3 (см.), составленной по материалам конца XVI в. (1582/83 гг.). Некалендарные имена на этой карте обозначаются знаком ■.

При сравнении материалов оказывается, что на территории Обонежья в 1582/83 гг. некалендарные имена употреблялись так же активно, как и в 1563 г. Наиболее частотны они в Вытегорском (32 %) и Мегрежском (19 %) погостах, а в Толвуйском (32 %), Кижском (17 %) и Водлозерском (13,6 %) погостах удельный вес некалендарных имен увеличился в несколько раз (ср. соответственно в 1563 г. — 11 %, 9 %, 2,5 %).

Таким образом, к концу XVI в. вместо ожидаемого сокращения числа носителей некалендарных имен произошло его увеличение. Как можно видеть по карте 3, к стабильным центрам бытования некалендарных имен добавились новые погосты, на территории которых частотность таких имен также оказалась выше средней по Карелии. Причины неожиданных изменений в первую очередь экстралингвистические: это политические события, недостаточность работы церкви с населением, периферийное положение многих погостов

Карта 3. Некалендарные имена по данным Писцовой книги
Обонежской пятины 1582/83 гг.

(отдаленность от центров), относительная свобода крестьянского и мастерового населения, длительное и мирное сосуществование разных этносов и т. д. Все это влияло на ономастический колорит региона, определяя его уникальность и одновременно универсальность.

Безусловно, начатая нами работа носит предварительный характер, однако ее продолжение необходимо, а главное — возможно, поскольку картографирование антропонимов (как представленных в памятниках письменности, так и функционирующих в современном социуме) важно для понимания истории народа, особенностей его расселения и контактирования с другими народами. В связи с этим насущными задачами ономастики становятся дальнейшее обсуждение прикладных и теоретических вопросов, связанных с картографированием антропонимического материала, выявлением тематики карт и разработкой параметров картографирования.

-
- Афанасьев О. Е.* Картография и топонимика: Методология регионального подхода к изучению // Псковский региональный журнал. 2007. № 4. С. 99–110.
- Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія: Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы. Мінск, 1966.
- Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. 2. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск, 1969.
- Ганжына И. М.* Тверская антропониимия XVI в. в социально-историческом и лингвистическом аспектах (на материале тверских писцовых книг) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1992.
- Гордова Ю. Ю.* Ономастическая картография // Вопр. ономастики. 2012. № 2 (13). С. 108–120.
- Данилина Е. Ф.* К составлению русского антропонимического атласа // Ономастика Поволжья. Вып. 4 / отв. ред. В. А. Никонов, Н. Ф. Мокшин. Саранск, 1976. С. 153–159.
- Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Ч. 1 : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Т. 1 / подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, Г. М. Коваленко, В. Салохеймо ; под ред. А. И. Копанева, А. Г. Манькова. Петрозаводск ; Йёэнсуу, 1987. С. 186–233.

- Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.
- Заказчикова Т. А.* К изучению географии неканонических имен в XVI–XVII веках // Русская ономастика / отв. ред. В. Д. Бондалетов. Рязань, 1977. С. 35–53.
- Захарова Е. В.* Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему восточного Обонежья : дис ... канд. филол. наук / ИЛИ РАН. СПб., 2015.
- Иванов В. В.* Лингвистическая география // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 268–269.
- Королева И. А.* Фамилии Смоленского края в прошлом и настоящем. Смоленск, 1996.
- Кузнецов А. В.* Исторический именослов Русского Севера: Народные имена (прозвища), отчества. Происхождение названий деревень. Ч. 1 : А — К. Тотьма, 2011.
- Кузьмин Д. В.* Наследие саволаксов в топонимии Карелии // Тр. КарНЦ РАН. 2011. № 6. С. 45–56.
- Кюргишова И. А.* Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010.
- Кюргишова И. А.* Некалендарные личные имена и их когнитивный потенциал в средневековом региональном ономастиконе // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 9. 2012. Вып. 3. С. 103–108.
- Кюргишова И. А.* Календарные имена средневековой Карелии в когнитивном аспекте // Вопр. ономастики. 2013. № 2 (15). С. 108–127.
- Кюргишова И. А.* Прибалтийско-финские и саамские именованья как компоненты антропонимической системы Карелии XV–XVII веков // Уч. зап. Петрозав. гос. ун-та. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2016а. № 5 (158). Т. 1. С. 49–57.
- Кюргишова И. А.* Ареальный аспект исследования антропонимии Кексгольмского лена (XVI–XVII вв.) // Russia and the Countries of Northern Europe: Physical and Symbolic Borders. Petrozavodsk ; Kirkenes, 2016б. С. 26–33.
- Кюргишова И. А.* Тюркское имя в антропонимике Карелии XV–XVII вв. // Вестн. Костр. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2016в. Т. 22. № 5. С. 149–155.
- Кюргишова И. А.* Шведские документы донационального периода как источник исследования русской антропонимии Карелии // Вопр. ономастики. 2016г. Т. 13. № 2. С. 87–111.
- Мосин А. Г.* Исторические корни уральских фамилий. Екатеринбург, 2008.
- Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- Муллонен И. И., Кузьмин Д. В.* Границы топонимных ареалов Карелии. Материалы атласа // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии

- и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1 / ред. О. П. Илюха, И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2008. С. 217–256.
- Муллонен И. И., Ляля Е. В.* Геоинформационная аналитическая система «Топонимия Заонежья» // *Вопр. ономастики*. 2005. № 2. С. 86–96.
- Назаров А. И.* Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. Алматы, 2003.
- Никонов В. А.* География фамилий. М., 1988.
- Палагина В. В.* К вопросу о локальности русских антропонимов конца XVI—XVII вв. // *Вопросы русского языка и его говоров* / ред. В. В. Палагина. Томск, 1968. С. 83–92.
- Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // *История Карелии XVI–XVII вв. в документах*. Ч. 1 : *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta*. Т. 1 / подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, Г. М. Коваленко, В. Салохеймо ; под ред. А. И. Копанева, А. Г. Манькова. Петрозаводск ; Йоэнсуу, 1987. С. 52–178.
- Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 гг.: Заонежские погосты // *История Карелии XVI–XVII вв. в документах*. Ч. 3 : *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta*. Т. 3 / подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. Петрозаводск ; Йоэнсуу, 1993. С. 35–341.
- Писцовые книги Обонежской пятины: 1496 и 1563 гг. / под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930.
- Полякова Е. Н.* Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005.
- Редько Ю. К.* Сучасні українські прізвища. Київ, 1966.
- Смольников С. Н.* Антропониимия Верхнего Подвинья XVII в. как источник по истории заселения края // *Этногр. обозрение*. 2001. № 4. С. 38–47.
- Смольников С. Н.* Антропониимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. СПб., 2005.
- Сталтмане В. Э.* Латышская антропониимия: Фамилии. М., 1981.
- Чайкина Ю. И.* К географии неофициальных личных имен крестьян в старорусском языке (на материале топонимии Вологодской области) // *Формирование и развитие топонимики* / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск, 1987. С. 70–78.
- Чайкина Ю. И.* Вологодские фамилии : этимол. словарь. Вологда, 1995.
- Шохенмайер Е.* Дискуссионная статья о геономастике [Электронный ресурс] // *Meta-carto-semiotics. Journal for Theoretical Cartography. Internationales Korrespondenz-Seminar*. 13/2010. P. 27–35. URL: <http://www.meta-carto-semiotics.org> (дата обращения: 18.07.2016).
- Щетинин Л. М.* Донской ономастикон. Ростов н/Д, 2004.
- Эйхлер Э.* Славянский ономастический атлас // *Вопр. ономастики*. 2013. № 1 (4). С. 105–111.

- Dräger K., Schmuck M.* The German Surname Atlas Project — Computer-Based Surname Geography [Electronic resource] // Names in Multi-Lingual, Multi-Cultural and Multi-Ethnic. Proceedings of the 23rd International Congress of Onomastic Sciences, August 17–22, 2008. Toronto, 2009. P. 319–336. URL: <http://www.blogs.uni-mainz.de/fb05-germanistik/files/2015/01/Drager-Schmuck 2009.pdf> (accessed: 18.07.2016).
- Wenzel W.* Studien zu sorbischen Personennamen. Bd. 3 : Namenatlas und Beiträge zur Siedlungsgeschichte. Bautzen, 1994.
- Wenzel W.* Forschungsstand und Perspektiven der niedersorbischen Arealanthroponomastik // Студії з ономастики та етимології. 2013 / відп. ред. О. П. Карпенко, В. П. Шульгач. Київ, 2013. С. 46–63.
- Wenzel W.* Über den Atlas niedersorbischer Zunamen und das Cottbusareal // Вopr. ономастики. 2015. № 2 (19). С. 125–140.

* * *

Кюршунова Ирина Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент
Петрозаводский государственный
университет
185910, Республика Карелия,
Петрозаводск, пр. Ленина, 33
E-mail: kiam@onego.ru

Kyurshunova, Irina Alekseevna

PhD, Associate Professor
Petrozavodsk State University
33, Lenin av.,
185910, Petrozavodsk,
Republic of Karelia, Russia
E-mail: kiam@onego.ru

On the Problem of Mapping Materials of Historical Anthroponymy

The article deals with possible applications of mapping to historical anthroponymy with a special focus on the anthroponyms attested in the 15th–17th centuries Karelian documents. The author considers the principles of making anthroponymic maps as developed by Russian and foreign onomalogists, taking into account different features of data processing and paying particular attention to statistical data whose accurate treatment gives a correct image of the distribution of various anthroponymic stems. The author discusses criteria for plotting anthroponymic facts on a map, as well as possible subjects of such maps. As an illustration of the above ideas, the author presents a map showing the distribution of non-calendar names in 16th century Karelia.

К e y w o r d s: linguistic geography, historical anthroponymy, anthroponymic map, mapping anthroponyms, non-calendar names.

О. Г. Олехнович

Екатеринбург

Имена иностранных специалистов в документах Аптекарского приказа XVII в.

В статье рассматриваются имена иностранных специалистов, засвидетельствованные в XVII в. в документах Аптекарского приказа — административно-судебного органа Российского государства, в ведении которого находились светские доктора, лекари и аптекари. На основе исследуемых документов автором проанализирована структура иноязычных антропонимов, выявлены основные закономерности их фонетико-графической и морфологической адаптации в русском языке. Согласно результатам анализа, в XVII столетии имена иностранных специалистов подвергались в России значительной переработке. Чаще всего она проявляется в варьировании звукового состава имен, упрощении трех- и четырехкомпонентных онимов, образовании деминутивных форм по традиционным русским моделям. По мнению автора, широкий спектр фонетико-морфологических вариантов имен иностранных специалистов-медиков позволяет говорить о том, что в рассматриваемый период «принимающая» антропонимическая система не была еще сформированной.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая антропонимия, личные имена, фамилии, допетровская Россия, Аптекарский приказ, иностранные специалисты.

Основным источником данного исследования являются документы Аптекарского приказа XVII в. (далее — ДАП), хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов [РГАДА, ф. 143].

Документы Аптекарского приказа включают тексты на русском и латинском языках. Эти тексты, создававшиеся в рамках приказно-деловой документации, отличает как специфика содержания, так и своеобразие структуры, — в частности, одним из обязательных компонентов стереотипного «формуляра» является антропоним. В настоящей работе производится анализ антропонимов, содержащихся в документах Аптекарского приказа и представляющих собой мужские имена иностранных специалистов. Нами выбрано более 300 имен, называющих около 40 докторов, более 200 лекарей, более 30 аптекарей и алхимистов, а также других специалистов иностранного происхождения, имеющих отношение к медицине.

В рассматриваемый период иностранные имена, будучи знаками «других» культур, значительно расширили русское антропонимическое пространство. При этом они необходимо проходили сложный период адаптации, в результате которого в большей или меньшей степени трансформировались в соответствии с закономерностями русского языка. В XVII столетии эта адаптация осложнялась тем, что структура собственного имени в России еще окончательно не сформировалась. Кроме того, имена иностранцев были неоднородны, поскольку специалисты прибывали из разных стран, в которых существовали собственные традиции именования.

Если говорить об истории появления в России иностранных специалистов-медиков, то она началась в конце XV в. и была связана с оживлением контактов Русского государства как с западными, так и с восточными странами. Переселение в Россию иностранных специалистов активизировалось в XVII столетии: в это время в России еще не было своих светских врачей и аптекарей, поэтому специалистов приглашали из-за границы. Сначала приезжали доктора и аптекари из Англии, Голландии, Италии, Польши, Швеции, затем из Германии. Интересно, что только немецкие специалисты задерживались в России на долгий срок: «Врачи немецкого происхождения в очень короткое время так прочно утвердились в России, что конкуренция с ними сделалась невозможной даже англичанам и голландцам, появившимся в России раньше их», — отмечал М. Лахтин [1906, 38]. Вероятно, в числе прочих причин это

объясняется тем, что немецким специалистам было легче попасть на русскую службу, поскольку еще с конца XVI в. руководство Аптекарским приказом было сосредоточено в руках бывших жителей германских княжеств — именно они определяли кадровый состав врачей и аптекарей и проводили аттестацию вновь приезжающих специалистов. Фактически немецкие доктора и аптекари стояли у основ организации медицинского дела в России. Приглашенные медики получали значительное жалование и имели привилегированное положение в обществе. Почти все они были высококлассными для своего времени специалистами, успешными врачами-практиками.

Количество иностранцев в России XVII в. постоянно увеличивалось не только среди медиков, но и среди других специалистов, обслуживающих медицину. Так, если в 1631 г. в Аптекарском приказе служили два доктора, пять лекарей, один аптекарь, один окулист, два толмача (переводчика) и один подьячий, то в 1681 г. в нем служили уже 80 человек: шесть докторов, четыре аптекаря, три алхимиста, десять лекарей-иноземцев, 21 русский лекарь, 38 учеников лекарского и костоправного дела [Сорокина, 2008, 51].

Некоторые иностранные специалисты получали в России не только постоянное место жительства, но и новые имена и даже фамилии после принятия ими православной веры — ср., например: «дохтур Александр Личифинус крестился в православную христианскую веру, во крещенье имя ему *Лев Богданов*»; «...бьет челом доктур Александр, а во крещенье *Лев...*».

В XVII в. официальная русская антропонимическая формула уже имела трехкомпонентную структуру «фамилия + имя + отчество», однако модель именования, включающая все эти три компонента, распространялась главным образом на высших государственных деятелей. Поэтому в документах ДАП трехкомпонентные антропонимы, именующие иностранных специалистов, единичны, ср.: *Андрей Матвеевич Энгельгарт, Лаврентий Алферович Блюментрост* — в других антропонимах отчество отсутствует.

Это, вероятно, связано также с тем, что в большинстве стран, активно контактировавших в XVII в. с Россией, для идентификации личности обычно использовался двухкомпонентный оним,

состоящий из имени и фамилии. Соответственно, эта двухкомпонентная структура отражалась и в русских документах ДАП, ср.: *Andreas Boudewyn* — Андрес Болдвин, *David Brun* — Давыд Брун, *Jacob Wulff* — Яков Вульф, *Johannes Albanus* — Иван Албанус, *Otto Eimers* — Отто Эймерс, *Petrus Fabritius* — Петр Фабрициус, *Philippe Briot* — Филипп Бриот, *Samuel Collins* — Самуил Коллинс, *Sigmund Sommer* — Сигизмунд Зоммер, *Valentinus Bilius* — Валентин Билс и т. п.

Реже — в качестве своеобразных «копий» некоторых иноязычных именованных — использовались трехкомпонентные онимы, имеющие структуру «имя + имя + фамилия»: *Adam Heinrich Pentz* — Адам Индрик Пенц, *Christian Hendrick Winther* — Христиан Генрих Винтер, *Erich Philip Ubstrom* — Эрих Филипп Убстром и т. п. Подобные трехкомпонентные антропонимы нередко упрощались в русских текстах до двухкомпонентных именованных, ср.: *лекарь полской породы Яган Фридрих Бурхарт* — наряду с *Фридрих Бурхарт*.

Некоторые иноязычные антропонимы имели трехкомпонентную структуру «имя + частица + фамилия». В этом случае при русской передаче частица нередко присоединялась к фамилии, ср.: *Daniel von Gaden* > Даниил фон Гаданов > Фунгаданов, *Johan von Termund* > Иоганн фон Термонт > Фонтермонт.

Изредка иностранные специалисты были носителями четырехкомпонентных антропонимов, состоящих из имени, фамилии и двух служебных слов, ср., например: *Arnoldus van der Hulst* (*Arnoldus* — имя, *van* — частица, *der* — артикль, *Hulst* — фамилия). В русской передаче служебные слова в подобных антропонимах чаще всего соединяются в одно целое с фамилией: *Arnoldus van der Hulst* > *Фандергулст*.

В подписях некоторых документов ДАП отдельные иноязычные имена собственные фиксируются на иностранных языках. В официальных медицинских документах (справки, рецепты) имена писались на латинском языке, а в других «бумагах» могли писаться на том языке, который был родным для обладателя имени, ср.: *Henricus Kellerman* / *Henricus von Kellerman*; *Jan Guttmens* / *Johann Guttensch* / *Johannes Gutmench* / *Jan Guttmenz*; *Stephan de*

Gadano / Stephan von Gaden; Victorinus Gregory / Victoring Gregory и т. п. В самих же текстах документов иностранные фамилии всегда передаются на русском языке.

В России XVII в. самым распространенным способом передачи иностранного имени собственного была транслитерация, однако, поскольку в то время русский язык был ненормированным, иноязычные антропонимы передавались вариативно. Ниже мы рассмотрим различные типы трансформации антропонимов, встречающиеся в документах ДАП.

Фонетико-графическое варьирование

1. Варьирование начальных гласных и согласных имени или фамилии: *Албанус / Олбанус, Бонсиус / Понциус, Вульф / Фульф, Снед / Шнед, Энгелгарт / Енгельгарт / Ингельгарт, Яганус / Еганус.*

2. Варьирование гласных и согласных в середине и конце слова: *Артман Граман / Артмон Грамон, Бонсиус / Понциус, Борзой / Борзой, Гуттир / Гутбир, Квилон / Квелон, Фандергулст / Фандергунст, Фридрих / Фридрих.*

3. Варьирование, обусловленное появлением эпентетических звуков: *Генрих / Гендрих, Годорсон / Гордорсон.*

4. Варьирование, обусловленное упрощением двойных согласных: *Беккер / Бекер, Виллим / Вилим.*

5. Вариантная передача согласных как мягких или твердых: *Артманько / Артманко, Ульф / Улф, Фаньдерьгулст / Фандергунст, Энгельгарт / Энгелгарт.*

Фонетико-морфологическое варьирование

1. Сокращение иностранного имени путем отсечения финали (*Крестьянус > Крестьян, Яганус > Яган*), начальной части (*Зеттигаст > Гаст, Родольф > Адольф, Севастьян > Бастьян, Фонтермонт > Термонт*) или стяжения, при котором звуки и слоги исходного имени сохраняются произвольно (*Ингельгарт > Ингегарт, Сигимонт > Симон*).

2. Трансформация имен в деминутивы. Среди деминутивов наиболее частотными являются имена с суффиксом *к-*: *Артман* > *Артманко*, *Елизарей* > *Елизарко*, *Ефим* > *Ефимко*, *Захарей* > *Захарко*, *Лев* > *Левка*, *Мартын* > *Мартынка*, *Томас* > *Томаско*, *Яган* > *Яганко* и др. По всей вероятности, подобные формы лишены коннотаций и возникают просто в силу действия традиционной русской модели. Реже используются аллонимы — варианты формы имен с явными коннотативными признаками. Эти варианты, как правило, образуются при помощи суффиксов *ушк-/юшк-*: *Артур* > *Ортюшко*, *Матвей* > *Матюшка*, *Петр* > *Петрушка*, *Яков* > *Якушка* и т. п. Наибольшую степень оценочности следует, видимо, усматривать в тех личных именах, основы которых усекаются и сопровождаются далее уменьшительными суффиксами *к-* (*Осип* > *Оска*, *Харитон* > *Харка*) и *ашк-/ошк-/ушк-* (*Лаврентий* > *Лаврашка*, *Лаврушка*; *Симон* > *Симошко*; *Соломон* > *Самошка*).

3. Варьирование гласных в финальной части имен на *-ий/-ей*: *Захарий* / *Захарей*, *Лаврентий* / *Лаврентей* и т. п. — первый вариант является книжным, второй разговорным; наиболее частотен книжный вариант.

Наряду с транслитерацией, иностранные имена нередко передавались с помощью перевода на русский язык. Этому способствовало то, что многие антропонимы, исторически усвоенные русским языком из других языков (прежде всего из латинского, греческого, иврита), в исследуемый период уже воспринимались как русские. Ср. примеры: *Henricus* > *Андрей*, *Johann* > *Иван*, *Joseph* > *Осип*, *Lauren* > *Лаврентей*, *Matthias* > *Матвей*, *Sigmund* > *Семен* и т. п.

Что касается фамилий, то они, как правило, существенно не изменялись, но при русском усвоении все же подвергались определенной адаптации. В результате в деловых текстах ДАП XVII в. сочетания имен и фамилий иностранных специалистов функционируют одновременно в нескольких вариантах, образуя фамильно-именные гнезда, ср.:

▪ **Andreas Engelhardt**: *Андрей Энгелгарт* / *Андрей Ингельгарт* / *Андрей Энгелгарт* / *Ондрей Ингелгарт* // *Андрей Матвеев сын* /

Андрюшка Енгельгарт / Андрюшка Ингелгарт / Ондрюшка Ингелгарт;

▪ **Arnoldus van der Hulst:** *Захарий Яковлев сын / Захарей Фандергулт / Захарей Фандергунст / Захарий Фаньдерьгулт / Захарко Фандергунст / Захарей Гулт;*

▪ **Lawrenti Blumentrost:** *Lavrentius Blumentrost / Laurentius Blumentrost / Лаврентий Блюментрост / Лаврентей Блюментрост / Лаврентей Олферьев / Лаврушка Блюментрост / Лаврентейко Блюментрост.*

Таким образом, в анализируемых документах ДАП XVII столетия представлен довольно широкий спектр фонетико-графических и морфологических вариантов имен иностранных переселенцев, что позволяет говорить о несформированности антропонимической системы, принимающей заимствования.

Лахтин М. Ю. Медицина и врачи в Московском государстве (в допетровской Руси). М., 1906.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 143.

Сорокина Т. С. История медицины. М., 2008.

* * *

Олехнович Ольга Георгиевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных
языков

Уральский государственный
медицинский университет
620142, Екатеринбург,

ул. Ключевская, 7а, ком. 310
E-mail: olgaolech@yandex.ru

Olekhnovich, Olga Georgievna

PhD, Associate Professor,
Department of Foreign Languages
Ural State Medical University
7a, Klyuchevskaya str., room 310,
620142, Ekaterinburg, Russia
E-mail: olgaolech@yandex.ru

Names of Foreign Specialists in the 17th Century Documents of Pharmaceutical Prikaz

The article considers the names of foreign specialists as attested in the 17th century documents of Pharmaceutical Prikaz, an administrative institution (ministry) regulating the work of secular doctors, physicians and apothecaries. Based on Prikaz's documents, the author analyses the structure of foreign anthroponyms and the main ways of their phonetic and morphological adaptation in the Russian language. The analysis shows that in the 17th century foreign anthroponyms used to undergo deep transformations leading to the significant variation of the phonetic form of names, the simplification of three- and four-element names, and the formation of diminutive forms following traditional Russian language patterns. The author argues that the wide range of phonetic and morphological variants of names proves that, in the studied period, the “recipient” anthroponymic system was far from being definitely formed.

Key words: historical anthroponymy, personal names, surnames, pre-Petrine Russia, Pharmaceutical Prikaz, foreign specialists.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

авест.	— авестийский язык
австр.	— австрийские говоры немецкого языка
алжирск.	— алжирский вариант французского языка
алт.	— алтайский язык
анж.	— анжуйский диалект французского языка
арм.	— армянский язык
афг.	— афганский язык
брет.	— бретонский диалект французского языка
бург.	— бургундский диалект французского языка
бурят.	— бурятский язык
в.-выч.	— верхневыхогодские говоры коми языка
в.-дем.	— верхнедемьянский говор иртышского диалекта хантыйского языка
в.-лозьв.	— верхнелозьвинский диалект мансийского языка
в.-польск.	— великопольский диалект польского языка
в.-сосьв.	— верхнесосьвинский диалект мансийского языка
в.-сыс.	— верхнесьсольские говоры коми языка
валл.	— валлонский диалект французского языка
вах.	— ваховский диалект хантыйского языка
вах.-васюг.	— вахо-васюганское наречие хантыйского языка
венг.	— венгерский язык
вепс.	— вепсский язык
вод.	— водский язык
вым.	— вымские говоры коми языка
геттинг.	— геттингенские говоры немецкого языка
др.-инд.	— древнеиндийский язык
др.-прус.	— древнепруссский язык
др.-тюрк.	— древнетюркский язык
ижем.	— ижемские говоры коми языка
ижор.	— ижорский язык
ирт.	— иртышский диалект хантыйского языка
йок.	— диалект Йоканьга саамского языка
казым.	— казымский диалект хантыйского языка
кайк.	— кайкавское наречие хорватского языка

-
- калин. — калининские (тверские) говоры русского языка
калм. — калмыцкий язык
карел. — карельский язык
карел. валд. — валдайский диалект карельского языка
карел. твер. — тверской диалект карельского языка
карел. тихв. — тихвинский диалект карельского языка
кет. — кетский язык
кильд. — кильдинский диалект саамского языка
кимр. — кимрский язык
колт. — диалект колтта саамского языка
коми-зыр. — коми-зырянский язык
конд. — кондинский диалект мансийского языка
курд. — курдские языки
лив. — ливский язык
ливв. — ливвиковское наречие карельского языка
лион. — лионский диалект французского языка
лит. (рус.) — русские говоры на территории Литвы
луз.-лет. — лузско-летские говоры коми языка
люд. — людиковское наречие карельского языка
люксемб. — люксембургские говоры немецкого языка
м.-польск. — малопольский диалект польского языка
м.-юг. — малоюганский говор сургутского диалекта хантыйского языка
манс. — мансийский язык
мар. — марийский язык
мар. горн. — горномарийское наречие марийского языка
мер. — мерянский язык
мокш. — мокшанское наречие мордовского языка
монг. — монгольский язык
н.-выч. — нижевычегодские говоры коми языка
н.-конд. — нижнекондинский диалект мансийского языка
н.-лозьв. — нижнелозьвинский диалект мансийского языка
нен. — ненецкий язык
низям. — низямский диалект хантыйского языка
норм. — нормандский диалект французского языка
обд. — обдорский диалект хантыйского языка
общеперм. — общепермский язык
олон. — олонечский язык
орлеан. — орлеанский диалект французского языка
осет. — осетинский язык
пелым. — пелымский диалект мансийского языка
перс. — персидский язык
печ. — печорские говоры коми языка

- печор. — русские говоры Низовой Печоры
пикард. — пикардский диалект французского языка
письм.-монг. — письменный монгольский язык
помор. — поморские (беломорские) диалекты русского языка
поруб. — порубский говор коми языка
прамар. — прамарийский язык
праприб.-фин.-саам. — праприбалтийско-финско-саамский язык
прасаам. — прасаамский язык
прианг. — приангарские говоры русского языка
приб.-фин. — прибалтийско-финские языки
прованс. — провансальский диалект окситанского языка
прус. — прусский язык
прус. (нем.) — прусские говоры немецкого языка
пуат. — пуатвинский диалект французского языка
пфальц. — пфальцские говоры немецкого языка
саам. — саамский язык
саам. акк. — диалект Аккала саамского языка
саам. им. — диалект Имандра саамского языка
саам. ин. — диалект Инари саамского языка
саам. кольск. — кольские диалекты саамского языка
саам. лул. — диалект Луле саамского языка
саам. норв. — норвежско-саамский язык
саам. нот. — ногозерский диалект саамского языка
саам. патс. — диалект Патсйоки саамского языка
саам. сонг. — сонгельский диалект саамского языка
саам. тер. — терский диалект саамского языка
саам. швед. — шведский диалект саамского языка
сакс. — саксонские говоры немецкого языка
сельк. — селькупский язык
силез. — силезские говоры немецкого языка; силезский диалект польского языка
скр. — присыктывкарские говоры коми языка
сосьв. — сосьвинский диалект мансийского языка
ср.-конд. — среднекондинский диалект мансийского языка
ср.-люзьв. — среднелозьвинский диалект мансийского языка
ср.-сыс. — среднесысольские говоры коми языка
ст.-перс. — староперсидский язык
страсб. — страбургские говоры немецкого языка
субстр. — субстратные языки европейского северо-запада России
сург. — сургутский диалект (наречие) хантыйского языка
тавд. — тавдинский диалект мансийского языка
тат. — татарский язык

тув.	—	тувинский язык
тюринг.	—	тюрингские говоры немецкого языка
тюрк.	—	тюркские языки
удм.	—	удмуртский язык
удэг.	—	удэгейский язык
ульч.	—	ульчский язык
урал.	—	уральский праязык
ф.-волж.	—	финно-волжский праязык
ф.-перм.	—	финно-пермский праязык
ф.-уг.	—	финно-угорский праязык
фин.	—	финский язык
фр.-пров.	—	франко-провансальский язык
хак.	—	хакасский язык
хант.	—	хантыйский язык
чеш. (польск.)	—	говоры польского языка на территории Чехии
шамп.	—	шампанский диалект французского языка
шваб.	—	швабские говоры немецкого языка
швейц.	—	швейцарские говоры немецкого языка
шерк.	—	шеркальский диалект хантыйского языка
штайерм.	—	штайермаркские говоры немецкого языка
эльзас.	—	эльзасские говоры немецкого языка
эрз.	—	эрзянское наречие мордовского языка
эст.	—	эстонский язык
юг.	—	юганский говор сургутского диалекта хантыйского языка
юконд.	—	юкондинский диалект мансийского языка

В названиях административно-территориальных единиц

Арх.	—	Архангельская обл. (губ.)
Баб.	—	Бабаевский р-н Вологодской обл.
Бабуш.	—	Бабушкинский р-н Вологодской обл.
Бел.	—	Белозерский р-н Вологодской обл.
Белом.	—	Беломорский р-н Респ. Карелия
Бох.	—	Бохеньский повят Малопольского воеводства Респ. Польша
Брейт.	—	Брейтовский р-н Ярославской обл.
В.-Важ.	—	Верховажский р-н Вологодской обл.
В.-Т.	—	Верхнегоемский р-н Архангельской обл.
В.-Уст.	—	Великоустюгский р-н Вологодской обл.
Валд.	—	Валдайский р-н Новгородской обл.
Ваш.	—	Вашкинский р-н Вологодской обл.
Вел.	—	Вельский р-н Архангельской обл.
Велик.	—	Великогубский р-н Респ. Карелия
Вель.	—	Вельский р-н Архангельской обл.

- Видл. — Видлицкий р-н Респ. Карелия
Вил. — Вилегодский р-н Архангельской обл.
Вин. — Виноградовский р-н Архангельской обл.
Влг. — Вологодская обл.
Влгд. — Вологодский р-н Вологодской обл.
Вож. — Вожегодский р-н Вологодской обл.
Вохом. — Вохомский р-н Костромской обл.
Выг. — Вытегорский р-н Вологодской обл., Вытегорский уезд
Олонецкой губ.
Галич. — Галичский р-н Костромской обл.
Горл. — Горлицкий повят Малопольского воеводства Респ. Польша
Горнозав. — Горнозаводский р-н Пермской обл.
Гряз. — Грязовецкий р-н Вологодской обл.
К.-Б. — Красноборский р-н Архангельской обл.
К.-Г. — Кичменгско-Городецкий р-н Вологодской обл.
Кад. — Кадуйский р-н Вологодской обл.
Кадый. — Кадыйский р-н Костромской обл.
Каляз. — Калязинский уезд Тверской губ.
Канд. — Кандалакшский р-н Мурманской обл.
Карг. — Каргопольский р-н Архангельской обл.; Каргопольский уезд
Олонецкой губ.
Каш. — Кашинский уезд Тверской губ.
Кем. — Кемский р-н Респ. Карелия; Кемский уезд Архангельской губ.
Кемир. — Кемирецкий р-н Респ. Карелия
Кест. — Кестеньгский р-н Респ. Карелия
Кир. — Кирилловский р-н Вологодской обл.
Киров. — Кировская обл.
Кол. — Кольский п-ов; Кольский уезд Архангельской губ.
Кольб. — Кольбушовский повят Подкарпатского воеводства Респ. Польша
Кологр. — Кологривский р-н Костромской обл.
Кон. — Коношский р-н Архангельской обл.
Конд. — Кондопожский р-н Респ. Карелия
Костр. — Костромская обл.
Котл. — Котласский р-н Архангельской обл.
Крестец. — Крестецкий уезд Новгородской губ.
Лен. — Ленский р-н Архангельской обл.
Ленингр. — Ленинградская обл.
Леш. — Лешуконский р-н Архангельской обл.
Лод. — Лодейнопольский р-н Ленинградской обл.
Лоух. — Лоухский р-н Респ. Карелия
Мак. — Макарьевский р-н Костромской обл.
Мант. — Мантуровский р-н Костромской обл.

- Медв. — Медвежьегорский р-н Респ. Карелия
Меж. — Межевской р-н Костромской обл.
Мез. — Мезенский р-н Архангельской обл.
М.-Реч. — Междуреченский р-н Вологодской обл.
Мурм. — Мурманская обл.
Мысл. — Мысленицкий повят Малопольского воеводства Респ. Польша
Нейск. — Нейский р-н Костромской обл.
Ник. — Никольский р-н Вологодской обл.
Новг. — Новгородская обл. (губ.)
Новотар. — Новотарский повят Малопольского воеводства Респ. Польша
Нюкс. — Нюксенский р-н Вологодской обл.
Нянд. — Няндомский р-н Архангельской обл.
Оборн. — Оборницкий повят Великопольского воеводства Респ. Польша
Окт. — Октябрьский р-н Костромской обл.
Олон. — Олонецкий р-н Респ. Карелия; Олонецкая губ.; Олонецкий уезд Архангельской губ.
Он. — Онежский р-н Архангельской обл.; Онежский уезд Архангельской губ.
Опар. — Опаринский р-н Кировской обл.
Опол. — Опольский повят Опольского воеводства Респ. Польша
Пав. — Павинский р-н Костромской обл.
Парф. — Парфеньевский р-н Костромской обл.
Перм. — Пермская обл.
Петр. — Петровский р-н Респ. Карелия; Петрозаводский уезд Олонецкой губ.
Пин. — Пинежский р-н Архангельской обл.
Плес. — Плесецкий р-н Архангельской обл.
Под. — Поддорский р-н Новгородской обл.
Подп. — Подпорожский р-н Ленинградской обл.
Пош. — Пошехонский р-н Ярославской обл.
Прибалт. — Прибалтийская губ.
Прим. — Приморский р-н Архангельской обл.
Прион. — Прионежский р-н Респ. Карелия
Пуд. — Пудожский р-н Респ. Карелия; Пудожский уезд Олонецкой губ.
Пыщ. — Пыщугский р-н Костромской обл.
Ребол. — Ребольский р-н Респ. Карелия
РК — Респ. Карелия
Ругоз. — Ругозерский р-н Респ. Карелия
Свят. — Святозерский р-н Респ. Карелия
С.-Гал. — Солигаличский р-н Костромской обл.
С.-Двин. — район г. Северодвинск
Севмор. — Североморский р-н Архангельской обл.

- Сегеж. — Сегежский р-н Респ. Карелия
Сегоз. — Сегозерский р-н Респ. Карелия
Сок. — Сокольский р-н Вологодской обл.
Сорок. — Сорокский р-н Респ. Карелия
Ст.-Гард. — Старогардский повят Поморского воеводства Респ. Польша
Стшел. — Стшелецкий повят Опольского воеводства Респ. Польша
Сямж. — Сямженский р-н Вологодской обл.
Сямоз. — Сямозерский р-н Респ. Карелия
Тарн. — Тарногский р-н Вологодской обл.
Тер. — Терский р-н Мурманской обл.
Тихв. — Тихвинский р-н Ленинградской обл.
Тот. — Тотемский р-н Вологодской обл.
Тунг. — Тунгудский р-н Респ. Карелия
Тчев. — Тчевский повят Поморского воеводства Респ. Польша
Углич. — Угличский р-н Ярославской обл.
У.-Куб. — Усть-Кубенский р-н Вологодской обл.
Уст. — Устьянский р-н Архангельской обл.
Устюж. — Устюженский р-н Вологодской обл.
Ухт. — Ухтинский р-н Респ. Карелия
Халт. — Халтуринский р-н Кировской обл.
Хар. — Харовский р-н Вологодской обл.
Холм. — Холмогорский р-н Архангельской обл.
Хшан. — Хшановский повят Малопольского воеводства Респ. Польша
Чаг. — Чагодошненский р-н Вологодской обл.
Череп. — Череповецкий р-н Вологодской обл.; Череповецкий уезд Новгородской губ.
Чухл. — Чухломский р-н Костромской обл.
Шал. — Шальский р-н Респ. Карелия
Шалин. — Шалинский р-н Свердловской обл.
Шар. — Шарьинский р-н Костромской обл.
Шексн. — Шекснинский р-н Вологодской обл.
Шенк. — Шенкурский р-н Архангельской обл.
Штум. — Штумский повят Поморского воеводства Респ. Польша
Шунг. — Шунгский р-н Респ. Карелия
Ярен. — Яренский уезд Вологодской губ.
Яросл. — Ярославская обл.

Научное издание

В СОЗВЕЗДИИ СЛОВ И ИМЕН

Сборник научных статей к юбилею
Марии Эдуардовны Рут

Редактор	О. Д. Сурикова
Корректор	А. А. Макарова
	Л. А. Феоктистова
Оригинал-макет	Л. А. Хухаревой
Дизайн обложки	В. В. Сермягиной

Подписано в печать 20.03.2017. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 33,03. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Тираж 150 экз. Заказ 93.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru
<http://print.urfu.ru>

